

И.М.Гвоздикова

**БАШКОРТОСТАН
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
Е.И.ПУГАЧЕВА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

И. М. Гвоздикова

.....

БАШКОРТОСТАН
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
Е. И. ПУГАЧЕВА

.....

УФА
«КИТАП»
1999

ББК 63.3(2)45
Г 25

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Р. В. Овчинников*

Рецензенты: **Х. Ф. УСМАНОВ**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.
А. З. АСФАНДИЯРОВ, кандидат исторических наук, профессор Башкирского государственного университета

ТП — 3

ISBN 5-295-01952-7

© Гвоздикова И. М., 1999

ВВЕДЕНИЕ

В своем первом манифесте от 3 июля 1762 г. новая императрица Екатерина II объявила незыблемость феодального землевладения и крепостного права, незыблемость общественно-политического устройства страны. В период ее царствования феодализм в России достиг высшей ступени своего развития. Все внутренние ресурсы его дальнейшего роста были исчерпаны, и крепостничество стало последним резервом феодализма. Законодательная и практическая деятельность абсолютистского государства направлялась на сохранение и укрепление феодально-крепостнической системы. Усилилась централизация управления в стране, расширялись дворянские привилегии, развитие крепостнических порядков шло и вглубь и вширь, в том ряду на колонизируемые земли Башкортостана.

Между тем манифесты и указы Екатерины II объявляли о значительных законоположениях, призванных упорядочить социально-экономические отношения между сословиями «во благо всех верноподданных, какого бы они звания ни были», нормализовать систему государственного управления. В 1767 г. императрица сама выступила с законодательной инициативой. Она опубликовала свой Наказ, которым должна была руководствоваться Комиссия по составлению нового свода законов — Уложения, созданная в том же году из выборных депутатов от разных сословий и высших учреждений. Впервые в истории России был поставлен вопрос о правовом государстве.

Поставить вопрос — далеко не значит решить его. Инициатива Екатерины II, как и работа Уложенной комиссии, не увенчалась успехом. Никакой основной закон, удовлетворявший интересы трудовых масс, не был выработан; никакие частные законы и последовавшие реформы и преобразования не преследовали цели сколько-то уравнять подданных перед законом, изменить природу государственного строя. Торжествовали старые порядки. Феодально-крепостническое государство, опираясь на всю полноту экономической, политической, военной власти, усиливало эксплуатацию трудового населения, уверенно удерживало его в повиновении.

В социально-экономической и социально-политической истории России наступил период заключительной фазы феодализма, характеризовавшийся сложнейшими и противоречивыми процессами.

Упорный, творческий труд тысяч крестьян и служилых людей обеспечивал развитие экономики страны. Медленно, тяжело, но наглядно эффективно шел рост сельскохозяйственного производства, особенно за счет освоения территорий, в том числе и в Башкортостане, складывались крупные промышленные районы, показательно соперничавшие с европейскими узлами. Так, в середине XVIII в. Южный Урал занимает ведущие позиции в черной и цветной металлургии страны. Общее поступательное движение производительных сил вело к развитию как внутреннего рынка, так и внешнеторговых связей. Но за теми же показателями кроются процессы и явления, говорящие о нарастании тормозящего влияния феодально-крепостнических порядков на развитие товарно-денежных отношений, формирующейся капиталистической экономики, на научный и технический прогресс, различные сферы духовной жизни. Налоговая политика Екатерины II, увеличение натуральных повинностей ложились тяжелым бременем на трудовое население, сковывали его хозяйственную инициативу. При всех подробностях социальной карты России, мозаичности и валерности картины исторического обихода классов, сословий, общественных групп страна, ее многонациональное население делилось на два противостоящих лагеря, интересы которых во многих жизненно важных сущностях были полярно противоположны и даже взаимоисключающи. И разрыв увеличивался, вражда нарастала. Манифесты Екатерины II были полны прекрасноречивых фраз о «всеобщем благоденствии» народа, которым она правит; она сама красноречиво заверяла «просвещенный мир» в том, что «нет в Европе народа, который бы более любил своего государя», чем российский¹. На деле в течение первых десяти лет правления Екатерины II не затухали волнения народных масс, а на одиннадцатый год в России грянула народная война против феодально-крепостнических порядков, против самой императрицы, война, по словам ее первого историографа А. С. Пушкина, поколебавшая всю Россию «от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов». Южный Урал, наш Башкортостан, стал колыбелью и одним из основных центров Крестьянской войны 1773—1775 гг.

В данном исследовании рассматривается картина хозяйственно-экономического и социально-политического развития Башкортостана накануне Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и сам ход этого грандиозного народного движения.

Несмотря на значительную историографию последней крестьянской войны в России, в науке до сих пор нет крупных обобщающих работ, целенаправленно рассматривающих историю Пугачевского движения на территории нашего края, где оно развернулось наиболее

сильно и последовательно. В круге внимания историков не оказались и проблемы социально-экономического развития Башкортостана рассматриваемого периода.

В соответствии с целями и задачами исследования монография структурно делится на два раздела.

В первом разделе работы освещаются вопросы, касающиеся численности и размещения населения, особенностей его национальной и социальной структуры, поступательных процессов и изменений в экономике края, хозяйственном и правовом положении различных категорий крестьянства, служилого населения, других сословий и сословных групп. Значительное внимание уделено выявлению общих правил и знаменательных различий в формах эксплуатации трудового населения со стороны феодально-крепостнического государства, помещиков и заводчиков. Заключает раздел глава, освещающая направление, характер и формы социального протеста трудового населения края накануне выступления Пугачева.

Второй раздел монографии посвящен событиям Крестьянской войны 1773—1775 гг. на территории Южного Урала. Исходя из утвердившихся в современной исторической науке воззрений на классовую борьбу трудового народа против социального и национального угнетения, как на важнейшее явление в развитии общества, в задачи данной работы входило изучение социально-политических мотивов массового стихийного выступления 1773—1775 гг., прямых требований и идейных представлений повстанцев. Важно было также, рассматривая в рядах восставших представителей различных социальных и национальных групп трудового населения, выяснить истоки их солидарности, общности интересов, единства действий, и одновременно — причины проявления национальной и иной розни. При изложении конкретных фактов Крестьянской войны ставилась задача пересмотреть некоторые устаревшие положения, одновременно — устоявшиеся в научной и популярной литературе, но не всегда и не во всем верные суждения о действиях вожаков и рядовых участников повстанческой борьбы.

Географические рамки исследования охватывают Оренбургскую губернию, границы которой на востоке доходили до р. Уй, притока р. Тобол, на западе, район Самары и Ставрополя, — до Волги, на севере — течения рек Исеть и Кама, на юге — низовья реки Яик и северного побережья Каспийского моря. Это огромное пространство приблизительно совпадает с определенной историками-медиевистами территорией исторической Башкирии, территорией, которая является этнической родиной башкирского народа. В то же время большая часть этого региона относится к зоне Южного Урала и прилегающим районам западного, южного и восточного Приуралья. Поэтому будет, на наш взгляд, верно использовать в работе понятия Башкирия (Башкортостан), Оренбургская губерния и Южный Урал как тождественные.

Данное исследование построено на использовании как опубликованных, так и неизданных документальных источников, на учете специальной литературы. Методологической основой его является принцип историзма, источниковедческий анализ документальных материалов, рассмотрение их в неразрывной связи с историей страны второй половины XVIII века.

По отдельным проблемам социально-экономического развития Башкортостана в третьей четверти XVIII в. и по истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. опубликовано значительное число исследований.

Первые труды появились в 1750—1770 годах, т. е. одновременно с изучаемыми событиями. Принадлежали они выдающемуся географу, экономисту и историку Оренбургского края члену-корреспонденту Петербургской Академии наук П. И. Рычкову, жизнь и научная деятельность которого с середины 1730-х гг. и до 1777 г. была связана с нашим краем². Тогда же издано большинство трудов руководителей отрядов Оренбургской экспедиции Петербургской Академии наук И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька, а также члена экспедиции Н. П. Рычкова, лично изучавших в 1768—1771 гг. историю и природные богатства края³.

В работах этих ученых освещается этнография народов края, экономика, приводятся сведения о численности населения по сословиям и национальностям.

Рычков, в частности, верно служил своему классу и последовательно отстаивал позиции феодального государства, но, тем не менее, ратуя за экономическое развитие Южного Урала, он с пониманием относился к интересам его жителей.

В путевых записках руководителей академической экспедиции впервые был описан подневольный труд работных людей и приписанных к заводам крестьян. В трудах членов экспедиции много внимания уделяется хозяйственным занятиям яицких казаков и башкир.

Часть сведений из работ П. И. Рычкова и членов академической экспедиции была использована Л. М. Максимовичем, автором обширного географического словаря, и М. Д. Чулковым, составившим словарь ярмарок и торгов в России⁴. Словари содержат описания городов, заводов, крупных торговых селений губернии.

В 1784 г. в Германии в ежегоднике А. Ф. Бюшинга «Сборник новой истории и географии» был опубликован научный труд о Крестьянской войне «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и о поднятом им восстании»⁵. Автор его не был назван. По предположениям ряда ученых, им был известный российский историк академик Г. Ф. Миллер, не осмелившийся назвать свое имя, т. к. Екатерина II запретила всякое упоминание о Пугачевском движении⁶. В работе дается картина восстания, рассказывается и о жестокостях повстанцев по отношению к дворянам, и о несомненном военно-органи-

зиторском таланте Пугачева, который смог «в течение столь долгого времени расстраивать все усилия русского командования».

Первая крупная монография о Пугачевском движении, открывшая собой русскую историографию этой темы, принадлежит перу А. С. Пушкина. В 1834 г. вышла в свет его книга «История Пугачева», переименованная тогда по требованию царя в «Историю Пугачевского бунта»⁷. Получив доступ к архивным документам, в течение почти 60 лет скрываемым от исследователей, и собрав мемуары, фольклорные материалы, литературу, А. С. Пушкин создал научное исследование, в котором показал размах Пугачевского движения, объединившего в совместной борьбе русских, башкир, татар и другие народы. Идейным пафосом «Истории Пугачева» была мысль о сквозном характере социальных противоречий общества, непрестанно потрясаемого взрывами народного гнева. Одновременно научное исследование А. С. Пушкина отразило противоречивость взглядов поэта-историка на народные восстания. Он оставался представителем своего времени, своего класса: его тревожила разрушительная стихия крестьянских возмущений, которые, по его мнению, не могли привести к разрешению социальных противоречий.

Фрагментарные описания отдельных событий истории Оренбургской губернии второй половины XVIII в. даны в изданиях, вышедших в первой половине XIX в.⁸ С оправданием политики правительства Екатерины II по использованию принудительного крепостного труда в мануфактурном производстве выступил видный статистик и историк К. И. Арсеньев. В 1823 г. вышло первое сочинение, специально посвященное истории яицкого казачества⁹. Автор последнего А. И. Левшин описал этапы формирования казачества, хозяйственные успехи, но резко осудил все проявления социального протеста казачков.

После отмены крепостного права появляются труды, отличающиеся более глубоким анализом политической и экономической истории края, широтой освещаемых вопросов. Среди них были работы обобщающего характера, посвященные положению отдельных категорий феодально-зависимого населения.

Особое место в российской дореволюционной историографии принадлежит трудам профессионального историка В. И. Семевского, народника по своим политическим взглядам. Его фундаментальный труд о крестьянах¹⁰, написанный на огромном документальном материале, отличался обстоятельным исследованием положения этого угнетенного класса. Автор пришел к выводу об антикрепостническом характере народных возмущений в деревне и на заводах.

Крупным явлением в науке был выход трехтомного исследования дворянского историка Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники»¹¹, в котором также был использован большой материал, впервые извлеченный из архивохранилищ страны. В книге значительное место от-

ведено предпосылкам народного движения, тяжелому положению башкир, казаков, приписных крестьян и рабочих людей южноуральских заводов. Автором осуждались беспомощность администрации края, низкий моральный уровень дворянства, беспощадная эксплуатация им крепостных крестьян. Оценка классовой борьбы феодально-зависимого населения дана с охранительных позиций.

Вопросы колонизаторской политики царизма в Башкортостане получили освещение в трудах Н. А. Фирсова, Н. М. Чернавского, В. Э. Дена¹². Работа Фирсова была первым серьезным исследованием о народах собственно Урала и Поволжья.

Значительным трудом по истории Южного Урала явилась монография В. Н. Витевского «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года»¹³, в которой самостоятельные разделы посвящены положению яицких и оренбургских казаков, башкир, калмыков, многонационального крестьянства, административно-территориальному устройству и управлению краем. Автор выступает как апологет политики феодально-крепостнического государства в крае.

Проблемы социально-экономической истории края нашли отражение в литературе, посвященной экономике Урала XVIII в. в целом, особенно горнозаводской промышленности¹⁴.

Во второй половине XIX — начале XX вв. появляются специальные исследовательские работы по истории казачества, башкирского народа, заводского населения. Яицкому (с 1775 — Уральскому) казачеству посвятили свои труды А. Рябинин, Н. Бородин, А. В. Карпов, А. И. Никольский¹⁵.

Изучая историю Уральского казачьего войска по документам войскового архива и опубликованным источникам, анализируя литературу о положении податного населения, А. Рябинин пришел к выводу о закономерности вооруженного выступления народных масс: «...пугачевский бунт не был явлением неожиданным или случайным, как нам хотели его всегда представить, но подготовлялся с лишком 70 лет». По мнению автора, вполне естественно, что народное движение под водительством Е. И. Пугачева опиралось «на казачьи населения, более других свободныя, а потому и более энергическия»¹⁶.

Наиболее значительные труды по истории Оренбургского казачьего войска были написаны Ф. М. Стариковым, опубликовавшим в 1881—1891 гг. пять книг и несколько статей, П. И. Авдеевым, А. И. Кривошековым¹⁷.

Авторами работ по истории казаков выступали главным образом офицеры казачьих войск. Написанные с огромной любовью к казачеству, эти работы идеализировали историю казачьих войск, их отношения с царскими властями, но содержали значительный материал о социально-экономической жизни казачества. Вопросы классовой борьбы в большей части этих трудов не ставились. Подчеркивая верность казаков «престолу и отечеству», Ф. М. Стариков, например,

утверждал, будто оренбургские казаки не участвовали в Пугачевском движении¹⁸.

В 1860—1890 гг. было издано более 400 статей историка-краеведа Р. Г. Игнатьева. Среди них очерки «Взгляд на историю Оренбургского края», освещавшие вопросы колонизации Башкирии в XVII—XVIII вв. и участия башкир и другого угнетенного населения края в Крестьянской войне 1773—1775 гг., «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор. Эпизод из истории Пугачевщины»¹⁹. В эти же годы выходят работы историков-краеведов Ф. Д. Нефедова, М. В. Лоссиевского, П. Л. Юдина²⁰, написанные с использованием документов архива Уфимского губернского правления и фольклорных материалов, собранных ими. В трудах этих исследователей рассказывается об участии башкир в Пугачевском движении и дается высокая оценка деятельности Салавата Юлаева. Но в них, как и во всей дореволюционной историографии, сохраняется негативное отношение к народным восстаниям.

Буржуазная историография классовой борьбы накануне Пугачевского движения и Крестьянской войны 1773—1775 гг. была обширной. Она с достаточной полнотой изложена в монографии известного историка В. В. Мавродина²¹.

Хотя многие историки второй половины XIX — начала XX вв. касались вопросов антифеодального движения трудящихся масс, должного освещения эта тема в литературе досоветского периода не получила. Дворянские и буржуазные историки пытались доказать, что историческая жизнь народов может проявляться только через государство, высшей формой которого была монархия. Борьба народных масс рассматривалась идеологами правящего класса как противозаконное выступление, разрушающее установленные порядки²².

Вопросы политической и хозяйственной жизни Башкирии во второй половине XVIII в. нашли более полное отражение в советской историографии.

В первом обобщающем труде по истории края «Очерках по истории Башкирской АССР»²³ разделы о социально-экономическом развитии Башкирии в третьей четверти XVIII в. и о ходе Крестьянской войны на ее территории были написаны Н. В. Устюговым и А. П. Николаенко. Четвертый том сборника документов «Материалы по истории Башкирской АССР» был снабжен обширным историческим предисловием составителя сборника Н. Ф. Демидовой «Башкирия в третьей четверти XVIII в.»²⁴.

Вслед за этими изданиями появляются работы Р. Г. Кузеева, Н. Ф. Демидовой, А. Н. Усманова, впервые глубоко изучивших важнейшие вопросы истории феодальной Башкирии²⁵.

В 1980 — начале 1990-х годов опубликовано несколько монографических исследований башкирских ученых И. Г. Акманова,

У. Х. Рахматуллина, Р. З. Янгузина, А. З. Асфандиярова, в которых освещаются проблемы развития хозяйства и заселения края²⁶.

Изучением колонизации Южного Урала занимались Н. В. Устюгов, А. А. Кондрашенков, Ю. М. Тарасов²⁷. Огромным вкладом в историческую демографию народов Южного Урала явились работы В. М. Кабузана²⁸.

О положении различных слоев населения, отраженном в их наказах в Уложенную комиссию 1767 г., издано несколько работ. Среди них выделяются книги С. Ф. Ташкина, М. Т. Белявского, М. Д. Курмачевой²⁹.

Вопросы социально-экономического положения казачества долгое время не были предметом изучения советских историков. В 1966 г. вышла монография И. Г. Рознера о Яицком казачьем войске накануне Пугачевского восстания, а в 1976 г. — книга М. Д. Машина, в которой целый раздел посвящен Оренбургскому казачьему войску в период его образования. Положение Ставропольского калмыцкого войска в середине XVIII в. рассматривается в монографии Т. И. Беликова³⁰.

История южноуральской металлургии и заводского населения получила освещение в трудах 1930—1960 гг., принадлежащих перу видных историков и экономистов страны Б. Б. Кафенгауза, С. Г. Струмилина, П. Г. Любомирова, Д. А. Кашинцева, М. Н. Мартынова, Н. И. Павленко, А. Н. Панкратовой и др.³¹. Эта тема получила свое продолжение в работах уральских и башкирских ученых В. Я. Кривоногова, П. А. Вагиной, А. С. Черкасовой, А. В. Черноухова, Н. М. Кулбахтина, краеведов Г. Ф. Гудкова и З. И. Гудковой³² и др. В них же рассматривается классовая борьба заводского населения. Специально последней теме посвятил свое исследование А. С. Орлов³³.

Проблемы истории крестьянства в крае не нашли столь исчерпывающего изучения. Кроме названных выше работ башкирских историков, необходимо выделить монографию Н. Л. Рубинштейна, коллективный труд уральских ученых «История Урала» и фундаментальное исследование москвичей по истории крестьянства России периода позднего феодализма. Все они содержат много материала по Южному Уралу³⁴.

Торговле, развитию товарно-денежных отношений в крае, положению городского населения посвящено мало работ³⁵. Тема еще недостаточно изучена.

Наряду с рассмотрением проблем экономической истории, истории народов Южного Урала внимание историков было обращено на изучение классовой борьбы трудовых масс.

Отдельная глава монографии В. В. Мавродина «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева» посвящена советской историографии 1920—1960-х годов³⁶. С анализом литерату-

ры, опубликованной в 1970—1980-е гг., выступили Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, П. Г. Рындзюнский, М. А. Рахматуллин³⁷. Авторы подчеркивали, что советские историки, в отличие от дворянских и буржуазных историков, уделявших основное внимание действиям властей по подавлению народного движения, поставили на первое место вопросы социальной направленности выступлений, политику повстанческих центров, карту боевых действий Главного войска Е. И. Пугачева и отдельных отрядов. К заслугам советской историографии было отнесено изучение документов повстанческих властей и учреждений.

Среди работ по истории Крестьянской войны необходимо назвать фундаментальное исследование, подготовленное коллективом ленинградских ученых под руководством В. В. Мавродина «Крестьянская война 1773—1775 годов в России. Восстание Пугачева»³⁸.

Особо следует выделить работы одного из самых крупных исследователей Пугачевского движения Р. В. Овчинникова. Ему принадлежит несколько десятков научных трудов, написанных с привлечением огромного количества архивных материалов. В 1980 г. вышла в свет его монография «Манифесты и указы Е. И. Пугачева», в которой впервые были исследованы 46 сохранившихся и реконструированы 119 рескриптов предводителя народного движения. Это позволило автору проследить эволюцию социальной политики ставки Пугачева³⁹. Последняя монография Р. В. Овчинникова посвящена исследованию материалов следствия и суда по делу Е. И. Пугачева и его соратников⁴⁰.

Участие в Крестьянской войне отдельных народов и социальных слоев, составлявших движущие силы восстания, нашло отражение в нескольких монографиях, диссертациях, многочисленных статьях и обзорах. Не обошел этого вопроса своим вниманием и известный историк Ахметзаки Валиди Туган⁴¹.

Советская историография достигла значительных успехов в изучении крестьянских войн в России и особенно последней. Охвачен широкий круг вопросов теоретического, конкретно-исторического и источниковедческого плана, опубликовано много документов. Однако нерешенных и спорных вопросов остается еще немало.

В течение семи десятилетий на страницах журналов и монографий, то затухая, то вновь разгораясь, ведется полемика о характере и содержании классовой борьбы в феодальной России. В 1960-х годах прошла всесоюзная дискуссия по теоретическим проблемам эпохи перехода от феодализма к капитализму и вышла в свет коллективная монография, специально посвященная проблемам изучения народных движений⁴². В 1970—1980-е годы было опубликовано несколько трудов, в которых ставились вопросы классовой направленности крестьянских войн позднефеодальной эпохи⁴³.

В работах Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина, И. И. Смирнова, А. А. Преображенского, В. И. Буганова и др. крестьянские войны рассматриваются как высшая форма антифеодальных вооруженных выступлений трудовых масс, каждое из которых было этапом в социальном развитии страны. По наблюдениям этих ученых, крестьянские войны угрожали основам феодального порядка — крупному землевладению и привилегированному классу — дворянству⁴⁴. Одновременно исследователи отмечают, что, хотя «программа» Пугачевского движения по своей объективной сути вступала в непримиримое противоречие с феодально-крепостнической системой, задача ликвидации феодализма была нереальна: страна еще не располагала соответствующими социально-экономическими условиями, в обществе еще не сложились исторические предпосылки для свержения феодально-крепостнического строя. Тем не менее, по выводам Л. В. Черепнина, подводящего итоги теоретической разработки темы крестьянских войн в современной историографии, в перспективе Крестьянская война под предводительством Пугачева, ускоряя исторический процесс, вела к гибели феодальной формации⁴⁵.

В трудах Л. В. Милова, М. Т. Белявского, П. Г. Рындзюнского и других историков обосновывается тезис о том, что объективное содержание крестьянских войн, в том числе и Пугачевского движения, не выходило еще за пределы феодальной формации⁴⁶. Важнейшим объективным итогом классовой борьбы феодального крестьянства было, по мнению Л. В. Милова, «поступательное развитие крестьянского хозяйства, в наиболее широком его значении, и обеспечение исторически приемлемых условий его воспроизводства»⁴⁷.

Разночтения вызвали также вопросы идеологии, «программы» повстанцев, дискуссия по которым до сих пор не завершена. Бесспорным, поддержанным большинством историков определением является определение крестьянской войны как наиболее острой формы выступлений феодального крестьянства. По словам Л. В. Милова, крестьянские войны — «постоянный импульс в активизации энергии классового сопротивления народных масс. Они являлись тем маяком, который давал нередко целым поколениям крестьян заветную надежду на свободу и силы для сопротивления»⁴⁸.

Проблемы изучения крестьянских войн продолжают привлекать внимание историков и сегодня. В своих «Полемических заметках о крестьянских войнах в России» В. М. Соловьев утверждает, что выступления народных масс нельзя ограничивать сугубо классовыми рамками, поскольку они были вызваны не только классовым антагонизмом, но и различными социальными, имущественными, национальными, религиозными и другими противоречиями и конфликтами. Автор считает необходимым дать оценку роли и месту крестьянских войн в истории России «сквозь призму ... нового политического мышления». В то же время он признает, что, «имея в виду XVII—

XVIII вв., вряд ли исторично ставить под сомнение само право крестьян на силовой протест, когда другие (мирные) возможности изменить свою участь к лучшему (побеги, подача челобитных, массовый уход в раскольничьи скиты и т. п.) себя исчерпали»⁴⁹. Одобряя нетрадиционные подходы к изучению крестьянских войн, Соловьев призывает исследователей отказаться «от унитарного мышления, от наивной веры в то, что возможна выработка какой-то единой трактовки крестьянских войн, которая, утвердившись в научной литературе, проводилась бы как единственно верная»⁵⁰.

С предостережением исследователей выступил также А. С. Орлов. Он советует: «избавляясь от схематизма и классово-упрощенных оценок», не впадать «в новую крайность в угоду сегодняшним политическим страстям»⁵¹.

В центре внимания авторов большинства работ, посвященных истории Крестьянской войны, находятся этапы народного движения, его идейное содержание, формы борьбы и другие важные вопросы, характеризующие выступление трудящихся масс. И лишь вскользь говорится о глубинных причинах Крестьянской войны. Поэтому справедливо замечание, высказанное на XVI сессии аграрного симпозиума, о том, что «вопросы классовой борьбы нельзя изучать как совокупность самих проявлений этой борьбы, в отрыве от анализа ее социально-экономических предпосылок»⁵². Перед историками продолжают стоять задачи по изучению социально-экономического развития страны в целом и Южного Урала в частности накануне Пугачевского восстания. Следует обратить внимание, например, на степень зависимости народных масс от господствующего класса и феодального государства, разнообразие форм и местные особенности эксплуатации, влияние социального положения различных категорий трудящихся на формы классовой борьбы и др. Недостаточно изучены знаменательные сдвиги и изменения в составе движущих сил восстания по ходу Крестьянской войны, соотношение созидательного и разрушительного начал в восстании, особенность народного движения в разных регионах и др.

Разработка проблем, поставленных в данной работе, ведется на основе данных, извлеченных из опубликованных источников и документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО), Научном архиве Уфимского научного центра РАН, рукописных отделах Российской государственной библиотеки (РГБ) и Российской национальной библиотеки (РНБ).

Сведения по управлению Оренбургской губернией, о повинностях населения, строительстве заводов и др. содержатся в основных законодательных актах — именных и сенатских указах⁵³. Протокольные

записи заседаний Уложенной комиссии 1767 г., включающие высказывания депутатов от различных слоев населения губернии, опубликованы в нескольких томах «Сборника Русского исторического общества»⁵⁴. Наказы яицких казаков и несколько других документов по управлению войском были напечатаны в 1866 г. А. Рябининым⁵⁵.

В многотомное издание «Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», предпринятое Оренбургской ученой архивной комиссией, вошли сведения об экономическом положении и воинской службе казаков в 1750—1770-х годах⁵⁶. Большинство документов представлено в изложении составителей с приведением обширных цитат.

Самой крупной публикацией документов по экономике, социальным отношениям в Башкирии и управлению краем в третьей четверти XVIII в. является сборник документов, подготовленный Н. Ф. Демидовой⁵⁷.

Несравненно больше в XIX — начале XX вв. опубликовано документов по истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. Самыми крупными из них были публикации Я. К. Грота, содержавшие переписку Екатерины II с командующими карательными войсками⁵⁸. В «Сборнике РИО» и исторических журналах помещены указы Екатерины II и донесения военачальников⁵⁹.

Советскими историками была начата публикация документов, вышедших из лагеря повстанцев⁶⁰. М. Н. Покровский писал, что введение в научный оборот этих источников позволило покончить «с дворянской легендой о бессмысленном бунте ... и с дворянским же изображением крепостного крестьянина, как не то святого юродивого, не то бессловесной скотины. Страхнув барина, этот крестьянин сразу приобретал способность и говорить, и действовать по-человечески...»⁶¹. В 1970—1980-е годы издано несколько сборников документов по истории Пугачевского движения⁶².

Мемуарная литература, использованная в данной работе, включает летопись П. И. Рычкова «Осада Оренбурга», записки оренбургских священников И. Осипова и И. С. Полянского⁶³, а также воспоминания генерала Ф. Ю. Фреймана, вышедшие на немецком языке в 1794 г. в рижском журнале «Новая северная всякая всячина» под названием «Господина Фердинанда фон Фреймана, российского императорского генерал-лейтенанта и рыцаря, правдивое изображение его экспедиции против (тогдашних) яицких казаков, как потом и против бунтовщика Пугачева»⁶⁴.

Огромный комплекс источников, хранящихся в различных архивах страны, остается неопубликованным. Богатейший материал по теме нашего исследования содержат фонды РГАДА. Здесь были изучены документы из фондов центральных и местных учреждений России: Сената (ф. 248, оп. 113), Берг-коллегии (ф. 271). Комиссии по составлению нового Уложения (ф. 342), XVI разряд бывшего Госар-

хива Российской империи — Внутреннее управление (ф. 16), канцелярии оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа (ф. 1100), Уфимской, Исетской и Пермской провинциальных канцелярий (ф. 452, 459, 439) и др., содержавшие сведения об управлении Оренбургской губернией, экономике, положении различных слоев трудящегося населения, формах его социального протеста.

Основные источники, помогающие раскрытию истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. на Южном Урале, хранятся в коллекции VI разряда Госархива Российской империи — «Уголовные дела по государственным преступлениям» (ф. 6). Сюда входят материалы Кабинета Екатерины II, Тайной экспедиции Сената, Казанской секретной следственной комиссии, делопроизводство других учреждений. В составе этой коллекции документы военно-походной канцелярии генерала И. А. Деколонга, донесения оренбургского и казанского губернаторов, содержащие сведения о развертывании повстанческого движения на Южном Урале и в Приуралье.

Существенным дополнением к этой коллекции служат документы военно-походной канцелярии командующего карательными войсками генерала П. И. Панина, входящие в личный фонд Паниных-Блудовых (ф. 1274).

В объединенный фонд «Московская контора тайных розыскных дел и Тайная экспедиция Сената» (ф. 349) включены и документы Яицкой, Казанской, Оренбургской секретных следственных комиссий. В материалах фонда — допросы участников Крестьянской войны, определения о их наказаниях, списки и ведомости осужденных. Использовано также собрание документов и мемуаров о Пугачевском движении, так называемые «пугачевские портфели» Г. Ф. Миллера, хранящиеся в архивной коллекции ученого (ф. 199).

Второе основное хранилище, где собраны документы, помогающие исследованию темы, — Российский государственный военно-исторический архив. В фонде «Секретная экспедиция Военной коллегии» (ф. 20) собраны донесения всех командующих правительственными войсками, брошенными на подавление народного восстания, оренбургского, сибирского и казанского губернаторов, рапорты других военных и гражданских чиновников о повстанческом движении. Среди документов, собранных в коллекции Военно-ученого архива (ф. ВУА), — переписка Екатерины II с командующими отправленных в Башкирию войск А. И. Бибиковым, Ф. Ф. Щербатовым. Здесь же хранятся карты и планы Оренбургской губернии 1752—1775 гг. и обзорная карта боевых действий корпуса генерал-майора П. М. Голицына на территории Башкирии в 1774 году. Отдельные документы по теме исследования привлечены из фондов: «Канцелярия президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова» (ф. 41), «Казачья экспедиция Военной коллегии» (ф. 13), «Канцелярия шефа иррегулярных войск генерал-аншефа Г. А. Потемкина» (ф. 52).

Дополнением к материалам названных архивов служат хранящиеся в РГИА документы канцелярии генерал-прокурора Сената (ф. 468). В работе использованы рапорты провинциальных прокуроров, журнал командира карательных войск Екатеринбургского ведомства В. Ф. Бибикова и др.

Изучению разных вопросов управления, социально-хозяйственной жизни края, повинностей податного и служилого населения, положения старшинской верхушки, имущественного расслоения деревни в значительной степени помогают документы Государственного архива Оренбургской области, сосредоточенные в фондах Оренбургской губернской канцелярии (ф. 3) и Оренбургской духовной консистории (ф. 173).

В ЦГИА Республики Башкортостан документов рассматриваемого периода немного. В фондах «Оренбургское губернское правление» (ф. 1), «Уфимское наместническое правление» (ф. 384), «Оренбургская казенная палата» (ф. 138) сохранились документы, рассказывающие об участии населения в выборах депутатов и составлении наказов в Уложенную комиссию 1767 г., воинской службе башкир и мишарей.

Отдельные документы, освещающие повстанческое движение на Южном Урале, были выявлены в Архиве С.-Петербургского филиала института российской истории РАН в фондах историка А. И. Дмитриева-Мамонова (ф. 51), Русского исторического общества (ф. 113), журнала «Русская старина» (кол. 186). Использованы также документы, хранящиеся в рукописном отделе РГБ в материалах собрания П. И. Панина (ф. 222), и в отделе рукописей РНБ в фондах издателей В. А. Бильбасова и А. А. Краевского (ф. 73) и «Бумаги Г. Р. Державина» (ф. IV). В научном архиве УНЦ РАН в коллекции, собранной уфимским городским головой Д. С. Волковым (ф. 23), имеются разрозненные сведения по истории Пугачевского восстания.

Все привлеченные по теме источники нуждались в предварительной проверке достоверности содержащихся в них сведений, критическом сопоставлении данных, извлекаемых из документов различного происхождения, и проведении других исследовательских операций.

Автор выражает большую благодарность за помощь в работе и добрые советы своему учителю доктору исторических наук Р. В. Овчинникову, сотрудникам отдела истории Башкортостана Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и рецензентам монографии.

¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1860. Т. 1. С. 283; Оснадцатый век. М., 1869. Т. VI. С. 301, 318, 328.

² Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1759. (последнее издание под названием «История Оренбургская (1730—1750)» вышло в Оренбурге в 1896 г.); *Он же*. Топография Оренбургская, т. е. обстоя-

тельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1 и 2. (последнее издание под названием «Топография Оренбургской губернии» вышло в Оренбурге в 1887 г.); *Он же*. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества (ВЭО). СПб., 1767. Ч. 7; *Он же*. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии// Там же; *Он же*. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии//Там же. СПб., 1766. Ч. 4; *Он же*. Описание илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания//Там же. СПб., 1772. Ч. 20; *Он же*. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии//Там же. СПб., 1767. Ч. 6. и др. Всего в 1766—1773 гг. в «Трудах ВЭО» опубликовано более 30 статей П. И. Рычкова.

³ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1772. Ч. 1. (второе издание — СПб., 1795); *Он же*. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. Ч. 2 (второе издание — СПб., 1802); *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1; *Он же*. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1 и 2; СПб., 1788. Ч. 3, пол. 2; *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 1—4; *Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770; *Он же*. Дневные записки путешествия в киргис-кайсацкой степе, 1771 году. СПб., 1772; труды И. П. Фалька вышли в 80-х гг. XVIII в. на немецком языке, а на русском языке в Полном собрании ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.

⁴ *Максимович Л. М.* Новый полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1788 — 1789. Ч. 1—VI; *Чулков М. Д.* Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов//Максимович Л. М. Указ. соч. Ч. IV. С. 1—СXXXVI.

⁵ *Zuverlässige nachrichten von dem Aüführer Jemelian Pugatschew und der von demselben angestifteten Empörung.*//Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1784. № 18. S. 5—50.

⁶ *Блок Г.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; *Гофман П.* О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга//Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978; *Гвоздикова И. М.* К изучению источниковой базы «Истории Пугачева» А. С. Пушкина//К 150-летию оренбургской поездки А. С. Пушкина. Тезисы докл. 27 Всесоюзной Пушкинской конференции. Оренбург, 1983; *Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера//История СССР. 1985. № 4.

⁷ *Пушкин А. С.* История Пугачевского бунта. СПб., 1834 (далее цит. по Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17 т. М.; Л., 1938. Т. 9, ч. 1).

⁸ *Жуковский И.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края. СПб., 1832; *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837; *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Ч. 1; СПб., 1819. Ч. 2.

⁹ *Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казачков. СПб., 1823.

¹⁰ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1; СПб., 1901. Т. II.

¹¹ *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. I—III.

¹² *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель. Казань, 1869; *Чернавский Н. М.* Оренбургская епархия в ее прошлом и настоящем. Оренбург, 1900; *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 2, ч. 2.

¹³ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1889. Т. 1, 2; Казань, 1897. Т. 3.

¹⁴ Анализ этой литературы см.: *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 4—29; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. М., 1957; *Черкасова А. С.* Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. Москва, 1985. С. 17—38.

¹⁵ *Рябинин А.* Уральское казачье войско // *Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального Штаба.* СПб., 1866. Ч. 1; *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. Т. 1; *Никольский А. И.* Военская повинность казацких войск. Исторический очерк // *Столетие Военного министерства. 1802—1902.* СПб., 1907. Т. XI, ч. 1. С. 226—320; *Карпов А. В.* Уральцы. Исторический очерк (1550—1725). Уральск, 1911; см. историографическую справку в книге *И. Г. Рознера «Яик перед бурей».* М., 1966. С. 195—201.

¹⁶ *Рябинин А.* Указ. соч. С. 46.

¹⁷ *Стариков Ф. М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; *Он же.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891; *Он же.* Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1881 и др.; *Авдеев П. И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904; *Кривошеиков А. И.* Исторические судьбы Оренбургского края. Краткий очерк заселения и развития края. Уфа, 1913; см. также историографический обзор в кн.: *Машин М. Д.* Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1978. С. 10—19.

¹⁸ *Стариков Ф. М.* Откуда взялись казаки. Оренбург, 1884. Изд. 2-е. С. 258.

¹⁹ Оренбургские губернские ведомости. 1881. № 29—48; 1882. № 1—7; 1883. № 3—6, 14, 16, 18, 19, 27, 29, 30, 46, 47; Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1894. Т. 11, вып. 2. С. 147—166; вып. 3. С. 227—240; вып. 6. С. 528—534. Оценку деятельности местных исследователей Оренбургского края см.: *Зобов Ю. С.* Историки Южного Урала. Вторая половина XIX — начало XX в. Учебное пособие. Оренбург, 1991.

²⁰ *Нефедов Ф. Д.* Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр // *Русское богатство.* 1880, октябрь; *Лоссиевский М. В.* Пугачевский бригадир Салават и Фариза // *Волжско-Камское слово.* Казань, 1882. № 221; *Юдин П. Л.* Суд и казнь Салаватки (К истории Пугачевского бунта) // *Исторический вестник.* СПб., 1898. Т. 73.

²¹ *Мавердин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 51—128.

²² История СССР. Первая серия. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Москва, 1967. Т. 3. С. 13.

²³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1, ч. 1. С. 204—253.

²⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV, ч. 1. С. 3—21.

²⁵ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957; Он же. Развитие хозяйства башкир X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3; Демидова Н. Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI—XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1962; Усманов А. Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

²⁶ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII в. Учебное пособие. Уфа, 1981; Он же. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991; Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988; Янгужин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989; Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX вв. Уфа, 1989.

²⁷ Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин. 1959; Кондращенко А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962; Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984.

²⁸ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971; Он же. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.

²⁹ Ташкин С. Ф. Иностранцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Оренбург, 1921; Беляевский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965; Курмачева М. Д. Города Урала и Поволжья в Крестьянской войне 1773—1775 гг. М., 1991.

³⁰ Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966; Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976; Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775). Элиста, 1971.

³¹ Подробно об этом см. в историографических обзорах: Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. М., 1979. С. 19—40; Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 38—51; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 39—49.

³² Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959; Вагина П. А. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1954. Т. 47. С. 308—326; Она же. К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39; Черкасова А. С. Указ. соч.; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1; Черноухов А. В. История медеплавильной промышленности России XVII—XIX вв.

Свердловск, 1988; *Кулбахтин Н. М.* Формирование горнозаводской промышленности Башкирии в XVIII веке. Уфа, 1989.

³³ *Орлов А. С.* Указ. соч.

³⁴ *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. Историко-экономический очерк. М., 1957; История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 181—184, 278—285, 300—311; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в.—1861 г.).

³⁵ *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981; *Михалева Г. А.* Сеитовский посад Оренбурга и его роль в развитии русско-среднеазиатской торговли // *Общественные науки в Узбекистане.* 1980. № 12; *Зияев Х. З.* Роль Оренбурга в развитии русско-среднеазиатских отношений в XVIII в. // Там же. 1985. № 11; *Курмачева М. Д.* Указ. соч.; История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981; Оренбург. Челябинск, 1993.

³⁶ *Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 129—181.

³⁷ *Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А.* Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71—88; *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 5—25; *Буганов В. И.* Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. С. 3—17; *Индова Е. И., Преображенский А. А.* Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 210—222.

³⁸ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2; Л., 1970. Т. 3.

³⁹ *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М., 1980.

⁴⁰ *Он же.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995.

⁴¹ *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962; *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах), Алма-Ата, 1968; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; *Беликов Т. И.* Указ. соч.; *Алишев С. Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973; Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков... М., 1974; *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974; Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. Сб. статей; *Гвоздиков И. М.* Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982; *Кулбахтин Н. М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Учебное пособие. Уфа, 1984; *Курмачева М. Д.* Указ. соч.; *Коити Тоёкава.* Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773—1775 гг. М., 1996; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996; *Ахметзаки Валиди Туган.* История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994. (на башк. яз.). См. также библио-

графический указатель в кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков... С. 432—444.

⁴² Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966; Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969.

⁴³ Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. // История СССР. 1972. № 2; Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 5—25; Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Там же. С. 35—52; Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. Кишинев, 1977; Белявский М. Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России // Вестник Московского университета. Серия VIII. История. 1978. № 3. С. 34—46; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Буганов В. И. Крестьянские движения в феодальной России: Докл. на XV междунар. конгр. ист. наук. Бухарест, 11—12 авг. 1980 г.—М., 1980. С. 1—36; Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII—XVIII вв. // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 34—52; Рындзюнский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений 1770—1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 4—16.

⁴⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 5, 7, 8; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 36—37; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 283; Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Указ. соч. С. 310—312 и др.

⁴⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 18—20.

⁴⁶ Милов Л. В. Указ. соч. С. 35; Белявский М. Т. Указ. соч. С. 45; Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 16.

⁴⁷ Милов Л. В. Указ. соч. С. 50.

⁴⁸ Там же. С. 52.

⁴⁹ Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 133.

⁵⁰ Там же. С. 143.

⁵¹ Орлов А. С. Рецензия на книги: А. Б. Каменский. «Под сенью Екатерины...»; О. А. Омельченко. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 184.

⁵² Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии (Материалы XVI сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Кишинев, 1977. С. 84.

⁵³ ПСЗ 1. СПб., 1830. Т. XIII—XVIII.

⁵⁴ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 8; СПб., 1894. Т. 93; СПб., 1900. Т. 107; СПб., 1903. Т. 115.

⁵⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Уральское казацкое войско. СПб., 1866. Ч. 2. Приложения.

⁵⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903—1907. Вып. I—VIII.

⁵⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV, ч. 1 и 2.

⁵⁸ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова//Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. 1; *Он же*. Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным//Там же. 1863. Т. III. (далее — Грот Я. К. Труды. СПб., 1901. Т. IV).

⁵⁹ Бумаги императрицы Екатерины II// Сборник РИО. СПб., 1874. Т. 13; Бумаги графа Панина о Пугачевском бунте//Там же. 1871. Т. 6; П. С. Потемкин во время Пугачевщины//Русская старина, 1870. Т. 2; Екатерина II и Пугачевщина//Там же. 1875. Т. 5. и др.

⁶⁰ Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. 1. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка); М.; Л., 1929. Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки; М.; Л., 1931. Т. 3. Из архива Пугачева.

⁶¹ Пугачевщина. Т. 1. С. 13.

⁶² Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974; Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975; Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988.

⁶³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л. 1938. Т. 9. кн. 1. С. 206—355; Там же. 1940. Кн. 2. С. 551—598.

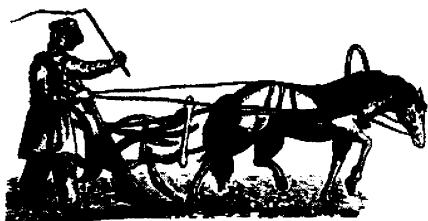
⁶⁴ Herrn Ferdinand von Freymanns Russ. Kaiserl. General-Lieutenants und Ritters getreue Darstellung seiner Expedition wider die (damaligen) jaitschen Kosaken, wie auch hernach wider den Rebellen Pugatschew; zur Berichtigung und Widerlegung einer im Büschingschen Magazin davon vorkommepden theils falschen Nachrichten//Neue Nordische Miscellaneen. Siebentes und Aches Stuck. Von August Wilhelm Hupel. Riga, bay Johann Fridrich Hartknoch. 1794. S. 355—410.

1.

.....

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ
В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

.....

Глава I. Население и хозяйство в третьей четверти XVIII в.

§ 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КРАЯ. НАСЕЛЕНИЕ

Территория. Учрежденная в 1744 г. Оренбургская губерния охватывала огромную территорию, включавшую южную часть Уральской горной системы, западную и восточную часть Южного Приуралья, бассейн р. Яика до Каспийского моря. Ее окружность составляла приблизительно 5500 верст¹.

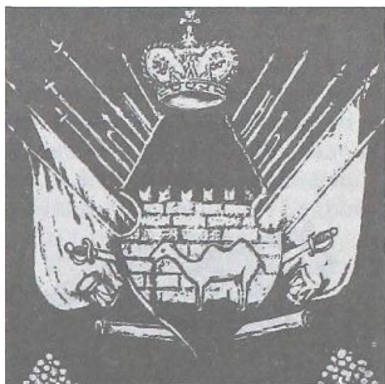
На востоке и северо-востоке край граничил с Сибирской губернией, на северо-западе и западе — Казанской, на юге — Астраханской. Юго-восточная часть губернии была пограничной с землями Малого и Среднего казахских жузов.

В административно-территориальном отношении губерния делилась на Уфимскую и Исетскую провинции, Оренбургский и Ставропольский уезды. Следует отметить, что в некоторых документах второй половины XVIII в. Уфимская провинция, учрежденная еще в 1715 г., по старой памяти, восходящей к концу XVI—XVII вв., называется уездом, а Оренбургский и Ставропольский уезды, наоборот, ошибочно называются провинциями. Правда, Ставропольская провинция была на самом деле учреждена указом Сената от 25 октября 1764 г., но через пять лет упразднена «по особому докладу Сената»².

Уфимская провинция была центром Башкирии, Исетская — ее зауральской частью. По определению выдающегося историка и географа Оренбургского края П. И. Рычкова, башкирский народ «жительствами и расположением своим занимает самую лучшую и величайшую часть губернии и составляет наибольшее в ней людно»³.

*Герб г. Оренбурга на плане
1755 г.*

*Герб Исетской провинции на плане
1755 г.*

Самой значительной по размерам была территория Уфимской провинции. Выступая на Большом собрании Уложенной комиссии 17 октября 1767 г., депутат Комиссии П. И. Бурцов так охарактеризовал свой край: «Этот уезд (sic! — И. Г.) так обширен, что если переехать его поперек по прямому пути, то будет близ тысячи верст; от лежащей в 54 верстах от Оренбурга башкирской деревни [И]мангуловой только до Красноуфимского козачьего городка — шестьсот шестьдесят одна верста; но уезд сей простирается еще далее Красноуфимска... Расстояние от Казани до Москвы менее, чем пространство от одного конца Уфимского уезда до другого»⁴.

Уфимская провинция сохранила старое деление на четыре крупных административно-территориальных района — Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую дороги. (Термин «дорога», по мнению историков, — русское звучание монгольского слова «даруга», территориальной единицы Монгольской империи.) Казанская дорога включала западную часть Башкирии. Ее восточная граница шла от р. Танып на Бирь и Уфу, западная — от вершин р. Ик до пригородка Осы, южная тянулась параллельно р. Дема к верховьям Ика. Казанская дорога занимала нижнее течение Белой с притоками Танып, Чермасан, Скунь. Осинская дорога тянулась узкой полосой по правобережью Белой к Каме, от Уфы до Осы, включая бассейн рр. Буй и Бирь. Ногайская дорога составляла центральную и восточную части Башкирии. Ее территория включала верхнее и среднее течение Белой с притоками Нутуш, Инзер, Дема. Сибирская дорога обнимала собой восточную часть Башкирии к северу от Ногайской дороги до границы с Пермской провинцией и Екатеринбургским ведомством. Она включала бассейн

Герб Уфимской провинции 1782 г.

р. Уфа с притоками Ай и Юрюзань⁵.

Дороги делились на волости. В рассматриваемый период волости, относимые ранее к родовым подразделениям башкир различных племен, приобрели значение собственно территориальных единиц. По данным на 1773 г. в Уфимской провинции было 56 башкирских волостей: 18 — на Казанской дороге, 3 — на Осинской, 10 — на Сибирской, 25 — на Ногайской⁶. Кроме того, в северо-западной части провинции было четыре воло-

сти дворцовых крестьян: Бирская, Богородицкая, Дуванейская, Каракулинская.

Центром провинции была Уфа.

Исетская провинция состояла из 13 башкирских волостей (11 относились к Сибирской дороге, 2 — Ногайской)⁷ и 5 дистриктов (уездов): Исетского, Шадринского, Окуневского, Куртамышского и Увельского (последний учрежден в 1770 г.). Она занимала территорию, включавшую бассейны притоков р. Тобол — Уя и Исеть и растянувшуюся в длину и ширину по 300 верст⁸. Здесь восточные склоны Уральских гор переходили в западносибирские степи.

Центром провинции была Челябинская крепость.

Оренбургский уезд включал земли Яицкого казачьего войска, Оренбургскую пограничную линию и (до середины 60-х гг.) территорию Бугульминского ведомства. Помимо этого к уезду были причислены отдельные населенные пункты, расположенные в других регионах: Зилаирская крепость, Илецкая защита и др. Земли Яицкого войска, составлявшие южную часть губернии, тянулись по правобережью Яика от Илецкого городка до Гурьева городка. Линейное расстояние между последними равнялось 637 верстам. Вдоль Яика шли Верхняя и Нижняя Яицкие дистанции крепостей. Казакам принадлежала и часть побережья Каспийского моря (свыше 100 верст). Оренбургская линия крепостей шла от Самары и Ставрополя на Волге по рекам Самара, Сакмара, Яик и Уй до форпоста Алабужского (Алабужский отряд) на границе с Сибирской губернией. Она делилась на 8 дистанций: Самарскую, Сакмарскую, Нижнеяицкую, Красногорскую, Орскую, Верхне-

яицкую, Верхнеуйскую, Нижнеуйскую. Центром уезда был губернский город Оренбург.

Ставропольский уезд занимал юго-западную часть губернии. В него входили земли Ставропольского калмыцкого войска (корпуса) в бассейнах рек Сок, Кундурча, Черемшан; Бугульминское ведомство, охватывавшее территорию вдоль Ново-Московской — от Оренбурга до Кичуевского фельдшанца на границе с Казанской губернией и Большой (Старой) Московской дорог. Центром уезда был город Ставрополь.

Население. В третьей четверти XVIII в. общее количество населения края значительно увеличилось по сравнению с началом века. Это произошло как за счет естественного прироста местного населения, так и, в большей степени, в результате притока переселенцев из соседних регионов и центра страны.

Определить с достаточной точностью численность населения губернии и отдельных его составных групп очень сложно. Наиболее достоверные сведения дают материалы ревизий. В 1719 г. была произведена I-я ревизия, 1744—II, 1762—III, 1782—IV ревизия. Но они зафиксировали лишь податное население губернии, то есть ту часть населения края, которая платила подушный налог. Служилое население не было охвачено этими переписями, и его численность определялась по различным отчетным документам.

Население края по I ревизии составляло 240 853 души м. п., по III ревизии — 390 275 душ м. п. С 1719 г. по 1762 г. прирост составлял 62%. К 1781 г. численность населения возросла до 499 887 душ м. п., и прирост к 1766 г. составил 21,9%⁹.

В 40—60-х годах по темпам роста населения губерния занимала второе место в стране (после Новороссии). С 1744 по 1762 г. сюда переселилось 46 937 душ м. п., из которых русских оказалось 26 904 (57,3%), татар 8201 (17,5%), чувашей 7000 (14,9%), мордвы 3005 (6,4%). Большинство новоселов, как видится, составляли русские. Они разместились, в основном, в Исетской провинции, Оренбургском и Ставропольском уездах. 53% переселенцев Уфимской провинции составляли татары¹⁰.

Самой многочисленной группой податного населения были государственные крестьяне. В состав этой категории крестьянства во второй половине XVIII в. входили черносошные крестьяне, однодворцы, пахотные солдаты. После секуляризационной реформы 1764 г. к государственным крестьянам стали относить так называемых экономических крестьян, ранее принадлежавших церковным и монастырским вотчинам. По своему положению к государственным крестьянам в рассматрива-

емый период примыкало также особое сословие в крестьянстве края — тептяро-бобыльское. Оно складывалось в Башкирии постепенно из обедневших башкир, потерявших право на владение землей в своих общинах, и из переселившихся из Поволжья ясачных татар, марийцев, удмуртов и чувашей, порвавших по разным причинам со своим прежним положением. Пришлое население, поселившееся на башкирских вотчинных землях на основе различных договоров, получило название тептярей, а устроившееся без оформления каких-либо документов — бобылей. Правовое установление этой категории феодально-зависимого населения исследователи относят к 30—90 гг. XVIII в.

Еще одна прослойка государственных крестьян, происшедших из тех же ясачных народов Поволжья, но обосновавшихся в Башкирии во 2-й половине XVIII в., а точнее — после указа 1747 г. об обложении тептярей и бобылей восьмигривенным оброком, стала называться в официальных документах сходцами.

По III ревизии насчитывалось 99 048 душ м. п. государственных крестьян (с тептярями и бобылями), а с будущими экономическими (3638 душ м. п.) — 102 686 душ м. п.¹¹. Следующая ревизия свидетельствовала о том, что численность этой категории крестьянства возросла до 137 807 душ м. п.¹² Путем корректировки данных на 1762 и 1782 гг. можно получить приблизительное число государственных крестьян на начало 70-х годов. Оно составляло более 120 тыс. душ м. п. или 240 тыс. душ об. пола.

Главным районом расселения русских государственных крестьян была Исетская провинция. По III ревизии здесь их было более 40 тыс. душ м. п.¹³

Тептяро-бобыльское население, по данным той же ревизии, составляло треть государственных крестьян — 33 380 душ м. п. Проживали они почти все в Уфимской провинции. В Исетской их было всего 648 душ м. п., Ставропольском уезде — 491 душа м. п.¹⁴ «Генеральная табель» губернской канцелярии о населении в 1770—1771 гг. численность тептярей и бобылей определяет в 33 745 душ м. п. Рост населения за 10 лет не показан, так как данные взяты по III ревизии¹⁵. На начало 70-х годов тептяро-бобыльское население с учетом естественного прироста составляло приблизительно 35 тыс. душ м. п. Оно состояло в основном из бывших ясачных татар. Среди тептярей были также башкиры, марийцы, удмурты, чувашаи.

По III ревизии в Уфимской провинции насчитывалось 5788 душ м. п. сходцев. Более 5 тыс. из них были татарами (4051 ясачный, 954 служилых, 17 мурз), остальные — ясачные

марийцы, чувашаи, удмурты¹⁶. Старые наименования ясачных и служилых они сохраняли лишь по традиции. В 70-е годы число сходцев возросло.

Однодворцев и пахотных солдат было всего 1024 души м. п., и все они проживали в Ставропольском уезде¹⁷.

Второе место по численности среди крестьянства губернии занимали помещичьи и владельческие заводские крестьяне. По III ревизии их было 34 932 души м. п., по IV — 38 422¹⁸, на начало 70-х годов — 36 677 душ м. п. Большинство их составляли купленные горнозаводчиками и переселенные в конце 50—60-х гг. из внутренней России в Башкирию крепостные крестьяне. В 1776 г. на заводах Уфимской и Исетской провинций трудились 22 802 души м. п. крепостных работных людей и мастеровых¹⁹. Большое количество крепостных крестьян, принадлежащих помещикам-землевладельцам, находилось в Ставропольском уезде и Бугульминском ведомстве. По III ревизии там числилось соответственно 4409 и 982 души м. п.²⁰ В 1769 г. в Бугульминском ведомстве было уже 1598 помещичьих крестьян мужского пола²¹.

Дворцовые крестьяне по III ревизии составляли 5429 душ м. п. А корреляция этих данных со сведениями IV ревизии определяет численность названной категории крестьянства на начало 1770-х годов в 7354 души м. п.²²

Итак, в 1770—1772 гг. податное крестьянство в губернии насчитывало 164 277 душ м. п. (120 246 государственных, 36 677 помещичьих, 7354 дворцовых) или 328,5 тыс. душ об. пола.

Вторую часть населения губернии составляли неподатные сословия. От подушного налога были избавлены служилое население, отставные нижние чины армии, канцелярские чиновники, церковнослужители, иностранцы, лица, сосланные на поселение.

Многочисленной сословной категорией этой части населения были так называемые служилые, входившие в состав иррегулярных войск губернии: башкиры, оренбургские и яицкие казаки, ставропольские калмыки, мишари, служилые татары, салтанаульские ногайцы, ичкинские татары, сарты, аюкинские калмыки. Служилое население до конца XVIII в. не подлежало ревизским переписям, и это осложняет его подсчет.

Сведения о численности башкир в работах историков сильно разнятся. И. Г. Акманов считает, что в первой половине XVIII в. башкир было 380—390 тыс.; Р. Г. Кузеев общее число башкир в середине XVIII в. определяет в 240—250 тыс.; Н. М. Кулбахтин пишет, что накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. было 195 тыс. башкир. По подсчетам А. З. Ас-

фандиярова, к 90-м годам XVIII в. было 195—200 тыс. башкир. У. Х. Рахматуллин называет на это же время цифру — 184—186 тыс.²³ Подобные расхождения в подсчетах связаны, прежде всего, с тем, что данные о количестве башкир представлялись провинциальным и губернской администрациям волостными старшинами в дворовом исчислении, а также неполнотой представляемых ими ведомостей. Двор был единицей фискального обложения. Со двора отправлялись на службу и для несения других повинностей, налагаемых на всю команду. Отсюда стремление некоторых старшин скрыть часть дворов. Очень важным является также вопрос о населенности двора. В литературе приводятся различные расчеты: от 6 до 10 душ на один башкирский двор²⁴.

Рассмотрим в этой связи некоторые документы третьей четверти XVIII в.

По данным оренбургского губернатора А. Р. Давыдова, в 1760 г. насчитывалось 11 427 башкирских дворов, 571 двор башкирских тарханов, всего около 12 тыс. дворов. П. И. Рычков приводит данные о 1431 тарханском дворе²⁵. В 1767 г. в губернской канцелярии имелись сведения о 14 164 башкирских, 443 тарханских дворах, где «по прежним ведомостям» (без указания даты их составления) было 105 938 душ об. пола²⁶. По этим неполным сведениям, на двор приходилось 7 чел. К 1770 г. число дворов, по данным губернской канцелярии, выросло до 15 989. Сведения о количестве населения приводились по ведомости 1767 г.²⁷

В 1773 г. в Уфимскую и Исетскую провинциальные канцелярии поступили новые ведомости башкирских старшин о количестве дворов и их командах. По Уфимской провинции они показали 14 092 двора, Исетской — 3174²⁸, всего 17 266 дворов. Если взять за норму 10 чел. на двор, получается 172 660 душ об. пола. Но анализ ведомостей позволил выявить ряд упущений составителей. По Казанской дороге нет сведений от 5 старшин, Осинской — от 2 старшин, а там же пропущены 2 волости. В сведениях о Сибирской дороге также пропущены 2 волости, Ногайской — нет данных по одной волости и от одного старшины. Были, несомненно, скрыты дворы и в формально полных представлениях. Власти знали об этом и принимали свои меры. Так, в 1766—1768 гг. за «утапку дворов» были наказаны воеводой старшина Саралиминской вол. Казанской дороги и старшина Тюбелясской вол. Сибирской дороги; в 1772 г. в «сокрытии» 7 дворов был уличен старшина Гарейской вол. Казанской дороги²⁹.

Далее — более. Ведомость не включала и данные по дворам башкирских тарханов. А по ведомости губернской канце-

лярии семьи тарханов в 1770 г. насчитывали 10 976 душ об. пола³⁰. К тому же много башкир проживало за пределами губернии: в Пермской и Вятской провинциях Казанской губернии, Екатеринбургском ведомстве Сибирской губернии, Саратовской провинции Астраханской губернии. Известно, что в конце XVIII в. таких было более 20 тыс. душ³¹.

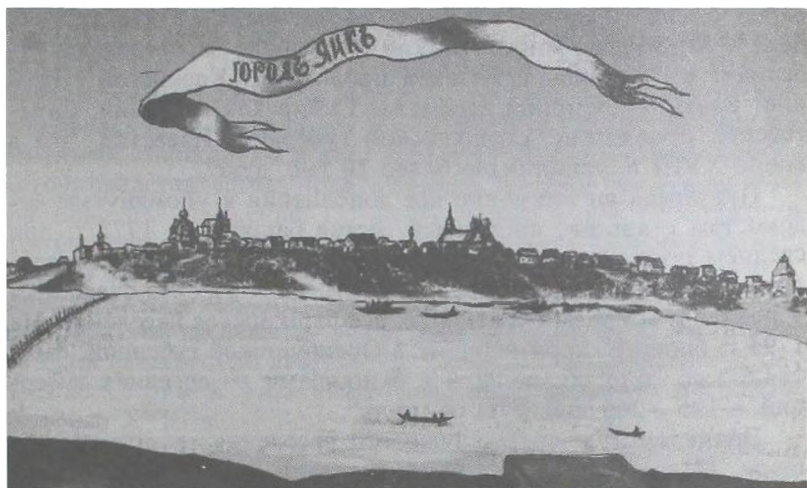
Принимая во внимание все дополнения к упомянутым ведомостям старшин, численный состав башкир на 1773 г. при среднем показателе населения двора в 10 чел. можно определить в 200 тыс. душ об. пола. Это не противоречит сведениям V ревизии, впервые охватившей все башкирское население. На 1795 г. башкир, проживавших в Оренбургской губернии, было 184,5 тыс. душ об. пола, а с башкирами из соседних губерний — 195—200 тыс. душ об. пола³².

Значительную часть служилого населения составляли мишари. Некоторые из них были поселены в Башкирии правительством в конце XVI в., другие сами переселялись в течение XVII—XVIII вв. с правобережья Волги. Мишари были самостоятельной этнической группой, и сами называли себя в документах «мещерякским народом»³³.

Оренбургская губернская канцелярия не располагала точными сведениями о численности мишарей. В своих «генеральных табелях», отправленных в Сенат в 1767 и 1771 гг., она определяла количество мишарских дворов — соответственно 1937 и 2278, а о количестве душ в обоих документах было указано: «В них по прежним ведомостям мужеска и женска полу считается... 15 517»³⁴. К какому времени относились эти сведения, не уточнялось. В поступивших в губернскую канцелярию данных от мишарских старшин за 1773 г. называлось лишь количество дворов: в Уфимской провинции их было 2352, Исетской — 166, всего 2518 дворов³⁵. Лишь в документах П. И. Рычкова за 1775 г. находим численность мишарей — 17 184 души об. пола³⁶. На двор, таким образом, приходилось по 7 чел.

По «генеральной табели», составленной в 1770 г. Оренбургской губернской канцелярией, служилые татары жили 288 дворами. Эти данные совпадают с ведомостями Уфимской и Исетской канцелярий за 1774 г.³⁷ Всего было приблизительно 1440 душ об. пола. В их число входили татары Устьбагаряцких и Ичкинских юрт, переселившиеся в Исетскую провинцию из Кунгурского уезда.

К служилому населению относились также салтанаульские или кундровские ногайские татары, переселенные в 1754 г. из Казанской губернии в Оренбургский уезд, где они основали

Яицкий городок. Карандашный рисунок из рукописей П. И. Рыкова 1744 г.

Кундровскую слободу. В 1768 г. их числилось 744 души об. пола³⁸.

В Исетской провинции на башкирских землях жили служилые сарты — бывшие бухарские торговые люди. В 1760 г. их насчитывалось 32 двора с населением 160 душ об. пола³⁹. По переписи 1782 г. их уже числилось 491 душа⁴⁰.

Там же, в зауральской Башкирии, было небольшое поселение аюкинских калмыков (32 двора, 200 душ м. п.), перекочевавших сюда в начале XVIII века и принявших мусульманство. Постепенно они слились с башкирами. Но по IV ревизии их еще насчитывалось 362 души об. пола⁴¹. В Ставропольском уезде были поселения крещеных волжских и зюнгорских калмыков. В Калмыцком корпусе на середину 1764 г. состояло 7970 душ об. пола⁴². В 1769 г. числилось 818 служащих и 532 отставных волжских калмыка, 624 служащих и 292 отставных зюнгорских калмыка, всего 2313 душ м. п. взрослого населения⁴³. Несмотря на то, что в Калмыцкий корпус постоянно причислялись калмыки, вышедшие из казахского плена, высокая смертность и бегство в Калмыцкое ханство приводили к тому, что численность волжских калмыков сокращалась⁴⁴.

Яицкие казаки жили в Яицком, Илецком, Сакмарском и Гурьеве городках, восьми крепостях и нескольких форпостах, расположенных по правому берегу Яика. В 1723 г. первая правительственная перепись зафиксировала 3196 служащих казаков. Эта цифра приводится во всех войсковых отчетах 1730—1770-х гг., т. к. только на точно указанное количество служа-

щих выдавалось денежное и хлебное жалованье, порох, свинец. Все остальные казаки именовались «сверхкоштными», т. е. сверхштатными, служившими без жалованья. Число служащих казаков росло медленно, ограничивалось правительством, смотревшим на Яик как на прибежище беглых из различных слоев общества. В середине века было 3453 служащих и 843 отставных казака, а с семьями 16 780 душ об. пола⁴⁵.

Потребность в казачьей службе заставила власти отказаться от жесткого контроля над верстанием в казаки, т. е. возведением людей в казачье сословие. По данным на 1767 г. в войсковых списках значилось 4974 служащих и 809 отставных казаков, а с мальчиками всего — 10 707 душ м. п.⁴⁶ Казачье население составляло 21 414 душ об. пола. Через 5 лет комендант Яицкого городка, вводя новый штат войска, исходил из наличия 5330 служащих казаков⁴⁷. В среднем на двор служащего казака приходилось 4—5 чел. С учетом семей отставных казаков можно говорить, что войсковое население выросло приблизительно до 25 тыс. душ об. пола.

В казаки верстали крестьян, подъячих, посадских и торговых людей, принимали запорожских и донских казаков. Отличительной особенностью яицкого казачества был его пестрый национально-этнический состав. Материалы переписи 1723 г. и труды ученых-путешественников 60-х гг. сообщают, что среди казаков были русские, украинцы, башкиры, татары, казахи, калмыки, чуваша, удмурты, а также турки, шведы, поляки, немцы, взятые в плен в различных войнах России. Часть нерусских казаков крестилась, но много было мусульман и буддистов. В Яицком городке существовала Татарская слободка, где жили с семьями более тысячи служащих казаков-мусульман.

Население войска делилось на войсковое и иногороднее. К последнему относились крестьяне, занимавшиеся здесь различными ремеслами, нанимавшиеся на рыбные промыслы, ломку и перевозку соли⁴⁸. Беглые «беспашпортные» служили в работниках у казаков. Определить численность всех беглых невозможно, т. к. во время их поисков казаки скрывали своих наемных работников от воинских команд. Об общей численности населения можно судить лишь по косвенным данным. Генерал Ф. Ю. Фрейман писал в 1772 г., что в Яицком городке собралось до 30 тыс. душ об. пола, пытавшихся бежать от правительственных войск. Данные эти явно завышены генералом, стремившимся показать размах своей деятельности по усмирению населения городка. Перепись 1801 г. учла среди иногородних лишь 6392 души об. пола⁴⁹.

В 1748 г. Военная коллегия, в соответствии с именным указом Елизаветы Петровны, дала распоряжение об организации Оренбургского нерегулярного казачьего войска. Войско объединило уфимских, самарских, алексеевских городовых казаков, Исетское казачье войско, жителей ряда крепостей Оренбургской пограничной линии, поселенных там в 30—40-е годы XVIII в. и поверстанных в казаки по указу Сената от 27 июля 1744 г.⁵⁰ В соответствии с утвержденным Сенатом в 1775 г. штатом войска количество оренбургских казаков ограничивалось 4877 служащими. По данным 1760 г. войско было недоукомплектовано: в списках числилось 4591 чел. Через 10 лет служащих казаков стало 5196 (211 требовались в комплект), отставных — 2218, мальчиков — 6795⁵¹, а всего — 14 209 душ м. п. или 28 418 душ об. пола. Тем же штатом 1755 г. предусматривалось проживание в Оренбурге 1 тыс. сверхштатных или «сверхкоштных» казаков. Подобные группы появились и в других крепостях. Так, в 70-х годах среди нагайбакских казаков было 466 служащих, 100 отставных и 632 сверхштатных⁵². Сводных данных о количестве непереставных казаков в источниках не обнаружено.

Общую численность Оренбургского казачьего войска в 70-х годах можно определить в 35 тыс. душ об. пола. Казаки жили разбросанно на огромной территории губернии. Их поселения размещались в четырех городах: Оренбурге, Уфе, Самаре, Ставрополе, пригородке Алексеевске и 32 крепостях по Оренбургской линии по рр. Самаре, Сакмаре, среднему и верхнему течению Яика и внутри Уфимской и Исетской провинций. Оренбургское казачество, как и Яицкое, включало людей разных сословий и национальностей. Помимо служилых сословий (казаки, отставные солдаты и офицеры), в его состав вошли недавние государственные, дворцовые, монастырские, помещичьи крестьяне, ссыльные, а также переселенцы и беглые. Среди них были русские, украинцы, поляки, крещеные татары, калмыки, башкиры, мишари, чуваша, марийцы, казахи и другие народы.

Дворянство в крае было малочисленным. По данным на 1770—1771 гг. в губернии проживало 346 помещиков из служащих и отставных штаб- и обер-офицеров и неслужащих дворян. В их семьях было 163 мальчика⁵³, а всего приблизительно 1000 душ об. пола.

В «генеральных табелях» о количестве населения в крае губернаторы А. А. Путятин и И. А. Рейнсдорп указывали, что не располагают сведениями о духовенстве губернии. Объясняли это тем, что население состоит в четырех епархиях — Си-

бирской, Вятской, Казанской и Астраханской, а сведения оттуда в Оренбург не поступают⁵⁴.

Среди неподатного населения довольно большую группу составляли отставные нижние чины. В 1767 г. их насчитывалось 5159 душ м. п., 1770—7880 душ м. п. Они заселяли крепости и слободы в Оренбургском (2940 душ м. п.) и Ставропольском (2793 души м. п.) уездах⁵⁵.

В 1767 г. в губернии было 1353 души м. п., присланные на поселение и работы из «непомнящих родства», и 265 подданных восточных стран: бухарцы, хивинцы, кашкарцы, персы, арабы, турки, каракалпаки, а также несколько человек «прусской и польской наций»⁵⁶. В 1770 г. первая группа сократилась до 870, вторая немного выросла и составляла 282 души м. п.

Основная часть населения губернии была сельской. Удельный вес и численность городского населения были незначительными.

Предварительно здесь нужно уяснить тот факт, что в связи со сложностью градообразовательных процессов в XVII—XVIII вв. в исторической литературе нет общепризнанного определения города. Высказываются различные мнения о том, какие поселения считать городами. Среди основных признаков города исследователи прежде всего называют его юридическое положение, социальные и экономические факторы, действующие в нем, в том числе наличие посадской общины и количество населения, оборонные функции⁵⁷.

В Оренбургской губернии насчитывалось 11 городов и пригородков, имевших соответствующий юридический статус: губернский город Оренбург, уездные города Уфа и Ставрополь, безуездный Мензелинск, центр дистрикта Шадринск, пригородки Алексеевск, Бирск, Каракулино, Оса, Табынск. Указом Сената от 31 августа 1773 г. в ведомство Оренбургской губернии была передана Самара⁵⁸. В документах губернской канцелярии пригородками назывались иногда Елдякская, Нагайбакская и Красноуфимская крепости с воеводским правлением. Центр Исетской провинции — Челябинская крепость получила статус города лишь в 1782 г.

Города и пригородки были военно-административными пунктами. В их экономике преобладали земледельческо-торговые функции. Состав населения был разнообразным. К городскому сословию относились, в первую очередь, купцы и цеховые мастера, составлявшие посадскую общину. Торгово-ремесленное население было численно небольшим. В 1767 г. оно насчитывало 1070 душ м. п., в 1770—1092 души м. п. Из них в

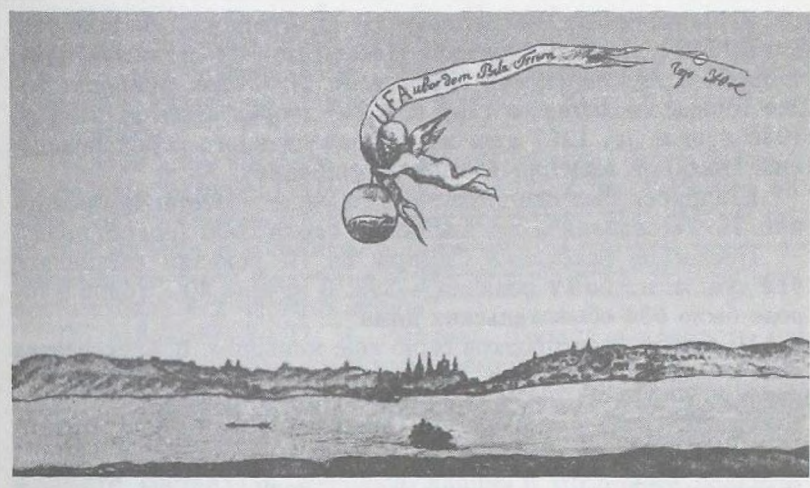
Уфимской провинции было 366, Исетской — 301, Ставропольском уезде — 331, Оренбургском — 94 души м. п.⁵⁹

К привилегированной части населения города относились представители зарождавшейся интеллигенции — канцелярские служители различных учреждений. В 1770 г. их было 309 душ м. п.⁶⁰ Они составляли особую сословную группу, но социальная дистанция между ними и чиновниками-дворянами была очень велика. В городах и пригородках опять же жили дворяне (как правило, с осени до весны), духовенство, а также дворовые слуги и крестьяне-отходники, занимавшиеся работой по найму или ремеслом. Особенностью городов и других крупных населенных мест было преобладание военнослужащих и отставных (гарнизонные войска, казачество). Население городов было немногочисленным.

Губернский город Оренбург был не только центром гражданского управления краем, но и важным военно-стратегическим пунктом на юго-востоке европейской части империи, а также крупным торговым местом. Достаточно полное представление о православном населении Оренбурга дают духовные росписи за 1773 г. по пяти церквям города (не сохранились данные по шестой церкви). В это время в городе было не менее 943 дворов и 226 калмыцких кибиток, где проживало 7149 душ об. пола (4089 душ м. п. и 3060 душ ж. п.). Основное население составляли военные регулярных и нерегулярных войск и их семьи: казаки — 3633 души об. пола, офицеры, солдаты, драгуны — 2400 душ об. пола. Посадское население было немногочисленным, всего 161 душа. По свидетельству духовных росписей, в городе проживали ссыльные (169 душ об. пола), чиновники (167 душ об. пола), а также священнослужители, крестьяне, отставные солдаты⁶¹. По различным источникам известно, что в Оренбурге было немало мусульман и раскольников, но сводные данные об их численности не обнаружены. Некоторое представление о заселении города дают данные на 1786 г. Тогда в Оренбурге было 1552 двора. Из них 1204 двора принадлежали военнослужащим и казакам, 165 — разночинцам, и лишь 68 — купцам и мещанам⁶². Торг в Оренбурге вели жители подгородной Сеитовой, или Каргалинской слободы.

В 1745 г. в соответствии с указом Сената под Оренбург были переселены казанские татары, получившие особое правовое положение, близкое к купеческому. В 60-х гг. в их слободе было 300 дворов, населенных 2174 душами м. п. На хуторах торговых татар работало много беглых крестьян⁶³.

Точных сведений о населении Уфы также нет. По данным И. П. Фалька, извлеченным из церковно-приходских книг, в

Уфа. Карандашный рисунок из рукописей П. И. Рычкова 1744 г.

начале 70-х годов в городе было 2344 души м. п. и 2652 души ж. п. православного вероисповедания. Жили они в 894 дворах. Кроме них в Уфе находилось около 50 дворов жителей-мусульман. По сведениям первого коменданта города полковника С. С. Мясоедова, относящимся к весне 1774 г., тогда в Уфе находилось 5652 души об. пола. Среди мужчин было 244 военнослужащих, 468 отставных офицеров и солдат, 233 уфимских казака, 170 купцов и цеховых, 448 разночинцев, 125 дворовых, 48 заводских крестьян, 39 работников и др. В Христорожественском женском монастыре жили 23 монахини⁶⁴. Не все из названных лиц были постоянными жителями Уфы. Многие помещики, купцы, представители местной старшины скрывались за стенами города от пугачевцев. Известно, например, что в 1767 г. в Уфе было всего 83 купеческих дома⁶⁵. Для сравнения приведем сведения 80-х годов. В 1782 г. в Уфе проживало купцов и цеховых 734 души об. пола. Подсчеты 1786 г. показывают, что в городе преобладало военнослужилое население: из 900 дворов у военных и казаков было соответственно 415 и 225. За купцами и мещанами числилось 134 двора⁶⁶.

Ведомость Ставропольской воеводской канцелярии за 1769 г. сообщает о том, что в уездном городе было 686 домов. 86 домов принадлежало служащим и отставным офицерам, чиновникам и канцеляристам. Купцы и ремесленники жили в слободе из 127 домов. Солдатско-казацья слобода состояла из 473 домов⁶⁷.

В Мензелинске, по записям Н. П. Рычкова, посетившего его в 1769 г., было 500 дворов. Население — военнослужащие, отставные из смоленской шляхты. И. П. Фальк приводит более точные сведения. В 1768 г. в 540 дворах здесь проживало 1086 душ м. п., 1267 душ ж. п. православного вероисповедания. Особо он выделил 168 новокрещенцев⁶⁸.

Шадринск был единственным городом в Исетской провинции. По IV ревизии в нем числилось около 1600 душ об. пола⁶⁹.

Посадское население Самары по III ревизии составляло 412 душ м. п., по IV ревизии — 598. В начале 80-х годов в городе было 634 обывательских дома⁷⁰.

Население пригородков было еще меньшим. В Алексеевске насчитывалось 200 домов, где жили служащие и отставные казаки и солдаты. Посадское население по III ревизии составляло 64 души м. п.⁷¹ В Бирске П. И. Рычков зафиксировал 400 домов, населенных дворцовыми крестьянами и отставными солдатами. III ревизией здесь учтено 782 крестьянина м. п.⁷² Дворцовыми крестьянами в основном был заселен и пригородок Каракулино. В 1765—1770 гг. здесь было 400 домов и 836 крестьян м. п.⁷³ Пригородок Оса, приписанный к Уфимской провинции в 1737 г., по данным И. П. Фалька на начало 70-х годов насчитывал 989 домов, где проживали 3889 душ м. п. и 3864 души ж. п. православного вероисповедания и 30 раскольников. В Табынске Фальк получил сведения также о населении православного вероисповедания: 916 душ м. п. и 916 душ ж. п. Посадское население по IV ревизии составляло 37 душ м. п. Основным населением были казаки и гарнизонные военнослужащие. На 1782 г. здесь насчитывалось 200 дворов⁷⁴.

Крупными поселениями в губернии были заводы и крепости. Но они не имели юридического статуса городов или пригородков. На начало 70-х годов в Уфимской и Исетской провинциях было 37 металлургических заводов, Оренбургском уезде — 2. Заводские поселки насчитывали от 100 до 800 дворов. На Саткинском заводе было 805 дворов, где проживало 1800 душ м. п., Златоустовском — 600, Симском — 309, Бело-рецьком — 289, Юрюзанском — 282⁷⁵.

На Верхней и Нижней Яицких дистанциях, Оренбургской пограничной линии и внутри губернии находились 61 крепость, 43 форпоста, десятки редутов⁷⁶. Большинство крепостей были выстроены вдоль границы с Казахстаном, что предопределило их линейное расположение. По данным П. И. Рычкова, крепости были заселены неравномерно. Количество дворов колебалось от 100 до 600. Население состояло из военных людей разных чинов, казаков, отставных солдат и драгунов. Самым

населенным местом в губернии был Яицкий городок, центр управления казачьим войском. По данным П. С. Палласа, в 1769 г. здесь проживало до 15 тыс. душ об. пола, принадлежавших к казачьему сословию. В начале 70-х гг. здесь было 2526 дворов⁷⁷.

Челябинская крепость (Челяба, Челябинск) была заселена в основном казаками. На 1 февраля 1774 г. из 2957 душ об. пола 1672 относились к казачьему сословию, 480 душ об. пола принадлежало к купцам и цеховым. На третьем месте по численности были крестьяне — 345 душ об. пола. Внутри крепости стояло 412 частных домов⁷⁸.

По наблюдениям П. И. Рычкова, Троицкая крепость «из всех новопостроенных крепостей может похвастаться за лучшую и люднейшую», что было связано с ее стратегическим положением и торговыми операциями российских и среднеазиатских купцов на расположенном рядом Меновом дворе. Население крепости составляли военнотружущие и отставные солдаты, которым принадлежало до 500 дворов⁷⁹.

В начале 70-х годов XVIII в. в губернии проживало приблизительно 615,7 тыс. душ об. пола. Как видно из таблицы № 1, большинство их составляли крестьяне, на втором месте было служилое население.

Таблица 1. Население Оренбургской губернии в начале 70-х годов XVIII в.

Категории населения	Численность в душах об. пола
I. Крестьяне	
1. Государственные крестьяне, в т. ч. тептяри и бобыли	240 492 70 000
2. Помещичьи, заводские частновладельческие крестьяне	73 354
3. Дворцовые крестьяне	14 708
Всего	328,5 тыс.
II. Служилые	
1. Башкиры	200 000
2. Оренбургские казаки	28 418
3. Яицкие казаки	25 000
4. Мишари	17 184
5. Волжские калмыки	7 970
6. Служилые татары	1 440
7. Другие категории (сарты, ногайцы)	1 100
Всего	281 112
III. Дворяне служащие и отставные	1000

IV. Городское население

1. Купцы, цеховые	2184
2. Канцелярские служители	618
Всего	2802

V. Ссылные и иностранцы 2304

Всего в губернии 615,7 тыс. душ об. пола

Приводимые сведения нельзя считать полными: ревизии оставляли пробелы. Исследователями отмечено, что особенно много населения не было учтено III ревизией. Ревизии не охватывали беглых, переселившихся нелегально, а тех сравнительно много было на территории Яицкого войска, среди вольнонаемных на заводах. Как сказано выше, губернская администрация не располагала достоверными сведениями о числе башкир и других служилых. Ревизиями не были учтены и воинские части, расквартированные в губернии и на самой границе. Хотя военных нельзя отнести к постоянному населению губернии, пограничное положение края требовало их длительного присутствия. В 60-е годы на Оренбургской линии стояли 6 полков. Гарнизонные Оренбургский и Уфимский драгунские полки были переведены туда из Уфимской провинции и переформированы в полевые. Билярский, Сергиевский, Шешминский, Алексеевский ландмилицкие полки, ранее стоявшие на Закамской линии, составили четыре армейских полевых полка.⁸⁰

В 1769 г. гарнизонные драгунские и один полевой полки были выведены из губернии. На линии оставались Билярский, Сергиевский и Шешминский полки. Однако вскоре стал ощущаться недостаток войск, и в августе 1771 г. Екатерина II утвердила предложение Военной коллегии о переформировании регулярных войск в губернии. За счет имевшихся там полков и дополнительно присланных войск создавались 3 легкие полевые команды или когорты (6-я, 7-я и 8-я) в количестве 1623 чел., состоявшие из пехоты, артиллерии и кавалерии, и 10 гарнизонных батальонов, каждый из которых насчитывал 721 чел.⁸¹

Полевые команды должны были размещаться в Оренбурге, Орской и Троицкой крепостях, штабы батальонов — в Верхнеозерной, Кизильской, Верхнеяицкой, Троицкой и Зверино-головской крепостях. К началу Крестьянской войны новые части еще не были полностью укомплектованы.

Внутренние войска состояли из губернских рот и городовых команд. В Оренбурге они насчитывали 132 чел., в провинциальных центрах по 57, уездных городах по 29, в пригородках по 14.⁸²

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Управление краем. В Оренбургской губернии утвердилась такая же система управления и суда, как и в других губерниях страны. Но она имела свои особенности во всех звеньях административно-управленческой структуры, особенности, обусловленные тем, что губерния была создана на территории Башкортостана и Яицкого казачьего войска, а позднее здесь было организовано Оренбургское казачье войско и Ставропольское калмыцкое войско (корпус).

Во главе местной власти стоял губернатор (в ранге 3 или 4 класса табели о рангах), наделенный широкими административными, военными, финансовыми, полицейскими, судебными функциями. В политической системе абсолютной монархии губернаторы занимали высокое положение. В соответствии с «Наставлением губернаторам» 1764 г. они были подчинены непосредственно и императрице, и Сенату, а также Военной коллегии. Екатерина II предоставила губернаторам право, а лучше сказать, вменила им в первую обязанность, для «скорого наставления или решения» важных вопросов «писать прямо к нам, надписывая запечатанныя свои доношения в собственные наши руки»⁸³. От императрицы шли к губернаторам именные повеления. Эти положения «Наставления» предусматривали тесную связь между императрицей и высшими государственными чиновниками на местах, что строго отвечало интересам укрепления абсолютистской власти в крупных регионах страны. Губернатор являлся «главой и хозяином всей врученной в смотрение его губернии»⁸⁴. Компетенция и деятельность губернаторов не были ограничены, разве только в тех сомнительных случаях, когда они нарушали волю самодержицы. Губернаторы решали государственные и гражданские дела различной важности.

Правительство уделяло особое внимание устройству и управлению Оренбургской губернией как прирубежным краем. Специальным решением Сената оренбургскому губернатору, помимо гарнизонных полков, были переданы в командование и полевые войска, дислоцированные на границе с Казахстаном⁸⁵. Губернаторы несли ответственность за безопасность границы, предотвращение взаимных набегов казахов, калмыков, башкир, казаков. Им же были предоставлены полномочия по поддержанию внешнеполитических и торговых связей с Казахстаном и Средней Азией. Еще в 30-х годах XVIII в. казахи Младшего и Среднего жузов приняли русское подданство, но оно долгое время оставалось лишь формальным признанием влас-

Д. В. Волков, оренбургский губернатор (1763—1764 гг.).

И. А. Рейнсдорп, оренбургский губернатор (1768—1781 гг.).

ти российского государства. С целью укрепления влияния России в Казахстане оренбургские губернаторы устанавливали необходимые контакты с различными группами местной феодальной верхушки.

Власть в губернии была строго централизована. В «губернаторской дирекции» находились губернская и провинциальные канцелярии, воеводы провинций, уездов, городов. Губернатор возглавлял губернскую канцелярию, штат которой он сам фактически и комплектовал, хотя утверждение чиновников этого ранга учреждений производилось в Сенате. В состав губернской канцелярии входили губернаторские товарищи, секретарь и канцелярские служители. В 1775 г. та насчитывала 46 чел.⁸⁶, что на 6 чел. превышало «генеральные» штаты, принятые Сенатом в 1763 г.⁸⁷ Главной обязанностью губернской канцелярии был контроль за исполнением именных и сенатских указов, распоряжений коллегий, центральных учреждений и самого губернатора. Она решала многие важные гражданские и финансовые дела, в том числе сбор и учет доходов и расходов в губернии. В функции губернской канцелярии входило проведение следствия и судопроизводства по гражданским и уголовным делам.

При губернской канцелярии действовала секретная заграничная экспедиция, возглавляемая чиновником в генеральском чине. Она помогала губернатору в связях с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами. Башкир, мишарей, служи-

лых татар отправляли для «разведывания о киргиз-кайсацких, китайских и других обстоятельствах и обращениях»⁸⁸. Заграничная экспедиция выплачивала жалование писарям, посылаемым провинциальными канцеляриями к казахским ханам и султанам.

Аппарат управления среднего звена состоял из 16 учреждений, подчинявшихся губернатору и губернской канцелярии. В Уфе и Челябинске это были провинциальные канцелярии, возглавляемые воеводами. Ставропольским уездом управляла воеводская канцелярия, и ставропольский воевода являлся одновременно и комендантом города. Воеводские канцелярии существовали в Мензелинске, Бирске, Красноуфимске, Осе и Табынске. Следует отметить, что население Мензелинска подчинялось властям Оренбургской губернии, а воевода города, управлявший уездом, — Казанской губернии. Пахотные солдаты и ясачные крестьяне Осы платили подати в Казанскую губернскую канцелярию, а воевода подчинялся оренбургскому губернатору⁸⁹. Население Бугульминского ведомства подчинялось земской конторе.

В Самаре была только комендантская канцелярия. В Елдянской и Нагайбакской крепостях губернатором были учреждены конторы во главе с так называемыми присутствующими. Четыре управительских канцелярии функционировали в Исетском, Куртамышском, Окуневском и Шадринском дистриктах. Воеводы провинций, городов и пригородков назначались Сенатом. Лишь в Табынск воевод направлял губернатор.

Большими административными, финансово-экономическими, судебными полномочиями обладали уфимский и исетский воеводы и провинциальные канцелярии. В 1763 г. были введены должности провинциальных прокуроров.

В Уфимской провинциальной канцелярии в 1773 г. числилось 44 чел., что превышало установленную законом норму на 19 чел. В Исетской провинциальной канцелярии служило 28 чел.⁹⁰

Ключевые административные посты занимали представители господствующего класса. Так, из 17 начальников учреждений высшего и среднего звена управленческого аппарата 14 были офицерами. Но среди канцелярских служащих встречались и разночинцы из подъяческих, унтер-офицерских, солдатских и казачьих детей⁹¹.

Некоторому упорядочению работы местных учреждений способствовало введение Сенатом в 1763 г. штатов, определявших должностное единообразие и устанавливавших жалование всем канцелярским служащим. Отмена т. н. «кормления с дел» челобитчиков в определенной мере способствовала умень-

шению взяточничества и волокиты. Однако со злоупотреблениями властью и другими пороками бюрократического аппарата не было и не могло быть покончено.

Особенностью штатов всех административных учреждений губернии было наличие должностей переводчиков и толмачей (для устных переводов), продиктованное необходимостью общения с коренным населением края — башкирами, а также с пришлыми тюркоязычными народами и калмыками. Переводчики с общего для тюркских народов литературного языка тюрки, или старотюркского языка, были нужны также для дипломатических и торговых сношений с Казахстаном и государствами Средней Азии. По словам оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, без переводчиков и толмачей «не могут канцелярии и должности своей совершенно исправлять».

29 июля 1770 г. Екатерина II утвердила доклад Сената «О имени в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей». В соответствии с указом в губернской канцелярии письменными и устными переводами положено было заниматься 1 переводчику и 3 толмачам с тюрки, 1 переводчику с калмыцкого языка, а также 10 юношам, обучавшимся в оренбургской татарской школе. В Уфе утверждались должности 1 переводчика и 3 толмачей, Челябинске — 1 переводчика и 1 толмача⁹². Значительно повышено было им жалованье. Однако повседневная практика заставляла администрацию идти на нарушение верховных предписаний. В 1774 г. в Уфимской провинциальной канцелярии служили 2 переводчика и 5 толмачей⁹³. Появились толмачи в штатах городских воеводских канцелярий⁹⁴. Кроме штатных толмачей и переводчиков канцелярии пользовались услугами приказных служителей, знающих «татарский диалект». Возникла даже новая социальная категория канцеляристов — «из переводческих детей»⁹⁵. Толмачи служили также при конторах всех крупных южноуральских заводов. В производстве гражданских и судебных дел на родном языке особенно были заинтересованы башкиры и другие тюркские народы края. В своих наказах в Уложенную комиссию 1767 г. башкиры Исетской и Уфимской провинций требовали, чтобы все расследования и суды производились только в Оренбурге, Уфе и Челябинске, где были переводчики, знающие традиционные формы «башкирского» (мусульманского) суда, и «ни по каким делам в посторонние команды забираны [башкиры] не были»⁹⁶.

Низовым звеном управленческого аппарата были представители местного самоуправления — старшины, сотники, писари у башкир, мишарей, тептярей; старосты, сотские и десятские — у государственных, помещичьих, дворцовых крестьян, преимущественно русских.

По своей общественной роли и компетенции выделялись башкирские волостные старшины. В 1773 г. числилось 113 башкирских старшин, управлявших волостями с различным количеством населения (от 39 до 532 дворов). В некоторых волостях было по два старшины⁹⁷. До описываемого времени во главе дорог стояли главные старшины и, хотя в 1743 г. должность была упразднена, главные старшины продолжали назначаться на каждую дорогу. Они считались «старше» волостных старшин, их мнение для провинциальных и губернских властей было предпочтительнее.

Власть старшины в башкирском обществе была велика. В его политическом образе еще виделась абсолютно иллюзорная для правовых обстоятельств второй половины XVIII в. фигура общинной демократии с выборностью главы общины, его ответственностью перед мусульманами. Старшины пользовались большим доверием земляков и осуществляли всю полноту единоличной власти. Они производили распределение общинных угодий, возглавляли группы вотчинников, заключавших в конторе крепостных дел от имени волости сделки на продажу или сдачу в аренду земельных угодий, следили за очередностью нарядов башкир на воинскую службу. Старшины организовывали военные учения в своих командах, и они становились начальниками воинских отрядов, формируемых в их волостях для дальних походов.

Старшины контролировали все стороны жизни рядовых башкир. Они могли единолично рассматривать и выносить приговоры по любым земельным, семейно-имущественным и другим спорам. Старшины имели право выдавать всем башкирам паспорта для поездки по своим надобностям на расстояние до 100 верст. Они решали дела по жалобам посторонних на своих подчиненных, в т. ч. в неуплате долговых денег.

В распоряжении старшин были помощники, сотники, писари. В качестве помощников они нередко просили губернские власти утвердить своих сыновей. По словам П. И. Рычкова, хорошо знавшего положение старшин, башкиры «старшин и помощников своих весьма уважают, и они в волостях над народом имеют всегда немалую силу»⁹⁸.

Башкирские старшины подчинялись губернской и провинциальной администрации. Они выполняли их распоряжения и информировали обо «всем, по ведомству их происходящем». Основную функцию старшин власти видели в «приведении ... башкирского народа в лутчее познание российских порядков»⁹⁹. Собственно порядок определения старшин зависел от губернских властей: три кандидата в старшины рассматривались в Уфе или Челябинске, затем в Оренбурге. Одного из них

губернатор утверждал в должности пожизненно. Зачастую губернатор обходился без мнения провинциальных канцелярий.

Одной из мер контроля над деятельностью башкирских старшин было назначение к ним писарей из верных властям мишарей. Это делалось под предлогом недостатка якобы среди башкир грамотных людей. Как писали в своем наказе в Уложенную комиссию башкиры Исетской провинции, они не хотят более платить мишарским писарям по 12 руб. в год, да и «ученых мужей ..., способных к той писарской должности, свободно ... сыскаться может в команде у каждого старшины»¹⁰⁰.

Подчинение башкирской волостной администрации провинциальным воеводам и губернатору казалось последним недостаточным для полной адаптации государственной организации башкир к механизму самодержавной власти. И они вынашивали планы перестройки государственного руководства башкирским краем. Идея создания новой системы управления Башкирией появилась еще во время деятельности Оренбургской комиссии и губернатора И. И. Неплюева и проявилась в попытках заставить башкир «судиться» помимо Оренбурга, Уфы и Челябинска еще и в Елдяке, Красноуфимске, Мензелинске, Осе. Башкирские восстания пресекли эти попытки.

Правительство, а вслед за ним и администрация края никогда не скрывали целей реорганизации управления: чем больше башкиры «раздроблены, тем удобнее управляемы ..., ибо в разделенном корпусе один дух быть уже не может»¹⁰¹. После подавления восстания 1755 г. Сенат принял решение о создании в Зилаирской крепости воеводского правления с подчинением ему 8 или 9 башкирских волостей Ногайской дороги. Но Зилаирский дистрикт так и не был создан. Одной из причин провала предприятия было массовое бегство башкир в 1755—1756 гг. в казахские степи.

Несмотря на прямую зависимость от государственного аппарата власти, старшины играли определенную роль в защите интересов своего народа, ограничении произвола и злоупотреблений провинциальной администрации. Это они ставили перед Уложенной комиссией вопрос о смещении воевод провинции до окончания пятилетнего срока их правления, если «наш башкирский народ, яко же с нами живущие мещеряки и ясашники, будут недовольны во всех ево [воеводы, — И. Г.] к нашему народу обхожденьях и обрядах». В такую же зависимость от оценки со стороны населения должны быть поставлены, по мнению депутата Уложенной комиссии старшины Гайнинской волости Осинской дороги Токтамышша Ижбулатова, и секретари провинциальной канцелярии, «чтоб и они, когда на-

роду нашему в делах чинить будут неудовольствие, тоб по доношениям нашего народа без всякого следствия были сменяемы другими Оренбургской же губернской канцелярии»¹⁰².

По данным на 1773—1774 г. 18 старшин возглавляли команды мишарей. Численность команд колебалась от 76 до 694 дворов¹⁰³. Функции мишарских старшин были того же порядка, что и у башкир. Они назначались губернатором; сотники и писари утверждались губернской и провинциальными канцеляриями.

Тептяри также делились на команды. III ревизия зарегистрировала 52 тептярские команды, возглавляемые старшинами. Большинство команд числилось на Казанской и Осинской дорогах — соответственно 33 и 11. В 28 командах было до 500 душ м. п., в 10-ти — до 1000, в 14-ти — свыше 1000 душ м. п.¹⁰⁴ В 1773 г. в Уфимской провинциальной канцелярии находились сведения о 42 тептярских старшинах, называемых в документах ясачными¹⁰⁵. Старшины выбирались на неопределенный срок по приговору общества и утверждались губернской администрацией. Они отвечали за исполнение указов властей, производили раскладку повинностей и сбор налогов, следили за «спокойствием в жительствовах». Сотники возглавляли партии, посылаемые на работы. Важную роль в самоуправлении играл сельский сход, институт поверенных в делах общины и др.

Система судопроизводства в башкирских волостях, а также «жительствовах» мишарей, татар и других мусульманских народов строилась на основе обычного («общинного») права, а более — фикха, мусульманского права и юриспруденции, основанных на шариате, общем религиозно-этическом учении об исламском образе жизни. Указом Сената 1734 г. разрешалось производить суды «по старым их обычаям, кто похочат разбитца третейским судом и мириться безвозбранно»¹⁰⁶.

Третейские суды, шаригаты, причудливо совмещавшие в себе все наличные правовые нормы феодально-патриархального общества, но опиравшиеся главным образом на мусульманский канон, создавались, как указывалось в наказе башкир в Уложенную комиссию, «нарочно для управления всех государственных и между собою случающихся партикулярных дел». В их состав входили старейшины волости, определяемые Оренбургской губернской и провинциальными канцеляриями, и муллы. Шаригаты действовали под контролем старшин, которые взыскивали с признанных виновными пошлины в казну и отправляли деньги в провинциальную канцелярию¹⁰⁷.

Параллельно функционировал собственно мусульманский духовный суд. Его вершили четыре ахуна с муллами, прерога-

тивной которых были, прежде всего предписания ислама и рассмотрение духовных конфликтов. Но они же выносили решения по таким важным делам, как раздел наследственного имущества, семейно-брачные отношения и др.¹⁰⁸ Губернская администрация придавала большое значение личности ахунов как духовных наставников и не упускала их из-под своего контроля. Так, 15 февраля 1771 г. губернатор утвердил ахуном Исетской провинции депутата Уложенной комиссии Абдуллу Муслюмова Даушева, мишарского мурзу, и выдал ему на то специальное «наставление»¹⁰⁹.

Как видится, в низших звеньях административного аппарата губернии громко заявляла о себе автохтонная специфика управления башкирским, мишарским, тептярским населением. Власти поддерживали сложившееся «устроение» — традиционные нормы и организацию самоуправления в волостях, но с помощью старшины осуществляли надзор и «смотрение» за положением «во всех жительствовах».

Особая система управления существовала в Яицком и Оренбургском казачьих войсках. Высшим органом самоуправления яицких казаков по традиции считался войсковой круг, где путем опроса всех служащих казаков решались многие жизненно важные вопросы, в первую голову выбирались атаманы и старшины. Во второй половине XVIII в. часть прав круга, не без пособничества правительственных властей, была присвоена атаманом и старшиной. А среди тех прав такие серьезные, как верстание в казаки и замещение должностей в войске, судебные разбирательства и т. п. Так, в 1765 г. Военная коллегия, в нарушение прежнего порядка отправления команд на службу (старшины возглавляли команды по очереди), разрешила «при важной надобности» назначать командиров «не по выбору войсковом», а «по рассмотрении войскового атамана и старшины»¹¹⁰. Фактически управление казачьим населением было сосредоточено в руках атамана и войсковой канцелярии. Они следили за боеспособностью войска, определяли команды на службу, выносили решения о штрафах и физическом наказании чиновных и рядовых казаков. Войсковому атаману подчинялись атаманы отдельных крепостей.

Атаманы Яицкого войска утверждались Военной коллегией, которая присваивала им офицерские армейские чины. Постановления атамана и войсковой канцелярии по всем важным делам должны были направляться на утверждение в Военную коллегию.

После подавления восстания яицких казаков в 1772 г. произошла коренная реорганизация органов войскового самоуправления. По указу Екатерины II, казачий круг «временно»

упразднился. Войсковая канцелярия была заменена комендантской канцелярией во главе с армейским подполковником И. Д. Симоновым.

Однако и после этого с демократическими институтами на Яике еще не было покончено. В 1775 г. генерал-майор П. С. Потемкин сожалел, что старые казачьи порядки «от некоторых времен начали у них из употребления выходить, но до желанного предмета весьма не доведено», а комендант и его канцелярия «оставались без действия»¹¹.

Оренбургское казачье войско было создано самодержавием, поэтому организация власти и управления строились здесь на принципах, далеких от казачьей демократии. Атаман и войсковая канцелярия имели весьма ограниченные права и зависели от губернских властей и командиров армейских гарнизонов.

В пределах же своей власти оренбургский атаман ведал военными, гражданскими, судебными, финансовыми делами. Он был командиром Оренбургского иррегулярного войска, следил за воинской дисциплиной в нем, его боеспособностью. Атаман рассматривал вопросы зачисления и увольнения казаков, отбирал кандидатуры для производства в старшинские звания, но окончательные решения о замещении должностей в войске, верстании и отставке казаков были в компетенции губернатора и Военной коллегии. Даже выдача атаманом «отпускных» билетов казакам, занимавшимся торгово-промысловой деятельностью внутри губернии, контролировалась губернской канцелярией и дистанционными командирами. В конце 60-х годов губернатор полностью присвоил себе право отпускать казаков на промыслы.

Выборные начала в войске почти отсутствовали. Элементы казачьей демократии допускались только в обиходе исетских казаков и казаков, живших в крепостях по Оренбургской линии. У исетского казачества, оформившегося еще в 1736 г. из вольных казачьих общин, были свои выборные атаман и канцелярия. Сохранялся здесь и казачий круг. Но со временем, а именно к 70-м годам круг рассматривал лишь вопросы бытового характера. В прилинейных крепостях казаки еще выбирали есаулов, сотников, хорунжих, имевших старшинское звание, и младших командиров — урядников, капралов. Но выборы уже проходили под контролем командиров дистанций и по специальным инструкциям.

В крепостях казачьими общинами управляли атаманы. Они наряжали команды на службу и другие работы, организовывали воинские учения. В функции атаманов входило решение от-

дельных судебных дел. Незначительные иски, мелкие тяжбы рассматривались «словесными» судами при атаманах.

По военным делам оренбургские казаки подчинялись войсковому атаману, а также комендантам армейских гарнизонов, в гражданских — зависели от губернской и провинциальных канцелярий. Часть гражданских и криминальных расследований вели две войсковые канцелярии — Оренбургская и Исетская. Нечеткость в правовом положении казаков приводила «к большому замешательству и затруднениям». Казаки «то подчинялись полевому генералитету, то поступали опять в ведение Оренбургской губернской канцелярии»¹¹². Тем временем указом Военной коллегии от 29 ноября 1764 г. это двойное подчинение казаков закреплялось: «в жилищах своих» они находились «под управлением губернским, а когда бывают командированы на линию или на форпосты и на прочия воинские надобности, тогда они должны состоять в заведывании у полевого генералитета и исполнение чинить по даваемым им от них приказаниям»¹¹³.

Отличие управления в Оренбургском казачьем войске с его жестким подчинением губернским властям и генералитету от других казачьих формирований, где еще бытовали элементы демократических порядков, ясно виделось современникам. Глава администрации края писал: «Уральское (Яицкое) войско основано совсем не на таком предположении, как Оренбургское войско»¹¹⁴. Яицких казаков, провинившихся по службе, наказывали переводом в оренбургские. Над оренбургскими казаками постоянно висела угроза обращения в солдаты.

Ставропольские крещеные калмыки с 1744 г. были переданы в ведомство Оренбургской губернии. Они составили Ставропольское калмыцкое войско (корпус), подчинявшееся губернатору и губернской канцелярии. На месте управление населением осуществляла Ставропольская воеводская канцелярия, комендант Ставрополя и специально назначаемый комиссар. Для подготовки канцелярских служащих, знающих калмыцкий язык, в Ставрополе была открыта школа на 50 «владельческих, старшинских и калмыцких детей для обучения российской и калмыцкой грамоте и письму». Из школьников, как докладывал Екатерине II губернатор И. А. Рейнсдорп, готовили священников, переводчиков, толмачей¹¹⁵.

Вопросы внутреннего управления решались феодальной знатью — так называемыми владельцами и зайсангами, многие из которых занимали штатные окладные должности в войске. В войсковую старшину входили полковник и предводитель корпуса, 12 есаулов, 15 хорунжих, 11 ротмистров. Решением

споров, рассмотрением криминальных дел занимался калмыцкий суд во главе с судьей. За порядком в улусах следил надзиратель с целым штатом чиновных лиц¹¹⁶. Как и другое служилое население края, калмыки во время караульной службы на линии подчинялись армейским офицерам.

Гражданское и военное население пограничных крепостей подчинялось командирам дистанций, которые решали «такие дела, как провинциальным воеводам поручены», а также комендантам крепостей¹¹⁷.

В 1753 г. особая градская канцелярия была учреждена в Троицкой крепости, где разворачивалась торговля с Казахстаном и Средней Азией. Канцелярия находилась под началом коменданта дистанции, имевшего чин полковника или же бригадира. Ему поручались и «заграничные с Среднею киргис-кайсацкою ордою происходящие дела». Канцелярия производила все сборы с населения 10 крепостей дистанции, содержала винную и соляную продажу, вела судебные дела¹¹⁸. Сюда же поступали деньги от откупщиков и пошлинные деньги из таможи. Подчинялась градская канцелярия губернатору и губернской канцелярии.

Полновластными судьями помещичьих, дворцовых, заводских крестьян были их владельцы — дворяне, купцы или представители дворцового и горного ведомств.

Владельцы металлургических заводов имели свой административный аппарат (управители, заводские конторы), в подчинении которого было население заводов и принадлежавших последним деревень. Обширные заводские территории представляли своего рода автономные районы в губернии.

Институтом защиты интересов всех категорий крестьянства выступала сельская община (мир), осуществлявшая местное самоуправление. Мирское начальство — старосты, сотские, десятские, сборщики подушной подати, целовальники и др. — выбиралось на сходах. Его основными обязанностями было обеспечение своевременного сбора налогов и неукоснительного выполнения повинностей, соблюдение правопорядка в деревнях: оно было наделено некоторыми судебными и полицейскими полномочиями. Выборные непосредственно подчинялись управителям волостей и заводских контор и администрации. На общинных сходах решались небольшие гражданские дела, связанные с разделом имущества, общинными спорами и др. Мелкие обиходные дела рассматривались словесными судами на основе обычного права, обыденных религиозных и нравственных представлений.

Существование общины до некоторой степени сдерживало всевластие феодалов. Но она испытывала постоянное давление со стороны феодально-крепостнического государства, государственного аппарата, помещиков и заводчиков, стремившихся превратить общинные институты всецело в фискально-полицейские учреждения¹¹⁹. Это наступление было столь очевидным, что в составленный от имени более 40 тыс. душ м. п. государственных крестьян Исетской провинции наказ в Уложенную комиссию был внесен специальный пункт о местном суде: «4-е. В случившихся во всех здешней провинции уезде в слободах между крестьяны съсорах, драках и в долгах, и в разделении между собою сенокосных мест, во всех малых делах, по отдаленности от команд, позволено б было разбирательство чинить крестьянским старостам»¹²⁰.

Посадское население городов избирало членов магистрата — президента, бургомистра, ратмана. Главной обязанностью магистратов были финансовые дела. Они производили раскладку и сбор податей, пошлин и т. п. Городская администрация фактически была исполнительным органом воеводской власти. На недостаточную защиту интересов купечества, отсутствие «надлежащего охранения», т. е. собственного своего суда, жаловался в выступлении на заседании Уложенной комиссии 12 декабря 1767 г. депутат оренбургских купцов И. П. Коченев¹²¹.

Во второй половине XVIII в. в губернии были учреждены специальные организации, наделенные торговыми и хозяйственными функциями. Торговые операции на оренбургском и троицком гостиных и меновых дворах контролировались Оренбургской и Троицкой пограничными таможами.

Размах горнозаводского строительства в Башкирии поставил перед Сенатом вопрос о создании специального учреждения, которому следовало весть отводом земли под заводы, надзором за строительством и уплатой податей и т. п. В 1754 г. такое учреждение было основано: Оренбургское горное начальство. Оно подчинялось канцелярии Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов. Горное начальство не только следило за производством на мануфактурах, но и обладало административно-полицейскими и финансовыми функциями.

Для организации добычи соли в Илецкой защите, поставки ее в казенные магазины и продажи было создано в Оренбурге соляное комиссарство, находившееся в непосредственном ведении правительственной Соляной комиссии.

§ 3. ХАРАКТЕРИСТИКА ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

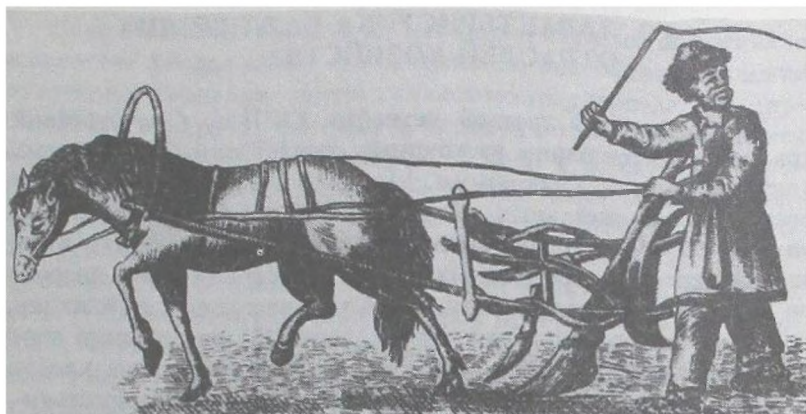
Земледелие. В третьей четверти XVIII в. Оренбургский край становится одним из крупных хозяйственных и торговых центров страны. Основными факторами, способствовавшими росту производительных сил в сельском хозяйстве, было развитие в 50—60-х годах горнозаводской промышленности и создание системы укрепленных линий: в губернии резко возросла численность заводского и служилого населения, нуждавшегося в сельскохозяйственной продукции. На расширении зернового хозяйства благоприятно сказался и рост числа хлебопашцев среди коренного населения края и пришлого крестьянства, освоивших значительные степные и лесные площади.

Оренбургский край обладал огромным фондом земель, еще мало освоенных земледельцами. Исследователи губернии в XVIII в. единодушно отмечали «доброту» ее земель для хлебопашества и сенокосов.

Хозяйство было многоотраслевым. Во второй половине XVIII в. значительных успехов достигло земледелие. По требованию Сената и Камер-коллегии губернская канцелярия с 1763 г. стала регулярно собирать сведения о пашне и урожае. Отправленные в 1764—1767 гг. сведения еще были фрагментарны. К примеру, ведомости Уфимской провинциальной канцелярии содержали лишь информацию об урожайности сельхозкультур. А что касается размеров пашни, воевода из года в год отписывался одной фразой: «А сколько в посеве бывает во всей здесь провинции десятин, о том точных ведомостей отбирать невозможно, ибо отзываются незнанием о всех местах»¹²².

Наиболее полные сведения о посевных площадях и урожайности дают ведомости губернской канцелярии за 1768 и 1772 годы. В 1767 г. посевная площадь в губернии составляла 182 874 дес. В Исетской провинции числилось 62 782 дес., Уфимской — 56 046, Ставропольском уезде (с Бугульминским ведомством) — 49 522, Оренбургском — 14 524 дес.¹²³

На 1771 г. губернская администрация насчитала 174 252 дес. посевной земли, или менее одного процента всей площади края. За 5 лет произошло сокращение посевов на 8622 дес. По регионам это выглядит так: в Исетской провинции посевная площадь выросла до 73 455 дес., более чем на 10 тыс. дес.; в Оренбургском уезде — на 500 дес. А в Уфимской провинции недосчитывалось более 7 тыс. дес., в Ставропольском уезде — 12 626¹²⁴.

Пахота. Гравюра из «Трудов Вольного экономического общества» 1766 г.

Трудно объяснить причину этого явления. Вряд ли сокращение достигло таких размеров. Скорее всего в губернскую канцелярию поступили неполные данные.

Самые крупные посевы были в Исетской провинции. В середине века площадь посева составляла 11 110 дес., к 1771 г. она выросла в 6,6 раза¹²⁵. Наличие обширных и плодородных земель позволяло земледельцам пользоваться переложной системой их обработки, при которой выбранные участки использовались несколько лет подряд до истощения земли, а затем оставляли их на несколько лет «отдыхать», переходили на новые участки. По описанию П. С. Палласа, башкиры-земледельцы Сибирской дороги, используя опыт русских крестьян, сеяли «два года ячмень, два года овес, два года озимую рожь, и еще один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь»¹²⁶. Срок успешного земледелия на одном месте не превышал 15 лет. Поэтому пришлое население Уфимской провинции — служилые татары, мишари и др., расселившиеся было в башкирских волостях Казанской и Осинской дорог, в поисках новых пашен покидали истощенные земли и переселялись в глубь Башкирии, на Ногайскую дорогу.

Существовала подсеčno-огневая система. Земля, удобряемая золой при выжигании лесов и степей, в течение нескольких лет давала неплохие урожаи. Но этот способ земледелия приводил к гибели лесов, наносил большой вред природе. П. С. Паллас с возмущением писал, что казаки и крестьяне Исетской провинции «вредное выжигание степей ..., несмотря на строжайшия запрещения, без всякой нужды с башкирцами в запуски делают»¹²⁷.

Более совершенная паровая система земледелия с трехпольным севооборотом была мало распространена в губернии. Лишь «прилежнейшие земледельцы, особливо ж российские,— писал П. И. Рычков,— все пашни свои на три поля разделяют, из коих одно все бывает озимое, т. е. под ржаным севом; другое такое ж под яровым или внешним севом; а третье, кое называется пар, остается праздным, для утучнения земли к предбудущему севу»¹²⁸. Удобрялась земля только пастью скота.

Основными пахотными орудиями являлись татарский плуг — сабан, который тянуло до 6 лошадей, и русская соха. По наблюдениям Палласа, башкиры «для начального вспахивания новины степных мест ... употребляют татарский плуг сабан, однакож обыкновенное орание, как в России, у них производится сохою, которая плуга дешевле, легче и меньше на упряжку лошадей требует»¹²⁹.

Чиновники и ученые-путешественники отмечали, что из местного населения лучше землю обрабатывали русские, мордовские, марийские, удмуртские, татарские крестьяне. У служилых людей — казаков, башкир, мишарей — хлебопашество занимало меньшее место, чем скотоводство¹³⁰. Как заявляли оренбургские казаки в Уложенной комиссии 1767 г., «они от природы люди военнотруженики, то и не сродны к занятию земледелием»¹³¹.

Основной зерновой культурой была озимая рожь. Она отличалась неприхотливостью и более надежной урожайностью. Сеяли и яровую рожь (ярицу). В 1767 г. рожь занимала 37% посевной площади, в 1771 г. — 40%. Из яровых культур самой распространенной был овес, необходимый для лошадей, а также в качестве крупы. За ним следовал ячмень («жито»). Это были выносливые культуры, дававшие сравнительно высокие урожаи.

В ассортимент возделываемых культур входили полба, просо, греча, горох и обязательно — лен и конопля. Наряду с обычным просом сеяли так называемые «бор» или «дикушу», отличавшиеся способностью давать урожай сам-20, сам-30 и более при самой примитивной обработке земли¹³². В 1771 г. появился первый картофель: в Оренбургском уезде четверть десятины была засажена «земляными яблоками». В южных районах губернии занимались овощеводством, бахчеводством. В 60-х годах начали разводить сады. Яблоневые сады были в Яицком городке, Ставрополе, Уфе.

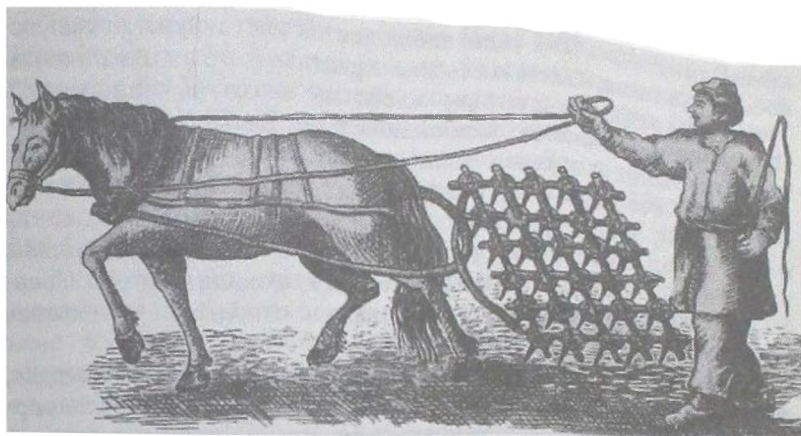
Урожайные годы были редкими. Каждые 10 лет хороший урожай получали 2 года, средний — 4, плохой — 4 года¹³³. Ведомости об урожаях в крае, отправленные в 60-е годы в Се-

нат, наполнены сообщениями о недородах, когда «семена с нуждою возвращены». Это объяснялось в одних случаях засухами, в других — «поля от морозов вызябли», в третьих — «за выдувкой от великих ветров» и т. п. В благоприятные для сельского хозяйства годы урожай ржи, овса, пшеницы, полбы, ячменя и ярицы составляли сам-5, сам-6 и более, гречи и гороха — сам-10, проса — сам-20. В особо урожайные годы просо давало сам-60. Средняя же урожайность была ниже: рожь и овес сам-2, пшеница и ячмень сам-2,2, просо сам-2,8, горох, лен, конопля сам-2¹³⁴.

Лучшую в губернии пшеницу выращивали татары из Сеитовой слободы. Ее урожай составлял «против посева от 6 до 7 раз»¹³⁵.

В 1767 г. в губернии было выращено 979 897 четвертей зерновых и технических культур, в 1771 г. — 832 500 четвертей. Прибыли «против севу» в 1767 г. составляли около 596 тыс. четвертей, в 1771 — 520,6 тыс. четвертей¹³⁶. Больше всех в 1767 г. получили урожай земледельцы Ставропольского уезда — 358 676 четвертей. В Исетской провинции собрали 297 592 четверти. Уфимская провинция дала 245 110 четвертей, Оренбургский уезд — всего 78 513 четвертей. Зато в 1771 г. вперед резко вырвалась Исетская провинция, давшая 379,2 тыс. четвертей¹³⁷.

Развитие земледелия в губернии шло неравномерно. Крупными земледельческими районами являлись Ставропольский уезд и Исетская провинция. Из поездки по Зауралью П. С. Паллас вынес такие сведения: «не токмо большая часть Оренбургской линии, но и все по Уралу лежащие заводы и часть Екатеринбургских заводов — все из Исетской провинции хлеб получают»¹³⁸. В Уфимской провинции было несколько районов хлебопашества, главный из них лежал к северо-западу от Уфы и явно преуспевал. О товарных излишках хлеба в Уфимской провинции сообщал академик И. П. Фальк: «Сии страны населены русскими, татарами, черемисами, чувашами, вотяками и тептярями, хорошими земледельцами, также башкирцами и мещеряками, занимающимися скотоводством, а потому сия провинция хорошо возделана и торгует хлебом»¹³⁹. В других районах губернии земледелие прозябало. Медленное развитие сельского хозяйства в Оренбургском уезде губернская администрация объясняла, например, слабой заселенностью пояса и отсутствием крестьян: «хлеба, по новости здешних мест и по малоимению таковых людей, кои бы довольное хлебопашество производить могли, в посеве бывает одними от службы отставленными, регулярными и нерегулярными, також

Боронование. Гравюра из «Трудов Вольного экономического общества» 1766 г.

и определенными на поселение людьми весьма по малому числу для одного своего пропитания»¹⁴⁰.

Расширение сельского хозяйства шло за счет освоения новых районов. «Приращение» хлебопашества стало давать товарный хлеб. Но губерния еще не могла обеспечить себя хлебом. По утверждению П. И. Рычкова, «все, что потребно не только для казенных магазейнов, но и на партикулярные расходы, донныне большею частию из Казанской губернии сухим путем завозится»¹⁴¹.

Хорошими земледельцами были русские государственные крестьяне, основная масса которых проживала в Южном Зауралье. При создании слобод в Исетской провинции на основании правительственных указов производился отвод земель из расчета 15 дес. пашни и около 13 дес. леса и сенных покосов на ревизскую душу. Государственные крестьяне не имели права отчуждать или другим каким-либо образом распоряжаться своими надельными землями¹⁴². Вся земля находилась в общественном владении.

Наряду с официальным отводом земель сплошь и рядом практиковался свободный захват угодий. С целью расширения своих земельных владений крестьяне-переселенцы даже шли на незаконное присвоение чужих земельных угодий¹⁴³. Это приводило к многолетним тяжбам и спорам с башкирами, казаками. Часть земли государственные крестьяне арендовали у башкир, помещиков, казны.

В Исетской провинции проживали почти все экономические крестьяне губернии. Избавление в 1764 г. от власти церковных крепостников развязало хозяйственную активность

крестьян. В 60—70-е годы наблюдается рост пашни за счет освоения целины. Экономические крестьяне строили мельницы, брали подряды на доставку хлеба на заводы и в крепости¹⁴⁴. Подчеркивая значение хлебопашества в Зауралье для всей губернии, Паллас привел такие сведения: «Во время бывшего 1769 года всеобщаго неурожая, когда даже и в самой Исетской провинции, ради продолжавшейся в оной засухи, едва самой посев назад возвращен, доставало в оной еще хлеба довольно, чтоб как ... заводы, так и все смежные провинции и всю Оренбургскую губернию снабдить оным и отвратить неизбежной почти во многих местах голод»¹⁴⁵.

Среди тептярей хорошими земледельцами были мордва, марийцы, удмурты. Большая часть тептярей жила на башкирской земле на основе припуска или аренды и лишь немногие на собственной земле, купленной или пожалованной. Переселенцы из Поволжья иногда занимали башкирские земли явочным порядком, что опять же приводило к столкновениям и спорам по поводу землевладения. По мнению Н. Рычкова, объезжавшего Уфимскую провинцию, «род тептярей ... составляет лучших земледельцев сей пространной провинции»¹⁴⁶.

Значительных успехов в земледелии достигли торговые татары. Пашня сеитовских татар в 1763 г. составляла 1500 дес.¹⁴⁷ Земледелие развивалось и в деревнях по Новой Московской дороге, основанных переселенными в губернию однодворцами, пахотными солдатами, ясачными татарами. Земля отводилась на всю деревню, и ею распоряжалась крестьянская община.

Старыми районами помещичьего землевладения были округа Уфы, Мензелинска, Самары. В 40—50-х годах были заложены новые районы помещичьих владений в Оренбургском уезде. Земли здесь раздавались за службу офицерам и штатским лицам «по пропорции чинов». Но помещики не ограничивали свои аппетиты жалованными землями. Они «малыми ценами» покупали у башкир «непреодолимые округа и некоторые из них верст по 200 и более». Не имея возможности заселить их крепостными и обработать, многие новые помещики держали землю «впусте» или сдавали в аренду¹⁴⁸.

Помещичье хозяйство в губернии было слабым. Расширить земледелие помещики пытались за счет непомерной эксплуатации собственных крестьян и закабаления дворцовых крестьян, тептярей и др. В 1770 г. П. И. Рычков убеждал помещиков в том, что крестьянин не сможет хорошо обработать землю, если барщинное поле будет превышать 1,5 дес. на тягло¹⁴⁹. Но крепостники отводили на каждое крестьянское тягло (2,5—3 души м. п.) по 4 дес. пашни.

Пашни владельческих крестьян были небольшими. Выделялись лишь некоторые заводы, на которых из-за сложности подвоза продовольствия поощрялось хлебопашество. Мастерские и работные люди имели земельные наделы в среднем от 1,5 до 3 дес. на двор. На Воскресенском и Верхоторском заводах наделы составляли более 4 дес. на двор. В 1773 г. на Воскресенском заводе было 482 двора, которыми засеивалось 2094,5 дес.

По данным ведомости Берг-коллегии об убытках по разоренным в ходе Крестьянской войны заводам, заводские крестьяне Катав-Ивановского завода собирали с десятины по 150 пуд., Преображенского — 132, Белорецкого — 110, Архангельского — 88, Симского — 77,5 пуда¹⁵⁰. Вполне вероятно, что эти данные завышены, т. к. они представлялись заводчиками в Берг-коллегию с целью получить ссуду на восстановление хозяйства.

Заводовладельцы соглашались на поселение в их вотчинах крестьян-новокрещенцев. Так, 5 деревень ясачных чувашей и татар обосновались на землях Твердышева и Мясникова. Их пустили с условием «пашню пахать и сено косить и излишний хлеб, за отдаленностью хлебопахотных людей, на сторону не продавать, а привозить бы на их железной Катав-Ивановский завод и продавать на оном нам, новокрещенам, по вольною цену»¹⁵¹.

В хозяйстве башкир, мишарей, яицких и отчасти оренбургских казаков и других служилых людей земледелие играло второстепенную роль.

Одним из способов расширения посевных площадей и соответственно увеличения заготовок хлеба было, по мнению администрации, развитие земледелия среди коренного населения губернии. Конец 50-х и 60-е годы отмечены сравнительно быстрым восстановлением башкирского хозяйства, разрушенного во время восстаний 1735—1740 гг. и 1755 г. Однако уровень развития земледелия в различных частях Башкирии был неодинаков. По донесениям провинциальной и губернской администрации и наблюдениям очевидцев, можно говорить лишь об отдельных земледельческих районах.

Наиболее крупным из них был бассейн реки Танып в северо-западной части Башкирии. В 1769 г. Н. П. Рычков записал: «Народы, по берегам ея живущие, суть в земледельстве упражняющиеся башкирцы, между которыми поселилась некоторая часть вотяков и черемис»¹⁵². П. С. Паллас тоже отмечал, что башкиры этого края «как от землепашества, также от вождения пчел равное довольство имеют... Богатые здешние баш-

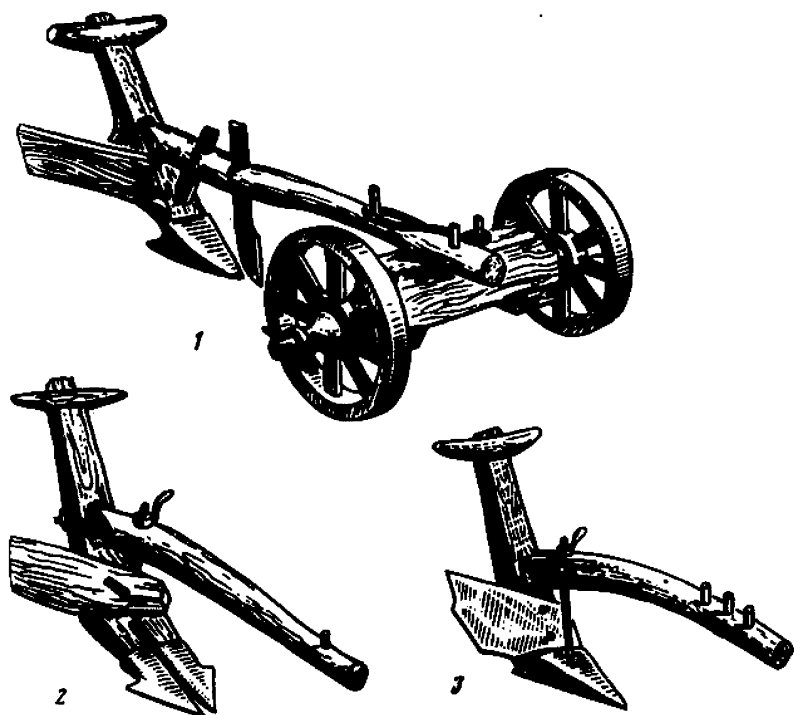
кирцы столь изрядные землепашцы, что множество ржи на Камские винокурни отвозят»¹⁵³.

Старым земледельческим районом были башкирские волости Осинской дороги.

Значительное место занимало хлебопашество в хозяйстве башкир Уфимской и Исетской провинций, проживавших в бассейне рек Ай, Юрюзань, Сим, Катав, Уфа. Если земледелие у башкир Казанской и Осинской дорог было связано главным образом с плотным заселением этой территории пришлыми крестьянами-земледельцами, то успехи в хлебопашестве в названном районе определялись не только примером хозяйствования соседей башкир — русских крестьян, но и потребностями в питании большого промышленного населения близлежащих заводов Оренбургской губернии и Екатеринбургского ведомства Сибирской губернии. Этот район хорошо был обследован И. И. Лепехиным и П. С. Палласом. «Щастливые башкирцы, — писал Паллас, — имеют в сей стране великое земледелие и водят пчел, довольно скота и дичиною в околлежащих горных дремучих лесах весьма изобилуются». Обезжая деревни по р. Уфа, он отмечал, что башкиры здесь имеют дома, и «все весьма к земледелию привыкли»¹⁵⁴. Лепехин выделил башкир деревни Кызылбаево как «хороших хлебопашцев», которые имеют «изрядную мушную мельницу», много скота, а к столу подают кофе, чай, виноградные вина¹⁵⁵.

О товарном земледелии свидетельствуют записи Лепехина, Палласа, а также документы канцелярии генерал-аншефа П. И. Панина. В январе 1775 г. он получил рапорт полковника В. Ф. Бибикова, в котором сообщалось, что заводские крестьяне Екатеринбургского ведомства всегда «покупкою» хлеба «питаются», а «хлебу подвоз прежде всегда бывал из Исецкой провинции, из прилежащих русских слобод и от башкирцов»¹⁵⁶.

Еще одним районом башкирского земледелия являлся центр Уфимской провинции между реками Дема, Уршак, Белая. Это была территория Ногайской дороги от Уфы и примерно до Стерлитамака¹⁵⁷. Лепехин записал, что здесь башкиры сеяли хлеб, «сколько для домашнего обихода потребно», но «год от году рачительнее становятся к пашне»¹⁵⁸. В некоторых хозяйствах появился товарный хлеб. Так, башкиры д. Кубаул (Кубово) под Уфой, «живущие летом и зимою в своей деревне неподвижно, сделались порядочными земледельцами и уже в состоянии вывозить хлеб свой в город на продажу»¹⁵⁹. В период Пугачевского восстания башкиры минских и табынских волостей снабжали хлебом повстанческие отряды; часть зерна была у них реквизирована правительственными войсками¹⁶⁰.

Разновидности сабана: 1 — казанский, 2, 3 — уфимские.

Пашни у башкир все чаще стали переходить из общинного владения в состав их повытий, что свидетельствовало о повышении роли земледелия в индивидуальном хозяйстве¹⁶¹. Но владельцы земли не всегда обрабатывали землю сами. Распространенным явлением стал припуск на землю крестьян, переселившихся в Башкирию. Те занимались хлебопашеством и платили владельцам ренту зерном. Хотя в подобных случаях башкиры непосредственно не участвовали в сельхозработах, это был для них наглядный способ обучения земледелию¹⁶².

В 1769 г., по донесению губернатора Екатерине II, среди башкир «с начала учреждения Оренбургского никогда больше пахано и сеяно от них не было»¹⁶³. Справедливо гордясь своими подданными, он, к сожалению, не привел данных о посеве. Однако в частности размеры пашни у башкир были незначительными. «Ни у кого больше осьми десятин в посеве не бывает», — писал И. Г. Георги¹⁶⁴. Земледельческие хозяйства были разбросаны хотя и частыми, но мелкими пятнами¹⁶⁵.

Причин медленного развития земледелия у башкир было несколько. Во-первых, практически полное удовлетворение их

основных потребностей в питании, а также нужд натурального хозяйства и обихода за счет продуктов скотоводства. Во вторых, башкиры-скотоводы могли покупать или обменивать продукты животноводства на хлеб у своих соседей-землепашцев. Наконец, большая трудоемкость, высокая техника и организация земледельческого труда по сравнению с практикой полукочевого скотоводства затягивали освоение народом необходимых навыков, а более — новых жизненных традиций¹⁶⁶. Ну и, конечно, серьезным препятствием развитию земледелия была ежегодная (летняя) казачья служба, которую стали нести башкиры с середины XVIII в.

Постепенно в земледелие втягивались и оренбургские казаки. Земли у них было много, но, занятые пограничной и караульной службой, они не успевали полностью освоить отведенные земли.

Казаки пользовались землей всей общиной, частной собственности на землю не было. Нормы земельного пая на казака по каждой крепости не были определены. Они были условными держателями своих участков.

Самые большие пашни были у казаков Исетской и Уфимской провинций (без Уфы), самарских и алексеевских казаков. По утверждению Георги, в конце 60-х годов много казаков занималось земледелием и производило даже товарный хлеб. Продажа хлеба по линии давала им «изрядные деньги». Упомянутый автор даже считал оренбургских казаков более зажиточными, чем донских¹⁶⁷. Действительно, о значительном производстве хлеба исетскими казаками говорит такой факт: только в Чебаркульской крепости в 1774 г. пугачевцами, а затем правительственными войсками было конфисковано хлеба и других припасов в целом на 52 826 руб.¹⁶⁸

Но в крепостях вверх по Яику и около Оренбурга тяжелая служба, напряженное положение на границе, а также частые засухи мешали развитию земледелия. Собственного хлеба в приграничных крепостях не хватало; на линию хлеб доставлялся из Исетской провинции.

Яицкие казаки также сеяли мало; сравнительно большие пашни имелись только у илецких и сакмарских казаков.

Определенное развитие получило орошаемое бахчеводство, огородничество и даже возделывание риса и хлопчатника. Интересно, что о Е. И. Пугачеве рассказывали, как он в 1773 г. «жил на хуторе казака Шелудякова, сено косил и гряды копал»¹⁶⁹.

Нехватка хлеба для населения губернии и армии, а также казаков заставляла местную администрацию искать различные пути развития сельского хозяйства. Одним изложе-

ний проектов губернаторов Д. В. Волкова (1763—1764) и И. А. Рейнсдорпа (1768—1781) был план расширения земельного среди башкир, «чтоб в самой Башкирии и самыми башкирцами хлебопашество завести и весьма умножить»¹⁷⁰. Они обращались к башкирской старшине с настойчивыми наставлениями, убеждая её в необходимости и выгоды хлебопашества. Рейнсдорп от имени Екатерины II награждал похвальными указами и почетным оружием, одаривал сукнами тех из старшин, кто возил хлеб на продажу в города и на заводы. Волков просил Сенат поддержать требование башкир об открытии дополнительных кузниц, а также разрешить им нанимать в сельхозработники крестьян «с вольными пашпортами». По его мнению, «лучшия им были бы учителя и хлебопашцы чуваша», земледельческий труд которых губернатор оценивал как «великой и неусыпной»¹⁷¹. К сожалению, Петербург высказался против «заведения тамо кузниц и кузнецов», предложив закупать необходимые для земледелия орудия и инструменты в Казанской губернии¹⁷².

Одновременно местные власти «размножение хлебопашества» связывали с переселением русских государственных крестьян с семьями. Губернатор А. А. Путятин (1765—1768) настаивал на продаже так называемой «празднолежащей земли» (на самом деле, изъятой у башкир) дворянам и заселении ее крепостными крестьянами¹⁷³. А Рейнсдорп предложил переселить в Башкирию каракалпаков, как «к земледельству прилежащих весьма людей»¹⁷⁴.

Оренбургские губернаторы обращали внимание Сената на необходимость через Берг-коллегию потребовать от заводчиков, чтобы они создали условия для хлебопашества и скотоводства у заводских крестьян.

Животноводство. Дальнейшее развитие получила важная отрасль сельского хозяйства края — скотоводство. Сведений о количестве скота у различных категорий населения губернская канцелярия не собирала. Источниками, позволяющими говорить об успехах этой отрасли хозяйства, служат документы местной администрации, работы П. И. Рычкова, записи руководителей академических экспедиций.

В хозяйственной анкете Шляхетского кадетского корпуса за 1761 г. приводятся общие сведения о животноводстве в Уфимской провинции. Жители «скот содержат рогатой: коров, овец, коз, — а больше всех лошадей, особливо в уезде у иноверцов — башкирцов, и гоняют оной летним временем пред Петровым днем и после на ярмонку к Макарию и в Синбирск и в протчие низовые российские города табунами лошадей по 20, по 40 и более»¹⁷⁵.

Скотоводство составляло главное занятие башкир, оренбургских казаков, калмыков, мишарей. Оно давало продукты питания и сырье для домашнего ремесла, было источником снабжения служилых людей верховыми лошадьми. Скотоводство имело и промыслово-торговый характер. По оценке Георги, башкиры «могут назваться привычными, щастливыми и богатыми скотоводами; да они и имение свое считают по величине своих стад или табунов. Лошадиные заводы всему у них предпочитают, потому что они заимствуют от них единственно все прямые свои надобности, как например, верховых лошадей, молоко, мясо, из шкур шьют они себе платье и сосуды, а из волосу делают веревки и прочее»¹⁷⁶. В хозяйстве рядового общинника Георги насчитывал по 30—50 лошадей, у зажиточных — по 500; богатые башкиры имели более 2 тысяч лошадей. Крупный рогатый скот «держат богатые в половину против лошадей»¹⁷⁷. Много было овец. В хозяйствах башкир Исетской провинции были верблюды.

Башкирское скотоводческое хозяйство было экстенсивным, круглый год скот находился на подножном корму. Но в 60-е годы уже достаточно широко было распространено сенокосение. В 1769 г. Паллас проезжал по Ногайской дороге от Оренбурга до Уфы и записал свои наблюдения о жизни башкир: «От других степных народов разнятся они тем, что зимою живут в избах, на корм скоту косят сено, и выют стоги около больших дерев»¹⁷⁸.

К особенностям развитого скотоводческого хозяйства башкир следует отнести способность владельца быстро восстанавливать стадо после значительных в нем потерь (в результате военных действий на территории Башкирии, падежа от болезней или бескормицы). После восстаний 1735—1740 гг. и 1755 г. «сей народ приведен уже был до великого оскудения в лошадях; но по успокоению онаго в короткое время так они снова у них разплодилось, что ныне из них многие имеют сот по 5 лошадей и больше, и все вообще стали быть оными опять достаточны»¹⁷⁹.

Необходимость иметь строевых и тягловых лошадей способствовала развитию скотоводства у яицких и оренбургских казаков. В 1767 г. Рычков писал, что оренбургские казаки лошадей «для службы и для домашней надобности содержат потребное число. Редкой сыщется, который бы трех или четырех лошадей для себя не имел, а много и таких, кои десятка по два и гораздо больше имеют»¹⁸⁰. Однако есть другие свидетельства о том, что среди казаков немало было одноконных и безконных. Так, по отчету атамана в 1775 г. из 150 служащих каза-

ков Уфы 108 имели по два боевых коня, одноконных было 16, безконных — 24¹⁸¹.

Яицкие казаки имели прекрасные пастбища в долине Яика, которые могли прокормить значительное количество лошадей, верблюдов, овец. На случай суровых снежных зим делались запасы сена. Богатые казаки держали хутора, где было до 600 лошадей и рогатого скота, сотни овец.

У мишарей, служилых татар также было много лошадей и другого скота. Некоторые имели хутора, где содержали до 100 коров. У чувашей, мордвы, марийцев лошадей было немного. Но в их хозяйствах развивалось свиноводство¹⁸². Тептяри перенимали у башкир «все обряды скотоводства» и «успевают изрядно», отмечали очевидцы¹⁸³.

В крестьянских хозяйствах скот использовался как тягловая сила, а у работных людей и приписанных к заводам крестьян — еще и для выполнения заводских работ. Государственные и помещичьи крестьяне имели по 2—3 лошади, некоторые по 10—20 лошадей. Безлошадных было немного¹⁸⁴. По данным ведомостей заводчиков об убытках, понесенных во время Крестьянской войны, на двор заводских людей приходилось по 2—4 лошади, столько же коров, от 5 до 18 овец. Около 30% скота и лошадей составлял молодняк. Это средние данные. На всех заводах были безлошадные и бескоровные работные люди¹⁸⁵.

Рыболовство. Пчеловодство. Охота. Рыболовством занимались государственные, помещичьи крестьяне, оренбургские казаки, но основной отраслью хозяйства оно было у яицких казаков. Войсковая земля у последних находилась в общем нераздельном пользовании всего казачьего населения. Существование такой огромной единой общины и было обусловлено рыбным промыслом на р. Яик, богатой красной рыбой (осетр, севрюга, белуга). Раздел земли на отдельные участки неминуемо повлек бы за собой неравномерное пользование рыбными богатствами Яика.

У казаков было три «главных рыболовства» на Яике: в январе-марте — зимний лов или багрение, с апреля по июнь — весенняя или севрюжья плавня, в октябре-ноябре — осенняя плавня. На багрение собиралось до 3 тысяч человек, на севрюжью плавню выезжало до 10 тыс. подвод (2500—3000 чел.), в зимней плавне участвовало до 500 рыбацких лодочных связок. Система казачьего рыболовства предусматривала такие формы организации труда, которые ставили всех участников ловли практически в одинаковые условия: точное назначение места, времени и очередности ловли, четкое определение способов, средств, орудий лова и т. п. В первый день багрения добыва-

ли рыбу только малоимущие казаки с тем, чтобы сразу продать рыбу и запастись необходимым инвентарем для продолжения лова.

О стройности и целесообразности правил производства лова писали многие очевидцы. Их поражала продуманная до мелочей организация труда огромного количества рыболовов на сотни верст от Яицкого городка до Гурьева. Рыбная ловля на Яике, по наблюдениям Палласа, «нигде в России так хорошо не разпоряжена и законами не ограничена, как в здешнем месте».

Рыбный промысел был очень тяжелым занятием. Прибыль от него давалась «великим трудом». Все ловли были продолжительны и проводились в холодное время года. Но это было единственным средством заработать деньги для исправного несения воинской службы, покупки хлеба и одежды. По утверждению войскового атамана, рыбный промысел давал в среднем доход каждому казаку по 100 руб. в год.

Значительную роль в хозяйстве края играло пчеловодство. Самые большие успехи были в бортничестве у башкир, отличавшихся умением сооружать в лесах искусственные борти. По заключению Георги, «всяк имеет хотя несколько, а иные и до двух, трех, четырех и пяти сот ульев»¹⁸⁶. Приемы пчеловодства перенимали у башкир тептяри, русские крестьяне, казаки. Георги писал, что тептяри «в содержании пчел ..., по башкирскому обыкновению, успевают изрядно»¹⁸⁷.

Побочную, но весомую роль в хозяйстве башкир, казаков, отдельных категорий крестьян играла охота. Самым распространенным ее видом был степной гон. Ежегодно сотни башкир, часто в одной команде с оренбургскими казаками, получали разрешение оренбургского губернатора о выезде на охоту «по древнему их обыкновению» на традиционные места охоты «внутри» Оренбургской пограничной линии и в «киргиз-кайсацкую степь»¹⁸⁸. Охотились на волков, корсаков, кабанов, пушных зверей, различных птиц — орлов, беркутов, соколов, ястребов.

В наказах различных сословий в Уложенную комиссию 1767 г. отмечалось богатство Башкирии, «столь отличной от других и изобилующей как земледельческими произведениями, так и разного рода зверями. Страна эта производит мед, воск, масло, сало, всякие кожи, овчины, козлины, куницу, лисицу, выдру, бобров, горностая и прочую мягкую рухлядь», «различные домашние произведения». Она «...как в конских заводах, так и вообще в большом размножении скотоводства, имеет несравненное преимущество против других мест»¹⁸⁹.

Промышленность и ремесла. Важнейшие социально-экономические преобразования в крае были связаны с развитием горного дела и металлургии. В третьей четверти XVIII в. на территории губернии было построено 35 металлургических заводов: в 50-х гг.—19 заводов, в 60-х—14, в начале 70-х гг. —2. Из них только два были закрыты: Курганский действовал в 1763—1767 гг., Ирлянский — в 1765—1772 гг. Во второй половине века продолжали работать шесть заводов, возведенных в 30—40-х гг. Из них старейший Шилвинский завод был построен в 1732 г.¹⁹⁰

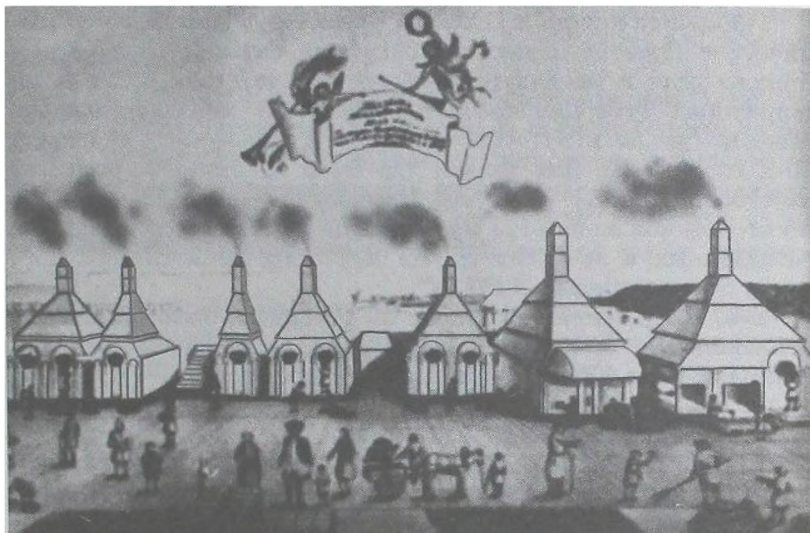
В 1773 г. давали продукцию 39 доменных, молотовых и медеплавильных заводов. Подавляющее большинство их было расположено в Уфимской и Исетской провинциях — в бассейне рек Белая и Уфа. В Оренбургском уезде было всего два горных завода.

Южноуральская металлургия включала 13 вододействующих доменных и молотовых заводов, производящих выплавку чугуна и выделку железа: Верхний Авзяно-Петровский, Белорецкий, Златоустовский, Ильдианский, Катав-Ивановский, Кухтурский, Верхне-Кыштымский, Нязе-Петровский, Саткинский, Верхний и Нижний Сергинские, Симский, Уфалейский.

Неподалеку от доменных были построены восемь вспомогательных молотовых заводов: Нижний Авзяно-Петровский, Кагинский, Каслинский, Нижне-Кыштымский, Саранинский, Суховязский, Усть-Катавский, Юрюзанский. Производственный процесс здесь был тесно связан с доменными заводами, откуда поступал чугун для выделки железа.

В южноуральский металлургический район входило 18 медеплавильных заводов: Архангельский, Архангельский (Шаранский), Благовещенский, Богословский, Богоявленский, Варзино-Алексеевский, Верхоторский, Вознесенский, Воскресенский, Иштерьяковский, Кано-Никольский, Покровский, Преображенский, Верхний и Нижний Троицкие, Усень-Ивановский, Шермяитский, Шилвинский. Кроме того, медеплавильное производство было на Златоустовском и Катав-Ивановском заводах¹⁹¹.

Созданию такого мощного промышленного комплекса за исключительно короткий срок способствовало много факторов. Развитие промышленности в регионе диктовалось потребностями государства в металле, особенно в меди. На протяжении XVIII в. правительство настойчиво проводило политику, направленную на расширение заводского строительства. Именные и сенатские указы предусматривали льготы, привилегии, финансовую помощь заводчикам, обеспечение мануфактур рабочей силой. Важнейшие правительственные документы —

Уральский медеплавильный завод. С рис. XVIII в.

Берг-привилегия 1719 г. и Берг-регламент 1739 г. — провозглашали право представителей всех сословий заниматься поиском рудных месторождений, строить заводы и передавать их по наследству. Государство лишь облагало заводоладельцев десятиной с выпускаемой продукции¹⁹². 25 мая 1754 г. Берг-коллегия приняла специальный указ, подтверждавший «горную свободу» для всех желающих «искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы»¹⁹³. Своим указом 1753 г. Сенат обещал выдачу ссуды в 10 тыс. руб. и более на каждую домну, сооружаемую в губернии. В 1758 г. самые крупные промышленники в губернии купцы Я. Б. Твердышев и И. С. Мясников получили специальное разрешение Сената покупать крестьян для работы на своих заводах¹⁹⁴. В соответствии с указом Берг-коллегии они покупали крестьян из расчета 150 дворов к домне и по 30 дворов к каждому из молотов, «как порознь, так и селами», считая только годных к работе, т. е. в возрасте от 15 до 60 лет¹⁹⁵.

Быстрый рост промышленности в Башкортостане был обеспечен богатством края полезными ископаемыми и разнообразными природными ресурсами: лесными массивами, обеспечивавшими заводы топливом, озерами и реками, удобными для строительства плотин и водохранилищ, сплава грузов. Все это, находившееся во владении башкирских волостей, приобреталось заводчиками за бесценок.

К 1767 г. башкиры уже смогли подытожить опыт заведения нескольких десятков заводов на их земле. В наказах в Уложенную комиссию башкиры Уфимской и Исетской провинций отмечали, что продавали или сдавали в аренду заводчикам свою землю на основании договоров. В этих документах, составлявшихся на русском языке и тюрки, оговаривались границы участков «по назначенным межам и урочищам». Но во время оформления купчих и записей на аренду в губернской и провинциальных канцеляриях «те заводчики, чрез происки свои, включают совсем другие межи, захватывая против договоров, по своей угодности, большие»¹⁹⁶.

Зачастую акты продажи или сдачи в аренду земли, говорилось в наказах, составлялись в нарушение законов, предусматривавших их оформление при участии всех башкир-вотчинников. Заводчики заключали договоры лишь с частью владельцев земли (обычно подкупленных): «только от самых малых людей записи пишут»¹⁹⁷.

Обходили заводчики все положения, фиксировавшие количество земли, необходимое для эксплуатации заводов и рудников — «указную пропорцию». По нормам Берг-коллегии под заводы полагалось иметь около 500 кв. сажен, рудники — 250 кв. сажен земли. Доменно-передельные заводы обеспечивались лесным массивом на 20 верст в длину, а в ширину — в зависимости «от густоты и величины лесов». Медеплавильным заводам положено было иметь лесоучасток по 5 верст в длину и ширину¹⁹⁸. Но ни один заводчик не придерживался этих норм.

Одной из социально-экономических предпосылок успешного развития промышленности была и хозяйственная освоенность края. Заводчики широко пользовались знаниями башкир-рудознатцев, что значительно ускоряло поиски полезных ископаемых. С именами рудознатцев из башкир, оренбургских казаков, крестьян были связаны открытия всех самых крупных месторождений железа и меди в крае. На местное население, свободное от крепостной зависимости, можно было рассчитывать не только при разведке недр, но и в ходе строительства заводов и их эксплуатации¹⁹⁹.

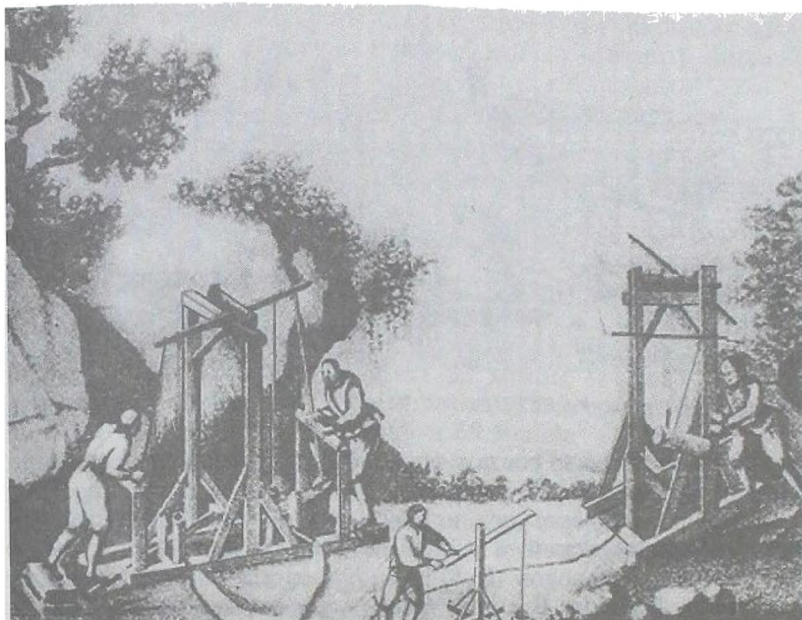
Быстрому росту нового района металлургического производства способствовал также опыт сложившихся промышленных регионов страны, в первую очередь, среднеуральского, откуда шло оборудование и откуда приходили квалифицированные кадры. В Башкирии стали возводить свои предприятия опытные заводчики со Среднего Урала — Осокины, Демидовы, С. П. Ягужинский, А. И. Глебов и др. По указу Берг-коллегии с пермских и сибирских казенных заводов направлялись

мастеровые для обучения работных людей южноуральских заводов. Сами заводчики переводили крепостных мастеровых со своих тульских и среднеуральских заводов²⁰⁰.

Правительственная поддержка, дешевая земля и руда стали условиями больших прибылей, источником которых был принудительный труд работных людей и приписных крестьян. Накопленные капиталы промышленники пускали на строительство новых заводов или расширение производственных мощностей. Особенностью горной промышленности в Башкирии было преобладание в ней частного капитала. Указом Сената от 18 октября 1753 г. запрещалось казенное заводское строительство. Запрет был связан с опасением, что целевое строительство государственных заводов даст повод к новым вооруженным выступлениям башкир, протестующих против ущемления их исконных суверенных прав на свою землю, ее недра, ее ландшафты и пр. Определенное воздействие на это решение Сената оказали ведомственные распри между Берг-коллегией и Оренбургской губернской канцелярией; последняя была чрезвычайно заинтересована в развитии частновладельческих предприятий: большой процент налогов с частных заводов оставался в губернии²⁰¹. Призыв Сената к «партикулярным людям» строить заводы на территории Оренбургской губернии быстро дал положительные результаты. Из 39 действовавших на 1773 г. заводов лишь один принадлежал казне.

Социальный состав владельцев южноуральских заводов был пестрым, но преобладающее место среди них принадлежало купцам. Большие прибыли привлекали в Башкирию высокопоставленных вельмож: затевали свое «дело» генерал-прокурор Сената А. И. Глебов, графы А. С. Строганов, П. И. и А. И. Шуваловы, К. Е. Сиверс, С. П. Ягужинский. В Башкирию пришли известные уральские промышленники братья Е. Н., И. Н. и Н. Н. Демидовы, отец и сын Осокины, тульские купцы Мосоловы и Красильниковы, симбирские купцы И. Б. Твердышев, И. С. и М. С. Мясниковы, Г. И. Глазов. Дворянские предприниматели, несмотря на предоставляемые им из казны огромные ссуды, недолго продержались на Южном Урале. В 1760 г. П. И. Шувалов продал Авзяно-Петровские заводы Н. Демидову, а его брат в 1768 г. уступил Покровский завод Твердышеву и Мясникову. У А. С. Строганова в 1769 г. Саткинский завод перекупил Л. И. Лугинин. Вознесенский завод К. Е. Сиверса с 1766 г. перешел в казну. В 1767 г. был закрыт Спасский завод статского советника П. И. Рычкова, а через 5 лет закрылся и второй его завод — Ирлянский.

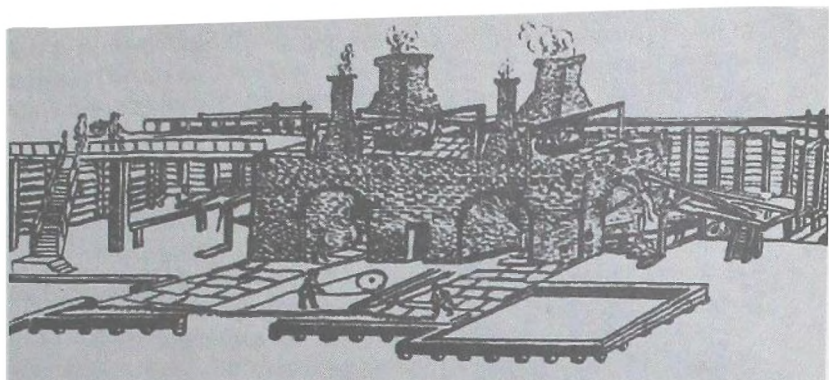
Наиболее крепкими предприятиями, сохранившимися до конца века, оказались заводы, принадлежавшие опытным за-

Ручной насос для выкачивания воды из шахты. Рис. XVIII в.

водчикам и предприимчивым купцам. В 1773 г. 24 горных завода находились в собственности купцов, 14— дворян, 1— казны. Среди предприятий черной металлургии 10 принадлежали дворянам, 11— купцам. Иная картина была в медеплавильной промышленности. Здесь подавляющим большинством — 15 заводами владели купцы, и лишь двумя — дворяне, один завод был казенным.

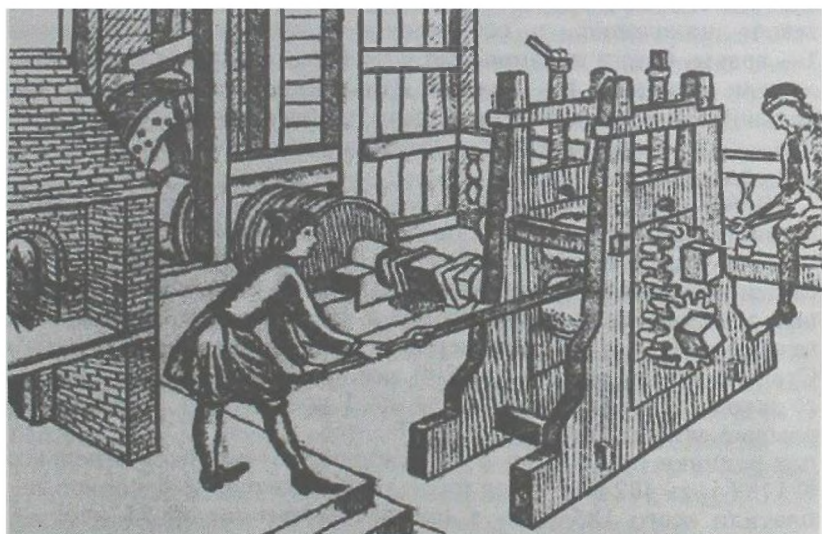
В 50—60-е годы на Южном Урале было создано крупное хозяйство симбирских купцов И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова. В результате незаконных действий и прямого обмана башкир-вотчинников заводчики оказались владельцами огромных земельных площадей. Отвод в 365,5 кв. верст для Архангельского завода купец Твердышев купил всего за 200 руб. Столько же он заплатил за 200 тыс. дес. лесов для Белорецкого завода (каждые 10 дес. шли по 1 коп)²⁰². Под Авзяно-Петровские заводы было куплено 180 тыс. дес. за 20 руб.²⁰³ Земли под рудники покупались у башкирских вотчинников отдельно. К 1757 г. за 482 места под рудники Твердышев и Мясников заплатили всего 185 руб., а по другим купчим за 25 мест — 15 руб.²⁰⁴ Владения Твердышева и Мясникова занимали площадь, равную 1 137 674 дес. (из которых 857 206 дес. находи-

Доменная фабрика. Рис. XVIII в.

лись под лесом), что составляло 82,63% горнозаводских земель Оренбургского края²⁰⁵.

В 1745 г. Твердышев и Мясников построили первый завод — Воскресенский, а с 1750 по 1762 гг. ими были пущены еще 9 горных заводов. В 1768 г. промышленники прикупили Покровский завод. В конце 60-х гг. компания Твердышев — Мясников имела 12 заводов: 6 медеплавильных, 4 чугунолитейных и железоделательных доменных, 1 железоделательный молотовой, 1 лесопильный и несколько сотен рудников. Они

Плющильная машина. Рис. XVIII в.

открыли и начали промышленную разработку каргалинских рудников, горное богатство которых можно сравнить лишь с изобилием недр знаменитой железной горы Благодать²⁰⁶.

В середине 60-х годов в стране сложился южноуральский очаг выплавки черных и цветных металлов.

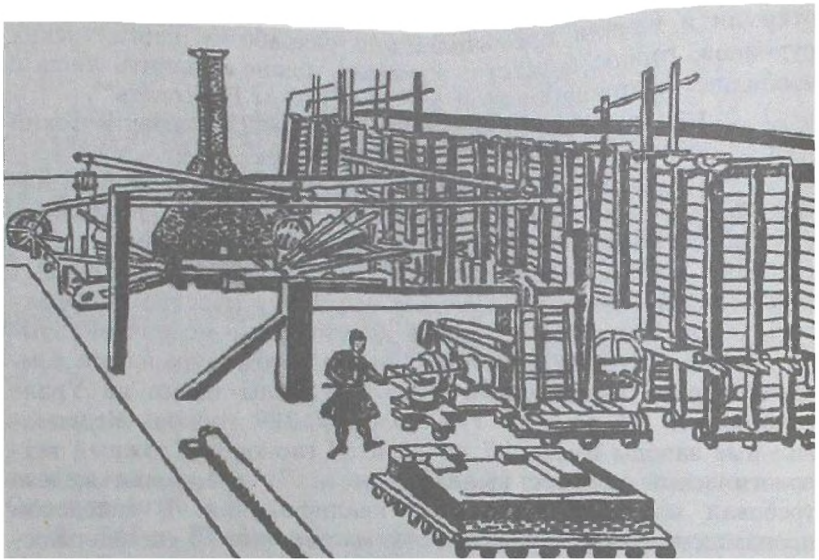
Заводы развивались в виде крупной централизованной мануфактуры, имевшей собственную энергетическую, топливную и сырьевую базу (рудники, каменоломни). На них было сосредоточено большое количество рабочих людей, приписных крестьян, вольнонаемных людей. Металлургические мануфактуры были оснащены большими доменными и медеплавильными печами, горнами. К концу 60-х годов южноуральский комплекс черной металлургии имел 22 домны (всего на Урале действовало 62 домны), 176 молотов, 299 горнов. Медеплавильные заводы имели 97 печей и 69 горнов²⁰⁷. Сложный технологический процесс выплавки металла и выковки железа требовал мастеровых высокой квалификации. В заводском производстве были представлены мастеровые 26 специальностей. Но преобладание ручного труда на мануфактуре вело к тому, что подсобных работников было в десятки раз больше квалифицированной рабочей силы²⁰⁸.

Южноуральский промышленный центр в середине 60-х гг. давал 21,7% общероссийской выплавки чугуна и 17% железа. Весь Урал выпускал 79% отечественного чугуна и 78% железа²⁰⁹.

В 1767 г. заводы губернии выдали 1546 тыс. пуд. черного металла: 990 492 пуд. чугуна и 552 512 пуд. железа, что составляло 27% от общеуральской выплавки чугуна и 22% железа²¹⁰.

В 1769—1773 гг. производительность заводов колебалась. В среднем в год выпускалось 1504 тыс. пуд. чугуна и железа. В эти годы среди южноуральских заводов больше всех выдавал чугуна и железа Катав-Ивановский завод — по 210 тыс. пуд. в год. На Нижнем Сергинском заводе выплавка колебалась от 122 до 258 тыс. пуд. в год (в среднем 190 тыс. пуд.). Авзяно-Петровские заводы производили от 86 до 285 тыс. пуд. (в среднем 185,5 тыс. пуд.). Более ровно работали Каслинский и Кыштымский заводы — от 202 до 381 тыс. пуд. в год, Златоустовский — от 132 до 140 тыс. пуд., Белорецкий — 122 тыс. пуд., Юрюзанский — 118 тыс. пудов. Назе-Петровский и Уфалейский заводы давали небольшую продукцию, в среднем в год соответственно 37 и 45,5 тыс. пуд.²¹¹

Заводская продукция — чугун и полосное железо — поступала на внешний и внутренний рынки. Во второй половине XVIII в. 2/3 уральского металла, как наиболее качественного,

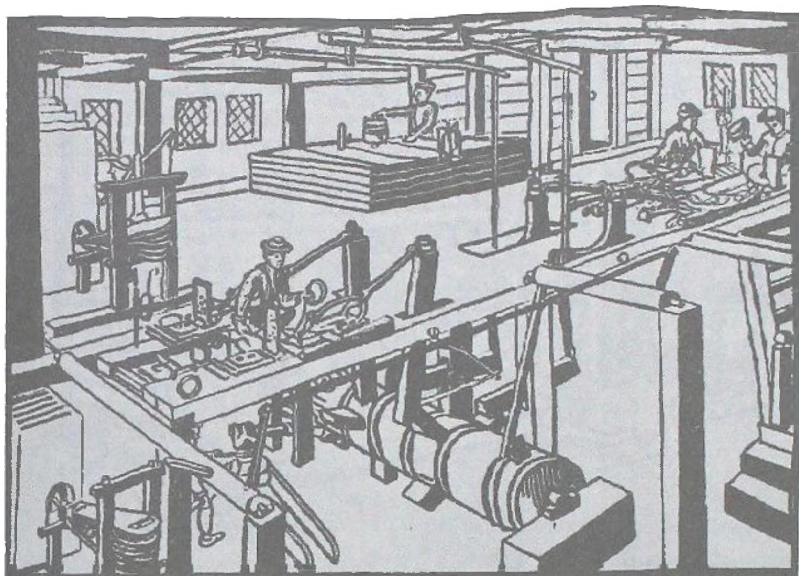
Молотовая фабрика. Рис. XVIII в.

шло на экспорт, главным образом в Англию²¹². В ассортименте продукции были и другие сорта железа, немного стали и различные металлические изделия.

В XVIII в. главным районом медеплавильной промышленности России был Урал. Он давал стране почти 100% меди. Со второй половины века крупным медепроизводящим центром становится Южный Урал. В 1751—1770 гг. все заводы Урала выплавляли 2 591 293 пуд. меди. Из этого количества 804 109 пуд. или 31% общеуральской меди было получено на заводах Оренбургской губернии²¹³.

Десятая часть выплавленной меди шла в казну. До 3/4 меди заводчики обязаны были по фиксированным ценам продавать на Екатеринбургском или Московском монетных дворах, и лишь 1/4 они могли пустить по вольным ценам. Свыше 60% меди использовалось для чеканки монет, остальная шла на изготовление промышленного оборудования, посуды, на заводское и гражданское строительство. На внешний рынок медь практически не поступала²¹⁴.

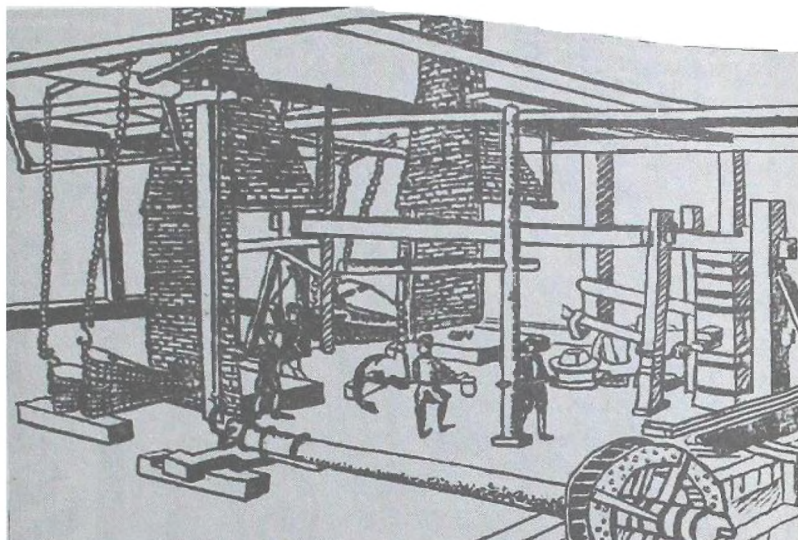
Производство на заводах было высокорентабельным. Медеплавильные заводы давали 77% прибыли, а железодельные — 130%. В 50-е годы Твердышев и Мясников на каждый 1 руб., вложенный в производство меди, получали 2 руб. прибыли. Пуд меди обходился им в 1,5 руб., но в ведомостях, направляемых в Берг-коллегию, они показывали, что себестои-

Проволочная фабрика. Рис. XVIII в.

мость пуда меди в 1760 г. равнялась 4 руб. 85 коп., в 1772 г.— 2 руб. 23 коп. Компания Твердышев — Мясников, приступая к строительству заводов, имела долгов в полмиллиона руб., а через 28 лет владела крупнейшими на Урале заводами, огромными землями и скопила 2,5 млн. руб. чистого дохода²¹⁵.

В конце 60-х годов завершился период интенсивного заводского строительства и появились признаки кризиса металлургии, в первую очередь медеплавильной. Это явилось результатом многих причин, среди которых: прекращение приписки крестьян к заводам и необходимость регламентировать труд приписанных ранее крестьян после волнений 50—60-х годов; прекращение действия «горной свободы»; увеличение обложения мануфактур налогами в пользу казны; неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке. Политика абсолютистского государства и феодальная система пагубно отразились на медеплавильной промышленности. Жесткие ограничения в продаже меди по рыночным ценам, многочисленные поборы и налоги, удорожающие себестоимость продукции, сильно затормозили развитие отрасли. А недополучая заказанную продукцию, правительство прибегало к репрессиям — финансовым и прямым, административно-полицейским. Заводчики порой были вынуждены менять профиль производства, переходить к выплавке черных металлов²¹⁶.

Якорная фабрика. Рис. XVIII в.

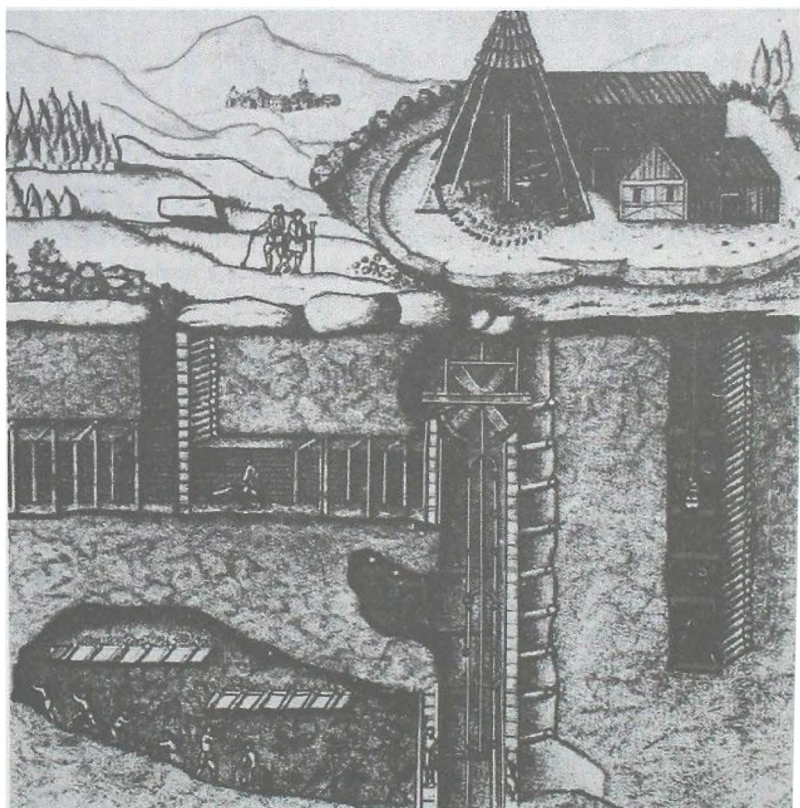
Важную роль в экономике края играла добывающая промышленность. Во второй половине века в связи с растущими потребностями металлургии увеличивается разработка месторождений железа, меди, серебра, различных минералов, строительных материалов (ломка камня, добыча глины и др.). Особая заслуга в открытии и эксплуатации рудных месторождений принадлежала башкирам. Среди них выделились особые профессии рудознатцев и рудопромышленников. Их объединения заключали с заводладельцами контракты на поставку руды из собственных или казенных рудников. В своих отчетах в Академию наук руководитель Оренбургской академической экспедиции П. С. Паллас писал о том, что башкиры приносили ему образцы руд и редчайших горных минералов. В частности, он называл оливково-коричневую слюду, обнаруженную у оз. Чебаркуль; кварцевые жилы, состоявшие из смеси колчедана, ярь-медянки, лазури и золотосодержащей охры — в бассейне р. Ай; черный и светло-серый кварцевые сланцы — в бассейне р. Юрюзань; руду, содержащую серебро и т. д.²¹⁷

Об объеме работ по разработке и поставке руды башкирами можно судить по следующим примерам. Самой крупной была группа рудопромышленников Гайнинской волости Осинской дороги, возглавляемая Измаилом Тасимовым. Она насчитывала более 360 душ м. п. Тасимов поставлял руду нескольким казенным заводам (двум Юговским, Аннинскому, Юго-Камскому, Мотовилиховскому и др.). Промышленникам принадлежало несколько сот медных рудников. Так, из 310 руд-

ников, снабжавших Юговские заводы, 234 были в собственности у башкир. Для добычи и транспортировки руды башкиры-рудопромышленники использовали рядовых башкир и приписанных к заводам крестьян. В 1771—1777 гг. Измаил Тасимов с товарищами отправлял на заводы ежегодно от 340 тыс. до 960 тыс. пудов руды²¹⁸.

В этой же Гайнинской волости действовала вторая группа башкир-рудопромышленников, поставлявших медную руду из собственных рудников на Шермяитский завод. Контракты с заводчиком генералом А. И. Глебовым заключал известный рудознатец старшина волости Токтамыш Ижбулатов. В 1759—1763 гг. им было доставлено на завод 165 500 пудов руды²¹⁹.

По архивным документам известно также о вырубке и подвозе руды на Ревдинский завод Г. А. Демидова башкирами

Добыча руды. Из книги И. Шлаттера «Наставление о рудном деле...», 1760 г.

Карта Екатеринбургского ведомства и соседних уездов с изображением мастерового и башкира. 1744 г.

Салзаутской волости Исетской провинции. В 1761 г. они привезли на завод 20 400 пудов руды. В 1763 г. 20 башкир этой волости получили разрешение на разведку руд в Сибирской губернии по Ую, Тоболу, Ишиму²²⁰.

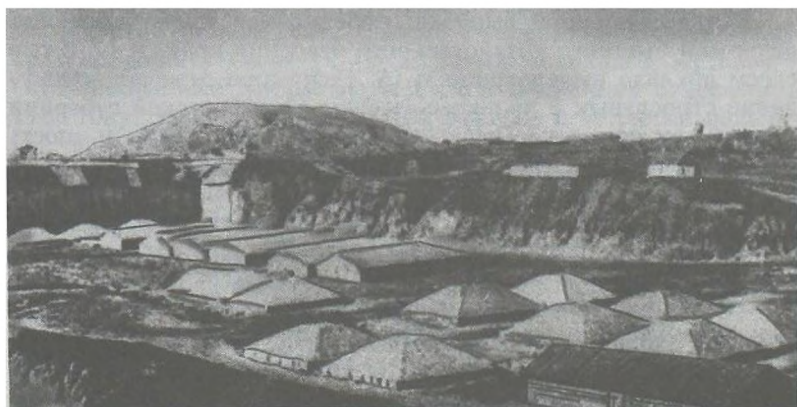
Деятельный вклад башкир в развитие промышленности И. И. Лепехин определил следующими словами: «Можно по справедливости об них сказать, что медные и железные заводы в Урале, так же и выгодныя к тому места по большей части башкирцам должныствуют»²²¹.

В губернии велась разработка Илецкого месторождения каменной соли, находившегося в 68 верстах юго-восточнее Оренбурга. Проведенные впервые в 1745 г. лабораторные исследования соли показали ее высокие качества: она была признана лучшей в стране. До середины XVIII в. башкиры и другие жители края добывали здесь соль без ограничений, используя ее для собственных нужд и пуская в обмен на необходимые товары внутри Башкирии и за ее пределами. В 1749 г. сенатским указом населению края был запрещен вывоз илецкой соли за пределы губернии, а в Оренбургской губернии объявлялась

продажа соли «от казны». Указом Сената от 16 марта 1754 г. и вовсе обязывали башкир, мишарей, тептярей покупать соль в государственных магазинах по 35 коп. за пуд. Это привело к ликвидации башкирского соляного промысла. Илецкие соляные богатства были объявлены государственной собственностью²²². Академик П. С. Паллас, обследовавший район у Илецкой защиты, сообщал в своем рапорте в Академию наук от 29 июля 1769 г.: «Раньше башкиры и казаки копали здесь соль, теперь ямы наполнены тяжелым рассолом, представляя как бы небольшие озера»²²³.

Поставкой соли в казенные магазины занимался вначале сотник оренбургских казаков А. Углицкий. (Это он на месте добычи соли построил крепость Илецкую защиту). С 1755 г. откупщиком соляного промысла стал оренбургский дворянин И. Л. Тимашев. Добыча и перевозка соли производилась с помощью наемной силы и тептярей, для которых транспортировка соли была феодальной повинностью. В 1765 г. «главным директором добывания и отправления илецкой соли» Сенат утвердил коллежского советника С. Тетюшева. При нем к илецкому промыслу были приписаны 200 ссыльных. В 1770 г. начальником правления Оренбургских соляных дел был назначен П. И. Рычков. Для расширения добычи соли в 1773 г. по указу Сената в Илецкую защиту пригнали из Тобольска 110 колодников²²⁴.

Ломка соляных брусьев производилась примитивно, без использования каких-либо сложных технических средств. Добыча соли росла в основном за счет интенсификации ручного труда. В 1764 г. было вырублено и продано 226,4 тыс. пудов.

Добыча соли в Илецкой защите. Фото XIX в.

В 1765—1769 гг. среднегодовая добыча составляла 251,5 тыс. пуд., 1770—1775 гг.—328 тыс. пудов²²⁵.

Из Илецкой защиты соль везли сухим путем за 300 верст до Ашкадарской (Стерлитамакской) пристани. Здесь ежегодно строилось до 25 барок под соль. Весной караваны барок с солью шли по Белой, Каме, Волге до Нижнего Новгорода. Крупные пристани с соляными амбарами находились в Бугульчане, Уфе, экономических селах Бетке и Чистом поле. Низкий уровень техники добычи соли, сложности ее транспортировки мешали росту промышленной разработки месторождения.

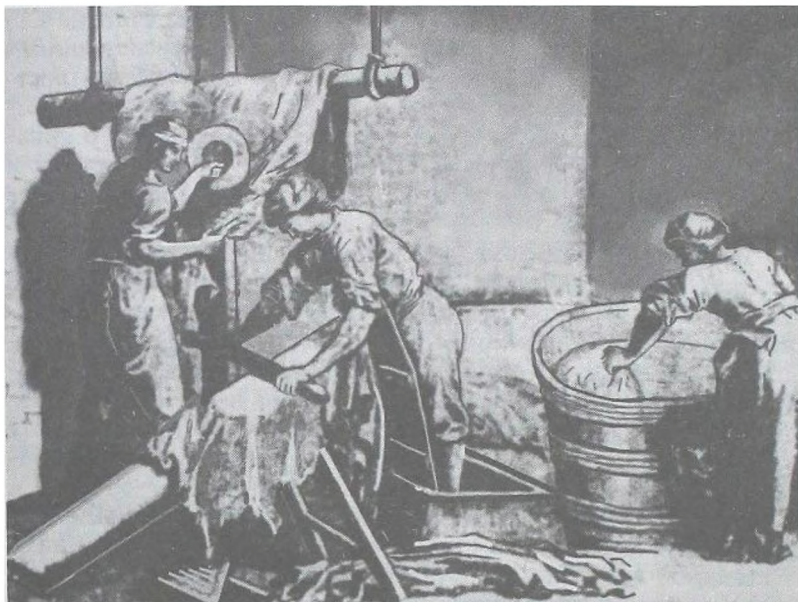
Горнозаводское строительство в Башкирии влекло за собой развитие лесной промышленности. На каждом заводе были лесопилы. Твердышев и Мясников построили самостоятельный Симский лесопильный завод. Силами вольнонаемных, в основном башкир, и собственных работных людей заводчики вели промышленную рубку леса, в больших количествах необходимого на топливо (углежжение), а также для сооружения заводских построек. Кроме того, лес шел на строительство городов и крепостей, крестьянских домов и топливо. На заводах и Стерлитамакской пристани изготовляли плоскодонные суда — коломенки (для сплава металлов и соли).

Огромное количество леса требовалось для различных отраслей химической промышленности — изготовления поташа из древесной золы, дегтя из бересты, смолокурения, извлечения селитры и др. На 1 тонну поташа требовалось в среднем 1600 куб. м. дров. Башкиры, тептяри, крестьяне Уфимской провинции делали поташ, необходимый для изготовления стекла, мыла, выделки кож. Деготь шел на кожевенные заводы Казанской губернии²²⁶.

В промышленной вырубке особенно наглядно проявились издержки быстрого хозяйственного освоения края. В 1770 г. в своем докладе императрице И. А. Рейнсдорп отмечал: «Оскудение строельных и дровяных лесов в Оренбургской губернии каждой год приметнее и чувствительнее становится» и «построением большого числа новых медных и железных заводов в короткое время совсем уже будут они истреблены»²²⁷.

Рост населения и спрос на изделия первой необходимости дали толчок быстрому развитию различных промыслов и мелкой промышленности. Значительно расширилось мукомольное производство. Успехи в хлебопашестве позволили построить винокуренные заводы. Ремесленное производство росло не только в городе, но и в деревне, где наблюдается ориентация ремесел на рынок.

Впервые наиболее полные сведения о количестве мельниц в губернии поступили в Камер-коллегию в 1764 г., когда не-

Кожевник. Рис. XVIII в.

большие мельницы-мутовки, построенные татарами, башкирами, впервые были обложены оброчным сбором. В это время в Уфимской провинции действовало 796 водяных мельниц (колесчатых и мутовок). Большая часть их была выстроена на Казанской дороге — 402 и Осинской дороге — 143. На Сибирской дороге насчитывалось 115 мельниц, а на Ногайской — всего 78. В Оренбургском уезде (вместе с селениями по Ново-Московской дороге) было 127 колесчатых мельниц и мутовок²²⁸. Опубликованные данные по Исетской провинции относятся к 1768 году. Здесь действовали 742 водяные и ветряные мельницы, принадлежавшие государственным крестьянам, казакам, отставным солдатам, башкирам, мишарям, купцам, дворянам²²⁹. Приводимые данные соответствуют (с учетом размеров территорий отдельных районов) уровню развития земледелия в различных частях края. Мощность мельниц была небольшой, колесчатая мельница, например, размалывала по 2 четверти зерна в сутки.

Винокуренные заводы находились в руках дворян и казны. У И. Л. Тимашева в Исетской провинции было три винокуренных завода: Буткинский, Ертарский, Боровлянский (Исетский). Производительность Ертарского завода составляла 35,6 тыс. ведер, Боровлянского — 11,9 тыс. Заводы поставляли

вино в Оренбург. В 1773 г. Тимашев получил разрешение Сената на поставку в Сибирскую губернию 50 тыс. ведер вина²³⁰.

Ангасякский и Юландинский казенные заводы были построены в другом хлебном районе — на Казанской дороге Уфимской провинции. Продукция их поступала в Оренбург. В январе 1772 г. в Оренбург с Ангасякского завода привезли 10,8 тыс. ведер вина, а к июню должны были доставить еще 12 тыс. ведер²³¹.

Большое место в домашней промышленности занимала обработка кожи, ткачество, кузнечное дело, крашение, шитье одежды и обуви и др. Высокого уровня развития достигает кожевенное ремесло. Новым было появление небольших промышленных заведений — заводов по обработке кожи, ориентированных на рынок. Они специализировались на выделке из различных кож юфти красного, белого, черного цветов, дубленых и подошвенных кож. Владельцами этих предприятий были богатые башкиры, мишари, тептяри²³².

Вопросы о перспективах развития кожевенной промышленности в губернии стали предметом обсуждения на собраниях Уложенной комиссии. Депутат уфимских купцов А. М. Подъячев жаловался, что «в Уфимском и других уездах иноверцы и прочие разночинцы имеют кожевенные заводы», чем причиняют купечеству «немалое помешательство»²³³. Возражая ему, П. И. Бурцов дал высокую оценку кожевенному ремеслу башкир, мишарей и другого населения края: «Эти заводы довольствуют почти все состоящие по линиям в Оренбургской губернии армейские полки, отставных драгун и солдат, казаков и всех живущих на медных и железных заводах рабочих людей... При том нужно сказать, что кожевенные заводы устроены башкирами в их собственных угодьях, и для таких заводов нет мест в Оренбургской губернии, более способных к добыванию всякого рода нужных материалов, как Уфимский уезд»²³⁴.

Владельцем нескольких кожевенных предприятий был мишарский старшина Салтанмрат Янышев. Он поставлял «по подряду кожи на полковые потребности в Билярский и Шешминский драгунские полки». Заграничная экспедиция при губернской канцелярии покупала у него высококачественные красные юфтевые кожи для подарков казахским ханам²³⁵. По записям Лепехина, в чувашской д. Илек (в 37 верстах от Симского завода) «построен изрядный кожевенный завод, на котором всякия выделываются кожи и шьется обувь»²³⁶.

Большое распространение кожевенные промыслы получили в Зауралье среди государственных крестьян и казаков. По сведениям Исетской провинциальной канцелярии на 1768 г. оброком были обложены 162 кожевни, 82 мастерские по вы-

делке овчин. За казаками и крестьянами числилось 20 мыловарен и 11 красилен²³⁷.

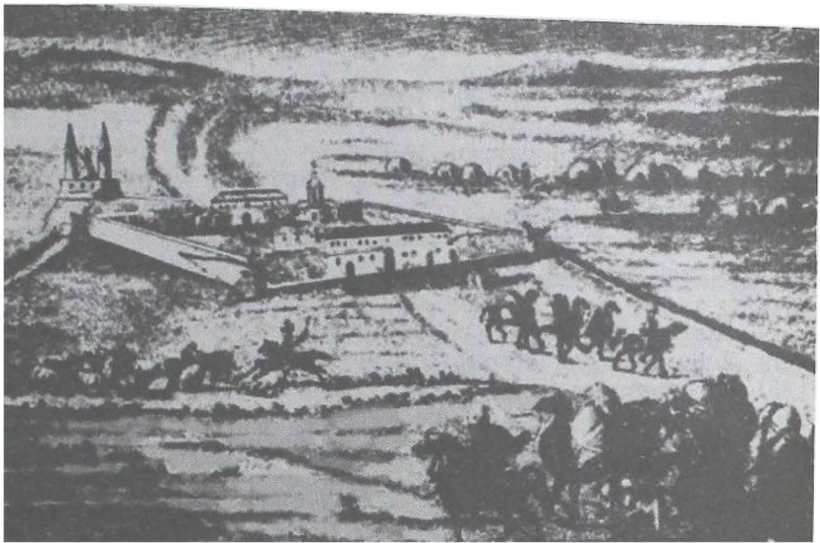
Кузницы находились во владении казаков и государственных крестьян. Башкирам и другим нерусским народам края было запрещено сооружать кузницы. Отсюда и следующее распределение кузниц по регионам губернии: в Уфимской провинции в 1764 г. было 85 кузниц, а в Исетской провинции в 1768 г.—331²³⁸. В кузницах выковывались сельскохозяйственные орудия, уздечки и другие части конского убора, гвозди и пр.

Казаки занимались слесарным делом, исправлением ружей. В ответах на анкету Шляхетского кадетского корпуса 1761 г. говорится, что в Оренбурге казаки, переведенные из Уфы, отличались умением «насекать по железу серебром, медью и оловом и делают ис того разные конские уборы и прочее»²³⁹.

Текстильное производство из домашних занятий крестьян и служилых людей превращается в большое ремесленное производство, ориентированное на рынок. В продажу шли сукна и паласы, изготовляемые из верблюжьей и овечьей шерсти казаками, башкирами, мишарями. В хозяйственной анкете кадетского корпуса указывалось, что яицкие казачки «прядут и ткут из верблюжьей шерсти весьма тонкия и чистыя армяки и кушаки»²⁴⁰. Холст ткали крестьяне Исетской провинции. Сеитовские татары в 60-х годах завели в д. Нижние Чебенки ткацкую «фабрику», производившую хлопчатобумажные ткани²⁴¹. Шляпная фабрика челябинского купца И. Бетюкова, построенная в 1755 г., поставляла в армию и на рынок валяные шляпы и картузы. В производстве были заняты 20 рабочих людей. Фабрика приносила прибыли по 400 руб. в год²⁴².

Торговля. Крупные социально-экономические сдвиги в третьей четверти XVIII в. привели к расширению торговли и дальнейшему вовлечению края в орбиту всероссийского рынка. Политика правительства и губернских властей была направлена на поддержку внутренней и внешней торговли. Благоприятные условия для развития последней установились после отмены в 1754 г. внутренних таможенных сборов: дворяне, купцы и крестьяне были уравнены перед ставками обложения внутриторговых операций. В 1762 г. правительство объявило о свободном экспорте хлеба. С 1754 г. по 1774 г. освобождалась от всяческих поборов ярмарочная торговля. Пошлинами не облагалась и базарная торговля. Частнопромысловые сборы платили лишь купцы, ведущие стационарную торговлю²⁴³.

Развитию торговли в губернии способствовало и удобное географическое положение. Через ее территорию шла транзит-

Меновой двор под Оренбургом

ная торговля с Сибирью, Казахстаном, Средней Азией. Между озерами Ирняш и Касли через Уральские горы проходила большая дорога из Сибири на Кунгур, а от него на Казань и Уфу. Купцы везли товары круглый год²⁴⁴. В середине XVIII в. через Оренбург был проложен общероссийский торговый путь в Казахстан и Среднюю Азию. Растущий товарообмен обеспечивался продажей сельскохозяйственной продукции, ремесленных и промышленных изделий за границу через Оренбургский и Троицкий меновые дворы, функционированием внутренних областных рынков (Уфа, Челябинская крепость, Яицкий и Гурьев городки, Исетская слобода и др.), имевших экономические связи с Поволжьем, европейским центром страны и Сибирью, а также — многочисленных торгов и торжков.

В губернии существовали три формы торговли: ярмарочно-базарная; лавочная, или стационарная; развозно-разносная.

По данным академической и кадетской хозяйственных анкет, в начале 1760-х гг. самая крупная оптовая и розничная торговля велась в Оренбурге и Уфе, служивших складочным местом для товаров, обращавшихся на внутреннем рынке, и транзитными пунктами для экспортных товаров. Оренбург являлся еще и пограничной сухопутной таможней, так называемым портом²⁴⁵.

С середины XVIII в. в губернии действовали две ярмарки I категории — Оренбургская и Троицкая. Они входили в число 28 крупнейших всероссийских ярмарок, обороты которых

Зимняя кибитка. Рис. XVIII в.

оказывали влияние на ход хозяйственных дел во всей стране²⁴⁶. Оренбургским торгам правительство отводило главную роль в своих планах экономического влияния на среднеазиатские страны, Бадахшан и далее — Индию. Нужны были новые рынки сбыта для промышленности центральной России, Урала и Сибири.

Оренбургская и Троицкая ярмарки выделялись своей обширной деятельностью. Сюда привозили и обменивали свои товары среднеазиатские города и Казахстан, крупнейшие торговые центры страны — Москва, Петербург, Тула, Казань, Астрахань, Симбирск, Макарьевская и Ирбитская ярмарки, а также — заводы самой губернии. Здесь формировались купеческие караваны, отправлявшиеся в восточные страны.

Заинтересованное в развитии торговли с Востоком правительство не жалело денег на сооружение гостиных и меновых дворов. Оренбургский меновой двор, находившийся за Яиком в 2 верстах от города, был выстроен из кирпича и покрыт листовым железом. Двор имел правильную квадратную форму со сторонами длиною около 440 м каждая. Площадь двора составляла более 19,5 га. У одних ворот был дом таможенного директора, у других — пограничная таможня. В 1760 г. здесь было 148 амбаров и 344 лавки. Внутри менового двора находился так называемый «Азиатский двор». На строительство менового двора было затрачено казной 50 тыс. руб.²⁴⁷ «В разсуждении пространства и изрядства сего строения, — писал автор «Лексикона или словаря топографического Оренбургской гу-

бернии» П. И. Рычков, — можно объявить, что внутри государства для купечества столь великое здание едва где имеется ль»²⁴⁸. Все лето до поздней осени здесь шла меновая торговля между среднеазиатскими купцами (хивинцами, бухарцами, ташкентцами, кашгарцами и др.), казахами, российскими купцами и торговыми людьми. Осенью она перемещалась в гостинный двор Оренбурга, который функционировал круглый год и ежедневно.

Строительство капитального гостинного двора закончилось в 1754 г. По описанию того же Рычкова, «для купечества внутри города построен каменный гостинный двор, четверугольный, которого длина ... 104 сажени с полуаршином, а ширина 94 сажени; лавки все внутрь двора со сводами и с навесом, так что никакая погода торгующих тут не беспокоит, и у каждой лавки подъемные затворы. Всех лавок и анбаров счисляется 150 ...». Торговые помещения были покрыты листовым железом²⁴⁹. Посреди двора стояло здание таможни. Наружные стены были глухими, только с двух противоположных сторон в них были пробиты ворота.

Вторым местом «обширного торга и мены» был большой меновой двор, выстроенный рядом с Троицкой крепостью на степном берегу Уя. Здесь числилось около 600 деревянных амбаров и лавок. Торговля шла с весны до поздней осени. Состав торгующих людей был такой же, что и в Оренбурге: «Российские купцы почитают оной ничем не хуже оренбургского, потому что киргизцы Средней орды против Младшей орды не только постояннее, но и богаче и гораздо лучших лошадей променивают»²⁵⁰.

На Оренбургской и Троицкой ярмарках шел торг как отечественными, так и иностранными товарами.

Восточные купцы в качестве товара привозили золото и серебро в слитках и монетах (персидские аббасы, индийские рупии, бухарские монеты), драгоценные камни. С 1750 г. по 1767 г. через Оренбург прошло 46 пудов 31 фунт $81\frac{3}{4}$ золотника золота и 5171 пуд 25 фунтов 32 золотника серебра (золотник — 4,26 г). В Троицк в 1750—1768 гг. было привезено 7 пудов 8 фунтов 88 золотников золота, 1158 пудов 10 фунтов $47\frac{3}{4}$ золотника серебра²⁵¹. Вымененное русскими купцами золото и серебро покупалось у них казной в Оренбурге, где оно переплавлялось в специально выстроенной плавильне, а слитки шли на монетные дворы.

Среднеазиатские купцы привозили хлопок-сырец, хлопчатобумажные ткани, персидские ковры, одежду, мерлушки бухарские, тигровые кожи и разные меха, седла и уздечки, насе-

ченные по железу серебром, сахар, чай, южные фрукты, пряности.

Казахи пригоняли ежегодно до 10 тыс. лошадей, променявая каждую по 15—18 руб., много скота. Больше всего на торгах было овец — 30—50 тыс. голов. За лучшую овцу казахи получали товара на 80 коп.; ягнята оценивались по 25 коп.²⁵² По неполным данным в 1745—1773 гг. в Оренбурге было обменено у казахов 1 878 511 голов скота, Троицкой крепости в 1750—1772 гг.—489 126 гол. За некоторые годы итоговые цифры обмена в таможенных ведомостях занижены в 6—7 раз²⁵³.

Из России шли ткани (сукно, холст, тик), кожи, одежда, шубы, меха. Много поставлялось металлических изделий: кося, мотыги, медные и чугунные котлы, капканы, ведра, замки, иглы и пр. Предлагались и «чужестранные» товары: немецкий и китайский бархат, голландское сукно, кумачи македонские, турецкий купорос и др.²⁵⁴

Для более широкого привлечения к торгам казахов в Оренбурге и Троицке была организована продажа хлеба. В 1751 г. казахами было выменено 39 539 пуд. хлеба, а в течение последующих трех лет — более 92 тыс. пуд. Затем продажа хлеба резко упала и возобновилась после указа Сената 1763 г. о беспощинной торговле хлебом. В 1768 г. казахам было предложено 221 843 пуда хлеба. Подвоз хлеба на ярмарки колебался. В 1772 г. было продано 132 876 пудов²⁵⁵. Значительная часть хлеба привозилась из Поволжья, но население Оренбургской губернии тоже поставляло излишки хлеба.

В конце 1760-х — начале 1770-х гг. доходы от торговли в Оренбурге составляли, по донесениям губернатора в Сенат, 80 тыс. руб. в год²⁵⁶. О доходности Оренбургской и Троицкой ярмарок свидетельствуют таможенные тарифы, составлявшие 5% к цене товара: в 1750—1773 гг. в Оренбурге было собрано 988 850 руб., в Троицке с 1755 по 1772 г.—256 506 руб.²⁵⁷ С восточных купцов пошлины взимались серебром. В 1745—1778 гг. эти пошлины принесли 75¹/₄ фунта ¹/₈ золотника золота и 65 пудов 5 фунтов 34¹/₂ золотника серебра²⁵⁸.

Оренбургская и Троицкая ярмарки способствовали вовлечению во внешнюю торговлю купцов, торговых татар, башкир, мишарей и других категорий населения губернии. Так, в 1761 г. в Оренбурге торг вели 109 чел., среди них — 6 оренбургских, 1 уфимский, 1 табынский купцы и 38 сеитовских татар. В Оренбургском гостином дворе торговали крестьяне, «приезжающие из уездов с хлебом и со всякими харчевыми и прочими припасами»²⁵⁹. Казахи и восточные купцы выменивали свои товары на обученных башкирами беркутов (за беркута давали хорошую лошадь), деревянную посуду, кожи. Яиц-

кие казаки привозили рыбу, армяки из верблюжьей шерсти. Ремесленные изделия и продукты питания доставляли мишари, калмыки, оренбургские казаки. Так, в 1773 г. мишарские сотники Ахмер Янышев и Нигаметулла Салтанмратов приехали в Оренбург с товаром на 2,5 тыс. руб.²⁶⁰ Однако для служилых людей и крестьян торговля на Оренбургском и Троицком меновых дворах была ограничена. Как с сожалением говорил Токтамыш Ижбулатов в Уложенной комиссии, «уездные жители не властны торговать в учрежденных портах на границе с чужими народами»²⁶¹.

Внешнеторговый оборот рос постепенно, с большими колебаниями, вызывавшимися трудностями перевоза товаров через казахские степи. Торговые караваны подвергались нападениям со стороны казахов, каракалпаков и других кочевых народов. К примеру, в 1764 г. был разграблен бухарский караван из 600 верблюдов. Стоимость товара превышала 300 тыс. руб.²⁶² В 1771 г. такая же участь постигла караван, везший из Бухары товаров на 28,5 тыс. руб. и «каменья, которым цена неизвестна»²⁶³. Лишь самые «рисковые» российские купцы отваживались ехать с товарами из Оренбурга в Среднюю Азию. В 1770 г. на «неизвестный азиатский торг» решились тульский купец И. Котельников и казанский купец Сагит Усманов, отправив в Бухарское ханство приказчиков с товаром на 7 тыс. руб.²⁶⁴

Специальный словарь ярмарок, составленный в 1788 г. М. Д. Чулковым по хозяйственным анкетам 1760—1770 гг., называет 14 ярмарок, собиравшихся в губернии²⁶⁵. После Оренбургской и Троицкой самая крупная ярмарка была в Яицком городке. Она проводилась трижды в год. Ярмарочная торговля шла в Гурьеве, Самаре. Продавали рыбу, лошадей, хлеб.

Наибольшее количество ярмарок приходилось на Исетскую провинцию. Многолюдные торги дважды в году шли в Николаевской слободе (Далматовский монастырь). В Шадринск на знаменитую на Урале Петровскую ярмарку собирались три раза в году. Сюда съезжались купцы из сибирских городов; башкиры пригоняли много лошадей и рогатого скота. Дважды в году проводились ярмарки в Исетской, Масленской, Окуневской, Красномышльской слободах, Мехонском остроге, селах Кодинском и Местовском, Челябинской крепости. Ярмарки были важным источником снабжения торговцев и потребителей необходимым товаром.

В городских поселениях и крупных селах существовала базарная торговля в виде торгов и торжков. Они собирались не чаще одного раза в неделю. Оживление торговли приходилось

на осень и зиму, что было связано с хозяйственной деятельностью сельского населения.

Вторая форма торговли — постоянная, или стационарная — велась в городах, пригородках и некоторых крепостях. Гостиные дворы или ряды деревянных лавок имелись в Оренбурге, Уфе, Ставрополе, Мензелинске, Табынской, Троицкой и Челябинской крепостях и других местах. Часть лавок работала ежедневно. Но стационарная торговля была развита слабо, поскольку городские поселения в губернии были невелики, а многие горожане вели натуральное хозяйство и сами занимались сельским трудом. Сельским жителям было еще непривычно, да многим и далеко ездить в городские лавки; они довольствовались покупками на базарах, ярмарках или чаще — у развоздных торговцев.

Немногочисленные ярмарки и базары, разбросанные по огромной территории губернии, стационарная лавочная торговля в городах и пригородках не могли обеспечить полной реализации продукции, производимой крестьянами и служилым населением, равно как и встречное снабжение их необходимыми товарами. Поэтому широкое распространение в крае получила развозно-разносная торговля, осуществляемая купцами, торговыми татарами, служилым населением — башкирами, мишарями, казаками. Они скупали сельхозпродукты и ремесленные изделия, а продавали промышленные товары. Наряду с местными купцами развозную торговлю вели купцы и торговые люди из Казанской, Сибирской и других губерний.

Купечество в губернии было слабым и немногочисленным. Несмотря на то, что в 1734 г. жителям Оренбурга были дарованы «разные выгоды», а купцы на несколько лет освобождены от налогов, торгово-ремесленное население росло медленно. Богатые купцы не спешили переселяться в беспокойный край, пограничный город, а посетив знаменитые ярмарки, «со знатным прибытком, полученным от здешняго торгу», возвращались домой²⁶⁶. Отпугивали их от «оренбургского

Коробейник. Рис. XVIII в.

гражданства» и многочисленные повинности, налагаемые на местных купцов. Из 94 купцов и цеховых Оренбурга только 4—5 были «капитальными»²⁶⁷.

Уфимское купечество было покрепче. В выступлении на Большом собрании Уложенной комиссии купец А. М. Подъячев с гордостью говорил, что уфимское купечество «нигде еще по купеческим делам кредита не потеряло»²⁶⁸. Купцы привозили товары с Макарьевской ярмарки, из Москвы и Казани, торговали по всей провинции. Для развозной торговли они привлекали охотников из башкир и мишарей, которых ссужали деньгами и товарами²⁶⁹, но и сами занимались «отъезжими торгами» в деревнях. По утверждению Подъячева, языкового барьера для купцов не существовало: «Почти каждый купец Оренбургской губернии настолько знает татарский язык, что без нужды при всяких сношениях может говорить; если же которые и не знают его достаточно, то всегда могут иметь для перевода толмачей, как и ныне русские купцы во время Оренбургской и Троицкой ярмарок их для себя нанимают»²⁷⁰.

Купцы ссужали товарами сельское население под большие проценты. Особенно много должников у них было среди ясачных татар, удмуртов, марийцев, которые, по традиции, брали «в дом товаром и деньгами большею частию на их свадьбы, для платежа калыма за невест». Именно для них купцы привозили «товар большею частию пригодный на их иноверческую руку»²⁷¹. Расплачиваться за услуги было нелегко. Одних должников купцы обвиняли в том, что те «умышленно объявляют себя к платежу несостоятельными», других на самом деле были вынуждены признать неплатежеспособными: «хотя действительно не имеют у себя денег наличо для платежа, но, имея у себя довольно скота и лошадей, не хотят и оным заплатить или продажею его удовлетворить платежом»²⁷².

Прибыль купцам давала не только торговля и ростовщические операции, но и обыкновенный обман. О том, как Подъячевы и другие купцы наживали капиталы, писали в наказе в Уложенную комиссию башкиры Уфимской провинции. Купцы обманывали башкир, подделывая векселя и заставляя платить по ним дважды, да еще с процентами, якобы за просрочку платежей. При возврате башкирами долга купцы уверяли их, что «векселя без них издерут и уничтожат... А напоследок, чрез долгое время, на тех самых займщиках или на оставших наследниках оные займодавцы сами или их наследники по тем векселям начинают вновь те заплаченные уже деньги с прозьбою в судебных местах, по силе вексельного права, взыскивать с процентами и рекамбиею»²⁷³.

«Капитальные» купцы были и в других городах. Так, во время Крестьянской войны у челябинского купца Якупа Солтанаева было разграблено товара в Челябинске и Казани на 17 736 руб.²⁷⁴ Но таких в губернии было мало. Как ни пытался А. М. Подъячев убедить депутатов Уложенной комиссии в способности купеческого сословия губернии своими силами обеспечить потребности населения в товарах, депутаты от башкир, казаков, мишарей единодушно заявили, что развивать торговлю можно только усилиями всех групп населения. А местное купечество, по их словам, «против других мест самое бедное и немногочисленное», имеет «малый капитал» и ведет «небольшие дела». «Отъезжими торгами» купцы занимались недостаточно, и «уездные обитатели в ожидании прибытия купца в место своего жительства для продажи собранных ими от излишества предметов, не могут иногда дожидаться его в течение целого года; при том же в Уфимском уезде есть такие места, что купцу туда и достичь невозможно по неимению проезжих дорог»²⁷⁵.

Большую роль во внешней и внутренней торговле играли татары из Сеитовой (Каргалинской) слободы, добровольно переселившиеся сюда из Казанской губернии «единственно для торгового промысла». Они не принадлежали к купеческому сословию, но имели особые привилегии в торговле. Сеитовские татары владели стационарными лавками в Оренбурге и Троицке, занимались разъездной торговлей по Башкирии, были крупными перекупщиками скота у казахов. «Усердное старание в здешней коммерции» торговых татар не раз отмечали оренбургские губернаторы²⁷⁶. Сеитовские татары повели первые караваны с товарами из Оренбурга в Среднюю Азию. В 1749 г. Абдулла Хаялин повез товаров на 3 тыс. руб. в Хиву и Бухару и вернулся с прибылью. На следующий год Абдулла отправил с товарами на 5 тыс. руб. своих приказчиков, один из которых — Ягафер Абдюков торговал в Хиве и Бухаре, а другой — Якуп Ягаферов отправился в Персию и Индию. Якуп умер в 1761 г. в Дамаске, капитал, полученный от его торговых операций, составил 25—30 тыс. руб.²⁷⁷ Торговый татарин Муса Улеев держал контору в Бухаре. В 1767 г. казахи разграбили караван, отправленный его братом из Бухары в Оренбург²⁷⁸. Сеитовские татары торговали собственным хлебом, но в основном перекупленными сельскохозяйственными, ремесленными и промышленными изделиями. Они снабжали башкир и казахов высококачественным семенным зерном²⁷⁹. Торговые операции приносили им солидные капиталы. Так, сеитовский татарин Абсальм Шарипов жаловался в 1775 г.,

что повстанцы разграбили его дом и взяли товаров на 8 тыс. 894 руб.²⁸⁰

Значительная роль в торговле края принадлежала самим башкирам. Переселение в Башкирию многотысячной армии заводских крестьян, возведение Оренбургской линии крепостей, где размещались армейские части, оренбургские казаки, отставные солдаты и драгуны, решительно повлияли на быстрый переход башкирского двора от хозяйственной замкнутости к активной торговле.

Совершенно новым явлением во внутренней торговле в губернии стал обмен товарами между башкирами и заводскими мастеровыми и работными людьми, возникший на базе хозяйственного разделения труда. Ценные, подчас уникальные сведения о торговле башкир с другими жителями края содержатся в наказах различных сословий губернии в Уложенную комиссию и выступлениях депутатов на Большом собрании комиссии при обсуждении законов о купечестве в октябре-декабре 1767 г. Депутат от башкир Уфимской провинции Токтамыш Ижбулатов говорил: «Живущие на этих заводах довольствуются всякими потребностями, то есть харчевыми и другими припасами, покупая их по большей части от нашего народа»²⁸¹. Не меньшее значение приобрела торговля кожами. Традиционное кожевенное ремесло башкир и мишарей получило новый толчок к развитию. Богатые башкиры и мишари заводили специальные кожевенные предприятия, и, по словам казачьего депутата П. И. Бурцова, «эти заводы довольствуют почти все состоящие по линиям в Оренбургской губернии армейские полки, отставных драгун и солдат, казаков и всех живущих на медных и железных заводах рабочих людей, ибо кожевенные промышленники не привозят в город Уфу своего товара на продажу, а преимущественно продают его в уезде по означенным заводам и в казачьих городках, и еще отвозят в порты [в Оренбург и Троицкую крепость], где платят портовую пошлину. Сверх того они ставят его на расположенные в Оренбургской губернии армейские полки для шитья драгунам сапогов и на другие полковые потребности. Еще и в нынешнем 1767 году старшина Султан [Мрат] Енышев ставит по подряду кожи на полковые потребы в Билярской и Шешминской драгунские полки. При том нужно сказать, что кожевенные заводы устроены башкирами в их собственных угодьях»²⁸².

Важнейшим товаром, за которым приезжали к башкирам армейские офицеры, заводские приказчики и купцы, были башкирские лошади. Ежегодно Башкирию наводняли купцы и служилые татары Казанской губернии, которые «покупали и выменивали у башкирцов лошадей на разные товары, на пла-

У подножья г. Аушкуль (Южный Урал). С гравюры начала XIX в.

ть и на другие потребные предметы»²⁸³. Они вывозили тысячи лошадей, необходимых Казанскому адмиралтейству для доставки корабельного леса. За башкирскими лошадьми приезжали из Нижегородской и Астраханской губерний, ибо, по отзывам покупателей, «таких крепких и добрых лошадей нигде нельзя достать»²⁸⁴. При этом, по заслуживающим доверия утверждениям самого «капитального» уфимского купца А. Подъячева, «башкиры и другие Уфимской провинции народы наиболее стараются продавать лошадей на деньги, а не менять их на товары»²⁸⁵.

Башкиры снабжали жителей Оренбурга, Сеитовой слободы и др. поселков на юге губернии лубком для покрытия крыш домов. За лубок брали «большие деньги»: десяток «последней доброты» стоил не менее 1 руб., а «хорошие и гораздо больше»²⁸⁶.

Башкирские, мишарские, тептярские торговые люди участвовали в губернских ярмарках, базарах, торгах и торжках. Они скупали сельхозпродукцию по деревням и отвозили в город, где оптом продавали купцам. У последних они брали другие товары и развозили по волостям. Так, в 1773 г. башкирский старшина Уршак-Минской вол. Ногайской дороги Ибрагим Мрясев и рядовые из его команды Чюрюкей Касьмов и Абукан Смаилов взяли у уфимского купца 2-й гильдии А. М. Подъячева товару на 100 руб. с условием вернуть деньги через год. На 50 руб. товара было отпущено Подъячевым

башкирскому походному сотнику Осинской дороги Рангулу Ильину и столько же Хамиту Шерипову, старшинскому сыну из Ирехтинской вол. Осинской дороги. За товаром приезжали к Подьячеву и мишари-перекупщики с Сибирской и Осинской дорог²⁸⁷.

Часть товара башкиры, мишари, тептяри перекупали у казанских купцов, которые, не успев продать привезенное, «оставшиеся у них товары передают уфимским иноверцам ... для продажи и покупки случающихся в уезде товаров»²⁸⁸.

На Большом собрании Уложенной комиссии депутат мишарей Исетской провинции Абдулла Муслумов Даушев выступил против притязаний купцов на монополию в торговле. Он подчеркивал, что служилые люди право заниматься торговлей приобрели верным служением «как е. и. в., так и Отечеству, находясь в пограничных местах и защищая страну от неприятеля». Эти высказывания были поддержаны башкирскими депутатами Токтамышем Ижбулатовым, Базаргулом Юнаевым, мишарским депутатом Абдулзялилем Максютковым, тептярским депутатом Якимом Бекбовым, депутатом служилых татар Альмухамметом Ибрагимовым²⁸⁹.

Широкое развитие торговли в Яицком войске было обусловлено характером ведения хозяйства, рассчитанного на продажу прежде всего рыбы, икры, вязиги, рыбного клея и закупку хлеба, орудий рыболовства, оружия, тканей, одежды и других товаров. Торговля носила меновой характер.

Главный торг производился в Яицком городке, куда после трех основных ловов собирались почти все казаки с рыбой. Сюда, по свидетельствам очевидцев, «сезжаются купцы почти из целой России». Большинство купцов были из Поволжья, откуда они везли казакам хлеб. В своем наказе в Уложенную комиссию яицкие казаки твердо высказывались за свободную торговлю со всеми районами страны: «чтобы всякий приезжал сюда свободно и перед прежним лучшую охоту имел и из-за того, чтобы была всякаго звания людям вольность, как сюда приезжать, так и обратно отъезжать»²⁹⁰.

Пойманная и заготовленная казаками красная рыба — свежая, соленая, вяленая, мороженая и икра, и другие продукты рыболовства развозились и продавались по всей стране, а также сбывались за границу, принося стране значительную прибыль. В этом деле участвовали, в основном, приезжие купцы. Но имеются сведения, что богатые яицкие казаки и сами сбывали рыбу в Оренбурге и на отдаленных рынках, где держали приказчиков. Важно подчеркнуть, что торговля рыбой и продуктами рыболовства с Яика способствовала расширению все-

российского рынка на юго-востоке страны, включению в него значительной территории Южного Урала.

Постепенно товарный характер принимало и скотоводство. Часть своего скота казаки продавали в Казанской губернии, а кожу и сало — на кожевенные и мыловаренные заводы Казани, Ярославля, Арзамаса.

Оренбургские казаки торговали хлебом, скотом, ремесленными изделиями и даже свинцом и порохом. Как писал П. И. Рычков, «торгуют они немало»²⁹¹. По ведомости Оренбургской губернской канцелярии в 1764 г. в Оренбурге из 68 мясных амбаров 44 принадлежали казакам. 22 амбара были положены в 8-рублевый оклад, столько же — в 5-рублевый. Мясные лавки были и у челябинских казаков²⁹².

Подчеркивая значение торговли и промыслов для казаков, депутат Уложенной комиссии от уфимских казаков П. И. Бурцов говорил на заседании комиссии, что казаки занимались прасольством, вели «торги и промыслы и разные ремесла, с которыми обращались между Башкириею и другими иноверными народами ... и тем довольствовались и пребывали ... в службах весьма исправны»²⁹³. Уфимские казаки с выгодой занимались скупкой и перепродажей скота²⁹⁴.

Для снабжения гарнизонов и населения пограничных крепостей припасами они же заключали контракты на покупку и доставку хлеба и другого продовольствия в крепости на собственных подводках. Так, в 1763 г. крупные подряды в Оренбургской губернской канцелярии взяли 8 казаков. Каждый из них имел своих поверенных, которых рассылал по разным местам для закупки хлеба, и подводчиков с подводками. Т. И. Падуров, например, брался доставить в продовольственные магазины Оренбурга, Рассыпной и Пречистинской крепостей 1350 четвертей муки и 125 четвертей круп, для чего требовалось 738 подвод. За подряд он получал 1611 руб. 75 коп.²⁹⁵

О поступательном развитии торговли говорят и факты зачисления оренбургских казаков в купцы. Только в 1768 г. по распоряжению губернатора в купцы г. Оренбурга перешли отставной казак П. Деев с сыном, имевшие капитал в 2500 руб., лавки в гостином и на меновом дворах, их родственники — отставной казак П. Деев с сыновьями (капитал 3000 руб. и лавка в гостином дворе), служащий казак А. Деев с братьями (капитал 2000 руб.). Купцами стали Ф. Падуров с сыном, Н. Падуров, В. Авдеев, малолеток А. Хопрянинов, имевшие по 1000 руб.²⁹⁶

По проценту торговых крестьян Оренбургская губерния занимала одно из первых мест среди 13 губерний. Государственные и дворцовые крестьяне привозили товары на Оренбург-

скую ярмарку, где их торговля вызывала даже снижение цен на российские товары. Крестьяне нанимались в приказчики к купцам и продавали их товары на меновом и гостином дворах²⁹⁷.

Хлеб на рынок поставляли в основном государственные крестьяне и казаки Исетской провинции. По деревням, писал в 1767 г. П. И. Рычков, «многие скупщики ездят зимнею и осеннею порою, покупая и подрывая всякой хлеб ..., больше для казенных магазейнов, в Оренбурге и в новых крепостях имеющихся»²⁹⁸. Из Исетской провинции хлеб шел также в Екатеринбургское ведомство и смежные дистрикты Сибирской губернии. Крестьяне прилинейных селений вели обменный торг с казахами.

О крестьянской торговле хлебом с удовлетворением говорили многие депутаты Уложенной комиссии от служилого населения края, подчеркивая ее «народную пользу». Купив хлеб у крестьян, они, отправляясь на службу, со спокойной душой оставляли свои семьи²⁹⁹.

Государственные и дворцовые крестьяне продавали также домашний скот, кожи, мед, воск, предметы домашнего изготовления — войлоки, холсты, изделия из сельскохозяйственного сырья и дерева и др. Косвенные данные о размерах крестьянской торговли можно извлечь из высказывания на собрании Уложенной комиссии купца А. Подъячева, который видел в торговых крестьянах реальных конкурентов. Он предлагал законодательно запретить им скупку «разных предметов» и торговлю в городах и на сельских торжках, оставив лишь право продавать «земельные произведения» и предметы «своего рукоделия» по месту жительства³⁰⁰.

Как жизненно необходимое настояние прозвучало требование свободной торговли в наказах крещеных татар, чувашей, марийцев, удмуртов. Активную торговлю лошадьми вели новокрещенцы, переселенные в Башкирию из Поволжья. Они готовы были расширить «торговые извороты» и через своего депутата в Уложенную комиссию И. Андреева (Бакая) просили разрешить «всякими товары во всех местах для своего пропитания торговать»³⁰¹.

Подобные требования, свидетельствовавшие о заинтересованности тептярей более широко вести торговлю, содержатся в их наказе своему депутату Якиму Бекбову: «Нам, положенным в восьмигривенный ясак, дозволено б было в здешнем Уфимском уезде, кто пожелает, иметь торговый промысел бескредитно ж»³⁰².

Появление прослойки торговых крестьян было обусловлено не только объективным процессом общественного разделения

труда, но и ростом податного обложения крестьян. Как говорил на заседании Уложенной комиссии П. И. Бурцов, крестьяне «побуждаются к продаже каких ни есть предметов не столько от излишества их, сколько по нужде, а именно для уплаты податей или других государственных повинностей»³⁰³.

Картина торговых операций будет неполной, если обойти продажу заводской продукции, хотя владельцы заводов не были жителями губернии. Продукция южноуральских металлургических заводов, принадлежавших дворянам и купцам, шла на общероссийский и внешний рынки. Продавали штыковую, досчатую, в брусках и листовую медь, штыковой чугуна, листовое, луженое железо и даже сталь. На заводах и губернских ярмарках шла продажа бытовых изделий из металла.

Чугун и железо сплавляли по Белой, Каме и Волге до Твери, продавая по пути в Казани, Симбирске, Чебоксарах, на Макарьевской ярмарке, в Ярославле³⁰⁴. В «заморский отпуск» металлы шли через Петербургский порт. В 1761 г. на экспорт отправили свою продукцию Каслинский и Кыштымский заводы дворянина Н. Н. Демидова, Сергинские заводы И. Н. Демидова³⁰⁵.

После обязательной продажи казне 3/4 произведенной меди оставшуюся продукцию заводчики имели право реализовать по рыночным ценам. По данным на 1760—1761 гг. владелец Усень-Ивановского и Троицкого заводов балахнинский купец И. П. Осокин продавал штыковую медь в колокольном ряду в Москве. На московский рынок поступала продукция с Покровского, Благовещенского, пяти медных заводов Я. Твердышева и И. Мясникова. Чистую штыковую медь привозили на Оренбургский меновой двор с Покровского и Кано-Никольского заводов³⁰⁶.

Еженедельно на заводах собирались торги. Заводы постепенно шли навстречу потребностям сельского населения, налаживая выпуск сельхозорудий, инструментов, посуды. На Юрюзанском заводе был открыт цех по изготовлению кос, на Златоустовском — по выделке «крышечного резного и шинного железа»³⁰⁷. Белорецкий, Благовещенский, Юрюзанский, Катав-Ивановский заводы выпускали листовое железо. Изготовлением посуды занимались специальные цеха на Катав-Ивановском и Саткинском заводах. Особенно славилась медная посуда — чайники, кумганы, кастрюли, котлы и др. Троицких заводов³⁰⁸.

Несмотря на успехи в развитии торговли в третьей четверти XVIII в. в экономической жизни большинства населения края она занимала скромное место. Развитие торговли сдерживалось ограниченностью товарного производства и рынка, не-

удовлетворительностью путей сообщения в крае, особенно — трудностями караванного пути. В то же время без торгов крестьяне и служилое население края уже не могли поддерживать свое благосостояние.

¹ *Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край.* Казань, 1890. Вып. 1. С. 177.

² РГАДА. Ф. 1274. Д. 192. Л. 342.

³ *Рычков П. И. О способах ко умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества (ВЭО).* СПб., 1767. Ч. 7. С. 5.

⁴ *Сборник Русского исторического общества (РИО).* СПб., 1871. Т. 8. С. 124, 126.

⁵ *Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и Топографии П. И. Рычкова.* 1755 г. Оренбург, 1880; *Витевский В. Н.* Указ. соч. Казань, 1897. Ч. V. Приложение. С. 15; РГВИА. Ф. ВУА. № 148, л. 7 (карта Уфимской провинции, составленная в 1774 г. в военно-походной канцелярии генерал-майора П. М. Голицына).

⁶ *Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов.* (далее: *Крестьянская война.*) Уфа, 1975. С. 277—288.

⁷ *Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии.* Оренбург, 1887. С. 348—363, 370; *Крестьянская война.* С. 271—273.

⁸ *Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства.* СПб., 1786. Кн. 2, ч. 2. С. 8.

⁹ *Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав.* М., 1990. С. 75, 152.

¹⁰ *Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав.* М., 1990. С. 125—129.

¹¹ *Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.,* М., 1971. С. 88—90.

¹² Там же. С. 100—102.

¹³ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 4 об.—5.

¹⁴ *Крестьянская война.* С. 288, 294; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 317.

¹⁵ *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 12.

¹⁶ *Крестьянская война.* С. 291.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 156, ч. 1. Л. 169.

¹⁸ *Кабузан В. М. Изменения в размещении ...* С. 88—90, 100—102.

¹⁹ *Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв.* М., 1988. С. 118—119.

²⁰ *Смирнов Ю. Н. Население Самарского края по III ревизии//Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX — начале XX века.* Куйбышев, 1986. С. 12—13.

²¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 104. Л. 201.

²² *Кабузан В. М. Изменения в размещении ...* С. 88—90, 100—102.

²³ *Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII вв.* Свердловск, 1991. С. 15; *Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа.* Уфа, 1978. С. 223; *Кулбахтин Н. М. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773—1775 гг.* Учебное

пособие. Уфа, 1984. С. 13; *Асфандияров А. З.* Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. Учебное пособие. Уфа, 1989. С. 5; *Рахматуллин У. Х.* Заселение Башкирии (30—90-е годы XVIII в.) Автореферат канд. дис. М., 1975. С. 20.

²⁴ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 220; *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 13; *Асфандияров А. З.* Указ. соч. С. 6.

²⁵ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Сост. А. Рябинин (далее Уральское казачье войско). СПб., 1866. Ч. 2. Приложение. С. 39; *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896. С. 82.

²⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 11.

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Крестьянская война. С. 271—273, 277—295.

²⁹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 60—63; РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 67. Л. 1—11.

³⁰ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 14.

³¹ *Асфандияров А. З.* Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. С. 5.

³² Там же. С. 5—6.

³³ *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкортостана. Уфа, 1994. Кн. 5. С. 99—110.

³⁴ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 11, 14.

³⁵ Крестьянская война. С. 288; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 197. Л. 317; ГАОО. Ф. 3. Д. 143. Л. 25 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 211. Л. 23 об.

³⁷ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 14; Крестьянская война. С. 288.

³⁸ *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии (подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в.). М., 1902. Т. 2, ч. 2. С. 316—317.

³⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 143. Л. 25 об.

⁴⁰ Материалы. М., 1960. Т. V. С. 382.

⁴¹ Там же.

⁴² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска (далее — Материалы по ... ОКВ). Оренбург. 1907. Вып. VIII. С. 172.

⁴³ ГАОО. Ф. 3. Д. 104. Л. 202; РГАДА. Ф. 16. Д. 816. Л. 19.

⁴⁴ *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775). Элиста, 1971. С. 28, 33—36.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 199. Д. 152. № 10. Л. 2; *Витевский В. Н.* Н. И. Неплюев и Оренбургский край. Казань, 1890. Вып. 2. С. 236, 365.

⁴⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2, С. 11.

⁴⁷ *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 177.

⁴⁸ Там же. С. 87—88, 93.

⁴⁹ Там же. С. 74; *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. Т. 1. С. 156.

⁵⁰ Материалы по ... ОКВ. Оренбург, 1903. Вып. 1. С. 1—90; Оренбург, 1904. Вып. V. С. 89; *Машин М. Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1978. С. 71—73.

⁵¹ Материалы по ... ОКВ. Вып. 1. С. 91; Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. Приложение. С. 39; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 14.

- ⁵² Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 89.
- ⁵³ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 12.
- ⁵⁴ Там же. С. 11, 13.
- ⁵⁵ Там же. С. 10, 12.
- ⁵⁶ Там же. С. 10, 12—13.
- ⁵⁷ Курмачева М. Д. Города Урала и Поволжья в Крестьянской войне 1773—1775 гг. М., 1991. С. 26—27.
- ⁵⁸ ПСЗ 1. Т. XIX, № 14029. С. 812.
- ⁵⁹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 10, 12.
- ⁶⁰ Там же. С. 12.
- ⁶¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 728. Документы обнаружены Р. В. Овчинниковым.
- ⁶² Материалы. Т. V С. 384.
- ⁶³ ГАОО. Ф. 3. Д. 81. Л. 83—89; РГАДА. Ф. 1274. Д. 211. Л. 24; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 10.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 484—487; *Фальк И. П.* Указ. соч. С. 258—259.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 36.
- ⁶⁶ *Максимович Л. М.* Новый или полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1789. Ч. VI. С. 92—93; Материалы. Т. V С. 383.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 104. С. 195—196.
- ⁶⁸ Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1769 и 1770 году (далее — Рычков Н. Журнал). СПб., 1770. Ч. 1. С. 61—62; *Фальк И. П.* Указ. соч. С. 260.
- ⁶⁹ *Максимович Л. М.* Указ. соч. М., 1789. Ч. VI. С. 236.
- ⁷⁰ *Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 12, 18; *Максимович Л. М.* Указ. соч. М., 1789. Ч. V С. 12—13.
- ⁷¹ *Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 12, 18. *Максимович Л. М.* Указ. соч. М., 1788. Ч. 1. С. 23.
- ⁷² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 7, 9; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 377.
- ⁷³ *Рычков Н.* Журнал. С. 178—179; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 7.
- ⁷⁴ *Максимович Л. М.* Указ. соч. М., 1789. Ч. V С. 200; *Фальк И. П.* Указ. соч. С. 258, 278.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 194. Л. 89; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. II. С. 53.
- ⁷⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 43—53; карта территории Яицкого казачьего войска в книге П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства 1772 и 1773 годов». СПб., 1788. Ч. 3, половина 2-я. С. 179; *Машин М. Д.* Оренбургское казачье войско. С. 48—49.
- ⁷⁷ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 411—413; РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 165.
- ⁷⁸ *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 167; *Максимович Л. М.* Указ. соч. Ч. VI. С. 199.
- ⁷⁹ *Рычков П. И.* Топография Оренбургская. С. 244—246.
- ⁸⁰ Материалы по ... ОКВ. Вып. VIII. С. 128—129.
- ⁸¹ Там же. С. 180—181.
- ⁸² *Ден В. Э.* Указ. соч. Т. 2, ч. 2. С. 18.

- ⁸³ ПСЗ 1. Т. XVI, № 12 137. С. 718.
- ⁸⁴ Там же. С. 717.
- ⁸⁵ Рафиенко Л. С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 375.
- ⁸⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 72. Л. 15—17, 24, 222—224.
- ⁸⁷ ПСЗ 1. Т. XLIV, ч. 2. Отд. III и IV. С. 68—69.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 346—351.
- ⁸⁹ Рычков Н. П. Журнал. СПб., 1770. С. 61—62.
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 313—318, 335—341; ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3369. № 1039—1044.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 313—351.
- ⁹² ПСЗ 1. Т. XIX, № 13489. С. 99—101.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 313—318.
- ⁹⁴ Там же. Л. 318—319.
- ⁹⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3319. № 1053—1058.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 217 об., 268.
- ⁹⁷ Подсчитано по: Крестьянская война. С. 254—259, 271—273, 277—288.
- ⁹⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 211. Л. 18 об.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 213.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 268.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 211. Л. 12; Д. 194. Л. 74.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 232.
- ¹⁰³ Подсчитано по: Крестьянская война. С. 254—257, 271—273, 277—295.
- ¹⁰⁴ Рахимов Р. Н. Тептяри Башкирии в XVII—60 гг. XIX вв. Уфа, 1992. Рукопись канд. диссертации. С. 93.
- ¹⁰⁵ Подсчитано по: Крестьянская война. С. 256—259, 277—288.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 214.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 212, 214.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 22—23.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 118. Л. 429.
- ¹¹¹ Цит. по: Рознер И. Г. Яик перед бурей. С. 30.
- ¹¹² Материалы по ... ОКВ. Вып. IV. С. 146—147.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Материалы по ... ОКВ. Вып. V. Оренбург, 1904. С. 79.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 816. Л. 19.
- ¹¹⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 104. Л. 202.
- ¹¹⁷ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 35.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 194. Л. 73—74.
- ¹¹⁹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XX вв.). М., 1976. С. 314—315.
- ¹²⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5.
- ¹²¹ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 375—376.
- ¹²² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 57—60, 79—83.
- ¹²³ Там же. С. 83—85.
- ¹²⁴ Там же. С. 86—89.
- ¹²⁵ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 30.
- ¹²⁶ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2, кн. 1. С. 65.

- ¹²⁷ Паллас П. С. Указ. соч. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. С. 9—10.
- ¹²⁸ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы//Труды Вольного экономического общества (ВЭО). Ч. VII. С. 140.
- ¹²⁹ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2, кн. 1. С. 8.
- ¹³⁰ Материалы. Т. V С. 395, 356, 598, 599 и др.
- ¹³¹ Сборник РИО. Т. 8. С. 318.
- ¹³² Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 55; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 86.
- ¹³³ Материалы. Т. V С. 599.
- ¹³⁴ Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 6, 9—10; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. С. 96, 99.
- ¹³⁵ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы. С. 116—117.
- ¹³⁶ Подсчитано по: Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 83—89. Четверть — мера сыпучих тел и поверхности. Как мера сыпучих тел вмещала 4 пуд. ржи, как мера поверхности равна 0,5 дес.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2, кн. 2. С. 9.
- ¹³⁹ Полное собрание ученых путешествий по России. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. Т. 6. С. 257.
- ¹⁴⁰ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 79.
- ¹⁴¹ Рычков П. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч. VII. С. 3.
- ¹⁴² Демина Т. А. Земельные отношения в Южном Зауралье в 30—80-х годах XVIII века//История СССР. 1981. № 6. С. 151—153.
- ¹⁴³ Там же. С. 156.
- ¹⁴⁴ Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962. С. III.
- ¹⁴⁵ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 2, кн. 2. С. 8—9.
- ¹⁴⁶ Рычков Н. Журнал. С. 129, 131.
- ¹⁴⁷ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 66—67.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 466—467.
- ¹⁴⁹ Рычков П. О земледелии//Труды ВЭО. 1770. Ч. XVI. С. 28.
- ¹⁵⁰ Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1802. Ч. 2. С. 23, 49—50, 70—71; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. 2. С. 47.
- ¹⁵¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 477—478.
- ¹⁵² Рычков Н. Указ. соч. СПб., 1770. С. 154—155.
- ¹⁵³ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. III. 2-я пол. СПб., 1788. С. 26.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 20—21.
- ¹⁵⁵ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 244—245.
- ¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 199. Л. 165; Пугачевщина. Т. 2. С. 79.
- ¹⁵⁷ Усманов А. Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII века//Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 61—62.
- ¹⁵⁸ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 24.
- ¹⁵⁹ Паллас П. С. Указ. соч. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1. С. 26.
- ¹⁶⁰ Усманов А. Н. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁶¹ Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.

- ¹⁶² Там же. С. 33.
- ¹⁶³ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 478.
- ¹⁶⁴ *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. С. 100.
- ¹⁶⁵ *Янгузин Р. З.* Указ. соч. С. 41.
- ¹⁶⁶ *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII вв. С. 23.
- ¹⁶⁷ *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 3—4. С. 221.
- ¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 51.
- ¹⁶⁹ Цит. по: *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. Т. 1. С. 475.
- ¹⁷⁰ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 448, 456, 477—478.
- ¹⁷¹ Там же. С. 456—457.
- ¹⁷² Там же. С. 464.
- ¹⁷³ Там же. С. 464—472.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 474—475.
- ¹⁷⁵ Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 6.
- ¹⁷⁶ *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 91.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 649.
- ¹⁷⁹ *Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы. С. 168.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 134—135.
- ¹⁸¹ Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 98.
- ¹⁸² *Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы. С. 133—134.
- ¹⁸³ *Рычков Н.* Указ. соч. С. 137.
- ¹⁸⁴ *Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы. С. 135.
- ¹⁸⁵ *Кондрашенок А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. II. С. 53—54.
- ¹⁸⁶ *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 91.
- ¹⁸⁷ Там же. Ч. 1. С. 59.
- ¹⁸⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 78. Л. 71—72, 233—254; Д. 83. Л. 203—213 и др.
- ¹⁸⁹ Сборник РИО. Т. 8. С. 124, 126, 300.
- ¹⁹⁰ Подсчитано по: Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 375—378; *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 252—282; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 326—328.
- ¹⁹¹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 375—378; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—336.
- ¹⁹² ПСЗ I. Т. V, № 3464. С. 760—762; Т. X, № 7766. С. 734—739.
- ¹⁹³ ПСЗ I. Т. XIV, № 10244. С. 169.
- ¹⁹⁴ ПСЗ I. Т. XIII, № 10141. С. 899—908; Т. XV, № 10893. С. 274.
- ¹⁹⁵ *Павленко Н. И.* К истории южноуральской металлургии в XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1956. С. 210.
- ¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 229, 269.
- ¹⁹⁷ Там же.
- ¹⁹⁸ *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. С. 119.
- ¹⁹⁹ *Кулбахтин Н. М.* Формирование горнозаводской промышленности Башкирии в XVIII веке. Уфа, 1989. С. 15.
- ²⁰⁰ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 219, 222, 256, 261—262, 352—356, 365—366.
- ²⁰¹ *Павленко Н. И.* К истории южноуральской металлургии в XVIII в. С. 178—186.

- ²⁰² *Кашинцев Д.* Указ. соч. С. 120—121.
- ²⁰³ *Очерки по истории Башкирской АССР.* Уфа, 1956. Т. I, ч. 1. С. 209.
- ²⁰⁴ Горные заводы, рудники и месторождения полезных ископаемых в Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 6.
- ²⁰⁵ *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Уфа, 1983. Ч. 1. С. 31.
- ²⁰⁶ *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России XVII—XIX вв. Свердловск, 1988. С. 61—62; *Пугачевщина.* Т. 2. С. 269; *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 229—242.
- ²⁰⁷ Подсчитано по: *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 65—67.
- ²⁰⁸ *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953. С. 212, 386; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. С. 319—320.
- ²⁰⁹ Подсчитано по: *Кашинцев Д.* Указ. соч. С. 132; *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 65—67.
- ²¹⁰ Подсчитано по: *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 65—67; *Кашинцев Д.* Указ. соч. С. 132.
- ²¹¹ *Кашинцев Д.* Указ. соч. С. 256—274.
- ²¹² *История Урала с древнейших времен до 1861 г. (далее История Урала).* М., 1989. С. 272.
- ²¹³ Подсчитано по: *Черноухов А. В.* Указ. соч. С. 75, 148—149, 156—164.
- ²¹⁴ *Черноухов А. В.* Указ. соч. С. 84.
- ²¹⁵ *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. С. 192—200; *История Урала.* С. 272.
- ²¹⁶ *Павленко Н. И.* К истории южноуральской металлургии в XVIII в. С. 195; *История Урала.* С. 275; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 25—26, 180—182.
- ²¹⁷ *Научное наследие П. С. Палласа.* СПб., 1993. С. 127, 152—153.
- ²¹⁸ *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 323—330, 598; *Материалы.* Т. V С. 681—683; *Асфандияров А. З.* Башкирские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII в. // *Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье.* Уфа, 1988. С. 22—24.
- ²¹⁹ *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 335—338.
- ²²⁰ Там же. С. 302, 597.
- ²²¹ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. С. 40.
- ²²² *Аксенов А. В.* Соль Илецкая. Историко-экономический очерк (1754—1965) // *Ученые записки Оренбургского гос. пединститута.* Оренбург, 1969. Вып. 31. С. 28—35.
- ²²³ *Научное наследие П. С. Палласа.* СПб., 1993. С. 83.
- ²²⁴ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 68, 93, 71—80.
- ²²⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 77. Л. 80—81; ПСЗ I. Т. XXI, № 15174. С. 142—143.
- ²²⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 125. Л. 21—23.
- ²²⁷ *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 479, 483.
- ²²⁸ Там же. С. 106, 108.
- ²²⁹ Подсчитано по: *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 111—127, 564—568.
- ²³⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 131. Л. 22—30; *Материалы.* Т. IV, ч. 2. С. 133—141.
- ²³¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 131. Л. 10—12.
- ²³² *Сборник РИО.* Т. 8. С. 113.
- ²³³ Там же. С. 98.
- ²³⁴ Там же. С. 128—129.

- ²³⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 72. Л. 343; Сборник РИО. Т. 8. С. 128.
- ²³⁶ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 246—247.
- ²³⁷ Подсчитано по: Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 125—127, 570—572.
- ²³⁸ Там же. С. 108, 123—125, 568—570.
- ²³⁹ Восстание Емельяна Пугачева. С. 9.
- ²⁴⁰ Там же. С. 12.
- ²⁴¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 100. Л. 148—149.
- ²⁴² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 573, 604.
- ²⁴³ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 103—108.
- ²⁴⁴ Стариков Ф. Откуда взялись казаки. Оренбург, 1881. С. 135.
- ²⁴⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 58.
- ²⁴⁶ Там же. С. 214.
- ²⁴⁷ Максимович Л. М. Указ. соч. М., 1788. Ч. IV. С. 30—31; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 467.
- ²⁴⁸ Архив ПФИИР. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442. Л. 354.
- ²⁴⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 247.
- ²⁵⁰ Максимович Л. М. Указ. соч. Ч. V. С. 298—299.
- ²⁵¹ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — нач. XIX вв. М., 1960. С. 289, 314.
- ²⁵² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 199, 209.
- ²⁵³ Подсчитано по: Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 248—249, 253, 301.
- ²⁵⁴ ГАОО. Ф. 3. Д. 133. Л. 85—95; Восстание Емельяна Пугачева. С. 8—10.
- ²⁵⁵ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 90—91, 592; Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 281.
- ²⁵⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 816. Л. 3.
- ²⁵⁷ Подсчитано по: Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 292, 309.
- ²⁵⁸ Витевский В. Н. Указ. соч. Казань, 1897. Вып. 5. Приложение. С. 88—89.
- ²⁵⁹ Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 241; Максимович Л. М. Указ. соч. Ч. IV. С. 31.
- ²⁶⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 516, ч. 1. Л. 36.
- ²⁶¹ Сборник РИО. Т. 8. С. 112.
- ²⁶² ГАОО. Ф. 3. Д. 80. Л. 13.
- ²⁶³ Там же. Д. 112. Л. 120—128.
- ²⁶⁴ Там же. Д. 105. Л. 13—15.
- ²⁶⁵ Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов// Максимович Л. М. Указ. соч. Ч. IV. С. 1—СХХVI.
- ²⁶⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 475.
- ²⁶⁷ Там же. С. 475.
- ²⁶⁸ Сборник РИО. Т. 8. С. 147—148.
- ²⁶⁹ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 373, 374, 380.
- ²⁷⁰ Сборник РИО. Т. 8. С. 299.
- ²⁷¹ Там же. С. 326—327.
- ²⁷² Сборник РИО. Т. 8. С. 326—327.
- ²⁷³ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 216.
- ²⁷⁴ ЦГИА РБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2. Л. 162—163.
- ²⁷⁵ Сборник РИО. Т. 8. С. 112, 124—126.
- ²⁷⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 53—58.
- ²⁷⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 72. Л. 349—351.

- ²⁷⁸ Там же. Д. 83. Л. 283—284.
- ²⁷⁹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 66.
- ²⁸⁰ Там же. Ф. 1274. Д. 182. Л. 312.
- ²⁸¹ Сборник РИО. Т. 8. С. 112.
- ²⁸² Там же. С. 128.
- ²⁸³ Там же. С. 222.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Там же. С. 300.
- ²⁸⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 60—61.
- ²⁸⁷ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 373—374, 380.
- ²⁸⁸ Сборник РИО. Т. 8. С. 299.
- ²⁸⁹ Там же. С. 191—193.
- ²⁹⁰ Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. Приложения. С. 74.
- ²⁹¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 248.
- ²⁹² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 94—96, 129.
- ²⁹³ Материалы по ... ОКВ. Вып. 1. С. 73.
- ²⁹⁴ Там же. Вып. III. С. 63.
- ²⁹⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 71 а. Л. 30—33.
- ²⁹⁶ Материалы по ... ОКВ. Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 144—145.
- ²⁹⁷ Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 246; Оренбург. Челябинск, 1993. С. 19.
- ²⁹⁸ Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы. С. 158.
- ²⁹⁹ Сборник РИО. Т. 8. С. 124, 126—128, 192.
- ³⁰⁰ Там же. С. 98—99, 301.
- ³⁰¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 480.
- ³⁰² Там же. Л. 487.
- ³⁰³ Сборник РИО. Т. 8. С. 125.
- ³⁰⁴ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 238—241, 256, 264—265.
- ³⁰⁵ Там же. С. 252—254, 256, 269—271.
- ³⁰⁶ Там же. С. 221, 225—226, 238—241, 285, 278.
- ³⁰⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 3193, 3222.
- ³⁰⁸ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 136, 240, 250—251, 266; Рычков Н. Журнал. С. 101—103, 142, 143.

Глава II. Социальные отношения

К началу Крестьянской войны многонациональное население Башкортостана имело двухсотлетний опыт совместного проживания, совместного труда и борьбы. В ходе вольной крестьянской, а также правительственной, помещичьей и горнозаводской колонизации происходило хозяйственно-бытовое сближение народов разных национальностей и социальных категорий. Особенно наглядно это проявилось в середине XVIII в.: взаимодействие коренного населения с возрастающей народной миграцией русского крестьянства и выходцев из народов Поволжья, бежавших в надежде на облегчение от государственно-феодалной и помещичьей эксплуатации, «становится главным фактором хозяйственной и культурной жизни башкирского народа»¹.

Абсолютное большинство населения Южного Урала составляли нечастновладельческие категории крестьянства, казаки, башкиры, мишари. Помещичье землевладение еще не получило широкого распространения. В роли непосредственно эксплуататора трудовых масс выступало само государство. Олицетворением крепостнического гнета были представители аппарата абсолютистского государства, армия больших и малых чиновников, начиная от губернатора и кончая служащими провинциальных и воеводских канцелярий и командирами воинских гарнизонов. Главной формой эксплуатации нечастновладельческого крестьянства, нерусских народов, казачества, было взимание централизованной ренты, представлявшей собой совокупность податей и прямых повинностей в пользу государства².

Усиление позиций феодально-крепостнического государства в Башкирии особенно внятно проявилось в его земельной и финансовой политике. Насильственное отторжение огромных

Императрица Екатерина II.

земельных территорий башкир было связано с возведением разветвленной системы крепостных линий, военных поселений. Хозяйственное освоение края сопровождалось крупным расхищением башкирских земель казной, помещиками и заводовладельцами. Феодалная рента постоянно росла. 60-е годы отмечены увеличением государственного податного гнета, распространяемого на все категории крестьянства и служилого сословия.

С расширением во второй половине века крепостной юрисдикции социально-политические условия жизни населения Башкирии также изменились к худшему. Деятельность Оренбургской экспедиции, учреждение Оренбургской губернии (1744 г.) породили большой чиновничье-бюрократический аппарат управления и суда. Многие автономные сферы жизнедеятельности населения оказались под контролем абсолютистского государства в лице его местных представителей. Политика правительства была всемерно направлена на ограничение юридических прав государственных крестьян, особенно из среды мусульманского и языческого населения, установление самых тесных рамок социально-политической и духовной жизни башкир и казачества. Мусульманское, языческое и русское старообрядческое население было откровенно недовольно правительственной вероисповедальной политикой.

Требовались государственного масштаба меры для разрешения больших и малых, старых и новых проблем общества и государства.

В первые же годы своего царствования Екатерина II возобновила работу, предпринятую еще императрицей Елизаветой Петровной по составлению общегосударственного свода законов — нового Уложения, призванного заменить собою Соборное Уложение 1649 года. 14 декабря 1766 г. вышел манифест Екатерины II о созыве Уложенной комиссии. В комиссию избирались депутаты различных сословий, которые должны были снабдить их своими наказами. Императрица призвала сообщить в наказах ей и правительству все «неправды и утеснения», которые испытывал народ, и «способы сохранения правосудия»³.

№ 598
~~№ 592~~

211

4ч
23

Уфимского Уезда Башкирского Котарханско Уез-
 наряда дитуптаста етваринны поиттамышы убу
 Лаптова поданному мне отпозаю наряда полномо-
 стию, и наизамб с народными общими нуждами
 и надреттапналь полурзполению Вели Емстаншало
 Ея Императорскаго Величества
 Манифеста снужиследующимъ: Ваше вавной
 покорности прииде авла еттица!

О И

Спросилыхъ дасныхъ Уездехъ наредъ наши
 Башкирской Котарханской состоялъ по властности
 наотисныхъ. хановъ и нехста подъ сною дитпа-
 трыши Симотилово полнаго Уездехъ в подданство
 подомосисладную Российскую державу поканбмы
 ситта етте и мтеимъ подданному изданню в малю
 местанномъ Запоне и дрныне под охранительную
 милостию Всероссийскихъ. Усудавей в томъ
 мбемъ свободными потому иныи ответственныи
 канб правды деме и оцзе наши находилса. мме
 поттемин ихъ. Спржеимъ малю местанномъ Запоне
 не отаратно дитпа жлаемъ иттовъ в томъ ав
 сонсма ттернимъ Ея Императорскаго
 Величества милосердении вставлены себе
 ными дитпа. тилими!

Наказ башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767 г. РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 211.

№ 532
№ 596

263
193.
28

2 Помяну Всочиненій Уложения нашего Императора
Свѣтѣйшей Ивернїи Успенїи Правленїи Орловскаго
Башкирскаго народа сталишня Башкирца Юсупова Госуда
 данныхъ мне отъ нашего народа напаставленомъ Госудѣ
Враждныхъ привинныхъ наказомъ потому я собратьи
обществомъ нашихъ Успенскихъ общихъ Мухоморо
Учредителскихъ Госудѣ Снарядившихъ привинныхъ
привинныхъ /

1'

На Родѣ нашемъ Правленїи Башкирскаго подлезнаго народа
 находятся Всочиненномъ Законѣ потому какъ оной
исполненїи подлезнаго Россїи Указа
Снарядившихъ нашихъ самостоятельно привинныхъ нашего
Законѣ нашихъ облобленїи нашего Госудѣ отъ
Всочномъ находящимся свободными итъ они Амурскаго
Емператорскаго Величества милости
Госудѣ отъ оной нашихъ народа Госудѣ Снарядившихъ
нашего Дѣлѣ свободными отъ отъ /

2'

Свѣтѣйшей Правленїи имѣются Башкирца Иттъ Родѣ
 Снѣмъ нашего нашего одного Законѣ народа нашихъ
 На нашихъ Госудѣ отъ 135 года состояли
 Всѣ Башкирца Свѣтѣйшей Правленїи Госудѣ отъ
 Снѣмъ нашихъ Родѣ Свѣтѣйшей Правленїи Госудѣ отъ
 Снѣмъ нашихъ Родѣ Свѣтѣйшей Правленїи Госудѣ отъ

Наказ башкир Исетской провинции в Уложенную комиссию 1767 г. РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 263.

Ученые уже давно описали Уложенную комиссию как характерное выражение политики «просвещенного абсолютизма». Созыв комиссии, представление избирателями наказов своим депутатам создавали «видимость надклассовости самодержавия, его заботы о нуждах всех сословий ..., условия для применения социальной демагогии»⁴. К тому же более половины населения страны (помещичьи, дворцовые, экономические и вечноотданные заводам крестьяне) были лишены права избирать депутатов, подавать наказания.

Тем временем возможность впервые письменно изложить свои нужды и пожелания всколыхнула страну. В комиссию было избрано 573 депутата, 34 из них представляли интересы различных сословий Оренбургской губернии. Служилое население губернии (казаки, башкиры, мишари, служилые татары, калмыки) избрало самое большое количество депутатов — 15 человек. Государственным крестьянам разрешили выбрать 12 депутатов. От дворянства депутатские полномочия получили 4 человека, от купцов и торговых татар — 3⁵.

Депутатам Яицкого казачьего войска старшинам И. К. Акутину, И. Анкудинову, Я. М. Колпакову и В. П. Тамбовцеву казаки вручили 2 наставления и Обращение войска в Сенат. Самостоятельные наказания передали им же илецкие и сакмарские казаки⁶.

Оренбургское казачье войско не выработало единого наказания. От казаков Уфимской провинции поехал с наказом писарь уфимских казаков П. И. Бурцов, от исетских казаков — казак Еткульской крепости Ф. П. Белоносков, от Оренбургского корпуса — сотник Т. И. Падуров, от казаков Яицкой и Сакмарской дистанций — сотник П. С. Хопренинов⁷.

Башкиры подготовили 2 наказания. Депутатом от населения Уфимской провинции был избран башкирский старшина Гайнинской вол. Осинской дороги Токтамыш Ижбулатов, от Исетской провинции — старшина Мякотинской, Шуранской и Сынгрянской вол. Базаргул Юнаев⁸.

Мишари Уфимской провинции передали свой наказ мурзе Абдулле Муслумову Даушеву, а Исетской провинции — Абдулзялилю Максютову⁹.

Служилые татары Ичкинских и Устьбагаряцких юрт Исетской провинции избрали депутатом муллу Альмухаммета Ибрагимова, а служилые татары совместно с частью мишарей Уфимской провинции — мишаря Сулеймана Мустафина¹⁰.

Ставропольское калмыцкое войско передало наказ своему депутату полковнику И. Н. Дербетеву¹¹.

Государственные крестьяне избрали 12 депутатов. Наказ черносошных крестьян Исетской провинции был вручен крес-

тьянину д. Сосновская Шадринского уезда А. Е. Манакову¹². Наказ ясачных крестьян Уфимской провинции получил крестьянин д. Гарей Осинской дороги А. Стариков. Депутат ясачного населения Уфимской провинции писарь д. Кусдыково Казанской дороги Мухаметкарим Ибрагимов представил в комиссию 3 наказа. Депутату ясачных татар и чувашей Ставропольского уезда Т. Иванову так же вручили 3 наказа от жителей разных деревень¹³. Отдельно был составлен наказ от ясачных татар, проживавших по Ново-Московской дороге, и передан депутату Ибраю Таирову¹⁴.

Нужды новокрещенцев Уфимской провинции представлял татарин д. Тюбеляс Сибирской дороги И. Андреев (Бакай), Ставропольского уезда — К. Федоров¹⁵.

Депутатами однодворцев, отставных военнослужащих нижних чинов, живших по Оренбургской линии, были отставной вахмистр И. Акрыков, а от поселенных в Ставропольском уезде — Г. Давыдов и И. Ахтемиров. Они не привезли в Москву общего наказа, а передали 15 наказов, составленных жителями разных селений¹⁶.

Тептяри и бобыли Уфимской провинции получили право послать в комиссию одного депутата. Им стал мариец д. Бадрышбаш Осинской дороги Яким Бекбов, которому передали 10 отдельных челобитных.

Тептяри, бобыли и ясачные татары Исетской провинции избрали общего депутата. Им стал писарь Мансур Ибрагимов, который и получил их наказ¹⁷.

Приписные к заводам Оренбургской губернии послали свои наказания от имени государственных крестьян по месту их постоянного жительства в Сибирской и Казанской губерниях.

Права избирать депутатов и участвовать в заседаниях Уложенной комиссии были лишены все помещичьи крестьяне, вечноотданные к заводам, дворцовые и экономические (бывшие архиерейские и монастырские) крестьяне губернии.

Немногочисленное купеческое сословие выбрало двух депутатов: А. М. Подъячева — от уфимских и табынских купцов и цеховых, И. Л. Коченева — от оренбургских купцов и цеховых. Они повезли по два наказа. Коченев выступал и как представитель Оренбургской пограничной таможни. Торговые сеитовские татары отправили со своим наказом Мансура Пулатаева¹⁸.

Привилегированное сословие — дворяне избрали трех депутатов: от Оренбурга — секунд-майора И. Толстого, Уфы — секунд-майора С. И. Аничкова, от дворян Уфимской провинции — секунд-майора Е. К. Тихановского. По Исетской провинции, где дворян насчитывалось 12 человек, губернатор ре-

шил «отдать в волю послать или не послать депутата». Благородные не устояли от соблазна иметь собственного представителя и выбрали депутатом губернского регистратора А. И. Мисилова, служившего в провинциальной канцелярии¹⁹.

В наказах, написанных в Уложенную комиссию от имени большинства трудовых масс губернии, были изложены жалобы и требования законодательно защитить их интересы. Они содержали сведения о формах и размерах государственных повинностей населения, конкретные факты о произволе местной администрации, захвате помещиками и заводчиками башкирских, крестьянских, казачьих земель. Этот комплекс документов, включавший 56 наказов, был составлен в короткий срок — с конца января до начала июня 1767 г. Таким образом, он дает исследователю данные, сложившиеся одновременно, и становится ценным историческим источником, может быть, самым ценным в ряду свидетельств эпохи, позволяющих воссоздать картину жизни и действительного положения большинства жителей края в рассматриваемую годину.

§ 1. ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ДВОРЦОВЫХ, ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН И ЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Государственные крестьяне (черносошные, ясачные, однодворцы, отставные нижние чины, экономические), тептяри и бобыли. Государственные крестьяне составляли одну из крупных групп феодально-зависимых производителей. В сословие в процессе его роста и оформления вошли черносошные, экономические и ясачные крестьяне, однодворцы, пахотные солдаты, новокрепченцы и другие. По своему положению государственные крестьяне отличались от частновладельческих. «Внеэкономическое принуждение, которое тяготело над государственными крестьянами, имело более ослабленную и смягченную форму: оно выражалось в виде различных правоограничений, но никогда не достигало этой формы вещного права, которая характеризовала взаимные отношения между помещиком и его крепостными в XVIII и первой половине XIX века»²⁰. В то же время казенные землепашцы подвергались жестокой эксплуатации и не были защищены от произвола, незаконных поборов и вымогательств со стороны представителей феодальной государственной власти.

С 1766 г. государственным крестьянам было запрещено продавать свои земельные участки. Тем самым правительство

заявляло, что земля, где живут и трудятся крестьяне, принадлежит государству, и чтобы те «впредь названных земель собственными своими не называли».

Как держатели казенной земли крестьяне платили государству оброк, т. е. вносили феодальную ренту в денежной форме. В течение рассматриваемого периода оброчный сбор увеличился в 5 раз: в 1760 г. он от прежних 40 коп. поднялся до 1 руб., а в 1769 г. — до 2 руб. с ревизской души. А кроме того, крестьяне выплачивали и государственный налог — подушную подать, которой облагалось все мужское население независимо от возраста и трудоспособности, в размере $71\frac{1}{2}$ коп. с души м. п. Феодальная рента превышала государственный налог в 2,5—3 раза²¹.

В Оренбургской губернии повинности различных категорий государственных крестьян имели свои отличия.

Большая часть государственных черносошных крестьян, свыше 40 тыс. душ м. п. по III ревизии, проживали в Исетской провинции. Судя по их наказу в Уложенную комиссию, 26,8 тыс. душ м. п. платили денежный оклад, 14,3 тыс. душ м. п., вместо оклада, поставляли оброчный провиант для армии. На собственных подводах они привозили хлеб и фураж на Уйскую и Яицкие дистанции Оренбургской пограничной линии, «куда сколько в каждой год на довольствие воинских команд и государевых лошадей затребовано бывает»²². Каждый двор в 4 души м. п. ежегодно должен был выдать натурой по 3 четверти* 6 четвериков** ржи и столько же овса.

Провиантский оброк был обременителен, и крестьяне постоянно просили об его отмене. Видя «излишнее отягощение и нужду крестьян», с ходатайством за них обратился в Сенат губернатор А. А. Путятин. Сенат начал было склоняться на сторону просителей, но 8 марта 1770 г. Екатерина II «высочайше указать соизволила хлебной сбор чинить, зачитая за каждую четверть по 1 руб. вместо 40 коп»²³. И все равно за доставку провианта государственным крестьянам платили намного ниже, чем пришлым наемным.

Очень тяжелой для исетских крестьян была работа на заводах, где они посменно обрабатывали свой подушный налог. Заводские конторы платили им по ценам, установленным законом — Плакатом 1724 г. Подробнее о несении этой натуральной повинности будет рассказано в разделе о временном населении южноуральских мануфактур.

* Четверть — мера сыпучих тел, вмещала 4 пуда.

** Четверик — мера сыпучих тел, равная $\frac{1}{4}$ четверти.

Работоспособные мужчины из каждой крестьянской общины должны были зарабатывать деньги на подушную подать за выбывших налогоплательщиков (беглых, ушедших на промыслы и др.), нетрудоспособных (детей, стариков, инвалидов). При общинной раскладке учитывались даже умершие за годы с последней ревизии (а между ревизиями было по 10 лет). В 1769 г. был принят специальный указ об общественной ответственности каждой деревни за своевременную уплату денежных окладов на основе круговой поруки²⁴.

В именном указе от 12 октября 1760 г. провозглашалось, что, в связи с увеличением феодальной ренты, «с черносошных крестьян сверх платежа подушных денег никаких без указа доходов, подвод и работ не брать и не требовать»²⁵. Но на деле власти обременяли крестьян многочисленными натуральными и денежными повинностями. Исетских крестьян определяли в канониры для обслуживания артиллерии по крепостям Оренбургской линии. Крестьяне бесплатно прокладывали и ремонтировали дороги и мосты²⁶.

Больших расходов требовала подводная и ямская гоньба, содержание почтовых станций. Крестьяне постоянно жаловались на проезжавших, которые брали подвод больше, чем указано в подорожных, а платили меньше. К тому же подводы часто перегружались и лошади становились в дальнейшем непригодны к работе.

Сельские общества обязаны были оплачивать работу различных крестьянских выборных, на что также шла часть мирских сборов.

С введением казенной соляной монополии на черносошных крестьян легла новая повинность — «безденежно» заниматься приемом и продажей соли в государственных магазинах. В 1772 г. в Исетской провинции было 23 соляных склада — магазина. По требованию губернатора Главное Оренбургских соляных дел правление закрыло 11 магазинов. Но оставшиеся продолжали обслуживать государственные крестьяне. Поскольку многие крестьяне были неграмотны или малограмотны, им приходилось прибегать к найму работников, тратиться на заполнение ведомостей, счетов, рапортов «из собственного их кошта»²⁷.

После перерасчета оброка в 1764 г. крестьяне стали платить больше не только за действующие предприятия, но и за «запустелые» мельницы, кузницы, красильни и мыловарни, хозяев которых «уже в живе нет и наследников никого не осталось»²⁸. Обращаясь в Уложенную комиссию, черносошные крестьяне просили не взыскивать оброчных денег с заброшенных заведений и производств.

Исетские крестьяне писали в Уложенную комиссию о поборах со стороны судебных чиновников и церковнослужителей, которые «вымогательством своим ... от венчания и погребения рубли по 2 и по 3 и от молитвы копеек по 30 и по 50 берут, а сверх того ... збирают с каждого венца хлебом по четверику и по два»²⁹.

При сборе налогов крестьяне терпели «от старост и выборных всякие претеснения и даже побои»³⁰. В марте 1773 г. крестьяне Исетского дистрикта через своего поверенного И. Петрякова жаловались воеводе на управителей «в усильном с тех исетских крестьян взятые ими немалого числа вымогательством денег и прочаго». «Лихоимственные подарки» составили около 1700 руб. В челобитной они уличали и старост, которые в 1771—1772 гг. вымогательством присвоили 1685 руб.³¹

Часть государственного крестьянства губернии составляли ясачные народы — татары, чуваша, мордва, марийцы, удмурты, переселившиеся из Поволжья. Они платили подушную подать и государственный оброк.

По Ново-Московской дороге ясачные казанские татары жили в 10 деревнях и 2 слободах³², где насчитывалось около 2 тыс. душ м. п. Указом Сената от 6 июня 1757 г. их освободили от полного подушного налога, переведя на 80-копеечный, «с тем, что они возили почту и проезжающих по подорожным бесплатно»³³. Рекрутская повинность с них была снята.

С увеличением объема перевозок между Оренбургом, Казанью и Москвой к почтовой гоньбе были привлечены и крестьяне из районов, прилегавших к дороге. Почту и курьеров они возили бесплатно, а остальных — за прогонные деньги³⁴. Эта натуральная повинность в связи с интенсивностью движения была очень обременительна. К тому же в официальном «Почтовом календаре» расстояния между селениями были занижены. Так, между Оренбургом и Бугульмой в нем указывались 274 версты, а верстовые столбы отмечали 349 верст. Крестьянам недоплачивали прогонные за 75 верст, «и тако уездные обыватели от таковых ... несут отягощения»³⁵.

В своем общем наказе в Уложенную комиссию ясачные крестьяне Уфимской провинции писали, что «платят в казну по 1 руб. 73 коп. в год, а между тем имеют в пользовании своем весьма малое количество пахотной земли». За земельные угодья они платили оброк башкирам-вотчинникам³⁶. По сообщению Уфимской провинциальной канцелярии в губернскую в начале 70-х годов, ясачные татары, марийцы, чуваша — «сходцы из других мест, в здешнее ведомство приписанныя [после III ревизии] разного рода иноверцы» платили по 2 руб. 70 коп. с ревизской души. Они поставляли также рекрутов³⁷.

Ясачные крестьяне для выплаты денежных налогов подражались перевозить соль с Илецкой защиты. По справке Оренбургского соляного правления, с 1 января по 10 марта 1768 г. ясачные татары Ново-Московской дороги (Бугульминское ведомство) и деревень Казанской и Ногайской дорог Уфимской провинции вывезли более 10 тыс. пудов соли³⁸.

К государственным крестьянам относились и новокрепченцы. После крещения они освобождались от налогов и податей на три года, а затем включались в подушный оклад на общем основании. В 60-е годы новокрепченцы из татар, чувашей, маришцев, удмуртов, мордвы платили подушных по 1 руб. 70 коп. По нарядам они возили сено в близлежащие города и крепости, несли подводную и другие повинности в пользу государства. В наказах в Уложенную комиссию новокрепченцы просили снизить подушные сборы до прежних 1 руб. 10 коп., жаловались на малоземелье и сообщали, что новокрепченцы Нагайбакской крепости (109 душ м. п.) вовсе не имеют земли и «шатаются около крепости у разных людей в работах»³⁹. Для уплаты государственных налогов новокрепченцы продавали своих «доморощенных лошадей», выплачивая при этом еще и конские пошлыны. Как и других крестьян, их разоряла подводная повинность, когда военные и гражданские чиновники с «женами и детьми и со всяким своим скотом, псовою охотою и прочим по подорожным и без подорожен проезжают и берут у нас насильно подводы и вымогают съестные всякие харчи и для скота овес и сено безденежно». Проезжавшие не только обирали крестьян, но и, случалось, «безвинно били»⁴⁰.

Кроме того, новокрепченцы дополнительно платили башкирам за купленную или взятую в оброк землю по 25 коп. со двора в год, «а с инных более и менее» этой суммы по договоренности. Они же строили мосты на землях башкир-вотчинников⁴¹.

Донимали их и долговые обязательства.

О массовом обращении ясачного населения края к купцам за ссудой говорил на Большом собрании Уложенной комиссии уфимский купец А. Подъячев⁴². Ясачные крестьяне брали в долг у помещиков, представителей башкирской и мишарской старшины. Многие из них не могли вовремя возвратить деньги, и кабальные условия записей фактически превращали их в крепостных работников. В этой связи характерна работная запись новокрепченцев из деревень Бугульчан и Урал (Симушкина) заводчику Я. Б. Твердышеву от 20 декабря 1766 г. Люди шли в кабалу к заводчику, соглашаясь работать на Каргалинских рудниках, чтобы выплатить долг за недопоставку соли из Илецкой защиты на Стерлитамакскую пристань

и иметь некоторую сумму «на необходимые наши нужды, яко то для обзаведения домов и домовою нашею экономии и платежа подушных денег»⁴³.

Депутат Уложенной комиссии от государственных крестьян Уфимской провинции А. Стариков, выступая на заседании Большого собрания, посвященного обсуждению «законов о юстиции», вскрыл буквально преступные порядки и явления в судопроизводстве. С возмущением он говорил о том, что правители «довели народ до крайнего разорения»; что они корыстолюбивы и подкупны: беря взятки, они богатого и знатного подсудимого объявляют «правым, а бедного правого человека — виноватым». Крестьянский выборный привел многие примеры должностных преступлений и произвола представителей местных властей: чиновники требовали мзды при выдаче отпускных билетов, при наборе рекрутов; в страдную пору насильно забирали у крестьян подводы для поездки в город, иногда с единственной целью — прокатиться «для компании к прочим господам»⁴⁴. А. Стариков свидетельствовал, что воеводы и управители не ограждают крестьян от разных притеснений со стороны помещиков, потому что сами «определяются из помещиков и потому имеют всякую склонность к своим товарищам помещикам, а не к нам, крестьянам»⁴⁵.

В 1740—1750-е годы на Оренбургскую пограничную линию, Ново-Московскую дорогу, в ряд внутренних крепостей и слобод были переведены из поволжских губерний отставные служилые люди. Как они сами рекомендовали себя в наказах в Уложенную комиссию, это были потомки смоленских шляхтичей, «иноземцев всякого звания», служилых городских казаков, но в большинстве — отставные унтер-офицеры, капралы, рядовые ландмилицких и драгунских полков.

Отставные делились на три группы. Часть из них именовалась однодворцами, другая — пахотными солдатами, третья — отставными нижними чинами регулярной армии. Но существенной разницы в их положении не было. Потеряв свои прежние права, они несли феодальные повинности государственных крестьян. Единственным отличием была их ландмилицкая служба.

Представленные в Уложенную комиссию 15 наказов — челобитных этой категории жителей края убедительно раскрывают их судьбы и нужды. Появление отставных в губернии было прямым результатом политики правительства по насильственной колонизации края русским населением. Переселение производилось «за конвоем», «без всего, безвременно и с немалыми побой, от которых несколько померло»⁴⁶. Новопоселенцам выделяли «ковыльную землю», а вместо земельных дач

«одну окружность» на всех. Большинство наказов содержало жалобу на малоземелье, а отставные из Уфы и Челябинска все писали об отсутствии земли под пашню и сенокосы⁴⁷. Новопоселенцы строили дома, возделывали целину. Слабая материальная обеспеченность усугублялась нехваткой в хозяйствах работоспособных мужчин. Среди отставных служилых людей было много старых, больных, инвалидов; за долгие годы службы они потеряли навыки земледельческого труда. Губернатор Д. В. Волков после осмотра крепостей, населенных отставными солдатами, сообщил Екатерине II: «Сии люди в такой бедности и в таких тяжких всегда работах, что самим варварам, смотря на них, нельзя не сжалиться»⁴⁸. Однодворцы и пахотные солдаты облагались подушной податью, несли постоянную, подводную, почтовую и другие повинности. От подушного оклада освобождались только отставные нижние чины «из регулярных».

Наиболее обременительной была ландмилицкая служба. Это признавали даже губернаторы. В своем представлении в Уложенную комиссию А. А. Путятин писал, что 15-летние подростки «берутся в солдаты и драгуны, а малолетние — в школы без разбору, сколько б их у отца ни было, все без остатка». В хозяйстве оставались старики и увечные, работать на пашне было некому. Поэтому после рекрутских наборов их «домы разоряются. И как сами, так и дети их женского пола, а у иных и мужского, да самые малолетние, принуждены ходить по миру и питаться чужим хлебом, а оттого и другие беднеют»⁴⁹. Губернатор просил законодательно решить вопрос об оставлении каждой семье в доме по одному сыну. Рекруты из семей однодворцев, пахотных солдат и отставных нижних чинов служили 15—20 лет, а затем несли караульную службу, конвоировали ссыльных. Много времени отнимало строительство и ремонт фортификаций. Одним из основных пунктов в наказах отставных солдат и драгун, расселенных по Оренбургской линии, была просьба освободить их от фортификационных работ⁵⁰.

Опять же, тяжелой, особенно для живших по Ново-Московской дороге переселенцев, была подводная повинность. По дороге, писали они в Уложенную комиссию, «множество ездят регулярных всякого звания людей из Москвы и Казани с амуническими и мундирными вещами, денежною казною во Оренбург и полки Оренбургского корпуса. Берут подводы некоторые за прогон, а другие без прогон... А берут подвод по 50 и более»⁵¹.

Русская девушка с Урала в старинном наряде. Фото нач. XX в.

Отставных нижних чинов привлекали к службе в различных канцеляриях, соляных стойках (лавках), за что платили ничтожное жалование.

Как и другие категории государственных крестьян, однодворцы, пахотные солдаты, отставные нижние чины терпели постоянные притеснения со стороны местных чиновников и помещиков, захватывавших их земли. Об этом писали в своих челобитных отставные с Самарской, Сакмарской, Яицких и Уйских дистанций, из Бугульминской и Бугурусланской слобод, деревень Ставропольского уезда⁵². Много жалоб

было на воеводу Бугульминской земской конторы Р. П. Новокрещенова, который отрезал у поселенцев хорошую «пашенную землю с лесными угодьями»⁵³.

В 1764 г. в результате секуляризации церковно-монастырских владений все принадлежавшие им крестьяне были переданы в ведение Государственной коллегии экономии, стали одной из категорий государственных крестьян⁵⁴. Вместо прежних повинностей они были обложены подушной податью и едиобразным налогом.

Основная масса экономических крестьян губернии проживала в бывших вотчинах Далматова монастыря в Исетской провинции. Крестьяне получили большую часть монастырских земель, на которых раньше сами же несли барщину. Они стали лично свободными, но по-прежнему были прикреплены к земле, платили феодальную ренту и исполняли различные повинности в пользу казны. Общие сборы с крестьян составляли 3 руб. 5 коп., что равнялось средней норме денежного оброка с владельческих крестьян в Центральной России⁵⁵.

Экономические крестьяне доставляли провиант в казенные склады по Оренбургской линии, что надолго отвлекало их от своих хозяйств. Сбор хмеля в пользу монастыря сменился сбором в казну. Однако для уплаты оброков экономические крестьяне вынуждены были наниматься на работу в монастырь, брали там деньги взаймы на кабальных условиях. Исетские

Казанские татары. Фото 1860-х гг.

крестьяне жаловались в Казанское экономическое правление и Коллегию экономии на посягательство монастыря на их земли. Монахи распахивали пастбища, присваивали пашню, забирали крестьянский скот⁵⁶. Крестьяне много терпели и от экономических казначеев. Царские власти рассматривали экономических крестьян как часть крепостного населения. Императрица лишила экономических крестьян права выбора депутатов и составления наказов в Уложенную комиссию⁵⁷. Указом Екатерины II в 1766 г. цена убитого экономического крестьянина была определена в 100 руб.⁵⁸

Как видится, в правах и повинностях отдельных категорий населения, входивших в состав государственных крестьян, существовали определенные различия, но государственная власть стала превращать их в единообразную, подчиненную казне и систематически эксплуатируемую ею массу⁵⁹.

Уникальным феодально-зависимым сословием, оформившимся в Башкирии в 1730—1790-е гг., было тептярское, или тептяро-бобыльское сословие. Оно объединяло в своем составе две близкие по своему экономическому положению группы населения — тептярей и бобылей. Сословие занимало промежуточное положение между служилым сословием и государственными крестьянами⁶⁰.

Большая часть безземельных татарских, марийских, удмуртских, чувашских крестьян, переселившихся в Башкирию

Мордва. Фото 1860-х гг.

из Поволжья, становилась припущенниками башкир-вотчинников. Обустроившиеся на башкирской земле по договорным записям переселенцы входили в состав тептярской группы крестьянства Башкирии, а поселившиеся без записи — в бобыльскую группу. Они пользовались земельными угодьями башкирских волостей, выплачивая за припуск обусловленную сумму — оброк. Кроме того, тептяри жили как на казенной земле, жалованной им русскими царями, так и на земле, купленной ими у башкир⁶¹.

В 1747 г. с тептярей, бобылей и других переселившихся в Башкирию ясачных народов был снят окладный ясак — заменен подушной податью. Однако правительство не решилось уравнивать тептярей с черносошными крестьянами и определило так называемый тептярский подушный налог в 80 коп. с ревизской души. Не было отменено и старое название ясак, в документах подушная подать называлась «платежем в казну ясак». Как и другие категории крестьянства, трудоспособные тептяри и бобыли обязаны были платить подушные за престарелых, увечных, малолетних, а также — умерших после последней ревизии.

Вместо выделения рекрутов тептяри несли трудовую повинность. Каждой весной, когда выезжали на ординарную

службу башкиры, мишари и служилые татары, тептяри и бобыли снаряжали с 15 дворов по 1 чел. на строительные работы в Оренбург⁶². Они участвовали также в сооружении Стерлитамакской пристани, Табынской, Зилаирской и других крепостей. Так, «по примеру прошедших лет», весной 1773 г. 200 тептярей были направлены в Зилаир на заготовку соснового леса, дров, изготовление кирпича, а 300 — на строительство в Оренбурге⁶³. Работы длились до поздней осени.

В 1766 г., по решению Главного соляных дел правления, на 1200 тептяро-бобыльских дворов была наложена еще одна повинность — перевозка соли от Илецкой защиты до Стерлитамака. Каждые 6 дворов наряжали по одному работнику «о двуконь в зимнее и летнее время, с конскою упряжью, на своем коште»⁶⁴. В 1768 г. «урочное число» доставляемой соли составляло 625 пудов⁶⁵. За доставку платили 5—6 коп. с пуда⁶⁶. К концу 60-х годов объем трудовой повинности значительно возрос. Рабочие команды работали теперь в течение всего года. Возка соли уже не ограничивалась Стерлитамакской пристанью. По специальному расписанию тептярей заставляли доставлять соль намного дальше — на Уфимскую, камские Беткинскую и Чистопольскую пристани, в Бирск, Нагайбак, Шешминск⁶⁷. Новой повинностью стала работа на казенных Ангасякском и Юландинском винокуренных заводах⁶⁸.

Трудовая повинность наносила такой урон хозяйству тептярей, что на их защиту встали губернская и провинциальная администрации. Уфимский воевода и провинциальная канцелярия обращали внимание губернатора на то, что из-за большего объема повинностей тептяри «несут отягощение и крайнюю невозможность»⁶⁹. И. А. Рейнсдорп принял решение не освобождать тептяро-бобыльское население от «фортификационных и других необходимых работ» в Оренбурге и крепостях, но попытаться избавить его от перевозки соли⁷⁰. 31 декабря 1770 г. губернатор писал в Главное соляных дел правление о том, что тептяри «от употребления их к воске в разные места из Илецкой защиты соли и в другие работы пришли в великую скудость и в не состояние к той воске ... и такого избавления заслуживают»⁷¹. В октябре 1771 г. губернатор вновь обратился в соляное правление с предложением заменить обязательные наряды тептярей свободным наймом и подрядом, склоняя к этому и тептярей, «ибо чрез то иногда больше можно доставить, нежели нарядом»⁷². Но соляное правление не пошло на уступки. Вольнонаемным платили в два раза больше, чем тептярям, и это было невыгодно казне. Как ни парадоксально, но тептяри-возчики соли должны были ездить в города и крепости и покупать там соль в казенных магазинах по 40 коп. за

Русские крестьяне. Рис. XIX в.

пуд. Одной из просьб тептярского наказа в Уложенную комиссию было «учинить збавку» стоимости соли⁷³.

Тептяри платили оброк за мельницы-мутовки казне и башкирам, на реках которых они были выстроены, причем даже за те, какие были давно заброшены. С них брали различные земские и мирские платежи. Для уплаты податей тептяри продавали своих лошадей, но с них же с каждого двора взимали конские пошлины.

На рассмотрение Уложенной комиссии тептяри вынесли и статьи семейного права. Калым за невесту в их среде составлял от 50 до 100 рублей «и чрез то неимущие принуждены ... вечно быть неженатыми». Тептяри надеялись, что по новому закону сумма калыма не будет превышать 20 рублей⁷⁴. Они просили снять налог на свадьбы, так называемые выводные деньги (по 25 копеек за каждую выдаваемую замуж девушку)⁷⁵.

Тептяри, как и другие категории феодально-зависимого населения, подвергались притеснениям и надувательству со стороны администрации. В 1771 г. марийцы Сибирской дороги из команды старшины Каникея Яшпохтина обратились в Сенат с жалобой на товарища воеводы Красноуфимской крепости Ф. Попова, который заставлял их бесплатно поставлять фураж в Ачитскую и Бисертскую крепости, а вырученные деньги забирал себе. Попов также безвозмездно брал в тептярских деревнях подводы с лошадьми, творил другие беззакония⁷⁶. Среди тептярей, сходцев, новокрещенцев было немало лиц, вынужденных за долги работать в хозяйствах помещиков,

башкирской и мишарской старшинской верхушки. Так, из 65 записей 1761—1771 гг. об обязательствах отработать свои долги у заимодавцев, записей, опубликованных в «Материалах по истории Башкирской АССР», 44 были даны ясачными татарами, марийцами, чувашами⁷⁷. Они подвергались двойному гнету, неся все государственные и мирские повинности и одновременно выполняя работу у ростовщиков.

О тяжелом положении тептярского и ясачного населения края говорят данные о систематических недоимках. К 1773 г. сумма недоимки по выплате 80-копеечного, так называемого тептярского, подушного налога у крестьян Уфимской провинции составила 11 248 руб. 80 коп.⁷⁸

Дворцовые крестьяне. Дворцовые крестьяне были собственностью императрицы и членов императорской семьи. Это сближало их с частновладельческими крестьянами. В манифесте Екатерины II о созыве Уложенной комиссии специально подчеркивалось, что «крестьяна ведомства Коллегии экономии и Дворцовой канцелярии ... суть крепостные»⁷⁹.

Крестьяне получали землю от Дворца, но свободно распоряжаться ею не могли. За земельный надел они расплачивались натуральными и денежными обязательствами в пользу владельцев. При обложении дворцовая администрация учитывала не только земельный надел, но и все побочные доходы крестьянина, особенно поступления от его торгово-промышленной деятельности. Одновременно дворцовые крестьяне платили через своих управителей подушную подать, несли рекрутскую, постоянную, дорожную и другие повинности в пользу государства⁸⁰. На крестьян Каракулинской, Бирской, Дуванейской и Богородицкой дворцовых волостей Уфимской провинции до рассматриваемых лет был наложен семигривенный подушный оклад; с 1769 г. денежный оброк составил уже 2 руб.⁸¹. За счет эксплуатации крестьян дворцовое ведомство в середине века получало ежегодно более 480 тыс. руб. чистого дохода. Небольшая часть этой суммы — 30 тыс. руб. — вкладывалась в производство, остальное расходовалось на царский стол, содержание дворцов и др.⁸² Обиравая крестьян, дворцовые учреждения все же были вынуждены помнить о платежеспособности крестьянского хозяйства и поддерживали в нем некий прожиточный уровень, производственную стабильность: не отдавали в рекруты единственного работника со двора, оказывали в голодные годы хлебную помощь и т. д.

Земельная теснота вынуждала дворцовых крестьян брать в долгосрочное оброчное владение земли у башкир Осинской и Казанской дорог. В 1758 г. две семьи из с. Красный Яр Дуванейской вол. арендовали у башкир Карпинской вол. Казан-

Казанский татарин. С литографии Д. Дадли. 1803 г.

ской дороги земельный участок сроком на 30 лет за 1 руб. в год. На 25 лет взяли в оброчное владение землю башкир Канлинской (Кайлинской) вол. этой же дороги 15 семей дворцовых крестьян Бирска и соседних деревень⁸³.

У башкир дворцовые крестьяне арендовали на различные сроки (от 5 до 30 лет) рыбные ловли и мельничные места на реках. Например, 20 августа 1770 г. в Уфимской провинциальной канцелярии была совершена «поступная» башкир Бюлярской волости на мельничное место, уступаемое дворцовым крестьянам на 31 год⁸⁴, а 21 декабря 1772 г.— «запись» башкира Юрминской вол. Ногайбака Асянова об отдаче дворцовому крестьянину М. И. Кусакину мельницы в оброк на 30 лет⁸⁵.

Для уплаты налогов крестьяне нанимались также перевозить соль с Илецкой защиты.

Однако доходов, получаемых от хозяйственной деятельности крестьян, часто не хватало на подати и им приходилось занимать деньги с обязательством отработки долга⁸⁶. Так, крестьянин д. Ельховка Дуванейской вол. И. Г. Карманов в 1761 г. взял у капрала С. Тимофеева на 1 год 15 руб., отдав в работу свою дочь. В закладной значилось, что, если деньги не будут возвращены в срок, «владеть ему, Тимофееву, жене его, детям и наследникам тою дочерью моею вечно»⁸⁷.

Как и помещики, дворцовая администрация вмешивалась в личную жизнь крестьян, распоряжалась их имуществом. Крестьян могли насильно переселить, их земли сдать в аренду. За малейшие проступки дворцовых крестьян отправляли в Сибирь в зачет будущих рекрутов. Крестьяне были лишены права участвовать в политической жизни страны, принимать присягу, служить в государственных учреждениях. Они, как сказано выше, не получили права выбрать депутатов в Уложенную комиссию.

В то же время дворцовых крестьян нельзя было продать; они имели право на земельные сделки, могли подать жалобу на администрацию. Это определенно сближало их по положению с государственными крестьянами⁸⁸.

Крепостные крестьяне. Крепостные крестьяне были в полной власти помещиков. Последние определяли размер повинностей крестьян, имели единоличное право за малые провинности ссылать их в Сибирь на каторжные работы, запирали в смирительные дома, отдавать вне очереди в солдаты, подвергать телесным наказаниям, продавать и обменивать. В отличие от других категорий крестьянства крепостные не имели юридического права собственности на движимое и недвижимое имущество. В 1767 г. был издан указ Екатерины II, запрещавший жалобы крестьян властям на помещиков. Крестьяне лишались последнего легального способа защищать свои интересы. Указ завершил узаконение власти помещика над крепостными. Отныне местные органы власти судили крепостных только по уголовным делам.

В докладе Сената, поданном Екатерине II еще в 1763 г., цинично говорилось, что крестьяне привычны к телесным наказаниям, и предлагалось непокорных наказывать еще и материально. Императрица разделила мнение Сената в соответствующем именном указе, и с крепостных стали взыскивать деньги на содержание карательных команд, посылаемых на усмирение крестьян, плату за кнуты, плети и другие орудия экзекуций, даже за стоимость ядер и пуль, которыми расстреливали крестьян. Одновременно Сенат утвердил правила усмирения бунтующих крестьян: военные команды были обязаны расправляться с восставшим народом, как с неприятелем-чужеземцем во время войны⁸⁹. В своем обращении пугачевский полковник И. Н. Грязнов так характеризовал положение крепостных: «Дворянство обладает крестьянами ..., но они не только за работника, но хуже почитали полян [собак] своих, с которыми гоняли за зайцами»⁹⁰. Крепостные бежали от подневольной жизни. Бежали они и в Башкирию. На заводах, у купцов, казачей, башкирской, мишарской старшины работали крепостные крестьяне из соседних губерний, скрывавшиеся от своих хозяев. Нехватка работников для перевозки казенной соли заставляла власти закрывать глаза на прием возчиков из беглых крестьян. В начале 1770-х гг. разразился скандал в связи с тем, что капитан Мельников, вербуя крестьян Вятской провинции в возчики соли на Стерлитамакскую пристань, набрал много беглых помещичьих крестьян⁹¹.

Три основные группы сельского тяглого населения: государственные, дворцовые и владельческие крестьяне,— отличались друг от друга своим социальным положением, формами

Чуваши. Фото 1860-х гг.

выплачиваемой ими феодальной ренты, видами внеэкономической зависимости. Однако всем им было присуще приниженное податное состояние и политическое бесправие⁹². Политика государства охватывала и нормировала все сферы жизни крестьянства — в первую голову, социальные отношения на земле и хозяйственно-экономическую деятельность работника. В то же время власти были вынуждены считаться с существованием крестьянской общины, защищавшей, в известных пределах, интересы земледельца.

Заводское население. Характер производства на металлургических мануфактурах, состояние техники того времени требовали значительного количества рабочих рук. Политика властей, направленная на обеспечение заводов дешевой рабочей силой, осуществлялась преимущественно крепостническими методами. Откликаясь на прошения заводчиков, содержавшие в немалой степени угрозы остановить производство из-за нехватки рабочих рук, правительство принимало указы о прикреплении к мануфактурам пришлых наемных людей «навечно». Промышленникам было позволено покупать деревни с крепостными, переводить на заводы своих вотчинных крестьян. Указами Сената приписывались к заводам государственные крестьяне, и часть из них постепенно прикреплялась к заводам навеки.

Чуваши. Фото 1860-х гг.

По участию в производственном процессе, равно и источникам существования заводское население можно разделить на постоянных работников — мастеровых и работных людей и временных — приписных крестьян и вольнонаемных. Среди постоянных жителей были и поселенные на заводах приписные государственные крестьяне.

В 50—60-е годы XVIII в. на Южном Урале в необычайно короткий срок сложился новый социальный слой людей, обслуживавших крупные металлургические мануфактуры — мастеровые и работные люди. Для них характерны отсутствие собственности на средства труда, необходимые в процессе мануфактурного производства, и коллективные формы работы. Труд оплачивался деньгами, которые являлись для многих главным источником существования. Однако мастеровые и работные люди входили в состав основного податного сословия страны — крестьянства⁹³.

Кадры мастеровых и работных людей складывались, в первую очередь, из купленных заводами крепостных крестьян или крепостных, переведенных из вотчин; затем из особой категории «вечноотданных», набранных из рекрутов, каторжников, белых (непомнящих родства), пришедших на заводы по собственной воле и оставленных по указам Сената; наконец, из приписных государственных крестьян, поселенных на заводах.

На большинстве южноуральских заводов применялся принудительный труд крепостных и вечноотданных.

Собственные крепостные крестьяне переводились заводо-владельцами из разных российских губерний. Демидовы переселили крестьян из своих вотчин в Брянском, Тверском, Симбирском уездах, Мосоловы — из Рязанского, Тульского, Можайского и др. уездов⁹⁴. Многие крестьяне были прикуплены у помещиков Среднего Поволжья. По указам Берг-коллегии от 31 мая 1744 г., 13 мая 1752 г. и 13 марта 1757 г. Твердышевы и Мясников поселили на заводах и в заводских деревнях 6217 душ м. п. К 1762 г. они владели здесь 6849 душами м. п., или более 12,5 тыс. крепостных обоюбого пола⁹⁵. Крепостные находились в полной власти хозяина, их могли заставить выполнять любую работу, могли перемещать с завода на завод.

В соответствии с указами Сената определение к заводу «навечно» не означало закрепощения. Отработав подушный налог, вечноотданные могли работать по найму или заниматься ремеслами, торговлей, подрядничеством. Заводчики не имели права продавать их отдельно от мануфактуры. В отличие от помещичьих крестьян вечноотданные могли подавать жалобу на хозяина.

Но сами заводовладельцы рассматривали вечноотданных как своих крепостных. Тому способствовало лишение этой категории крестьянства прав свободного передвижения и то, что подушную подать они платили не сами, а через заводскую контору. Заводчики могли в зачет рекрутов переселить вечноотданных в Сибирь. В 60—70-е годы вечноотданные фактически были уравниены с крепостными, стали собственностью заводчиков. Поэтому всеми законными и незаконными способами владельцы заводов старались увеличить число вечноотданных. Они выпрашивали у Сената решения о приписке «навечно», занимались подлогами, во время ревизий отбирали у заводских людей документы, чтобы утаить их подлинный социальный статус, а затем и закабалить их. Безотказно действовал прием обращения вольнонаемных в категорию вечноотданных: заводчики обучали наемных мастерству, а потом добивались их прикрепления к заводу. Так, в 1758 г. по прошению Твердышева Сенат отдал ему «в вечное владение» 127 душ м. п. из крестьян Кандызской слободы. До этого крестьяне работали на Воскресенском заводе «ис платы», многие стали квалифицированными специалистами. Последнее и явилось основанием к тому, чтобы перевести их в категорию вечноотданных. В челобитной на имя императрицы в ноябре 1763 г. кандызцы просили указа «считать государственными крестьянами, а не собственными приписными» Твердышева⁹⁶.

В начале 60-х гг. правительство стало ограничивать желания заводчиков комплектовать рабочую силу принудительными работниками. В ответ на требование помещиков возвращать им крестьян, ставших работными людьми, и ограничить права купцов-предпринимателей в промышленности указом Петра III от 29 марта 1762 г., подтвержденным Екатериной II 8 августа 1762 г., было запрещено заводчикам из купцов по-

Удмурты. Фото 1860-х гг.

купать крестьян, а «довольствоваться ... вольными наемными по паспортам за договорную плату»⁹⁷. Одновременно ограничивалось причисление к заводам вечноотданных по указам⁹⁸. Но заводчики находили различные способы, чтобы обойти закон, да и правительство смотрело на это сквозь пальцы.

За счет переселения купленных и собственных крепостных, приписки вечноотданных, а также естественного прироста населения к 1773 г. на заводах губернии трудилось 17 782 крепостных и вечноотданных. Наибольшее количество их было на Саткинском заводе — 1829 человек, Воскресенском — 1600, Верхоторском — 1548, Авзяно-Петровском — 1309, Катав-Ивановском — 1077 человек⁹⁹.

Стремясь увеличить количество постоянных работников, владельцы заводов добивались разрешения правительства оставлять приписных крестьян. Так, с 1754 по 1767 гг. на Авзяно-Петровском заводе были поселены 992 приписных крестьянина, в т. ч. целая деревня Яжбулдино¹⁰⁰.

Для закабаления приписных крестьян использовались и экономические методы. Низкая оплата труда, штрафы, обман при оформлении нарядов и др. приводили к тому, что крестьяне не могли отработать свои повинности и долги. «А многия как маломощныя, так средния и протчия крестьяне, и не заработав своих окладов, из году в год ис тех заводов за дальностью не выходя, многия и домишка свои покинули впусе»¹⁰¹, —

жаловались в 1761 г. крестьяне Исетской провинции, приписанные к Каслинскому и Кыштымским заводам, в следственную комиссию Сената. Фактически они стали частью заводского населения.

Как видим, рабочие кадры формировались принудительно. Корень зла — дешевизна крепостного труда. Темпы заводского строительства опережали темпы формирования наемных рабочих кадров. «Крепостное право захлестнуло применение вольнонаемного труда в промышленности»¹⁰². Тем не менее процесс первоначального накопления шел живо, начальные формы капиталистических отношений обозначились рельефно. Пестрый контингент лиц разной социальной принадлежности, прикрепленных к мануфактурам, постепенно превращался в большой рабочий коллектив. Работа на заводах становилась для них основным источником существования. Мастерские и работные люди постепенно превращались «в особую сословную категорию, имевшую права и обязанности, отличные от других податных сословий и групп феодальной России»¹⁰³.

Среди заводского населения казенных и вольнонаемных мастерских было мало. Заводчикам было выгодно готовить квалифицированные кадры из крепостных и вечноотданных. На заводах Демидовых квалифицированную рабочую силу составляли мастера, переведенные с их первых заводов, построенных в других губерниях, а также крепостные крестьяне. В 1756 г. на Кыштымских заводах было 207 мастерских, Каслинском — 192. Через 3 года число квалифицированных работников выросло соответственно до 455 и 360 чел.¹⁰⁴ На Авзяно-Петровских заводах основные кадры мастерских комплектовались из переведенных приписных крестьян. В 1757 г. их было 198 человек, в 1764 г. — 340, в 1767 г. — 669 (540 из приписных, 118 — из крепостных и вечноотданных, 11 — из добровольно приписных новокрещенцев). Приписные крестьяне составляли основное ядро мастерских и Вознесенского завода. Заводчики отдавали их «в разные мастерство ... единственно для того, чтобы тем умножить число живущих при заводах»¹⁰⁵. Мастерские выполняли не только заводскую работу, — из них готовили кожевников, судостроителей и др.¹⁰⁶

Процент квалифицированной рабочей силы, по выводам уральских историков, был низок. По данным на начало 60-х гг. на всех действовавших заводах Южного Урала было примерно 30 тыс. работающих, из них всего 2236 мастерских и работников (656 мастеров, 487 подмастерьев, 423 ученика и 670 работников)¹⁰⁷. В последующие годы, с расширением производства, количество мастерских выросло, но и тогда продолжало составлять небольшую часть всех занятых в заводских

Марийцы. Фото 1860-х гг.

работах. Но на основании документальных свидетельств о горнозаводских кадрах невозможно раздельно подсчитать мастеровых и работных людей.

Мастеровые и работные люди крепостного состояния платили подушную подать в размере 70 копеек. Они освобождались от оброка и рекрутчины. Но в соответствии с указом Сената от 13 декабря 1760 г. владелец завода мог сдавать в рекруты или отправлять на поселение в Сибирь неспособных к работе мастеровых и работных людей. Заводчики пользовались этим правом, чтобы избавиться от рабочих, получивших производственные травмы или выразивших недовольство своим положением. Во второй половине 1770 г. с заводов Твердышева и Мясникова с формулировкой «за неприлежность к заводским работам» были отосланы в Нерчинский уезд Иркутской губернии 62 человека в возрасте от 18 до 40 лет¹⁰⁸. Летом 1773 г. для поселения в Сибирской губернии Я. Твердышев отобрал 17 заводских крестьян. Среди них были работники с обожженными ногами, повреждениями глаз, но, по оценке заводчика, у них «к работе никакого препятствия не предвидится»¹⁰⁹.

Мастеровые и работные люди находились в полном подчинении у заводских контор. Однако в работе мастеровых, со-

ставлявших наиболее квалифицированную часть кадров, были заинтересованы и горное начальство, и заводчики. Поэтому им предоставлялись определенные льготы, создавались сравнительно удовлетворительные материальные условия.

Наиболее тяжелым было положение приписных крестьян, переведенных на заводы для постоянной работы. Они платили подать в 1 руб. 73 коп. с ревизской души. Обязательство выплачивать за нетрудоспособных и выбывших увеличивало эту сумму до 4 руб. 35 коп. с каждого работающего. Как писали в Уложенную комиссию крестьяне Авзяно-Петровского завода, среди них было много «негодных в работы и престарелых, малолетних, слепых и дряхлых, увечных мужескаго и женскаго пола, кои живучи пришли в самую бедность и нищету и одолжены неоплатными долгами». За них, «а сверх того и умерших, положенные работы завсегда исправляем». Подушные деньги они обязаны были «с великою нуждою» вносить за всех учтенных III ревизией¹¹⁰.

Переведенные приписные несли рекрутскую повинность, а также сдавали лошадей для драгунских полков. Разрешалось отдавать за рекрута и лошадь по 150 руб. денег. При наборе в рекруты одного человека со 150 душ м. п. к подушной подати прибавлялось по 2 руб. с души. В год рекрутского набора на трудоспособного ложилось от 5 руб. 78 коп. до 9 руб. 65 коп. При среднем заработке 12 руб. в год у работника на содержание семьи после выплаты налогов оставалось по 2 руб. 35 коп. на год. Эти заводские люди с трудом могли прокормить себя, жили в нищете и завидовали даже приписным крестьянам, имевшим возможность возвращаться домой. Они сами платили подушную подать провинциальным властям, опасаясь подпасть полностью под власть заводчика¹¹¹.

Главной повинностью мастеровых и работных людей было обслуживание производства. Заводскому населению, приписным крестьянам и вольнонаемным приходилось выполнять огромный объем основных и вспомогательных работ.

По штату 1734 г. одну домну и 6 молотов обслуживали 1026 мастеровых и работных, в то время как непосредственно в цехах было занято всего 125 чел., или 12%. Для действия домны в течение года нужно было нарубить 4373 саж. дров, выжечь из них более 12 тыс. коробов угля и доставить на завод. Сюда же из рудников подвозили до 200 тыс. пудов руды. Этого хватало на 9620 плавок. Для выплавки требовалось также 28 860 пудов песка, 2550 пудов горнового камня, 1830 пуд. щебня, 943 пуд. белой глины, кирпич и др. Только на смазку телег расходовалось до 300 ведер дегтя. Один молот выковывал 10 тыс. пудов железа в год. На это уходило 15 тыс. пудов

брускового чугуна, 1800 ко-
робов угля, 200 ведер дегтя¹¹².

К одной печи, выплавляв-
шей не менее 1000 пуд. меди,
разрешалось приписывать по
50 дворов, или примерно
200 душ м. п.¹¹³

Условия труда на метал-
лургических мануфактурах и
в рудниках были тяжелы. Ра-
бочий день длился 10—
13 час. Вот как описывает
Паллас работу на рудниках
Кано-Никольского завода:
штольни «столь низки, что
должно было в них только
ползать и сидя добывать руду.
Почти непонятно, как можно
было работать в толь неспо-
собном месте. Но как в новой
штольне вода усилилась, то
сделали шахт несколько глуб-
же 20 сажень, в котором сби-
рающуюся воду выливают
вон ушатами; а другой шахт
сделан для вынимания руды»¹¹⁴.

Мастеровые и работные люди трудились до глубокой ста-
рости, пока были способны работать. Заводчики эксплуатиро-
вали также женский и детский труд. И. И. Лепехин отмечал,
что «на засыпку руд и прочее употребляют заводских баб и де-
вок, которые нередко и тяжелее сих исправляют заводския ра-
боты», а засыпщиками угля, руды и извести ставят «большей
частью из малолетков, которым дается по 2 и по 3 копейки в
день»¹¹⁵. По выводам ученого, «содержание заводских служеб-
лей нашим заводчикам не великаго стоит иждивения»¹¹⁶.

Эксплуатация заводского населения сочетала феодальные
и капиталистические методы и формы. Владельцы мануфактур
выступали и в качестве помещиков, и в роли заводчиков одно-
временно¹¹⁷. Население предприятий, выполнявшее ответст-
венные работы на домне, в кузнице, на плотинах и др., масте-
ра и подмастерья получали годовое жалованье. Молотовым ма-
стерам и подмастерьям платили сдельно — с пуда выкованно-
го железа. В 60-х годах мастерам основных цехов на частных
заводах платили по 30—37 руб. в год, подмастерьям на разных
производствах — 21—37 руб., работникам основных цехов —

*Старинный убор и наряд уральских
крестьянок. Фото нач. XX в.*

6—17 руб. Ученики получали 13—18 руб. С пуда выкованного полосного железа мастер получал по 2 коп., подмастерье — 3 денежки (1,5 коп.), работник — 3 полушки (3/4 коп.). В неделю каждый мастер с помощниками должен был выковывать не менее 80 пудов железа¹¹⁸.

Заработок мастеровых и работных людей не обеспечивал прожиточного минимума их семьям, т. к. десятилетиями оставался на одном уровне и не соотносился с темпами роста цен и налогов. Вспомогательные работы до конца 60-х годов оплачивались по расценкам, обозначенным в Плакате, который был утвержден Сенатом в январе 1724 г. Один человек с лошадей получал 10 коп. в день, без лошади — 5 коп., зимой соответственно — 6 и 4 коп. С апреля 1769 г. в летнее время пешему стали платить по 6 коп., конному — по 12 коп., зимой — по 5 и 8¹¹⁹.

Реальная сумма оплаты труда всех, занятых в производстве, была значительно ниже объявленной, т. к. из нее производились различные вычеты. Заводская контора внимательно следила за ходом производства и, если видела, что «мастер или по своему неискусству или по несмотрению» не выполнил нормы или израсходовал больше положенного угля, немедленно налагала штраф: «вычитается из заработанных денег с каждого рубля по копейке, а за уголь по 30 коп. с короба»¹²⁰.

Заводское население и приписные крестьяне были обязаны покупать продукты и товары по повышенным ценам в лавках, содержавшихся владельцами заводов. Заводчикам было выгодно закупать хлеб, обувь, одежду, а затем выдавать их, вычитая впоследствии стоимость из жалованья работника. В 1762 г. в амбарах Верхнего Авзяно-Петровского завода хранилось 14 367 пудов ржаной муки, 680 пшеничной, 520 круп и толокна, 453 пуда солода и др. Заводчики запасались и семенным материалом: в складах было 2000 пудов овса, 400 ржи, 60 ячменя, 50 пшеницы, 16 ярицы, 10 гречихи, 30 пудов конопляного семени¹²¹. Продажа по спекулятивным ценам давала промышленникам дополнительную прибыль.

Скромное жалованье заставляло заводское население заниматься сельскохозяйственным трудом. Некоторым из них хозяева предоставляли наделы под пашню и сенокосы. В начале 70-х гг. из 17 южноуральских заводов на 5 пашни было достаточно, чтоб снабжать себя хлебом; на 7— пашни было мало, на 5— совсем не было¹²². В наказе в Уложенную комиссию поселенные на Авзяно-Петровских заводах приписные крестьяне жаловались, что «при тех заводах никаких угодий не состоит, кроме каменных гор», хлебопашеством они не занимаются¹²³. Мастеровые и работные люди, полностью отлученные от зем-

ли, подрабатывали сверхурочно или «принуждены были сами для своего прокормления нанимать у башкирцов земли»¹²⁴.

Население было опутано долговыми обязательствами. Заводские конторы сознательно запутывали учет выполненных работ, расчеты производили, «основываясь на одной памяти». Делопроизводство велось так, что «верного исчисления познать и в недоплате обличить было невозможно»¹²⁵. В 1773—1774 гг. на заводах губернии, присоединившихся к Пугачевскому движению, повстанцы уничтожили долговых расписок на сумму около 104 тыс. рублей¹²⁶. Хозяева и управители заводов подвергали мастеровых и работных нерегламентированной законами эксплуатации. Их наказывали физически, обирали при расчетах, брали с них взятки и т. д. и т. п. Сравнение положения заводского населения с положением каторжников само просилось на язык. И мы его находим у двух совершенно разных авторов: пугачевского полковника И. Н. Грязнова и ученого-путешественника И. И. Лепехина. Первый с возмущением писал, что заводчики-«компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет». Лепехин же сравнивал заводских работников со ссыльными, работавшими на нерчинских рудниках¹²⁷.

Второй по численности группой населения, занятого на мануфактурах, являлись приписные крестьяне. Это была часть государственного крестьянства, принудительно, по специальным указам Сената, привлекаемая в сферу заводского производства. На Южном Урале приписные крестьяне составляли большую часть рабочей силы на семи заводах, принадлежавших К. Е. Сиверсу, П. И. Шувалову, затем братьям Демидовым и казне.

В 1754 г. к Авзяно-Петровскому заводу Шувалова (с 1760 г. владелец Е. Н. Демидов) были приписаны государственные крестьяне Казанской губернии. В начале 70-х годов на заводскую работу ходили 4710 крестьян м. п. из 33 селений. Наиболее крупными из них были села Котловка, Афонасова, Чистое поле, Буддыр, Толкиш¹²⁸.

К строявшемуся Вознесенскому заводу Сиверса в 1754 г. было приписано все мужское население семи деревень Казанского уезда. В 1766 г. завод перешел в казну, и работало на нем в это время из приписных крестьян 1000 душ м. п., в начале 70-х гг.—2363 души м. п.¹²⁹.

На Каслинском и Кыштымских заводах Н. Н. Демидова трудились государственные крестьяне из четырех слобод Краснослободского дистрикта Сибирской губернии. В 1756 г. Демидов добился специального указа Сената о приписке к Кыш-

*Мордовка, маришка, чувашка, финн.
Рис. 1870-х гг.*

тымскому заводу крестьян Масленского острога и Барневской слободы Шадринского дистрикта (уезда) Исетской провинции. В 1756—1757 гг. на заводах трудилось 5584 приписных, в начале 70-х гг.—7667. По данным на 1765 г., на заводах работало 4204 человека из Исетской провинции¹³⁰.

К Сергинским заводам И. Н. Демидова были приписаны государственные крестьяне Пермской

провинции Казанской губернии из сел Алтынное, Сретенское (Сабарка) и др. В 1761 г. там числилось 1769 приписных крестьян, в начале 70-х гг.—2345¹³¹.

Всего на семи заводах губернии работало свыше 17 тысяч душ м. п. приписных крестьян, около четверти их составляли государственные крестьяне Оренбургской губернии. Приписные крестьяне были многочисленной, но временной заводской рабочей силой. Они отработывали на заводах свою подушную подать, а затем возвращались в свои деревни. На практике заводская работа отнимала у приписных крестьян не менее полугода. Удаленность южноуральских заводов от мест жительства приписных крестьян и бездорожье приводили к тому, что много времени уходило на переходы. А до Вознесенского завода, например, нужно было идти 700 верст, до Авзяно-Петровского —500, до их рудников —700 верст, до Каслинского и Кыштымских заводов — в среднем по 250 верст. Каждый трудоспособный мужчина должен был отработать подушную подать не только за себя, но и за стариков, больных, малолетних и даже выбывших членов деревенской общины. П. И. Шувалов к своим 1920 приписным крестьянам, отданным по указам, незаконно присоединил 2800 «негодных к работе», которые оставались дома в деревнях Казанской губернии, но за них надо было отработывать¹³². Тем самым повинность работоспособных увеличивалась в 2,5 раза. На заводах Н. Н. Демидова

1255 приписных крестьян в рабочем возрасте от 15 до 60 лет отработывали за 1752 неработоспособных и взятых в армию¹³³. Аналогичное положение было на казенном Вознесенском заводе, где приписных заставляли работать за 1000 душ м. п., среди которых половину составляли дети, вторую — старики, рекруты, умершие¹³⁴.

Фактически на каждого трудоспособного ложилось до 2,5—3 подушных податей. Следовательно, сроки пребывания крестьян на заводах значительно удлинялись.

По данным комиссии генерала А. А. Вяземского, расследовавшей причины волнения приписных крестьян на уральских заводах, на отработку податей каждым работником уходило 122 дня, а с увеличением подушной подати в 1760 г.—158 дней. К этому добавлялось не менее 58 дней на дорогу к заводам¹³⁵.

Приписные крестьяне выполняли трудоемкую работу на мануфактурах. В наказах в Уложенную комиссию они писали, что на Вознесенском заводе их заставляли ежегодно рубить 3750 сажень дров, выжигать и доставлять к медеплавильным печам 12 тыс. коробов угля. На Авзяно-Петровском заводе они заготавливали 8800 сажень дров, жгли на уголь 602 двадцатисаженных кучи дров, добывали 40 тыс. пудов руды. Многие крестьяне жаловались, что в связи с ростом объема работы они уже не в состоянии выполнять «дневных уроков»¹³⁶. В своих челобитных исетские приписные крестьяне подсчитали, что «повелительная работа из году в год неуравнительная, на все с велики прибавлением и отягощением»¹³⁷.

На демидовских заводах в 1757 г. урок по заготовке дров на 1 человека равнялся 4,5 сажени, в 1759 г.—6,5, в 1766 г.—уже 10 сажень¹³⁸. С целью увеличения неоплачиваемого объема заводских работ промышленники пользовались так называемой «заводской саженью», превышавшей установленную норму; снижали расценки на отдельные виды работ, по низким «плакатным» ценам заставляли выполнять другие, «не принадлежащие до крестьян» работы. Масленские и барневские государственные крестьяне подсчитали, что им недоплачивали по 75—95 коп. с каждой сажени дров, по 1 руб. 20 коп. за единицу строительных работ. Заводские конторы «не только с сильным принуждением, но и с великими побоями» заставляли крестьян работать «сверх окладов». Стоимость всего объема работ приписных на Кыштымских и Каслинском заводах превышала сумму подушного оклада в 5—8 раз¹³⁹.

Приписные крестьяне Авзяно-Петровских заводов возмущались тем, что были приписаны к одному заводу, а в 60-е — нач. 70-х гг. «они, крестьяне, вместо одного, обрабатывают че-

тыре завода»: «под тем же именем умножено и сделано еще три завода»¹⁴⁰.

Комиссия Вяземского вынуждена была констатировать, что производственные задания для приписных «столь велики, что едва самоприлежнейший и довольно силы имеющий работник исправить оные мог», а «плату за многотрудную работу производили весьма малую»¹⁴¹. Оплата труда приписных крестьян была в 2—4 раза меньше, чем у наемных работников. Так, за кладку, жжение и разлом 20-саженной кучи дров на Авзяно-Петровском заводе им платили 6 руб., Каслинском — 3 руб. 40 коп., а наемным работникам — 15—20 руб. За перевозку руды наемный зарабатывал за сезон 3—5 руб., а приписной этих же заводов — 1 руб. 73 коп. Приписные Каслинского, Кыштымских и Сергинских заводов за ведро дегтя получали 3—3,5 коп., а наемные — 12—30 коп. Даже такой высококвалифицированный труд, как строительство лодок-коломенок, оплачивался несправедливо: 15 руб. 70 коп. приписным крестьянам и 40—50 руб. наемным¹⁴².

В ходе обсуждения наказа исетских крестьян на Большом собрании Уложенной комиссии представитель Берг-коллегии вынужден был признать, что объем заводской работы, «кажется, требует прибавки платы»¹⁴³.

Одной из эффективных мер для удержания приписных крестьян на заводах было «задолживание» их хлебом и разными товарами из заводских магазинов. Не успевая рассчитаться, они оставались работать бессменно и попадали в «полную и безысходную кабалу». Заводчики присваивали себе право обращаться с приписными как с крепостными и вечноотданными, право суда и расправы. Челобитные на высочайшее имя и наказания в Уложенную комиссию сообщают о многочисленных фактах издевательств заводчиков, их приказчиков и надсмотрщиков над приписными крестьянами. После побоев молодые люди могли оказаться негодными к военной службе; раны не заживали по несколько месяцев. На совести поверенного В. Кулалеева, переселявшего крестьян на Авзяно-Петровский завод, а также других управителей были «смертельные и кровопролитные мучительства и наглые разорения» крестьян. Заводские конторы «утесняли взятками, вычетами, обманом»¹⁴⁴. Приписные к Авзяно-Петровскому заводу в своей челобитной в Сенат в декабре 1761 г. писали, что их держат на заводе, «яко пленных или за смертные вины отданных в работу». А исетские приписные называли заводские работы «тяжкими и тиранско-мучительскими, несносными»¹⁴⁵. В своих челобитных крестьяне на первое место ставили избавление от приписки к заводам, возвращение домой. И все же в наказах в Уложенную

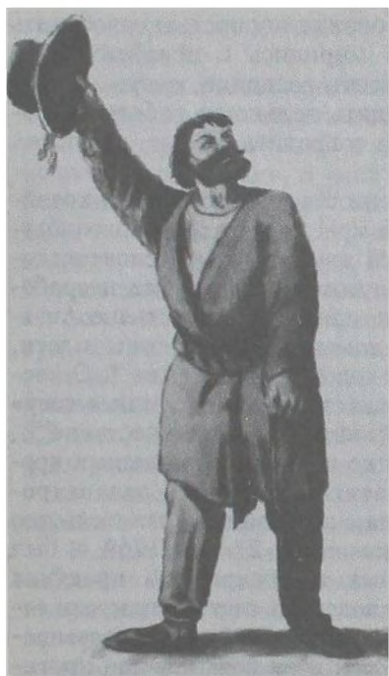
комиссию уже не проходило требование полностью освободить от заводских работ. Приписные мирились с неизбежностью этой повинности и просили повысить расценки, взять за правило отрабатывать подушную подать только за работоспособных земляков и родных и тем сократить сроки заводских работ.

Работа на заводах тяжело отражалась на состоянии хозяйства, поскольку надолго отрывала крестьян от сельскохозяйственных занятий. «Как хлеб, так и другое, что к человеческому пропитанию и содержанию служит, остается все несработанным втуне, — писали в 1765 г. приписные крестьяне Авзяно-Петровского завода, — отчего домашние, и их жены и дети, и скот претерпевают великой же голод и изнуренье»¹⁴⁶. О «великом в минувшие 3 года недопашестве многие земли к севу» сообщали в Сенат в 1762 г. исетские приписные крестьяне¹⁴⁷.

Упадок хлебопашества, а также волнения приписных крестьян в 50— начале 60-х гг., охватившие заводы Урала и грозившие остановкой производства, заставили правительство умерить приписку к заводам. Указом от 27 мая 1769 г. был уменьшен объем работ приписных и прекращена практика комплектования рабочей силы заводов за счет приписных государственных крестьян. Одновременно «по случаю возвышения во всем государстве на продукты и на всякие вещи противу прежних цен» Сенат пересмотрел расценки по Плакату 1724 г.¹⁴⁸ Но положение приписных, которых заводчики рассматривали как дешевую и подневольную рабочую силу, не изменилось к лучшему. В своем донесении Екатерине II от 21 мая 1774 г. чиновник Оренбургской секретной комиссии гвардии капитан-поручик С. И. Маврин просил императрицу «обратить взор свой на крестьян заводских, а паче на приписных, которые отданы совершенно в жертву заводчикам. А оныя хищники ни о чем другом не помышляют, как о своем прибытке, и алчно пожирают все крестьянское имущество»¹⁴⁹.

В заводских работах промышленники широко использовали вольнонаемный труд, что было более прогрессивным явлением по сравнению с принудительным трудом и означало известный сдвиг в сторону развития капитализма¹⁵⁰. Но он еще не носил характера купли и продажи свободной рабочей силы¹⁵¹.

Наемные работники в большинстве своем были временными. Мало кто оставался на мануфактуре долго, рискуя попасть в кабалу к ее владельцам¹⁵². К тому же правительство со второй половины XVIII в. стало сколько-то облегчать получение крестьянами документов на отход. Наемную силу составляли башкиры, государственные, экономические, дворцовые и поме-

Русский крестьянин. Рис. XVIII в.

щичьи крестьяне из Оренбургской губернии и других регионов страны, искавшие временных заработков. И. И. Лепехин специально отмечает широкое применение наемного труда на заводах: «При сем случае упомяну я о выгоде в Башкирии находящихся заводов пред другими заводами. Башкирцы, как народ гулящий (т. е. вольный, — И. Г.), так и заводной лошадыми, за малую цену возят руду и другия заводския потребности. Поблизу в Оренбургской губернии живущая мордва и чувашаи охотно нанимаются для добывания руд, также не из большой платы, а особливо, когда они задатчены будут»¹⁵³.

Наибольшее количество наемных на Южном Урале использовали Твердышев и Мясников, не имевшие при-

писных крестьян. В 50-х гг. на их мануфактурах было занято от 3,5 до 6,5 тысячи наемных¹⁵⁴. Они отправляли своих поверенных за работниками в центр страны, вербовали среди переехавших в губернию из Поволжья. По данным П. И. Рычкова, в 60-е гг. на Южный Урал ежегодно приходило на заводы до 20 тысяч крестьян из Казанской и других губерний¹⁵⁵.

Специального ежегодного учета наемных работников не было. Нет сведений и о числе башкир, добывавших и подвозивших к заводам руду. О том, что их было много, говорят донесения губернаторов императрице и в Сенат, где подчеркивалась огромная помощь башкир заводам.

Крестьяне, приезжавшие на заработки из других губерний, селились в заводских поселках и деревнях. По неполным данным, в 1773 г. на 10 заводах проживало 5875 вольнонаемных. Больше всего их числилось на Златоустовском и Саткинском заводах — 1700, Кано-Никольском — 800, Воскресенском — 700¹⁵⁶.

Наемных принимали на вспомогательные работы: добычу руды, заготовку дров, выжиг угля. Они занимались также

транспортировкой готовой продукции до пристаней, сплавом ее до мест сбыта. Им поручали и внутризаводские работы: строительство зданий и плотин, ремонт различных сооружений.

Вольнонаемные работали по контракту, заключаемому сроком обычно на три года. Записи содержали объем и условия работы, размеры и порядок оплаты. Отношения наемных с предпринимателями приближались к отношениям капиталистического найма, однако сохраняли черты кабальной зависимости нанимаемых от заводчиков¹⁵⁷. Труд наемных обходился последним в несколько раз дороже, чем труд крепостных, вечноотданных или приписных крестьян. Многочисленные факты свидетельствуют о стремлении заводчиков превратить наемных в своих работных людей. Они использовали различные формы внеэкономического принуждения (выдача аванса крупной суммой, поселение на заводских землях, штрафы, долговые обязательства и др.), прибегали к грубому произволу и насилию.

На заработки люди шли не только с паспортами. Среди наемных обреталось много беглых, скрывавшихся от рекрутчины, и закабалить их было особенно легко. В указе Сената от 10 сентября 1773 г. с озабоченностью отмечалось, что татары, марийцы, чувашаи Поволжья «во избежание рекрутской отдачи, без всякого от мирских людей вида, уходят в Оренбургской и Сибирской уезды на заводы и, забрав у содержателей оных немалою суммою денег, находятя там в работе года по два, по три и более в надежде той, что по неотдаче их за забранные деньги с тех заводов могут они миновать рекрутской отдачи»¹⁵⁸. Таких крестьян держали на заводах в качестве «вольнопоселившихся» и стремились любыми способами их закабалить¹⁵⁹. По сообщению Оренбургской губернской канцелярии в Берг-коллегию, в 1765 г. многие из них работали по просроченным договорам, потому что заводчики умышленно затягивали расчет. Ясачные крестьяне-новокрещенцы жаловались губернской канцелярии, что заводские конторы не возвращают им паспортов, и они, «нанявшись волею в работу», оказались, «как в каторжной работе», не могут уйти с заводов и «делаются почти все кабальными»¹⁶⁰.

При найме предприниматели обычно выдавали аванс, задаток, на языке того времени — «обзадачивали» работников. Выдача аванса позволяла удерживать наемных длительное время, превращаясь в цепкий способ феодального принуждения в промышленности. Система обзадачивания отражала невысокий уровень развития рынка труда, товарных отношений в деревне. В найм, по словам Твердышева, шли «только такие

неимущие люди, коим подушного оклада оплатить нечем», а «исправный и зажиточный ...», — утверждал владелец Златоустовского завода Л. И. Лугинин, — ни за какие деньги в заводскую работу идти не согласятся»¹⁶¹.

Задаток выдавался по месту найма. Так, в 1769 г. плотинный мастер К. Строчилин из крепостных Е. Н. Демидова составил плотничью артель из 19 экономических и помещичьих крестьян Московской губернии. Контракт предусматривал немедленную выдачу 15 наемным по 20 руб. задаточных денег, остальным по 10 руб. Эти суммы они должны были отрабатывать «по договорной цене» на Авзяно-Петровских и Кагинском заводах¹⁶².

Твердышев и Мясников «не жалели» на «обзадачивание» крупных сумм. В 1766 г. они выдали крещеным татарам д. Бугульчан и Урал 1440 рублей. Отрабатывать крестьяне обязались на Каргалинских медных рудниках из расчета «на каждый день им урок по 8-ми копеек»¹⁶³. Наемные, как и заводские люди, работали по 13 часов, «не включая в число оных обедов и завтраков». Крестьяне Оренбургской губернии специально оговаривали сроки работы: с 1 октября до 15 апреля, до начала сева; привезенные же из других мест не отвлекались на сельхозработы.

Яркий пример закабаления Твердышевым и Мясниковым государственных крестьян чувашей привел в своих записках И. И. Лепехин. «Щедрые» заводчики дали в долг «до 100 рублей на душу с тем, чтоб они деньги зарабатывали на заводах». Затем заводчики предложили чувашам поселиться на заводской территории, где их «всегда завод имеет под руками». «Но не знаю, — высказывал свое сомнение наблюдатель, — могут ли они совершенно заработать свой долг, тем наипаче, что чувашенин, или добывая руду, или в дровосеке, зарабатываемые деньги почти износит на руковицах; и так год от году больше наживают долгу»¹⁶⁴.

Изворотливость заводчиков не знала границ. Компания Твердышев-Мясников столь же «бескорыстно» предоставила свои земли для поселения новокрещеным татарам и чувашам с единственным условием «излишний хлеб ... привозить бы на их железной Катав-Ивановский [завод] и продавать ... вольною ценою». Крестьяне поселились пятью деревнями: Верхний и Нижний Илек, Тюбеляс, Малояз, Укшущая. Но, как писали крестьяне в Уложенную комиссию, вскоре заводчики изменили договорные условия и потребовали за свою землю «каждый год и с каждой положенной в подушной оклад души по 5 сажень дров вырубить. И по тому письму нас в работу из-под неволи загоняют и мучат»¹⁶⁵.

Для удержания наемных заводчики отсрочивали выплату зарплаты, всячески нарушали условия контракта, шли на жестокие преступления. Страшная трагедия, дошедшая до слуха Сената и Берг-коллегии, разыгралась в 50-х гг. на Нязе-Петровском заводе Мосоловых. Два года промышленники не отпускали домой 166 вольнонаемных чувашских крестьян, не выплачивая заработанных ими 1749 руб. 16 коп. А когда 80 работников отправились для подачи жалобы в Красноуфимск, заводская команда нагнала их и открыла стрельбу. Было убито 9 человек, ранено — 27. Следствие длилось много лет, но никто не был наказан, и даже к 1772 г. заводовладельцы не уплатили вольнонаемным заработанных ими денег¹⁶⁶.

Симптоматично, что к найму, кроме промышленников, вынужденно прибегали приписные крестьяне. Не управившись с «уроками» до начала сельхозработ, они нанимали «от себя за собственные свои деньги вольных людей». Нанимали работных людей, а также приходивших со стороны бродяг, которым платили намного больше плакатных расценок. В одном из пунктов наказа исетских крестьян в Уложенную комиссию отмечалось, что они «с немалым отягощением» для себя платили за рубку сажени дров по 60—70 коп., вместо 25 по Плакату, и 4 руб. за приготовление древесного угля, вместо 1 руб. 70 коп.¹⁶⁷ О таком же несоответствии между урочными и реальными ценами писали в своей челобитной крестьяне, приписанные к Авзяно-Петровским заводам¹⁶⁸.

§ 2. ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ, ДВОРЯНСТВА, КУПЕЧЕСТВА

Для осуществления внешнеполитической программы правительство широко использовало яицких и оренбургских казаков, башкир, мишарей, служилых татар, калмыков, входивших в состав иррегулярных войск страны. На служилое население края возлагались также полицейские функции. Наделенное особыми сословными правами и привилегиями оно не платило главный государственный налог — подушную подать и поэтому числилось неподатным населением.

Башкиры. Мишари. Положение башкир как особой категории служилого сословия определялось исторически сложившимися отношениями между ними и центральной властью. Башкирский народ добровольно вошел в состав Русского государства на условиях сохранения вотчинного права на землю, уп-

*Башкир. Рис. А. О. Орловского.
1814 г.*

латы ясака (замененного в 1754 г. другими повинностями), отбывания воинской службы. Хотя собственником земли стало государство, башкиры сами распоряжались землей, отданной им в вечное владение. Право башкир на землю было законодательно закреплено в Соборном Уложении 1649 г. и на протяжении веков неоднократно подтверждалось верховными актами.

В наказах в Уложенную комиссию 1767 г. башкиры настаивали, чтобы в новом уложении «те состоящие за башкирским нашим народом издревле вотчинные земли со всеми угодьями к неоспоримому и беспрепятственному владению были подтверждены»¹. По словам губернатора Д. В. Волкова, каждый башкир

«почитает себя за некотораго дворянина, подобно украинским казакам, каждой шитает, что он собственную свою землю владеет, предкам его от царя Ивана Васильевича за службу пожалованную»².

Как служилое сословие, башкиры также имели особые права и привилегии. В отличие от крепостных крестьян они обладали правом личной свободы. Юридически башкир, как и казаков, нельзя было закабалить. Естественно, это не исключало случаев превращения свободного башкира за долги и неповиновения властям в крепостного русских дворян или даже самих башкирских старшин.

Башкиры были освобождены от подушной и рекрутской повинностей и поэтому избавлены от всеобщих переписей — ревизий. С 1760-х гг. за службу по охране сибирских рубежей страны и участие в военных походах башкирским конникам стали платить жалованье.

По именным указам еще в XVII в. башкиры имели право на беспошлинную торговлю. Торговые привилегии были подтверждены указами Сената и в XVIII веке. Таможенный сбор за проданные башкирами товары взимался с покупателей —

российских купцов. В 1771 г. башкиры обратились к оренбургскому губернатору с жалобой на откупщика конских пошлин купца А. Голенищева, потребовавшего пошлины от башкир. Жалоба была встречена с пониманием и вынесена на обсуждение Сената, который запретил откупщику брать пошлины «с продажных башкирцами в их селениях лошадей»³.

Башкиры имели право «для челобитья и всяких своих нужд ездить в Санкт-Петербург и к Москве». Принимали их жалобы в Сенате с сочувствием. Выносили специальные определения и отправляли указы оренбургским губернаторам с требованием «учинить рассмотрение и прислать в Сенат подробное объяснение»⁴.

Башкиры гордились правом регулярно посылать делегации к императорскому двору «для принесения ... благодарения и уверения о их, башкирцов, подданнической верности». Указами Сената определялся состав делегаций от башкир (как и от мишарей) с «каждой дороги из самых знатных и лутчих людей по 2 человека и с ними одному старшине». Представители посылались каждые 2 года. Им выделялся конвой, ямские подводы, отпускались прогонные деньги⁵. В столице депутатов одаривали ценными ковшами, сукном, деньгами.

Важным достоянием башкирского общества было право беспрепятственно исповедовать свою веру. В конце XVII — первой половине XVIII вв. царизм предпринимал попытки насильственного обращения мусульман в православие. Но уже во второй половине XVIII в. правительство отходит от прежней политики массовой христианизации башкир. Это было прямым следствием вооруженной борьбы башкир за свободу вероисповедания в период восстаний 1735—1740 гг. и 1755 г., равно и решения самодержавия отказаться от грубого вмешательства в духовную жизнь народа, который оно переводило в служилое сословие для более широкого использования в качестве военной силы. Уменьшается контроль местной администрации над строительством мечетей и открытием школ, медресе и мектебов, а также — деятельностью мусульманского духовенства.

Главной обязанностью башкир и мишарей была служба в составе иррегулярных войск России. Как и казаки, в военном отношении они подчинялись оренбургским губернатору и генералитету. Распоряжения о направлении башкирской конницы за пределы губернии принимались государственной Военной коллегией.

С 1742 г. башкиры, мишари, служилые татары стали нести охрану границы по Оренбургской линии. Наряды на службу, исполнение других государственных повинностей спускались в каждую команду. 7—8 дворов выставляли одного воина в пол-

ном снаряжении, с двумя лошадьми, запасом продуктов и деньгами для покупки продовольствия и фуража. Укомплектование одного человека (без коней) стоило не менее 20 руб.⁶ Служба продолжалась с мая до глубокой осени, «покуда упадет снег». Снежный покров делал заметным любое нарушение границы, и охрану ее уже могли нести регулярные части, расквартированные по крепостям.

Башкиры и мишари выступали на линию одним сводным отрядом, в котором мишари составляли 1/8 часть. В 1769—1770 гг. на линии служило 5200 казаков, башкир, мишарей, служилых татар, калмыков. 2155 из них, или более 40%, были башкиры. В 1775 г. из 4 тысяч служащих иррегулярных войск на линии находилось 2 тысячи башкир⁷.

Замечательную военную подготовку башкирской конницы не раз отмечали ученые-путешественники. Вот как описывал «военные упражнения» башкир руководитель одной из групп Оренбургской академической экспедиции в 1769—1770 гг. И. И. Лепехин: «Они метили стрелами как в поставленную цель, так и в башкирцов, которые столько имели проворности, что в известном расстоянии могли увертываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы, стоя на земле, а удалые, рассказавшись во всю конскую прыть, метили стрелкою в поставленной предмет». Он же обратил внимание на четкие военно-организационные принципы построения башкирского войска: «Стройное их ополчение во всем с казацким сходствует ... Толпы свои означают значками (знаменами.— И. Г.) и разделяются во всем по казацкому уставу». Лепехин отметил и достоинства башкирских лошадей, которые «посучись по горам, так легки, что с высоких крутизн, иногда и по самой узкой тропе спускаются»⁸. О хорошей физической подготовке, отличном владении оружием своих земляков — башкир северо-западных волостей края писал в своем обращении к императрице Елизавете Петровне в 1756 г. мулла Батырша, идеолог восстания 1755 г. в Башкортостане: «Люди нашей лесной стороны, наши башкиры и прочие, весьма воинственные и искусные стрелки из лука. Наши ... луки ценою в 40—50 коп. лучше, чем 10—12 рублевые ... луки степных башкир, потому что, несмотря на любую жаркую погоду, после каждой стрельбы становятся они все крепче; выпущенные из них наши стрелы пробивают любого дикого зверя насквозь. [Наши люди] столь искусны в ходьбе на лыжах, что убегающий в лесу дикий зверь [от них] не спасется; они перепрыгивают через встречающиеся по пути деревья вышиною в лошадь. Рысистая лошадь, идущая дорогой во всю рысь, не может догнать наших лыжников, бегущих по снегу»⁹.

Линейная служба «исправлялась на собственном коште». «За неполучением жалованья,— писали башкиры в 1767 г.,— претерпевают крайнюю нужду, так что инные, имея в содержании себя недостаток, принуждены все имеющееся при себе оружие и лошадей продавать и в дома пешие с великою нуждою и в глубокую уже зиму возвращаться»¹⁰. Частым явлением из-за перегрузок, болезней и бескормицы был падеж лошадей. Фураж не выдавался, а на заготовку кормов не хватало времени. Взамен погибшей лошади башкир заставляли здесь же покупать новую. При массовом падеже губернатор посылал приказы старшинам о сборе денег для закупки лошадей на местах.

Служба на границе была опасна. О напряженной обстановке на пограничной линии свидетельствуют многие документы. Среди них красноречивые письма руководителя Оренбургской экспедиции П. С. Палласа за 1770—1771 гг. из Челябинска в Академию наук и академику Г. Ф. Миллеру. Паллас пишет, что в этот период казахи нападали на Степную, Карагайскую и другие крепости, захватывали людей, отгоняли табуны. Башкирские деревни подвергались разорению. Так, в феврале 1771 г. казахи «угнали всех башкир (включая женщин и скот), которые живут в своих деревнях на южном берегу озера Буташ», в 30 верстах от пограничной линии. Паллас сообщал, что «башкиры в восточной части Урала все вооружены и настроены решительно»¹¹.

Помимо караульных разъездов, преследований нарушителей границы, башкир обязывали исполнять незаконные «партикулярные услуги тамошним командирам»¹².

Легкие кавалерийские отряды башкир и мишарей использовались в боевых действиях российской регулярной армии в Пруссии в годы Семилетней войны, в сражениях с польскими конфедератами, в различных других походах. По указу Сената в сентябре 1756 г. из Башкирии в Пруссию были отправлены 531 башкир и 519 мишарей, «самых лучших, достойных к службе, здоровых, ... пожиточных и доброконных людей, каждого о дву конь, ... с ружьем, кто какое имеет»¹³. Вместе с 487 ставропольскими калмыками и 500 казанскими татарами они составили одну «четырёхнародную команду». Команда участвовала в крупном сражении 19 августа 1757 г. под д. Гросс-Егерсдорфом (Пилау) и других боях против прусской армии. С осени 1757 г. она несла службу в Новгородской губернии¹⁴.

Весной 1758 г., в связи с ожидаемым нападением Китая, башкиро-мишарские отряды из «четырёхнародной команды» решено было перебросить на Колыванскую и Кузнецкую дис-

танции Сибирской линии для защиты российско-китайской границы. «Следуя через свои жилища», воины должны были «запасти себя лошадьми и всем потребным»¹⁵. В августе 1758 г. Уфа встречала ветеранов Прусского похода, чтобы проводить их в новый. Однако, осмотрев команду, власти вынуждены были сообщить в Петербург, что в ней «весьма лошади от дальнего походу худы и много пеших и больных людей». В таком состоянии полки не могли быстро собраться в далекий путь. Лишь успокоение на китайской границе спасло их от гибельной дороги в Сибирь. Но людей все же повели на Оренбургскую пограничную линию и распределили по крепостям Уйской дистанции вдоль границы с казахским Средним жузом. И только весной 1759 г. башкиры и мишари из «четырёхнародной команды» были отпущены для «поправления в их жилища»¹⁶.

Свидетельством безразличия командования и властей к нуждам рядовых воинов было и невыполнение приказа Военной коллегии о награждении башкир, мишарей и калмыков, участвовавших в Семилетней войне. В благодарность «за храбрые действия» им была пожалована денежная сумма в размере трехмесячного жалования — по 3 рубля каждому¹⁷. О том, что деньги не выдали, вспомнили через 11 лет. А к 1768 г. из башкир, сражавшихся в Пруссии, уже умерло 53 человека, мишарей — 37 человек, калмыков — 59 человек. В Главном кригс-комиссариате пересчитали сумму, вычтя счет умерших. Но и оставшимся в живых не выдали деньги сразу: высылали по четвертой части¹⁸. Не удалось выяснить, когда получили старые воины последние копейки своей награды.

Своим героическим участием в Семилетней войне, ратным мастерством и выручкой башкиры заслужили профессиональное доверие военного командования и соответствующий указ Сената, по которому с июля 1760 г. всем находившимся в дальних походах стали платить постоянное жалование, выдавать продовольствие и фураж. Старшины получали по 100 руб., сотники, хорунжие и есаулы — по 18 руб., рядовые — по 12 руб. Начальнику команды выдавался фураж на 12 лошадей, старшинам — на 8, есаулам, сотникам, хорунжим — на 3, рядовым — на 1 лошадь. Рядовым полагался также месячный солдатский паек¹⁹. Но указ не распространялся на людей, служивших по Оренбургской линии.

В 1760 г. началась служба башкир и мишарей на Тобольской дистанции Сибирской пограничной линии, особенно тяжёлая из-за удаленности от родных мест. Вначале власти посылали по 500 человек (400 башкир и 100 мишарей) и сроком

на 1 год; но по указу Военной коллегии от 27 августа 1769 г. стали отправлять вдвое больше и сроком на 2 года²⁰.

Мобилизованным на Сибирскую линию собирали подмогу от 8 дворов по 10 руб. на год службы и «складку одеждою»²¹. Очередник мог откупиться и стать нанимателем. Наемнику он платил условленную сумму (в волостях Ногайской дороги она составляла 45 руб.)²². На линии башкиры отправлялись в «каждодневные для примечания неприятельских сакм (следы, присутствие.— И. Г.) разъезды» вдоль границы с казахами Среднего жуза, посылались в конвой. Они непременно участвовали в строительстве крепостей, «употреблялись ... в земляную и прочие крепостные работы ..., отчего неминуемо бывает немалой служебным их лошадям упадок»²³. В 1765 г. за полгода пало до 200 лошадей, в 1766 г. у 388 башкир и мишарей пала 551 лошадь. А служебная лошадь стояла здесь 10—12 руб., и многие башкиры оказывались «в неоплатных долгах»²⁴.

В 1769 г. к служившим на Сибирской линии пришла неожиданная беда — распоряжение о продлении срока службы до двух лет. «Подможные» деньги и вещевую «складку» они получили только на год. Дороговизна лошадей, одежды и продуктов довели башкир и мишарей до крайней бедности. Положение рядовых ухудшали еще и злоупотребления походных старшин. В 1768 г. отряд из 500 человек привел на линию башкирский старшина Елдякской волости Казанской дороги Абдулвахит Смаилов, а через год с такой же командой прибыл башкирский походный старшина той же дороги Валиша Шарыпов. Тысячная команда находилась на линии до осени 1770 г. За это время башкиры и мишари посылали к губернатору И. А. Рейнсдорпу две группы своих поверенных с жалобами на старшин, направляли 3 прошения командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру, много раз обращались с просьбой защитить их от бесчинств командиров к командующему войсками в крепости Св. Петра генерал-майору Девицу. Кроме того, несколько человек по собственной воле отправились в Оренбург, где пытались рассказать губернским властям о «великих обидах» со стороны Абдулвахита и Валиши²⁵.

Из представленных прошений и протоколов показаний поверенных следовало, что походные старшины присвоили казенные деньги, выданные на «путевое содержание» команды из расчета по 25 коп. на человека, а из положенного провианта и фуража половину продали на сторону. Окладное жалованье старшины платили вместо денег закупленным ими самими «товаром, саблями и лошадьми с принуждением, а многим и чрез

побой»²⁶. Корыстолюбию и вымогательству «предводителей» не было предела. За производство в чин капрала, хорунжего, квартирмейстера они брали взятку по 4—6 руб.; за обещание разместить по линии в «выгодные места» у всех поголовно взяли по 2 и 2,5 руб.; еще по 2 руб. с головы собрали на покупку меда, видимо, для подкупа гарнизонных офицеров. Абдулвахит и Валиша развили на линии такую бурную торговую деятельность, что снимали земляков со службы и «употребляли в купеческие работы, а получаемыми за то деньгами пользуются сами»²⁷. Своих подчиненных заставляли покупать все необходимое только у них, продавая «тройною и гораздо превосходною ценою». Лошадь, купленная старшинами у купцов и казаков за 3—4 рубля, шла по 12 и выше, сабли в 1—2 рубля — по 4. За сукно ценою по 70 копеек аршин брали с рядовых по 2 рубля за аршин²⁸.

Старшины жестоко наказывали своих подчиненных за сопротивление, тем более — жалобы линейному начальству. Башкирский есаул Мустафа Коземьяров написал несколько челобитных генералу Шпрингеру. И когда генерал затребовал Мустафу к себе, Валиша, «предусмотря в том худые следствия, отрепортировал на то, якобы меня лошадь ушибла, и посадил меня в колодку и содержал 6 месяцев». А Абдулвахит за жалобу на него застегал своего подчиненного до смерти²⁹. «От тех их старшин в такое состояние приведены, что не только той службы отправлять зделались не в силах, но и дневного пропитания у них не стало», — от имени всех служащих на линии заявили 1 сентября 1771 г. на допросе в Оренбургской губернской канцелярии башкир Иланской волости Казанской дороги Нариман Мядин и мишар Мавлют Исламгазин³⁰. Губернская администрация вынуждена была начать расследование по жалобам башкир и мишарей. Но Абдулвахит скончался, а Валиша Шарыпов сумел оправдаться, и дело закрыли.

Необыкновенно напряженными для башкир и мишарей стали 1771—1773 гг. В связи с «исходом» калмыков, находившихся почти век в российском подданстве, в Китай, в Джунгарию, на историческую родину. Военная коллегия указом от 25 января 1771 г. потребовала от оренбургского губернатора бросить войска на их задержание³¹. Рейнсдорп распорядился послать в поход 8 тысяч башкир и мишарей «с двухмесячным провиантом»³². В марте Уфимская провинциальная канцелярия сообщила, что набор идет с большим напряжением, поскольку до этого 2600 человек было послано на линию в Орскую крепость, а 750 — на Сибирские линии. Одного конника брали теперь «с 2 дворов с небольшим» (вместо законной нормы — одного с 8 дворов). К началу апреля воевода составил отряд в

4500 человек при 9 старшинах и 40 сотниках³³. Тогда же Исетская провинция собрала 2000 всадников. До конца марта, таким образом, приказ был выполнен, в состав четырех групп войск вошло 7229 башкир и мишарей³⁴.

Прорыв калмыками границы заставил войска выйти на территорию Младшего и Среднего казахских жузов, где они пробыли 1—2 месяца. Отдельные отряды углублялись в степь на 800 и более верст. Люди были снаряжены плохо; начался голод, падеж лошадей. Экспедиция застопорилась. Тогда преследование калмыков взял на себя хан Младшего жуза Нурали, а оренбургские войска возвратились на линию. После «разборки» башкиро-мишарских команд к отправке на Сибирскую линию, где власти надеялись перехватить калмыков, были признаны годными 2103 человека. Их разделили на два отряда. Из первого отряда числом 1055 человек до крепости Св. Петра дошли 334; остальные, больные и безлошадные, не смогли продолжить поход. Но и явившиеся «по осмотру командующего в той крепости ... по причине упадка и худобы лошадей оказались к походу весьма не способны»³⁵. В таком же состоянии были башкиры и мишари и из второго отряда. Но их все-таки продержали на линии три месяца и лишь в сентябре отпустили домой.

За все выпавшие на долю башкир и мишарей испытания в походе они не были вознаграждены даже положенным жалованьем. С ноября 1771 г. по сентябрь 1773 г. шла переписка между различными инстанциями о выдаче окладов. Указом Сената от 14 июля 1772 г. сумма вознаграждения определялась в 12 726 руб. 81,5 коп.³⁶ 7 сентября 1773 г., за 10 дней до начала Крестьянской войны, последовал указ губернской канцелярии о выплате денег. Учитывая напряженную обстановку в крае, администрация подчеркивала своевременность этого акта: «Теперь, как самое наступило к тому время, чтобы сему башкирскому и мещерякскому народу показать всевысочайшее к ним е. и. в. благоволение и тем доказать, что всякая верная служба без воздаяния не остается»³⁷. Правда, здесь же губернатор определил, что башкиры, посланные на Сибирскую линию, получали жалованье, и платить им за участие в походе не следует. Неизвестно, досталось ли семи тысячам башкир и мишарей хоть какое-то вознаграждение.

Не успела башкирская конница оправиться после участия в погоне за калмыками, как вновь появилась в ней нужда. 8 октября 1771 г. Екатерина II повелела Военной коллегии призвать из «башкирского войска ... 3 тысячи человек» и направить в Польшу в помощь русской армии, ведущей войну против конфедератов. Мишарей этот призыв не коснулся.

Башкирским конникам назначалось «жалованья и протчаго содержания такого, какой производится донским казакам»³⁸. 13 ноября губернатор отправил распоряжение провинциальным канцеляриям о мобилизации башкир. К 10 января в Уфу явилось 2988 конников³⁹. В середине января 10 отрядов по 300 человек в каждом под предводительством старшины Кулы Балтачева выступили из города. Башкирским отрядам только до Смоленска предстояло одолеть 1578 верст⁴⁰.

Башкирское войско вошло в состав Польского корпуса, которым командовал генерал-аншеф А. И. Бибилов (через 1,5 года во время Пугачевского восстания ему пришлось вновь встретиться с этим войском, но уже как с противником). Башкирская конница участвовала в сражениях под Варшавой, Вильно и в других местах. Домой она возвращалась двумя партиями: первая выступила из Смоленска в январе 1773 г., вторая — в конце сентября⁴¹. Войско понесло большие потери. Погибло более 250 человек; много было больных и раненых⁴².

Участие в войнах России, служба по охране границ державы принесли славу башкирскому воинству. Ратный труд возвышал образ мысли воинов, расширял их взгляды на жизнь, делал их самих просвещеннее. Совместная служба, совместные походы с русскими казаками и солдатами способствовали становлению чувства солидарности, пониманию интересов и забот товарищей, а через них — судеб и чаяний своих народов.

Но воинская служба была тяжела. Она стала особенно тягостной государственной повинностью в рассматриваемую эпоху. Башкиры гибли в боях, возвращались из походов увечными, умирали от ран и болезней. Надолго оставались заброшенными хозяйства; медленно, с перепадами развивалась производственно-экономическая культура.

В многочисленных жалобах губернатору башкиры и мишари писали «о чрезвычайной тягости» подводной повинности. Указом Сената от 15 апреля 1756 г. исполнение ее было приостановлено «до будущего рассмотрения», однако в 60-е годы подводная гоньба вновь стала одной из основных повинностей башкир и мишарей. Они перевозили бесплатно в казенные склады хлеб и крупу, и это засчитывалось им за службу. Лишь с проезжавших по «казенным и партикулярным делам» башкиры и мишари брали за представление подвод и лошадей прогонные⁴³.

Типичен, в этой связи, объем и характер работ, выполняемых башкирами из команды старшины Бушмас-Кипчакской вол. Кинзи Арсланова: «Жительство мы имеем на лежащей в Уфу и в Ысецк дорогах, чрез которые всегда неумолкну проезд происходит. И мы принуждаемся давать им подводы, как

Башкирский воин. Рис. начала XIX в.

равно на государственных лошадях и фураж. А к тому и в третью сторону по причине заведенного там казенного завода ... Также и на Стерлитамацкую пристань с не меньшим отягощением проезжающих возим»⁴⁴.

Несение подводной повинности лишало многих возможности заработать на подрядах. Объясняя трудности с набором «вольных повощиков соли» в Табынск, Бирск и Елдяк среди местного населения, уфимский воевода А. Н. Борисов писал губернатору в 1771 г., что жители центральной части Башки-

рии «тем много отягощены, что когда б не случились здесь наряды ж к свозу денежный казны и протчих казенных многочисленных повозок, то все употребляемы в том бывают из ближайших к городу Уфе команд»⁴⁵. Башкиры и мишари то и дело сообщали властям о многочисленных случаях обмана со стороны «всякого звания людей», которые или не платили прогонных, или платили не в полном объеме, перегружали подводы да еще требовали с жителей продукты и фураж. По словам мишарского сотника Канзафара Усаева, официальные лица, проезжающие по дороге Оренбург — Уфа, «такие причиняют наглости, что требуют всякого рода съестные припасы и мед, и сверх написанного в подорожных числах подвод берут излишние подводы. И, например, кому надобно взять одну, тот берет 4, а прогонные деньги платит токмо за одну»⁴⁶. Через башкирские деревни Исетской провинции шли дороги к Екатеринбургу, Уфе, Оренбургу, горным заводам. И проезжавшие, как сообщали исетские башкиры в наказе в Уложенную комиссию, расплачивались недобросовестно. Башкиры Уфимской провинции в своем наказе в Уложенную комиссию специально рассказывали о разнузданных действиях офицеров, ездивших из Москвы в Сибирь «с аммуничными вещами и с протчими казенными тягостями». Те перегружали подводы, заставляли впрягать, вместо одной, по 2—3 лошади, а рассчитывались, как за обычную поклажу «указной препорции» с одной лошадейю. Офицеры специально сворачивали с больших дорог в «башкирские жительство» и вымогали «хлеб, харч, а инде и подарки», забирали сено⁴⁷.

Развитие широких почтовых связей в крае вело к увеличению объема ямской повинности: появились новые дороги с почтовыми станциями — ямами. Старшины посылали рядовых «к построению на станциях ямских изб». На содержание ямов с каждого башкирского и мишарского двора собиралось по 21¼ копейки. Кроме того, к каждой станции приписывались участки волостных земель, где производилась заготовка сена для почтовых лошадей⁴⁸.

На почтовых станциях, нередко «в немалом от домов их разстоянии», башкиры должны были находиться месяцами «неотлучно» и держать в готовности лошадей⁴⁹. Для доставки писем из каждой команды выделялось по несколько человек «со всем требующимся от миру снабжением» и каждый с двумя лошадьми. Так, башкиры Кипчакской волости Ногайской дороги возили почту на три яма и зимой снаряжали на почтовую службу по Оренбургской линии 7 человек⁵⁰. Впрочем, иногда башкиры вербовали на почтовые станции «охотников», которым платили «зборными с нашего народа деньгами». Но содер-

жание наемных обходилось очень дорого: пара лошадей с ямщиком стоила 100—120 руб.⁵¹ Башкиры и мишари в своих наказах в Уложенную комиссию просили передать почтовые станции на казенное содержание и тем избавить их от тяжелой ямской службы.

В 1754 г. уплата башкирами ясака была заменена принудительной покупкой соли по фиксированной цене, что явилось более обременительной повинностью для населения, нежели ясачные платежи. По признаниям самих губернских властей, обязательство башкир, мишарей и других народов края покупать соль «из казны указною ценою» по 40 коп. за пуд «доходу казне составляло более платимого ими ясака»⁵². К тому же, бывшие ясачники не только должны были ездить в соляные лавки за покупкой, но терпели различные злоупотребления со стороны перекупщиков и целовальников (сборщиков податей).

В феврале 1773 г. группа старшин Уфимской провинции обратилась за защитой к «хозяину здешней губернии» Рейнсдорпу. Они ссылались на многочисленные жалобы башкир и мишарей на обвес при покупке казенной соли: в соляных стойках пользовались весовыми гирями; когда же покупатели возвращались домой и перевешивали соль на безменах, недовеса могло оказаться до 15 фунтов. Перекупщики, развозившие соль, брали на накладные расходы по 15—20 коп. с пуда, вместо положенных двух⁵³.

Администрация края зорко следила за тем, чтобы население не добывало соли самовольно. Помимо охраны илецкого месторождения, Рейнсдорп приказал «крепко» закрыть соляные ключи близ пригородка Табынска и учредить «пристойный присмотр» за прежними соляными варницами, «чтоб отнюдь не можно было из них пользоваться»⁵⁴.

Повинности теснили башкир со всех сторон; особенно мучило их безденежье. Деньги, необходимые «вольному народу» для уплаты сборов и подмоги, для приобретения надежного воинского снаряжения, покупки одежды и домашних вещей, башкиры зарабатывали перевозкой руды и соли, заготовкой и доставкой леса на заводы и в Оренбургское соляных дел правление, торгово-ремесленной деятельностью. Они вынуждены были также сдавать в оброк и продавать участки волостной земли, лесные угодья, места рыбной ловли. Все это до некоторой степени снимало острую нужду в деньгах.

Всечастное ухудшение экономического положения башкир было связано прежде всего с непрерывным отчуждением земли. Казна ежегодно отрезала для потребностей феодального государства огромные площади башкирских земель. Особенно много волостных земель было занято под крепости. Видя, что

Одежда и оружие башкирского воина

они не осваивались населением крепостей, башкиры настойчиво просили Уложенную комиссию вернуть им пустующие участки, разрешить поселиться там «на старинных своих вотчинных землях и владеть оными беспрепятственно»⁵⁵.

Наглядным примером насильственного изъятия государством вотчинных земель служат правительственные акции в от-

ношении территорий, прилегающих к Ново-Московской дороге. Без согласования с башкирами земли по левую сторону от дороги до границы губернии были объявлены казенными, и продажа их прежними владельцами была, естественно, запрещена. По правой стороне тоже значительные площади были объявлены казенными и отведены переселенным сюда казанским татарам, отставным солдатам, однодворцам, новокрепщанам. Вдобавок эти земли, чтобы башкиры не претендовали на них, были приписаны к Оренбургскому, а затем Ставропольскому уездам. Манипулируя таким образом, царское правительство обрекало на «крайнюю бедность» не только прежних владельцев земли, но и новопоселенцев, которых пригоняли сюда под конвоем⁵⁶.

В конце 60-х — начале 70-х гг. наступление государства на земельные владения башкир стало нарастать. 10 февраля 1771 г. Рейнсдорп отправил императрице карты «пустых мест», предлагая заселить их отставными солдатами и другими нижними чинами. Через месяц Екатерина II уже отдала соответствующее приказание и распорядилась, чтоб местные власти, распределив между отставными все удобные земли в Казанской губернии, переключились на соседнюю Оренбургскую⁵⁷.

Свои вотчинные земли башкирам приходилось отстаивать не только от посягательства государства, но и от поползновений со стороны помещиков, заводчиков, захватывавших самые богатые уголья, от русских крестьян, от мишарей и тептярей, селившихся на башкирских землях без купчих и договоров.

Велики были и духовные тревоги народа: мусульманское население края испытывало жесткое давление религиозных притеснений. Наказы башкир в Уложенную комиссию 1767 г. начинались с напоминания о том, что они, башкиры, «по древнему изданию находятся в магометанском законе», и вошли в состав Русского государства, сохранив право на свободу вероисповедания. Они просили императрицу, чтобы и в новом уложении башкирский народ «в содержании закона нашего был свободным оставлен», а население разных мест могло по своему желанию «своим коштом и иждивением безвозбранно строить» мечети⁵⁸. Многочисленные факты, которые не были названы в этих документах, свидетельствовали об обратном — о явном и тайном стремлении властей ограничить влияние, уронить роль ислама в Башкортостане. В письме к императрице Елизавете Петровне от 20 ноября 1756 г. муллы Батырша отмечал: «Если падишах не одинаково обращает взор милости на своих рабов ..., если он, презрительно относясь к своим подданным, потому что последние не состоят с ним в одной вере,

чинит притеснения их вере и мирским делам, то любой, хоть и мало разумеющий, поймет, каково может быть [тут] последствие»⁵⁹.

Сильно были урезаны права религиозных судов. Пропаганда ислама запрещалась. По распоряжению оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа с 1769 г. сократилось число паломников, посещавших святые места древнего Булгара на Волге⁶⁰. Нарушались и другие права верующих. Администрация не без пользы прибегала к услугам авторитетного религиозного центра края, сложившегося в богатом поселении, возведенном торговыми татарами, Сеитовой слободе, или Каргалах. Практически вся религиозно-духовная деятельность мусульманского населения находилась под контролем тамошних ахуна и мулл. Ни свежая мысль, ни самобытное слово в вере не поощрялись.

Широкие слои коренного населения края подчас подвергались изощренным унижениям со стороны администрации, проводившей политику, всецело направленную на разъединение народов, натравливание их друг на друга. Так, и в 1760-х, и 1770-х гг. действовали унижительные для человеческого достоинства указы оренбургского губернатора И. И. Неплюева, распорядившегося в свое время «с казанскими татарами башкирцам в сватовство без челобитья и без позволения казанского губернатора не вступать». А получив разрешение, — платить с каждой свадьбы по 1 драгунской лошади; в случае самовольного брака — штраф в 3 драгунских лошади⁶¹.

Служилые татары, ногайцы, сарты. Вместе с башкирами и мишарями охранную службу внутри губернии и по Оренбургской линии несло небольшое количество служилых татар, кундровских татар, или ногайцев, служилых сартов. На них лежали также подводная, почтовая и другие повинности.

Служилые татары входили в состав мишарской команды старшины Мендея Тупеева. Кундровские татары, поселенные по Сакмарской дистанции в 1767 г., с трудом налаживали свое хозяйство и на службу посылали лишь 26 чел. В 1770 г. губернатор писал об их «беднейшем состоянии» и опасался побега в Казакстан⁶².

Служилые сарты, предки которых пришли из Бухары, вначале жили в Мякотинской вол. Исетской провинции. В 1752 г., после продажи башкирами этих земель екатеринбургскому купцу Т. Коробкову под Каслинский завод, их переселили к Миасской и Еткульской крепостям. В своих прошениях на имя Екатерины II и губернаторов сарты жаловались на нехватку земли и угодий и притеснения со стороны надворного советника Я. Тоузакова, директора Троицкой таможи. В ответ про-

винциальная канцелярия отдала в 1768 г. места рыбной ловли, принадлежавшие сартам, в аренду Тоузакову, а бывших владельцев за «незаконный» промысел оштрафовала на 180 руб.⁶³

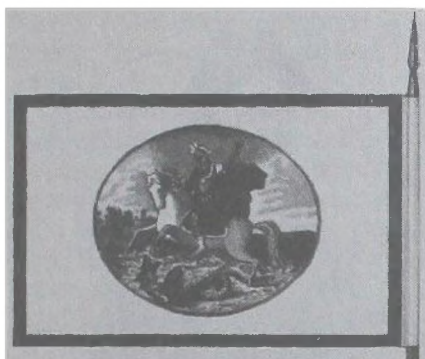
Калмыки. Основной повинностью ставропольских калмыков была служба в составе иррегулярных воинских частей. Ставропольский калмыцкий корпус (войско) делился на сотни и роты. Все командные посты занимали представители местной знати. В силу сложившихся традиций, старшины-зайсанги были ответственными распорядителями в улусах и одновременно исполняли командные роли в войске. Среди офицеров калмыцкого корпуса были полковник, 10 хорунжих, 10 есаулов⁶⁴.

Калмык. С литографии Д. Дадли. 1803 г.

Как было отмечено, калмыцкая команда в 487 человек принимала участие в боевых действиях российской армии на территории Пруссии в годы Семилетней войны. Но основным местом службы калмыков была Оренбургская пограничная линия, куда они ежегодно посылали по 1000 конников. Они были обязаны иметь строевых лошадей, на собственные средства приобретать снаряжение. Возвращаясь домой со службы, «многие принуждены были лишиться своих лошадей и оттого придти в убожество»⁶⁵.

С 1764 г. рядовым калмыкам стали выплачивать жалование по 1 рублю и провиант в объеме солдатских пайков. Но это не намного улучшило положение Ставропольского кал-

Знамя Ставропольского калмыцкого войска. XVIII в.

мыцкого войска. Переведенные в конце 1730-х гг. на земли внутри Закавказской пограничной черты, крещенные калмыки вынуждены были осваивать новые места и новый для них вид хозяйства — земледелие. И хотя земли отводилось много (242 488 дес. на 8 тысяч душ об. пола), а для обучения хлебопашеству были определены солдаты из русских крестьян, калмыки-скотоводы с трудом

входили в новую роль. Чтобы предотвратить их полное обнищание, в 1759 г. губернские власти разрешили калмыкам уходить на заработки (вначале только в зимнее время, а с 1770 г. — в течение всего года). Для разрядки обстановки в корпусе всем желающим разрешили переселиться в Оренбург, где они жили на положении «безжалованных» казаков. Показателем тяжелейшего жизненного состояния калмыков был высокий процент смертности: средняя продолжительность жизни составляла 40 лет. Губернская канцелярия вынуждена была признать, что бедность и крайняя нищета вели к вымиранию целых семей, проживавших в Ставрополе и уезде⁶⁶.

Яицкие казаки. Яицкие казаки, как и все российские казаки, входили в служилое сословие и относились к неподатному населению. Главным условием и своего рода залогом отбывания воинской службы было царское пожалование в вечное владение войсковых земель. Вся земля яицких казаков находилась в сословном владении и не подлежала отчуждению. Хотя с созданием в 1744 г. Оренбургской губернии земли Яицкого войска вошли в состав губернии, целостность войска как военно-административной единицы сохранялась.

Яицкие казаки пользовались и другими сословными правами и привилегиями, как общими для казачества, так и особенными, характерными только для них. Первым в том ряду было право личной свободы. На Яике не было крепостного права, юридически казака нельзя было закабалить. Казаки не платили государственных податей, были освобождены от многих других казенных повинностей, в т. ч. рекрутской. Государство до известной степени допускало свободу деятельности органов казачьего самоуправления, не нарушало сложившихся демократических традиций казачьей общины, в частности, —

поддерживало правовую систему найма добровольцев для отбывания воинской службы. Яицкое войско пользовалось автономией в области суда. Казаки получали царское жалованье за службу: окладное жалованье и деньги на покупку продовольствия и провианта; им выдавали порох, свинец, вино; казаки беспощадно пользовались солью. Войску было предоставлено право безоброчного рыбного промысла на Яике. Яицкие казаки обладали привилегией дважды в год направлять к царскому двору депутации, так называемые станицы, для получения «особливого награждения из казны»⁶⁷. Власти фактически признали старообрядчество на Яике. Правительство не требовало от яицких казаков единой военной формы, им разрешалось носить одежду старого казачьего покроя. Служащим казакам разрешено было носить бороды.

Казаки дорожили своими личными правами и привилегиями. История яицкого казачества XVIII в.— полоса активной борьбы казаков за сохранение привилегий перед лицом прямой угрозы и наступления самодержавия на их свободы и самоуправление.

Основной обязанностью и повинностью казаков в пользу государства была воинская служба. Правительство было заинтересовано в казачьей службе, ибо казачьи команды отличались хорошей подготовкой, дисциплинированностью, верностью воинскому долгу. К тому же их служба обходилась значительно дешевле, чем содержание регулярной армии. Яицкие казаки участвовали практически во всех войнах России, начиная с середины XVI в. Они также несли внутреннюю службу, охраняя Нижнеяицкую дистанцию от вторжения казахов и, наоборот, преграждая калмыкам путь на левый берег Яика. В Яицком городке войско держало резервную команду. Во внешнюю службу входила охрана Кавказской линии крепостей в Кизляре, командировки за пределы войска по специальным требованиям правительства. В 60—нач. 70-х гг. на линейную службу по Яику ежегодно направлялось свыше 1700 чел., в Гурьев — 300—500, в Яицкий городок в резервную команду — 300—500, на Кавказ — от 400 до 1000 чел.⁶⁸ Самодержавие широко использовало казаков в карательных целях: их посылали на подавление народных восстаний, в том числе башкирских, в погоню за калмыцкими и казахскими отрядами, нарушителями границ.

Служба была обязательна для всех казаков. Уже с 17 лет юноши выполняли различные обязанности по войску, в 20 — зачислялись в служащие казаки. До принятия положения о Яицком войске в 1802 г., предусматривавшего 25-летний «термин» службы, сроки последней не были определены законода-

Казаки в походе. Рис. XVIII в.

тельством. Казаки обязаны были нести службу до глубокой старости, освобождались от нее лишь при тяжелом заболевании или увечье.

Порядок отбывания воинской службы на Яике имел свои особенности и отличался от правил других казачьих войск. Два раза в году перед севрюжьей плавней (в марте) и по завершении ее (в июне) в Яицкий городок съезжались почти все казаки. Здесь на общих собраниях-кругах они нанимали за деньги добровольцев из числа своих же казаков, заявивших о желании нести службу. Войсковое начальство, сообразуясь с требованиями правительства, заранее определяло, от какого числа казаков-нанимателей должен быть выставлен человек. Наниматели платили охотнику служить «подмогу», сумма которой зависела от сложности командировки, удаленности места назначения от дома, стоимости обмундирования и лошади, от спроса и предложения. Так, наемник от 5 казацких семей на Кавказ обходился в 100 и более рублей⁶⁹.

Наемка сложилась в казачьей общине как вполне справедливое распределение обязанностей между казаками на основе взаимного соглашения и торга. Идущий на службу получал от своих общинников некую сумму денег, которую мог использовать для укрепления хозяйства, на покупку лошади и т. п. Но с ростом экономического неравенства внутри общины наемка утратила форму свободного соглашения, обернулась тяжелой повинностью. Старшины, владельцы крупных хозяйств старались любым способом (главным образом, путем подкупа войсковой канцелярии) избавиться от службы в отдаленных крепостях. Казакам же, вернувшимся после длительной команди-

ровки в свои разоренные дома, зачастую не на что было поднимать хозяйство, приобретать снаряжение для ловли рыбы и т. п. Поэтому они вынуждены были вновь наниматься на службу. Как писали казаки в своем наказе в Уложенную комиссию, на службе «тягость и труды они несут немалые», но нанимались, «потому что уже обойтись нельзя»⁷⁰. Таким образом, несение воинской повинности перекладывалось богачами на плечи беднейшей части казачества. И все же казаки упорно отстаивали систему наемки от посягательств властей. В их глазах наемка олицетворяла исконное право общины самой решать вопрос о порядке распределения повинностей. Тем более, что наемка внешне выглядела как справедливая акция, основанная на свободном соглашении между нанимающимися и остальными членами общины, на равномерной раскладке между общинниками денежной суммы, предназначенной для добровольца. Немаловажным фактором здесь было и то, что выборы «охотников» служить происходили на казачьем круге без вмешательства властей. С другой стороны, и правительство имело свои выгоды от наемки. Во-первых, денежная помощь обеспечивала казаку хорошее воинское снаряжение и обмундирование, во-вторых, добровольцы, нанимавшиеся по несколько раз, становились фактически профессионалами военного дела. Поэтому, несмотря на неоднократные попытки отменить обозначенную систему, она сохранилась до 1883 г.⁷¹

В 1760 — нач. 1770-х гг. Яицкое войско делилось на 7 полков по 500 человек рядовых при 8 начальниках. Полковые старшины назначались войсковой канцелярией; должность сотников была выборной. В связи с тем, что естественный прирост Яицкого войска шел медленно, к войску были причислены сверхштатные (или своекоштные) казаки, т. е. те, кто служил без жалованья. В основном это были казахи, калмыки, татары, немного башкиры, наделенные, кроме жалованья, всеми правами и привилегиями служилых казаков и разделявшие с ними все тяготы царской службы. В Яицком городке своекоштные казаки составляли около тысячи человек. В 1772 г. подполковник И. Д. Симонов учредил войску новый штат, в соответствии с которым оно было поделено на 10 полков по 533 человека⁷².

В военном отношении войско с 1721 г. подчинялось Военной коллегии, в административном — оренбургскому губернатору. С 60-х годов для усиления контроля над казаками в Яицкий городок, крепости и форпосты стали назначать офицеров и размещать солдат регулярных войск.

Дважды в году устраивался смотр служащих казаков. Атаман и старшины проверяли военную выучку, вооружение ка-

зака, состояние лошадей. Много времени уделялось подготовке молодых казаков: обучению строю, владению оружием. По записям очевидцев, казаки «с малых лет привыкают ко всяким трудным упражнениям и, употребляя огнестрельное оружие и копье, искусно стреляют из луков»⁷³. Надо отметить, что помимо воинского искусства, детей обучали грамоте. Правда, это были, в основном, дети старшин и «знатных» казаков, которых по вступлении в службу производили в урядники или хорунжи⁷⁴.

Воинская повинность была тяжела. Казаки обязаны были держать или покупать строевых лошадей и на службу являться «о двуконь», с запасом провианта, вооруженными за свой счет саблями, ружьями-«турками», сайдаками, копьями. Войны и пограничные перестрелки уносили много жизней. Гибли и лошади — в боях, длительных переходах, от болезней, и нужно было приобретать новых опять же за свой счет. Длительная отлучка казаков пагубно сказывалась на состоянии их хозяйств, на семьях, остающихся часто без пропитания. Даже те, кто служил на Яицкой дистанции, не могли отлучиться с форпостов, чтобы закупить продовольствие себе и семьям.

Правительство же платило казакам за их службу мизерные суммы — 60—70 коп. в год на служащего. Денежное жалованье на 3196 человек (по переписи 1723 г.) составляло 1500 руб., а хлебное жалованье — от 600 до 1000. Так, по распоряжению Главного кригс-комиссариата Оренбургской губернской канцелярии от 12 апреля 1770 г. Яицкому войску было выдано «годовое число денег 3494 руб. 90 коп.»⁷⁵. Кроме того, на всех служащих выдавалось 70 пудов пороха, по 1 фунту свинца на казака. Жаловалось войску ежегодно 100 ведер вина. Но эти пожалования не распространялись на илецких и сверхштатных казаков. Командированные в отдаленные места яицкие казаки, как и донские, получали дополнительное денежное жалованье: рядовые по 1 руб., старшины, есаулы, хорунжие, сотники, квартирмейстеры по 1,5, полковники — 100 руб., походные атаманы — 200 руб. в месяц, а также провиант (муку и крупу) и фураж для лошадей на зимние месяцы. Тысячной команде, несшей попеременно службу по Яицким дистанциям, вблизи от дома, в выплате жалованья и в фураже было отказано⁷⁶.

Но несмотря на тяжесть службы, казаки гордились жалованной им привилегией защищать границы Отечества, и стремление правительства перевести их в «регулярство» встречало ожесточенное сопротивление. Так, Екатерине II в 1770 г. пришлось отменить распоряжение Военной коллегии о вклю-

Отдых казака. С акварели А. О. Орловского

чении 334 яицких казаков в состав формируемого московского легиона.

К войсковым повинностям относились и строительные работы. Казаки строили крепости, форпосты и редуты по Нижне- и Верхнеяицким дистанциям, занимались ремонтом зданий и укреплений. Они были обязаны прокладывать и поддерживать в порядке дороги, наводить мосты и т. п. Так, в 1740-х гг. казаки построили Калмыкову и Кулагину крепости, где содержали гарнизоны до 500 человек. В 1767 г. им было велено отстроить сгоревшую Баксайскую крепость⁷⁷.

Обременительной была и подводная повинность. Казаки были обязаны возить чиновников и арестантов, давать подводы для перевозки провианта и фуража. Они сопровождали по территории войска и за ее пределами русских и иностранных купцов, научные экспедиции и правительственных послов. «Гоньбу подводную», как и службу, казаки отправляли «на своем коште», терпя, к тому же, насилие и издевательства со стороны военных и гражданских чиновников. Об этом они писали в своих челобитных и наказах в Уложенную комиссию 1767 г. Состоятельные казаки за взятки и подношения канцелярии избегали этой повинности.

Обязанностью казаков было обслуживание почтовых дорог от Яицкого городка до Гурьева и от Яицкого городка до кре-

пости Рассыпной, содержание почтовых станов, где нужно было иметь достаточное количество людей и хороших лошадей «с хомутом, сбруей и экипажем». При этом нужно учитывать, что старшинская верхушка переключивалась на плечи рядовых казаков основной объем натуральных повинностей, а также разнообразных налогов.

Значительными были всевозможные денежные сборы. В 1753 г. казакам был передан на откуп гурьевский казенный рыбный учуг*, перенесенный ими к Яицкому городку. На откупе у казаков были и питейные сборы в Гурьеве и Яицком городке. В 1766 г. арендная плата за учуг и питейные заведения составляла 6117 руб. 27 коп.⁷⁸ В 1759 г. Яицкому войску был передан в аренду таможенный сбор с соленой рыбы и ее продуктов с торгов в Самаре, Сызрани, пригородках Сергиевске, Алексеевске и на Батрацкой ярмарке, а также в Оренбурге и по линейным крепостям. Арендная плата равнялась 5003 руб. 84,5 коп. Этот взнос войско платило до 90-х годов XIX в. Сбор денег с казаков для выплаты арендной суммы войсковое начальство производило, допуская массу злоупотреблений. Обычно собирали в несколько раз больше. Так, соляной сбор приносил прибыли до 20 тыс. руб. в год⁷⁹. Но в собранных деньгах канцелярия перед кругом не отчитывалась. Это было одним из поводов к недовольству и волнениям среди казаков. По данным губернских властей, на войске постоянно числилась недоимка. За 1759—1768 гг. не было выплачено за десятилетний соляной сбор 7464 руб. 65 коп., а на январь 1773 г.— 5837 руб. 81 коп.⁸⁰

Казаки платили дань на содержание войсковой канцелярии. С участников наилучшего лова — багрения собирались так называемые «домоседные деньги», которые шли атаману, старшинам, священнослужителям, канцеляристам, т. к. они не участвовали в ловле. Сумма была значительной. В 1760 г. она составила 4593 руб. для 60—70 человек⁸¹. С казаков же собирали чрезвычайные налоги на строительство зданий войсковой канцелярии, церквей и др. Казаки должны были выполнять общественные работы по устройству учугов (установка, разборка, надзор за исправностью, подвоз камней для укрепления дна и т. п.).

Натуральные подношения царскому двору считались почетной обязанностью казаков. Ежегодно в Петербург на собственных подводах казаки возили рыбу, икру, арбузы, диких животных для придворного зверинца. По указу Главной дворцовой канцелярии от 14 декабря 1753 г. Яицкому войску было велено поставлять ко двору до 800 осетров и белуг «свежую и просольною», а также икру. Натуральных подношений требо-

вали губернатор, другие губернские чиновники, местное войсковое начальство⁸².

Большие расходы несло войско, обслуживая чиновников следственных комиссий и сопровождавших их воинских команд. С начала 60-х годов на Яике работали комиссии, разбиравшиеся в причинах раскола войска и противоборства двух партий — старшинской «послушной» и войсковой «непослушной». По документам войсковой канцелярии, к июлю 1769 г. сумма расходов на провиант и фураж составила 44 120 руб.⁸³

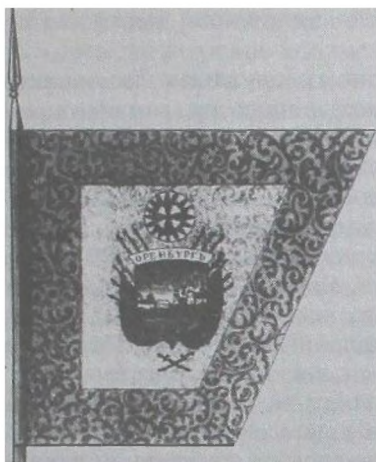
Как видится, жизнь казаков на Яике была нелегка. Опасная и разорительная для казачьего хозяйства воинская служба, обременение казаков многочисленными государственными и войсковыми повинностями, а также вмешательство центральных и губернских властей в войсковые распоряжки, ограничение «вольности» казаков вели к снижению уровня их экономического благополучия, сказывались на социальном и правовом положении.

Оренбургские казаки. Главной обязанностью оренбургских казаков была военная служба. Оренбургское казачье войско являлось составной частью иррегулярных войск страны и находилось в ведении Военной коллегии. Вопросы непосредственной организации службы решались оренбургским губернатором, войсковым атаманом и командирами регулярных войск, расположенных в крепостях.

Первоначальную структурную организацию войска определил штат 1755 г. В состав войска было включено 4877 служащих казаков, разделенных на три разряда. Служащие казаки Оренбурга и Бердской слободы, общим числом 1000 рядовых и 94 чиновных, составили Оренбургский нерегулярный корпус. Они содержались за счет казны и входили в разряд жалованных. Войсковой атаман получал в год 120 руб., войсковой есаул — 50, сотник — 30, писарь — 24 руб., рядовые — по 15 руб. При длительных командировках им выдавался провиант «против солдатских дач»⁸⁴.

К разряду маложалованных относились 703 служащих казака, проживавшие в Уфе и в Оренбургском уезде в крепостях по Яику. Их атаманы получали 9—12 руб. в год, сотники — 7—8, писари — 6, рядовые — 3—4 руб.⁸⁵ Жалованье шло только на воинскую справу.

Третью, самую многочисленную группу оренбургского казачества — 3080 человек, составляли безжалованные казаки, несшие службу полностью за свой счет. В нее входили казаки Уфимской и Исетской провинций и Ставропольского уезда, которые, вместо жалованья, должны были «довольствоваться от земель и промыслов своих». Лишь при командировании в

Войсковое знамя Оренбургского казачьего войска (пожаловано 21 мая 1756 г.).

Малое войсковое знамя Оренбургского казачьего войска (пожаловано 21 мая 1756 г.).

отдаленные места (не ближе 100 верст) безжалованным и маложалованным казакам, в соответствии с указами Сената от 30 октября 1758 г. и 15 марта 1761 г., выплачивалось жалованье⁸⁶. Атаманы и сотники получали по 1,5 руб. в месяц, рядовые — по 1. Маложалованным дополнительно выдавали солдатскую месячную норму провианта, а зимой — фураж на лошадей⁸⁷. Как видится, одна из основных казачьих привилегий — царское жалованье за службу — существовала здесь в сильно урезанном виде.

В службу записывали с 17 лет, и сроки ее не были определены. Увольнение получали больные и дряхлые казаки. Так, войсковой атаман В. И. Могутов дал отставку, как оказал величайшую милость, елдякским казакам Ф. Сусанину, 72 лет, оглохшему и полузрячему, и Д. Гуляеву, который «весь от болезни высох»⁸⁸. Несмотря на старость и тяжелые болезни, все, просившие об отставке, должны были являться для осмотра к войсковому атаману.

Казакам Оренбургского нерегулярного корпуса вменялось в обязанность быть «во всегдашней готовности к выступлению для всяческих чрезвычайных случаев и командировок». Большая часть казаков корпуса постоянно была на службе. По указам Военной коллегии, маложалованные казаки были обязаны выставлять на службу не более $\frac{1}{3}$ состава, безжалованные — не более $\frac{1}{4}$, остальные «упражнялись в хозяйстве». Однако ее же инструкциями предусматривалось — «в крайней нужде»

призывать столько, сколько потребуется. Случалось, на службу брали более половины маложалованных и безжалованных казаков. Как и в других казачьих войсках, очереднику разрешалось нанимать на службу вместо себя «охотника».

Казаки обязаны были «безотговорочно» являться на службу в полной готовности: с ружьями, саблями, пиками, сайдаками и двумя лошадьми. Нужен был и запас продуктов, а лучше деньги. На летней службе лошади сильно истощались, разбивали ноги, болели; их приходилось выбраковывать. Вместо павших нужно было покупать новых за свой счет. Местные власти требовали, чтобы малоимущим казакам оказывалась помощь от казачьего общества. Атаманы крепостей собирали «подмогу» по раскладке. При этом деньги взимались как со служащих, так и с отставных и малолетков. Снарядить казака было нелегко, особенно для маложалованных и безжалованных. В ходе осмотра войсковым атаманом Могутовым казаков Уфимской провинции в 1755—1756 гг. выяснилось, что «одна треть из них были без лошадей, ибо люди бедные и без жалования служат». Было выявлено, что у казаков и вооружение оставляло желать лучшего: «ружья огненного мало, а у кого есть, то старья фузеи драгунские, выданные от казны еще при поселении»⁸⁹. Обозначенное относилось и к исетским казакам.

Встревоженные состоянием вооружения казаков губернатор и атаман войска организовали доставку ружей с тульских заводов. В 60-е годы казакам было продано около двух тысяч ружей-турок. Имеются сведения, что за 906 ружей с них было взыскано 2087 руб.⁹⁰

Для поддержания в казаках боевой готовности атаманы крепостей каждое лето проводили «казацкую экзерцицию: пеших приводить на бой в цель, так и на лошадях на всем скаку»⁹¹. Войсковой атаман лично объезжал крепости для «осмотра и обучения». В нескольких крепостях были открыты слесарные мастерские для починки оружия. Кордонная служба способствовала выработке у казаков военных навыков и сноровки, воспитанию мужества. Своими боевыми успехами казаки были обязаны внезапности нападения, применению одношеренгового строя, лавы. Особой выносливостью и неприхотливостью отличались их лошади. Вот как характеризовали служилое казачество историки Оренбургского казачьего войска: «Пограничная жизнь среди постоянных тревог и опасностей, но в постоянной борьбе с враждебными кочевниками, приучила казаков к смелым разведкам на дальния расстояния, причем им приходилось приспосабливаться разного рода домашним и походным лишениям, и развило в них военную смекалку. Постоянная бдительность на сторожевой службе и всматрива-

ние вдаль развивало у казаков зрение; большие переезды по степям, часто без дорог, приучали казаков быть наблюдательными и запоминать даже незначительные предметы на пройденном пути, в темные ночи изучать положение звезд и по ним находить направление. Все это выработало из казаков смелых и сметливых наездников»⁹². Эту оценку можно отнести ко всем служилым людям, населявшим край.

Оренбургские казаки несли службу на огромной территории Оренбургской губернии: в 50 крепостях, 22 форпостах и 18 редутах⁹³. Особого внимания требовала служба по охране границы Российской империи. Вместе с регулярными частями и отрядами башкир, калмыков, мишарей, служилых татар они располагались в военных укреплениях вдоль границы с Казахстаном от крепости Рассыпной до Алабужского отряда в Сибири, расстояние между которыми составляло более 1100 верст⁹⁴. Если в середине века на так называемую «летнюю» службу на Оренбургскую пограничную линию отправлялось по 1000 оренбургских казаков, то в 1770 г. здесь уже служили 2000 казаков (737 исетских, 597 уфимских, 400 оренбургских, 266—из крепостей по Яику и Самаре)⁹⁵. Учитывая мобильность казачьих отрядов, их превосходство перед регулярными войсками «в поисках и посылках», Военная коллегия возложила на казаков караульную службу по линии. Гарнизоны крепостей из регулярных войск служили, в основном, для защиты крепостей. А казаков использовали «в отводные караулы, разъезды, партии, конвой и иных, по их обыкновению и потребности»⁹⁶.

Казаки собственно Оренбургского корпуса, состоявшего из 10 рот, несли охрану Оренбурга и летних торгов около города от «всяческих продерзостей» со стороны «киргиз-кайсацкого, яко же и из других степных и азиатских народов»⁹⁷. Для сторожевой службы и «разъездов в степь» корпус выделял половину своего состава. Но и остальные люди привлекались к участию в различных нарядах. Так, в 1767 г. из тысячи корпусных казаков «налицо» в Оренбурге находилось всего 252. В обязанности корпуса входило сопровождение посланников российского правительства и губернских властей в Казахстан и Среднюю Азию и, наоборот, делегаций от казахов, бухарцев, хивинцев — в Петербург. Его же конвоиры охраняли проезжавших государственных чиновников и офицеров⁹⁸.

Много времени казаки тратили на переходы к месту службы и обратно, а это не входило в сроки службы. Летняя служба начиналась 1 мая, но наряды назначались уже в феврале, потому что казачьим отрядам Уфимской провинции, например, нужно было пройти до Орской крепости 518—612 верст;

маршрут движения исетских казаков до Кизильской крепости составлял 345 верст, до Орской — 479; из Самары и Алексеевска до Татищевой отсчитывали 370 верст, из Борской до Верхнеяицкой крепости — 403 версты⁹⁹.

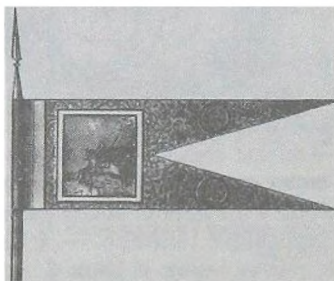
Бессменные, изнуряющие, «кровавые», по словам депутата Уложенной комиссии П. И. Бурцова, «служебные обращения» продолжались до ноября — декабря. Особенно тяжело доставалось нежалованным казакам, которые, «будучи отлучены от домов своих, чрез все летнее время и служа во всем общественным коштом, без жалованья, не только дома свои разорили, но и сами, будучи на службе, претерпевают крайний голод»¹⁰⁰. Да и жалованные казаки получали деньги и провиант нерегулярно, с задержкой до года¹⁰¹. Тем не менее казаки истово исполняли возложенные на них обязанности, видя в том свой жизненный долг. Отряды ежедневно объезжали отведенные участки границы; обустривали вдоль линии (через каждые 7—15 верст) пикеты и засады; устанавливали так называемые сима, замаскированные под натуральные кусты изгороди из тонких ивовых прутьев (разорванная сима говорила о нарушении границы). Казаки выставляли стражу вокруг пограничных крепостей, охраняли жителей во время полевых работ, а также пасущиеся табуны лошадей и стада рогатого скота. Опасными были продвижения в глубь степи при преследовании казахов, нападавших на местных жителей и отгонявших их скот.

Полная превратностей служба казаков в степи усугублялась противоправными действиями командиров гарнизонных войск.

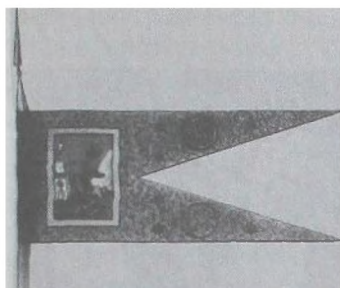
До 1768 г. на Оренбургской пограничной линии стояли шесть полков. Затем три из них были выведены из губернии,

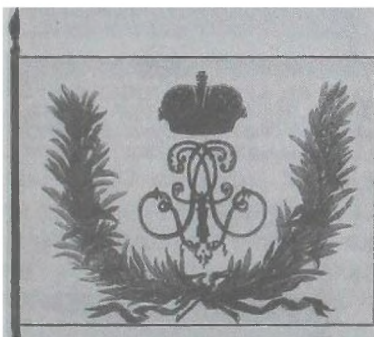
Знамя уфимских казаков, входивших в состав Оренбургского казачьего войска

Знамя уфимских казаков

Знамя уфимских казаков

Знамя самарских казаков, входивших в состав Оренбургского казачьего войска (пожаловано 17 мая 1735 г.).

и на линии остались Билярский, Сергиевский и Шешминский полки. Для централизации управления войсками линия была разделена на 8 дистанций — Самарскую, Сакмарскую, Нижнеяицкую, Красногорскую, Орскую, Верхнеяицкую, Нижнеуйскую и Верхнеуйскую, включавших 33 крепости. Во главе дистанций стояли коменданты из армейских офицеров, которым подчинялись и регулярные, и нерегулярные войска. К тому же, коменданты дистанций были наделены широкими полномочиями в системе управления и судопроизводства и решали «такие дела, как провинциальным воеводам поручены»¹⁰².

Коменданты дистанций регулярно проводили смотры казачьим командам и ежемесячно докладывали о состоянии войска оренбургскому генералитету. Они же вели судебные процессы и могли без всякого суда посадить под арест казаков, даже чиновных, отрешить их

от должности. Люди, имевшие отпускные паспорта, не могли отлучиться без прямого разрешения комендантов дистанций и крепостей. Считая казаков своими подчиненными, коменданты крепостей заставляли их без какой-либо платы обслуживать гарнизонные команды, строить конюшни и дома, возить дрова, заготавливать корм для лошадей, чистить улицы и даже работать на себя, как крепостных и дворовых — на помещика¹⁰³. Много было злоупотреблений со стороны офицеров регулярных войск при отводе казакам пахотных земель и сенокосов.

Помимо назначения на границу, казаков использовали в карательных экспедициях. В 1755 г. их посылали на подавление башкирского восстания и для поимки беглых крестьян. В 1771 г. совместно с регулярными войсками и башкирскими командами оренбургские казаки преследовали в казахских степях калмыков, ушедших из России в Китай. В 1772 г. несколь-

ко сот оренбургских казаков было придано правительственным войскам, прибывшим для подавления восстания яицких казаков. Ставропольские, самарские, алексеевские казаки не раз посылались в калмыцкие улусы «для поддержания порядка».

Свободные от линейной службы казаки выполняли другие повинности, не менее тяжкие.

В соответствии с указом губернатора И. А. Рейнсдорпа с 1770 г. на оренбургских казаков была возложена охранная служба на соляных пристанях и винокуренных заводах. Как извещал губернатор войскового атамана, оплата должна была производиться за счет Главного соляных дел правления и владельцев заводов¹⁰⁴. На деле казаки не только ничего не получили за работу, но подверглись издевательствам и преследованиям со стороны местных начальников. В своем рапорте от 10 августа 1770 г. войсковой старшина В. И. Могутов писал губернатору, что нагайбакские казаки охраняли денежную казну и соляные магазины на Шешминской и Чистопольской пристанях «на своем коште и без прогонов». Вдобавок их еженедельно определяли «в разные посылки ... на собственных лошадях верст за сто и далее». Платой были лишь побои и бесчинства секунд-майора Е. Т. Лопатина¹⁰⁵.

На маложалованных и безжалованных казаках лежала повинность участвовать в строительных и ремонтных работах в тех крепостях, где они проживали, а также в Оренбурге. Казаки на своих лошадях подвозили лес и строительные материалы. За тяжелое камнетесное, глинопромывальное дело, перевозку камня, земли, бревен исетским казакам платили в день по 10 коп. за работу с лошадей и по 5 — пешим. Уфимские казаки за подвоз бревен получали по 2 коп. в день летом и 1,5 зимой. Казаки жаловались, что во время заготовки стройматериалов «по отдаленности от домов в пропитании себя и в кормлении лошадей несут немалую нужду»¹⁰⁶. Помимо «положенных» работ при возведении различных укреплений, коменданты внутренних крепостей заставляли казаков «городить» административные здания, казармы и конюшни регулярных частей.

Своекоштные казаки также несли службу, назначались в караулы, подряжались в строительные команды. В службе они не получали никакого вознаграждения, но были освобождены от подушного налога.

На оренбургских казаках лежали и почтовая, и подводная повинности. Казачьи общины выделяли почтарей со сменой понеделно. Возили почту по главным дорогам Оренбург — Казань, Оренбург — Уфа, Оренбург — Верхнеяицкая крепость и между крепостями; возили на своих подводах, но прогонных

денег казакам мало кто платил¹⁰⁷. Без оплаты наряжали они свои подводы с проводниками на доставку провианта в крепости, различных грузов в места дислокации воинских частей. Быстрый рост внутренних связей в крае (прежде всего, экономических), активизация передвижения и перевозок вели к увеличению объема повинностей казаков. Войсковому атаману поступало немало жалоб «о чрезмерном отягощении гоньбою почты и подвод». Например, казаки крепости Рассыпной показывали, что они «повседневно» давали подводы на три дороги: к Илецкому городку (25 верст), Новосергиевской крепости (60 верст), Татищевой (60 верст)¹⁰⁸. Оренбургское почтовое правление, обязанное частично оплачивать казакам прогоны, обманывало их. Из рапорта войсковой канцелярии губернатору Бахметеву видно, что почтовые чиновники недодали казакам за период с 1757 по 1799 гг. 12 561 руб. 14 коп. прогонных денег¹⁰⁹.

Не были свободны казаки и от постоянной повинности. Действовало распоряжение губернатора И. И. Неплюева использовать их дома «для проезжающих по казенным надобностям» военных и гражданских чиновников¹¹⁰.

Нелегкой была и почетная обязанность казаков снабжать царский двор убоиной и дичью. Ежегодно снаряжались группы охотников для отстрела диких кабанов и птиц; промысловые трофеи затем доставлялись в Петербург самими же казаками¹¹¹.

С казаков взимались и денежные сборы. На расходы войсковой канцелярии шли 5- и 10- копеечные сборы за паспорта и увольнительные билеты. Исетские казаки прямо платили по 10 коп. с головы на содержание атамана и канцелярии¹¹².

Помимо официальных государственных повинностей, казаки были вынуждены исполнять немалые задания местных властей. Так, Уфимская провинциальная канцелярия заставляла казаков доставлять в Уфу строительный лес, гнать смолу и деготь, жечь уголь. Казаки Уфимской и Исетской провинций драли лубок для покрытия казенных складов. Красноуфимские казаки строили «казенные суда» и возводили переправы, молотили казенный хлеб, возили его на мельницу. В Троицкой крепости казаков назначали на унизительную для них работу — отапливать торговые бани. Другими словами, казаков вынуждали исполнять «несходные с их званием службы»¹¹³. А, как извещал власти войсковой атаман, «к домового их экономии, к пашне и другим промыслам время им не остается»¹¹⁴. С горечью говорил об этом же депутат оренбургского казачества в Уложенной комиссии: казаки «пришли в совершенное убожество, в бедное состояние и тем потеряли свою славу»¹¹⁵.

Положение усугублялось наступлением поместного дворянства и чиновничества на казачьи земли, всякого рода нарушениями в управлении.

Атаманы при крепостях жаловались в войсковую канцелярию и губернским властям на отставных армейских офицеров, заводивших хутора с пашнями и сенокосами на землях казаков. Так, в 1765 г. большие участки были отмежеваны поручикам Спичинскому и Понурину, камер-юнкеру Обухову, прокурору Колчину. Из дач челябинских казаков землю получили чиновники и служители провинциальной канцелярии, солдаты местного гарнизона¹¹⁶.

6 марта 1768 г. на Большом собрании Уложенной комиссии казачий депутат П. И. Бурцов выступил с критикой сложившегося положения и конкретными предложениями по улучшению порядка судебного разбирательства в казачьем войске. «Есть еще смешение в судопроизводстве,— говорил Бурцов. — ...Одно дело судится в силу воинских регул, другое же — гражданским судом. В прошлом в 1767 г. во всем Оренбургском казацком корпусе происходило такое разногласие. Жители этого края то подчинялись полевому генералитету, то поступали опять в ведение Оренбургской губернской канцелярии». Действительно, принадлежа в качестве военного сословия юрисдикции армейского суда, по гражданским делам казаки вынуждены были обращаться в провинциальные канцелярии. А там «я с ужасом видел,— продолжал Бурцов,— что многие казаки, снося свои обиды, остаются без просьбы и без удовлетворения, а другие, которых долгое время волочат по делам, доводятся до крайней бедности и совершенно до разорения, так что и поправиться не могут и, понапрасну страдая, видят свою гибель». Предвосхищая многие демократические установления далекого будущего, Бурцов предложил при выработке нового свода законов России предусмотреть создание специальных казачьих войсковых или полковых канцелярий, наделив их широкими правами. По его мнению, все казачьи войска в России должны были иметь «одинаковое узаконение» и специальный орган управления¹¹⁷.

Сословные привилегии, владение землей и угодьями и другие экономические преимущества не спасали большинство служилого населения от нужды и беззакония властей.

Дворяне. На карте классов и сословий края особое положение занимало дворянство. Вся внутренняя политика феодально-крепостнического государства была проникнута духом сословности. Население страны делилось на дворян, «благородное» сословие, и всех остальных, определяемых как «подлые». Дворяне наделялись монопольным правом на владение

землей и крепостными крестьянами, могли строить фабрики и заводы, торговать оптом. Они были освобождены от подушной подати, рекрутской повинности и постоя. Законодательно закрепленные права и привилегии дворянства обеспечивали ему господствующее положение в социально-экономической и политической жизни страны.

Хотя, по данным Оренбургской губернской канцелярии на 1770—1771 гг., в губернии «помещиков, разного чина людей и отставных обер-офицеров и неслужащих дворян» было всего 346 душ м. п.¹¹⁸, в их руках сосредоточивалось все управление краем, они владели значительными земельными угодьями, тысячами крепостных крестьян. Следует заметить, что все заводладельцы, среди которых, как говорилось выше, было несколько крупных дворянских фамилий, и купцы, получившие право на потомственное дворянство, относились к дворянству других губерний. На временную службу на должности губернаторов, воевод, прокуроров также присылали дворян из других, в основном из западных и центральных, районов страны. До середины XVIII в. Южный Урал оставался районом с немногочисленным и экономически слабым военным дворянством. В 1718 г. в Уфимском уезде было 75 дворян-дусевладельцев. Через три десятилетия в Оренбургской губернии в целом было 144 помещичьих имения с 2213 крепостными крестьянами мужского пола¹¹⁹. Развитию крупного дворянского землевладения в крае, особенно в Уфимской провинции, препятствовало вотчинное право коренных жителей — башкир. Кроме того, в губернии было мало земледельческого населения, минимально необходимого для крепостнического хозяйства¹²⁰.

Политика царизма, направленная на укрепление господствующих позиций в крае, дает во второй половине века сильный стимул помещичьей колонизации. Конкретно тому во многом способствовал указ 11 февраля 1736 г., разрешавший башкирам продавать свои земли: он создал условия для открытого грабежа вотчинных угодий помещиками и заводчиками. Широко практиковалась также раздача земель уходящим в отставку гарнизонным офицерам. Результатом всего этого было увеличение земельных владений местного дворянства. Интересно тут отметить, что наказы депутатов в Уложенную комиссию от дворян Уфимской провинции и Оренбургского уезда не содержат жалоб на недостаток пашни. Зато они зарились на башкирские леса с пчелиными бортями и места рыбной ловли, которые исконные хозяева сдавали в оброк крестьянам¹²¹.

Более или менее полные сведения о количестве дворянских семей в 70-х гг. XVIII в. содержит «Список ... о находящихся в Оренбургской губернии с провинциями и городами дворянах

и чиновных людях, претерпевших от толпы ... Пугачева разорение, сколько за кем недвижимого имения состоит и на сколько по цене разграблено и разорено и чем кого наградить разсуждается». Документ был составлен в губернской канцелярии по спискам, присланным воеводами и предводителями дворянства, и отослан главнокомандующему карательными войсками П. И. Панину вместе с рапортом И. А. Рейнсдорпа от 12 февраля 1775 г.¹²² (далее в тексте: список Рейнсдорпа). Учитывая антикрепостническую направленность Пугачевского движения, охватившего всю губернию, можно говорить о том, что документ включает большинство имений и дает достаточно верное представление о масштабе помещичьей колонизации края.

Из списка Рейнсдорпа, включавшего 295 семей, в канцелярии Панина для выдачи денежного возмещения выделили 277 фамилий. Были составлены два документа, в которых потерпевших разделили на несколько категорий. Названные источники позволяют выявить структуру губернского дворянства.

Самыми высокими военными чинами — IV класс по «Табели о рангах» — обладали 2 человека (генерал-майоры). К V—VIII классам (штаб-офицеры по нисходящей от бригадира до майора, гражданские — от статского советника до коллежского асессора) относились 66 человек. К шести низшим — IX—XIV классам (обер-офицеры от капитана до прапорщика, гражданские — от титулярного советника до коллежского регистратора) — 134 человека. Среди обер-офицеров большинство — 83 человека — были подпоручики, прапорщики или их вдовы. Всего в классных штаб- и обер-офицерских чинах и приравненных к ним гражданских чинах состояло 202 человека. Остальные 75 человек были в «нижних воинских и статских чинах»¹²³. Особенностью структуры губернского дворянства было преобладание военных чинов. Подсчеты, сделанные по списку Рейнсдорпа, показывают, что из 295 фамилий 240 были служащими и отставными офицерами или вдовами офицеров¹²⁴.

Этот же источник содержит сведения о душевладельцах и их крестьянах. В имениях 237 помещиков было 8732 крестьянина мужского пола. По остальным 58 семьям данных о наличии у них крепостных крестьян нет.

Больше всего крепостных было у помещиков Ставропольского уезда, где 45 семей имели 3271 душу м. п. Далее следует Оренбургский уезд: 44 семьи владели 2398 душами м. п., и Бугульминское ведомство: здесь 45 семей владели 1775 душами м. п.¹²⁵ Намного меньше крепостных было в Уфимской про-

винции: в 97 имениях — 1047 душ м. п.; еще меньше в Исетской: в 8 имениях находилась 241 душа м. п.¹²⁶ Приведенные сведения говорят о том, что наиболее интенсивно помещичья колонизация захватила плодородные западные районы губернии: Ставропольский уезд и Бугульминское ведомство. В Зауралье помещичье хозяйство оставалось слабым.

О распределении крепостных крестьян по имениям можно судить по прилагаемой таблице. В губернии преобладали хозяйства с небольшим количеством крепостных: до 50 крестьян было у 192 помещиков. Объясняется это тем, что на службе в пограничном крае было много младших офицеров и чиновников низших классов, владевших несколькими душами дворовых людей и крепостных крестьян. Но появляются и большие имения, в которых помещикам принадлежало от 50 до 200 душ м. п.

Таблица 2. Распределение крепостных крестьян по помещичьим имениям Оренбургской губернии

	Количество дворянских семей	Семьи, не имеющие крепостных в губернии	Крепостные крестьяне в помещичьих имениях				Свыше 200 душ м. п.
			До 10 душ м. п.	11—50 душ м. п.	51—100 душ м. п.	101—200 душ м. п.	
Уфимская провинция	140	43	64	30	3	—	—
Ставропольский уезд	58	13	9	20	8	6	2
Бугульминское ведомство	45	—	8	26	7	4	—
Оренбургский уезд	44	2	13	16	5	6	2
Исетская провинция	8	—	3	4	1	—	—
Всего по губернии	295	58	97	96	24	16	4

Самыми крупными душевладельцами в крае были полковник А. Зубов и бригадир князь Н. Долгоруков, имевшие в Ставропольском уезде соответственно 956 и 454 душ м. п. Кроме того, за Зубовым и в других губерниях числилось 877 душ м. п.¹²⁷ Коллежский советник И. Л. Тимашев владел в Орен-

бургском уезде двумя селами с 395 душами м. п.¹²⁸ У атамана Оренбургского казачьего войска В. И. Могутова было 307 крепостных мужского пола¹²⁹.

Как видно из таблицы, наибольшее количество семейств, не имевших крепостных крестьян, проживало в Уфимской провинции. Среди уфимских дворян значительный процент составляли «нижние воинские, статские и медицинские чины»: вахмистры, квартирмейстеры, сержанты, драгуны, коллежские регистраторы и др. Некоторые имели крепостных, но в 34 семьях их не было вовсе. Сведений о количестве крепостных у 9 отставных классных офицеров в списке Рейнсдорпа нет. По 13 имениям Ставропольского уезда также нет точных данных о крестьянах.

В списке Рейнсдорпа содержатся сведения о семьях, державших крепостных в других губерниях. Как выясняется, 21 помещик Ставропольского уезда имел за пределами нашего края 1731 душу м. п., 12 помещиков Оренбургского уезда — 1178 душ м. п. (нет данных еще по 2 имениям), 5 помещиков Уфимской провинции — 122 души м. п. В Бугульминском ведомстве 18 семей имели крепостных в других губерниях, но количественные данные приводятся только по 6 имениям, где числилось 410 душ м. п. Всего, по неполным данным, у 44 дворян в разных уездах страны была во владении 3441 душа м. п.¹³⁰

Приведенные данные красноречиво говорят о том, что в рассматриваемое время, всего за четверть века, количество помещиков в губернии удвоилось, а число крепостных крестьян, которыми они владели, увеличилось почти в четыре раза. Это и было одним из основных и наглядных свидетельств развития крепостничества вширь, энергичного распространения его на Южный Урал, где значительная часть земель еще оставалась в вотчинном владении башкир.

Купцы, цеховые, торговые татары. Купечество как одно из развивающихся сословий феодального общества пользовалось определенным покровительством российского правительства. Ему было предоставлено право вести оптовую и розничную торговлю внутри страны и в «портах», а также строить заводы и мастрские. Интересы нарождавшейся буржуазии были тесно связаны с экономикой феодально-крепостнической системы. Государство предоставляло купечеству, особенно его верхушке, выгодные казенные подряды и откупа. Правда, оно предоставляло льготы, шло на уступки, которые не затрагивали дворянских прав, тем более, основ крепостнического строя, главного препятствия на пути развития капитализма и формирования класса буржуазии¹³¹.

Купечество Оренбургской губернии было немногочисленным и небогатым. Здесь вели основные торги на Оренбургской, Троицкой ярмарках, а также строили заводы купцы из других регионов страны. Но купцы, имевшие право гражданства в городах губернии, и торговые татары Сеитовой слободы участвовали во внешней торговле, держали в своих руках большую часть внутренней торговли. Губернское дворянство им не было серьезным соперником. Правда, в третьей четверти XVIII в. их сильно потеснили торговцы из казаков, башкир, мишарей и богатых крестьян. (Поэтому в наказах в Уложенную комиссию и выступлениях депутатов от купцов прозвучали ретроградные предложения — запретить крестьянам и служилым сословиям вести торговлю в розницу даже своими собственными продуктами и ремесленными изделиями; не позволять тем же сословиям заниматься кожевенным, мыловаренным и другими производствами на продажу. Особенно активно монопольное право купцов на торговлю в Уфимской провинции отстаивал А. М. Подъячев¹³².)

Слабость формирующегося в России в рамках господствующих феодально-крепостнических отношений класса буржуазии проявлялась, прежде всего, в том, что свои расчеты на быстрое обогащение он связывал с надеждой на получение права владеть крепостными крестьянами. Другими словами, купец или другой нувориш из «подлых» сословий хотел стать дворянином и собственником крепостных душ. Депутаты губернского купечества и торговых татар Оренбуржья поддерживали требование российских купцов в Уложенной комиссии «законом дозволить им покупать и за себя укреплять дворовых людей, по сколько ни есть человек»¹³³. Как видим, просьбы и требования купечества не носили антикрепостнического буржуазного характера.

Купцы вместе с цеховыми составляли постоянное податное население городов. Они платили подушную и оброчную подать при круговой поруке посада, несли рекрутскую повинность. В обязанности купцов входила служба головами и целовальниками при приеме и продаже соли в лавках и на складах. Челябинская ратуша, например, ежегодно выделяла по три человека для обслуживания «соляных магазинов»¹³⁴.

Купцы были обязаны держать регулярные войска на постое. Депутат оренбургского купечества И. Л. Коченев жаловался на обременительность «непрестанных» постоев, связанных с частыми передвижениями войск по линии и размещением в городе воинских частей¹³⁵. Не без сострадания к губернским купцам писал И. А. Рейнсдорп Екатерине II в 1769 г., что «находящиеся в Оренбурге 4 гарнизонных батальона поныне

не имеют никаких казарм. Следовательно, так, как и прочие проходящие команды, без изъятия расставляются у обывателей по квартирам». «Отягчающий постоя» губернатор считал одной из причин того, что в Оренбурге «никто из купцов селиться и мещанином сделаться не хочет»¹³⁶. Для расселения военачальников дома и вовсе отбирались. Так, лучший в Уфе дом купца А. М. Подъячева был на время отдан прибывшему в 1773 г. в город коменданту С. С. Мясоедову, поэтому, по «настоянию» воеводы, купцы принялись за строительство комендантского дома¹³⁷. От постоянной повинности освобождались дворяне, духовенство, заводчики, а также казачья старшина и купцы, бравшие государственные подряды и откупа. Постоянная повинность, различные посадские службы целиком и полностью ложились на второстепенных и третьестепенных купцов, цеховых людей и другие низшие слои посадского населения.

Купцы и цеховые поставляли также подводы для перевозки солдат, доставки казенных грузов, платили рублевый сбор с бань и др. Значительные налоги и сборы с купцов, натуральные повинности определенно препятствовали увеличению численности купечества в крае.

Для своего обогащения купечество широко использовало древнейшие методы эксплуатации — ростовщичество. В долговую кабалу к купцам-кредиторам сплошь и рядом попадали малоимущие из тептярей, чувашей, башкир, чернососных крестьян. А те давали займы со строгим условием отработать долг полностью или частично в их хозяйствах. Так, в 1765 г. уфимский купец А. М. Подъячев поселил на своей земле три семьи ясачных чувашей на условиях половничества за долг в сумме 70 руб. Тем самым он на 8 лет обеспечил себя работниками, которые пахали, косили сено, выращивали для него скот¹³⁸. В долговом реестре у оренбургского купца Д. Ларионова за 1768 г. значились 132 башкира разных волостей¹³⁹.

Указом Сената от 14 марта 1746 г. купцам запрещалось покупать крестьян, но они находили способы обойти запрет, ссылаясь, например, на необходимость иметь приказчиков и других слугителей в торговле.

При переселении из Казанской губернии в малообжитые оренбургские степи татарам были обещаны многие льготы и привилегии. Они получили звание торговых татар. Переселенцы основали Сеитову слободу (Каргалы), и в их «неотъемлемое владение» перешли большие земельные угодья по Сакмаре и Каргале, считавшиеся «пустопорожними», а на самом деле отнятые казной у башкир Ногайской дороги. Торговые татары были освобождены от рекрутчины и постоянной повинно-

сти. Льготы способствовали торгово-хозяйственной деятельности переселенцев, и уже через 10—15 лет среди торговых татар было много «капиталистских». К тому же, к ним тайно приписывались бухарские и хивинские купцы, которым не разрешалось беспощинно торговать в России¹⁴⁰. По размаху торговых операций в губернии сеитовские татары значительно превосходили местное купечество. Они участвовали также во внешней торговле с Казахстаном и государствами Средней Азии.

Сеитовские татары поначалу платили 40-алтынный купеческий оклад; к 1761 г. тот возрос до 1 рубля 80 копеек на душу м. п. Через 5 лет при рассмотрении в Сенате вопроса об обложении всех категорий государственных крестьян одинаковым окладом возник вопрос о причислении к этому сословию и сеитовских татар. Но тогда Сенат вынес неопределенное решение: «Как они поселены единственно для купеческих торгов, то и следует их сравнить с купечеством, но на каком основании оному остаться, рассмотреть комиссии о комерции»¹⁴¹. Однако дело о причислении торговых татар к купцам долго не решалось. И в 1769 г., в связи с общим увеличением окладных сборов, губернатор начислил на них дополнительно по 1 руб. 40 коп. с души м. п. Таким образом, денежные налоги на каждую душу м. п. достигли в Сеитовой слободе 3 рублей 20 копеек. На защиту торговых татар вновь встал Сенат. От Рейнсдорпа 17 сентября 1769 г. потребовали оставить татар для особого решения «на прежнем основании и в прежних податях, почему они платили»¹⁴². Отныне с сеитовских татар брали денежный сбор по 2 рубля 40 копеек на душу м. п.¹⁴³

Вместо рекрутчины сеитовские татары несли казачью службу на Оренбургской линии. По словам депутата Уложенной комиссии торгового татарина Мансура Пулатаева, «будучи в пограничном месте, сверх положенных на нас государственных податей, употребляемся, в случае нужды, с нерегулярными людьми в воинскую службу на своем коште, без всякого жалованья»¹⁴⁴. Кошт обходился дорого. В частности, сеитовские татары жаловались Уложенной комиссии, что вынуждены покупать соль по 40 коп. за пуд, хотя возчикам ее платили не более 7. Они справедливо считали, что продавать соль следует «по истинной цене, ... по каковой она в помянутые оренбургские магазейны» привозится¹⁴⁵.

Торговые татары несли различные мирские повинности. Ежегодно они выбирали по 2 сотских и 12 десятских, выполнявших военно-полицейские функции. Двое из них определялись писарем и ординарцем у старшины. В 1768 г. старшина Абдулла Хаялин завел себе канцелярию с постоянными служа-

щими вместо выборных. Это нововведение дорого обошлось простым людям: на жалованье писарю надо было собирать 40 рублей, ординарцу — 25¹⁴⁶.

Торговые татары платили «отягательные и неуказные сборы и налоги», устанавливаемые старшинами Сеитом Хаялиным и его сыном, упомянутым Абдуллой. Те брали с земляков большие суммы за выдачу паспортов «в разные великороссийские города для торгу»; бесконтрольно использовали деньги, собранные для найма переводчика депутату Уложенной комиссии Мансуру Пулатаеву. Старшины и их помощники «утаивали» прогонные деньги, денежные сборы для снаряжения ямщиков и т. д.¹⁴⁷ От старшин рядовые терпели и физические наказания; тем более, что указами губернатора старшинам было позволено «штрафовать плетью или палками или забить-ем на несколько часов в колоды»¹⁴⁸.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК СТАРШИНЫ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Башкирская старшина. Основной формой социально-хозяйственной организации жизни башкир была община, переживавшая переходную стадию от родоплеменной к территориальной: волостная община. Ее социальный состав в рассматриваемый исторический период и прилегающее к нему время был представлен в общем и целом старшиной и рядовыми общинниками. Первую отличали от массы общинников должности и накопленное состояние. И к ней принадлежали чиновные башкиры, а именно — волостные старшины, их помощники, сотники, есаулы, походные старшины и сотники, писари, а также отставные старшины, перешедшие в категорию знатных, тарханы, духовенство. В Башкирии в 1773 г. было 113 волостных старшин, у каждого в прямом подчинении был помощник и писарь, по 1—2 сотника, есаула. Во многих волостях жили сохранившие свои привилегии отставные старшины. Тарханов, по данным на 1765 г., числилось 653¹. Общая численность старшинской верхушки составляла около 1400—1500 человек.

В руках у этой привилегированной прослойки башкирского общества находилась вся гражданская и военная власть в волости. Командное положение и богатство обеспечивали старшине силу и вес в обществе. Старшим по положению был волостной, или юртовой старшина. В крупных волостях было по два старшины. Старшина был начальником команды, в состав которой, как правило, входило все служилое население его во-

Печать башкирского старшины Енейской вол. Казанской дороги

Печать башкирского старшины Уршак-Минской вол. Ногайской дороги

лости. Но были случаи, когда в командах служили башкиры, жившие в других волостях.

Должность волостного старшины считалась выборной, но существовали определенные условия, ограничивавшие допуск к выборам лиц, претендующих на должность. При выдвижении кандидатов учитывались и служебный опыт, и имущественное положение. В 60-е годы определяются еще два важных условия для получения должности — умение читать и писать на тюрки, более или менее близкое знакомство с действующими законами. Претендентами могли быть помощники старшин, походные старшины, сотники — из числа грамотных и обязательно «добраго состояния». (Рядовые общинники при выдвижении кандидатов в старшины сами предпочитали богатых, так как горький опыт подсказывал им, что маломощный старшина, «по ево бедному состоянию, будет чинить с народу взятки»¹.) Тем временем, ограничение социальной среды при

комплектовании старшины и практика утверждения старшин губернатором подорвали корни общинной демократии, сделали старшину независимым и неподсудным рядовым башкирам.

Губернская администрация поддерживала особое положение старшин в волости, рассматривая их как опору в проведении правительственной политики в крае. За «подданческую верность» старшины награждались ценными вещами, деньгами, похвальными указами, которые они использовали для утверждения своего престижа, для возвышения над рядовыми, для обогащения. Им доверяли выгодные поручения по службе.

Но жизненно важным для укрепления и развития феодальных порядков в крае было право наследования чина старшины в башкирском обществе. Ликвидированное правительственным указом 1736 г., оно уже в 60-е гг. восстанавливается оренбургскими губернаторами явочным правом. В документах уже говорится о «старшинских детях» как особой социальной группе населения. Сыновьям и внукам старшин открывается путь к высоким должностям и почестям. Вновь появляются замкнутые старшинские роды.

В 1767 г. губернатор А. А. Путятин повысил в должности сыновей бывшего старшины Каршинской вол. Казанской дороги Шарыпа Мрякова: сотника Валишу сделал походным старшиной, рядового Якупа — сотником. В конце 70-х годов Валиша сам стал волостным старшиной. Другой характерный пример касается старшин Сибирской дороги: по просьбе старшины Елдякской вол. Смаила Ахмерова его место занял сын Абдулвахит. Такая же картина на Ногайской дороге: старшиной Бурзянской вол., вместо умершего отца, становится Бектимир Мутаев; в Тангаурской вол. утвержден Мухамметрахим Ибраев, дед и отец которого были старшинами. Внук старшины Каратабынской волости Исетской провинции Таймаса Шаймова был назначен сотником, а затем — старшиной как раз за заслуги деда³.

Обыкновение губернаторов игнорировать закон, запрещающий передачу должности старшины его потомкам, убеждало «особо доверенных» властям чиновников в том, что старшинским детям «досталась ... линия быть также старшиною»⁴.

Волостные старшины, которые в большинстве были неграмотны и на документах, вместо имени, ставили лишь тамги, знаки родовой принадлежности, в 1760-е годы активно занялись организацией обучения своих сыновей и детей других чиновных и состоятельных башкир. В открываемые ими школы-медресе приглашались на 2—3 года учителя-хальфы или, как их тогда чаще называли, муллы, т. е. грамотные, ученые люди.

Сохранилась подорожная 1774 года: 13 учителей из Казанской губернии, двое из Уфимской провинции и один из Ставропольского уезда возвращались домой из Зауральской Башкирии, где обучали детей грамоте в Кубелясской, Катайской и Тамьянской волостях. У них был значительный багаж, содержащий более 50 больших рукописных книг светской и религиозной литературы. Интересно, что большая часть книг — 34 экземпляра — принадлежала учителям из Оренбургской губернии: Ермухаммету Юзекееву, 24 лет, Мусаю Мустаеву, 26 лет, Егаферу Якупову, 28 лет⁵.

Обучением детей занимались также и мусульманские духовные лица — муллы и ахуны. В медресе дети получали начальную грамоту, изучали основы ислама. Проезжая по Сибирской дороге, И. И. Лепехин был поражен, встретив в д. Якупово «великое собрание малолетних детей, съехавшихся из окружных отдаленных мест. Знатность и ученость сея деревни абыза привлекли сие собрание юношества для получения от него наставления в их вере, дабы со временем заступить чин священнослужителей»⁶.

В 1767 г. башкиры с гордостью писали в наказе в Уложенную комиссию, что «ученых людей ... сыскаться может в команде у каждого старшины»⁷.

Образованность командира, его знания в области законодательства высоко ценились рядовыми башкирами. В донесении «выборного от мирских людей» Гайнинской вол. сотника Батыркай Иткинина от 29 сентября 1768 г. губернатору был подвергнут критике их новый старшина Рангул Ильин за плохое управление командой, а более — за то, что грамоты не знает, судить судом «шарагатов между башкирцами по ево маломуению не умеет»⁸.

Благосклонное отношение властей к влиятельным и лояльным старшинам можно продемонстрировать на примере старшины Каратабынской вол. Ногайской дороги Кидряса Муллакаева. Участник Семилетней войны и карательных операций против башкирских повстанцев в 1735—1740 гг., он имел несколько похвальных указов Сената, был награжден саблей, ценными подарками. В 1758 г. Кидряс был отставлен от службы по старости. Но губернатор Путятин вернул его и — не только вернул ему команду, но назначил его самого главным старшиной Ногайской дороги, его сына Бекташа — походным старшиной. В 1767 г. во время посещения Екатериной II Казани Кидряс «не только удостоился у руки е.и.в. быть, но и особливую высокомонаршую милость е.и.в. в разсуждении службы его получить»⁹.

Подобные милости ставили старшин в особое положение, давали огромные преимущества, а вместе с тем развязывали им руки для бесчинств и злоупотреблений. Тот же Кидряс здесь яркий пример. Дело дошло до того, что в 1770 г. жители 78 дворов Каратабынской вол., «показывая на него, Кидряса, разные неудовольствия, в команде ево быть не пожелали». Давая коллективную отставку старшине, башкиры потребовали «выключки ис команды оного Кидряса»¹⁰. Несколько дворов еще раньше самовольно ушли из его команды. Но Кидряс пережил многих губернаторов и всегда рассчитывал на их поддержку. И Рейнсдорп не осмелился выступить против заслуженного старшины — принял решение оставить Кидряса «в настоящем ..., предпочтительном пред старшинами звании, т. е. главным старшиною». Но, трезво понимая, что кому-то надо править волостью, утвердил юртовым старшиной сотника Каипа Зиямбетева (Джаимбетева)¹¹. Для полноты портрета Кидряса Муллакаева следует добавить, что тот был широко образованным человеком, большим книжником. В его собрании имелись рукописные «татарские истории», рассказывавшие о Ногайской орде, башкиро-ногайских отношениях в

XVI — начале XVII вв. Кидряса хорошо знал П. И. Рычков, ценил его знания и использовал исторические рассказы старшины при создании «Истории Оренбургской»¹².

Уверенные в поддержке властей, старшины включили в наказ башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию просьбу не принимать от рядовых общинников челобитных по любым вопросам до вынесения решений по ним судом старшин и духовенства. Особо выделяли они свое требование к администрации всех уровней — от отдельных башкир жалоб «на старшин в неудовольствиях не принимать»¹³. Старшины просили также поддержать их авторитет и не производить над ними следствия в случаях, «когда всею командою подкомандующие явятся недовольны старшиною»¹⁴.

Сознавая свою роль в башкирском обществе и выделяя воинскую службу, старшины в том же наказе «скромно» просили награждать их при отставке «чинами, какими за благо будет рассуждено»¹⁵. Они мечтали об офицерских званиях, и армейские офицерские звания им стали давать сразу после Крестьянской войны¹⁶.

Определенными условиями обставлялось и назначение кандидатов на другие должностные места. Карьера человека часто зависела от его происхождения. Так, по просьбе старого сотника Балакатайской вол. Исетской провинции Утяша Кутлугузина губернатор назначил сотником его сына Чагыра¹⁷. Все старшинские дети имели чин сотника. Не на последнем месте было опять же имущественное положение претендента и его грамотность. В своем представлении Сапара Алмакаева на должность сотника старшина Елдякской вол. Смаил Ахмеров писал губернатору, «что он, Сапар, богат и человек молодой, а к тому и грамоте умеющий»¹⁸.

Большим влиянием в волости среди массы неграмотного населения пользовались писари. С 1740-х годов писарями были мишари, назначаемые провинциальными канцеляриями. Но в конце 60-х писарские должности стали переходить к башкирам. Писарей подбирали волостные старшины, а воеводы утверждали назначения. Писари получали жалованье по 12 руб.

Печать башкирского старшины Уранской вол. Осинской дороги

Печать мишарского старшины Сибирской дороги Салтанмрата Янышева

в год за счет мирских сборов и вели всю, так сказать, документацию команды. Они же следили за своевременным исполнением всех присылаемых в команду указов. Положение писарей в волости позволило И. И. Лепехину назвать их «главнейшими особами»¹⁹.

В составе старшинской верхушки привилегированное место занимали тарханы, удостоенные звания за заслуги в воинской службе. Тарханные грамоты были личными и потомственными. Тарханы не только исстари освобождались от несения всех повинностей, кроме воинской службы, но имели право на владение любыми землями в своей волости. В купчих на продажу тарханами земельных участков отмечалось, что эта земля была их «крепостной»²⁰, т. е. собственной. Роль и огромное влияние тарханов сохранялось и во второй половине XVIII в. Н. П. Рычков, изучавший общественное состояние башкир и казахов, писал: «Тарханство у всех степных народов есть некая степень княжества. В народе, ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской»²¹. Многие башкирские тарханы получали старшинские и другие чины. Были среди них ахуны и муллы. Губернаторы демонстративно подчеркивали превосходство тарханов перед рядовыми. При составлении ведомостей о населении губернии администрация выделяла тарханов отдельной строкой²².

Особую общественную группу составляло мусульманское духовенство — ахуны, муллы, азанчеи. Царские власти стремились превратить мусульманское духовенство, как и православное, в подчиненную им церковную организацию. Муллы и азанчеи избирались сельскими обществами из грамотных людей. Однако губернские власти с вполне прозрачной целью всемерно контролировать деятельность духовенства и отгородить их от массы верующих вменили в обязанность провинциальным канцеляриям утверждать мулл в должности. «Главных духовных чинов» — ахунов, после того как их выберут старшины и муллы, утверждали сами губернаторы. Ахуну вручались указы о «смотрении над башкирским народом по его ахунской должности»²³.

В Уфимской провинции было четыре ахуна. В 1771 г. по просьбе верующих И. А. Рейнсдорп назначил ахуна в Исетскую провинцию. Ахунами губернская администрация определяла, как правило, мишарей. Но с конца 60-х годов башкирская старшина стала выдвигать своих кандидатов²⁴.

Религиозные служители освобождались от несения повинностей. Они занимались всеми вопросами культа, вершили духовный суд над верующими, вместе со старшиной и стариками входили в состав третейского суда — шаригата²⁵.

Мусульманское духовенство, естественно, было недовольно излишней опекой властей, ограничивавших их деятельность. Ахуны и муллы не могли принимать самостоятельного решения о строительстве мечетей; им не разрешалось вводить новых должностных лиц, которые также освобождались бы от повинностей. Опасаясь христианизации, они отстаивали в наказе в Уложенную комиссию чистоту веры и настаивали на провозглашении принципа веротерпимости: «в прежнем магометанском законе неотвратно желаем и чтоб в том высокоmaterнем е.и.в. милосердием оставлены свободными быть могли»²⁶.

Реальный социальный, определяемый имущественным положением, состав башкирской старшины был неоднороден. Выделялась группа богатых и влиятельных чиновных лиц, наживавших немалые состояния за счет торговых операций, ростовщичества, незаконных поборов, взяточничества, эксплуатации рядовых общинников. Образ жизни беднейшей части старшины, особенно сотников, есаулов, писарей, мулл, мало чем отличался от забот и интересов рядовых общинников.

Волостные старшины, в отличие от казачьих атаманов, не получали постоянного жалованья, тем не менее многие из них были состоятельными людьми. Старшины использовали свою власть, а также родовые институты башкирского общества в целях личного обогащения — захватывали лучшие земли, держали большие табуны и стада, копили деньги. Как язвительно заметил И. И. Лепехин, «кроме чести» в своей волости, «некоторые имеют доходы, ибо пастух всегда питается от стада»²⁷. В именном списке старшин Уфимской провинции на ноябрь 1769 г. из 82 человек лишь четверо отмечены как старшины «слабого состояния»²⁸.

Юридически частной собственности на землю в волости не было. Правительство и местная администрация не поддерживали притязаний старшин на частное владение землей и крепостными крестьянами, так как это неминуемо сказалось бы на положении массы рядовых общинников и привело бы к потере боеспособности башкирской конницы. Старшинам приходилось довольствоваться тем, что они своей властью отбирали лучшие участки общинной земли в пожизненное владение. В документах нет полных сведений о старшинских землях, но в некоторых бумагах эпохи — житейских, работных записях, записях на половничество, расписках о работе за долг и других документах иногда указаны размеры пашни, сенокосов; порой говорится о больших скотоводческих хозяйствах, которые использовали лучшие пастбища волости; проскальзывают свидетельства о махинациях старшин с землей общины, ее угодами.

Хитрую игру затеяли в 1760 г. старшина Шарып Мряков и заводчик М. С. Мясников. 27 июля Шарып выступил поверенным от башкир Каршинской вол. при заключении соглашения об отдаче заводчику в оброк на 19 лет мест рыбной ловли, участка леса под вырубку и сенокосов. На следующий день здесь же, в Уфимской крепостной конторе, Мясников принял обязательства отдать Шарыпу в оброк часть взятых в аренду угодий²⁹. Обходным путем старшина стал единоличным владельцем общинной земли и рыбных мест. Таких участков было немного, большая часть земли оставалась в общинном пользовании.

Если пашни во владении старшин было мало, то их животноводческое хозяйство было значительным, и оно требовало многих рабочих рук. Башкирская старшина, как и казачья, не имела права покупать крепостных или держать наемных работников. В 1763 г. в письме к губернатору Д. В. Волкову старшины и сотники Ногайской дороги жаловались: «работников нам содержать и с действительными паспортами отнюдь не велено». Они осмеливались просить губернскую администрацию нанять или купить для них крестьян в центральных губерниях страны: «от нас деньги взять и ... работников нам из внутренних мест доставить»³⁰. Через четыре года в наказе в Уложенную комиссию старшина уже не ставила вопроса о приобретении крепостных, но тешилась надеждой на то, что ей разрешат принимать в найм крестьян «до таких сроков, как им в пашпортах означено»³¹. Пока же, в ожидании правительственной поддержки, старшина в обход законов решала проблему рабочей силы за счет беглых крестьян, а также — попавших в нужду местных жителей, которых она стремилась превратить в рабски зависимых людей. Умело использовались старшиной и инструменты родовой взаимопомощи.

О размерах привлечения труда беглых крестьян судить трудно, так как делалось это нелегально. Однако ежегодные указы провинциальных канцелярий о сыске беглых, постоянные предупреждения, запрещающие старшинам скрывать у себя крепостных крестьян, служат косвенным свидетельством того, что явление было распространенным. Местная администрация периодически проводила сыски по волостям. В 1765 г. выяснилось, что в д. Барда Гайнинской вол. у старшины Токтамышта Ижбулатова и богатого башкира Айдара несколько лет в половничестве работали крепостные князя М. М. Голицына без паспортов и «заведома, что беглые»³². У старшины Ирехтинской вол. Шерыпа Киикова во время проверки в 1768 г. обнаружили беглого крестьянина, которого он тоже держал в работниках. Шерып заплатил крупный штраф в

12 рублей 50 копеек³³. Тогда же из д. Адаево была выслана группа новокрещенцев, работавших в хозяйстве тархана Сапара Байтемирова³⁴.

Власти строго следили за тем, чтобы старшина не закабаляла рядовых башкир. Юртовые старшины должны были немедленно сообщать воеводам о тех, «кто у себя имеет из башкирской нацы дворовых людей»³⁵. В то же время, власти не возражали против содержания старшинами прислуги. В 1765 г. в Уфе рассматривалось спорное дело о продаже старшиной Миркит-Минской вол. Ногайской дороги Ибрагимом Мрясевым девушки-служанки за 30 рублей старшине Катайской вол. Исетской провинции Дауту Еналину³⁶. Старшины использовали для своих нужд выборных ординарцев, чем вызвали недовольство подчиненных. Чтобы быть в этом независимыми от команды, старшины просили губернаторов закреплять за ними постоянных ординарцев³⁷. У старшин и богатых были свои «кощеи», бедные башкиры, сопровождавшие их в качестве слуг в походах, на охоте и т. п., собственно телохранители.

Имущественная дифференциация неотступно вела к увеличению и усилению отношений личной зависимости общинников от феодализирующей верхушки. Нужда, стесненное положение рядовых башкир, мишарей, служилых и ясачных татар, марийцев, чувашей заставляли их идти на полукабальные сделки с богачами и ростовщиками. Принятые бедняками обязательства предусматривали отработку долга или процента с него в течение нескольких лет. Должник, как правило, превращался в зависимого работника. Не сумев вернуть в срок взятую сумму, он был вынужден делать новые займы и попадал в многолетнюю, иногда пожизненную кабалу, становился холопом.

Стоимость рабочей силы в губернии была намного ниже, чем в центре страны. По указу 1736 г. годовая наемная работа взрослого мужчины в империи оценивалась в 12 рублей. Во второй половине века в центральных губерниях она значительно возросла; в Башкирии же цена годовой работы мужчины не поднималась выше 10 рублей³⁸.

Социальные отношения в волостях необратимо теряли патриархальный характер. Старшинская верхушка эксплуатировала не только ясачных крестьян, но и своих башкир. В 60-е годы заметно выделилась группа чиновных и богатых башкир, ведущая ростовщические операции. Среди них был старшина Суунларской вол. Сибирской дороги Халиль Якупов. В 1766 г. он дал займы своему двоюродному брату Елкутле Хабибову 19 руб. Елкутла должен был отрабатывать долг в течение 9 лет по 4 месяца в году с зачетом по 2 рубля годовых.

Халиль заставлял его следить за бортями, убирать хлеб с 4-х загонов (около двух десятин), ежегодно заготавливать по 100 копен сена, выполнять «протчую работу». В житейской записи Елкутлы специально оговаривалось, что наряды на военную службу и другие повинности он должен будет отправлять в оставшиеся 8 месяцев³⁹. В те же годы у Халиля работал и другой человек — ясачный татарин Абдрахим Микреев, взявший займы 38 руб. на 5 лет. За 3 руб. в год Абдрахим обрабатывал около 5 десятин пашни, содержал мельницу, обжигал кирпич (по 1 тысяче в год), заготавливал дрова и пр.⁴⁰

Многих бедняков эксплуатировала семья отставного старшины Каршинской вол. Казанской дороги Шарыпа Мрякова и его сына старшины Ахмера. В 60-е годы на них работали 8 человек. Башкир Иланской вол. Баязит Билалов с 1750 г. обрабатывал долг в 100 рублей из расчета по 5 в год, т. е. был закабален на 20 лет. Мишар Усман Узюбеков (Юзебеков) в 1756 г. взял займы 49 руб. на 10 лет; в декабре 1759 г. попросил дополнительно 60 руб. и тем «дал на себя кабалу» еще на 10 лет. Что касается марийца Семена, то Ахмер Шарыпов не скрывал, что платит за него подушный налог, одевает его и считает собственным дворовым⁴¹. Пятерым чувашам старшины ссудили на два года 399 рублей. За долговые проценты те обязались построить мельницу, амбар, заготавливать по 400 копен сена в год и т. д.⁴²

Документы показывают, что некоторые старшины владели хуторами; фактически это были различного размера имения. На хуторах Кидряса Муллакаева и его сына Бекташа трудились наемные работники. В 1756 г. три семьи служилых татар заняли у Бекташа 100 руб. на 1 год. Шестеро взрослых и трое детей (работа детей также входила в условие сделки) всего за 10 руб. должны были возделывать пашню и огород, ухаживать за скотом, накопить 300 копен сена, а в конце года вернуть 90 рублей⁴³.

На подобных кабальных условиях давали займы старшина Булярской вол. Казанской дороги Измаил Ахметов, богатые башкиры Енейской вол. Сапар Тиминеев, Яркей Мустафин и др.⁴⁴

Жажда власти и соответствующих ей выгод, вознаграждений и почестей заставляла волостных старшин просить администрацию о назначении их походными старшинами и командирами отрядов, служивших на дальней Сибирской линии. О том они ходатайствовали даже перед Уложенной комиссией⁴⁵. Три года подряд старшины умоляли губернатора назначить кого-нибудь из них походным старшиной отряда, идущего на Сибирскую линию, не скрывая, что хотят этого для по-

лучения хорошего жалования и других льгот⁴⁶. И, наконец, в 1768 г. башкиро-мишарский отряд повел туда Абдулвахит Смаилов⁴⁷. А то, что служба приносила командирам башкирских отрядов не только честь, но и состояние, видно по «резэтру пограбленному из дому старшины Кулея Болтасева имению» в ходе Крестьянской войны. Кулый Балтачев служил на Сибирской линии, затем командовал трехтысячным башкирским войском в боевых действиях против польских конфедератов. Дом его был богат: только одежду и посуду оценили в 2 тыс. руб., а золотые и серебряные монеты в 3 тысячи⁴⁸.

Старшины обращались в разные инстанции, вплоть до Сената, с просьбой об «определении при ямских станциях по Уфимскому и Исетскому трактам башкирского и тарханского народа комиссаров»⁴⁹. Этим должностей они добивались, конечно, для собственной выгоды, поскольку комиссары собирали почтовые налоги с населения, могли, к тому же, брать на откуп станции. В 1769 г. ямским комиссаром в Исетской провинции был утвержден старшина Балакатайской волости Сара Абдуллин⁵⁰.

Пользуясь привилегией башкир и мишарей периодически направлять за счет казны делегации в Петербург и Москву, влиятельные старшины, обходя представителей народа, сами составляли списки делегатов. Губернская администрация не возражала против их избранников⁵¹.

Некоторые старшины, выступая в роли распорядителей волостной земли, сознательно нарушали порядок оформления купчих и записей на аренду. За фиктивными по существу документами скрывались обман, административное принуждение рядовых вотчинников к заключению кабальных сделок. Сами старшины получали «обильную мзду» и богатые подарки от новых хозяев башкирской земли. Помощник старшины Елдякской вол. Баязит Килметев с группой своих приближенных, и также без согласия всех вотчинников, продал в 1767 г. коллежскому советнику И. Л. Тимашеву землю под винокуренный завод, а полученные деньги оставил при себе⁵². Старшина Бурзянской вол. Мутай Аиткулов незаконно продал часть волостной земли под Вознесенский завод⁵³.

Простому человеку протестовать не было смысла. Старшины жестоко расправлялись с непокорными их воле. Некоторые из них шли на самое большое преступление против башкира — могли изгнать общинника из сословия. Старшины — «сказкоподатели» во время ревизий, «по имеющимся ссорам и враждам», могли причислить башкира к тептярям, лишить его «природного звания», всех прав и привилегий⁵⁴.

Самовластно распределяя повинности, старшины имели возможность освобождать от служб и налогов одних и перекладывать повинности на других. При определении нарядов на линейную службу зажиточные башкиры откупались большими суммами, а вместо них старшины посылали вне очереди бедняков. Походные старшины и сотники брали взятки попроворнее волостных.

Иногда сведения о подобных злоупотреблениях доходили до провинциальных и губернских властей. Башкиры Иланской вол. Казанской дороги не раз жаловались на старшину Беккула Нурбакина, притеснявшего их «в наряде на службу, также в взятке ординарцов и при других случаях». 70 дворов решили выйти из его команды. Несмотря на уговоры и угрозы Беккула, башкиры в 1767 г. обратились с прошением к губернатору. По рассмотрении дела Путятин был вынужден согласиться на раздел команды⁵⁵. Одновременно губернская канцелярия расследовала жалобу башкир Ирехтинской волости на старшину Рангула Ильина, который тоже «при наряде на службу многих посылает в народное отягощение не по очереди и паче команды своей на башкирцов, яко безгласных людей, нападает»⁵⁶. В 1769—1770 гг. в Уфу и Оренбург непрерывно шли жалобы на походного старшину Валишу Шарыпова, открыто бравшего взятки с наряжаемых на Сибирскую линию. Его обвиняли, прежде всего, в присвоении денег, собранных у очередников, обманутых обещанием найти им замену в других волостях⁵⁷. И власти были вынуждены начать следствие; но вскоре оно было свернуто, а Валиша направлен во главе команды на Сибирскую линию⁵⁸.

Для успокоения просителей администрация иногда наказывала провинившихся. Так, в 1769 году за отправку рядового на службу вне очереди в уфимскую тюрьму был посажен на несколько дней старшина Дуванской вол. Алагузя Бакынов⁵⁹.

Старшины и сотники злоупотребляли своей властью и при посылке людей на перевозку грузов и почты. Как писали башкиры Сызгинской вол. в Исетскую провинциальную канцелярию, их сотник Куйбак Желевов освобождал одних от повинностей «изо взятков», а другим давал «излишние службы»⁶⁰.

Существенной статьей доходов старшины было присвоение части денежных налогов, собираемых с рядовых, а также различные незаконные штрафы и поборы. Сотник Гайнинской вол. Иманай Смагилов (Измаилов) незаконно собрал с рядовых по 67 копеек да еще присвоил часть денег, отданных за фураж, поставленный башкирами Ревдинскому драгунскому полку⁶¹. В 1765 г. Уфимская провинциальная канцелярия обвинила в «корыстовании» почтовыми деньгами старшину Юр-

матинской вол. Муталлапа Кулчукова⁶². В 1759 и 1767 г. «за неуказной с команды денежный побор и за протчие непорядочные поступки» был наказан плетью и тюремным заключением старшина Кудейской вол. Асан Муллакаев⁶³. В 1772 г. башкир Гарейской волости Казанской дороги Емангул Назаргулов в челобитной на имя самой императрицы уличал своих старшину и писаря, которые при решении спорных дел требовали с тяжущихся деньги: «покорыстовались сами и через то причиняют команде нашей и иноверцам обиды и раззорения»⁶⁴. Наказали тех по высочайшему велению или нет — неизвестно. Но вот в другом случае, после неоднократных жалоб рядовых на старшину Катайской вол. Исетской провинции Даута Еналина «в обидах и раззорении», власти были вынуждены перевести его в разряд отставных старшин⁶⁵. В провинциальные канцелярии шли прошения башкир о защите от произвола чиновных лиц⁶⁶.

Старшинская верхушка башкирского общества в большинстве своем принимала феодальный строй за естественный порядок вещей, искала и находила в нем тот образ жизни, который отвечал ее социальным интересам и духовным потребностям, и была, собственно говоря, порождением российского феодализма. Старшина все более отрывалась от питавшей ее волостной общины. Но она еще не сложилась в целостный классовый организм, не стала в один ряд, тем более, не слилась в одно целое с верхним классом всего российского общества, потому что не располагала земельной собственностью, не имела права на эксплуатацию крепостных. Более того, определенная часть старшины тяготела к гуманным, если не сказать демократическим, нормам социального обихода и морального кодекса башкирского общества. Она открыто и настойчиво использовала свои функции исполнительного органа государственной власти для защиты жизненных интересов и человеческого достоинства рядовых общинников. И конечно же, сводный портрет башкирской старшины был бы не полон без этой малочисленной, но по-человечески яркой и содержательной прослойки общества.

Жизненная закономерность, которая привела впоследствии Кинзю Арсланова на дороги Крестьянской войны, проявилась гораздо раньше. Архивные документы открывают в старшине Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дороги человека мягкого и доброго, но бескомпромиссного в отстаивании дела чести и справедливости, постоянно заботившегося о своих подопечных. В январе 1769 г. он и его племянник Кутлугильда Абдрахманов представили губернской администрации донесение, в котором писали о невыносимом грузе феодальных повинно-

стей, лежавшем на башкирах волости. Напоминая властям о многотрудной воинской службе команды на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях, старшина Кинзя настойчиво добивался от властей избавления общинников от дополнительных почтовых перевозок, приводивших к преждевременной выбраковке служебных лошадей⁶⁷.

В том же 1769 г. Кинзя выступил инициатором разоблачения и суда над упомянутым Валишей Шарыповым, получившим звание походного старшины и формировавшим походную команду для отправки на Сибирскую линию. Приехав в Бушмас-Кипчакскую вол., тот потребовал от призывников огромных отступных — по 45 руб. с каждого, пообещав найти им замену за счет найма башкир из других волостей. Год спустя Валиша вновь потребовал заплатить ему по 45 рублей с чело- века. Кинзя Арсланов обратился к уфимским властям с протестом против взяточника. Его поддержали старшины Шайтан-Кудейской вол. Юлай Азналин и Тырнаклинской вол. Яун Чувашев, выбранные поверенными всех башкирских волостей Сибирской дороги. В Уфе истцы представили убедительные документы, уличающие взяточника, и добились указа провинциальной канцелярии, по которому Валише Шарыпову «того платежа производить не велено». Больше того, Валише был предъявлен иск, но губернские власти не дали хода разбира- тельству по делу их ставленника⁶⁸.

Юлай Азналин даже на исходе своей героической жизни перед лицом правительственного суда не считал нужным скрывать свою ненависть к разбойничьим методам колонизации края заводчиками и корыстолюбию их приспешников, местных старшин. На допросе в Москве он напомнил властям о много- летней тяжбе с Я. Б. Твердышевым, выстроившим на землях Шайтан-Кудейской волости Симский железодельный за- вод. По меньшей мере 9 лет активно сопротивлялся старшина Юлай передаче заводчику вотчинных земель в оброчное вла- дение. И только предательство отставного старшины Шиганая Бурчакова позволило состояться несправедливости. Соглаше- ние было заключено вопреки общей воле башкир волости и людьми, которые не располагали никаким законным правом совершать подобные сделки⁶⁹.

Большим авторитетом и доверием среди башкир Уфимской провинции пользовался старшина Кыркули-Минской вол. Но- гайской дороги Алибай Мурзагулов. Именно ему, как челове- ку «в наказаниях, подозрениях, ябедах, явных пороков небы- валому», поверенные от всех волостей провинции передали в начале 1767 г. свои челобитные с тем, чтобы их «нужды и не- достатки письменно» обобщить и вручить депутату в Уложен-

ную комиссию. К 23 марта Алибай составил наказ «из собранных от волостных башкирских и тарханских поверенных о общественных нуждах и недостатках». Документ состоял из 15 пунктов. Среди его основных положений представлены требования — установить служащим башкирам постоянные оклады или «за всякие службы выдать ис казны жалованье»; заставить всех поселившихся на башкирской земле, особенно «содержателей заводов», платить оброк владельцам земли; не ограничивать функций третейских судов и не препятствовать строительству мечетей⁷⁰. Основные разделы наказа Алибая Мурзагулова вошли в сводный наказ башкир Уфимской провинции, переданный избранному ими депутату Уложенной комиссии Токтамышу Ижбулатову.

Старшина Гайнинской вол. Осинской дороги Токтамыш Ижбулатов славился на всю Башкирию как широко образованный человек, опытный рудопромышленник. Несомненно, он также принял участие в составлении наказа своего народа в Уложенную комиссию. Автором или по крайней мере одним из авторов сводного наказа башкир Исетской провинции был старшина Мякотинской вол. Базаргул Юнаев, избранный депутатом Уложенной комиссии от зауральских башкир. Базаргул, ничуть не уступая Токтамышу в общественном мнении как образованный и мыслящий человек, прославился своим участием в башкирских восстаниях. Современный исследователь находит наказания башкир в высшей степени емкими и глубокими для своего времени: здесь содержатся «сведения о социально-классовой структуре башкирского общества, о правовом положении башкир в составе России, об уровне экономического развития края и моральном состоянии народа»⁷¹. В неменьшей степени документы, представленные от имени всего башкирского народа, характеризуют самих авторов. Эти замечательные люди имели конкретное представление не только о наглядных социально-экономических событиях своего времени, но входили в суть жизненных процессов, пытались понять механизмы, управляющие социально-экономическими и правовыми явлениями эпохи, а поняв, старались реализовать их в пользу родного народа.

На заседаниях Уложенной комиссии Токтамыш Ижбулатов и Базаргул Юнаев активно защищали интересы башкирского народа. В «Комиссию разобрания наказов и проектов» они направили особое «представление», к которому приложили «копии с жалованных ... грамот», подтверждавших права башкир на вотчинное владение землями⁷².

Насущные нужды и требования башкир, изложенные в наказах и «представлениях», были предъявлены правительству в

расчете на близкие реформы. В общем и целом, эти расчеты были утопичны. Кинзя Арсланов, Юлай Азналин, Алибай Мурзагулов, Токтамыш Ижбулатов, Базаргул Юнаев и другие представляли собой лучшую часть башкирской старшины, ту часть, которая не грабила народ, не унижала общинников в их человеческом достоинстве, а совсем наоборот, радела о благоденствии и благополучии людей, свободе и духовном развитии народа, его исконном праве на земли и природные богатства родного Башкортостана.

Мишарская старшина. Мишарская старшинская верхушка была немногочисленной. В 1769 г. было 12 старшин, возглавлявших команды, в 1774 г. их стало 17⁷³. Вместе с помощниками, сотниками, писарями, походными старшинами, отставными чиновниками, сохранявшими свое звание, а также мусульманским духовенством старшина насчитывала не более 150—200 чел. Но влияние ее в губернии было значительным. Оно распространялось фактически на все стороны жизни края, а прежде всего, ее политические и социально-экономические аспекты, и основывалось на многих общественно-исторических факторах. В первую голову, старшинской верхушке мишарей было обеспечено полное доверие властей. За ее активное участие в подавлении башкирских восстаний, деятельное наблюдение за настроением трудовых масс с целью предупреждения волнений и другие подобные «подданические услуги» самодержавие поощряло мишарскую старшину. К тому же, последняя выделялась своим богатством, «добрым состоянием», нажитым за счет торговли и ростовщичества, прямой эксплуатации бедняков.

Хотя мишари, как и башкиры, не имели права наследования должности старшины, губернаторы безоговорочно назначали старшинами детей отставных или умерших старшин, людей, имевших «особые заслуги» перед властями. Традиция существовала, можно сказать, от века. Между тем, в 1730—1770 гг. точно сложилось несколько родовитых старшинских семей. В частности, это потомки Деваев Неваева: Сулейман Деваев — Даут Сулейманов — Ишмухаммет Сулейманов; потомки Яныша Абдуллина: Салтанмрат Янышев — Бахтияр Янышев — Нияметулла Сулейманов; сын Муслюма Куданбердина Абдулменьян Муслюмов. Прочность, можно сказать, незыблемость своих прав и преимуществ эти и другие состоятельные старшины связывали в первую очередь с верной службой царизму. Все они участвовали (или станут участвовать) в карательных экспедициях во время народных движений. Сулейман Деваев, например, отличился тем, что захватил в плен предводителя восстания 1755 г. Батыршу и самолично

доставил в Петербург, за что получил от Елизаветы Петровны в награду богатое платье, серебряный ковш, позолоченную саблю⁷⁴.

Свои полицейские функции и тайный сыск мишарская старшина исполняла и в мирное время. Салтанмрат Янышев подбирал в своей команде «верных» мишарей, которые по распоряжению воеводы назначались писарями к башкирским старшинам⁷⁵. Эти агенты, помимо «отправления письменных дел», соответствующих должности, несли «надзирание и за поступками башкирцов» и о малейших подозрениях доносили «в присутственные места»⁷⁶. Несколько старшин и сотников, в том числе Муксин Абдусалямов, Мухамметрахим Юсупов, служили конфидентами, «надежными шпионами» Уфимской провинциальной канцелярии⁷⁷. (Необходимо отметить, что выполнение обязанностей конфиденнта не оплачивалось, а, между тем, требовало значительных расходов на разъезды и вербовку агентов. Поэтому конфидентами становились люди, располагавшие значительными материальными средствами).

Должность старшины в команде давала власть, открывала путь к быстрому обогащению. Сотники и походные старшины буквально дрались за это место, изошряясь в методах и средствах, оговаривали друг друга, клеветали и, используя свое влияние на рядовых, сочиняли от их имени жалобы на соперников.

Замечательная по своему размаху и ярости борьба развернулась за должность старшины на Казанской дороге в 1767—1769 гг. После отставки проворовавшихся главного старшины дороги Алкея Муслюмова и старшины Алмекея Алкеева претендентами на освободившееся место в команде из 600 дворов стали сын Алмекея Ермухаммет и сотник Абдулменнян Муслюмов, сын «полковника и первого старшины» Муслюма Куданбердина⁷⁸. Каждая из сторон щедрыми обещаниями вербовала себе сторонников и громко обвиняла противника в подкупе приверженцев. Обращаясь в Сенат, Ермухаммет от имени команды обвинял соперника в «происках» против общинников, злоупотреблениях по хозяйству, даже подкупе секретаря губернской канцелярии П. Н. Чучалова. Абдулменнян в ответ напоминал в своих доносах о «непристойных поступках» старшинского рода Алкея-Алмекея-Ермухаммета. Видимо, его доводы перевесили: тяжба закончилась победой Абдулменняна. Втянутые в эту борьбу за власть рядовые мишари, конечно же, ничего не получили, ничего не выиграли.

Стремление получить чин и утвердиться в нем, занять соответствующее положение в команде, а также широкая торгово-предпринимательская деятельность старшинской верхушки

заставляла их оказывать должное внимание образованию детей.

Ишмухаммет Сулейманов открыл медресе в д. Аургазе Ногайской дороги; Салтанмрат Янышев содержал на Сибирской дороге школы, специально готовившие писарей со знанием старотюркского и русского языков. Учились там, понятно, дети из богатых семей, имевших возможность вносить высокую плату за обучение. Старшинская верхушка учила своих наследников русской грамоте. Дети Мендея Тупеева и Салтанмрата Янышева писали на русском языке⁷⁹.

Губернская администрация предоставляла старшинам большие преимущества, выгодные посты, ответственные и прибыльные поручения. Только на мишарских старшин распространялись такие привилегии, как содержание откупов. С 1768 по 1772 г. пошлыны «с покупных, продажных и меновых лошадей в городах, на ярмарках и по торжкам» собирал старшина Сибирской дороги Салтанмрат Янышев. Салтанмрат был одним из богатейших людей Башкирии. Он владел кожевенными предприятиями и мельницами; торговал кожами и продавал высокие сорта кожи за границу. В 1765 г. Уфимская провинциальная канцелярия позволила ему открыть несколько кузниц в команде⁸⁰.

После Салтанмрата откуп на сбор «конских» пошлын получил другой богатый и влиятельный старшина с Ногайской дороги — Мендей Тупеев. Он возглавлял одну из самых крупных мишарских команд. К тому же, в его подчинение перешли все служилые татары провинции. Мендей был известен как скупщик хлеба, скота, ремесленных изделий, которыми торговал на ярмарках и поставлял в крепости⁸¹.

Эти же старшины назначались почтовыми комиссарами Уфимской провинции. В 1765—1767 гг. службу нес Салтанмрат, затем должность перешла к Мендею. В 1765 г. Салтанмрат организовал изыскательские работы по прокладке новой дороги от Уфы к Уральским горам. Дорога была «освидетельствована» офицером уфимской гарнизонной команды, и провинциальная канцелярия в знак признательности разрешила Салтанмрату открыть на ней почтовые станции. К почтовым комиссарам деньги на сооружение станций поступали от башкир, мишарей, ясачных крестьян. Комиссарам позволялось брать почтовые ямы на содержание, а затем сдавать их в откуп другим богачам⁸². Все это приносило старшинам хорошие доходы.

В 1765 г. развернулась борьба между башкирскими и мишарскими старшинами за должность предводителя объединенной команды, назначаемой на Сибирскую линию. Соперниче-

ство подогревалось тем, что должность предводителя хорошо оплачивалась и давала возможность пожить за счет рядовых, которым не у кого было искать защиты за тысячи верст от дома. И не менее, а может, более основательный довод заключался в том, что военная служба позволяла старшинам надеяться на получение офицерских званий регулярной армии. Губернские власти явно предпочитали представителей мишарской старшины: из 7 походных старшин, служивших в Сибири в 1765—1771 гг., пятеро были мишарями⁸³.

Выражая настроение старшины, депутаты мишарей в Уложенной комиссии поддержали требование казачьих атаманов уравнивать их «с регулярными высшими и ротными командирами»⁸⁴ и присваивать офицерские звания. Но в офицеры представители мишарской старшины стали выходить лишь в 1776 г. Получив армейские офицерские чины, они получили право владеть крепостными. Но и без того в хозяйствах старшины на кабальных условиях отрабатывали взятые в долг деньги мишари, башкиры, татары, марийцы. У самых богатых и влиятельных были дворовые, а также укрываемые от властей беглые крепостные крестьяне.

Опорой губернских властей были ахуны и часть мулл, которых выбирали из мишарей. В 1771 г., когда в Исетской провинции ввели должность ахуна, им стал, по решению губернатора, мишарский мурза депутат Уложенной комиссии Абдулла Муслюмов Даушев⁸⁵.

В 60-е годы самыми крупными ростовщиками на Казанской дороге считались старшина Алкей Муслюмов и девять богатых мишарей из его команды, Сибирской дороге — старшина Салтанмрат Янышев и трое мишарей из команды, Ногайской дороге — старшина Даут Сулейманов и четверо мишарей из его же команды⁸⁶. Имена заимодавцев были известны по всей Башкирии, и к ним обращались жители из разных уголков края. Так, Шарип Бикмаев (команда Салтанмрата) ссужал ясачных татар с Осинской и Казанской дорог, мишарей — с Казанской дороги. Люди, нуждавшиеся в деньгах для выплаты налогов и оплаты других нужд и потребностей, соглашались отрабатывать часть долга на грабительских условиях. «За всякую работу без ослушания» они получали очень низкую плату от 2 до 6 руб. в год. Поэтому выплата долгов затягивалась на многие годы. Ростовщик Умер Юсупов (команда Салтанмрата) закабалил мишаря Юмадила Бухарова на 9 лет⁸⁷. На «домовую и задворную работу» у старшины Абдулменняна Муслюмова на целых 15 лет вынужден был пойти башкир Аджабай, занявший у хозяина 150 руб.⁸⁸ Пользуясь трудностями новопоселенцев из Казанской губернии, богатые служилые та-

тары из команды Мендея Тупеева ссужали их крупными суммами, обрекая крестьян на многолетнюю кабалу. Брали у них в долг и башкиры⁸⁹.

Поскольку среди старшинской верхушки было много торговцев, последние давали нуждавшимся в долг товары. Так, сотник Ибрагим Мансуров снабдил 10 мишарей вещами на 194 руб., и за это они «находились у него в работе 10 лет, которым он зачел только 40 руб.». В действительности мишари вернули 158 руб.⁹⁰

Сохранились сведения, что некоторые чиновные мишари задолго до офицерских привилегий стали тайно держать крепостных. Семья мишаря Аита из четырех человек находилась «в холопстве» у Салтанмрата Янышева. Хотя закабалить мишарей законом не допускалось, и на этом основании Аит пытался освободиться, однако сам губернатор принял сторону старшины. В определении губернской канцелярии от 29 ноября 1767 г. говорилось, что Аит с семьей отдан «во услужение ... законно», что ему, Аиту, «свободы учинить не можно и чтоб у него, Салтанмрата, находился в непоколебимом повиновении»⁹¹.

Крепостные люди служили приказчиками у ахунов⁹².

Старшины охотно принимали в свое хозяйство беглых крепостных, скрывали у себя наемных крестьян. Это стало явным в годы Крестьянской войны, когда работники бежали от своих новых хозяев, а старшины ездили по Башкирии, разыскивая их⁹³. Депутаты Уложенной комиссии от мишарей были солидарны с казачьей старшиной, требовавшей права владения дворовыми⁹⁴.

Отношение старшин к своим подчиненным наглядно проявилось в печально известной акции, предпринятой в 1777 г. Салтанмратом Янышевым и мурзой салтанаульских татар (ногайцев) Ибрагимом Чанышевым. Они попытались продать 63 человека свободных общинников из своей команды «как крепостных». Сенат не санкционировал продажу, отнеся мишарей «к числу поселян казенного ведомства»⁹⁵.

В командах процветало взяточничество. Старшины сами составляли списки людей, отправляемых на линейную, почтовую, подводную службу. В их власти было освободить человека от нарядов или, наоборот, послать вне очереди. Рядовые мишари жаловались, что старшины за взятки «богатых и именитых оставляют, а скудных и одиноких посылают» в разные службы.

Старшины, сотники, ахуны обирали общинников, облагая их сборами и штрафами⁹⁶. Мусульманское духовенство в нарушение предписаний ислама, в частности дифференцирован-

ных размеров заката, вынуждало прихожан платить им десятину со всего имущества — десятую часть скота, пчелиного меда, шкур и т. п., да еще носить подарки. О поборах и других злоупотреблениях мишарской старшины буквально гремела молва. Разнузданность некоторых старшин мало чем отличалась от жестокости помещиков, которых гневно клеймила гуманистическая русская литература и народная совесть. Они отбирали у рядовых лошадей, деньги, вещи, «а кто противится, тех сажают под караул и в железы». Особо изощренным истязаниям подвергал своих мишарей Абдулменнан Муслюмов: сажал их на деревянную «кобылу», подвешивая к ногам тяжелые камни⁷⁷. Лишь в исключительных случаях губернские власти одергивали зарвавшихся старшин. В 1765 г. «за непорядочные поступки, ис команды разные поборы ... под следствие» попали отставной старшина Алкей Муслюмов и старшина Алмекей Алкеев. Старшины были отрешены от своих должностей, оштрафованы, часть имущества конфискована; любопытно, что у Алмекея Алкеева была изъята серебряная посуда и много жемчуга⁷⁸.

События жизни, деяния и судьбы людей, социальные процессы — все говорило об углублении феодальных отношений в Башкирии. Башкирская и мишарская старшинская верхушка заметно обособилась от рядовых и составила отдельную прослойку в обществе. Социальному расслоению в равной степени способствовал рост товарно-денежных отношений в крае, способствовала покровительственная политика царских властей. Но правительство не допускало установления крепостнических отношений среди башкир и мишарей, чья конница была одной из крупных и действенных частей иррегулярных войск страны. Проникнуть башкиро-мишарской командной верхушке в ряды «благородного сословия» было очень трудно. Манифест 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и другие акты плотно закрывали двери перед представителями других сословий на верхние этажи общества.

Тем временем старшину и рядовых еще объединяли общие экономические и правовые интересы. По разным причинам, но обе группы твердо стояли за сохранение прав и привилегий своего служилого сословия. Старшина еще не заняла достаточно крепкого и самостоятельного экономического положения, и ее надежды на получение офицерских чинов, дворянства и права владеть крепостными были связаны с военной службой. На имущественном положении старшины в равной степени сказывалось отчуждение казной значительных земельных площадей общины под крепости, заводы, поселения служилых лю-

дей, установление новых оброков с мельниц, кожевен, лавок, требование покупать соль по казенным ценам и др. Ее интересы здесь полностью совпадали с потребностями рядовых общинников.

Старшина яицкого казачества. Рост товарно-денежных отношений в крае, включение Яика в общероссийский рынок способствовали усилению экономического неравенства в войске, росту социальных противоречий в среде казачества. Господствующее положение занимала казачья верхушка, состоявшая из старшины и «имущих», т. е. экономически крепких, богатых казаков.

Старшина составляла особую группу казачества. В ее состав входили чиновные казаки: войсковой атаман, войсковые старшины и есаулы, служители войсковой канцелярии, атаманы крепостей, а также походные атаманы, полковники, старшины, есаулы, хорунжие, сотники. К старшине относились и бывшие войсковые атаманы, отставные старшины и их родственники. Понятие «старшина» приобретает в рассматриваемое время социальный смысл. Пользуясь своей административной и военной властью, опираясь на свое богатство, влияние в общине, старшина активно боролась за особые привилегии, дополнительные материальные выгоды.

Наибольшими преимуществами пользовались войсковой атаман и войсковые старшины, избираемые на войсковых казачьих кругах с последующим утверждением их Военной коллегией. Во второй половине XVIII в. установился имущественный и служебный ценз баллотировки в войсковые старшины. Ими могли стать лишь состоятельные казаки, к тому же, сколько-то прослужившие сотниками или войсковыми есаулами⁹⁹. Старшины утверждались атаманом и фактически не подчинялись войсковому кругу. Иногда претенденты добивались назначения с помощью Военной коллегии. В 1761 г. звание старшины выхлопотал себе в Петербурге атаман Сакмарского городка И. И. Логинов; в 1767 г. на круге было объявлено, что Военная коллегия определила в войсковые старшины М. М. Бородина и Ф. И. Митрясова¹⁰⁰.

Исподволь заменяя традицию выборности и сменяемости старшины, все более уверенно заявляет о себе принцип наследования. Чиновные еще не стали сословием, узаконенным правительством. Но на Яике уже появляются старшинские роды Бородиных, Меркульевых, Митрясовых, Тамбовцевых; дети войсковых атаманов и старшин получают чины; сохраняют свое влияние отставные атаманы и старшины.

Походная старшина избиралась войсковым кругом из рядовых казаков. Но и здесь действовал повышенный имуществен-

ный ценз. Также не единичными были случаи назначения старшин войсковыми атаманом и канцелярией. Хотя походная старшина и была наиболее близка к основной массе казачества, в правовом отношении она уже отличалась от своих избирателей. Походные атаманы, полковники, есаулы получали преимущества в оплате, дополнительные ярлыки на право участия в рыболовстве и др.

Вторую часть социальной верхушки войскового населения представляли самостоятельные казаки. Обладатели немалых денежных средств, богатые казаки старались продвигнуть на свободные должности войсковых чиновников, рыболовных атаманов и др. своих собственных представителей.

Существенным источником накопления богатств старшиной было использование служебного положения. Вся исполнительная власть была сосредоточена в руках войскового атамана и войсковой канцелярии. Они безотчетно использовали общественные доходы, денежное и хлебное жалованье казаков. Процветали взяточничество, незаконные денежные поборы, произвол, откровенное вымогательство. Атаман и войсковая канцелярия перестали отчитываться на кругу о деньгах, собранных с казаков для выплаты учужных и соляных сборов, а суммы эти, как утверждали казаки в своих челобитных, превышали узаконенные в три раза. Гвардии капитан П. П. Чебышев, расследовавший причины волнений казаков, писал в 1767 г., что атаман и старшины не только расхищали войсковую казну, но и «неумеренные и необыкновенные на народ поборы налагали»¹⁰¹. В 1771 г. казаки потребовали выплаты полного жалованья за 5 лет и отказались до получения денег выступить в поход¹⁰². А в своем прошении на имя Екатерины II, поданном 27 декабря того же года, они жаловались, что несут «безчеловечное мучение от атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшин ..., коих и ныне определяет государственная Военная коллегия»¹⁰³.

*Царские подарки казачьей старшине.
Середина XVIII в.*

Одной из возможностей обогатиться и показаться при дворе было участие старшины в ежегодно отправляемых в Москву и Петербург делегациях, так называемых станицах. Станичников одаривали деньгами, дорогим оружием, ковшами и другими ценными вещами, на что из казны отпускалось 2638 руб. в год. Поскольку состав станиц определялся войсковым атаманом и канцелярией, они включали туда своих приверженцев из чиновных и богатых казаков.

Также формировался и людской состав обозов, дважды в год отвозивших рыбу ко двору. Первая партия, доставлявшая 60—100 осетров и белуг, получала в награду 800 руб., вторая с 250 осетрами и белугами — до 1000 руб.¹⁰⁴

Большие доходы казачьей верхушке приносил рыбный промысел, держание соляных и винных откупов, скотоводство, торговля, ростовщичество. Атаман получал 4 ярлыка на участие в ловле рыбы, войсковые старшины — по 3. Причем это преимущество они сохраняли и после отставки. Не участвуя непосредственно в ловле, атаман и старшины с выгодой продавали ярлыки. Старшины и «капитальные» казаки пользовались правом выставлять наемных рабочих. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал: «Рыбные промыслы казаков такие, что кто больше капиталу имеет, тот ... свой доход лучше получит»¹⁰⁵. Пользуясь своим капиталом, старшина и зажиточные эксплуатировали малоимущих служилых казаков, которые не имели возможности приобрести дорогостоящий рыболовецкий инвентарь, заготовить достаточное количество продовольствия да еще оплатить труд необходимых в промысле помощников. Старшины давали таким казакам все необходимое под процент с будущего улова или нанимали в качестве рабочих.

Сведений о размерах оплаты наемной силы на рыбных промыслах не обнаружено. По данным на XIX в. наемный казак-весельщик получал в 3—4 раза меньше заработка хозяина¹⁰⁶. В нарушение правил рыболовства на Яике атаман и войсковая канцелярия разрешали старшинам нанимать помощников и из числа неслужащих казаков.

Старшина и рядовые казаки широко использовали труд сезонных рабочих, съезжавшихся на Яик в основном из Поволжья и Казахстана. Рабочие руки требовались для сенокоса, добычи соли, в лесной работе, пастьбе скота и др. Были среди наемных и постоянные работники, жившие своими домами или в домах казаков и занимавшиеся различными ремеслами.

Сведений о количестве работников у казаков и распределении их по хозяйствам не обнаружено. По отчету генерал-майора Ф. Ю. Фреймана, в 1772 г. перед его вступлением в

восставший Яицкий городок оттуда бежало более 2000 наемных работников¹⁰⁷. Вряд ли можно сомневаться в том, что большая часть их работала на старшин и богатых казаков, которые имели средства оплатить их труд.

Казачья старшина на Яике, по примеру донской, стремилась обзавестись собственными крепостными, землей, получить дворянские права. Они явочным путем захватывали участки общинной земли, заводили там крупные хуторские хозяйства.

Во второй половине XVIII в. на Яик исподволь проникают крепостнические отношения. У старшин появляются купленные дворовые (указ от 14 марта 1746 г. запрещал купцам, казакам и крестьянам покупать людей с землей и без земли). Зарегистрированных покупок было всего несколько десятков: правительство сдерживало аппетиты казачьей верхушки. Но сохранившиеся материалы свидетельствуют о стремлении старшин расширить число феодально-зависимых людей за счет наемных работников. Так, в 1764 г. командой капитана С. Марычева, посланного из Оренбурга в Яицкий городок на поиски беглых крестьян, были обнаружены русские крепостные, которые скрывались здесь от своих помещиков, и пришедшие на заработки новокрещенные марийские, чувашские, татарские крестьяне из Вятского, Казанского, Муромского, Симбирского, Саранского и др. уездов. Они скрытно жили во дворах старшин и на их хуторах. Материалы расследования этой и других сыскных экспедиций в Яицком городке и Оренбурге показывают, к каким ухищрениям прибегала старшина, чтобы закабалить пришлых крестьян. Они выдавали своим работникам займы деньги на выплату подушного налога, а затем на несколько лет задерживали их у себя. Старшины держали в своих семьях детей беглых, а затем объявляли их купленными дворовыми. Были выявлены случаи, когда хозяева вынуждали жениться наемных работников на своих дворовых. Семен Тамбовцев удерживал у себя семерых новокрещенных чувашей, Василий Тамбовцев — четверых, атаман И. Логинов «насильством» в течение трех лет заставлял работать на себя нанявшегося на 1 год чуваша А. Ильина¹⁰⁸.

Даже вольный наем оборачивался для пришлых крестьян кабалой. Но закрепить их за собой старшины и богатые казаки не имели права и использовали труд отходников нелегально. В «услужение» к старшинам и богачам попадали бежавшие из казахского плена башкиры, калмыки, татары, и оно становилось прикрытой формой «домашнего рабства». Методы эксплуатации всех пришлых были основаны на внеэкономическом принуждении. Скрывая у себя «беглых и беспашпортных»,

старшины и зажиточные казаки вынуждали их выполнять любую работу на любых условиях¹⁰⁹.

Используя наемную силу и труд дворовых, старшина укрепляла свое экономическое положение. Вручая богатые взятки, оказывая различные услуги и атаману и членам войсковой канцелярии, старшины и толстосумы избавлялись от многих тяжелых повинностей, перекладывая их на плечи рядовых. О таких с сарказмом писал П. И. Рычков: «Да и что может быть лучше, как быть вольным в Яицком городке, торговать рыбою и набогатиться, не исправляя никакой службы»¹¹⁰. Но военную службу старшина продолжала нести, т. к. именно она давала ей надежду на приобретение офицерских армейских чинов, а с ними — дворянских прав и привилегий.

Позиции старшины в войске настолько окрепли, что она перестала обращать внимание на проявления недовольства рядовых казаков, а напротив, повела наступление на институт казачьего самоуправления — войсковой круг. Старшина тяготилась правами круга и не раз обращалась к правительству с просьбой дать атаману и войсковой канцелярии право выносить на всеказацье обсуждение лишь узкохозяйственные вопросы: «токмо о существенных казаков надобностях, как-то о рыболовстве» и т. п.

Выслуживаясь перед властями, старшина готова была поступиться и другими интересами войска. В то время, когда все казачество воспротивилось вербовке в легионную команду, которая явилась для них угрозой превратиться в солдат регулярной армии, старшина нашла наемников в легион, которым выплатила по 130—150 руб. Старшина прилагала все усилия к тому, чтобы уравниваться со старшиной донцов, где в середине XVIII в. войсковой атаман носил чин генерал-майора, старшина — армейских полковников и бригадиров.

И все же неоднородность состава старшины давала знать о себе. Интересы походных атаманов, есаулов, сотников зачастую совпадали с интересами и нуждами рядовых, и тогда они совместно выступали против войскового атамана и войсковых старшин. Характерно, что в 1771 г. выборное казачье начальство, отстаивая интересы рядовых казаков, отказалось выступить в погону за калмыками до выплаты жалованья за прошлые годы, а в ответ на требование атамана выставить караулы в связи с ожидаемым нападением калмыков «не только в команду не пошли, но и разосланные о том письменные приказы все побросали»¹¹¹.

Сложность жизненной позиции казачьей верхушки определялась тем, что она вместе с рядовыми стояла на страже казачьих сословных прав. Они вместе отстаивали жалованные вой-

ску земли, воды, привилегии. В наказе в Уложенную комиссию 1767 г. войско жаловалось на отвод их земель оренбургским казакам. В течение нескольких лет войсковые старшины добивались права владения всем казачеством низовьями Яика, и в 1770 г. по указу Сената Гурьев городок с форпостами был передан войску. В том же году атаман П. В. Тамбовцев от имени войска просил Военную коллегия отменить указ о зачислении казаков в московский легион.

Подобные примеры говорят сами за себя. Все они свидетельствуют об общих сословных интересах старшины и рядовых: их утрата в равной степени коснулась бы обеих основных групп казачества. К этому нужно снова добавить, что именно сословные права давали старшине надежду на получение дворянства.

Тем не менее, процесс социального расслоения вел к постепенному обособлению старшин и богачей от массы казачества, особенно от его беднейшей части. Основательные документы, среди которых фигурируют наказ казаков в Уложенную комиссию, прошения на имя Екатерины II и в Военную коллегия, протоколы захваченных в плен пугачевцев и др., свидетельствуют о том, что тяжесть повинностей, произвол и злоупотребления старшин привели в третьей четверти XVIII в. к снижению жизненного уровня трудовой массы казачества. Так, в 1772 г. Е. И. Пугачеву, подговаривавшему яицких казаков к массовому побегу на Кубань, было сказано казаками, что «они рады, да только де у нас есть много бедных людей, так подняться нечим»¹¹². Командиры Оренбургской и Кавказской пограничных линий сообщали, что среди прибывавших на службу казаков было немало плохо вооруженных и «худоконных». И это не могло не заботить правительство, которое видело в яицком казачестве значительную военную силу, не требующую, к тому же, таких затрат, какие шли на содержание конных полков регулярной армии. Поэтому, ограничивая «вольности» казачества, оно старалось сохранить условия, позволяющие казакам пользоваться экономическими выгодами, закрепить сословную общность казачества. Здесь же кроется действительность отношения властей к казачьей верхушке. Видя в старшине свою опору, державшую в повиновении рядовых казаков, правительство закрывало глаза на ее бесчинства и злоупотребления. В 1760 г. войсковой атаман А. Н. Бородин получил, наконец, армейский чин подполковника. Позднее и войсковым старшинам стали присваивать армейские офицерские звания. Однако правительство не пошло на расширение крепостнических отношений на Яике, так как раздел и продажа земли неминуемо привели бы к распаду общины, расстрой-

ству хозяйства, губительно сказались бы на благосостоянии, а следовательно, и на боеспособности казаков.

Старшина оренбургского казачества. К старшине Оренбургского казачьего войска принадлежали, по определению Военной коллегии, «люди, отличия и преимущества войскового удостоенные», т. е. чиновные казаки: войсковой атаман, войсковой есаул, полковники, атаманы крепостей, есаулы, сотники, хорунжии, писари. Группа была численно небольшой. В 1760 г. 4586 служащими казаками командовали 205 чиновников¹¹³. Почти половину из них составляли чины Оренбургского корпуса. В состав казачьей верхушки также входили младшие командиры (урядники, капралы), отставные военно-административные чины, богатые казаки. С развитием сельского хозяйства, торговли и предпринимательства среди казаков появилась прослойка зажиточных, «домовитых». Как отмечал П. И. Рычков, среди оренбургских казаков было «много людей пожиточных»¹¹⁴.

Рассматривая старшину как свою опору, центральные и местные власти заботились о том, чтобы «атаманы и старшины были люди добросостоятельные и к воинским действиям благонадежны и пред рядовыми как в лошадях, так и в ружье, имели наилучшую исправность»¹¹⁵.

Старшина оренбургских казаков еще не была отделена от рядовой массы казачества, не имела дворянских прав и привилегий. Военная коллегия подчеркивала, что «старшины сего войска никакого сравнения с армейскими офицерами не имеют, а некоторые только по особым высочайшим указам, за отличия заслуги, в действительные армейские чины пожалованы». Первым из оренбургских казаков армейское офицерское звание получил В. И. Могутов. В 1775 г. казачий полковник А. А. Углицкий был произведен в чин премьер-майора¹¹⁶.

Все чиновные казаки получали жалованье, размер которого определялся принадлежностью к разрядам, на которые делилось войско. Денежные оклады военно-административных чинов, равно и рядовых Оренбургского корпуса, были намного выше, чем у остальных казаков. Жалованье войскового атамана составляло 120 руб., атаманов Бердской слободы и Уфы — 12 руб., атаманов остальных крепостей — по 9 руб. Сотники корпуса получали по 30 руб., а сотники уфимских казаков только 8, рядовые соответственно — 15 и 4 руб. Исетские казаки десяти крепостей сами содержали свою администрацию, выплачивая атаману 60 руб., хорунжему — 30 руб., писарю — 20 руб.

Наиболее крепкой была старшинская верхушка Оренбургского корпуса. Имея большое жалованье и различные приви-

легии в наделении землей, торговле, она сосредоточила в своих руках не только власть и влияние, но и немало денежных средств. Крупным земельным собственником был войсковой атаман В. И. Могутов, за бесценок скупавший башкирские земли. Не брезговал он и спекулятивными сделками. Приобретая в Бурзянской и Тамьянской волостях крупные земельные участки за 150 руб., он продал их затем помещику И. Л. Тимашеву за 500 руб.¹¹⁷ Атаман владел селом Троицкое (Чержаны), где ему принадлежали 307 душ м. п. Он был одним из четверых самых крупных в губернии крепостников¹¹⁸.

Обходя законы, запрещавшие казакам владеть крепостными и землей, чиновники Оренбургского корпуса покупали дворовых, которые работали у них на хуторах и мельницах. Много хуторов и скотных дворов держали они на р. Чесноковке между Татищевой и Нижнеозерной крепостями. Губернские власти смотрели на эти нарушения сквозь пальцы. Так, сотник Т. И. Падуров имел в Оренбурге дом «с хоромным строением». Он завел себе имение-хутор, где трудились крепостные крестьяне, в 1770 г. построил мельницу, место и лес для которой были куплены в дачах Кувацкой слободы¹¹⁹. Другой сотник Оренбургского корпуса И. А. Углицкий имел капитал, достаточный, по его утверждению, чтобы поставить вокруг Илецкой защиты оплоты с батареями, выстроить казармы, провиантский склад, жилые дома внутри крепости и даже организовать поставку дров и провианта, «сколько б там войсковой команды не случилось»¹²⁰. У казачьих чиновников, участвовавших в подавлении башкирских восстаний 1735—1740 гг., 1755 г. были дворовые из башкир, отданных им командирами карательных армий¹²¹.

Источником материального благополучия старшины было и использование в корыстных целях своей власти. Старшина всячески старалась избавиться от тяжелых повинностей, перекладывала их на рядовых. Богатые казаки наняли вместо себя бедных для несения караульной службы, подводной и другой повинности. В ходу были взятки начальству, обман и насилие над рядовыми.

С 1765 по 1782 гг. в Военной коллегии велось военно-следственное дело по жалобе выборных от исетских казаков хорунжего Н. Невзорова (предводителя восстания казаков в Челябинске в январе 1774 г.) и казака Я. Клещева на атамана Оренбургского казачьего войска подполковника В. И. Могутова, атамана исетских казаков и других представителей старшины. Следователи вынуждены были признать, что Могутов брал взятки. В 1758—1761 гг. он присвоил 3270 руб., собранных с 1037 казаков якобы для направления его, Могутова, в

Петербург с просьбой казаков о выплате им жалованья. В вину атаману вменялось и его самовольное решение о сборе денег за оформление паспортов. Ища себе опору среди старшин, войсковой атаман разрешил им обзаводиться ординарцами за счет казачьей общины. За установленные «вины» Военная коллегия решила понизить атамана в чине. И понизила. Только вот, следует заметить, Могутов умер за 4 года до вынесения приговора¹²².

Казачья старшина Оренбургского войска стремилась на законных основаниях обзавестись имениями и крепостными и получить права дворянского сословия. Надежды на то отчетливо звучат в наказах оренбургского казачества депутатам в Уложенную комиссию П. И. Бурцову и Т. И. Падурову. В своем выступлении на заседании Уложенной комиссии Бурцов просил представить казачьей старшине право покупать дворовых людей, а приобретенных ранее не отбирать¹²³.

Власти, поддерживая старшину, умышленно не замечали захвата ею лучших земель общины, покупки дворовых. Но официально правительство не разрешало продажу земли. Оно не пошло и на расширение крепостнических отношений, т. к. это неминуемо привело бы к сокращению наделного землепользования в казачьей общине, а следовательно, к ухудшению благосостояния, потере боеспособности казаков.

Старшинская верхушка маложалованных и безжалованных казаков также имела преимущества перед рядовыми при распределении земли, оплате службы, ведении торговли и др. Отличалась она от рядовых и в правовом отношении. Известно, что атаману и есаулу нагайбакских казаков выделялось по 300 четвертей земли, сотнику и писарю — по 240, тогда как рядовым — не более 60 четвертей¹²⁴. Казачья верхушка, таким образом, имела в 4—5 раз больше земли, чем рядовые. Для ее обработки использовался чужой труд. Известно, что у атамана нагайбакских казаков А. И. Еремкина в хозяйстве трудилось несколько работников¹²⁵.

Значительные капиталы приносила старшине торгово-предпринимательская деятельность. По сведениям губернской канцелярии на 1764 г. на Самарской дистанции владельцем одной из двух казачьих мельниц был атаман Борской крепости. В Челябинской крепости хозяевами четырех мельниц были войсковой хорунжий, есаул, капрал¹²⁶.

Старшина маложалованных казаков также не упускала возможности использовать свою власть над рядовыми. В начале 1760-х гг. Исетская провинциальная канцелярия и канцелярия атамана исетского казачества произвели следствие по жалобе чебаркульского казака Ф. И. Каменщикова-Слудникова

на притеснение станичной старшины. В ходе расследования было выявлено много фактов злоупотреблений со стороны казачьей верхушки. Атаман, старшины, сотники без всякого повода и объяснений собирали с казаков деньги, обвешивали их при раздаче пороха, присваивали деньги, присланные из провинциальной канцелярии казакам, занятым на строительных работах и поставке фуража команде донских казаков. Атаман использовал собранные с казаков деньги для взяток и подарков властям¹²⁷. Через несколько лет о злоупотреблениях старшинской верхушки исетского казачества стало известно в Петербурге. В ходе следственного разбирательства в Военной коллегии в 1765—1782 гг. по жалобе казаков Н. Невзорова и Я. Клещева исетский войсковой атаман, войсковые хорунжий и писари, 7 атаманов крепостей, 5 есаулов, 18 сотников и 10 хорунжих были уличены в денежных поборах, взятках, составлении подложных документов и других нарушениях. Войсковой атаман И. Дьяконов брал «себе в лакомство» деньги, изобретая самые разнообразные мотивы: за присягу, за обучение экзерциции, за назначения на службу и др. Требовал он деньги и скот и от принимаемых на службу наемников. Дьяконов использовал казаков из караула в своем домашнем хозяйстве, подвергал их физическим наказаниям. По указу Военной коллегии от 29 ноября 1782 г. деньги следовало взыскать, а признанных виновными казачьих чиновников перевести в рядовые на 6 месяцев, но — «по прошествии этих сроков быть им в прежних своих званиях»¹²⁸. Вряд ли, впрочем, этот указ по давности событий был исполнен.

13 января 1774 г. пугачевский полковник Салават Юлаев отрешил от должности красноуфимского есаула Г. Овчинникова, исполнявшего обязанности атамана, поскольку на него «и других старшин от казаков многие произошли жалобы»¹²⁹.

И все же большинство административных чинов безжалованных и маложалованных казаков по своему материальному положению было ближе к рядовым, чем к старшине корпуса. Они были столь же бедны. Когда весной 1773 г. войсковой атаман пригласил в Оренбург капрала красноуфимских казаков М. Черкасова, чтоб возвести его в хорунжий, тот не явился, а близкое окружение капрала известили атамана: «Ехать ... для осмотра по бедности своей не в состоянии, да и к тому же хорунжеский чин по бедности снести не может»¹³⁰.

Преимуществом старшины была возможность получить образование. В середине века открылось несколько школ, в которых дети казаков «российской грамоте, а другие и арифметике отчасти обучаются»¹³¹. Выпускником оренбургской школы при войсковой канцелярии был один из самых образованных

казаков писарь уфимских казаков П. И. Бурцов. Всероссийскую известность принесла ему деятельность в Уложенной комиссии. На Больших собраниях комиссии он выступил 15 раз. Столько или немногим больше раз брали слово 7 дворян, 1 однодворец и 1 крестьянин¹³². Помимо защиты своих сословных интересов, Бурцов отстаивал свободу торгово-предпринимательской деятельности для всех групп населения страны, ратовал за развитие просвещения и науки. В его выступлениях звучали идеи великого европейского Просвещения: с ростом грамотности и учености, убеждал он, «без сомнения, окажется добронравие, благопристойность и размножение ученых во всех частях столь пространного государства, ... а чрез науку родится соблюдение законов»¹³³. Казачий депутат с горечью вынужден был признать, что управляли людьми, чинили над ними суд и расправу малограмотные служаки. И он предлагал принять положение, по которому неграмотных «не только в войсковые старшины, но и в ротные начальники не производить, а разве жаловать только в капралы»¹³⁴.

Процесс социального расслоения заметно задел оренбургское казачество. Но противоречия между старшиной и массой рядовых не были столь остры, как в Яицком войске. Старшину и рядовых общие сословные интересы объединяли здесь теснее. Тому способствовала и политика правительства, державшего в мысли задачу превратить казачество в замкнутое привилегированное сословие.

Тептярские старшины. Социальное расслоение среди различных групп крестьянства было выражено менее резко. Однако процесс дифференциации сколько-то затронул тептярей и государственных крестьян губернии.

Тептярские старшины не имели преимуществ башкиро-мишарской старшинской верхушки. Их положение мало чем отличалось от положения крестьянских старост. Тем не менее, утверждение старшин официальной администрацией, наделение их властью над рядовыми предопределяли им особое место в команде. Старшинская должность не всегда была в тягость: свидетельства о выпрашивании тептярями старшинства, факты мошенничества при выдвижении кандидатов в старшины говорят об обратном. В 1767 г. татарин Абдулджалиль Болтаев «возымел намерение, чтоб получить ему звание старшинское», вместо старшины Масягута Мусекеева. Как сообщили губернатору выборные из команды, Абдулджалиль собрал «обманом тамги с тем, чтоб, яacob, наши люди пожелали ево» своим старшиной; за отдельных тептярей «тамги прикладывал заочно». Абдулджалиль так и был утвержден старшиной по фальшивым документам. И только разбирательство губерни-

ской канцелярии по жалобе команды решило дело в пользу прежнего старшины¹³⁵.

Среди тептярских старшин встречались люди зажиточные, занимавшиеся торговлей и предпринимательством. Крупным поставщиком соли был старшина татар Казанской дороги Абдулкарим Рахманкулов. В 1770-е годы он взялся поставить значительное количество илецкой соли — до 100 тыс. пудов — на Беткинскую пристань на Каме из расчета по 11,5 коп. с пуда, «не брав наперед из казны денег»¹³⁶.

«Капиталистые» тептяри давали деньги взаймы в счет отработки долга в их хозяйстве. Татарин д. Байгильдино Сибирской дороги Муслим Бекбавов требовал от башкир погасить основную часть долга медом: за 20 руб. поставить 20 пудов меда. Остальные деньги они должны были отработать¹³⁷. На Ногайской дороге ясачные татары и удмурты работали в хозяйствах заимодавцев Муртазы Адзимясова и Сулеймана Алметева. Хозяева платили им по 6 руб. в год на человека¹³⁸.

Так что тептярская старшина уже нуждалась в труде наемных работников. В наказах в Уложенную комиссию она просила позволения на законных началах использовать «у себя в работе по обязательствам» рядовых тептярей и пришлых крестьян разного «звания и веры»¹³⁹.

Экономически сильная верхушка выделилась и у государственных крестьян — у тех, кто имел право продавать и покупать, арендовать землю. Для расширения своих хозяйств «достаточные» крестьяне вкладывали средства, накопленные в торговле на местных рынках. В Исетской провинции они имели на двор 9—14 дес. посева, по 5—10 лошадей, 4—8 коров, до 16 овец и другого скота¹⁴⁰.

Зажиточные крестьяне зарабатывали деньги на промыслах, заводских перевозках, в извозе на речном и гужевом транспорте¹⁴¹. Только в 1767 г. за документами для этого обращались 153 государственных крестьянина и 5 разночинцев Исетского и Шадринского дистриктов. $\frac{2}{3}$ из них уходили на заработки на срок от одного до трех лет. Большая часть отходников нанималась на заводы, к купцам Уфимской провинции, Сибирской и Казанской губерний. Но некоторые выправляли билеты в далекие Астраханскую, Московскую, Иркутскую губернии. Бедные крестьяне отлучались, чтобы заработать на государственную подать, зажиточные занимались торгово-промышленной деятельностью¹⁴².

Имущественное неравенство шаг за шагом вело к социальному расслоению деревни. Крестьянская верхушка использовала труд малоимущих крестьян, опутывая их сетью кабальной зависимости. Деньги давались в долг на основе половни-

чества, отработки части долга в хозяйстве. Но в ряде случаев житейские записи приобретали черты, сближавшие их с условиями свободного найма¹⁴³.

§ 1. Положение государственных, дворцовых, помещичьих крестьян и заводского населения.

¹ Кузеев Р. Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 14.

² Назаров В. Д., Рахматуллин М. А. Факторы и формы совместной борьбы народов России в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (к постановке проблемы) // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. С. 35.

³ ПСЗ I. Т. XVII, № 12801.

⁴ Беляевский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 73.

⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI; Сборник РИО. Т. 8; Беляевский М. Т. Указ. соч. С. 355—370.

⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 84—104, 117—121, 125—150.

⁷ Там же. Л. 151—177.

⁸ Там же. Л. 211—233, 263—272.

⁹ Там же. Л. 197—200.

¹⁰ Там же. Л. 205—207, 234—236.

¹¹ Беляевский М. Т. Указ. соч. С. 363.

¹² РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5—8.

¹³ Там же. Д. 109, ч. XI. Л. 256—262, 309—310.

¹⁴ Там же. Л. 273—279.

¹⁵ Там же. Л. 283—291.

¹⁶ Там же. Л. 39—41, 48—50, 179—195, 280—282, 317—319.

¹⁷ Там же. Л. 208—210, 237—255.

¹⁸ Там же. Л. 17—38, 51—81.

¹⁹ Там же. Л. 1, 2—13, 42—50; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3377. Л. 118—119.

²⁰ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. С. 34.

²¹ Там же. С. 50.

²² РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5 об.

²³ ГАОО. Ф. 3. Д. 105. Л. 91.

²⁴ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 51.

²⁵ ПСЗ I. Т. VII, № 4533; ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 197—198.

²⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5—6.

²⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 105. Л. 96; ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 197—198.

²⁸ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5 об.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Сборник РИО. Т. 8. С. 127—128.

³¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 52—53.

³² РГВИА. Ф. 20. Д. 1060. Л. 2—19.

³³ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1904. Вып. V С. 18—19.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Л. 27, 77.

³⁶ Сборник РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 87.

³⁷ Крестьянская война. С. 292.

³⁸ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 782. Л. 90—91; Д. 795.

³⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 478 об.

⁴⁰ Там же. Л. 476—477, 479.

⁴¹ Там же.

⁴² Сборник РИО. Т. 8. С. 326—327.

⁴³ Материалы. Т. IV, ч. I. С. 322.

⁴⁴ Сборник РИО. Т. 14. С. 221—222; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 202—

203.

⁴⁵ Сборник РИО. Т. 14. С. 222.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 183—185, 280—281.

⁴⁷ Там же. Л. 39—41, 48—50.

⁴⁸ Материалы, Т. IV, ч. 2. С. 448.

⁴⁹ Сборник РИО. Т. 8. С. 429—431.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 109. ч. XI. Л. 181.

⁵¹ Там же. Л. 318.

⁵² Там же. Л. 179—180, 184, 194—195.

⁵³ Там же. Л. 185; 318.

⁵⁴ *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3338. Л. 233; *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962. С. 111—112.

⁵⁶ *Кондрашенков А. А.* Указ. соч. С. 114—115.

⁵⁷ *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 45.

⁵⁸ ПСЗ I. Т. XVII, № 12386.

⁵⁹ *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 44.

⁶⁰ *Рахимов Р. Н.* Тептяри Башкирии в XVII — 60-е гг. XIX в. (социально-экономическое развитие). Автореф. канд. дис. Уфа, 1993. С. 10—11.

⁶¹ *Давлетбаев Б. С.* Тептяри и их землепользование (с приложением документов) // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 78—158; *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990. Кн. 1. С. 53—55.

⁶² ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 32, 40—44.

⁶³ ГАОО. Ф. 3. Д. 134. Л. 5.

⁶⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 486.

⁶⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 90. Л. 51, 181—182.

⁶⁶ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 787. Л. 189.

⁶⁷ Там же. Д. 785. Л. 231; Д. 787. Л. 189—190; Материалы. Т. IV, ч. I. С. 398.

⁶⁸ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382. № 575, 1281—1283; Ф. 138. Оп. 1. Д. 785. Л. 232.

⁶⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 785. Л. 234.

⁷⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 77. Л. 80—81; Д. 83. Л. 53; Д. 126. Л. 31—120.

⁷¹ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 785. Л. 231.

⁷² Там же. Д. 787. Л. 189—190.

- ⁷³ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 487.
- ⁷⁴ Там же. Л. 496.
- ⁷⁵ Там же. Л. 487, 496.
- ⁷⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 188—194.
- ⁷⁷ Материалы. Т. IV, ч. I. С. 229—232, 239—240, 254—256, 261—263 и др.
- ⁷⁸ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 792. Л. 27—29.
- ⁷⁹ ПСЗ I. Т. XVII, № 12801.
- ⁸⁰ *Индова Е. И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1969. С. 28—40.
- ⁸¹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 7—8; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3381. Л. 233.
- ⁸² История СССР. Первая серия. М., 1967. Т. 3. С. 439.
- ⁸³ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 187, 191, 228, 229, 277, 278.
- ⁸⁴ Там же. С. 348—349.
- ⁸⁵ Там же. С. 367—368.
- ⁸⁶ Там же. С. 163—166, 200, 204—205, 220, 230, 235—237, 253, 267—268, 276—277, 296—299.
- ⁸⁷ Там же. С. 206—207.
- ⁸⁸ *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 257—258.
- ⁸⁹ *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 51—52.
- ⁹⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 271.
- ⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 98—102.
- ⁹² *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. С. 250—251.
- ⁹³ *Черкасова А. С.* Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 157—158.
- ⁹⁴ *Вагина П. А.* Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала. С. 316—317.
- ⁹⁵ Горные заводы, рудники и месторождения полезных ископаемых в Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 6; *Вагина П. А.* Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала. С. 313.
- ⁹⁶ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. // *Орлов А. С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 262—263.
- ⁹⁷ ПСЗ I. Т. XV, № 11490; Т. XVI, № 11638.
- ⁹⁸ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 71.
- ⁹⁹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 376, 377; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—334.
- ¹⁰⁰ Сборник РИО. Т. 115. С. 302; Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 202.
- ¹⁰¹ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 196.
- ¹⁰² Переход от феодализма к капитализму. М., 1969. С. 32.
- ¹⁰³ История Урала. С. 320.
- ¹⁰⁴ *Вагина П. А.* Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в XVIII в. С. 314, 318—319.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 323.
- ¹⁰⁶ *Крамаренков В. И.* Выписка о горных делах, 1777 г. // *Седой Урал.* М., 1983. С. 417.

- ¹⁰⁷ Вагина П. А. Указ. соч. С. 326.
- ¹⁰⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 109. Л. 301—307, 411—415, 458—459.
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 132. Л. 319.
- ¹¹⁰ Сборник РИО. СПб., 1903. Т. 115. С. 303; *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. С. 140—141.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 136—137.
- ¹¹³ *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России в XVII — первой половине XIX вв. Автореферат док. дис. Екатеринбург, 1993. С. 26.
- ¹¹⁴ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 398.
- ¹¹⁵ *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1802. Ч. 2. С. 283.
- ¹¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹¹⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 68—69.
- ¹¹⁸ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 282; *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 151.
- ¹¹⁹ *Крамаренков В. И.* Указ. соч. С. 401, 420.
- ¹²⁰ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 283.
- ¹²¹ *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 154.
- ¹²² *Вагина П. А.* Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 14—15.
- ¹²³ Сборник РИО. Т. 115. С. 302.
- ¹²⁴ *Крамаренков В. И.* Указ. соч. С. 417.
- ¹²⁵ Там же. С. 416—417.
- ¹²⁶ *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—335.
- ¹²⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 271; *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 130.
- ¹²⁸ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 119; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 111.
- ¹²⁹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 318, 376; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328.
- ¹³⁰ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 180—181; Материалы; Т. IV, ч. 2. С. 377; *Орлов А. С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 62, 156.
- ¹³¹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 268; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 334.
- ¹³² *Бернадский В. Н.* Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та. Л., 1962. Т. 229. С. 48.
- ¹³³ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 6.
- ¹³⁴ *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 130—131.
- ¹³⁵ *Крамаренков В. И.* Указ. соч. С. 413.
- ¹³⁶ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 49—50; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 136—137.
- ¹³⁷ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 194.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 5—6; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск, 1969. Ч. 2. С. 235.
- ¹³⁹ *Кондрашенков А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 236—237; Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 194.

- ¹⁴⁰ Крамаренков В. И. Указ. соч. С. 421.
- ¹⁴¹ Там же. С. 414, 418.
- ¹⁴² Там же. С. 418; *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 49—50; *Беляевский М. Т.* Указ. соч. С. 134—135.
- ¹⁴³ Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 4. С. 90.
- ¹⁴⁴ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 194—198, 202—212; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 311—312.
- ¹⁴⁵ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 195, 202.
- ¹⁴⁶ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁴⁷ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 210.
- ¹⁴⁸ *Крамаренков В. И.* Указ. соч. С. 420; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 71, 80.
- ¹⁴⁹ ГПБ ОР. Ф IV 668. Л. 135 об.— 136.
- ¹⁵⁰ *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 58.
- ¹⁵¹ *Черянухов А. В.* История медеплавильной промышленности России в XVII — первой половине XIX вв. С. 28.
- ¹⁵² *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 101—102.
- ¹⁵³ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 96—97.
- ¹⁵⁴ *Вагина П. А.* Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-е гг. XVIII вв. С. 315—316.
- ¹⁵⁵ *Рычков П. И.* Примечания о прежнем и нынешнем земледелии // Труды ВЗО. 1767. Ч. VI. С. 64—65.
- ¹⁵⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 376—377; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—334.
- ¹⁵⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 70.
- ¹⁵⁸ Цит. по: *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России. С. 57.
- ¹⁵⁹ История Урала. С. 317.
- ¹⁶⁰ Цит. по: *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁶¹ *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России. С. 47.
- ¹⁶² РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 6. Л. 38.
- ¹⁶³ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 322—323.
- ¹⁶⁴ *Лепехин И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 246—247.
- ¹⁶⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379.
- ¹⁶⁶ *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России. С. 52—53.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 7—8.
- ¹⁶⁸ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 49.

§ 2. Положение служилого населения, дворянства, купечества

¹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 220 об., 264.

² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 457.

³ Там же. С. 486—488.

⁴ Там же. С. 53—54 и др.

- ⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 223; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 441—442.
- ⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 79. Л. 121—122.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 3—4; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 511—512.
- ⁸ *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия. Ч. 2. С. 59, 114—115, 143.
- ⁹ Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51-а. Л. 28—29.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 222.
- ¹¹ Научное наследие П. С. Палласа. СПб., 1993. С. 125—126, 168—169.
- ¹² РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 265.
- ¹³ ГАОО. Ф. 3. Д. 84. Л. 18; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 497, 499.
- ¹⁴ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 505, 508.
- ¹⁵ Там же. С. 502—503.
- ¹⁶ Там же. С. 505—509.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 93. Л. 18.
- ¹⁸ Там же. Л. 20—31.
- ¹⁹ Крестьянская война. С. 291—292.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 69. Л. 190—191; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 510. Т. V. С. 571.
- ²¹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 65—92.
- ²² ГАОО. Ф. 3. Д. 155. Л. 27.
- ²³ ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3380. Л. 123.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 3. Д. 79. Л. 1, 104.
- ²⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3380. Л. 169—170.
- ²⁶ Там же. Л. 169—170.
- ²⁷ Там же. Л. 134—135.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 134—135.
- ³⁰ Там же. Л. 199.
- ³¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 114. Л. 230.
- ³² ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 789. Л. 5—7.
- ³³ ГАОО. Ф. 3. Д. 118. Л. 259, 262 об.
- ³⁴ Там же. Л. 262, 264; Д. 120. Л. 60—266; ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 789. Л. 7.
- ³⁵ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 789. Л. 6.
- ³⁶ Там же. Л. 7—8; ГАОО. Ф. 3. Д. 125. Л. 81—82.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 125. Л. 80—83; ЦГИА РБ. Ф. 138. Д. 789. Л. 3—4.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 20. Д. 954. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3354. Л. 342; ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 174—177.
- ³⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 129. Л. 2, 98.
- ⁴⁰ Там же. Д. 124. Л. 2, 144—161.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 954. Л. 62, 90—96; ГАОО. Ф. 3. Д. 130. Л. 31.
- ⁴² РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 3; Д. 954. Л. 61, 90—96.
- ⁴³ Материалы по... ОКВ. Оренбург, 1909. Вып. V. С. 13; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 442—443.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Л. 14.
- ⁴⁵ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 787. Л. 72.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Л. 108—109.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 231, 270.

- ⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3376. Л. 48; Д. 3381. № 364—373; ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Л. 93.
- ⁴⁹ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 440, 443.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Л. 145—148.
- ⁵¹ Там же; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 440.
- ⁵² Материалы. Т. V. С. 579, 581.
- ⁵³ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп.1. Д. 790. Л. 51—52.
- ⁵⁴ Там же. Д. 800. Л. 87.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 270.
- ⁵⁶ Сборник РИО. Т. 8. С. 427; РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 183—186, 280—281; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 464—470.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 75.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 211—213, 263, 265.
- ⁵⁹ *Асфандияров А. З.* Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 3—9; Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51-а. Л. 21—22.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Д. 281. Л. 1—28.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 429. Д. 59 г. Л. 6.
- ⁶² Там же. Д. 86. Л. 63; Д. 105. Л. 20—21; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 511.
- ⁶³ ГАОО. Ф. 3. Д. 86. Л. 2, 7, 70—154; Д. 92. Л. 215—216.
- ⁶⁴ Там же. Д. 104. Л. 202.
- ⁶⁵ Материалы по... ОКВ. Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 132; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 512.
- ⁶⁶ *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 33—34.
- ⁶⁷ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. С. 20.
- ⁶⁸ *Витевский В. Н.* Указ. соч. Вып. 5. Приложение. Казань, 1897. С. 22—24.
- ⁶⁹ Там же. С. 301—305.
- ⁷⁰ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Ч. 2. Приложения. С. 70.
- ⁷¹ *Бородин Н.* Указ. соч. С. 805—811.
- ⁷² *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 177.
- ⁷³ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 419.
- ⁷⁴ *Рябинин А.* Яицкое казачество. С. 598.
- ⁷⁵ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 786. Л. 79.
- ⁷⁶ Там же. Л. 32—33; Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Ч. 2. С. 31.
- ⁷⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 82. Л. 237; Д. 87. Л. 129—132, 177—179.
- ⁷⁸ Там же. Д. 118. Л. 429—436.
- ⁷⁹ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 8.
- *Учуг — большое деревянное сооружение из вбитых в дно реки свай, с прикрепленными к ним решетками, предназначенное для задержания красной рыбы.
- ⁸⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 102. Л. 8—9; ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 32.
- ⁸¹ *Витевский В. Н.* Указ. соч. Вып. 2. С. 309.
- ⁸² *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 81.
- ⁸³ ГАОО. Ф. 3. Д. 102. Л. 12—15.
- ⁸⁴ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 39.
- ⁸⁵ Там же. С. 62—63.
- ⁸⁶ Там же. С. 63—65.

- ⁸⁷ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Ч. 2. Приложение. С. 32; Материалы по... ОКВ. Вып. V С. 90.
- ⁸⁸ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 45.
- ⁸⁹ Там же. Вып. III. С. 47—48.
- ⁹⁰ Там же. Вып. III. С. 52—53, 79.
- ⁹¹ Там же. Вып. V С. 43.
- ⁹² Там же. Вып. VII. С. 5.
- ⁹³ *Машин М. Д.* Указ. соч. С. 48—49; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 53—53.
- ⁹⁴ *Стариков Ф.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 133.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 3—4; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 512.
- ⁹⁶ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 33—34.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. Вып. IV С. 13.
- ⁹⁹ Там же. С. 39.
- ¹⁰⁰ *Никольский И.* Военная повинность казачьих войск. Исторический очерк. // Столетие Военного министерства. СПб., Т. XI. 1907. С. 334—335.
- ¹⁰¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 87. Л. 202, 208—209.
- ¹⁰² *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. С. 35.
- ¹⁰³ Материалы по... ОКВ. Вып. I. С. 78; Вып. III. С. 23—26; Вып. V С. 42.
- ¹⁰⁴ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 787. Л. 38—40.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 785. Л. 106—107, 226—229.
- ¹⁰⁶ Материалы по... ОКВ. Вып. IV С. 80.
- ¹⁰⁷ Там же. Вып. V С. 13, 17.
- ¹⁰⁸ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 23—26.
- ¹⁰⁹ Там же. Вып. V С. 19.
- ¹¹⁰ Там же. Вып. III. С. 23.
- ¹¹¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 35—79.
- ¹¹² Материалы по... ОКВ. Вып. IV С. 80.
- ¹¹³ Там же. Вып. III. С. 47—48; Вып. IV С. 78—79; Вып. V С. 43, 78.
- ¹¹⁴ *Никольский И.* Указ. соч. С. 334.
- ¹¹⁵ Материалы по... ОКВ. Вып. I. С. 74.
- ¹¹⁶ Там же. Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 158—159.
- ¹¹⁷ Там же. С. 145—148.
- ¹¹⁸ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 12.
- ¹¹⁹ *Зобов Ю. С.* Помещичье хозяйство и крепостные крестьяне Оренбургского края в первой половине XIX в. Автореф. канд. дис. М., 1976. С. 9; *Азнабаев Б. А.* Из истории формирования уфимского дворянства в XVI—XVIII вв. // Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1990. С. 16, 19.
- ¹²⁰ *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 16—17.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 2—13.
- ¹²² РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 379—402.
- ¹²³ Там же. Л. 408—409.
- ¹²⁴ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 380—402.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 380—402.
- ¹²⁷ Там же. Л. 398.

- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 384.
¹²⁹ Там же. Л. 380.
¹³⁰ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 380—402.
¹³¹ Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 38.
¹³² РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 36—38; Сборник РИО. Т. 8. С. 98—99, 147—148, 299—300, 326—327.
¹³³ Сборник РИО. Т. 8. С. 98.
¹³⁴ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 790. Л. 197—198.
¹³⁵ Сборник РИО. Т. 8. С. 375—376.
¹³⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 816. Л. 6.
¹³⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 137. Л. 74—77.
¹³⁸ Материалы. Т. IV, ч. I. С. 309—310, 325—326.
¹³⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 96. Л. 262—268.
¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 26—27.
¹⁴¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 95. Л. 224.
¹⁴² Там же. Л. 225.
¹⁴³ Ден В. Э. Указ. соч. Т. 2, ч. 2. С. 311—312.
¹⁴⁴ Сборник РИО. Т. 8. С. 114.
¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 67.
¹⁴⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 396—397.
¹⁴⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 81. Л. 83—89; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 398—401.
¹⁴⁸ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 397, 402.

§ 3. Социальный облик старшины служилого населения

- ¹ Крестьянская война. С. 255—258, 277—288; Материалы. Т. IV, ч. I. С. 395; Т. V С. 569; РГАДА. Ф. 1274. Д. 196. Л. 317.
² ГАОО. Ф. 3. Д. 96. Л. 54—55.
³ Там же. Д. 83. Л. 49—50, 141—142; Д. 92. Л. 239; Д. 148. Л. 38—39; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382.
⁴ ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 38.
⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 50—60.
⁶ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1. С. 530.
⁷ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 268.
⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 96. Л. 68—69.
⁹ Там же. Д. 111. Л. 48.
¹⁰ Там же. Л. 49.
¹¹ Там же. Л. 50.
¹² Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896. С. 68—69.
¹³ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 214—215.
¹⁴ Там же. Л. 215.
¹⁵ Там же. Л. 216.
¹⁶ Там же. Ф. 6. Д. 516, ч. 3. Л. 156.
¹⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 100. Л. 21—22.
¹⁸ Там же. Д. 83. Л. 52.
¹⁹ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 53.
²⁰ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 177, 178, 186—187, 197—198, 249, 395.

- ²¹ Дневные записки путешествия капитана Рычкова в киргис-кайсацкой степе, 1771 году. СПб., 1772. С. 18—19.
- ²² Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 11, 14.
- ²³ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ²⁴ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 246.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 212—213; ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 22—23; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 211, 212, 264; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 463.
- ²⁷ Лепехин И. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 51—52.
- ²⁸ ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3380. Л. 60—63.
- ²⁹ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 194—196.
- ³⁰ Там же. Ч. 2. С. 44.
- ³¹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 265.
- ³² ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 54.
- ³³ Там же. Д. 3380. Л. 60—63.
- ³⁴ Там же. Д. 3376.
- ³⁵ Там же. Л. 12.
- ³⁶ Там же. Д. 3376. Л. 16.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 182—183.
- ³⁸ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 318—319, 391—392.
- ³⁹ Там же. С. 318—319.
- ⁴⁰ Там же. С. 306—307.
- ⁴¹ Там же. С. 183; Ч. 2. С. 379—380.
- ⁴² Там же. Т. IV, ч. 1. С. 258—259, 263.
- ⁴³ Там же. С. 314—315.
- ⁴⁴ Там же. С. 281, 289—290, 292—293, 314—315.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 218.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 79. Л. 1—164.
- ⁴⁷ Там же. Д. 69. Л. 190—200, 210—237.
- ⁴⁸ Материалы. Т. V. С. 552—554.
- ⁴⁹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3354. Л. 11.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 100. Л. 21.
- ⁵¹ Там же. Д. 148. Л. 27—28; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 24.
- ⁵² ГАОО. Ф. 3. Д. 87. Л. 165—169; Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 324—325; ч. 2. С. 53—56.
- ⁵³ ГАОО. Ф. 3. Д. 92. Л. 92.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 219; ГАОО. Ф. 3. Д. 128. Л. 116—118.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 126—127.
- ⁵⁶ Там же. Д. 96. Л. 54.
- ⁵⁷ Там же. Д. 155. Л. 21.
- ⁵⁸ Там же. Д. 145, Л. 45; Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. С. 187.
- ⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 62.
- ⁶⁰ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 415.
- ⁶¹ Там же. С. 381.
- ⁶² ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ⁶³ Там же. Д. 3380. Л. 61.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 67. Л. 3.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1454. Л. 10; Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 11,

- ⁶⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 406, 414, 415; Т. V С. 547; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 35; ГАОО. Ф. 3. Д. 106. Л. 80.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 155. Л. 21—23.
- ⁶⁸ Там же; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 117—119.
- ⁶⁹ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 185—186.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 379. Л. 454—455, 463—465.
- ⁷¹ Валиев Д. История нравственного сознания башкирского народа. Уфа, 1984. С. 55—57.
- ⁷² РГАДА. Ф. 342. Д. 127, кн. 3. Л. 9.
- ⁷³ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 62—63, 124—125; Крестьянская война. С. 254—257, 271—272; РГАДА. Ф. 429. Д. 59 г. Л. 14.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 93—136; ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 218.
- ⁷⁵ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ⁷⁶ Лепехин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 53.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 101, 104, 107; Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 148. Л. 296—297; ГАОО. Ф. 3. Д. 140. Л. 31.
- ⁷⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 218—220; Д. 92. Л. 283—286; Д. 95. Л. 154—164.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 649—670; Д. 593. Л. 106; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ⁸⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 72. Л. 167, 343; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376, 3382; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 486.
- ⁸¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 85; Д. 97. Л. 46, 93; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 326—351; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3359, 3376, 3382; Крестьянская война. С. 279.
- ⁸² ГАОО. Ф. 3. Д. 97. Д. 46. 93—95, 110; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ⁸³ ГАОО. Ф. 3. Д. 69. Л. 190—237; Д. 79. Л. 164; РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/192. Д. 284. Л. 130—132.
- ⁸⁴ Сборник РИО. Т. 8. С. 319, 321; РГАДА. Ф. 6. Д. 516, ч. 3. Л. 156.
- ⁸⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 22—23.
- ⁸⁶ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 267, 280—283, 286—287, 290—297, 305—309, 316, 343—344.
- ⁸⁷ Там же. С. 313—314.
- ⁸⁸ Там же. Ч. 2. С. 410.
- ⁸⁹ Там же. Ч. 1. С. 295, 304, 305.
- ⁹⁰ Там же. Ч. 2. С. 389—390.
- ⁹¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 83. Л. 273—274.
- ⁹² ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 18, 30—100.
- ⁹⁴ Сборник РИО. Т. 8. С. 321.
- ⁹⁵ Материалы. Т. V С. 680; Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., 1904. Т. II, ч. 2. С. 317—319.
- ⁹⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 95. Л. 162—163.
- ⁹⁷ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 414—422.
- ⁹⁸ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3376.
- ⁹⁹ Паллас П. С. Указ. соч. Ч. 1. С. 413—414.
- ¹⁰⁰ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Ч. 2. Приложение. С. 53.
- ¹⁰¹ Рознер И. Г. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁰² ГАОО. Ф. 3. Д. 118. Л. 429—436.
- ¹⁰³ Цит. по: Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. С. 51.

- ¹⁰⁴ Столетие военного министерства. 1802—1902. Т. XI. *Никольский А. И.* Воинская повинность казачьих войск. С. 246.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁰⁶ *Бородин Н.* Указ. соч. С. 277, 281.
- ¹⁰⁷ *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁰⁸ ГАОО. Ф. 3. Д. 74. Л. 1—121.
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 72. Л. 17; Д. 81. Л. 83—89; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 93—94.
- ¹¹⁰ *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 50.
- ¹¹¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 118. Л. 434 об.
- ¹¹² Восстание Емельяна Пугачева. С. 112.
- ¹¹³ Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. Ч. 2. Приложение. С. 39.
- ¹¹⁴ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. С. 248.
- ¹¹⁵ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 35.
- ¹¹⁶ Там же. Вып. III. С. 91; Вып. V. С. 89.
- ¹¹⁷ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 139—140, 274—275.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 380.
- ¹¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 13. Л. 158, 165—167, 232, 236.
- ¹²⁰ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. С. 252.
- ¹²¹ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 226, 246, 259.
- ¹²² Материалы по... ОКВ. Вып. VII. С. 301—303.
- ¹²³ Сборник РИО. Т. 8. С. 318—320.
- ¹²⁴ Материалы по... ОКВ. Вып. IV. С. 2.
- ¹²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 362.
- ¹²⁶ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 99, 116—117.
- ¹²⁷ Дело о самозванце Ф. И. Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992. С. 5—7, 114.
- ¹²⁸ Материалы по... ОКВ. Вып. VII. С. 301—303.
- ¹²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 243.
- ¹³⁰ Материалы по... ОКВ. Вып. III. С. 75—76.
- ¹³¹ Там же. Вып. IV. С. 29; Вып. VII. С. 149.
- ¹³² *Беляевский М. Т.* Указ. соч. С. 85.
- ¹³³ Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 149.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 92. Л. 85—91.
- ¹³⁶ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 798. Л. 158.
- ¹³⁷ Материалы. Т. IV, ч. 1. С. 304.
- ¹³⁸ Там же. С. 284, 303—304.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI. Л. 238.
- ¹⁴⁰ История Урала. С. 307—308.
- ¹⁴¹ *Кондрашенков А. А.* Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962. С. 111—113.
- ¹⁴² *Смирнов С. С.* Крестьяне-отходники Исетской провинции // И. И. Неплюев и Южно-Уральский край. Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 14—16.
- ¹⁴³ История Урала. С. 307—308.

.....

Глава III. Характер и формы социальной борьбы трудового населения накануне Крестьянской войны 1773 -1775 гг.

Рост феодальной ренты и государственных налогов, многочисленных натуральных повинностей крестьян и служилого населения; регламентация их труда и быта со стороны государства; насилие и вымогательство чиновников административного аппарата, помещиков и заводчиков; ограничение сословных прав и привилегий казачества и башкир — все это влекло за собой понижение уровня жизни, экономического состояния всех категорий трудового населения, вызывало недовольство в их среде, ожесточение народной борьбы за изменение условий существования к лучшему. Социальный протест протекал в различных формах и в ряде случаев носил длительный и упорный характер.

В последние полтора десятилетия перед Крестьянской войной для большинства населения губернии — башкир, оренбургских казаков, калмыков, государственных, дворцовых, экономических и помещичьих крестьян был характерен относительно «мирный» период развития классовой борьбы. С открытым протестом выступила новая социальная сила — приписные крестьяне восьми частных заводов губернии, волнения которых, то утихая, то вспыхивая с новой силой, продолжались с конца 1750-х до середины 1760-х гг. В начале 1760-х волнениями были охвачены также деревни монастырских крестьян Исетской провинции. Недовольство, длительное время зревшее среди яицких казаков и проявлявшееся порой в отдельных горячих событиях, вылилось в 1772 г. в крупное восстание.

Прошения, наказы. Самой распространенной формой протеста простого народа была подача челобитий — жалоб, донесений, прошений и т. п. Башкиры и казаки, государственные

и дворцовые крестьяне имели в том многовековой опыт. Они апеллировали к центральным и местным органам власти и управления. Пытались довести свои нужды и заботы до самой императрицы.

Многие челобитные были хорошо продуманными, юридически аргументированными документами. Они писались людьми грамотными, в той или иной степени знавшими законы и другие правовые акты.

Содержание челобитных было разнообразным. Они несли в себе требование уменьшить повинности, отменить приписку государственных крестьян к мануфактурам, повысить оплату заводских работ; они протестовали против захвата земли помещиками и заводчиками, содержали жалобу на бесчинства и злоупотребления администрации.

В 1767 г. в Сенат было подано челобитье от башкир, мишарей, татар, марийцев и удмуртов, искавших управу на уфимского воеводу И. В. Спиридова и провинциальную канцелярию. Оно было подписано депутатами Уложенной комиссии Токтамышем Ижбулатовым, Абдулзялилем Максютковым, Мухаметкаримом Ибрагимовым и Якимом Бекбовым. Депутаты жаловались, что местные власти «по текущим в тамошней провинциальной канцелярии по прозьбам означенных народов делам чинят крайнее медление и волокиту, а они через то лишаются всегда своего удовольствия». Челобитчики не побоялись выдвинуть требование «об отрешении его, Спиридова, ... от воеводской должности» и смене состава канцелярии¹. Дело завершилось частичной победой заявителей: решением Сената от 25 февраля 1769 г. секретарь канцелярии С. Атаев был отстранен от должности. Но Спиридов, в связи со сменой губернатора, еще некоторое время оставался на посту². Новый воевода А. Н. Борисов получил назначение в начале 1770 г.³

Подавляющее большинство прошений на высочайшее имя и в Сенат пересылалось на рассмотрение в Оренбург. Так, челобитная башкир Казанской дороги в 1768 г. на заводчика И. Л. Тимашева, купившего башкирские земли с нарушением закона, была отослана из Петербурга губернатору⁴. Правда, проявляя заботу о положении башкир как служилого сословия, Сенат потребовал от губернатора быть внимательным к их нуждам и «в надлежащие места в сей губернии накрепко подтвердить, чтоб башкирцам никаких насильств, а того меньше наглостей, наносимо, також и подвод от них своеволью и безденежно брано не было; под опасением следующего за то по законам штрафу»⁵. Рейнсдорп же признал жалобу башкир «неосновательною и затейною», а напутствие правительства, не-

сколько изменив, переправил в Уфимскую провинциальную канцелярию⁶.

Осенью 1771 г. 124 тептяря из ясачных марийцев, живших в деревнях Сибирской дороги, «через почту» отправили в Сенат прошение назначить «достойного и сведущего прав государственных офицера» для расследования противозаконных поступков воеводского товарища Красноуфимской крепости Ф. Попова. Но Сенат не стал рассматривать жалобу и отослал ее в Оренбург⁷. Местные власти не наказали Попова, он и остался среди «служителей» губернской администрации⁸.

Несколько важных и содержательных челобитных были доставлены в Сенат и канцелярию Екатерины II выборными от крестьян и казаков во время волнений 60-х годов приписанных к заводам крестьян и яицких казаков.

Поток прошений шел на имя губернатора и воевод. Башкиры выражали недовольство невыплатой денег за участие в преследовании калмыков, во время которого они понесли огромные потери в лошадях. На свое положение пытались обратить внимание властей башкиры и мисары, которым в 1769 г. удвоили срок службы на Сибирских линиях. Появились и жалобы казаков, башкир, мисарей на феодализирующуюся старшинскую верхушку. Некоторые из этих документов уже упоминались в предыдущих частях настоящего обзора.

Отличительной особенностью челобитий рассматриваемого периода было то, что в них речь шла не только о частных нуждах отдельных групп населения, но выдвигались общие требования, касающиеся состояния правопорядка, отстаивались права и привилегии крестьян и служилого населения от посягательств со стороны феодального государства. Эта форма сопротивления имела большое значение для развития народного сознания. При составлении прошений, — отмечал специально исследовавший челобитные третьей четверти XVIII в. В. Н. Бернадский, — «требовалась напряженная работа мысли, у крестьян постепенно раскрывались глаза на их положение в обществе и на отношение к ним органов государства»⁹.

Ответом на усиление гнета «государственного феодализма» стали и указы в Уложенную комиссию 1767 г. Служилым населением губерний — казаками, башкирами, мисарями, служилыми татарами и калмыками были составлены 16 наказов и обращений в комиссию; государственными крестьянами и тептярями — 37 общих и погостных наказов; 3 наказа подготовили купцы и торговые татары¹⁰. Изложенные в форме прошений, осторожных выражениях, указы в своей сути несли запал антифеодального протеста населения края. В наказах и выступлениях депутатов на Большом собрании Уложенной ко-

миссии критиковались отдельные нормы феодального права, регулировавшие следственно-судебное разбирательство, торговлю и промыслы. Ряд наказов содержал требование усилить меры контроля над злоупотреблениями и притеснениями со стороны местной администрации, духовенства, чиновников, проезжавших через губернию. Феодально-зависимое население края протестовало против возрастания объема повинностей, платежей, различных служб, государственно-правовой регламентации их жизни. Башкиры писали о нарушении одного из основных условий присоединения Башкортостана к Русскому государству — права на владение землями и настаивали на возвращении им земель, захваченных обманым путем. В наказах служилого населения звучали правовые требования, вызванные ограничением казачьей автономии, особых сословных привилегий.

К наказам населения Оренбургской губернии в полной мере могут быть приложены выводы известного историка М. Т. Белявского, изучившего весь комплекс наказов в Уложенную комиссию. Исследователь писал, что хотя в крестьянских наказах «мало обобщений и отсутствуют выводы, они от первой до последней строки были проникнуты протестом против крепостничества и его проявлений, звучали как обвинение по адресу всего крепостнического государства и его аппарата», а царистские настроения в наказах государственных крестьян, казаков, башкир и других сословных групп населения были в корне противоположны монархизму дворян, являлись лишь оболочкой суровой и жестокой борьбы трудовых слоев против феодально-абсолютистского режима¹¹.

Побеги. Население края сплошь и рядом шло на сознательное неповиновение властям: это самовольный захват земель, порубка леса; побеги из крепостничьего поместья и с заводских подневольных работ; уклонение от рекрутчины и внутренней воинской и полицейской службы.

Взрыв неповиновения на заводах последовал после того, как стал известен указ Берг-коллегии от 6 сентября 1765 г. о запрещении промышленникам насильственно удерживать завербованных крестьян на заводах. О бегстве наемных сообщали конторы Варзино-Алексеевского, Троицких, Архангельского и других заводов¹². Чтобы обезопасить себя от сторожевых постов на дорогах и в деревнях, беглецы с заводов нанимались на соляные барки, плавающие по Белой. В 1770—1771 гг. заводские конторы постоянно жаловались губернатору на командиров «соляных караванов», принимавших беглых. Так, 26 апреля 1771 г. с Авзяно-Петровского завода ушли пятеро крестьян. Заводской конторщик В. Р. Набатов разыскал их на со-

ляных барках у Табынска, но «соляные работники и тех беглых людей отбили, и ево, Набатова, захвата, бить хотели». Конторщика спас казачий караул. Таким же образом удалось бежать бурлакам и крепостным крестьянам Благовещенского завода¹³.

Часть беглых оставалась в губернии. Кроме того, сюда же шли помещичьи крестьяне из Поволжья и Центра страны. Они не всегда находили работу на заводах или в хозяйствах богатых казаков и крестьян. Лишь часть из них становилась припущенниками в башкирских волостях. Присутствие большого числа безработных и бездомных людей создавало напряженную обстановку в крае. Не имея средств к существованию, беглые занимались грабежами, даже нападали на крупные населенные пункты. Весной 1766 г. отряд «злодеев-разбойников» ограбил Троицкую крепость. Для разрядки социально-опасной обстановки Берг-коллегия передала губернской канцелярии полномочия по организованному выводу с заводов беглых и беспаспортных¹⁴.

Распространенной формой протеста крещеных ставропольских калмыков против условий жизни, тяжелых феодальных повинностей было бегство в Калмыцкое ханство. В 1763 г. из Ставрополя бежало 52 чел., в 1765 г. — 19 чел., в 1766 г. — 13 чел. Из Оренбургского корпуса в 1766—1767 г. самовольно ушло 54 калмыка¹⁵. С целью пресечения побегов Коллегия иностранных дел направила грамоту наместнику ханства Убаше и указ подполковнику Кишенскову о немедленном возврате беглецов. Указом Екатерины II от 31 декабря 1767 г. оренбургскому губернатору было поручено установить в степи специальные заставы и временные разъезды, а всех пойманных калмыков подвергать жестоким наказаниям¹⁶.

Протестом против продления с 1769 г. сроков службы на Сибирской линии были побег башкир и мишарей из крепостей и форпостов. В августе 1770 г. Уфимская провинциальная канцелярия разыскивала восьмерых башкир, бежавших из Петропавловской крепости. Осенью по распоряжению воеводы были наказаны плетью за побег башкиры Шайтан-Кудейской, Сунларской, Гайнинской, Юрматинской и др. волостей¹⁷.

Непослушание властям выражалось и в форме самовольного переселения башкир на новые места жительства. Старшины разыскивали переселенцев и просили помощи в этом от воевод. В 1765 г. из Бурзьянской волости ушли жители 15 дворов, и это стало темой специального разбирательства в провинциальной канцелярии¹⁸.

До Сената доходили сведения о недовольстве в народе правлением самой Екатерины II. Ее открыто бранили в пуб-

личных местах, говорили в адрес императрицы «дерзкие слова». В 1765 г. правительство рассматривало дело башкира д. Карманово Уранской вол. Осинской дороги Зайсана Юсупова, который принародно в мечети назвал Екатерину II «неверной государыней». По решению Сената Зайсан был наказан плетью. (Если бы у него не было семьи, Зайсану грозила бы ссылка на Нерчинские рудники.) Без должного уважения говорил об императрице достаточно лояльный к властям сын отставного старшины Сибирской дороги Рысбай Шиганаев¹⁹.

Религиозное движение. Среди русского населения губернии широкое распространение имело религиозно-общественное движение — старообрядчество. Старообрядцами-раскольниками было большинство яицких казаков, часть оренбургских казаков, заводского населения и исетских государственных крестьян. Движение за «старую веру», «истинное благочестие» было протестом против феодального гнета, освящаемого официальной православной церковью, уже давно ставшей частью государственного аппарата.

Старообрядческие эсхатологические представления об антихристовом царстве стимулировали недовольство «антихристовыми властями», пробуждали ненависть к институтам и порядкам феодального государства. Формами протеста опять же были бегство и «страдание»: острейшим способом сопротивления стали массовые самосожжения. Старообрядческая организация с ее выборностью священнослужителей наряду с казачьим кругом вносила определенный элемент организованности в стихийное народное движение²⁰.

Протест старообрядцев, особенно самосожжения, вызывал крайнее беспокойство властей. В 50 — начале 60-х гг. из-за гонений подвергли себя самосожжению десятки раскольников Исетской провинции, среди которых были и крестьяне, приписанные к заводам. Так, в 1761 г. сожгли себя 159 чел. из д. Кузино²¹. Заводчики постоянно обращались с прошениями к губернаторам и самой императрице о прекращении террора церкви против староверов.

В середине 60-х годов антираскольническое направление законодательной и административной деятельности властей претерпело изменения. Власти пошли на компромисс с умеренным старообрядчеством. Манифестом Екатерины II от 3 марта 1764 г. о новой переписи населения допускалась свобода исповедания старой веры, при условии уплаты раскольниками двойной подушной подати²². Государство использовало раскол в финансовых целях. Зажиточные слои раскольничьего крестьянства получили возможность откупиться от официаль-

Руины соборной мечети в бывшем г. Булгаре, месте паломничества мусульман Казанской и Оренбургской губерний в XVIII в.

ной церкви. Крестьяне-раскольники освобождались от рекрутчины, казаки же продолжали нести воинскую службу.

Но и после выхода манифеста государственная официальная церковь препятствовала записи в раскол. В 1765 г. челябинские казаки писали императрице, что челябинский духовный «заказчик» (благочинный) протопоп П. Флоровский не разрешал переходить к раскольникам 150 верующим по древнему канону. Он бил казаков «немилостивно плетьюми и поленами из своих рук и сажал скованных в скотские хлевы и протчие неподобные места, и через то держание и побои он, Флоровский, брал немалые взятки и собою чинил обобрание деньгами... Иных держал под арестом на дому месяца три»²³. Жалобу переслали митрополиту, который назвал ее клеветнической.

В 1765 г. в Исетской провинции насчитывалось 1672 записавшихся в раскол, три четверти из них до этого записными раскольниками не были. Через 5 лет количество старообрядцев составило 2615 чел.²⁴ Это свидетельствовало о растущей симпатии крестьян и исетских казаков к старообрядчеству.

Крупным центром старообрядчества в стране было Яицкое войско. Несмотря на многие усилия гражданских и духовных властей вернуть войско в лоно государственной религии, оно оставалось раскольничьим. Яицкие казаки не приняли исправленных при патриархе Никоне богослужебных книг и обрядов и продолжали отстаивать старые. В середине XVIII в. Яик являлся одним из крупнейших убежищ раскола. По распоряжению губернских властей было предпринято несколько акций по выявлению раскольников и их наказанию вплоть до ссылки. Старшинам вменялось в обязанность отвращать казаков от староверия, заставляя их ходить в церковь. Однако казаки не скрывали своей приверженности к расколу, и их антицерковный протест от мирных «страданий» переходил к активным формам сопротивления. Во время восстания 1772 г. повстанцы шли с оружием в руках под знаменами с раскольничьим крестом. По наблюдениям посетившего в 1769 г. Яик П. С. Палласа, казаки молились дома, а в церкви не ходили даже по праздникам²⁵. Генерал-майор Ф. Ю. Фрейман, командир карательного отряда, посланного на подавление восстания яицких казаков, доносил, что казаки — «все раскольники и никто в церковь не ходит, старшин и прочих чиновных я к тому принуждал»²⁶. Казаки крепко держались своей веры как толики социальных прав и политических свобод.

Религиозное движение сильно задело и мусульманское духовенство. Борьба за свободу вероисповедания была формой социальной борьбы и отсюда черпала свои силы и энергию.

В конце 60 — начале 70-х гг. в Башкирии распространились рукописные книги муллы Мурата Ишапова (Ишкалиева) из Недыровой вол. Казанской дороги. Автор проповедовал в них ни много, ни мало идеи обновления ислама, актуализации его социальных и моральных норм, приближения духовных ценностей мусульманской религии к человеку и его насущным нуждам. Не затрагивая символа веры и столпов ислама, он мечтал о создании единой всемирной религиозной организации, глава которой стоял бы духовно выше всех царей. Себя он считал «верховным святым», который «по ныне наступившему времени уполномочен» свыше распространять свое учение.

Ахун Сеитовой слободы Абдулнасыр Абдусаламов и несколько мулл в апреле 1771 г. донесли оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, что мулла Мурат сочинил книгу «вопреки закона их мухаммеданского», и предупреждали губернатора, как бы под влиянием этой книги «не пришел народ их в возмущение»²⁷.

По приказу Рейнсдорпа Уфимской провинциальной канцелярии мулле Мурата следовало срочно доставить к губернатору. Но мулла Мурат с двумя своими учениками — Абдулкаримом Ибраевым и Аитом Уразметевым сам приехал в Оренбург и представил губернатору рукописи на старотюркском языке. Всех троих направили к ахуну Сеитовой слободы, которому было велено «те его, Муратовы, сочинении, отобрав от него», изучить, а затем допросить автора и его учеников. Внимание ахуна и мулл обращалось на то, чтоб они «по искусству их закона точняе испытали: нет ли и в самом деле каких-либо от него, Мурата, закону их противностей и к народному разврату служащих толкованей»²⁸.

Одновременно губернская канцелярия поручила уфимским провинциальным властям произвести обыск в доме Мурата. Посланная туда команда привезла «татарского диалекта книги», которые также были отправлены ахуну Сеитовой слободы²⁹. В середине мая ахун и муллы с тревогой сообщили губернатору, «что по свидетельству отобранных от него, Мурата, книг ево, найден он, Мурат, а с ним и ученики ево, в такой важности, по которой де должны они содержаны быть под строгим караулом»³⁰. Следственное разбирательство было перенесено в Оренбург, а затем в Петербург.

Точно определить количество рукописей муллы Мурата сложно. По его собственным словам, Мурат передал губернатору 3 книги и «несколько бумаг». В «Описи найденным у муллы Мурата и протчих книгах и записках», составленной в Оренбургской губернской канцелярии, указаны две книги

Панорама центральной части бывшего г. Булгара в середине XIX в. С гравюры художника А. Дюранда

«в переплете кожою покрыты; восемь разных записок на малых лоскутках; 1 записка на лоскуте сообщникам его, Муратовым, о том, что они ему, Мурату, в этом присягали». Еще одну книгу мулла Мурат почему-то решил не вести губернатору и по пути в Оренбург передал башкиру Недыровой вол. Абдулхайру Иштерякову (из команды башкирского старшины Юсупа Недырова)³¹. К сожалению, рукописные сочинения муллы Мурата в архивах не обнаружены. В следственном деле муллы имеются только выписки из его трудов на 28 листах, сделанные ахуном и муллами Сеитовой слободы. Поэтому трудно полностью раскрыть содержание и дать объективную оценку идеям, изложенным в книгах Мурата.

По свидетельству сеитовского ахуна, мулла Мурат утверждал, что «сочиненная им книга — ключ четырем книгам, яко то Ветхому Завету, Евангелию, Псалтири и Алкорану»³². На основе этих священных книг, прежде всего, двух великих религий — христианства и мусульманства, он, якобы, пытался создать «новый закон» для человечества. Одновременно Мурат, будто бы, объявлял себя будущим «владельческим вселенной солтаном» с резиденцией в Египте, и что «о его де в последние веки пришествии известно в том Ветхом Завете»³³.

Наряду с общими рассуждениями и явными небылицами (родом он, якобы, «от наследия дочери Магомеда пророка Фатьмы»; знает тайну «живой воды» и денежных кладов и т. п.), мулла Мурат уделял особое внимание привлечению мусульман к молениям в старинном Булгаре. «Новою весною, — возвещал

он, — город Булгары переименован будет в Наубагар, и престол праотца Адама в виде вертограда покажется. И сойдет от рая из чистаго серебра зделанной престол, которой де будет ему колыбелью»³⁴.

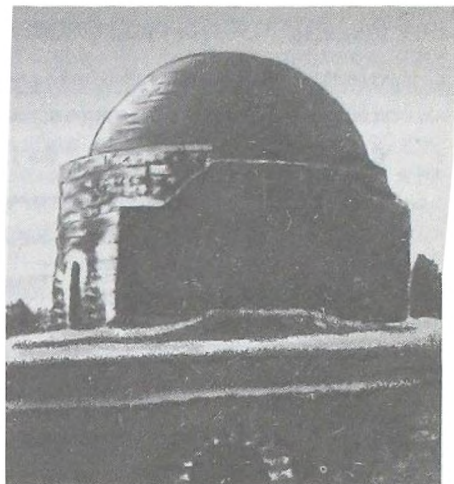
И в книгах, и во время допросов мулла Мурат утверждал, что чувствует себя рабом божьим, прикоснувшимся к высшей святости, удостоенным счастья увидеть и услышать во сне призыв пророка Мухаммеда, что все рукописные труды писал не он сам, «не своим умом», а диктовал ему «дух святой», вселившийся в него в 1767 г. во время поклонения мощам святых на мусульманском кладбище в древнем Булгаре (Болгаре)³⁵.

По распоряжению губернской канцелярии, 17 мая мулле Мурата и его учеников, «скованных в ножные железа», посадили под караул. Для охраны важных арестантов часовыми были назначены надежные солдаты и казаки во главе с урядником. Опасаясь, что мулла Мурат может бежать, канцелярия распорядилась, чтобы в его камере всю ночь горели свечи, а урядник дважды в сутки рапортовал о состоянии арестованных.

В ходе расследования обнаружилось, что единомышленники у муллы Мурата жили и в самой Сеитовой слободе: абыз Абдулвахит Асанов, торговые татары Абдулрешит Юсупов и его брат Габейдулла. Их срочно разыскали в Казанской губернии, куда они выехали по паспортам, и, доставив в Оренбург, тоже посадили под караул³⁶. Губернатора насторожило обнаруженное посыльными письмо Абдулрешита к родственникам в Астраханскую губернию, в котором он предупреждал никому не говорить, а «таить» его недавнее пребывание у них³⁷. У Рейнсдорпа появилось подозрение в связях мусульман губернии с только что присоединенным к России Крымом, а через Крым и — с Турцией.

Об успехах проповеднической деятельности муллы Мурата, его учеников и последователей свидетельствовал значительный приток мусульман-паломников из Оренбургской губернии к развалинам бывшей столицы Булгарского ханства — городу Булгару, находившемуся неподалеку от пригородка Биллярска. Сюда, по сообщению генерал-майора А. И. Миллера, служившего в войсках в Казанской губернии, «уфинские татары и башкирцы по одним только данным им от старшин их письмам» в мае-июне 1769 г. «под видом тем, якобы для приношения в тамошних местах мнимой их жертвы, приезжали немалыми партиями человек по 100, по 200 и по 300, а всех их собиралось не менее 3 тысяч человек». Генерал обращал внимание «хозяина» Оренбургской губернии на необходимость «таковой многолюдственный съезд и собрание пресечь»³⁸.

И сам мулла Мурат рассказывал о быстром распространении его учения: «многие из Казанского и Уфимского уездов муллы, приезжая в дом его, те сочинения слушали» с одобрением, «в чем и присягу ему дали со обещанием тому последовать»³⁹. Некоторые муллы брали его книги для переписки. Среди гостей проповедника были и названные выше сеитовские татары Абдулрешит и Габейдулла Юсуповы и абыз Абдулвахит Асанов. Ко всему, в 1770 г. Рейнсдорп получил сообщение командующего войсками

Ханская усыпальница в г. Булгаре (реконструкция)

на Сибирской линии генерал-майора С. К. Станиславского о волнениях среди башкир и предполагаемом их намерении пересечь пограничную линию и уйти в казахские степи⁴⁰.

Все эти известия так встревожили Рейнсдорпа, что он увидел в мулле Мурате второго Батыршу, «знаки такого замешательства» среди мусульманского населения, что наблюдались накануне восстания 1755 года. Губернатор разослал указы башкирским, мишарским и тептярским старшинам, запрещавшие отпускать большое количество паломников к Билярску, а от Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий потребовал о «башкирском состоянии иметь прилежное примечание», и чтоб «в жилищах бы иноверческих чинено было под приличным претекстом секретное разведование»⁴¹. Воеводы ежемесячно рапортовали ему о положении в своих провинциях. Отчитываясь о ходе расследования дела муллы Мурата перед Сенатом, Рейнсдорп с полной уверенностью писал, что вовремя арестовал Мурата и тем самым предотвратил восстание башкирского народа⁴².

Отчет о расследованиях Рейнсдорпа был получен в Сенате в начале июля, и генерал-прокурор А. А. Вяземский доложил об этом императрице⁴³. Екатерина II распорядилась доставить подследственных в Петербург: «Нового татарского пророка и с сообщниками его, кои содержатся в Оренбурге скованы, прикажите вести сюда, и, как выедут из жилищ татарских, то прикажите их расковать...»⁴⁴.

Князь Александръ Алексѣевичъ, Новаго писма
сваго пророка и въобщимиими и то ной содери
двѣта въ Оренбургѣ снаныи, приискажице
всѣмъ сюда, и какъ въздриге изъ румань
пятиаркиа, то приискажице и въ Расовитѣ,
и въ лику Запима и дрѣго, а много дрѣго
спеша попорго оны поцрѣтѣ и въ Раднѣ ихъ
оранаткѣснѣхъ свѣтъ и въ дрѣ пророкѣ,
и тѣмъ оны и нѣко неликованѣ какъ и то,
тѣмъ оны Раднѣ ихъ Юрѣмѣ поубраде
нѣмъ, дакто макоданѣ нѣкто недрѣто,
и въ самъ себя нѣкто несорѣтѣ,
Книги сего шѣтѣ и тѣмъ нѣмъ
его сущѣмъ сорѣтѣ и дрѣго.

Синѣтъ петербургѣ.

1771го года Июля 7. дня.

Сей Высочайшѣи указа писана собственновъ Ея
Императорскаго Величества рѣшѣ

Свѣдѣннѣмъ и тѣмъ рѣшѣтѣ
Брагинѣ

Письмо Екатерины II генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому о доставлении в Петербург арестованного муллы Мурата и его учеников. 7 июля 1771 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 40.

25 августа муллу Мурата и пятерых его последователей отправили в Петербург⁴⁵. В Сенате все они были допрошены; одновременно были просмотрены русские переводы рукописных книг муллы Мурата. Сенат дважды рассматривал дело Мурата Ишапова-Ишкалиева — 22 декабря 1771 г. и 25 января 1772 г. Учитывая ранее высказанное мнение императрицы о том, что Мурат «инако не виновен, как потому, что он родился с горячим воображением, за что наказания никто не достоин, ибо сам себя никто не сотворит»,⁴⁶ — делу не был дан широкий размах, и следствие в Петербурге быстро завершилось. Было принято определение «все показанное происшествие» оставить «без всякого уважения». Муллу Мурата объявили сумасшедшим. С него взяли подписку в том, что больше ничего подобного он не станет писать и «пустыми толкованиями» магометанского закона не будет заниматься. «Сообщникам» Мурата поверили на слово, что они не распространяли его учения, «ни в чем никакого участия не имеют», и признали невиновными⁴⁷.

Сенат не нашел «прямого опасения и от производимых у них [мусульман] к тому месту, где напредь сего был славной магометанской город, называемой Болгар, зборищей, когда токмо оныя по их обычаю для моления чинятся». Напротив, события натолкнули генерал-прокурора на мысль о создании в Булгаре места паломничества российских мусульман, собственную Мекку: тогда мусульмане «общие их молитвы внутри России приносить привыкнут, а не в Мекку для того ездить будут»⁴⁸. Это мнение Сената было одобрено (а возможно, и подсказано) императрицей. В письме к Вольтеру Екатерина II писала: «Наше духовенство... хотело прежде представить многочисленные собрания татар на этом месте вредными для государства, но я держусь противного мнения: пусть лучше они там справляют свое богомолье, нежели отправляются в Мекку; я запретила беспокоить их, и они за это очень благодарны. Мы видим тому ясные доказательства в эту войну» с Турцией⁴⁹.

Екатерина II стала спасительницей муллы Мурата, избавив его и последователей от суровой расправы, которой они, несомненно, были бы подвергнуты в Оренбурге. Очевидно, императрица и Сенат не хотели тщательным и пристрастным разбором дела обострять религиозный вопрос. С 1768 г. велась война России с Турцией, принесшая народным массам новые налоги, дороговизну, углубившая социальную напряженность в стране. В этих условиях раздувать дело и обращать внимание общественности на появление среди российских мусульман реформаторских поползновений, в которых явно читались проекты социального обновления, было опасно. К тому же в правительстве вызревали идеи, воплотившиеся в указе 1773 г.

«О терпимости всех вероисповеданий». Реально оценивая недовольство мусульманского населения страны религиозной политикой правительства, Екатерина II была вынуждена заявить о свободе вероисповедания. В мае 1773 г. она объявила свой указ Синоду, в котором было сказано: «...как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ея величество, из тех же правил сходствуя, его святой воле всем поступать изволит». После этого указа значительно облегчалось получение разрешения на строительство мечетей. Но до полной реализации его положений было далеко⁵⁰.

Волнения на заводах. В 1760-е гг. народные движения охватили более 50 частновладельческих заводов Урала, работавших с использованием труда приписных государственных крестьян. Екатерина II в своих записках специально отметила, что в первые годы её царствования «внутри империи заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей»⁵¹. В массовых волнениях активнейшее участие приняли крестьяне, приписанные к восьми южноуральским заводам: Авзяно-Петровским, Вознесенскому, Каслинскому, Кыштымским, Сергинским, — и вечноотданные с Воскресенского завода⁵².

Страх потерять свои сословные права и остаться закрепленными за заводами, тяжелый труд на мануфактурах, издевательства и обшеты заводской администрации, боль и тоска по разоряющимся крестьянским дворам, оставленным на длительные сроки без надзора и попечения, подняли на борьбу тысячи государственных крестьян Оренбургской, Казанской и Сибирской губерний, приписанных к уральским заводам. К ним присоединились мастеровые и работные люди из принудительно поселенных на заводах приписных и вольнонаемные, недовольные крепостническими методами эксплуатации.

Летом 1760 г. Авзяно-Петровские заводы перешли к новому владельцу Е. Демидову. Среди крестьян распространился слух, что заводы были проданы без приписных. Трое избранных миром челобитчиков отправились в Сенат с жалобой на несносные условия работы и жизни на заводах и с просьбой освободить их от приписки⁵³. А тем временем приписные крестьяне отказались выполнять заводские работы; началось бегство с заводов.

В конце года на Авзяно-Петровские и Вознесенский заводы попала копия указа Сената от 12 октября 1760 г. об увеличении подушного оклада на 60 коп. Слова указа: «ясашных крестьян ни в какие работы употреблять не велено», — были восприняты как запрещение использовать государственных крестьян в заводских работах. По сообщению авзянопетров-

ской заводской администрации, «переведенные семействами на вечное поселение и присланные из приписных партичные крестьяне, а также мастеровые и работные люди учинили возмущение, оставив угольное жжение, кладку и осыпку в кучи дров, а молотовые мастера оставили в фабриках работу. Крестьяне и мастеровые на работу не идут, а собираются между собой партиями, днем и ночью чинят крики. Заводские работы остановились». До конца года на заводах не осталось ни одного приписного крестьянина. Производство временно прекратилось. Отказались выполнять заводские повинности и приписные Вознесенского завода, направившие своих доверенных в Сенат. Лишь летом 1761 г. с помощью воинских команд часть крестьян удалось вернуть на заводы⁵⁴.

В 1760 г. сложился зауральский очаг народного движения. Среди обитателей Барневской слободы и Масленского острога, приписанных к Каслинскому и Кыштымским заводам, пошли слухи о самовольной якобы приписке крестьян заводчиком, без сенатского указа. В мае они стали на путь открытого сопротивления и присоединились к крестьянам, приписанным из слобод Сибирской губернии. Поводом послужила отправка приписных на строящийся Азяш-Уфимский завод. Центром движения стал Масленский острог. Крестьяне отказывались подчиняться заводским приказчикам; не выходили на работы на действовавших заводах; бежали со строительства Азяш-Уфимского. Они послали своих доверенных с челобитными во все концы — в Сенат, к губернатору, в Шадринскую управительскую канцелярию⁵⁵.

Волнения исетских крестьян обеспокоили Сенат и Берг-коллегию. Они строго потребовали от Главного заводов правления расследовать жалобы приписных и доставить их на работу.

Весной 1761 г. в район массовых волнений вступили команды регулярных войск и донских казаков, насчитывавшие более тысячи человек. Но стабилизировать обстановку они не смогли. Крестьяне тоже сформировали вооруженные отряды. Дважды, в октябре и декабре, они вступали в сражение с карателями. В ходе боев 8 декабря было убито и захвачено в плен до 300 крестьян, убито и ранено 56 солдат. Лишь в конце января 1762 г. крестьяне были приведены в повиновение⁵⁶. Однако в феврале пришло сообщение от поверенных о том, что крестьянам удалось подать жалобу на имя Петра III: челобитчики призывали народ не выходить на работу.

Высший уровень волнений на уральских заводах приходится на 1762—1763 гг. В январе и марте 1762 г., по рассмотрению крестьянских прошений об освобождении от заводских работ на Авзяно-Петровских, Вознесенском, Каслинском и Кыш-

тымских заводах, Сенат принял указ о создании специальной следственной комиссии. Одновременно приписные узнали и об указе Петра III, запрещающем заводчикам покупать к заводам деревни. Указы были истолкованы приписными как полное освобождение от заводских повинностей.

Волнения вспыхнули с новой силой. Шло массовое бегство с заводов. Крестьяне Вознесенского завода пытались захватить заводскую контору, — не смогли и ушли (200 чел.) домой. Вернула их посланная вдогонку башкирская команда. В 1762 г. в волнениях крестьян Пермской провинции приняли участие приписные к Сергинским заводам, отказавшиеся выполнять заводские работы. На Воскресенском заводе вечноотданные из «непомнящих родства» выступили с требованием считать их государственными крестьянами⁵⁷.

Власти опасались, что и башкиры присоединятся к волнениям, и поспешили использовать их в качестве карательной силы. Вместе с регулярными войсками и казаками они возвращали крестьян на заводы. Губернская администрация пыталась посорить башкир с заводским населением, выдавая денежную награду за каждого пойманного беглого⁵⁸.

Летом 1762 г. все приписные ушли с Вознесенского завода. К ним присоединилось и около 70 вольнонаемных. В Берг-коллегию поступили сведения о том, что «за противностью и побегам тех крестьян по недостатку угля того Вознесенского завода действие принуждено было остановить». В мае 1762 г. не вышли на работы крестьяне Масленского острога и Барневской слободы; они не появлялись на заводах до конца 1763 г.⁵⁹

Чтобы остановить волнения, расследовать их причины, а также рассмотреть жалобы приписных, Екатерина II отправила в марте 1762 г. на Урал комиссию во главе с полковником Д. Лопатиным. В декабре его сменил генерал-квартирмейстер князь А. А. Вяземский, получивший неограниченные права распоряжаться войсками, находившимися в Казанской, Сибирской и Оренбургской губерниях. С января и до поздней осени 1764 г. расследование продолжил генерал-майор А. И. Бибиков.

Но волнения продолжались; даже во время деятельности комиссии они не прекращались.

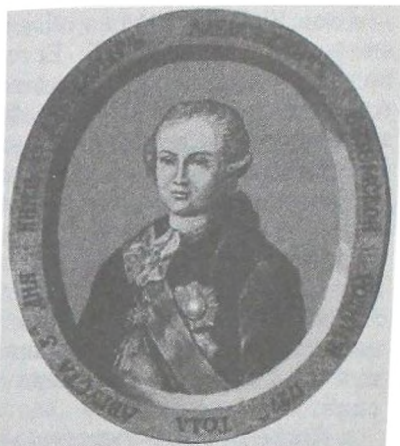
В течение 9 месяцев Лопатин разбирал жалобы приписных к Авзяно-Петровским, Каслинскому и Кыштымским заводам. 12 сентября он сообщил в Берг-коллегию, что с середины июня вновь остановились Авзяно-Петровские заводы. Мастерские из переведенных сюда крестьян, писал полковник, «заводские работы оставили и ни на какие работы уже не ходят, а живут на заводе праздно»⁶⁰.

Против участников волнений вновь были брошены регулярные и иррегулярные воинские подразделения. Крестьян приводили в повиновение страхом физических расправ. В первую очередь, власти и каратели пытались захватить зачинщиков мятежей, чтобы изолировать их от основной крестьянской массы. В январе 1763 г. капитан И. Толстой доносил А. А. Вяземскому, что на Вознесенском заводе «все ослушники наказаны и к работе в добрый порядок приведены», что у приписных взяты расписки о составлении и отправке очередных партий⁶¹.

Более месяца, в октябре-ноябре 1763 г., Вяземский вел следствие на Кыштымских, Авзяно-Петровских, Воскресенском и Вознесенском заводах⁶². Наиболее активные участники волнений подверглись наказаниям. 78 приписных крестьян были жестоко биты кнутом и плетью; 20 чел. сосланы на каторгу на Нерчинские заводы, 1 чел. — на Колывано-Воскресенские.

Рассматривая челобитные крестьян о злоупотреблениях заводской администрации, комиссия вынесла ряд решений в пользу крестьян. Частично им были возвращены деньги, не выданные или незаконно присвоенные заводской администрацией, наказаны мелкие служащие. С владельца Вознесенского завода Сиверса были взысканы недоплаченные 454 руб.; бухгалтер И. Исаков за взятки был посажен на неделю в тюрьму; двух заводских служащих наказали батогами. Учитывая жалобы на отдаленность деревень от заводов, Вяземский утвердил новое расписание, регламентирующее заводскую работу. Несколько изменились формы использования труда приписных: каждая треть назначенных работала в очередь в течение полугода⁶³.

Упорядочивая расчеты между заводчиками и приписными крестьянами, комиссия потребовала от владельца Каслинского и Кыштымских заводов Н. Н. Демидова вернуть крестьянам 2533 руб. за работы в выходные дни и 903 руб. за обсчеты при рубке дров и заготовке угля. Владельца Авзяно-Петровских

Генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский. С гравюры XVIII в.

заводов Е. Н. Демидова обязали выплатить людям за работу в выходные дни 764 руб. Естественно, эти решения комиссии принесли некоторое удовлетворение приписным крестьянам. А целью самих «благодетелей» было сохранить в крестьянстве иллюзорную веру в справедливость верховной власти⁶⁴. Комиссия Вяземского-Бибикова добилась успокоения приписного крестьянства, но коренные проблемы приписной системы решены не были. В благодарность за успешное выполнение высочайших поручений Екатерина II назначила А. А. Вяземского генерал-прокурором Сената — на должность, имевшую общегосударственное значение. А. И. Бибилов тотчас получил чин секунд-майора Измайловского полка, а в 1767 г. — высокий пост маршала (председателя собрания) Уложенной комиссии⁶⁵.

После отъезда следственной комиссии волнения на ряде заводов вспыхнули вновь. Первыми прекратили работы приписные на Авзяно-Петровских заводах. В апреле 1764 г. они отправили доверенного с жалобой в Оренбургское горное начальство, но тот был схвачен и насильно определен к тяжелым доменным работам, а крестьян силком выслали на работу. Осенью часть приписных крестьян отказалась трудиться на заготовке дров и других вспомогательных работах. Их поддержали мастеровые⁶⁶. В Оренбург отвезли еще одну челобитную на заводскую администрацию. В ответ на заводы пришли карательные команды и оставались там до весны 1765 г. Но крестьяне не сдавались. В 1765 г. приписные крестьяне и мастеровые отправили в Петербург четверых своих поверенных.

Среди челобитчиков был поселенный на заводе «навечно» крестьянин Д. Дехтярев, один из самых энергичных организаторов многолетней борьбы заводского населения. В 1758 г. он бежал с завода и подговаривал приписных не выполнять заводских работ; в 1760 г. склонил к побегу 300 чел. Тогда же по его зову работу оставили мастеровые и работные люди из крепостных. В 1762 г. Дехтярев увел с завода поселенных там крестьян.

В челобитной, поданной в августе 1765 г. на имя Екатерины II, приписные крестьяне и работные люди жаловались на чрезмерную эксплуатацию, низкую оплату труда, обман и бесчинства заводских приказчиков и просили освободить от заводских работ и возвратить домой всех, «насильством забранных»⁶⁷. Императрица передала челобитную на рассмотрение Горной комиссии. Комиссия не нашла ничего лучшего как признать необходимым держать всех приписных «в безмолвном повиновении». Челобитчики были отправлены для следствия в Екатеринбург, откуда Дехтярева и второго челобитчика

Тонгузова, наказав кнутом, выслали в 1767 г. на Колывано-Воскресенские заводы⁶⁸.

Волнение на Авзяно-Петровских заводах стало самым крупным выступлением горнозаводского населения Южного Урала. Оно отличалось размахом, длительностью, большим упорством. Крестьяне использовали различные формы борьбы: слали челобитные в Петербург, Оренбург, Уфу, шли на открытые столкновения с воинскими командами, пытались поджечь ненавистный завод. Подавить восстание удалось лишь в 1766 году.

В 1765 г. вновь начались волнения крестьян Барневской слободы и Масленского острога, приписанных к Кыштымским и Каслинскому заводам. В начале года они отправили в Петербург выборных Дежнева и Качилова, которым удалось передать челобитную Екатерине II. Но обвиненный в ложных доносах Дежнев был наказан плетью и отослан на каторжные работы в монетный двор на два месяца⁶⁹.

В апреле 1765 г. среди исетских приписных крестьян появился беглый оренбургский казак Ф. И. Каменщиков-Слудников, по прозвищу Алтынный глаз. Он выдавал себя за сенатского фурьера М. Ресцова, присланного для изучения жалоб крестьян. Каменщиков распространял слухи о том, что Петр III жив и тайно приезжал в Троицкую крепость «для разведывания о народных обидах». У Каменщикова имелись печатные указы о смерти императрицы Елизаветы Петровны и о присяге императору Петру III, которые он, видимо, показывал крестьянам, убеждая их в правдивости своих рассказов⁷⁰. Узнав о жалобах крестьян на притеснения со стороны заводских управителей, он собрал в с. Охлупневском Масленской слободы до 500 чел. и приказал всенародно высечь, а затем посадить под караул 16 крестьян, которые во время волнений ходили на заводскую работу и доносили на повстанцев. Вызванной из Шадринска гарнизонной команде восставшие крестьяне оказали вооруженное сопротивление⁷¹.

Тогда на подавление волнений в конце мая — июне были присланы воинские команды из Екатеринбурга и Оренбурга. Каратели схватили вожаков движения и отправили их в Челябинск и Екатеринбург. В течение месяца они наводили порядок, усмиряли исетских крестьян. Но едва последний усмиритель покинул округу, приписные крестьяне вновь взбунтовались: оказывали неповиновение заводской администрации, не выходили на работы, бежали с заводов.

В это время Каменщиков и два его спутника добрались до Петербурга. Каменщиков оформил челобитную из 48 пунктов, содержащих факты о притеснениях и разорении Н. Демидо-

вым и заводской конторой приписных крестьян⁷². Но в ноябре Каменщиков и его спутники — крестьяне были арестованы, допрошены в Сенате, а затем в феврале 1766 г. отправлены в Оренбург. В ходе следствия в губернской канцелярии Каменщиков непоколебимо отстаивал интересы приписных крестьян. За это, «за организацию сборищ и затевательств» среди приписных крестьян, а также — за распространение слухов о спасении Петра III его приговорили к наказанию кнутом и пожизненной ссылке на Нерчинские заводы. По решению Берг-коллегии жестоким наказаниям были подвергнуты масленские и барневские крестьяне: 12 чел. биты кнутом и сосланы в Нерчинск на каторжные работы, более 500 чел. высечены плетью и батогами. Но расправа не сломила крестьян: в 1769 г. они снова отправили челобитчиков в Сенат с просьбой избавить их от заводских работ⁷³.

Протест приписных крестьян и мастеровых из переселенных на южноуральские заводы государственных крестьян был прямым ответом на усиление крепостнических отношений в стране, на открытое наступление власть имущих на права многочисленной группы горнозаводского населения. Столь же непосредственны были и их запросы; волнения несли все черты и приметы крестьянских выступлений. Требования отражали конкретные нужды: освобождение от отработки подушной подати на заводах, сохранение сословных прав. Восставшие настаивали также на повышении заработной платы за отдельные виды работ, протестовали против насильственной отправки на работу во внеурочное время — в выходные и праздничные дни, полагая, что это привело бы к сокращению сроков пребывания на заводах, и т. п. Требования мастеровых и рабочих людей из недавно переселенных на заводы государственных крестьян не отличались от требований приписных крестьян. Они были переведены на заводы насильственно, с новой работой еще не свыклись и поэтому надеялись на возвращение в родные места⁷⁴.

Основные требования приписного крестьянства не были поддержаны другими категориями заводского населения. К восставшим не присоединились мастеровые и заводские люди из крепостных и «вечноотданных»: каждый жил своими интересами, не сознавая общности социальной судьбы, не видя общей цели. Выступления носили локальный характер, вспыхивали случайно как взрыв негодования и всплеск отчаяния, развивались самотеком. Крестьянский общинный мир порой играл какую-либо объединяющую роль в массовых волнениях на заводах, а мирской сход, мирские избы подчас даже — руководящую: общинные институты могли направить движение;

выбирали или назначали и посылали доверенных с челобитными. Коллективная форма труда на заводах тоже способствовала организованности выступлений. Тем не менее крестьянские выступления оставались стихийными, а их планы и намерения наивными и несбыточными. В этой же плоскости следует рассматривать простодушное оправдание и обоснование своего сопротивления несуществующими указами высших властей, истолкование реальных повелений как актов, направленных на защиту крестьянских интересов и т. д. и т. п. Все это было проявлением наивного крестьянского монархизма, верой в царские «милости»⁷⁵.

В результате волнений 60-х годов XVIII в. приписная система вступила в полосу длительного кризиса, закончившегося её отменой в начале XIX в. После подавления крестьянских выступлений правительство вынуждено было пойти на ряд уступок. Так, указом Сената от 15 сентября 1763 г. крестьяне Исетской провинции были избавлены от грозившей им приписки к Екатеринбургским золотым приискам. Фактически по всей стране была прекращена приписка новых деревень к заводам. Именным указом от 9 апреля 1763 г. было подтверждено право приписных платить подушный оклад в казну самим, без посредничества заводчиков. С 1769 г. вновь вводилась плата за дни, потраченные на переход к заводу и обратно. В связи с увеличением в 1769 г. подушного сбора до 2 руб. 70 коп. и ростом цен вводились новые повышенные плакатные ставки за работу. Однако все эти меры не могли сколько-нибудь существенно изменить положение приписных крестьян и лишь на время ослабили социальный протест заводского населения⁷⁶.

Восстание монастырских крестьян. Одновременно с волнениями заводского населения в Исетской провинции началось движение среди крестьян, принадлежавших тобольскому митрополиту и Далматову монастырю. Оно было вызвано указом Екатерины II от 12 декабря 1762 г. об отмене секуляризации церковных и монастырских вотчин, объявленной было 21 марта того же года Петром III. Крестьяне вновь передавались под власть духовенства и вынуждены были нести барщину, платить налоги.

После обнаружения указа императрицы духовные власти приступили к изъятию у крестьян земли, уже переданной им Исетской провинциальной канцелярией, но встретили упорное сопротивление крестьян. В ноябре крестьяне с. Воскресенское и прилегающих деревень заявили, что не будут выполнять хозяйственные работы на митрополита, и отправили челобитчиков в Оренбург и Челябинск с просьбой о защите. Тотчас они заключили соглашение с крестьянами Рафаилова монастыря и

Кондинской заимки о совместных действиях против духовных феодалов. Весной 1763 г. крестьяне отказались засеять поля прежних владельцев. На принуждение монахов и служек они ответили открытым выступлением, захватили в плен несколько монахов. Лишь в июне воинская команда заставила крестьян дать подписку о послушании. Мятежники были наказаны кнутом и плетью, а их вожаки увезены на расправу в Исетск и Челябинск⁷⁷.

Упорством и большим размахом отмечалось восстание крестьян Далматова монастыря в 1762—1764 гг., получившее название «дубинщины». Крестьяне отказывались подчиняться духовным властям. В ожидании нового указа, по которому, они надеялись, их должны были отписать от монастыря, крестьяне заблокировали въезд и выезд из монастыря. Весной 1763 г., как сообщал архимандрит Иакинф в Исетскую провинциальную канцелярию, крестьяне «земли казенные монастырские отняли и пашут, уголья лесные и дровяные, для обители оставленные, рубят и в дома увозят, разных мастеровых людей, как и солодовников, не отдают, от чего святые обители приходят и вскоре притти могут в крайнее разорение»⁷⁸.

Крестьяне не только не слушали архимандрита, не повиновались монастырскому начальству, но и отказывались подчиняться требованиям губернской и провинциальной канцелярий. В деревнях создавались вооруженные отряды. В июне из них были сформированы два отряда из 500 и 200 чел., которые осадили монастырь⁷⁹. Но отсутствие военного опыта, плохое вооружение не позволили им идти на штурм высоких каменных стен монастыря.

Первая карательная команда, посланная из Оренбурга, прибыла в вотчину в середине мая. Насильно или обманом с крестьян стали брать подписку о послушании. Несколько человек из «зачинщиков и возмутителей» были отправлены для следствия и наказания к воеводе. На обратном пути из Челябинска те бежали.

После ухода воинской команды крестьяне вновь пришли «в бунтовство». Тогда и началась «дубинщина». Крестьяне вооружились копьями, рогатинами, топорами, дубинами. В конце июля к монастырю подошел второй карательный отряд из 60 драгун. На восставших обрушился град репрессий, даже были разграблены многие крестьянские дома.

Но бесчинства карателей не запугали крестьян. 2 августа у монастыря произошло крупное столкновение между восставшими и карателями. Драгуны, монахи и служки бежали с поля боя и укрылись за стенами монастыря. В августе-сентябре

крестьяне занимались уборкой урожая под охраной своих вооруженных отрядов.

В сентябре восставшие вновь осадили монастырь, прервав его связь с Шадринском и Челябинском. Драгунам и монахам оставалось только надеяться на присылку большой воинской команды. Но декабрьские морозы вынудили крестьян разойтись.

В начале марта 1764 г. они снова стали готовиться к штурму монастырской крепости. Одновременно, не дождавшись ответов на свои челобитные губернатору, восставшие начали сбор денег для отправки выборных в Петербург. Действиями повстанцев руководили Л. Широков, К. Мерзляков, Д. Жернаков, люди грамотные, мужественные, энергичные. Они осуществляли мирское самоуправление, собирали сходки крестьян, оформляли челобитные, возглавляли осаду монастыря⁸⁰.

Тем временем известие об упорном сопротивлении монастырских крестьян дошло до верховных властей. По решению Военной коллегии в Далматовскую вотчину был откомандирован Азовский драгунский полк. В конце марта войска подошли к монастырю. Крестьянские отряды не решились вступить в бой с регулярными войсками и попрятались по домам. Во всех селениях началась жестокая экзекуция. Восстание было подавлено.

В апреле далматовским монастырским крестьянам был объявлен указ Екатерины II от 26 февраля 1764 г. о секуляризации церковных и монастырских земель. Одной из причин принятия этого решения были массовые волнения монастырских и церковных крестьян в 1762—1764 гг., в которых активно участвовали крестьяне Далматова монастыря.

Восстание яицких казаков 1772 г. Наступление феодально-крепостнического государства на права и привилегии Яицкого войска, ухудшение экономического положения рядовых казаков вызывали их активный протест и сопротивление, вылившиеся в 1772 г. в открытое вооруженное столкновение с правительственными войсками.

С развитием феодальных отношений на Яике все более острые формы приобретала борьба между отдельными социальными группами казачества. Рядовые казаки все сильнее противились старшинской верхушке, стремившейся подчинить их своему абсолютному влиянию. В начале 60-х годов XVIII в. казачество расколосось на две противоборствующие партии или стороны: старшинскую («послушную», «согласную» или невойсковую) и войсковую («непослушную», «несогласную» или народную). В последнюю входило подавляющее большинство казаков. Это деление не всегда соответствовало социаль-

но-имущественным различиям в состоянии казаков. Среди старшин и богатых казаков были сторонники войсковой стороны, отстаивавшей по пранному правительством сословные права казачества; зато некоторые казаки войсковой партии в зависимости от ситуации переходили «для подкормки» на старшинскую «послушную» сторону. По сведениям старшины М. М. Бородин, в 1771 г. «послушная» партия насчитывала в своем составе 900 чел., в народной партии было в три раза больше казаков⁸¹. Вот как характеризовал расстановку сил на Яике в 1760 — нач. 1770-х гг. участник Пугачевского восстания казак И. И. Пономарев: «Как же потом Военная коллегия стала вводить в Яицкое войско регулярство, и старшины, приняв учрежденной оною Коллегиею штат, принуждали казаков к исполнению по оному; и некоторыя из казаков повиновались тому, а другия, и большую частью, воспротивились и защищали жалованныя от прежних государей привилегии и обряды, из чего после и произошел между яицкими казаками раздор и несогласие»⁸².

В своих рапортах начальству войсковые атаманы подчеркивали, что старшинская сторона по всем указам «всякое послушание и повиновение чинили», а войсковая — «склонна к бунтовству и непослушанию»⁸³. Последняя прибегала к различным формам протеста: бойкотировала отдельные решения центральных и губернских властей, отправляла депутатов с челобитными на имя императрицы и в Военную коллегия, прибегала к массовым акциям вплоть до вооруженных выступлений.

Казаки с возмущением восприняли указ Военной коллегии от 15 декабря 1765 г., разрешавший войсковому атаману определять полковников и походных старшин без традиционного выбора их на кругу. Они потребовали отмены решения, а заодно и предыдущего указа о порядке назначения атамана Военной коллегией. Собравшись на круг, казаки заявили, что будут выбирать, «как атамана, так и полковников, старшин из рядовых казаков, кого они пожелают». Переходя от слов к делу, здесь же выбрали четырех старшин⁸⁴.

Казаки войсковой стороны не исполняли решения коллегии, предписывавшего «всякие командировки и посылки чинить по очереди, когда, до одного очередь дойдет, а не наймом, как до сего происходило», и продолжали использовать сложившийся институт наемки за себя для военной службы. Отправленная в 1770 г. насильно на Кавказскую линию в Кизляр команда из 58 казаков бежала с дороги⁸⁵.

Взрыв недовольства вызвали указы Екатерины II и Военной коллегии о направлении 334 казаков в формируемый в

1770 г. Московский легион. Казаки расценили эти решения как намерение правительства обратить их в солдаты, ввести «регулярство». Войсковой атаман П. В. Тамбовцев сообщил в коллегию о возмущении казаков и просил отменить распоряжение. Но Петербург ответил отказом; поступило лишь разрешение казакам-легионерам носить бороду. А казаков, командируемых в легион, хватали насильно и сажали под арест. Казаки войсковой стороны перестали выезжать на рыбную ловлю, хотя знали, что подвергают свои семьи голоду и разорению⁸⁶. Лишь «согласная» сторона выставила 48 чел., снабдив их подможными деньгами по 130—150 руб.⁸⁷

Сопrotивление казаков заставило императрицу отменить распоряжение о комплектовании легиона за счет яицких казаков.

В 1771 г. казаки бойкотировали приказ губернатора выступить в погоню за калмыками, перебивавшимися через территорию войска за пределы России: 5 лет им не платили жалованья. На четырех кругах 9—12 марта казаки войсковой стороны заявили, что не пойдут ни в какие наряды, пока им не выплатят полной суммы жалованья за все годы с 1766 по 1770. Они обвинили атамана и войсковую канцелярию в злоупотреблениях, обмане рядовых казаков.

Атаман с тревогой сообщал губернатору, что казаки войсковой партии «по указам исполнения не чинят, так и старших не почитают, да и самого войскового атамана ни в чем не слушают»⁸⁸. В погоню за калмыками пошли только казаки старшинской стороны, выставив 221 чел.⁸⁹ 21 марта Рейнсдорп доложил Военной коллегии, что из-за «упрямства и послушания» Яицкого войска калмыки прошли через Яик.⁹⁰

Казаки войсковой стороны ежегодно отправляли выборных с челобитными на имя императрицы: жаловались на злоупотребления атамана и войсковой канцелярии, связанные с откупом у казны рыбных промыслов и питейных заведений; обвиняли атамана и его окружение во взяточничестве и «бесчеловечных мучениях», в корыстной защите интересов старшины; требовали справедливости в распределении доходов войска⁹¹. Для усмирения «своевольтва» казаков и расследования их многочисленных жалоб с 1762 по 1771 гг. из Петербурга было направлено 6 следственных комиссий, возглавляемых генералами И. А. Брахфельдом, И. А. Потаповым, Г. П. Череповым, И. И. Давыдовым, М. М. Траубенбергом, капитаном П. П. Чебышевым. Императрица даже послала на Яик своего собственного представителя гвардии капитана С. Д. Дурново.

Справедливости ради надо отметить, что некоторые комиссии пытались разобраться в причинах недовольства казаков.

Так, П. П. Чебышев в 1767 г. выступил в защиту войсковой стороны. В своем рапорте в Военную коллегию он писал, что старшины не только расхищали войсковую казну, но и «неумеренные и необыкновенные на народ поборы налагали», и просил санкции на перевыборы старшин⁹². По решению Военной коллегии атаман А. Н. Бородин был смещен. Из представленных Чебышевым кандидатов в атаманы в январе 1768 г. коллегия утвердила П. В. Тамбовцева. Однако злоупотребления старшины не прекращались.

Главным требованием комиссий к казакам было безоговорочное исполнение всех указов вышестоящих учреждений, признание казаками своей вины за выступления против атамана и войсковой канцелярии. Жестоким репрессиям подверг казаков генерал-майор И. И. Давыдов за отказ идти в легион и в погоню за калмыками. «Ослушниками» были признаны 2008 человек. 43 казаков как «главных возмутителей» генерал предложил наказать и отдать в солдаты, отправить на заводы, остальных наряжать в отдаленные команды по 3 раза вне очереди. Это решение было узаконено Военной коллегией⁹³.

Исполнение приговоров возлагалось уже на главу новой следственной комиссии генерал-майора М. М. Траубенберга, прибывшего на Яик в конце 1771 г. Он тотчас выслал в Оренбург 7 «опасных» бунтовщиков для определения в солдаты. Но по пути казаки отбили шестерых арестованных.

Упорно противились казаки приказам генерала собраться на круг. Не подчинился Траубенбергу и глава депутации «непослушных» казаков в Петербург сотник И. В. Кирпичников, тайно вернувшийся со своими товарищами домой в начале января 1772 г. Императрица не откликнулась на просьбу казаков защитить их от издевательств со стороны старшин и членов следственной комиссии, а их челобитную назвала клеветнической. Часть депутатов была арестована в Петербурге, остальным удалось бежать⁹⁴.

9 января предводители войсковой стороны, тот же И. В. Кирпичников, А. П. Перфильев и др., созвали свой круг, где объявили, что ими якобы получен указ Екатерины II, в которой она поддерживает претензии казаков. Круг объявил Траубенбергу ультиматум: в трехдневный срок уволить атамана и войсковых старшин; «если старшин не отрешат, положенного штрафа не взыщут и войско жалованьем не удовлетворят, то поступим воинским отпором»⁹⁵.

Между тем, переговоры велись в течение трех дней: казаки все еще рассчитывали на мирное решение своих проблем. 13 января «непослушные» во главе со священником с иконами и хоругвями двинулись к войсковой канцелярии. В ответ Тра-

убенберг отдал приказ открыть огонь из пушек и ружей. 100 человек были убиты сразу. Тогда и ринулись казаки в бой. Они захватили пушки, разоружили и арестовали солдат. Траубенберг, несколько офицеров и солдат, войсковой атаман и двое старшин были убиты. С. Д. Дурново был тяжело ранен, только заступничество сотника М. Г. Шигаева спасло его от смерти. Более 100 «послушных» казаков были брошены в тюрьму. Документы следственных комиссий и походной канцелярии генерала казаки изорвали⁹⁶.

В тот же день на кругу казаки выбрали новую войсковую канцелярию в составе трех поверенных (судей) — В. С. Трифонова, Т. П. Сенгилевцова и А. И. Лабзенова, а также несколько старшин и сотников, вместо убитых или смещенных. На 5 месяцев власть перешла в руки войсковой партии. Восставшие казаки, упиваясь победой, похвалялись, что теперь никто их «преодолеть» не сможет, и на Яике «не только генералов, то и шляпы солдатской» не будет. Иные и вовсе предлагали идти на Москву, поднимая по пути крестьян и казаков⁹⁷.

Круг и новая канцелярия приступили к претворению своих планов. С целью стабилизации обстановки в войске казаков привели к присяге. Полковник и несколько атаманов крепостей Нижнеяицкой дистанции были заменены другими «по войсковому выбору». У многих старшин и богатых казаков «согласной партии» были конфискованы деньги, что значительно пополнило казну⁹⁸.

Одним из самых знаменательных решений повстанческого круга было объявление свободы крепостным и зависимым людям, жившим на территории войска; некоторые из них были поверстаны в казаки. Гуманным актом явилось и решение круга отпустить домой пленных казахов: новая казачья власть старалась установить мирные добрососедские отношения с Казахстаном. Казахам были также возвращены лошади, захваченные на форпостах. Все эти меры были направлены на укрепление повстанческой власти.

Войсковая канцелярия заботилась и о боеспособности войска. С получением в начале мая сведений о готовящемся наступлении карательных войск была приостановлена отправка казаков на северную плавню. Канцелярия отдала приказ свезти из линейных крепостей в Яицкий городок пушки и боеприпасы, а в случае непосредственной опасности и всем казакам съехаться в Яицкий городок. Артиллерия распределялась по сотням⁹⁹. Однако сбор казаков и сосредоточение оружия шли медленно: войсковая канцелярия слабо контролировала исполнение своих предписаний. Поверенные не смогли

придать движению какой-либо организованный характер, выработать реальный план действий. По словам С. Д. Дурново, казаки «почти всякой день собирали... два и три раза круги, и во всякое собрание происходили между ними разные непорядки и своевольства; старшин, выбранных самими ими, недели через две с рундука, где обыкновенно старшины во время круга становятся, сталкивали в круг»¹⁰⁰.

Четверо казаков — М. Г. Шигаев, М. А. Кожевников, будущие пугачевцы, а также М. А. Выровщиков и П. Погадаев отправились к императрице в Петербург с челобитной, в которой оправдывался «переворот» на Яике. Наивный монархизм был столь же свойствен казакам, сколь и крестьянству. Они верили, что императрица будет на их стороне; вину же за «напрасное и безвинное кровопролитие» пытались возложить на воинскую команду и старшинскую сторону, свои действия представить как оборону. 16 февраля челобитчиков допросили на заседании Военного совета и бросили в Петропавловскую крепость¹⁰¹.

На подавление восстания казаков были направлены воинские части из Москвы под командованием генерал-майора Ф. Ю. Фреймана. Губернатор тоже собирал команды для отправки на Яик. С печатными экземплярами указа Екатерины II к Рейнсдорпу, содержавшего неукоснительное требование к казакам покориться и выдать главных «виновников смятения», прибыл в Яицкий городок полковник оренбургских казаков А. А. Углицкий.

Губернатор отложил выступление войск до мая, поджидая, когда казаки отправятся на рыбную ловлю. 25 мая Фрейман выступил из крепости Рассыпной. Под его началом было, по разным данным, от 2 до 2,5 тыс. солдат и более тысячи оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Войско имело 20 пушек¹⁰².

Навстречу Фрейману выступило казачье войско, насчитывавшее до 3 тыс. человек. 3—4 июня на р. Ембулатовка, в 60 верстах от Яицкого городка, произошло сражение. Несмотря на стремительные атаки казачьей конницы, превосходство карателей в артиллерии, а также тактические просчеты казаков принесли победу правительственным отрядам. Повстанцы отступили. Разрушая мосты и поджигая траву, войско вернулось в Яицкий городок¹⁰³.

На кругу было решено всем уходить к Гурьеву, а затем — Астрахани. К переправе через р. Чаган потянулось несколько тысяч подвод; казачьим скарбом были загружены все большие лодки. По наблюдениям Фреймана, из городка отступало несколько тысяч казаков и наемных работников¹⁰⁴. Но уйти ус-

пело лишь небольшое число казаков, так как 6 июня карательные части вошли в Яицкий городок.

Власти жестоко расправились с повстанцами. Главный удар был нанесен по институтам казачьей вольности. Рескриптом Екатерины II от 4 июня 1772 г., адресованным губернатору, казачий круг был «временно» запрещен. Императрица приказывала «отрешить вовсе войсковую канцелярию», а управление войском передать коменданту, который «для пресечения способу к скорейшему собранию мятежников запретил бы бить в городке в набат без своего позволения»¹⁰⁵. Во главе комендантской канцелярии Фрейман поставил подполковника И. Д. Симонова (Симанова), снабдив его различными инструкциями для удерживания казаков в повиновении (предлагалось ввести систему тайных агентов-конфидентов, запретить любые казачьи сходы и др.). Фрейман распорядился также произвести перепись населения войска с целью проверки казачьих прав, чему казаки сопротивлялись с 20-х гг. XVIII в.

Наконец, в Оренбург прибыла новая правительственная следственная комиссия. Совместно с губернатором она составила проект решения, которое легло затем в основу приговора Военной коллегии, утвержденного самой Екатериной II. По верховному приговору 16 казаков «из главных возмутителей» были наказаны кнутом и сосланы на Нерчинские заводы; 38 человек, также после наказания кнутом, сосланы с семьями в разные места на поселение; шестеро отправлены на фронты русско-турецкой войны; 25 человек разжалованы в солдаты. По «высочайшему милосердию» 2461 казак был прощен.

На казаков накладывался огромный штраф в 36 756 руб.¹⁰⁶ Раскладку выти производили Симонов и «верные» старшины. По словам казаков воинской стороны, «положили неравно, с иных достаточных людей меньше, а с неимущих больше, каким неравенством они считают себя недовольными»¹⁰⁷.

10 июня 1773 г. в Яицком городке на глазах у тысяч согнанных казаков приговор был приведен в исполнение. Крупное вооруженное выступление казачества потерпело поражение.

Самозванство. Подавление восстания, приведение яицких казаков к новой присяге не напугало и не усмирило их. По словам самого губернатора, «покой» на Яике был «притворный... и внутренно злоумышленный»¹⁰⁸. Отныне там жадно ловили слухи о появлении среди волжских казаков «царя Петра Федоровича». Свидетельством нарастания классовых противоречий в 1760 — нач. 1770-х гг. стало распространение самозванства.

Самозванство в России XVII—XVIII вв. было своеобразной формой борьбы угнетенных народных масс за свои права и лучший образ жизни. Надежда крестьянства на ликвидацию гнета и всех несправедливостей во многих случаях связывалась с приходом «хорошего царя», милостивого к народу, грозного к его господам. Антифеодалная направленность этой веры внятно прочитывается в легендах о «царях-избавителях», свергнутых с законно принадлежавшего им престола кровопийцами-господами как раз за желание освободить народ или хотя бы облегчить его положение¹⁰⁹. Такого рода социально-утопические легенды, по выводам К. В. Чистова, «стимулируют народные движения, играют в них организующую роль, становятся их политическими и эмоциональными концепциями, влияют на них то благотворно, то губительно. Они — форма политической идеологии, политические мифы позднефеодальной эпохи, сплетенные с действительностью, получающие реальное воплощение в лице самозванцев и поднимающегося по их призыву народа»¹¹⁰.

Сразу же после смерти Петра III в стране появились слухи о его «чудесном спасении» и «милостивых указах» крестьянам. Формированию легенды о справедливом и добром царе Петре III, ее широкой популярности способствовал целый ряд факторов. Предшествующая идеализация великого князя Петра Петровича как долгожданного «царевича-избавителя», краткость его царствования после восхождения на трон, насильственное отстранение законного императора, затем это «неслыханное» убийство царя женой-царицей заселили народное воображение фантастическими образами. А появление на троне женщины, к тому же «не прямого» и «не природного» происхождения сулило суеверному уму беды и катастрофы¹¹¹.

Росту социальных иллюзий способствовали и вполне достоверные факты. Указы Петра III, улучшавшие положение раскольников, однодворцев и монастырских крестьян, переведенных в экономические; указы, запрещавшие покупать крестьян для работы на купеческих мануфактурах; указы, подтверждавшие особый статус запорожского казачества, и др. принесли ему большую популярность в народе. Не прошло мимо внимания широких масс стремление нового императора навести элементарный порядок в своей администрации. А после манифеста о вольности дворянской крестьяне ждали от «народолюбивого» императора указа об их освобождении от крепостничества. Хотя многие законы не успели вступить в силу при жизни Петра III, а содержание актов и их общественное толкование далеко не всегда совпадали, «в народной памяти они сохранялись именно как «начинания», породившие много-

обещающие надежды»¹¹². В дальнейшем негативные стороны деятельности Екатерины II и ее двора привели к тому, что «баланс народного сознания... склонялся против Екатерины II, приведя к ретроспективной идеализации «прежнего правления»¹¹³.

Среди народных масс точно бытовало поверье, согласно которому царь Петр III «соизволил при вступлении своем на престол о крестьянах указать, чтоб у дворян их не было во владении», за что недовольные этим решением дворяне «прещедраго отца отечества, великого государя Петра Феодоровича... изгнали всяким неправедным наведением»¹¹⁴.

Толки о том, что Петр III вскоре вступит на престол и окажет разные милости народу, распространялись и в Оренбургской губернии. В 1762 г. на Яике пронесся слух, что Петр III не умер, а был «украден», вместо него «похоронен солдат на него похожий». А вслед за тем пронеслась молва, что Петр III укрывается среди яицких казаков под видом купца. В 1763 г. среди экономических крестьян с. Чесноковка под Уфой тоже ходили разговоры, что Петр III жив. Священник и дьячок местной церкви отслужили молебен за чудесное спасение императора. Через два года оренбургский казак из Чебаркульской крепости Ф. Каменщиков, выдававший себя за сенатского фурыера, присланного в Исетскую провинцию «для некоторого секретного дела», рассказывал крестьянам, что Петр III жив и вместе с оренбургским губернатором Д. В. Волковым несколько раз приезжал в Троицкую крепость¹¹⁵.

Народное воображение превратило Петра III «в идеал защитника своих интересов, заставило его жить между собою, чтоб видеть все обиды и неправды судей и помещиков, а потом возстать во главе народа на этих нарушителей присяги и закона и покарать в лице их неправду»¹¹⁶.

Слухи и легенды о «царе-избавителе» подготовили почву для появления самозванцев, выступавших под именем Петра III. В 1764—1765 гг. за Петра III выдавали себя украинец Н. Колченко, армянский купец А. Асланбеков, беглые солдаты

Император Петр III

Г. Кремнев и П. Чернышев, действовавшие на Черниговщине и в Воронежской губернии.

В 1770-е гг. самозванцы появляются в Поволжье и Приуралье. В 1772 г. «Петром III» объявил себя беглый крепостной Ф. И. Богомолов. Его авантюра стала поводом для волнений среди волжских казаков, подавленных вскоре войсками, которые подошли из Астрахани. На следующий год до самой Астраханской губернии добрался беглый каторжник Г. Рябов, тоже выдававший себя за Петра III. А накануне выступления Е. И. Пугачева в Оренбурге появился еще один самозванец — капитан местного гарнизона Н. Кретов, решивший использовать народные иллюзии и веру в корыстных целях¹¹⁷.

Хотя самозванцами были в основном представители социальных низов, их обещания народу были весьма скромны, и не все они, к несчастью, поднимали голос в защиту обездоленных. Внушительно и полно наивно-монархические представления народных масс заставил служить интересам антифеодального протеста восьмой самозванец — донской казак Емельян Иванович Пугачев, в 1773 г. ставший предводителем крестьянской войны в России. На его решение выдать себя за «государя императора», несомненно, повлияли традиции народного самозванства, а более того — предметный урок выступлений под именем Петра III современников Пугачева.

В годы, предшествовавшие Пугачевскому движению, значительная часть населения Башкортостана была охвачена различными формами антифеодальной и антиправительственной борьбы. Она вспыхивала стихийно и спорадически, носила локальный характер и занималась то там, то здесь в самых разных точках региона, но суммарно представляла непрерывно пульсирующий социальный фон. В эту борьбу, в первую очередь, вступали наиболее угнетенные и бесправные слои народа, втягивались группы и категории, застигнутые врасплох наступлением крепостничества на права и состояние трудящихся масс: многонациональное крестьянство края, работные люди южноуральских заводов. Вместе с тем, борьбой было охвачено и служилое население края; в нее включались свободные переселенцы и крестьяне, недавно вырвавшиеся из-под крепостной неволи. Усиление эксплуатации широких масс феодально-крепостническим государством и господствующим классом — дворянами, ограничение или полная ликвидация политических прав, привилегий, свобод населения объединяли многие слои народа в антифеодальный лагерь. Скопление в крае «бунтующих сил» народных масс, наличие условий, создающих и определяющих возможность их совместных дейст-

вий, способствовали превращению Южного Урала в очаг, где началась последняя крестьянская война в России¹¹⁸.

¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 95. Л. 83.

² Там же. Л. 84—85.

³ Там же. Д. 105. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 87. Л. 165—169.

⁵ Там же. Л. 168.

⁶ Там же. Д. 100. Л. 32; Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 55—56.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 188—194.

⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 320.

⁹ *Бернадский В. Н.* Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. С. 41.

¹⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 109, ч. XI; Д. 242. Л. 5—8.

¹¹ *Беляевский М. Т.* Указ. соч. С. 128, 142—143.

¹² *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России. С. 55.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 785. Л. 52—55; Д. 787. Л. 152—157; Ф. 1. Оп. 1. Д. 3387.

¹⁴ *Павленко Н. И.* Наемный труд в металлургической промышленности России. С. 56—57.

¹⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 87. Л. 225—226.

¹⁶ Там же. Л. 222.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382.

¹⁸ Там же. Д. 3376.

¹⁹ РГАДА. Ф. 7. Д. 2353. Л. 1—12; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3354. Л. 335.

²⁰ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 339—340, 390.

²¹ *Сергеев Ю. Н.* Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале // Башкирский край. Уфа, 1993. Вып. 3. С. 31.

²² ПСЗ I. Т. XVI, № 12067.

²³ *Покровский Н. Н.* Указ. соч. С. 308—309.

²⁴ Там же. С. 311, 350.

²⁵ *Селищев Н.* Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII — первой половине XIX в. (Проблемы и перспективы исследований) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 5. С. 47—51.

²⁶ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 102.

²⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 49.

²⁸ Там же. Л. 50—51.

²⁹ Там же. Л. 52.

³⁰ Там же. Л. 50.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 39, 43, 46 об.

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 7 об.

³⁵ Там же. Л. 47, 48, 60 об.

³⁶ ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 58.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 29; ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 58.

- ³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Л. 38 об.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 28—29.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 1 об., 2, 4.
- ⁴² Там же. Л. 28—30.
- ⁴³ ГАОО. Ф. 3. Д. 112. Л. 210.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 40.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 116. Л. 93.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 40.
- ⁴⁷ Там же. Л. 66—67; ГАОО. Ф. 3. Д. 125. Л. 28—30.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 281. Л. 67.
- ⁴⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Госархиве министерства иностранных дел // Сборник РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 286. Подробнее о Мурате см.: *Гвоздиков И., Хусаинов Г.* История одного проповедника // Ватандаш. 1996. № 2. С. 71—79; *Хусаинов Г. Б., Гвоздиков И. М.* Морат дэгей-изге зат // Агидель. 1997. № 4. С. 155—163 (на башк. яз.)
- ⁵⁰ ПСЗ 1. Т. XIX. № 13 996; *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в конце XVIII—XIX вв. Канд. диссертация. Уфа, 1994. С. 30.
- ⁵¹ Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 538.
- ⁵² *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 323—325, 329—330.
- ⁵³ Челобитные уральского горнозаводского населения середины XVIII в. С. 202—204.
- ⁵⁴ *Вагина П. А.* Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50—60 годах XVIII века // Учен. зап. пед. ин-та. Свердловск, 1955. Вып. II. С. 153—154; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 325—326, 330; *Орлов А. С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 69—70, 73, 186.
- ⁵⁵ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 332—335.
- ⁵⁶ Там же. С. 332—342; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 64—67, 186.
- ⁵⁷ *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 127, 262—263.
- ⁵⁸ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3382; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 70, 74, 136.
- ⁵⁹ *Крамаренков В. И.* Указ. соч. С. 410; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 329—331; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 65—67.
- ⁶⁰ *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 135—137.
- ⁶¹ Там же. С. 141—142, 153—154.
- ⁶² Там же. С. 146, 154—157.
- ⁶³ Там же. С. 154—156, 159.
- ⁶⁴ Там же. С. 156—157.
- ⁶⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. XIV. С. 718; СПб., 1891. Т. VI. С. 659.
- ⁶⁶ *Вагина П. А.* Указ. соч. С. 158—159.
- ⁶⁷ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 54—59.
- ⁶⁸ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 416.
- ⁶⁹ *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. С. 91; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 424.

- ⁷⁰ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 417—420; *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 111—112.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 405. Л. 29—30, 43—44.
- ⁷² ГАОО. Ф. 3. Д. 80. Л. 54—61.
- ⁷³ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 424—425; *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. С. 94—95.
- ⁷⁴ *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 129, 168.
- ⁷⁵ *Черкасова А. С.* Указ. соч. С. 203, 225; *Орлов А. С.* Указ. соч. С. 128—129, 168—169.
- ⁷⁶ *Крамаренков В. И.* Выписка о горных делах, 1777. С. 419—420; *Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.* М., 1983. С. 93, 97.
- ⁷⁷ *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. С. 71—74.
- ⁷⁸ Цит. по: *Кондрашенков А. А.* Указ. соч. С. 79.
- ⁷⁹ *Каптерев Л.* Дубинщина. Очерк из истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в. Екатеринбург, 1924. С. 49.
- ⁸⁰ *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 417—418; *Кондрашенков А. А.* Указ. соч. С. 83—87, 102—103.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3355. Л. 1—16.
- ⁸² Пугачёвщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 120.
- ⁸³ ГАОО. Ф. 3. Д. 188. Л. 435, 510.
- ⁸⁴ Там же. Л. 429.
- ⁸⁵ Там же. Л. 434; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 32, 54—55.
- ⁸⁶ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 34—42, 44—45.
- ⁸⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 188. Л. 434—435.
- ⁸⁸ Там же. Л. 430—434.
- ⁸⁹ Там же. Л. 434.
- ⁹⁰ Там же. 254—255.
- ⁹¹ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 9—12, 21—26, 31, 42—45, 49—53, 73—76, 84.
- ⁹² Там же. С. 2, 23—25, 28—29.
- ⁹³ *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 109—113.
- ⁹⁴ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 50—53; *Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 512.
- ⁹⁵ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 56—57; *Андрущенко А. И.* Классовая борьба яицких казаков накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. // История СССР. 1960, № 1. С. 149.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 1100. Д. 1. Л. 1—150; Пугачёвщина. Т. 2. С. 120; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 59—70.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 1. Л. 32—33; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 122.
- ⁹⁸ *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 140—141; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 78.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3355. Л. 15—16; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 142—143.
- ¹⁰⁰ *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁰¹ Волнения на Яике перед Пугачёвским бунтом // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 280—281; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 73—76; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 125, 132—134.

¹⁰² Господина Фердинанда фон Фреймана, российского императорского генерал-лейтенанта и кавалера, правдивое изображение его экспедиции против тогдашних яицких казаков, а потом и против бунтовщика Пугачева (на немецком языке). // *Neue Nordische Miscellaneen*. Riga, 1794. № 7—8. S. 360—361; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 147.

¹⁰³ *Neue Nordische Miscellaneen*. № 7—8. S. 361—363; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 92—99.

¹⁰⁴ *Neue Nordische Miscellaneen*. № 7—8. S. 364—365.

¹⁰⁵ ГАОО. Ф. 3. Д. 125. Л. 67—68.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 1. Л. 300—310; Пугачевщина. Т. 2. С. 177; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 179—181.

¹⁰⁷ Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом. С. 284—285.

¹⁰⁸ *Андрущенко А. И.* О самозванчестве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 146.

¹⁰⁹ *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 231.

¹¹⁰ Там же. С. 233.

¹¹¹ *Мыльников А. С.* Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., 1987. С. 28—29.

¹¹² Там же. С. 128—130, 136.

¹¹³ Там же. С. 139—140.

¹¹⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 271.

¹¹⁵ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 367; *Андрущенко А. И.* О самозванчестве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками. С. 149; *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 19—20, 28.

¹¹⁶ *Рябинин А.* Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1. С. 51.

¹¹⁷ *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1867. Т. 1. С. 72—97; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 367—368; *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 114—133; *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. С. 469—478; *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 28—31.

¹¹⁸ *Белявский М. Т.* Первый этап Крестьянской войны 1773—1775 гг. и его особенности // История СССР. 1975. № 1. С. 61.

2.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
Е. И. ПУГАЧЕВА
В БАШКОРТОСТАНЕ

Глава I. Повстанческое движение на первом этапе Крестьянской войны (*сентябрь 1773 - март 1774 гг.*)

§ 1. НАЧАЛО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. БЕРДСКИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева была самым мощным вооруженным выступлением трудовых масс России против режима феодальной эксплуатации и политического бесправия.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. — высшая форма классовой борьбы различных категорий феодально-зависимого населения страны. Они охватывали большие территории, в какой-то степени преодолевая локальность и стихийность, присущие народным движениям; отличались упорством и длительностью борьбы; характеризовались одновременностью выступлений, широким привлечением антифеодальных сил, многонациональным составом участников и многочисленностью повстанческих отрядов, которые, опираясь на общность выдвигаемых требований, часто сражались вместе, плечом к плечу, тесно взаимодействовали друг с другом. В ходе крестьянских войн население страны буквально распалось на два враждующих лагеря: правительственный и повстанческий. Создаваемые на освобожденных от государственной администрации территориях относительно устойчивые повстанческие центры и органы управления вносили в народную борьбу элементарные начала организации, способствовали преодолению, до известной степени, разрозненности и разобщенности действий восставших. Крестьянские войны были настоящей войной между государством и народом, которую они вели силами правительственной армии и повстанческого войска. Участники этих крупнейших вооруженных выступлений народа боролись

за «землю и волю», против феодально-крепостнического гнета¹.

Обозначенное составляет важнейшие черты крестьянских войн, отличающие их от других форм классовой борьбы народных масс России. В них суть и сила крестьянских войн.

В то же время, крестьянским войнам были присущи многие признаки слабости народных движений. Прежде всего, это стихийность движения, разобщенность участников. Восставшие поднимались на вооруженную борьбу, ведомые близкой целью, а более — чувствами боли и гнева против своих угнетателей и поработителей, и не имели какой-либо конкретной созидательной программы, единой идеи. Наоборот, их питали многовековые монархические иллюзии, надежды на «царя-избавителя». Наконец, участники крестьянских войн, достигнув на короткое время своих частных целей, могли отвернуться от общих задач и покинуть стан восстания, заведомо обрекая и себя, и соратников на поражение. Но все же развитие событий, перипетии и испытания войны налагали свою печать на сознание и мировоззрение повстанцев, положительно сказывались на росте их сознательности.

Крестьянская война 1773—1775 гг. охватила обширную территорию на юго-востоке страны (это губернии Оренбургская, Казанская, Сибирская, Нижегородская, Воронежская, Астраханская), где проживало до 2 млн. 900 тыс. жителей мужского пола, в основной своей массе состоявших из крестьян различных социальных категорий и служилого населения². Восстание стало следствием усиления феодального и национального угнетения трудовых масс со стороны государства и помещиков, обострения кризисных ситуаций в социально-экономической жизни страны в условиях начавшегося разложения феодализма³. Глубокий социальный антагонизм между угнетенным населением и господствующей верхушкой проявлялся, мы видели, в разнообразных формах противоборства. Кульминацией народной борьбы стало выступление Пугачева, быстро переросшее в широкую крестьянскую войну. Очагом повстанческого движения, территорией, где разворачивались

Е. И. Пугачев. С портрета неизвестного художника, написанного на портрете Екатерины II 21 сентября 1773 г.

его основные события и в течение двух лет многонациональные пугачевские отряды стойко сражались за «землю и волю», стал Южный Урал.

Застрельщиками Крестьянской войны 1773—1775 гг. выступили яицкие казаки. Одним из действенных факторов превращения народного движения в крестьянскую войну было участие на стороне восставших значительной военной силы, способной внести в ряды повстанцев известный элемент организованности, решить ряд принципиально важных вопросов воинского характера. Именно такую роль в Пугачевском восстании взяло на себя служилое население края и прежде всего казаки Яицкого войска. Казачество уже на стадии подготовки восстания ориентировалось на поддержку крестьянства. Выдвинутый яицкими казаками предводитель народной войны донской казак Е. И. Пугачев говорил накануне восстания, что «он с войском следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет»⁴.

Несмотря на значительный вклад яицких казаков, башкир и другого служилого населения в организацию восстания, его фундаментальной социальной силой стало крестьянство. Участие в восстании широких масс крестьянства, его реальные интересы, его место в общеисторическом процессе превратили движение в крестьянскую войну, придали ей собственно антикрепостническую, антидворянскую направленность⁵.

Началом Крестьянской войны считается 17 сентября 1773 г. — день, когда Е. И. Пугачев обнародовал перед казаками Яицкого войска свой первый манифест, где жаловал их старинными казачьими вольностями и привилегиями, а затем с отрядом всего в 60 человек выступил в поход к административному центру войска — Яицкому городку⁶.

Е. И. Пугачев родился около 1742 г. в обедневшей казачьей семье и в той же самой станице Зимовейской на Дону, откуда был родом предводитель Крестьянской войны 1668—1671 гг. Степан Разин. Он прошел хорошую военную подготовку: с 17 лет находился на казачьей службе, участвовал в Семилетней войне 1756—1763 г., а в 1768—1770 гг. — во второй русско-турецкой войне. За отвагу, проявленную при штурме крепости Бендеры, получил звание хорунжего (младший казачий офицерский чин). В 1771 г. был отпущен по болезни домой на лечение. Не добившись отставки, Пугачев самовольно ушел из войска, перешел на положение «беглого казака». Он много походил по стране, был и за ее рубежами. Жил среди терских казаков, в селениях раскольников-старообрядцев под Черниговом и Гомелем, затем среди заволжских старообрядцев на р. Ирғиз и, наконец, в Яицком городке.

Во время службы в армии, странствований по стране Пугачев видел нищету, бесправие, отчаяние трудовых масс: по его словам, «примечал, что везде народ раззорен». Узнал он, что и яицкие казаки терпят «много обид и налог», что их восстание 1772 г. было жестоко подавлено⁷. Исподволь, но неотвязно у Пугачева, положительно, складывалась мысль о возможности и осуществимости народного восстания. Острым воинским глазом он подмечал и цепким крестьянским умом учитывал и показательный рост недовольства народа феодально-крепостнической политикой властей, и движение слухов о появлении «царя-избавителя» Петра III, и многое другое, а также отправку значительного количества войск на фронты русско-турецкой войны. А общение в ноябре 1772 г. с казаками убедило его, что и на Яике царят обида, гнев, ненависть — точно повстанческие настроения. Он не преминул подогреть их и признался, будто бросил горящую головню в сухую солому: «Везде молва есть, что государь Петр Третий здравствует..., то я под именем его могу взять и Москву»⁸.

В декабре 1772 г. Пугачев был арестован и отправлен в казанскую тюрьму за подстрекательство яицких казаков к бегству на Кубань. Видимо, Пугачев, вынашивая идею восстания, рассматривал варианты, а то и испытывал колебания. По приговору Сената он был осужден на каторжные работы в Пелым. Но в мае 1773 г. Пугачеву удалось бежать из тюрьмы. Он вернулся на Яик и с группой казаков в августе — первой половине сентября принялся обсуждать вопросы предстоящего восстания как дела решенного окончательно и бесповоротно.

Казаки оценили ум, решительность, волевой и энергичный характер Пугачева; оценили его находчивость, умение разбираться в событиях и людях, организаторские способности. С их согласия Пугачев принял на себя имя «императора Петра Федоровича».

Как показывал на допросе в Оренбургской секретной комиссии 1 мая 1774 г. М. Д. Горшков, секретарь повстанческой Военной коллегии, «по многим советываниям... приметили мы в нем [Пугачеве] проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собой властелином». По утверждению Горшкова, некоторые казаки знали о происхождении Пугачева, но согласились признать его «государем Петром Федоровичем», надеясь на восстановление «своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев»⁹.

Поддерживая самозванство Пугачева, казаки принимали здесь во внимание два момента, которые должны были, на их взгляд, обеспечить успех восстанию. Во-первых, их выступление во главе с незаконно свергнутым «императором Пет-

ром III» приобретало высокий нравственный критерий справедливой борьбы за его восстановление на престоле. Во-вторых, движение заведомо привлекло бы крестьянские массы, замороженные популярной легендой о «царе-избавителе»¹⁰.

В августе — первой половине сентября Е. И. Пугачев и его сподвижники М. А. Кожевников, М. Г. Шигаев, И. Н. Зарубин и др. создали повстанческий центр, который наметил в общих чертах решение ряда начальных вопросов политического и военного характера и занялся фактической подготовкой восстания. От имени «государя Петра III» Пугачев заверил казаков, что возродит их старинные права, и они получают государственное обеспечение за службу. Созрело у него, надо думать, и обращение к крестьянству: уже тогда ставился вопрос об обязательном освобождении крестьян от крепостничества¹¹.

Содержательность и собранность начальной деятельности Пугачева и его единомышленников из радикально настроенных казаков сразу нашла оценку первых историков Крестьянской войны. «Нельзя пропустить без внимания, однако же, плана народного возмущения и первоначальных действий, которые обнаруживают в составителе опытность, знание края и военные способности», — писал в 60-е годы XIX в. историк яицкого казачества А. Рябинин¹². По оценке современных исследователей, создание центра по подготовке восстания служит свидетельством «заметной зрелости Пугачевского движения по сравнению с предшествовавшими ему стихийными народными выступлениями XVII—XVIII вв.»¹³

18 сентября пугачевский отряд, насчитывавший свыше 500 чел., выступил к Яицкому городку. Встреченные артиллерийской стрельбой, повстанцы после двух неудачных приступов, 18 и 19 сентября, не решились на штурм хорошо укрепленной крепости и двинулись вверх по Яику вдоль линии укреплений к Оренбургу. По пути движения пугачевского отряда крепости сдавались одна за другой, а их постоянные и временные жители пополняли отряд Пугачева. Безотказно действовала тактика рассылки по крепостям именных указов «государя императора Петра III»: население в целом брало сторону повстанцев, местные гарнизоны были в смятении.

21 сентября яицкие казаки Илецкого городка, арестовав атамана и его сторонников, открыли ворота перед пугачевцами. В городке был сформирован Илецкий полк. На кругу казаки выбрали полковником И. А. Творогова¹⁴. У Илецкого городка кончались земли Яицкого войска (Сакмарский городок располагался отдельно в 29 верстах к северо-востоку от Оренбурга). Далее на пути повстанцев стояли крепости, заселенные

казаками Оренбургского войска и армейскими гарнизонными командами.

24 сентября Пугачев стремительным броском овладел Рассыпной, через два дня — Нижнеозерной крепостями, где к нему присоединилось более сотни казаков. Затем повстанцы направились к Татищевой крепости. Та была хорошо укреплена, располагала 13 пушками. Незадолго до прихода пугачевцев на помощь гарнизону подошел высланный из Оренбурга объединенный отряд под началом бригадира Х. Х. Билова. В его состав входило 200 солдат, 150 казаков Оренбургского корпуса, 60 калмыков, несколько канониров, обслуживавших 6-орудийную батарею. Всего в Татищевой собралось до тысячи солдат и казаков. 27 сентября в ходе сражения около крепости они были разбиты. К Пугачеву присоединились казаки Оренбургского корпуса во главе с сотником Т. И. Падуровым, депутатом Уложенной комиссии, и татищевские казаки вместе со своим атаманом И. С. Смирновым. Присягу на верность «Петру III» — Пугачеву — приняли 300 солдат. В тот же день крепость была взята¹⁵. Здесь, как и в других крепостях, повстанцы жестоко расправились с командным составом гарнизона, который оказал им вооруженное сопротивление и не присягнул самозваному царю¹⁶.

Разгром отряда бригадира Билова, усиленного гарнизоном крепости, был крупной победой пугачевцев. Известие о ней с тревогой восприняли в Оренбурге, а вскоре оно дошло до столицы.

Военные успехи повстанцев способствовали быстрому увеличению их отрядов. 30 сентября пугачевцы как нельзя лучше были встречены казаками Чернореченской крепости. До Оренбурга оставалось 28 верст. Но Пугачев не решился сразу идти к губернскому городу. 1 октября он занял Сеитову (Каргалинскую) татарскую слободу, находившуюся в 18 верстах к северо-востоку от Оренбурга. По показаниям Пугачева во время допросов, «татары встретили его с честью и пристав все, сколько их было», оставались в дальнейшем с ним «безотлучны». Полк сеитовских татар возглавил повстанческий полковник Муса Улеев¹⁷.

На следующий день пугачевцы вошли в Сакмарский городок, откуда по распоряжению губернатора казаки и боеспособное население заблаговременно были выведены в Оренбург и Красногорскую крепость.

Из Сакмарского городка отряд Пугачева двинулся к Оренбургу и 4 октября расположился лагерем в 5 верстах от города. (Через месяц повстанцы перебрались в соседнюю Бердскую слободу, знаменательное место, которое дало название всему

повстанческому лагерю, просуществовавшему до весны 1774 г.). Пугачеву запомнилось, что тогда у него было около 2500 бойцов: 800 яицких казаков, 740 оренбургских казаков и ставропольских калмыков, 500 сеитовских татар, 400 солдат. Они имели 20 пушек и 10 бочек пороха, захваченных в крепостях и форпостах¹⁸. Эти силы стали основой формирования здесь главного повстанческого войска.

5 октября повстанцы блокировали Оренбург. С этого дня начался отсчет почти полугодовой осады города — административного центра огромного края, крупного военно-стратегического пункта, опоры царского правительства на юго-востоке европейской части страны. Пугачев и его ближайшие сподвижники понимали, что имевшихся у них сил было недостаточно, чтобы взять Оренбург, и они развернули энергичную деятельность по комплектованию войска, расширению повстанческого движения.

Как истинный казак, свои надежды на боевые успехи Пугачев связывал с конницей: «Естьли де мне удасться взять Оренбург и Яик, то я с одною конницею пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург»¹⁹. Поэтому особое внимание предводителя и его окружения было направлено на привлечение в войско яицких и оренбургских казаков, башкир, калмыков. Сохранились данные о 14 указах Пугачева казакам Яицкого войска²⁰. Призывая их послужить «за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федоровичу», Пугачев жаловал их старинными казачьими вольностями и привилегиями, рекою Яик, «землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порахам, и хлебным провизиям». Посулил сделать их первым в стране сословием: «И как вы, так и потомки ваши, первыми при мне, великом государе, учинитесь». Обещал им, в большинстве раскольникам, свободу верования²¹. По его предложению, казаки вновь стали собирать круги, на которых по старинному обычаю выбирали атаманов и походных командиров. А Пугачев «своей императорской волею» утверждал решения круга²².

Большинство казаков поверило тому, что Пугачев — «точной государь»²³. Однако не сразу присоединились к войску Пугачева. Часть казаков оставалась в крепостях и форпостах, от Яицкого до Гурьева городка, где они несли пограничную службу. Около 500 казаков служило в Кизляре²⁴. Да и в самом Яицком городке оставались казаки, опасавшиеся за судьбы своих семей, которым угрожала расправа со стороны коменданта городка.

Но казаки игнорировали приказы Рейнсдорпа и Симонова идти в погоню за пугачевцами. Властям пришлось прибегнуть

к крупному «материальному поощрению». Как отчитывалась губернская канцелярия перед Сенатом, «на подъем войска Яицкого казакам с их старшинами для искоренения известного злодея Пугачева выдано каждому казаку по 10 руб., а всего 4250 руб. из чрезвычайных расходов»²⁵. Эти деньги получила команда из 378 «верных» казаков во главе с войсковым старшиной М. М. Бородиным. В начале октября она вошла в Оренбург и участвовала во всех сражениях с повстанцами у стен города. В крепости («ретраншаменте»), сооруженной подполковником Симоновым внутри Яицкого городка, находились 142 «верных» властям казака. (По сведениям оренбургского губернатора, 23 яицких казака здесь были убиты повстанцами за отказ присоединиться к ним.) Всего на первом этапе народного движения в карательных отрядах насчитывалось не более 550 казаков²⁶.

В середине ноября в повстанческой войске под Оренбургом было 1400 яицких казаков²⁷. До конца года сюда подъехали команды с Нижнего Яика. Полных сведений о количестве казаков в Бердском повстанческом лагере не обнаружено. А многие из них были разосланы из Берды по Оренбургской и соседним Казанской и Сибирской губерниям. Яицкие казаки составляли наиболее активную, боеспособную часть повстанческих сил под Оренбургом, а также — в Самаро-Волжском, Уфимском, Нижнеяицком и некоторых других районах восстания. Основная масса населения Яицкого войска, включая женщин и стариков, участвовала в народном движении. Из 5,5 тыс. действительно служащих (по данным коменданта Симонова) и 809 отставных казаков в повстанческих отрядах сражалось не менее 5 тысяч конников.

В народном движении участвовала и казачья старшина «непослушной» войсковой стороны. Ее влекла ненависть, влекла общая с рядовыми казаками вражда к центральным и местным органам власти, ограничивавшим права войска, внедрявшим, вместо казачьего самоуправления и других привилегий, «регулярство», т. е. систему уравнивания казаков с солдатами регулярной армии. Часть соглашательски настроенной старшины, так называемые «умеренные», примкнула к восставшим под напором решительных действий рядовых казаков или в надежде получить из рук воскресшего «императора Петра III» права и привилегии первого сословия России.

Старшина «согласной» стороны, не принимая активного участия в боевых действиях пугачевцев, не проявила себя и в борьбе с повстанцами. Государственной Военной коллегией была отмечена «отличная верность» лишь нескольких человек из командного состава войска.

В первые месяцы восстания Пугачев и его сподвижники уделяли особое внимание агитации среди оренбургских казаков. В конце сентября-октябре было обнародовано не менее 7 указов «государя Петра III», адресованных атаману казачьего войска подполковнику В. И. Могутову, засевшему с частью казаков в Оренбурге, жителям крепостей Верхнеяицкой дистанции (Рассыпная, Нижнеозёрная, Татищева, Чернореченская) и Красногорской дистанции (Красногорская, Верхнеозерная)²⁸. Населению крепостей Пугачев обещал те же «монарший милости» и экономические выгоды, что и яицким казакам. Особым пунктом, например, в указе к жителям Рассыпной крепости от 24 сентября отмечалось: «А вольность, хоть и нелегулярные, но всяк на веки получит». Это, возможно, означало, что маложалованным служащим казакам и сверхштатным, так называемым «своекоштным» казакам, не получавшим какого-либо вознаграждения, Пугачев обещал платить постоянное жалованье, как платило государство солдатам регулярных войск²⁹.

Казаки с Верхнеяицкой дистанции сразу присоединились к пугачевцам. А вот казаков, служивших по Красногорской дистанции, успел собрать и увлечь в Верхнеозерную крепость бригадир А. А. Корф. В его корпусе насчитывалось 1418 солдат и 1077 нерегулярных. Среди последних большинство составляли оренбургские казаки. 13 ноября из-за нерадивости пугачевской вольницы Корфу удалось войти в Оренбург. До этого в городе было 467 служащих казаков Оренбургского корпуса³⁰.

Казалось бы, губернатору, стягивавшему войска на помощь осажденному Оренбургу, удалось заполучить значительную часть (до 40%) служащих казаков. Но рапорты командиров команд, посылаемых из города против пугачевцев, извещали, что «нерегулярные, находя себя в робости против артиллерии злодейской толпы, почти ничего не содействовали, а стояли больше под защитою здешних пушек»³¹. Беспольность содержания такой «силы» в городе, испытывавшем недостаток в продовольствии и фураже, заставила губернатора принять решение о высылке 500 казаков Исетской провинции.

Таким образом, под командой войскового атамана В. И. Могутова в Оренбурге оставалось около 1000 казаков. В гарнизоне Яицкого городка было 94 оренбургских казака, в Верхнеозерной крепости в команде полковника О. Х. Демарина — 30, несколько десятков — в Орской крепости у генерал-майора С. К. Станиславского и Верхнеяицкой крепости у полковника Е. А. Ступишина. Сотня казаков Самарской дистанции была включена в отряд полковника П. М. Чернышева³².

Тем временем, повстанческое войско под Оренбургом, в котором в начале октября находилось 740 оренбургских казаков и калмыков, быстро и изо дня в день пополнялось казаками, включенными было в карательные отряды, но при любой возможности переходившими к пугачевцам. В октябре с Красногорской дистанции, нарушив приказ А. А. Корфа, ушли в Берду 100 казаков, несших службу на пограничной линии, и команда красногорских казаков во главе со своим атаманом Гумером Ермаковым. 13 ноября пугачевцы окружили отряд П. М. Чернышева, и все казаки добровольно «предались» пугачевцам. 25 ноября Пугачеву, следовавшему к Верхнеозерной крепости, удалось перевербовать отряд упомянутых 500 исетских казаков, шедших из Оренбурга³³.

Эти данные позволяют судить о том, что в Берде к концу ноября было не менее 1500 оренбургских казаков. В сохранившихся документах имеются сведения, что и в дальнейшем сюда на службу «императору Петру III» ехали казаки из крепостей Самарской дистанции, Уфимской и Исетской провинций. Оренбургские казаки составляли ударную силу многочисленных и разнородных крестьянских отрядов, действовавших на территории губернии, особенно в Самаро-Волжском и Исетском повстанческих районах. Из 5196 служащих и 2218 оставших казаков в повстанческой коннице было не менее 5 тысяч казаков Оренбургского войска³⁴.

Что касается старших чиновников Оренбургского казачьего войска, то в своем большинстве они оставались надежно преданными властям. Сам атаман Могутов, а также командир Оренбургского корпуса полковник А. Углицкий и другие чиновные лица корпуса и войсковой канцелярии находились в осажденном повстанцами Оренбурге.

Не присоединились к повстанцам и атаманы казачьих крепостей Уфимской провинции. Атаманы крепостей Сакмарской и Самарской дистанций, захлеснутые волной народного движения, были вынуждены по принуждению или из страха за свою жизнь служить «Петру III», но тотчас бежали из пугачевского стана, сдавались властям, едва завидев подход правительственных войск. Стоявшие ниже по рангу сотники, пятидесятники, писари в большинстве шли в повстанческие отряды вместе с рядовыми казаками.

По пути к Оренбургу Пугачев впервые вступил в контакт с башкирами ближайших к Яику волостей Ногайской дороги. По показаниям пугачевского секретаря яицкого казака Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии, 30 сентября в Сеитову слободу к Пугачеву приехал старшина Бушмас-Кипчакской волости Кинзя Арсланов с 6 башкирами

и заявил, «что вся их башкирская орда, буде он пошлет к ним свой указ, приклонится к нему»³⁵.

1 октября в Башкирию были отосланы два именных указа «Петра III» — Пугачева, написанных на тюрки: вождь жаловал башкир землями и водами, денежным и хлебным «довольствием», а также «верою и законом вашим», т. е. объявлял свободу вероисповедания и отправления национальных обычаев и обрядов³⁶.

Как вспоминал Пугачев во время допроса в Тайной экспедиции Сената, уже в начале октября Кинзя Арсланов прибыл к нему с отрядом в 500 чел., за что сразу был возведен в чин полковника³⁷. А повстанческий атаман И. Н. Зарубин-Чика и вовсе утверждал, что Кинзя привел 5 тысяч башкир, и Пугачев «принял его с честью и на каждого башкирца роздал... денег по рублю»³⁸. Впрочем, эти данные относятся, скорее всего, к началу ноября, когда Кинзя, уже ставший главным полковником, командовал сводной башкирской, мишарской и калмыцкой конницей, входившей в Главное повстанческое войско. Но, во всяком случае, с этого времени Кинзя Арсланов становится ближайшим помощником Пугачева, остается его преданнейшим сподвижником и единомышленником, верным другом вплоть до предательского захвата вождя Крестьянской войны. Кинзя вел широкую агитационную деятельность среди населения Южного Урала, был советником Пугачева во многих стратегических проблемах движения, особенно в отношениях предводителя восстания с нерусскими народами Урала и Поволжья.

С указов «императора Петра III», щедро жаловавшего башкирам многие милости или, как толковал Кинзя соплеменникам, «желаемое нами от Бога, дал Бог нам», собственных воззваний главного полковника, убеждавшего свой народ, что настал момент, когда все должны подняться на борьбу против несправедливости,³⁹ начался переход на сторону восстания башкирских команд, мобилизованных было властями для проведения карательных операций.

К середине ноября в Главное повстанческое войско под Оренбургом влились отряды башкир и мишарей, собранные по заданию губернатора в районе Сакмарского городка, у Стерлитамакской пристани и в Верхнеяицкой крепости. Вместе их было более 5 тыс. конников⁴⁰. Перешли к пугачевцам и до 1700 башкир, находившихся в корпусе генерал-майора Ф. Ю. Фреймана, направленного по свежему следу на подавление восстания⁴¹. Власти фактически помогли Пугачеву в кратчайшее время пополнить повстанческое войско такой мощной боевой силой, какой была башкирская конница, а правительственные войска лишились столь необходимой им кавал-

лерии. К концу года башкирские отряды, пришедшие в Берду, насчитывали уже 10—12 тыс. чел.⁴²

Значительную часть войск под Оренбургом составляла также хорошо подготовленная в военном отношении конница из Ставропольского калмыцкого корпуса. В своем рапорте в Военную коллегию от 16 ноября 1773 г. И. А. Рейнсдорп сообщал, что по показаниям перебежчиков и пленных пугачевцев в Берде находилось 700 ставропольских калмыков⁴³. 500 чел. из них перешли к повстанцам 13 ноября при захвате последними отряда полковника Чернышева, остальные присоединились при взятии пугачевцами укреплений Нижнеяицкой и Красногорской дистанций. Перебегали они к восставшим и из осажденного Оренбурга. Так, 18 октября, по записям Журнала Рейнсдорпа, 120 ставропольских калмыков из сопровождения группы жителей города, отправившихся вместе «для фуражирования», обратно не вернулись⁴⁴. Возможно, в Берде осталась лишь часть перебежчиков-калмыков, а остальные ушли в свои улусы.

В декабре пугачевский полковник Ф. И. Дербетев привел в Берду 250—300 калмыков из Ставропольского уезда. Если учесть, что в калмыцком корпусе числилось способных к службе 1816 чел. в возрасте от 21 года до 45 лет⁴⁵, то в конце года в повстанческой армии находилось более 50% служилых калмыков (Около 400 калмыков оставались в составе гарнизонных войск, сосредоточенных в Оренбурге, Орской и Верхнеозерной крепостях, но, по отзыву армейских офицеров, они не проявляли активности в боевых действиях против пугачевцев)⁴⁶.

Таким образом, Главное повстанческое войско имело к началу зимы в своем составе несколько тысяч конников, входивших ранее в иррегулярные части губернии. Свой прежний боевой опыт они использовали при осаде и взятии крепостей Оренбургской линии, в открытых сражениях с регулярными войсками. Следует заметить, что конные отряды служилого населения края по распоряжениям Пугачева и его Военной коллегии направлялись из Берды на помощь другим повстанческим центрам. Поэтому их количество в повстанческой армии постоянно менялось.

Более половины численности Пугачевского войска составляли поверстанные в казаки крестьяне и заводские люди, отряды которых составляли пехоту войска. Как рассказывал во время допросов Е. И. Пугачев, в ответ на разосланные им указы к заводскому населению и крестьянам те «в короткое время прислали ко мне... завоцких крестьян и всякого сорту семнатцать тысяч».⁴⁷ Источники называют крестьян разных категорий: это помещичьи, дворцовые, государственные и эконо-

мические крестьяне, однодворцы и пахотные солдаты, — и разных национальностей — русских, татар, чувашей, марийцев, украинцев, удмуртов, мордву. Среди них были добровольцы из отдаленных районов губернии.

В Главном войске служило также до 2 тыс. солдат, поверстанных в казаки⁴⁸. Часть из них была объединена в особый солдатский полк, которым командовали армейские подпоручики И. И. Астренев и М. А. Шванвич, произведенные Пугачевым в атаманы. Кто-то здесь служил по принуждению, а кто-то искренне поверил в новоявленного «императора», обещавшего всем вольности и блага.

По показаниям М. А. Шванвича, у Пугачева в плену находилось 11 пленных офицеров в звании от отставного корнета до поручика⁴⁹. Думный дьяк пугачевской Военной коллегии И. Я. Почиталин, характеризуя отношение повстанческого руководства к офицерам регулярных войск, говорил на допросах: «Сначала от Пугачева приказание было, чтоб, никого дворян и офицеров не щадя, вешать, а потом проговаривал о тех, кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки, ибо намерение ево было во всем государстве людей, кто б какого звания ни был, сделать казаками»⁵⁰. Все офицеры в Берде занимали командные должности, но большинство служило из страха за свою жизнь.

В начале ноября повстанческое войско перешло в Бердскую слободу. Главный штаб восставших — Бердский повстанческий центр — сыграл значительную роль в организации и расширении народной борьбы на Южном Урале. В середине ноября Пугачев и создал здесь Военную коллегию как высшее военно-политическое и административно-управленческое учреждение новой повстанческой власти на всей территории, охваченной Крестьянской войной. На Военную коллегию Пугачев возложил руководство Главным повстанческим войском, обеспечение его оружием, артиллерией, снарядами, порохом, а также провиантом и фуражом. Военная коллегия поддерживала связь с командирами повстанческих отрядов и представителями новых выборных властей в других районах восстания. В ее же функции входило распространение воззваний «Петра III» — Пугачева к различным социальным и национальным группам населения края.

Из Бердского центра вышли десятки манифестов и указов Пугачева и указов Военной коллегии, адресованных к казакам, башкирам, крестьянам разных национальностей, мастерам и работным людям южноуральских заводов. В этих посланиях в той или иной степени, с большей или меньшей глубиной нашли выражение экономические, политические, нацио-

нальные, религиозные требования трудового населения. Сохранение документов внятно говорит о том, что уже в начальный период восстания определился его антикрепостнический характер.

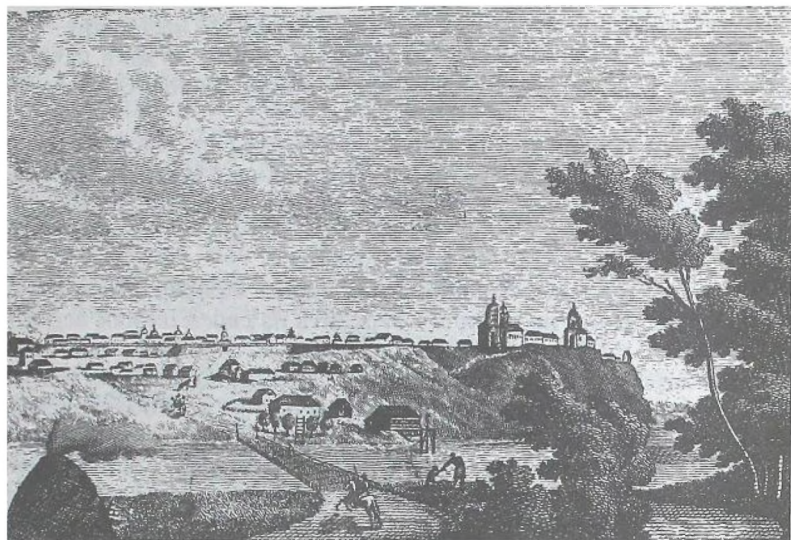
Одну из самых емких оценок роли пугачевских воззваний находим в донесении Екатерине II гвардии капитан-поручика С. И. Маврина, допросившего, находясь в составе Оренбургской секретной комиссии, сотни повстанцев в мае-сентябре 1774 г. в Оренбурге и Яицком городке:

«По приходе под Оренбург, — писал офицер императрице, — самозванец не умедлил отрядить из своей шайки верных своих людей для рассеяния лжесоставных своих так называемых манифестов, хотя и глупо написанных, но для простаков-поселенцев казались они полезными в рассуждении обещаемой им вольности, льготы, креста и бороды. Что самое, а может статься, и вкравшееся в народ издавно сомнение о смерти покойного государя послужило ему главным удостоверением в простом народе»⁵¹.

В самом деле, трудовой народ рассматривал провозглашенные в повстанческих документах вольности и льготы как освобождение от присяги властям, ликвидацию администрации, освобождение от различных форм феодальной зависимости. Порою действия восставших масс шли значительно дальше тех положений, которые содержались в повстанческих указах и манифестах. Они отказывались подчиняться официальному начальству, прекращали работу на заводах, переставали платить налоги и исполнять другие повинности в пользу бывших своих хозяев и государства⁵². Крестьяне, казаки, башкиры, заводские люди «шли в толпу его [Пугачева] служить с охотой, а равно и возили провиант и фураж, почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им льготы и вольность»⁵³.

К концу 1773 г. в Бердском лагере было до 26 тысяч повстанцев⁵⁴. Свою армию Пугачев и его Военная коллегия пытались строить по образцу регулярных и казацких войск.

Войско делилось на части или полки по 500 чел. в каждом. Их командиры получали чин полковника лично от «Петра III» — Пугачева. Это были люди, отличившиеся в боях, сумевшие набрать на службу несколько сотен человек. По образцу казачьих войск полки делились на сотни (роты). К командному составу относились десятники, пятидесятники, сотники, есаулы, походные атаманы. Существовало звание главного полковника, или бригадира; на последующих этапах народного движения Пугачев награждал чинами генерала и фельдмаршала. Полковые писари, по показаниям думного дьяка Почиталина, составляли поименные списки бойцов для распреде-

Оренбург. С гравюры начала XIX в.

ления жалованья, оружия и провианта. К сожалению, подобных списков сохранилось очень мало. Но сам факт ведения учетных документов следует расценивать как одно из свидетельств наличия заметных начал организации в военном деле повстанцев⁵⁵.

Артиллерию, ружья, порох, свинец свозили в Берду из крепостей и заводов. Было доставлено более 100 пушек. Одновременно Пугачев и повстанческая Военная коллегия принимали меры к налаживанию литья пушек и производства боеприпасов на южноуральских заводах.

В Берде проводились военные учения; большое значение придавалось поддержанию строгой дисциплины в отрядах. Дезертиров жестоко наказывали. По словам хорунжего оренбургских казаков Р. Чеботарева, «те, которые хотя в малейшем подозрении к уходу окажутся, тот же час казнены бывают смертию»⁵⁶.

Среди других военно-организационных предприятий Военной коллегии особенно успешным было снабжение войска продовольствием и фуражом. Под Берду свозили провиант, захваченный на казенных и заводских складах, конфискованный у помещиков, взятый у крестьян под денежные расписки. До конца функционирования Бердского центра многотысячное войско не испытывало недостатка в продовольствии.

Первоочередной целью повстанческого войска было взятие Оренбурга.

Сохранившиеся документы не дают полного ответа на вопрос о причинах решения пугачевцев предпочесть походу в центр страны намерение захватить Оренбург. Можно предположить, что, приступая к осаде города, Пугачев и его окружение пошли на удовлетворение требований казаков, башкир и других народов края: ведь для последних Оренбург и губернская администрация, засевшая в нем, были олицетворением гнета и насилия, насаждаемых крепостническим государством⁵⁷. С другой стороны, возможно, предводитель восстания надеялся, что, овладев Оренбургом, он обеспечит себе надежный тыл и соберет здесь многочисленное, хорошо вооруженное войско для похода на Казань, Москву, Петербург⁵⁸.

В октябре-декабре Пугачев не менее 10 раз обращался к губернатору, местному генералитету, атаману Оренбургского казачьего войска, войсковому старшине яицких казаков и рядовым казакам, ко всему населению с призывами о добровольной сдаче города⁵⁹. «Выдите вы из града вон, — говорилось в одном из воззваний, — вынесите знамена и оружие, преклоните знамена и оружие перед великим государем»⁶⁰. Несмотря на то, что все эти «соблазнительные листы» Рейнсдорп скрывал, сведения об указах «Петра III», обещавшего «всякую вольность и благополучие», становились известны в городе, и откликом на них было бегство яицких и оренбургских казаков, сеитовских татар, калмыков, посадского населения и даже солдат гарнизона к повстанцам во время выхода из города для заготовки сена, дров и пр.⁶¹. Здесь следует отметить, что повстанческое руководство прямо не обращалось к городским низам, но находило в них понимание и отклик на лозунги восстания. Крестьяне, пришедшие в города на заработки в надежде стать свободными товаропроизводителями, мелкие ремесленники (цеховые) поддержали восставших. Документы отмечают многочисленные факты бегства посадского населения и крестьян из осажденных повстанцами Оренбурга, Уфы, Челябинска, чтобы присоединиться к пугачевским отрядам. То же можно сказать о жителях Самары, Осы, Бирска, Шадринска и других городов и крепостей. О стремлении повстанцев обойтись без «напрасного кровопролития» говорят и зафиксированные П. И. Рычковым в его хронике осады Оренбурга постоянные устные призывы к «переговорке» с оренбуржцами с целью склонить их сдаться и присоединиться к восставшим⁶².

Боевые операции под Оренбургом продолжались с 5 октября 1773 г. по 23 марта 1774 г. Длительные сражения у стен города и Бердской слободы происходили 6 и 12 октября, 2 и

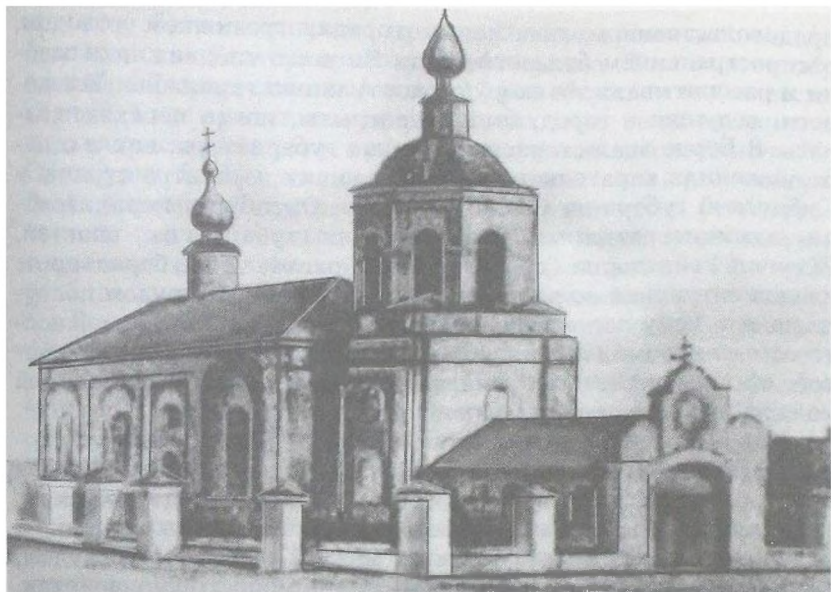
14 ноября, 7, 11, 20 декабря 1773 г., 9 и 13 января 1774 г.⁶³ Все они, как правило, заканчивались поражением оренбургского гарнизона и бегством его с поля боя под защиту крепостных стен.

Вот как писал о «сильном сражении» корпуса бригадира А. А. Корфа (2400 чел. при 22 орудиях) с пугачевцами 14 ноября очевидец событий оренбургский священник И. Осипов: «...Сильными ударами из артиллерии от злодея било из многих мест, а особливо с холма, с которого сбили нашу армию так сильно, прямо сказать, как из ада дышали, и гнали наших до самого города»⁶⁴. П. И. Рычков и другие свидетели происходивших у стен боев в своих записках единодушны в оценке бездарности командиров гарнизонных войск и «плачевного состояния войск наших», не сумевших ни разу нанести поражения пугачевским отрядам⁶⁵.

Можно с большой уверенностью утверждать, что именно в этом сражении 14 ноября отличился тогда еще мало кому известный башкир Салават Юлаев, сын старшины Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дороги Юлая Азналина. С Бердским центром Крестьянской войны связан первый этап повстанческой деятельности Салавата Юлаева, одного из выдающихся предводителей народной борьбы на Урале, вождя восставших за свою свободу башкир. С 11—12 ноября и до первых чисел декабря Салават участвовал в нескольких боях и вооруженных стычках под Оренбургом и проявил при этом такое умение и мужество, что Пугачев присвоил ему, девятнадцатилетнему юноше, чин полковника и сделал его своим эмиссаром в Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе⁶⁶.

Пугачевцы применяли различную военную тактику, пытаясь захватить город. Журнал Рейнсдорпа отмечает несколько атак Оренбурга, предпринятых 6, 7, 12, 18, 27 октября, 2, 3, 10 ноября. В декабре повстанцы перешли к ночным атакам: «на город с пушками в ночь на 28-е число приступ сделать покушались,... только по притчине бывшей в тое ночь с немалым ветром непогоды, ничего сделать не могли». В ночь на 30 декабря пугачевцы вновь произвели обстрел города, чем весьма встревожили местный генералитет, приказавший войскам соблюдать «и в ночное время сугубую предосторожность»⁶⁷.

13 января 1774 г., узнав об отъезде Пугачева с частью войска к Яицкому городку, Рейнсдорп предпринял последнюю отчаянную попытку разбить повстанцев. Рано утром он двинул из города «все здешние команды». Войска включали 1700 солдат и офицеров, конница состояла из 450 яицких и оренбургских казаков. Из города было вывезено 29 пушек. В запасе стояли 400 пеших оренбургских казаков, калмыков, разночин-

Георгиевская церковь в форштадте Оренбурга, с колокольни которой пугачевская артиллерия обстреливала город

цев. По замыслу генералитета войска должны были внезапным ударом разгромить повстанческий лагерь у Бердской слободы. Однако пугачевцы тотчас заметили наступавших. Повстанцы немедленно ввели в действие до 60 орудий; конница казаков, калмыков и башкир вышла на фланги противника. В результате гарнизонные войска пришли в замешательство. Разработанная руководством осажденных «особливая диспозиция... кому с которой стороны и как действовать», была смята атакой повстанческих отрядов. Пугачевцы производили «наисильнейшую пушечную и ружейную пальбу, а другие в великой отважности с копьями набегали». Оренбургским войскам пришлось «по глубокому снегу» отступить в город. «Генеральная высылка» провалилась. Гарнизонные команды потеряли свыше 400 чел. убитыми и ранеными, 13 пушек со снарядами, много другого оружия⁶⁸.

Проигранные пугачевцам бои, ежедневные безуспешные вылазки гарнизонных команд за стены города и, наоборот, непрекращающийся натиск повстанцев, то и дело венчающийся удачей для них, вынудили губернатора запереться в Оренбурге, более не вводить войска в открытые сражения, а ждать помощи от правительственной армии. В ответ повстанцы перешли к блокаде Оренбурга. Зная от перебежчиков о тяжелом

продовольственном положении города, грозившем голодом, распространением болезней, Пугачев и его сподвижники ждали и рассчитывали на скорую капитуляцию гарнизона. Все дороги, ведущие в город, были перекрыты, почта перехватывалась. В Берде знали о распоряжениях губернатора, как и о передвижениях карательных войск, шедших из центра страны и Сибирской губернии. Осада и блокада Оренбурга парализовали административные распоряжения губернских властей. Журнал Рейнсдорпа свидетельствует о том, что губернатор не владел ситуацией во вверенной ему губернии. С трудом поступающая к нему запоздалая информация не давала возможности осмыслить и оценить размах движения, и его главной заботой стало привлечение внимания правительства и Военной коллегии к осажденному Оренбургу⁶⁹.

Как известно, повстанцы не овладели Оренбургом. Ударная боевая сила пугачевского войска — казачья и башкирская конница — не была обучена искусству штурмовать крепости. Не сумели повстанцы добиться также полного окружения и изоляции Оренбурга от внешнего мира. Губернатор с трудом, но получал известия о двигавшихся на помощь городу войсках, и именно это позволило ему сменить тактику — прекратить рейды гарнизонных команд за стены крепости. Пугачевцам не удалось вызвать восстание казаков и городских низов Оренбурга: те находились под жестким контролем губернских властей и мощного гарнизона, насчитывавшего с приходом отряда бригадира Корфа более 5 тыс. человек.

Однако неприступный Оренбург не мог сковать или приостановить развитие восстания. Отряды войска Пугачева были задействованы не только под Оренбургом. Они отличились в сражениях с войсками, продвигавшимися на помощь городу, участвовали в осаде крепости внутри Яицкого городка и Верхнеозерной крепости, где были сосредоточены большие гарнизоны.

Крупным успехом повстанцев было поражение, нанесенное корпусу генерал-майора В. А. Кара, первого командующего карательными войсками, отправленного правительством Екатерины II в Башкортостан.

Известия о восстании в Оренбургской губернии принесли в Петербург рапорт губернатора И. А. Рейнсдорпа лишь 14 октября, почти через месяц с начала повстанческого движения. На первых порах события на Яике были расценены в правительственных кругах как очередной казачий мятеж. В столице не поверили Рейнсдорпу, который уже в первых донесениях в Сенат предупреждал, что Пугачев «намерение имеет сделать во всем целом государстве замешание». Но последующие сооб-

щения о боевых успехах отрядов Пугачева вызвали сильное беспокойство Екатерины II и правительства. Только в октябре и ноябре Государственный совет 12 раз обсуждал «пугачевские дела»⁷⁰. Был принят ряд практических мер, направленных на подавление восстания и пресечение пугачевской агитации. И к Оренбургу были посланы войска во главе с генерал-майором В. А. Каром. Екатерина II считала, что двух-трех регулярных частей, подкрепленных башкирской конницей и отставными солдатами из Казанской губернии, будет достаточно, чтобы разбить пугачевцев и «тем все злоумышление прекратить»⁷¹.

В начале ноября корпус Кара выступил из Кичуевского фельдшанца по Ново-Московской дороге к Оренбургу. Навстречу ему Пугачев послал двухтысячный отряд из казаков, башкир и заводских крестьян, командование которым было поручено атаманам И. Н. Зарубину и А. А. Овчинникову. 7—9 ноября в боях у д. Юзеево, в 110 верстах к северо-западу от Оренбурга, пугачевцы разгромили авангардные части карательного корпуса. Пospешившие им на помощь основные силы корпуса пугачевцы встретили пальбой из пушек и, по словам захваченного в плен подпоручика М. А. Шванвича, «тотчас Кара со всею командою отбили и прогнали»⁷².

Кар первым из царских военачальников оценил силу нового восстания в стране и заключил, что с повстанцами могут справиться только крупные воинские соединения. Оправдываясь перед императрицей и Военной коллегией, Кар объяснял свое отступление малочисленностью возглавляемых им регулярных частей, прежде всего армейской конницы, и, в той же связи, массовым переходом ополченцев из русских и татарских крестьян и калмыков корпуса на сторону пугачевцев. С прощальностью труса, как его «аттестовала» сама императрица, разжалованный главнокомандующий уразумел «совершенно на башкирцов безнадежности», потому как они «совсем драться доброй воли не имеют». К вящей своей беде, Кар отмечал воинское умение повстанцев, которые решительно наступают, а при опасности «как ветер по степи развеваются, а артиллерию свою чрезвычайно вредят... и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было». И, наконец, провал правительственной военной операции Кар с достаточным основанием оправдывал «генеральным в сем краю колебанием», поддержкой повстанческих отрядов населением, которое при приближении правительственных войск уходило, оставляя «деревни почти совсем пустыми», не давая «ни хлеба, ни подвод» и не сообщая о продвижении пугачевцев⁷³.

Несколько дней спустя после поражения В. А. Кара, 13 ноября, под Оренбургом пугачевцам удалось одолеть и захватить

в плен вторую группу правительственных войск — команду полковника П. М. Чернышева, состоявшую из 1200 чел. при 15 орудиях. Возглавлял операцию сам Пугачев. Как он рассказывал во время допроса, окруженные «салдаты тот час положили ружье, а афицеры взяты, коих было и с Чернышовым 33 человека»⁷⁴. Это была еще одна крупная победа повстанческого войска. «Продуманный» план главнокомандующего Кара «с трех сторон загнать Пугачева в угол» потерпел полный провал. А он намеревался объединенными силами полковника Чернышева, бригадира Корфа и собственного корпуса точно 16 ноября в 10 час. утра атаковать Бердский лагерь и разгромить повстанцев. К тому же надеялся, что «мятежники при нашем приближении между собой рассорятся и свяжут Пугачева»⁷⁵.

Тем же временем Главное повстанческое войско вело боевые операции по линии крепостей к северо-востоку от Оренбурга, куда подходили войска, переброшенные из Сибирской губернии.

Во второй половине ноября на захват Верхнеозерной крепости, где собрались гарнизоны Звериноголовской, Ильинской и других крепостей, был послан отряд из казаков, башкир и кундровских татар (ногайцев) под командованием атаманов из крепостных крестьян А. Соколова-Хлопуши и А. Бородина. 23 ноября повстанцы предприняли штурм крепости, но взять ее не смогли. По мощности укреплений Верхнеозерная уступала только Оренбургу и Орску, а штурмовать такие крепости повстанцы не умели. Неудачным был и повторный штурм 26 ноября, когда на помощь осаждавшим подошел отряд Пугачева⁷⁶.

Получив в эти дни известие о подходе к Ильинской крепости армейских пехотных рот, Пугачев, оставив Верхнеозерную, двинулся туда с конным отрядом в 1500 человек. У Ильинской крепости произошло первое столкновение сибирских войск с повстанцами. 29 ноября пугачевцы штурмом овладели крепостью, в которой разместились команда из гарнизонных батальонов Тобольска (3 роты и 90 казаков), направленная в этот район генерал-майором С. К. Станиславским. В ходе боя были убиты командир сводной команды секунд-майор Е. Заев, несколько ее офицеров и до 200 солдат. Двух офицеров, взятых в плен и отказавшихся служить Пугачеву, казнили, но капитан И. Башарин, за которого заступились солдаты, был помилован. В дальнейшем Башарин занимал высокие командные посты в повстанческой армии и действовал на территории Башкирии⁷⁷.

Спустя несколько дней Ильинская крепость была предана огню.

Разгром команды Заева напугал двигавшегося к Оренбургу генерал-майора С. К. Станиславского: он прошел в Орскую крепость и стянул туда все карательные отряды. Станиславский простоял в ней до мая 1774 г. Перед правительством свою пассивность генерал оправдывал, сколько мог, опасностью со стороны башкир-повстанцев, которые окружили крепость и бдительно следили за ним: «в Губерлинских горах на высотах как козы лязят, и усмотреть их не можно», и постоянно информируют обо всем Пугачева⁷⁸. А башкирские отряды (из волостей Ногайской дороги) точно исполняли приказ повстанческого руководства: «зачиная от Орской до Верхояицкой ни команд, ни писем не пропускать, а стараться, перехватывая, ловить»⁷⁹.

Бердское руководство не оставляло надежды захватить крепости, где были размещены сибирские войска, — Верхнеозерную, Губерлинскую, Орскую. Первые две до весны 1774 г. фактически полностью были блокированы отрядами башкир и кундровских татар. Орскую крепость повстанцы рассчитывали взять с помощью ее населения. В ней жили поверстанные в казаки оренбургские татары. К ним и обратился Пугачев с именным указом на тюрки, старотюркском языке. Еще в начале января 20 татар-повстанцев были посланы сюда с этим указом «для подговору здешних орских татар к побегу» в Берду. И с орскими казаками была достигнута договоренность о том, что при подходе пугачевских отрядов они нападут на солдат и помогут взять Орск. Но в феврале заговор был раскрыт, и Станиславский подверг жестоким наказаниям его организаторов — атамана Заинберду Касимова, хорунжего, четырех капралов, муллу и нескольких рядовых⁸⁰.

Осмысливая значение военных действий Пугачева, новый командующий правительственными войсками, брошенными на подавление народного движения, генерал-аншеф А. И. Бибиков увидел, как успех окрылил, поднял дух повстанческой армии и обеспечил ей прилив новых инсургентов. В своем первом донесении Екатерине II в конце декабря 1773 г. он серьезно писал: «Удача сего злодея в разбитии бригадира Билова, полковника Чернышева, ретираты генерала Кара, а, наконец, последняя удача в разбитии майора Заева с командою в Ильинской крепости, умножили сего злодея и сообщников его дерзость»⁸¹.

Крепла, приобретала размах деятельность Военной коллегии повстанцев.

В конце декабря 1773 г. повстанческим движением была охвачена вся Оренбургская губерния и прилегавшие к ней районы Казанской и Сибирской губерний. Военная коллегия,

Золотые медали, которыми Екатерина II наградила казанских, башкирских и мишарских старшин за участие в подавлении Пугачевского движения (размер 55-65)

насколько это было в ее силах, пыталась направить работу повстанческих органов власти. Сохранились ее распоряжения, адресованные атаманам, земским и станичным избам, касающиеся различных вопросов войны, военных действий, устройства жизни в освобожденных от государственных властей районах. Они указывали, как организовать отпор тем или иным частям правительственной армии, как провести мобилизацию в повстанческие отряды; в них же звучали требования поддер-

живать общественный порядок, защищать население от грабежей, быть справедливыми при разборе жалоб и др. Важно подчеркнуть, что от командиров повстанческих отрядов Военная коллегия, как правило, требовала содействия новым органам власти на местах³².

Как бы придавая строгую законность казням дворян и других непримиримых противников восстания, правом вынесения смертных приговоров обладали только «император Петр III» и Военная коллегия. Нарушителей этих установлений велено было доставлять в Берду на расправу.

Командующий карательными войсками генерал-аншеф А. И. Бибиков

Пугачев и Военная коллегия так же сурово наказывали уличенных в грабежах мирного населения. По свидетельству И. Я. Почиталина, Пугачев «многих в том приличившихся вешал без пощады»⁸³. Военная коллегия, откликаясь на поступавшие в Берду жалобы на притеснения, какие терпели люди от пугачевских команд, рассылала строгие указания атаманам крепостей, командирам повстанческих отрядов с требованием неукоснительно вершить справедливый суд. Особенно много нареканий было на казаков, башкир, мишарей, которые рассматривали помещичье, а иногда и крестьянское имущество, оказавшееся в зоне войны, как свою военную добычу. Указ Военной коллегии от 20 декабря 1773 г. И. Н. Зарубину-Чике об ограждении русских селений под Уфой от разорения башкирскими и мишарскими отрядами получил широкое распространение и стал одним из нормативных актов, определявших правопорядок в освобожденных повстанцами районах⁸⁴.

Несомненной заслугой Е. И. Пугачева и Военной коллегии была инициатива в организации повстанческих центров для объединения разрозненных действий многочисленных повстанческих отрядов, состоявших, к тому же, из представителей разных народов и социальных слоев. Чесноковский центр под Уфой, второй по значимости после Бердского, возглавил пугачевский атаман И. Н. Зарубин-Чика, в середине декабря 1773 г. прибывший в Уфимский повстанческий район. В конце декабря оформились Челябинский центр в Исетском повстанческом районе, куда Пугачевым был направлен атаман И. Н. Грязнов, происхождением из симбирских купцов, и Нижнеяицкий центр в Яицком городке, который возглавили яицкие казаки М. П. Толкачев, Н. А. Каргин и А. П. Перфильев.

В других повстанческих районах, где в силу разных обстоятельств не сложились стационарные центры, предводителями народного движения также стали посланцы Пугачева, которым он лично доверял. В Самаро-Волжском повстанческом районе с конца ноября действовали атаманы И. Ф. Арапов, крепостной крестьянин из Оренбургского уезда, и Ф. И. Дербетев, квартирмейстер Ставропольского калмыцкого корпуса. На границе с Пермской провинцией в Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе движение возглавили посланные из Берды полковники Салават Юлаев и Канзафар Усаев, мишарский сотник Ногайской дороги Уфимской провинции. К западу от этого района сложился Осинско-Сарапульский повстанческий район, также включавший часть территории Уфимской и Пермской провинций. Здесь отрядами восставших командовал полковник Абдей Абдуллов, башкир с Ногайской

дороги. Полковник Каранай Мратов, башкирский сотник Бурзянской вол. Ногайской дороги, возглавил народное движение в повстанческом районе, сложившемся между Мензелинском и Елабугой.

Бердский повстанческий центр до конца марта 1774 г. сохранял ведущую организаторскую роль в Пугачевском движении, охватившем огромную территорию Южного Урала.

§ 2. НИЖНЕЯИЦКИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ РАЙОН

В декабре 1773 г. в Яицком городке был образован повстанческий центр, главной задачей которого стало овладение крепостями Нижнеяицкой дистанции.

В сентябре Е. И. Пугачев не смог взять Яицкий городок и направился к Оренбургу, куда пошла и значительная часть служащих казаков. Власть в войсковой столице оставалась в руках коменданта городка подполковника И. Д. Симонова. В его распоряжении был значительный гарнизон в составе 6-й и 7-й легких полевых команд (1050 солдат), отряд из 189 казаков, а также 18 пушек, 65 пуд. пороха, много ружей¹.

Зимой Пугачев вернулся к мысли о захвате Яицкого городка. По совету своих ближайших сподвижников судьи Военной коллегии М. Г. Шигаева, атамана А. А. Овчинникова и других в первой половине декабря он отправил казака М. П. Толкачева на Нижнеяицкую дистанцию: тому поручалось сформировать отряд из местных казаков и взять Яицкий городок.

Толкачев привез с собой на линию именные указы к казакам и походному атаману Н. А. Бородину. Они содержали обещания «Петра III» — Пугачева — пожаловать за верную службу старинными казачьими привилегиями и «разными награждениями»². Толкачеву предалось до 300 казаков, но Бородин не принял указы Пугачева. За отказ служить новоявленному «императору» походный атаман и трое казаков были казнены³.

Вместе с Толкачевым из Берды прибыли яицкие казаки Аптыш Тангаев и Акберда Даутов, которые должны были вручить именной указ «Петра III» — Пугачева — правителям Малого казахского жуза: Пугачев просил хана Нурали и султана Дусали оказать военную поддержку в походе повстанцев на Яицкий городок. Однако переговоры со степными правителями провалились. Хан Нурали отказал в помощи. Лишь несколько казахов добровольно присоединились к пугачевцам⁴.

Все же в последних числах декабря Толкачев двинулся к Яицкому городку. Высланная Симоновым казачья сотня во главе со старшиной Н. А. Мостовщиковым была разбита; за сопротивление повстанцам старшина был казнен. 30 декабря отряд Толкачева, приветствуемый населением, вступил в Яицкий городок⁵. Но гарнизон и около 70 казаков укрылись в сооруженном внутри городка укреплении. Еще ранней осенью с появлением слухов о новоявленном императоре «Петре III» подполковник И. Д. Симонов приступил к сооружению на южной окраине городка военного убежища для гарнизона — небольшой крепости (в документах: «ретраншамент», «кремль»). Она выросла на обрывистом берегу старицы — прежнего русла Яика и с трех сторон была окружена земляным валом, рвом и частоколом. Внутри «ретраншамента» находились каменная войсковая Михайловская церковь, казармы, провиантские склады. Неподалеку от церкви стояла шестиярусная колокольня, служившая еще и наблюдательным пунктом, огневой точкой, хранилищем порохового запаса⁶. Для полновластия повстанцев в Яицком городке необходимо было овладеть «ретраншаментом». В новогоднюю ночь 1774 г. началась осада крепости, продолжавшаяся 3,5 месяца. По просьбе Толкачева 6 января из Бердского центра прибыл отряд из 150 казаков и башкир во главе с атаманом А. А. Овчинниковым, а на следующий день — сам «государь Петр III»⁷.

В течение осадных месяцев Пугачев несколько раз приезжал в Яицкий городок и фактически руководил здесь крупными военными операциями. С его согласия на вновь собранном 1 февраля 1774 г. традиционном казачьем кругу, запрещенном властями в 1772 г., казаки избрали атаманом Яицкого войска Н. А. Каргина, а войсковыми старшинами — А. П. Перфильева и И. А. Фофонова. Это событие способствовало росту преданности и признательности казачества «императору Петру III» — Пугачеву. Как отмечал в своем показании во время допроса А. П. Перфильев, «в кругу пошли разговоры в похвалу Пугачева: «То-та, отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить»⁸. Большинство казаков верило в подлинность Петра III, прибывшего к своим «верным людям», чтобы возвратить им отнятые общим недругом вольности.

Значительные усилия атамана и войсковой канцелярии были направлены на распространение восстания в районе нижнего Яика, комплектование отрядов из служивших там казаков. Создаваемые команды стягивались к Яицкому городку, обеспечивались боеприпасами и продовольствием. В последнем большую помощь оказывала им повстанческая Военная коллегия.

25 января отряд А. А. Овчинникова обратился к Гурьеву городку. Интерес пугачевцев к Гурьеву был обусловлен тем, что там находились значительные запасы пороха, различного боевого снаряжения, пушки. С помощью местных казаков сопротивление гарнизона было быстро сломлено. Комендант, казачий атаман и другие представители властей, оказавшие сопротивление, заплатились жизнью. В середине февраля Овчинников привел в Яицкий городок 300 казаков, служивших по Нижнеяицкой дистанции. Они доставили 60 пуд. пороха и 2 пушки⁹.

На помощь осаждавшим симоновское укрепление из Берды и крепостей Оренбургской линии подходили и другие команды, подвозили боеприпасы и продовольствие. Сохранились документы о выдаче 250 четвертей муки из казенных складов Нижнеозерной крепости для Яицкого городка¹⁰. Общими усилиями Бердского руководства и войсковой канцелярии в казачьей столице были сосредоточены значительные воинские силы, включавшие 1500 казаков, команду ставропольских калмыков, небольшие отряды башкир и казахов¹¹. Казачьими отрядами командовали атаманы А. А. Овчинников, А. П. Перфильев, М. П. Толкачев, К. И. Дехтярев. Во главе особого отряда из живших в городке «пришлых российских людей» стоял экономический крестьянин Казанского уезда М. И. Ситников, прежде работавший в городке «по найму»¹².

Повстанцы возвели вокруг «рентраншамент» укрепленную линию из бревен, построили редут для батареи, вырыли подземные минные галереи, ведущие под вал.

Караулы на пикетах зорко следили за крепостью, тушили пожары от бомб, летевших из «кремля», и от огня засылаемых Симоновым поджигателей. Комендант рассчитывал на общий пожар в городке, в котором почти все строения были деревянными и саманными. Но в повстанческих караулах вокруг внутренней крепости было занято не менее 700 чел. Журнал Яицкой комендантской канцелярии, который вели с 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г., зафиксировал ход сражений у стен «кремля», многочисленные стычки во время ночных вылазок гарнизона, перестрелку и другие события¹³.

Действия по захвату «ретраншамент» строились по расхожему плану, каким пугачевцы пользовались при подступах к укрепленным населенным пунктам. Подготовка к штурму и решительному наступлению предварялась письменным обращением «Петра III» — Пугачева или его полковников к властям и населению крепостей с требованием о добровольной сдаче. Коменданту Яицкого городка и осажденному гарнизону было адресовано 3 именных указа Пугачева¹⁴. Как заявил на

Собор архангела Михаила в Яицком городке — цитадель внутренней крепости, осаждаемой отрядами Пугачева в январе — апреле 1774 г.

следствии в Яицком городке 16 сентября 1774 г. сам вождь восстания, в январе он отправил Симонову указ, «чтоб он вышел из кремля и покорился»¹⁵. После отказа гарнизона капитулировать Пугачев задумал подложить мины под вал крепости и взорвать одну из батарей Симонова.

Земляные работы длились две недели. В галерею вкатили бочку с 9 пуд. пороха. 20 января Пугачев распорядился взорвать мину. Но подкоп, оказалось, не достиг места, где стояла батарея. По признанию Пугачева, «мина ведена была вместо батареи в пустой погреб, почему вся работа и пропала втуне»¹⁶. В результате взрыва вал лишь осел. Тем не менее, воспользовавшись последним, повстанцы пошли на штурм. Они «к крепости ударили, в чаянии, что пролом готов, а Симанов в то время, наждав на картечной выстрел, и так жестоко встретил», — рассказывал на допросе участник штурма И. Я. Почиталин¹⁷. Сражение длилось более 10 час. Пугачевцы потеряли до 400 чел. Превосходство позиции противника, недостаток ружей, пороха и свинца заставили нападавших отступить¹⁸.

За два дня до взрыва во втором подкопе, который вели под каменную колокольню, где Симонов хранил порох, Пугачев вновь обратился к осажденным с предложением прекратить сопротивление. Но и оно осталось без ответа. На 19 февраля Пу-

гачев назначил штурм «ретраншамента». Сигналом к атаке должен был послужить взрыв колокольни. Однако малолетний казак-перебежчик раскрыл Симонову замысел пугачевцев. Осажденные получили время, чтоб вывезти порох из колокольни и подготовиться к отражению повстанцев. Предупрежденный об измене Пугачев поспешил со взрывом, хотя пороха было заложено недостаточно. Взрыв оказался настолько слабым, что повредил лишь верхний ярус колокольни. Пугачев отложил штурм и приказал расширить пролом в стене крепости с помощью артиллерийского огня: «метал в кремль довольно бомб, которая привезены были из Берды»¹⁹. Перестрелка продолжалась до вечера 20 февраля, принесла существенные потери обеим сторонам. После этой неудачи Пугачев с 500 казаками уехал в Берду²⁰.

Занимаясь минными подкопами, пугачевцы проявили мастерство и терпение и выполнили огромный объем земляных работ. Но слабые познания в военно-инженерном деле, считанный запас пороха, а также предательство перебежчика обманули ожидания повстанцев.

Тем временем, событие, возможно, и менее важное для судеб восстания, чем штурм крепости, однако способное захватить внимание целого войска, поразило ум, задело нравственное чувство пугачевцев. Те же А. А. Овчинников, Н. А. Каргин, М. П. Толкачев и другие «главные способники» Пугачева предприняли хитроумный шаг, который должен был привлечь на сторону повстанческого вождя всех казаков, еще державших сторону правительства, прежде всего яицких. Они сосватали «императору» казачку Устинью Кузнецову. По их мнению, этот брак должен был явиться убедительным доказательством особой благосклонности «государя» к яицким казакам. На возражения Пугачева казаки отвечали: «Ты-де как женился, так-де войско Яицкое все к тебе прилежно будет»²¹.

Однако женитьба «императора Петра Федоровича» на казачке произвела другое впечатление, вызвала у части казачества недоверие и сомнение в его «достоинстве». «Когда ж Пугачев обвенчался, — говорил на допросе И. Я. Почиталин, — то в народе зделалось сумнение, что Пугачев не государь, и многия между собою говорили: «Как-де етому статца, чтоб царь мог женитца на казачке»; а потому многия начали из толпы ево расходиться, и усердие в толпе к ево особе истребляться»²².

О недобрых толках среди казаков вспоминали на допросе бывшие члены Военной коллегии судья И. Л. Творогов, секретарь Д. М. Горшков: казаки, узнав о женитьбе Пугачева, «ста-

Петропавловская церковь в Яицком городке, где 1 февраля 1774 г. венчался Е. Пугачев с Устиньей Кузнецовой. Фото 70—80-х гг. XIX в.

ли об нем сомневаться, но, бояся виселицы, не смел ни один человек явно того говорить»²³.

Дело в Яицком городке продолжалось без перевеса той или другой стороны. Весной, с 8 по 14 марта, Пугачев вновь побывал в нем. Сам руководил действиями повстанцев, отражал вылазку, организованную Симоновым с целью прорваться через кольцо осады. Несмотря на огонь крепостных батарей, пехота и конница осажденных беспорядочно бежала с поля боя за стены «кремля»²⁴. Но осада внутренней крепости затягивалась. И Пугачев, кажется, обдумывал план нового штурма. Так, 11 марта он послал указ атаману Гурьева Е. Струняшеву, в котором требовал «в немедленном времени с крайним поспешением» выслать порох в Яицкий городок, оставив у себя

только одну бочку²⁵. 14 марта с помощью бумажного змея повстанцы забросили в «кремль» еще один именной указ Пугачева, адресованный Симонову и всему гарнизону и содержащий призыв «к покорению», требование прекратить вылазки, которые не меняли положения борющихся сторон, а вели лишь к напрасному кровопролитию²⁶. В тот же день, получив донесение о вступлении правительственных войск под командованием генерала П. М. Голицына в Сорочинскую крепость, отстоявшую от Оренбурга на 176 верст, Пугачев отбыл в Берду. До снятия блокады Яицкого «ретраншамент» оставался еще месяц.

Осаждавшие почти ежедневно обстреливали «кремль»; гарнизон дошел до крайнего истощения, держался лишь надеждой на скорое прибытие правительственных войск. В период блокады потери гарнизона составили убитыми 124 чел., умершими от ран и болезней 57, ранеными 180 чел.²⁷.

Пугачевский атаман Н. А. Каргин и войсковая канцелярия не отказывались от мирных переговоров. По словам А. П. Перфильева, он и сам выходил «на переговоры с высланным из ретраншаментка капитаном Крыловым... и старался уговаривать к сдаче»²⁸. А 5 апреля повстанческое руководство направило Симонову обширное увещание, в котором излагались обстоятельства дворцового переворота 1762 г., утверждалась законность новоявленного государя Петра III и вновь предлагалось повиноваться и служить ему. Но здесь же повстанцы объявили, что готовы к открытому сражению: «Ежели хотите вы итти против нас, и то мы давно милости просим..., и переписок никаких больше принимать чрез посланных от вас не хотим»²⁹.

Симонов не решился на открытое сражение. А повстанцы взять приступом его «кремль» не могли.

До прихода правительственных войск власть на Нижнем Яике была сосредоточена в руках повстанческих войскового атамана и войсковых старшин. И в Яицком городке были восстановлены казацкие порядки, прежде всего — войсковой круг. Войсковая канцелярия строго вела приход и расход денег. Основная часть их шла на закупку продовольствия и железа, «кое употреблялось на укрепление зделанной... батареи и на оковку пушечных лафетов»³⁰.

Избранные на кругу атаманы крепостей, исполняя распоряжения войскового начальства, возводили оборонительные сооружения, распределяли продовольствие, выдавали казакам жалованье и др. В связи с активизацией набегов казахов на пограничную линию, а также — приближением карательных отрядов, посланных к Гурьеву астраханским губернатором,

Каргин приказал вывести казачьи гарнизоны из нескольких крепостей и форпостов и сосредоточить их в Гурьеве и Калмыковой крепости. Любопытно, что в порядке атаману гурьевских казаков Е. Струняшеву он рекомендовал использовать для обороны городка бурлаков³¹.

Неудачи 20 января и 19 февраля, утрата надежды на захват «кремля» вкупе с пугающими известиями о приближении правительственных войск породили страх и колебания среди казаков. Сомнения высказывались вслух, и предпринимались попытки взять сторону власти. Всех, кто отваживался «оказывать противности и злодейства учинять», и войсковой атаман, и атаманы крепостей подвергали наказаниям вплоть до смертной казни. Но даже такими жестокими мерами достичь единства в повстанческом лагере не удавалось. По подсказке Симонова, некоторые из казаков, стремясь доказать свою верность властям, ездили по хуторам и звали, «чтоб послушной стороны казаки ехали к нему, [под]полковнику Симонову, в кремль на помощь». Казак С. М. Шелудяков тайно передавал Симонову сведения о продвижении корпуса генерала Голицына к Оренбургу, выведенные им во время поездок в Берду³². Значительная часть казачества, однако, отклоняя предательство, заняла выжидательную позицию.

В начале апреля, с получением известий о приближении правительственных войск, отряд в 300—500 чел. под командованием Перфильева выступил из Яицкого городка вверх по Яику. По пути он соединился с отрядом Овчинникова, понесшим большие потери в сражении с генерал-майором Мансуровым, но еще способным продолжать борьбу. Общие силы повстанцев составили около 600 чел. с 5 пушками. 15 апреля у р. Быковка между Генварцевым и Рубежным форпостами отряд встретил регулярные войска пушечным огнем. Но в ходе сражения повстанцы потеряли всю артиллерию и отступили. Овчинников и Перфильев с частью казаков ушли на поиски армии Пугачева, остальные поспешили в Яицкий городок³³.

В тот же день, 15 апреля, войсковой атаман Каргин созвал круг. По свидетельству журнала Яицкой комендантской канцелярии, собралось несколько сот человек. Бунтарски настроенные казаки призывали идти вслед за Овчинниковым и Перфильевым к Пугачеву; казаки «послушной» стороны уговаривали выйти навстречу корпусу генерала П. Д. Мансурова и просить командующего о помиловании. Разногласия привели к вооруженному столкновению. «Послушные» казаки одержали верх. Им даже удалось связать Н. Каргина, М. Толкачева и пятерых старшин и, отбиваясь от их защитников ружейным и пушечным огнем, доставить к Симонову³⁴. 16 апреля Мансуров

вступил в Яицкий городок, тем самым снял осаду симоновского «кремля». В казацкой столице было восстановлено комендантское управление.

Для усмирения восставших в Яицком городке и крепостях Мансуров установил жестокий режим террора. Несколько человек были казнены, другие умерли в тюрьме от истязаний, многие были арестованы и подвергнуты пыткам. Мансуров разрешил своим солдатам и казакам «послушной» стороны «разобрать по себе» дома и имущество повстанцев, обрекая на нищету и голодную смерть сотни престарелых людей, женщин и детей³⁵. В конце апреля карателям удалось захватить в плен несколько казаков, призывавших к продолжению восстания на Нижнем Яике³⁶.

Эти меры не принесли победы и успокоения генералу. 2 мая он докладывал командующему войсками генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову: «Здесь весь народ дышит мятежом и единственно пред стоящим ему оружием и силой повинуетя, а не чистосердечное в преступлениях своих имеет раскаяние»³⁷. Шли сражения между карательными командами и отрядами повстанцев, отступившими к р. Узени³⁸.

3 мая в Гурьев вступил отряд подполковника Д. И. Кандарова, посланный из Астрахани. Захват войсками Яицкого городка, казнь повстанческого руководства подорвали моральные силы атамана Струняшева и заставили его капитулировать, хотя в городке было много оружия, боеприпасов, продовольствия³⁹. С падением Гурьева повстанческое движение на Нижнем Яике было подавлено. К июлю, по сообщению Мансурова, крепости и форпосты Яицкого казацкого войска были заняты правительственными войсками: «Все к Яицкому городку лежащие дороги: Оренбургская, Бузулукская, Самарская, Сызранская и Мальковская, — открыты, и по всем спокой и безопасной от мятежников проезд с товарами и хлебом беспрепятственно происходит»⁴⁰.

§ 3. УФИМСКИЙ РАЙОН НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ. ЧЕСНОВСКИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Многочисленному тюркоязычному населению края, основная масса которого проживала в Уфимской провинции, «Петр III»-Пугачев направил несколько специальных манифестов и указов на тюрки, призывая верно служить ему. Выше упоминался именной указ башкирам Оренбургской губернии

от 1 октября 1773 г. Одновременно с ним по Ногайской и Сибирской дорогам был разослан указ, адресованный как башкирам, так и другим «мухаметанцам», т. е. мишарям, татарам и тептярям (среди последних — ясачным татарам), сартам, аюкинским калмыкам. 14 октября был составлен новый указ башкирам всей губернии. Наконец, известно, что среди мусульманского населения широко распространялись манифесты от 1-го, 3-го и приблизительно 15 декабря, также написанные на тюрки¹.

В вопросах государственного права и гражданских обязанностей Пугачев не делал различия между обещанным русским, башкирам, татарам или каким другим народам. Он твердо стоял на идее социального равноправия. И своих «подданных мухаметанцев» он также щедро жаловал землями, водами, «пажितью», солью, разными экономическими выгодами и вольностью, заверяя при том, что свободными будут и потомки мусульманских народов России: «даю волю детям вашим и внукам вечно»².

Манифесты к мусульманскому населению выделялись, между прочим, самой острой постановкой социальных проблем. Они содержали критику крепостнических порядков в стране и звали к борьбе против помещиков-«бояр», царских генералов и офицеров, т. е. против всех дворян «как сущих преступников закона и общего покоя», наживших свое богатство за счет «отягощения и разорения» народа. «Они вас объедали, лишали моих рабов воли и свободы», — сочувствовал народу «Петр III»-Пугачев. Во имя социальной справедливости он предписывал конфисковывать имущество помещиков и офицеров: часть его — «обоз, лошади и разное оружие» — везти в Берду, «другие пожитки» раздавать вступившим в повстанческие отряды «армейским людям»³.

В тех же указах и манифестах ставились важнейшие вопросы самоуправления народов, религиозного равноправия, уважения к национальным обычаям. «Петр III»-Пугачев одаривал мусульманское население свободой вероисповедания — «верою и законом вашим», «верою и молитвою»⁴. При этом особую значимость этим посланиям придавало то, что «государь» обращался к тюркским народам на их собственном языке. Арабографический тюрки был письменным литературным языком, обслуживавшим в XVIII в. татар, башкир, мишарей, казахов⁵.

Изложенные в воззваниях Пугачева к тюркоязычным народам идеи социальной справедливости и религиозно-национального равноправия способствовали подъему социального сознания народных масс, укреплению веры в свое человечес-

кое и гражданское достоинство. Здесь уместно привести оценку деятельности предводителя восставших, данную известным ученым-востоковедом М. А. Усмановым: «Е. И. Пугачев был выдающимся вожаком народа, который одним из первых в истории многоэтнической Российской империи осознал, по-своему сформулировал и даже пытался на уровне своего времени решить вопросы равноправия народов как в социальном, так и в религиозном, этническом планах»⁶.

В походных канцеляриях пугачевских атаманов, земских избах и других учреждениях восставших четко следовали распоряжениям Пугачева о рассылке его предписаний. Вот что, например, гласила приписка к обращению от 3 декабря: «Копию этого указа отправьте в разные стороны и во все края. Условлено, копию с копии, не задерживая нисколько, передавать из деревни в деревню»⁷. Тюркоязычные документы не только копировались, но и переводились на русский язык и уже на двух языках широко распространялись не только в Оренбургской губернии, но и в Прикамье и Поволжье⁸.

Агитационная сила повстанческих манифестов и указов, вести о победах пугачевцев над правительственными войсками и гарнизонами крепостей привели к тому, что основная масса башкир и других народов края от «большого колебания» в первые месяцы восстания перешли в ноябре к «генеральному бунту», и Башкирия до конца Крестьянской войны становится одним из основных районов народного движения.

Довольно полные сведения об участии в восстании служилого населения — башкир, мишарей, служилых татар, а также татарских, марийских, чувашских, удмуртских ясачных крестьян, большинство которых входило в телтярское сословие, дают ведомости, составленные в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях по запросу оренбургского губернатора в конце 1774 г. — начале 1775 г. В Уфимской провинции из людей, живших в 14092 башкирских, 2352 мишарских дворах и 180 дворах служилых татар, а также из 37416 душ м. п. ясачных крестьян, проживавших на территории Казанской, Осинской, Сибирской и Ногайской дорог, не приняли участия в восстании башкиры из 54 дворов, 1170 душ м. п. татарских крестьян да 15 чел. из числа башкиро-мишарской старшинской верхушки. В Зауральской Башкирии, по данным Исетской провинциальной канцелярии, к участникам народного движения были причислены башкиры всех 3174 дворов из одиннадцати волостей Сибирской дороги и двух волостей Ногайской дороги, мишари из 165 дворов, татарских, марийских и удмуртских крестьян — 648 душ м. п. «Непричастными к бунту» названы два башкирских, шесть ми-

шарских, три татарских старшины, несколько сотников и рядовых — всего 52 человека⁹. Как видно, подавляющая часть башкир, мишарей и ясачных крестьян была вовлечена в народное движение.

К числу участников восстания местная администрация отнесла и почти всю старшинскую верхушку башкир, мишарей, служилых татар, тептярей. Хотя численный состав этой группы населения, включавшей старшин, их помощников, походных старшин, сотников, есаулов, хорунжих, старшинских писарей, отставных старшин, тарханов, представителей духовенства и др., не превышал, как отмечалось выше, двух тысяч человек, ее социально-экономическое и духовное влияние на рядовых общинников было значительным. В условиях углубления феодальных отношений в башкирском обществе, активизации процесса обогащения старшинской верхушки и роста социального неравенства старшины, с одной стороны, были заинтересованы в поддержке властей, но с другой, — в них накапливалось недовольство политикой правительства, ведущей к умалению старинных прав и привилегий. Отмена правительственными властями принципа выборности волостных старшин, полное их подчинение губернатору, губернским и провинциальным канцеляриям и параллельно — ликвидация права наследования старшинской должности, — все это вело к тому, что старшины постепенно превращались в низшее звено общегосударственного административного аппарата. На имущественном положении старшинской верхушки не могло не сказаться отчуждение земельных, лесных и пастбищных угодий под крепости, заводы и поселения служилых людей и заводских крестьян. Вызывало недовольство и притеснение мусульманской церкви. Наконец, третьим моментом, неотвратимо влиявшим на отношение старшины к народному движению, стал собственно размах восстания: в его экстремальных условиях старшинская верхушка вольно или невольно поддалась настроению инсургентов — рядовых общинников.

Среди старшины выявилось три группы, стоявшие на различных позициях по отношению к повстанческому движению. К первой из них относились те, кто сохранил верность правительству. По сведениям Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий, из 173 старшин открыто враждебно настроены к восстанию были только 22 старшины (9 башкирских, 10 мишарских и 3 татарских)¹⁰. Складывается впечатление, что все старшины тептярей — татар, чувашей, удмуртов, марийцев — будто бы поддержали повстанцев. Однако эти сведения недостаточно полны и точны.

Ведомости составлялись спешно в конце 1774 — начале 1775 гг., в период, когда многие обстоятельства поведения отдельных старшин, их помощников, ахунов и прочих не были еще известны провинциальной администрации во всех подробностях. Например, позднее выяснилось, что мишарский старшина Ногайской дороги Ишмухаммет Сулейманов, возвращаясь в ноябре 1773 г. с Сибирской линии, был схвачен повстанцами и сидел в чесноковской тюрьме до подхода к Уфе правительственных войск¹¹. До присоединения к карательным войскам прятался от повстанцев и мишарский старшина той же дороги Муксин Абдусаламов¹². За отказ подчиниться повстанцам был казнен башкирский старшина Сунларской вол. Сибирской дороги Халиль Якупов, а мишарский старшина Мухамметрахим Юсупов был убит повстанцами за попытку сформировать карательный отряд из жителей Казанской дороги¹³. Правящий старшинскую должность в Чирлинской волости Исетской провинции Аязбай Кызылов с частью своей команды оставался в стороне от восстания и был использован воеводой А. П. Веревкиным для охраны дороги от Челябинска к Кыштымскому заводу¹⁴.

Документы называют и других представителей старшинской верхушки, которым удалось избежать напора восставших и продолжать службу властям. Это, в частности, башкирские походные старшины Утяган Нурмухаметов и Аднагул Авязбакыев, башкирские сотники Абдулзялилль Султанов, Шарыпкул Каипкулов, Абдул Сырметев, мишарские сотники Абдулмазит Ахмеров, Бахтияр Янышев, сотники служилых татар Рахмангул Рахмангулов, Чурагул Уразметев и др.¹⁵. Против пугачевцев выступала часть духовенства. Знаменательно, что для переговоров с пугачевским атаманом Грязновым генерал Деколлонг, находившийся в осажденном Челябинске, выбрал не казака или русского крестьянина, а «инородца» муллу Салзаутской вол. Абдулгифара Мансурова. Генерал давал задания и ахуну Исетской провинции Абдулле Муслимову Даушеву, рассчитывая на авторитет ахуна среди верующих и на его преданность властям¹⁶. Все эти старшины были тесно связаны с местной властью, всегда служили опорой администрации в проведении правительственной политики и прежде участвовали в подавлении народных волнений. В дни Пугачевского восстания обозначенная группа выступила открытым союзником правительства. Активным участием в карательных акциях против восставших она стремилась получить офицерские чины, добиться дворянских привилегий.

И все же, список старшинской верхушки, тех, «которые нынешнему бунту совсем причастны не были», может быть

продолжен ненамного. Основная часть старшины так или иначе приняла участие в восстании.

Прежде всего, к повстанцам примкнула старшина, недовольная политикой правительства, направленной на ущемление ее политических прав и хозяйственно-экономических интересов, обойденная милостями губернских и провинциальных властей. Размах народного движения, первые военные успехи пугачевцев, распространение недостоверных известий о взятии Оренбурга, Уфы и других крупных центров вызвали у этой части старшинской верхушки иллюзорную надежду на быстрое окончание восстания и использование даруемых «Петром III»-Пугачевым вольностей в своих интересах, для укрепления собственной власти в волости. Так, Упак Абзанов, сотник Балакатайской вол., говорил во время допроса о своей вере в то, что Пугачев «может возратить в здешних местах заселившую землю и что господ никто не будет, а всякой зделаетца самовластным»¹⁷. Поэтому на первом этапе Крестьянской войны старшины проявили активность в формировании повстанческих отрядов и даже возглавили эти отряды на правах командиров. Из 16 башкирских старшин и сотников, получивших от Пугачева звания полковников, семеро с приходом в Башкирию карательных сил изменили повстанцам.

Но кто-то из феодализирующей верхушки местного общества примкнул к пугачевцам и вовсе с целью использовать военное положение в крае для грабежа населения. Примером могут служить действия четырех башкирских старшин и пяти тептярских (ясачных татар) старшин Ногайской и Казанской дорог на территории Западной Башкирии.

В ноябре 1773 г. в Берду поступили жалобы на притеснения и разорение хозяйств со стороны прикрывавшихся повстанческими призывами отрядов во главе со старшиной Кара-Табынской вол. Кидрясем Муллакаевым. Для пресечения их действий Военная коллегия направила в район Нагайбакской крепости своего эмиссара В. И. Торнова. Атаман Торнов и пугачевские власти в этом районе восстания в лице полковников Караная Мратова и Нигматуллы Бакирова сурово наказали грабителей. Наказание плетью, штрафы, смертные казни, к которым они прибегали, вызвали страх и ненависть старшин и развращенных легкой добычей членов их команд. С приближением карательных войск они тотчас, в начале апреля 1774 г., предательски захватили в плен В. И. Торнова и доставили к начальнику воинской команды. И тот, «почтя сей... поступок за знак их раскаяния, распустил всех с билетами», свидетельствующими о верности властям¹⁸.

За мародерство, разорение жителей сел и заводов пугачевский полковник, ясачный татарин Осинской дороги Ермухаммет (Еркей) Кадырметев повесил в Сарапуле тептярского старшину этой же дороги татарина Исеня Елметева¹⁹. Известно также, что в течение первого периода Крестьянской войны на Казанской дороге отряд башкирского старшины Имангула Кутлина и тептярского старшины (ясачных татар) Уметкула Тяукелева грабил помещичьи дома,²⁰ нарушая тем самым требование Военной коллегии об организованной конфискации имущества представителей господствующего класса. С подходом правительственных отрядов грабители-старшины шли в ряды карателей, чтобы уберечь награбленное имущество, продемонстрировать свою лояльность к властям.

Большая часть старшинской верхушки не решалась противопоставить себя рядовым общинникам-пугачевцам и выступить на стороне правительства из страха перед восставшими. Кажущееся единодушие старшины и трудовых масс в первый период восстания разоблачается многочисленными фактами, подтверждающими мнение командующего правительственными войсками А. И. Бибикова: большинство старшин «отнюдь сему неустройству несогласны, но силою и страхом смерти от прельщенных злодеями понуждаются»²¹. Да и сами старшины, муллы, купцы, разбогатевшие крестьяне объясняли позже свое вынужденное участие в восстании тем, что «деревни их совсем состоят» в руках повстанцев, «и противитца они ничем им не могут, а оказывают во всем им себя послушными и спасают живот свой»²².

Под угрозой разорения вступил в повстанческий отряд старшина Юмран-Табынской вол. Ногайской дороги Каипкул Аслыкаев²³. Пугачевцы вынудили войти в отряд старшину ясачных удмуртов Осинской дороги Ишкиню Уразова, «кого возили за собой силою, устраивая повесить»²⁴. Подчинился повстанцам и ахун Исетской провинции мурза Абдулла Муслюмов Даушев. Он был в плену у Салавата Юлаева, а затем стал узником в отряде башкирского походного старшины Юламана Кушаева. Абдулле удалось отослать письмо к воеводе, в котором он сообщал, что присягу Екатерине II хранит «чисто-сердечно», но убежать от повстанцев не может, так как «самого ж меня возят за караулом». Ахун надеялся, что ему с семьей и другими «верными» удастся скрыться в Сибирской губернии, и поэтому просил воеводу выслать билет, удостоверявший его преданность властям. Из страха перед народным гневом он готов был бежать, бросив свое хозяйство: «хотя ж скот наш и останется, о том... не печалимся, а только б целы были наши головы»²⁵.

Определенно, можно видеть, что в первые месяцы Крестьянской войны многочисленная группа старшинской верхушки не была вольна в выборе и в большинстве случаев была вынуждена учитывать настроение рядовых и идти за ними. Это и объясняет ее непостоянство и колебания. Участие или неучастие в народном движении конкретно определялось реальной обстановкой в тот или иной период восстания. Примкнув к повстанцам под давлением восставшего народа или с корыстными целями, встав, по воинским правилам, во главе своих команд, эти старшины в условиях первых успехов восставших находились в колее движения. Но по мере наступления карательных войск они, а за ними и другие представители богатой верхушки местного населения торопились отойти от восстания. Одни из них занимали нейтральную позицию, другие исподволь помогали властям в подавлении народного движения.

Лишь третья небольшая группа старшинской верхушки с самого начала восстания и до конца сохранила ему верность. Это были, главным образом, старшины восточных районов края, где башкирское полукочевое хозяйство особенно сильно страдало от отчуждения огромных земельных площадей под заводы и крепостные линии, из волостей Сибирской и Ногайской дорог. Активность в народном движении проявило и мусульманское духовенство, что объясняется его близостью к трудовым массам. Многие муллы были писарями в повстанческих отрядах. В борьбе крестьянских масс участвовало большинство старшин тептярей — татар, марийцев, удмуртов, чувашей, — близких по своему положению к социальным низам населения.

Рассмотренная позиция старшины, ко всему, еще и показатель процесса социального разложения в общине, стремления старшин и других чиновных лиц занять господствующее положение в экономической и общественной жизни своих народов. Присоединялись они к правительственным войскам или шли в армию Пугачева, они преследовали, как правило, своекорыстные цели. Поэтому и в повстанческом лагере вместе с трудовыми массами оказались представители феодализирующейся старшинской верхушки. Таким образом, восстание в Башкортостане предстает сложным по своему социальному составу движением.

Новым социальным слоем антифеодального лагеря в Пугачевском движении стали работные люди, мастеровые и приписные к заводам крестьяне. На 33 заводах Уфимской провинции числилось свыше 26 тыс. душ м. п.²⁶

Вести о восстании на Яике и появлении там «императора Петра III» вызвали сильное брожение и волнения среди завод-

ского населения. Как вспоминал Пугачев во время допросов, он уже в октябре послал указы «на Воскресенский и на прочие заводы крестьяном со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод, с требованием, чтоб шли все в службу»²⁷. Пугачев и его сподвижники придавали исключительное значение заводам и как резерву людской силы, необходимой для пополнения войска, и как материальной базе восстания: на заводах имелась артиллерия, значительные запасы оружия, боеприпасов и продовольствия, крупные денежные суммы.

Из посланных на заводы пугачевских указов сохранились лишь тексты указов приказчикам и заводским крестьянам Авзяно-Петровского и Кано-Никольского заводов. В ряде документов иного рода также имеются сведения, что именные указы в октябре были получены на Воскресенском, Вознесенском, Белорецком заводах²⁸. Пугачев призывал служить ему «верно и неизменно до [последней] капли крови», за что обещал наградить заводское население «всякою вольностию» и теми же экономическими льготами, какие пожаловал казакам. Многие из работных людей были раскольниками и поэтому с удовлетворением, по словам конторщика Кано-Никольского завода, приняли пожалование «носить бороду и креститься, как они обыкли»²⁹. Хотя пугачевские указы к работным людям и приписным крестьянам не учитывали специфических потребностей этих прослоек подневольного населения, провозглашение «всякой вольности» воспринималось ими как освобождение от заводских работ, «увольнение от подушных податей и от рекрут» и других обременительных повинностей³⁰. Многие приписные крестьяне сразу же отправлялись с заводов с отпускными билетами в места постоянного жительства.

Первым к восстанию присоединилось население ближайших к Оренбургу Воскресенского, Верхоторского, Покровского заводов и их рудников. В начале октября к повстанцам ушел отряд рудокопов с Каргалинских рудников. А через несколько дней они привели из Берды на Воскресенский завод отряд из 70 башкир под командованием пугачевского полковника Качкына Самарова. Около тысячи крепостных работных и вольнонаемных людей записалось в «казакки» и повезли к Пугачеву реквизированные деньги, оружие и 18 пушек³¹. Вскоре в числе восставших оказались Верхний и Нижний Авзяно-Петровские, Кухтурский, Кагинский заводы, составлявшие единый производственный комплекс, крупнейший среди железнорудных заводов Южного Урала. 22 октября сюда прибыла команда из 8 казаков и 30 башкир (по другим сведениям — из 6 казаков и 100 башкир) во главе с одним из видных вожakov Крестьянской войны А. Т. Соколовым-Хлопушей³². Перед собравшимся

заводским людом был зачитан пугачевский указ; «а как во оном написаны были все крестьянские выгоды, то крестьяна закричали: «Рады ему, государю, послужить!», и выbralось охотников к Пугачеву в службу 500 человек»³³. Так же восторженно встречали башкиро-казахьи повстанческие отряды на Преображенском, Кано-Никольском, Богоявленском, Вознесенском, Симском, Катавских, Юрюзанском и других заводах³⁴.

В течение октября и ноября в восстание добровольно включились 32 завода Уфимской провинции³⁵. Некоторое время во власти заводской администрации оставался Белорецкий завод; пугачевские эмиссары, привлечшие было заводчан на сторону восстания, вскоре были арестованы, а 788 крепостных рабочих людей 7 ноября приведены в повиновение³⁶. Лишь 3 января завод был вторично захвачен повстанцами³⁷. Работы на всех заводах были прерваны. Они были возобновлены только на Авзяно-Петровских и Воскресенском заводах в связи с заданием Пугачева и Военной коллегии изготовить пушки и боеприпасы³⁸.

Характерно, что вовлекали горнозаводское население в восстание непосредственно команды, состоявшие в основном из башкир-пугачевцев. Их приезд в подавляющем большинстве случаев служил побудительным мотивом для перерастания заводских волнений в восстание. Присоединение завода к восстанию обставлялось торжественной церемонией: завод присягал «императору» и определял себе новое руководство. Башкиры-повстанцы, исполняя поручения Пугачева по установлению новой власти на заводах, рассчитывали на возвращение своих старинных вотчинных земель. Они ни на миг не забывали, что своими указами вождь восстания жаловал башкир «во-первых, даже до последка землями, водами, лесами...»³⁹.

В течение первого периода Крестьянской войны башкиры не прибегали к уничтожению заводов. Исключение составляет сожжение бездействовавшего Покровского медеплавильного завода и строившегося Азяш-Уфимского. Посланцы Пугачева действовали на заводах в полном согласии с местным населением. Даже некоторые правительственные чиновники вынуждены были признать, что в отношении к работникам заводов «башкирцы их ничем не вредили, а из их пожитков ничего не брали»⁴⁰.

Отдавая должное роли посланцев Пугачева в процессе присоединения заводов к восстанию, нельзя забывать об инициативе и активности самих рабочих людей и приписанных к заводам крестьян. Группами и в одиночку они бежали к Пугачеву в Берду, а затем становились проводниками направляе-

мых на заводы повстанческих отрядов. Пугачевские команды были немногочисленны, потому что их целью был не насильственный захват заводов, а лишь проведение совместно с готовыми к восстанию крестьянами ряда мероприятий по установлению новой власти. Заводское население тотчас прекращало работу. Вместе с пугачевскими отрядами, а иногда и самостоятельно оно расправлялось с представителями заводской администрации, защищавшей интересы заводовладельцев, конфисковывало деньги, продовольствие, оружие, инструменты, уничтожало долговые обязательства. По подсчетам заводчиков, повстанцы сожгли конторские книги с долговыми расписками на сумму в 104 тыс. руб. На заводах устанавливалась повстанческая власть в лице выбираемых народом атаманов, есаулов, урядников, которые несли ответственность за сохранение денежной казны, снабжение населения продовольствием, а также охраняли заводы, следили за общим порядком. По заключению Оренбургской секретной комиссии, расследовавшей причины начальных успехов восстания, заводские крестьяне с получением пугачевских указов «сами, раззоря многия помещиков своих заводы, забрав деньги, хлеб и скот, явились к самозванцу и все нужное, касающееся до артиллерии, привезли»⁴¹. Из всех других категорий крестьянства они были «к самозванцу усерднее»⁴². Из среды заводских крестьян вышло много талантливых предводителей народного движения: стал атаманом и повыгчиком повстанческой Военной коллегии крестьянин Воскресенского завода Г. Туманов, походными атаманами были крестьяне этого же завода А. Д. Ерусланов и К. С. Микеров, а приписной Авзяно-Петровских заводов Д. М. Загуменнов получил чин полковника.

Участие в антифеодальном движении значительного числа заводских крестьян не могло не придать Пугачевскому восстанию некоторых особенных черт. Заводской люд, приобретающий навыки коллективной работы на крупных предприятиях и привычный к дисциплине труда, вносил в действия повстанцев известный элемент организованности, сплоченность, слаженность выступлений. Особой заслугой повстанческого руководства было использование для нужд народной войны производственных мощностей металлургических мануфактур Южного Урала. Заводы снабжали пугачевское войско пушками, боеприпасами, оружием; часть этого арсенала была изготовлена по инициативе повстанческих властей. С начала ноября 1773 г. и до конца марта 1774 г. на нужды восстания работали Авзяно-Петровский и Воскресенский заводы. Воскресенские заводские крестьяне отлили 15 медных орудий. На Авзяно-Петровском заводе было изготовлено 7 (или 6) бомб и 3 куля

ядер (60 двадцатифунтовых или 40 двадцативосьмифунтовых). Ядра для пушек, бомбы и дробь отливались на Воскресенском заводе, а также в специальной мастерской в Берде, где «ядра и бомбы чинили и заряды делали»⁴³. Повстанцы пытались организовать военное производство и на Белорецком, Кано-Никольском, Преображенском (Зилаирском) заводах. Выпущенная этими заводами продукция занимала значительное место в поступлении артиллерии, притоке боеприпасов в Главное повстанческое войско под Оренбург. Но наладить широкое производство орудий, бомб и ядер не удалось: сказалось отсутствие на заводах специалистов по литью пушек и снарядов, недостаток металлургического сырья. На первом этапе Крестьянской войны у пугачевцев было по меньшей мере 150 трофейных орудий, взятых в основном с южноуральских заводов. Из заводских касс было изъято 144 929 руб. денег, конфисковано у владельцев продовольствия, фуража, скота на сумму 81 406 руб.⁴⁴

Постепенно в народное движение втягивались все другие категории населения. Успехи восстания, пугачевская агитация делали свое дело. Среди русских крестьян, казаков Оренбургского казачьего войска также «публиковались», т. е. зачитывались в людных местах предписания «императора Петра Федоровича». В манифесте от 25 ноября достаточно четко была выражена идея равноправия людей разных сословных групп перед особой «государя императора». Пугачев обращался к «верноподданным всякого звания и чина» и всех жаловал «всякою вольностию отечески»⁴⁵.

Наиболее широкое распространение получил манифест от 2 декабря 1773 г. Это был важнейший директивный акт, использовавшийся ставкой Пугачева до конца июня 1774 г. Основной целью документа было укрепление авторитета «Петра III» как полновластного самодержца, поэтому в нем излагалась «подлинная» история отлучения и появления на государственной арене злосчастного «императора». Социальное звучание документа было приглушено по сравнению с предыдущим манифестом на тюрки от 1 декабря и некоторыми другими указами. Но обещание Пугачева «наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству» пожаловать «всякою вольностию» воспринималось трудовым населением как реальное освобождение от феодального гнета и разных форм зависимости⁴⁶.

Как и на заводах, присоединение к восстанию крестьян ускорялось с появлением в деревнях небольших команд из казаков и башкир, которые «публиковали» указы «императора Петра III», принимали присягу ему, брали охотников в «казаки».

В Уфимской провинции русских государственных, дворцовых, помещичьих (без заводских владельческих) крестьян насчитывалось более 27 тыс. душ м. п.⁴⁷ По сведениям провинциальной канцелярии, представленным губернским властям в декабре 1774 г., крестьяне всех русских деревень «к злодейству присоединялись». Особо канцелярией были выделены 70 деревень, куда приходили пугачевские команды, и жители которых «все безизъятно в злодейских скопищах и совокупно з башкирцами и протчими иноверцами на приступах к здешнему городу Уфе и протчим ведомства Уфимской провинции городам же и крепостям были и раззорении дворянским и протчим селениям чинили»⁴⁸.

По ведомости войсковой канцелярии в 1772 г. в Уфе и четырех крепостях провинции (Елдякская, Красноуфимская, Нагайбакская, Табынская) числился 1221 служащий казак Оренбургского казачьего войска⁴⁹. Там же проживало не менее 500 отставных казаков. Известно, что в осажденной повстанцами Уфе оставались 233 служащих и отставных казака⁵⁰. Но подавляющее большинство казаков провинции вошло в состав конных отрядов пугачевцев.

Разнородное многонациональное население Уфимской провинции — башкиры, мишари, оренбургские казаки, государственные, дворцовые и помещичьи крестьяне, работные люди и приписные крестьяне горных заводов и вошедшие в тептярское сословие татарские, марийские, чувашские, удмуртские ясачные крестьяне — это массив восстания, его основные движущие силы.

Помня о заявлениях местных властей о «генеральном», всеобщем участии в Крестьянской войне трудовых масс края и принимая во внимание численность разных категорий его населения, можно приблизительно определить количество повстанцев — воинов из служилого населения и «казаков» из многонационального крестьянства Уфимской провинции.

Каждый башкирский двор (а их было более 14 тыс. дворов) мог выставить по 2—3 всадника, а это означает, что повстанческие войска получили до 40 тысяч воинов-башкир. Дворы мишарей (более 2350 дворов) и служилых татар (180 дворов), выделяя по 2 конника, имели возможность направить в повстанческие отряды до 5 тыс. человек, 1700 служащих и отставных оренбургских казаков — до 1400 чел. Всего из служилого населения провинции в повстанческих отрядах могло быть примерно 45 тыс. человек. Население 33 заводов провинции, насчитывавшее около 26 тыс. душ м. п., в основном «рабочего возраста», могло выставить «в казаки» 10—15 тыс. человек. Татарские, марийские, чувашские, удмуртские крестья-

не (более 36 тыс. душ м. п.) и русские крестьяне (более 27 тыс. душ м. п.) могли послать в отряды соответственно 10—15 тыс. и 8—10 тыс. человек. Всего в пугачевских отрядах было свыше 40 тыс. крестьян разных категорий.

Таким образом, служилое население и крестьяне провинции дали приблизительно одинаковое количество воинов в конные и пешие отряды повстанцев. Конечно, приведенные сведения не вполне точны по тем же причинам, по которым, как отмечалось выше, нельзя получить полных сведений о количестве населения в провинциях и губернии. Не сохранились и списки наличного состава повстанческих отрядов.

На примере Уфимского повстанческого района можно проследить и другие характерные черты и особенности народного движения в Башкортостане, касающиеся движущих сил и форм организации восстания.

Все большие отряды пугачевцев были многонациональными. Это служит самым основательным подтверждением тому, что в целях борьбы многоязыкого и разносословного населения края на первом месте стояли социальные интересы. Дружное выступление народов Башкирии против своих угнетателей сильно озадачило командующего карательными войсками А. И. Бибикова. 8 января 1774 г. он писал генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, что мог бы «усмирить» башкир, если бы они выступали в одиночку, но «к несчастью, черный народ... был к злодеям склонен», и башкиры-повстанцы «умножали» свои команды за счет крестьян⁵¹.

Примером, подтверждающим эти наблюдения генерал-аншефа, может служить комплектование первого отряда полковника Салавата Юлаева. В декабре 1773 г. из жителей Сибирской дороги — башкир, мишарей, марийских и татарских крестьян — он сформировал отряд из 800 человек. В первой половине января к ним присоединились оренбургские казаки Красноуфимской крепости, заводские люди Суксунского завода, русские и татарские государственные крестьяне из селений Пермской провинции, и отряд за месяц вырос до 4 тыс. человек⁵².

Этнические, а также религиозные различия не выступали на первый план. В переписке повстанческих властей и учреждений «врагами», «ворами» именуются не представители какого-либо народа или определенной религии, а все угнетающие народ крепостники и царские администраторы. В обращениях к «Петру III»-Пугачеву или при упоминании о нем в тюркоязычных документах приводилось его пышное титулование. Так, в охранных билетах, выдаваемых в декабре 1773 г. — январе 1774 г. повстанческими атаманами татаринном Юскеем

Кудашевым, башкирами Батыркаем Иткининым, Абдеем Абдулловым и другими жителям Уфимской, Казанской, Пермской провинций говорилось о «Петре III»-Пугачеве как о «светлейшем и величайшем императоре стран, государе нашем». Пугачевский полковник мишар Канзафар Усаев в своем повелении старосте Суксунского завода Ф. Иванову писал о «Петре Федоровиче» как о «великом императоре и великом государе нашем»⁵³. Это свидетельствовало не только о признании «иностранцами» русского «мужицкого царя», но и о том, что, участвуя в антифеодальном движении, народы стремились не к национальному или религиозному сепаратизму, а боролись за социальную справедливость, олицетворением которой стал вновь явленный «царь Петр Федорович» — Е. И. Пугачев. Определенно, в таком мощном, социально многослойном, национально представительном движении, как Крестьянская война, звучали и национально-освободительные мотивы. Однако последние не превалировали, а вернее сказать, они были претворены в социальное начало, «ибо национальный протест был в конечном счете проявлением не особенности этнической психологии нерусских народностей, уровня их общественного самосознания или исторических представлений, а являлся результатом жестокого социального гнета со стороны русского феодализма, русского царизма»⁵⁴.

Костяк пугачевских отрядов представляли служилые люди — казаки, башкиры, мишари, обученные военному делу. Иногда в воинской элите восстания оказывались работные люди заводов. Они верстали «казаков» из крестьян, присоединяя их к своим командам, в бою на собственном примере учили военному искусству или оказывали самостоятельным крестьянским отрядам посильную помощь в сражении с карателями. Выступления башкир и казаков отличались не только лучшей организованностью, но и, в большинстве случаев, отсутствием эгоистических местнических тенденций, столь характерных для крестьянских движений. Их отряды действовали не только на территории своих волостей или близ казачьих крепостей, но и в местах, отстоявших от родных домов за сотни верст.

Если основная кадровая часть командного состава повстанческих отрядов назначалась «императором Петром III», то звания есаулов, сотников, походных атаманов присваивались командирами крупных отрядов. Формировали средний командный состав своих отрядов пугачёвский атаман И. Н. Зарубин, полковники Абдей Абдуллов, Бахтияр Канкаев, Качкын Самаров, Салават Юлаев⁵⁵ и другие. Им, командирам крупных повстанческих отрядов, в разнообразной военной и гражданской

работе помогали походные канцелярии, состоявшие из самого командира, есаула, писарей и переводчиков.

По предписанию Пугачёва отряды вначале комплектовались на основе добровольности. Но потребность в большом числе людей для обеспечения блокады Оренбурга, Уфы, Мензелинска, Челябинска и других административных центров губернии, для отпора массивному наступлению карательных войск заставила повстанческое руководство перейти к мобилизации населения. Поначалу забирали «в казаки» по 1 человеку с 1—2 дворов, а затем стали призывать всех взрослых мужчин. В декабре 1773 г. Качкын Самаров предлагал башкирским старшинам наряжать «с каждого дому по человеку, годных, вооруженных», а тептярский старшина Казанской дороги Ибраш Уразбахтин предъявил подобное требование ко всем жителям дороги⁵⁶. В январе 1774 г. Зарубин писал атаману В. И. Торнову в Нагайбак: «Стараться вам, сколько можно, собирать казаков из тамошних пределов». В марте Салават Юлаев велел произвести набор жителей на Казанской дороге «ис каждого дому конных и пеших ..., не оставливая годных в службу и не приемля от них отговорок»⁵⁷.

Вооружено восстание было, естественно, неровно. Крупные отряды, иногда называвшиеся в повстанческих документах «армиями» и «корпусами», имели, наряду с ручным холодным оружием, огнестрельное оружие и пушки. Лучше были снабжены отряды, действовавшие неподалеку от заводов и крепостей, откуда они вывозили артиллерию, ядра, порох, ружья, и где в кузницах изготовлялись сабли, кольчуги, латы. В отдельных отрядах было до шести — семи пушек. В северных волостях Ногайской дороги и прилегавших к ним волостях Казанской дороги, где заводов было мало, повстанцы были плохо обеспечены пушками и ружьями. Основным оружием были луки со стрелами, копья у конницы, дубины и рогатины у крестьянской пехоты⁵⁸.

«Генеральное» выступление народных масс Башкирии, развернувшееся в ноябре 1773 г., быстро набирало темпы, развиваясь по восходящей линии. Города и крепости края как средоточие административной и военной силы правительства были особо ненавистны угнетенным народам. В декабре все пригородки и крепости (кроме Бирска) были в руках у повстанцев, в блокаде находились Уфа и Мензелинск.

Главные усилия повстанцев в провинции были направлены на захват Уфы. Уже в октябре первые отряды восставших подошли к городу, и вскоре Уфа была полностью блокирована⁵⁹. С конца ноября 1773 г. и до конца марта 1774 г. связь города с административными центрами губернии фактически была

прервана. В ноябре командиры тысячного отряда, состоявшего из башкир, татарских и марийских государственных крестьян, русских дворцовых и помещичьих крестьян, предвидя сложность операций по овладению Уфой, обратились к Пугачёву с просьбой прислать необходимые «для нынешней войны» пушки⁶⁰.

Предводителями отрядов, осаждавших Уфу, были поначалу посланцы Пугачёва башкирский походный старшина Тамьянской вол. Ногайской дороги Качкын Самаров и пятидесятник уфимских казаков И. В. Губанов. Обоим им были присвоены звания повстанческих полковников⁶¹. Качкын Самаров и Губанов, преследуя свои цели, проводили мобилизацию населения в отряды под Уфу. Так, 6 декабря Качкын разослал объявления старшинам и жителям всех прилегавших к реке Дема волостей, в которых был изложен приказ «Петра III» «с каждого двора изготовиться вам в поход со всяким оружием и выступать вам в город Уфу»⁶². К середине декабря многонациональные повстанческие отряды под Уфой насчитывали четыре тысячи человек⁶³.

14 декабря сюда прибыл пугачёвский атаман И. Н. Зарубин. С именем этого выдающегося вожака народных масс связано создание и деятельность Чесноковского повстанческого центра, призванного содействовать сплочению сил восставших на территории Приуралья, Урала (к северу от Уфы) и Западной Сибири. Ставка Пугачёва поручила Зарубину взять Уфу; ему дана была вся полнота власти для оперативного решения вопросов войны и административного управления, связанных с осадой и неизбежным, как предполагалось, падением Уфы. И вскоре возведенный Пугачёвым в сан «графа Чернышева» И. Н. Зарубин (настоящий граф З. Г. Чернышев вполне здравствовал и был, как известно, президентом Государственной Военной коллегии) сделался общепризнанным предводителем крупнейшего повстанческого центра⁶⁴. Его ближайшими помощниками стали Качкын Самаров, И. В. Губанов, тептярский старшина (ясачных татар) Казанской дороги Ибраш Уразбахтин, повстанческий полковник башкирский походный старшина Ногайской дороги Канбулат Елдашев, повстанческий бригадир казак из Табынской крепости И. С. Кузнецов, повстанческий полковник яицкий казак И. И. Ульянов.

Зарубин и его сподвижники развернули работу, направленную, прежде всего, на расширение территории повстанческого движения, поэтому усердно занимались комплектованием боевых сил повстанческого войска под Уфой, заботились об обеспечении его оружием, боеприпасами, провиантом, фуражом. Успехи их деятельности были значительны. К концу го-

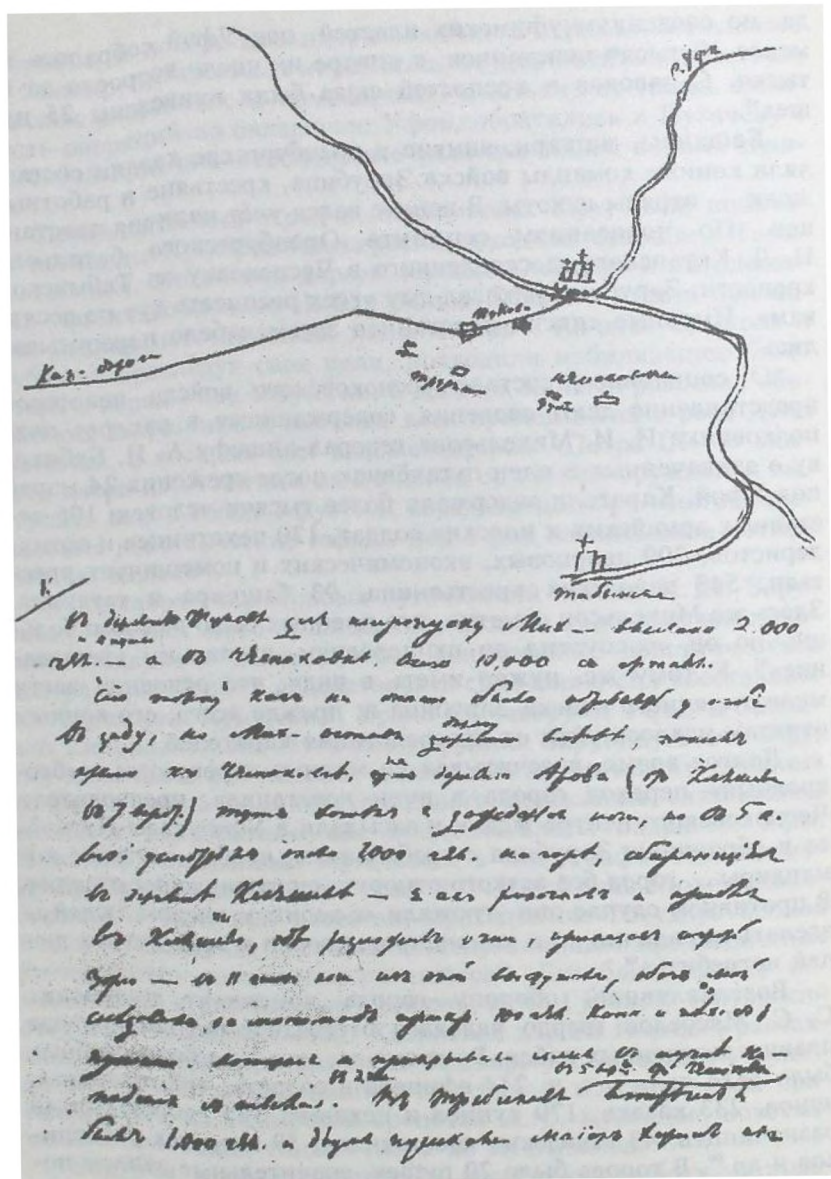
да, по сведениям уфимских властей, под Уфой собралось не менее 10 тысяч повстанцев; в январе их число возросло до 12 тысяч. С заводов и крепостей сюда были привезены 25 пушек⁶⁵.

Башкиры, мишари, яицкие и оренбургские казаки составляли конные команды войска Зарубина, крестьяне и работные люди — отряды пехоты. В войске велся учёт наличия повстанцев. По показаниям сержанта Оренбургского батальона Н. Л. Катанского, доставленного в Чесноковку из Табынской крепости, Зарубин приказал ему «всех росписать тут по десяткам». Именные списки повстанцев затем набело переписывались⁶⁶.

О социальном составе чесноковского войска некоторое представление дают сведения, содержащиеся в рапорте подполковника И. И. Михельсона генерал-аншефу А. И. Бибикову о захваченных в плен пугачёвцах после сражения 24 марта под Уфой. Каратели задержали более тысячи человек: 106 отставных армейских и морских солдат, 120 пехотинцев и артиллеристов, 209 дворцовых, экономических и помещичьих крестьян, 543 заводских крестьянина, 93 башкира и татарина. Здесь же Михельсон отметил, что пленных было намного больше, но он «распустил по их деревням, зделав им увещевание»⁶⁷. К тому же, нужно иметь в виду, что основной части многотысячного войска Зарубина и, прежде всего, его конным отрядам удалось уйти от преследования карателей.

Долгое время, рассчитывая на мирные переговоры и «бескровный» переход города в руки повстанцев, предводители Чесноковского центра ждали и засылали в Уфу указы Пугачёва и обращения Зарубина с требованием, чтобы «здесьние командиры ... город без всякого отпору и супротивления отдали». В противном случае они угрожали «с великим числом людей ... зделать нападение ..., а командиров, дворян и всех лутчих людей истребить»⁶⁸.

Возглавлявший оборону города комендант полковник С. С. Мясоедов твердо надеялся отстоять город до подхода правительственных войск. Во время осады в Уфе боеспособных было 1434 чел., в т. ч. 244 офицера и солдата, 468 отставных чинов, 233 казака, 170 купцов и цеховых, 125 дворовых, 148 разночинцев, 43 заводских крестьянина, 39 наемных работников и др.⁶⁹. В городе было 20 пушек, значительные запасы пороха. Удачное географическое расположение города на холмах, окруженных глубоководными реками — Белой и Уфой, имевшиеся тут оборонительные укрепления — земляной вал, деревянная крепость с башней, палисад, 13 пикетов служили хорошей защитой.

Карта окрестностей Уфы и конспект рапорта подполковника И. И. Михельсона о битве с отрядами атамана И. Н. Зарубина под Уфой 24 марта 1774 г. Выполнены рукою А. С. Пушкина

Не дождавшись добровольной сдачи города, повстанцы перешли к активным действиям. Многотысячное войско дважды, 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г., штурмовало Уфу. Повстанцы ворвались было в крепость, но, встреченные сильным оружейным и артиллерийским огнем, отступили⁷⁰. В последующие дни, вплоть до сражения с корпусом подполковника И. И. Михельсона, повстанцы не предпринимали попыток штурмовать город, но держали его в плотной осаде. Среди крестьян и рядовых казаков, находившихся в Уфе, бродили пропугачёвские настроения. Используя вылазки из города для заготовления топлива и фуража, к повстанцам перебежали «господские люди, а 23 марта с бекета бежал канонер Нагаев с намерением, чтоб при будущем приступе показать место, где злодеям удобно будет взойти в город»⁷¹.

Повстанцам не удалось овладеть Уфой, как не были взяты ими Оренбург, Кунгур, Мензелинск и некоторые другие города и крепости. Среди причин, предопределивших такой исход событий, следует, в первую очередь, назвать слабую обеспеченность восставших артиллерией, ручным огнестрельным оружием и боеприпасами, а затем — недостаточную военную выучку, почти полное отсутствие опыта ведения осадных боев. Значительной помехой становилось промедление в подготовке наступления: оно давало возможность противнику выиграть время для мобилизации резервов, восстановления городских оборонительных сооружений, усиления гарнизона за счёт подошедших к осажденным городам войск. В конце концов, сказывалась стихийность действий, присущая всем крестьянским выступлениям, недостаточная организованность восставших⁷².

Чесноковский повстанческий центр подчинялся Военной коллегии, откуда поступали указы и распоряжения по организационным и военно-оперативным вопросам. Между тем, из-за удаленности Берды большинство решений Зарубин и его сподвижники принимали самостоятельно. Деятельность Чесноковского центра была сугубо направлена на сплочение и координацию действий многочисленных повстанческих отрядов, на мобилизацию сил подкрепления. Зарубин посылал своих эмиссаров в отдаленные районы восстания, поручая им формирование отрядов, пополнение повстанческих сил в Берде и Чесноковке новыми боевыми группами, снабжение их боеприпасами, продовольствием, фуражом, организацию контрольно-пропускных постов на дорогах, ведущих к Оренбургу, Уфе, Кунгuru, Челябинску, нападение на отдельные мелкие гарнизоны.

Чесноковский центр старался поддерживать военно-оперативную связь с очагами повстанческого движения под Казанью, Осой, Сарапулом, Кунгуром, Исетским районом восста-

ния и даже пугачёвскими отрядами в западных уездах Сибирской губернии. «Графу Чернышеву» — Зарубину поступали донесения от башкирских полковников Караная Мратова и Батыркая Иткинина, предводителей татар-повстанцев Аита Размаметева и Юскея Кудашева, атаманов приписных крестьян Воткинского завода А. Ф. Носкова и осинских пахотных солдат С. Я. Кузнецова, других видных пугачевцев⁷³. Вот что рассказал во время допроса о взаимоотношениях повстанческих командиров плотник Казанского адмиралтейства И. Костылев, писарь в отряде видного военачальника повстанцев в Западном Прикамье служилого татарина Казанской провинции Мясогута Гумерова: «Находящиеся по Каме и Вятке старшины имели переписки татарскими и русскими письмами с находящимися ж старшинами в Уфимском уезде и около Мензелинска, в том числе с называемым графом Иваном Никифоровым сыном Чернышевым», т. е. И. Н. Зарубиным⁷⁴.

Чесноковский центр оказывал помощь самостоятельно действовавшим отрядам. Особое значение как Военной коллегией, так и Зарубиным придавалось охране северо-западных районов Оренбургской губернии, через которые шли дороги из центра страны. В районе Мензелинск-Бакалы-Нагайбак действовали отряды Караная Мратова, повстанческого полковника Минлигула Кутлуметева, атамана В. И. Торнова, которые вели наблюдение за передвижением правительственных войск. Туда же посылался из-под Уфы и отряд И. И. Ульянова⁷⁵.

Четыре раза повстанцы шли на приступ Мензелинска, но захватить хорошо укрепленный город не смогли. После сражений с командой полковника Ю. Б. Бибикова в конце января 1774 г. пугачевские отряды отступили к Нагайбаку⁷⁶. Бибиков освободил от осады Мензелинск, а 8 февраля занял Нагайбакскую крепость, оттеснив отряд В. И. Торнова к д. Стерлитамаково. Не задерживаясь долго в Нагайбаке, Бибиков отошел к Бугульме, куда стягивались войска, отправлявшиеся к Оренбургу⁷⁷. Воспользовавшись этим, 19 февраля Нагайбакской крепостью с боем овладел повстанческий отряд И. И. Ульянова. Своей ставкой Ульянов избрал с. Бакалы⁷⁸. Размах народного движения в этой части края был столь значителен, что в канцелярию командующего правительственными войсками А. И. Бибикова поступили сведения о четырехтысячном отряде, имевшем 11 пушек, присланных из-под Уфы. На самом деле, Ульянов привез всего лишь пять пушек, а Торнов безуспешно пытался получить дополнительно пушки и порох в Чесноковке и Берде⁷⁹.

Из Чесноковки высылали отряды на помощь атаману И. Н. Белобородову, вступившему в Исетскую провинцию⁸⁰.

Под Кунгур в январе 1774 г. был послан бригадир И. С. Кузнецов, которому предписывалось объединить действовавшие там повстанческие отряды⁸¹.

В деятельности Чесноковского центра необходимо выделить его сильное стремление направлять и регламентировать работу повстанческих властей.

Вместо правительственных учреждений повстанцы всюду создавали свои органы управления и самоуправления — походные канцелярии атаманов, станичные и земские избы, канцелярии в городах, крепостях, на заводах. Прежних ненавистных начальников они везли на расправу в Чесноковку. Типичным примером служит выдача дворцовыми крестьянами Каракулинской волости прятавшихся от повстанцев управителя капитана Ф. Орлова и воеводу Бирска премьер-майора Ф. Д. Мойсеева. Этот акт, а также мобилизация в пугачёвские «казаки» более 500 дворцовых крестьян были поставлены в вину волостному старосте Т. Санникову и сотнику И. Марлягину, сосланным в 1775 г. по решению Казанской следственной комиссии на сибирские казенные заводы без права производства в мастеровые⁸².

На смену отрешенным от власти чиновникам и служителям правительственной администрации избирались или назначались должностные лица из среды самих повстанцев. Зарубин объяснял им, «что во всех де местах будут таких чинов народные судьи, а воевод и канцелярии не будет»⁸³. Иногда Зарубин сам назначал приезжавших в Чесноковку повстанцев атаманами, сотниками, есаулами. Но чаще к нему являлись представители уже избранных населением местных органов власти за санкциями. Они утверждались «графом Чернышевым» и получали наставления по организации новой власти в крепостях, деревнях, на заводах. В сохранившихся инструкциях Зарубина об управлении Ижевским и Рождественским заводами, Осинской волостью содержится требование и конкретные рекомендации, как охранять заводское имущество, организовать распределение продовольствия из казенных запасов между крестьянами. Зарубин требовал от атаманов хозяйского подхода к ведению дел: «где что видеть можете интересу казенному какую трату, о том немедленно меня рапортовать»⁸⁴.

Захваченные города и крепости повстанческое руководство стремилось превратить в надежные оплоты для защиты восставших, организации военного отпора карателями, а также — место работы новых повстанческих властей и учреждений по налаживанию гражданского управления.

Известно, что повстанческий управленческий аппарат наивно копировал сложившуюся структуру власти со всеми её

Вашей Его Императорского Величества
Генерал-полковника Салавата Юлаева
Еще

отъезжающимъ вторымъ Красноуфимск
имъ атаманомъ Манаромъ Фомову
Федоту Матвееву и Гавриилу
Онуфриевичу и прочимъ б

Наставление

Знаете вы что побегавшимъ
Его Императорского Величества
Полковнику Салавату Юлаеву
Красноуфимска губернии Фомову
Страваджеловъ разсмотревъ
Ударили вымъ Кюсербайхъ
Порядки и вымъ даю вамъ
Волятея вамъ етпелъ итпъ
Прияжуща и прехващуща
Служба илюно монаршеюму
Его Величества итпъ
Правда итпъ видомъ
Благодаря отпелъ итпъ
Реве одамъ итпъ
То и незадервша
Прахъ уащя итпъ
Императорского Величества
Возвещни итпъ
Силою итпъ
Служба итпъ
Болесвямъ итпъ

Ивановъ В. Федоръ
1774

Наставление пугачевского полковника Салавата Юлаева Красноуфимской
станционной избе 14 января 1774 г.
РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 140.

учреждениями, чинами, делопроизводством. Вместе с тем, в целом ряде районов, занятых восставшими, вводилась форма управления, подсказанная историческим опытом общинного самоуправления казачества и крестьянства. Практически повстанческая власть на местах сосредоточивалась в руках выборных органов, деятельностью которых руководили или функционирование которых контролировали повстанческие атаманы. Ярким примером формирования и деятельности новых властей является Красноуфимская станичная изба.

12 января в казачью крепость вступил отряд полковника Салавата Юлаева. Три-четыре дня, которые он здесь провел, Салават посвятил учреждению новой власти, энергичным мерам по её укреплению, установлению общественного порядка и правопорядка. Сохранились два указа Салавата Юлаева и его наставление об управлении крепостью. На крепость и её округу распространялся «казачий устав» самоуправления. И, как гласил указ Салавата Юлаева от 13 января, «над всеми пригорода Красноуфимска жителями атаманом» назначался пугачёвец М. И. Попов, его помощником — есаул М. Д. Чигвинцев. При атамане функционировал орган казачьего самоуправления — станичная изба, которая должна была стать строго выборным учреждением и полностью обновить свой состав.

Указы Салавата и его наставление полагали также широкое привлечение населения к управлению через общинные собрания и их коллективные постановления, которые фиксировали бы взаимную ответственность, взаимный контроль властей и граждан: «... по городу приказы от них, Иванова (автор указа называет атамана Макара Ивановича Попова по отчеству. — И. Г.) и Чигвинцова, определенным, кого они за наилучше выберут, принимать, им наставлении давать, в чем во всем беспрекословно и ослушности им не иметь, и повиноваться под опасением за неисполнение тяжчайшаго штрафа». Атаману и есаулу предписывалось: «со здешними гражданами поступать добропорядочно», поборов и притеснений «ни под каким видом никому не чинить, ко всяктам не касаться»⁸⁵.

Эти и некоторые другие акты достаточно подробно излагают основные функции новой администрации. Во главу угла ставились цели восстания, и властям вменялось в обязанность «до последней капли крови охранить и оборонять» завоеванные позиции. В тесной связи с центральной задачей формировались военные и военно-организационные задания: администрации предписывалось продолжать комплектование повстанческих подразделений, держать команды в боевой готовности, заботиться об отпускниках, следить за поведением представи-

телей старой администрации и т. д. Особые разделы документов, вышедших из походной канцелярии Салавата Юлаева, составляли финансово-экономические предписания: учёт общественных доходов и расходов, контроль за торговлей, устройство почтовой связи, выплата жалованья и квартирных денег служащим, обеспечение неимущих.

После ухода Салавата из крепости повстанческие власти руководствовались указами Военной коллегии и распоряжениями И. Н. Зарубина. Красноуфимская станичная изба просуществовала всего лишь около полутора месяцев. Но и за это короткое время она смогла внести определенный порядок в повстанческое движение⁸⁶.

В районах, где действовали отряды наиболее энергичных и преданных делу восстания командиров, было больше организованности, велась борьба с нарушениями воинской дисциплины и грабежами. Это точно видно на примере отношений повстанческой власти к церкви, её имуществу и строениям. В ведомости Уфимской провинциальной канцелярии от 9 декабря 1774 г. отмечено, что в Красноуфимской, Табынской, Елдякской крепостях, селе Бакалы, во всех дворцовых селах и в экономическом с. Чесноковка «как от злодея Пугачёва, так и его сообщников, наглости, злодейства и богохуления производимо не было»⁸⁷. Не тронули повстанцы на первом этапе движения церковь на заводах, в пригородке Осе. Разорены и сожжены были лишь церкви и часовни в местах расселения новокрепленцев, для которых разрушение православных храмов было голосом оскорбленной совести, проявлением религиозного протеста: в селах Куганак, Белебей (Архангельское), д. Урусу Тамак, Нагайбакской крепости⁸⁸.

Чесноковский центр заботился о поддержании общественного порядка на освобожденной повстанцами территории, вел борьбу «со своевольствами и грабительствами». В первые месяцы восстания наблюдались случаи грабежей и мародерства. Вместе с имуществом богачей башкиры, мишари, казаки иногда захватывали скот, продукты питания, одежду и у крестьян, считая захваченное военной добычей. По указу Военной коллегии в декабре 1773 г. Зарубин поручил своим сподвижникам Качкыну Самарову и Канбулату Елдашеву оградить русские селения под Уфой от разорения⁸⁹. Он провел строгое расследование жалобы рождественских заводских крестьян о реквизиции башкирским повстанческим отрядом заводской казны, часть которой была предназначена для выдачи заработной платы работникам⁹⁰. Разбои и грабежи были неизбежным, по вполне понятным причинам, явлением в гигантском потоке народного гнева.

Создание на территории, охваченной народной войной, органов повстанческой власти оказывало определенное организационное воздействие на стихийный ход восстания. В принципе народовластия и его практическом осуществлении также заключался вызов крепостническому строю и самодержавию.

§ 4. ИСЕТСКИЙ РАЙОН ВОССТАНИЯ. ЧЕЛЯБИНСКИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Крупным районом народного движения стала Исетская провинция: здесь сложился один из трёх узловых пунктов Крестьянской войны — Челябинский повстанческий центр.

Повстанческие отряды составляли исетские казаки, заводские работные люди, государственные крестьяне и башкиры. Как подчеркивалось выше, в пугачёвском восстании приняло участие подавляющее большинство башкир всех четырёх дорог Уфимской и Исетской провинций. В собственно Исетской провинции они тоже были активными, даже послужили своего рода запалом народной войны. А их в Зауральской Башкирии числилось 3174 двора. При расчёте 2—3 мужчины на двор они могли выставить до 10 тыс. конников¹.

В 10 крепостях провинции (Челябинская, Миасская, Еткульская, Чебаркульская, Уйская, Санарская, Коельгская, Кичигина, Чистозерская, Еманжелинская) числилось 1782 служащих и до 600 отставных казаков, входящих в состав Оренбургского казачьего войска². В первый период Крестьянской войны большинство исетских казаков поддержало народное движение.

На семи заводах (Златоустовский, Каслинский, Верхний и Нижний Кыштымские, Нязе-Петровский, Саткинский, Уфалейский) проживало более 14 тыс. душ м. п. Постоянными жителями были работные люди — 3559 душ м. п. Здесь же трудились 9810 душ м. п. приписных крестьян и несколько сот вольнонаемных. Среди приписных 4204 мужчины в возрасте от 15 до 60 лет были государственными крестьянами Барневской слободы и Масленского острога Исетской провинции; остальные приходили из деревень Сибирской губернии³.

Но главной движущей силой восстания, основной частью повстанческих отрядов были государственные крестьяне (черносошные, экономические, ясачные). Всего по третьей ревизии их в провинции насчитывалось более 54 тыс. душ м. п.⁴

Специальных указов Пугачёва, адресованных жителям провинции, не сохранилось, но имеется много косвенных сви-

детельств о распространении здесь манифестов «государя Петра Фёдоровича». Призывы Пугачёва находили широкий отклик среди населения. Крестьяне Далматовской экономической вотчины с радостью говорили, что «государь наш... жалует всех и освобождает от всех податей на 7 лет, а казначеи и монахи не будут больше над нами властвовать и разорять». Приписные крестьяне в пожалованиях Пугачёва также видели выражение своих надежд и утверждали, что теперь «государственная подать уменьшится и не будут собирать подушные деньги три года, соль из казны продаваться будет по 12 коп. пуд и на заводах работать они не будут»⁵.

Первыми в повстанческое движение включились зауральские башкиры. Получив известия о новоявленном «императоре Петре III», а затем и его жалованные указы, башкиры уклонились в октябре-ноябре от мобилизации в карательные команды для отправки под Оренбург. В надежде вернуть отнятые вотчинные земли они уже в ноябре появились у крепостей Троицкой и Верхнеяицкой дистанций, с юго-востока примыкавших к территории Исетской провинции. В рапортах комендантов крепостей комендантам этих дистанций полковнику Е. А. Ступишину и бригадиру А. А. Фейервару и донесениях последних Военной коллегии и оренбургскому губернатору сообщалось о нападениях башкирских отрядов на гарнизонные команды⁶. В начале декабря у Верхнеяицкой крепости произошло первое сражение башкирской конницы с корпусом генерала И. А. Деколонга, прибывшего с Сибирской укрепленной линии⁷. 15 декабря башкирский повстанческий отряд из 600 всадников напал на команду премьер-майора Я. Декастро-Лацеродо, направлявшуюся к Уйской крепости. Повстанцы преследовали карателей целых 22 версты, пока тем не удалось скрыться за стенами крепости⁸. В конце месяца башкирские отряды блокировали центр провинции — Челябинскую крепость. По сообщению провинциальной канцелярии в Сенат, они «пресекли комуникацию с Оренбургом, ибо со 2 числа декабря никакого известия оттуда в Челябинск не получается»⁹.

Осенью 1773 г. стали выходить из подчинения властям исетские казаки. Челябинский казак П. Билдин на допросе в провинциальной канцелярии 27 октября говорил о твёрдой решимости казаков присоединиться к Пугачёву. К тому же среди них ходили отрядные слухи о появлении близ «Петра II»-Пугачёва их прежнего защитника — казака Ф. Каменщикова по прозвищу «Алтынный глаз»¹⁰. Казаки группами бежали в Берду. В декабре 1773 г. — январе 1774 г. на сторону повстанцев перешли казаки Коельгской, Кичигиной и Челябинской крепостей¹¹.

Волнениями были охвачены и заводы. 6 декабря остановилось производство на Саткинском заводе. Выборные от заводских крестьян ездили на Юрюзанский завод за копией манифеста «Петра III». А потом они отправились «к стоящему под Уфою Пугачёва команды полковнику Юлаю [Азналину] с тем, что они Пугачёву предаются», и просили известить об этом командиров башкирских отрядов, действовавших вблизи зауральских заводов. 450 вольнонаёмных крестьян-чувашей Златоустовского завода вступили в тайный сговор с башкирским повстанческим отрядом «о вспоможении» в случае атаки ими завода. С появлением здесь в последней декаде декабря отряда атамана И. С. Кузнецова, посланного И. Н. Зарубиным из Чесноковского лагеря, а вслед за ним и отряда личного эmissара Пугачёва полковника И. Н. Грязнова, все население Златоустовского и Саткинского заводов присягнуло «Петру Фёдоровичу»¹². Следует отметить, что отряды Кузнецова и Грязнова состояли из башкир и заводских крестьян Уфимской провинции¹³.

В начале января повстанческая власть была учреждена на всех заводах Исетской провинции. Управление перешло к выборным органам — станичным избам.

С конца 1773 г. в народное движение постепенно включалось многочисленное крестьянство Окуневского, Куртамышского, Шадринского и Исетского дистриктов (уездов) провинции. Полным провалом окончилась проводимая генерал-поручиком И. А. Деколонгом и провинциальной канцелярией операция по формированию отрядов из государственных крестьян. «А желающих с крестьян для поиска и искоренения... башкирцов никого по произведенным публикам и вызывам у меня не явилось», — докладывал воевода А. И. Веревкин. Такие же результаты были и у коменданта Верхнеяицкой дистанции крепостей полковника Е. А. Ступишина, рапортовавшего 28 декабря, что ни один крестьянин не пришел к нему, «да и впредь быть не надеется»¹⁴. Тогда провинциальная канцелярия приступила к насильственному набору команд из так называемых «выписных казаков»: из крестьян по одному «временному казаку» от семи душ м. п. Однако часть крестьян открыто уклонялась от набора, а другие вступали в число «выписных казаков» с целью получить оружие, а потом бежать и сражаться на стороне Пугачёва¹⁵.

К концу декабря относится оформление Челябинского повстанческого центра. Его действия распространялись на территорию Исетской провинции, смежные районы Сибирской губернии и Оренбургской укрепленной линии. С января до начала марта 1774 г. Челябинский центр возглавлял атаман

И. Н. Грязнов. Его ближайшим помощником был атаман Г. Туманов, крепостной крестьянин Воскресенского завода, сменивший Грязнова после отъезда последнего в Берду¹⁶.

Активными соратниками Грязнова были башкирский старшина Мякотинской вол. депутат Уложенной комиссии 1767 г. Базаргул Юнаев¹⁷, походный старшина Кара-Табынской вол. Юламан Кушаев¹⁸, главный старшина Исетской провинции и старшина Кара-Табынской вол. Исай Токтагулов¹⁹, почтовый комиссар и старшина Балакатайской вол. Сара Абдуллин, старшина Айлинской вол. Муртаза Юртаумов²⁰. На втором этапе Крестьянской войны они получили от Пугачёва высокие воинские звания.

Исетское казачество также выдвинуло крупных деятелей восстания, как капрал П. З. Билдин, в ноябре 1773 г. — январе 1774 г. командовавший полком казаков в Берде, а затем отправленный Пугачёвым к И. Н. Грязнову²¹, повстанческие атаманы — капрал чебаркульских казаков Т. Фалков, казак Кичигиной крепости О. Сазонов, челябинский казак П. Пестерев²² и др. Под общей командой Грязнова действовали отряды повстанческого полковника тептярского старшины Мухаммета Саферова, повстанческого есаула татарина И. Иликаева (Алфёрова), русского крестьянина П. Шешенина, получившего от Грязнова чин полковника, крестьянина Н. Благодарева и др.²³

Успешному развитию повстанческой борьбы в провинции способствовала широкая агитационная работа Грязнова и его эмиссаров, распространявших среди населения указы Пугачёва и воззвания самого Грязнова на тюрки и русском языке. Обращения Грязнова от 8 и 9 января 1774 г. к жителям Челябинска и провинциальным властям принадлежат к самым ярким антикрепостническим документам, вышедшим из повстанческого лагеря. В них прозвучала резкая критика положения крестьян, кого помещики «хуже почитали», чем собак, «с которыми гоняли за зайцами», а заводчики так «работою удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет». От имени восставшего народа Грязнов выступил с требованием полной ликвидации феодального гнёта и уничтожения эксплуататоров трудовых масс — дворянства и заводчиков. В воззваниях Грязнова нашла обоснование мысль о справедливости народного восстания²⁴.

Для вовлечения разноязычного населения провинции в повстанческую борьбу, установления контактов между повстанческими отрядами много сделал атаман Г. Туманов. По характеристике исетского воеводы И. Г. Лазарева, сменившего Веревкина, Туманов был «Пугачёву важный сообщник и, по причине знания татарского языка и российской грамоты читать и

писать, все Башкирию и великое число русских взбунтовал. И во все бывшее замешательство был при... полковнике Грязнове, обще с ним в городе Челябинску главным и вящше Грязнова предводителем»²⁵.

Направляемые из Челябинского центра небольшие отряды из русских крестьян, казаков и башкир при поддержке жителей вступали, не встречая сопротивления, в крепости и слободы. В январе почти вся провинция была охвачена восстанием.

Как и в других провинциях и уездах, главной целью пугачёвцев был захват административного центра. Населенная часть Челябинской крепости по обоим берегам Миасса была укреплена заплотом, рогатками, надолбами. По распоряжению воеводы Веревкина в помощь челябинскому гарнизону было собрано до 2 тыс. государственных крестьян, свезено 25 пуд. пороха и 200 ружей. В начале января 1774 г. воевода задержал прибывшую в крепость артиллерийскую полевую команду. Вскоре сюда подошла рота тобольского батальона под командой подпоручика Ф. Пушкарева²⁶.

К башкирским повстанцам, ещё в декабре окружившим Челябинскую крепость, приезжали выборные от крестьянских сходов из разных районов провинции, чтобы узнать о времени штурма Челябинска и прислать к тому часу отряды «на вспоможение для взятия здешняго города»²⁷. Для башкирской конницы крестьяне поставляли под Челябинск продовольствие и фураж²⁸. С прибытием Грязнова здесь были сконцентрированы основные повстанческие силы провинции.

В начале января Челябинск был окружен 4-тысячным отрядом повстанцев, располагавшим 8 чугунными пушками. 8 января Грязнов отправил в Исетскую провинциальную канцелярию письма, «чтоб без всякаго сопротивления город Челябинск ему здать», и обращения к жителям поддержать повстанцев²⁹. За три дня до этого, 5 января, в крепости произошло восстание, поднятое казаками. Его возглавили атаман М. А. Уржумцев и хорунжий Н. Я. Невзоров. Повстанцы захватили пушки, арестовали провинциальное начальство. Однако, пользуясь просчётом восставших, оставивших без внимания прибывшие воинские подразделения, подпоручику Ф. Пушкареву удалось овладеть ситуацией. Восставшие казаки бежали из крепости. Но они заверяли Грязнова, что в случае нападения повстанцев на Челябинск им будет обеспечена поддержка большинства жителей³⁰. И действительно, как сообщал воевода в Сенат, в крепости было неспокойно, так как казаки привели всех крестьян «в возмущение и колебание»³¹.

Не дождавшись ответа от провинциальных властей, 8 и 10 января повстанцы попытались штурмом захватить Челябинск,

но мощный огонь из 18 пушек со стен крепости отбил их атаку³². Захвату Челябинска помешал и подход команды секунд-майора П. Фадеева, присланной сибирским губернатором Д. И. Чичериным, а затем — корпуса генерал-поручика И. А. Деколонга. Башкирские отряды всячески препятствовали продвижению Деколонга от Верхнеяицкой крепости к Челябинску. Ему пришлось дважды вступить в бой с отрядом, которым командовали старшина Барын-Табынской вол. Абдулкарим Курманаев и старшина Куваканской вол. Кукей Бекбулатов. 13 января Деколонг «пробрался в город»³³.

Грязнов, не располагая достаточной артиллерией, не решился вновь атаковать крепость. Блокировав Челябинск, он вынуждал Деколонга посылать войска за стены крепости. Во время одного из боевых столкновений был схвачен пугачёвец хорунжий Невзоров и зверски замучен воеводой³⁴. Однако в целом успех в открытом бою принадлежал пугачёвцам. Оценив боевую силу повстанцев и опасаясь того, чтоб оказаться надолго отрезанным от основных карательных войск, Деколонг и воевода приняли решение оставить Челябинск и Исетскую провинцию. В принятом заявлении они объективно оценивали обстановку в провинции: пугачёвцы «не только башкиров, но и российских государственных и заводских крестьян привели в такое злопагубное для них заблуждение, что они ни на какие от камандиров увещевания, ниже на самые высочайшия имянные е. и. в. манифесты не взирают и от злодейских партей не отстают, но час от часу более оные умножают и всем потребным снабдевают»³⁵. В донесениях Деколонга и сибирского губернатора Чичерина в Петербург также сообщалось о дружном выступлении людей разных национальностей и социальных групп и их безразличии к уговорам властей придти в повиновение³⁶.

Между тем, одним из методов давления на народ в борьбе против восставших было распространение официальными властями и командирами карательных войск различных обращений к населению, содержавших лживые сведения о повстанческом движении и угрозы в адрес тех, кто поддерживал пугачёвцев. Предводители восставших тоже принимали различные меры, чтобы не допустить агентов властей в освобожденные районы. Так, Юламан Кушаев изолировал ахуна Абдуллу Муслюмова Даушева. По распоряжению Базаргула Юнаева был казнен переводчик провинциальной канцелярии О. Мещеряковский, разъезжавший с увещеваниями воеводы выдавать пугачёвцев³⁷.

Оставив 8 февраля Челябинск, воинские команды, провинциальное начальство и часть жителей крепости несколько дней

отходили на восток к границам губернии, отбиваясь от «пресильных нападений» повстанцев. Как сообщал Веревкин в Сенат, «казаки с крестьянством и башкирцами до 100 верст чрез 6 дней походу провожали с пушками, почему ежедневно принуждены иметь с ними... баталию и оборону»³⁸. Провинциальная канцелярия нашла убежище у сибирского губернатора, а Деколонг остановился в Шадринске. Перепуганный челябинский воевода умолял Деколонга направить на усмирение восставших гарнизонные войска, сняв их со всех линейных крепостей, и даже предлагал оставить селения края без защиты от набегов со стороны кочевников³⁹.

Вытеснив трёхтысячный корпус Деколонга, повстанцы вошли в Челябинск. Взятие административного центра было большим успехом пугачёвских войск. Под их давлением значительные воинские силы вынуждены были отойти к границам губернии. С уходом Деколонга почти вся провинция перешла в руки повстанцев. Челябинск стал их опорным пунктом. Охрану Челябинска и его округа несли отряды И. Н. Грязнова, Г. Туманова, Базаргула Юнаева, Исы Токтагулова, Юламана Кушаева, Т. Фалкова, Мухаммета Саферова и других повстанческих вожаков.

После взятия Челябинска целью повстанцев было овладение центрами дистриктов Шадринском, Окуневском, Куртамышем, а также Далматовым монастырем.

В Шадринский и Окуневский дистрикты Грязнов направил отряд пугачёвского атамана табынского казака М. Ражева и повстанческого есаула заводского крестьянина Воскресенского завода А. Д. Ерусланова. Появление отряда послужило сигналом к открытому выступлению государственных крестьян. По рапорту экономического казначея подпоручика Е. Козловского в Казанское экономическое правление от 8 апреля 1774 г., с уходом Деколонга из Челябинска повстанческие отряды «рассыпались во многие, как около одного города Шадринска по близости состоящие, так и другие окрестные слободы и, чиня возмущения, привели крестьян к себе в присоединение»⁴⁰.

Челябинский повстанческий центр помогал налаживать гражданское управление и хозяйственную жизнь в провинции, следил за набором в отряды, их обеспечением продовольствием и оружием⁴¹. Повсюду создавались новые органы местного самоуправления. Так, в начале февраля в с. Воскресенское прибыл русско-башкирский отряд из 200 чел. во главе с повстанческим есаулом челябинским казаком М. Таракановым. Крестьяне «с ними имели согласие», учредили «контору станичную, а старосту отреша, выбрали из тутошних крестьян атамана, есаула, хорунжего и сотских». Из села к пугачёвцам

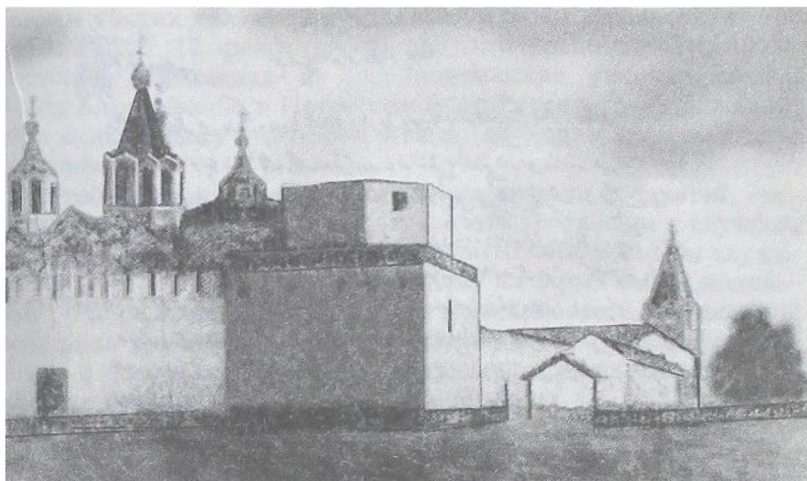
ушло 200 вооруженных крестьян⁴². Интересно отметить, что зачастую своими новыми начальниками крестьяне выбирали активных участников прежних выступлений монастырских и приписных к заводам крестьян⁴³.

Повстанцы быстро овладели Окуневской слободой и другими крупными слободами. 11 февраля крестьяне Куртамышского дистрикта подняли восстание, арестовали членов управительской канцелярии, сформировали вооруженный отряд. Они намеревались напасть на Звериноголовскую крепость, чтобы наказать офицеров, обременявших их нарядами по перевозке продовольствия, боеприпасов и др. Но прибывший к ним из Окуневска пугачёвский есаул И. Иликаев (Алферов) присоединил куртамышцев к своему отряду и двинулся к Курганской слободе в Ялutorовский дистрикт Сибирской губернии⁴⁴.

Одновременно повстанцы окружили Шадринск и Далматов монастырь. Однако вступление 20 февраля в Шадринск сибирской команды премьер-майора Ф. Жолобова, а через три дня Деколонга с тремя полевыми командами заставило пугачёвцев снять осаду и отойти к монастырю. Тем не менее, события восстания вынудили Деколонга отказаться от ухода в Екатеринбург и задержаться в Шадринске⁴⁵.

У Далматова монастыря (в 150 верстах от Челябинска) были сосредоточены значительные силы повстанцев. В конце февраля их численность достигала 5 тыс. человек. Общее командование осуществлял направленный сюда Грязновым атаман П. М. Пестерев⁴⁶. И дело пугачёвцам предстояло трудное. Монастырь был обнесен высокой каменной стеной, на которой были расставлены 16 пушек. Хотя подавляющее большинство жителей 21 селения бывшей монастырской вотчины присоединилось к пугачёвцам, монахам удалось собрать в крепость несколько сот крестьян. А в пугачёвские отряды вступило свыше 2 тыс. экономических крестьян. Повстанцы закрыли все дороги, ведущие к монастырю из Екатеринбурга, Челябинска и Шадринска. 13 февраля они вплотную подошли к стенам обители и приступили к обстрелу монастыря, но ответная стрельба заставила их отступить. В последующие дни повстанцы продолжали вести обстрел из артиллерии, ружей и луков и предлагали осажденным сдаться. С предложениями о добровольной сдаче обращались к монахам Пестерев и посланный к нему на помощь атаман В. Митрофанов⁴⁷.

Полная блокада монастыря длилась около месяца. К концу этого срока в начале марта часть повстанцев, узнав о намерении карателей идти из Шадринска к монастырю и не имея достаточного запаса пороха и боеприпасов для отпора, отошла от монастыря. 14 марта Деколонг направил к монастырю тысяч-

Красная башня и часть стены Далматова монастыря. Фото начала XX в.

ный отряд солдат и драгун под командованием премьер-майора Я. Декастро-Лацеродо. Они сняли осаду и вместе с монахами учинили жесточайшую расправу над повстанцами⁴⁸, захваченными на подступах к монастырю.

Другим районом движения стала Оренбургская укрепленная линия. Повстанцы не отказывались от намерений захватить крепости Троицкой и Верхнеяицкой дистанций. В январе 1774 г. у Троицкой крепости действовал башкирский отряд, насчитывавший до 2 тыс. человек. На помощь ему Грязнов направил отряд из работных людей, казаков и государственных крестьян под командованием О. Сазонова. Пугачёвцы обратились с воззванием к гарнизону и жителям крепости перейти на их сторону⁴⁹. Но мирные переговоры с комендантом хорошо укрепленной крепости, располагавшей значительным гарнизоном, не состоялись. По сообщению коменданта дистанции бригадира А. А. Фейервара в Военную коллегию, 23 февраля повстанцы окружили крепость плотным кольцом, не раз вступали в бой с осажденным гарнизоном, но на штурм крепости не отважились⁵⁰.

По донесениям полковника Е. А. Ступишина, крепости Верхнеяицкой дистанции осаждали объединенные отряды башкир, работных людей, государственных крестьян и исетских казаков⁵¹. Так, Карагайскую крепость блокировали отряды, в состав которых входили башкиры Бурзянской волости Уфимской провинции, русские и татарские крестьяне и казаки, прибывшие из-под Челябинска⁵². Один из командиров повстанцев

атаман уйских казаков А. Малявкин в своём «объявлении» карагайцам от 12 февраля сообщал, что крепости «Троицкая, Степная, Магнитная и Звериноголовская уже атакованы. А под Карагайскою и Петропавловскою крепостями... объявляетца с манифесту его величества экземплярь, а увещеваетца о склонности»⁵³.

Чтобы удержать в повиновении гарнизоны крепостей, «истребить из них дурныя мысли и зделать усердными к службе», коменданты выдавали «каждаго нижнего чина военным служителям, а равно казакам и отставным» по 1 руб. сверх жалованья⁵⁴. Не решаясь на вылазки за стены крепостей, коменданты выбирали моменты временного затишья для карательных набегов в ближайшие деревни. 25 января команды Ступишина напали на башкирскую деревню Москово (в 12 верстах от Верхнеяицкой крепости), «всю выжгли, где их жен и детей немало згорело»⁵⁵.

Челябинский повстанческий центр не был изолирован от основных магистралей войны. Атаман Грязнов поддерживал постоянную связь с Пугачёвым и Зарубиным. Он заботился о снабжении Главного повстанческого войска под Оренбургом оружием, деньгами, продовольствием. Ещё в конце декабря, по свидетельству приказчика Саткинского завода Моисеева, атаман И. С. Кузнецов «из конторы взял до 10 000 [руб.], также 12 пушек, 250 ружей и до 5 пуд. пороху для отправления к Пугачёву, куда и его, Моисеева, хотел отослать»⁵⁶. В начале марта сам Грязнов повез в Берду крупную сумму денег, конфискованных на заводах, в центрах дистриктов и крепостях. Налаживались взаимные связи с Красноуфимско-Кунгурским повстанческим районом. Так, Красноуфимская станичная изба посылала соль на заводы провинции⁵⁷.

Своё отступление из Челябинска к границам Сибирской губернии Деколонг объяснял обеспокоенностью подъёмом народного движения в Зауралье: «чтоб не расселилось сие зло и в Сибирской губернии, а особенно не обладали б злодеи екатеринбургскими заводами»⁵⁸. Но было уже поздно, и Сибирская губерния, по словам её губернатора Д. И. Чичерина, «не могла избежать прикосновения злодейского пламени»⁵⁹. Исетский повстанческий центр оказал посильную помощь восставшему населению юго-западной части Сибирской губернии.

Как сообщалось в ведомости сибирского губернатора Д. И. Чичерина генерал-аншефу П. И. Панину о «селениях Сибирской губернии, каторыя дерзали выходить из подданическаго ея и. в. повиновения», жители Ялуторовского дистрикта, граничившего с Оренбургской губернией, имели «тайную пересылку Исецкой правинцыи со слободами Каминскою и Кур-

тамышевскою и ичкинскими татарами, призывая ис тех мест злодейскую партию». В сибирские слободы из Исетской провинции был направлен отряд из 600 башкир, мишарей, казаков и крестьян под командой повстанческого есаула татарина д. Терсюцкая Исетской провинции И. Иликаева (Алферова), а затем отряд атамана И. Ковалевского⁶⁰. Вскоре объединенный отряд вырос до 3 тыс. чел.⁶¹ «Генерально взбунтовали» жители Утяцкой, Курганской, Пуховой, Иковской и других слобод дистрикта. Сибирские крестьяне и сами шли в «казаки», и снабжали войско продовольствием и фуражом. По признанию губернатора Д. И. Чичерина: «ва всех слободах идущих к ним злодейских толп з башкирцами на адни сутки по 20 лошадей в пищу их с радостию заготовляли»⁶².

Повстанцы ставили перед собой задачу разгромить местные воинские части, захватить центр Ялуторовского дистрикта с. Бачанку, «усилия тем свое войско, пройти до Тобольска и стараться оным завладеть»⁶³. Но в ходе сражений с воинскими частями под началом премьер-майора Г. Эртмана 6 марта у слободы Пуховой, а затем 19—22 марта у Иковской слободы пятитысячный отряд повстанцев потерпел поражение⁶⁴.

Военные неудачи, быстрое продвижение карательных команд, отправленных сибирским губернатором, поколебали решимость повстанцев к дальнейшим открытым выступлениям. Иликаев со своим отрядом отошел в Исетскую провинцию. Одновременно на повстанцев обрушилась волна репрессий губернской администрации, и вскоре восстание крестьян Западной Сибири было подавлено.

§ 5. САМАРО-ВОЛЖСКИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ РАЙОН

Самаро-Волжский повстанческий район — это Ставропольский уезд с Бугульминским ведомством. Как и в Исетской провинции, основную силу пугачёвских отрядов здесь составляли крестьяне, в том числе помещичьи.

В Самаро-Волжский повстанческий район входили и 8 крепостей Самарской дистанции — Новосергиевская (в 136 верстах от Оренбурга) и далее вниз по р. Самаре Сорочинская, Тоцкая, Бузулукская, Елшанская, Борская, Красносамарская, Мочинская и близлежащие к ним деревни, относившиеся к Оренбургскому уезду, а также г. Самара. Деятельность пугачёвских эмисаров началась здесь с первых чисел октября. Внимание повстанческого руководства к этому краю было обусловлено важными причинами. Во-первых, оно было заин-

тересовано в пополнении отрядов «способными к военному делу» калмыками, сосредоточенными в Ставропольском корпусе, и оренбургскими казаками, состоявшими при крепостях. Вторых, развитый сельскохозяйственный район мог стать богатой продовольственной базой для снабжения повстанческого войска, осаждавшего Оренбург. Кроме того, расширение территории восстания до Самары и Ставрополя создавало реальную возможность распространения движения на правобережье Волги.

В октябре 1773 г. — начале февраля 1774 г. в Самаро-Волжский повстанческий район было направлено 10 специальных указов «Петра III» — Пугачёва¹. Во множестве ходили манифесты и указы, служившие циркулярными предписаниями и распространявшиеся по всей губернии. Среди них, естественно, фигурировал манифест от 2 декабря, объявлявший всем покоровшимся власти «государя Петра III» всемилостивейшее прощение и жаловавший «всякою вольностию отеческой»².

Ответственными эмиссарами Пугачёва выступали яицкие казаки. В помещичьих деревнях они от имени «Петра III» призывали, чтобы «крестьяня б помещиков своих не слушали, ибо де дается им воля». Осторожные крестьяне посылали своих выборных под Оренбург удостовериться в «подлинности сей сказанной им вести»³. Вождь восстания или его Военная коллегия давали необходимые толкования, как, например, 23 октября Пугачёв вручил депутатам от крестьян д. Михайлово Ставропольского уезда указ, в котором заявлялось о передаче крестьянам земли, вод и других льгот. И хотя в этом и подобных указах не говорилось об освобождении крестьян от крепостничества, крестьяне сами истолковывали жалованные вольности как освобождение от работы на помещиков⁴.

10 октября в Кинельскую (Черкасскую) слободу, населенную украинцами, явились яицкие казаки в сопровождении местных жителей. Как выяснилось из показаний свидетелей событий, в планах предводителей восстания было не только вовлечение в народное движение местных украинцев, но и задача использовать их в качестве эмиссаров, посылаемых на Украину для того, чтоб получить оттуда желанную поддержку и помощь. Привезенный в слободу указ «Петра III» содержал повеление выборным пробраться «потаенными дорогами в Малороссию, и там, малороссиянам и протчим казакам объявляя письма, просил о неоставлении и помощи ему»⁵.

По показаниям на допросах И. Н. Зарубина и И. Я. Почталина, в октябре 1773 г. к ставропольским калмыкам был послан полковник из яицких казаков Д. С. Лысов «и многия другия для прославления ... [Пугачёва] государем, уговаривания

народа и приведения» в Берду⁶. Уже сам факт направления в Калмыцкое войско повстанца в чине полковника говорит о том, какое большое значение придавали руководители восстания переходу калмыков на сторону восставшего народа. Калмыцкая конница была нужна повстанческой армии так же, как казачья и башкирская. Но на неё рассчитывали также казанский и оренбургский губернаторы. Выполняя их распоряжения, Ставропольская комендантская канцелярия сумела направить 500 калмыков против «злодейской толпы». Только дальше Самарской дистанции они не пошли. В середине октября, по свидетельству Журнала Рейнсдорпа, 316 калмыков вернулись домой⁷. Такое неповиновение властям уже свидетельствовало о сильном брожении среди калмыков, хотя они ещё не решались тотчас и открыто поддержать восставших. Наконец, обнародование указов «государя Петра III» о воле и благах народам края прибавило калмыкам решимости, и был сформирован первый калмыцкий повстанческий отряд из 300 всадников, который повел в Берду войсковой квартирмейстер Ф. И. Дербетев. Это событие Пугачёв особо выделил в своём показании на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г.: «Тут же пришел ставропольских калмыков старшина Федор Иванов сын Дербетев и привел с собою калмыков 300 человек»⁸.

В то же время 500 ставропольских калмыков, собранных казанским губернатором, насильно были направлены в карательный отряд коменданта Симбирска полковника П. М. Чернышева. 13 ноября под стенами Оренбурга пугачёвцы окружили отряд, и в ходе встречного боя «казаки и калмыки при самом тех злодеев приступе, изменяя, предались» повстанцам⁹.

События войны уже охватили край, но калмыцкая феодальная знать даже в ноябре занимала выжидательную позицию. Войсковой полковник В. Делдеш и старшины-зайсанги не могли определить свое отношение к призывам новоявленного государя. И тогда они, присоединившись ко второму отряду калмыков, сформированному Ф. И. Дербетевым, решили поехать в Берду. Судя по сохранившимся документам, ни В. Делдеш, ни его приближенные не проявили себя на службе «Петру III». И сам Пугачёв относился к ним настороженно. Скорее всего, он держал их как заложников¹⁰. Но само решение командира и калмыцкой знати поехать в Берду было воспринято рядовыми калмыками, в силу традиций находившимися ещё под сильным влиянием своих владельцев, как открытая поддержка ими Пугачёва¹¹.

Осенью весь Ставропольский уезд и Самарская дистанция были охвачены выступлением народных масс. Ставропольский комендант бригадир И. З. фон Фегезак 15 декабря сообщал

Военной коллегии, что «к мятежу согласились» калмыки, украинцы, чувашаи, татары, мордва, господские крестьяне, и Ставрополь находится под угрозой захвата¹². На призывы Пугачёва отозвались также отставные нижние чины, однодворцы, государственные крестьяне. В ноябре—декабре в уезде действовало 10 крупных пугачёвских отрядов¹³.

Центрами повстанческого движения — «становищами и прибежищами» отрядов — стали Бузулукская крепость, Бугурусланская, Сарбайская, Саврушинская, Аманатская, Кинельская слободы. Самаро-Волжский повстанческий район дал образцовые примеры совместных выступлений людей различного социального состояния, разных национальностей. Отряды состояли из оренбургских казаков, калмыков, отставных солдат и драгун, а также поверстанных в казаки государственных и помещичьих крестьян. К ним присоединялись и башкирские команды, присланные было для защиты слобод от пугачёвцев¹⁴.

Таким же разнообразием отличался командный состав отрядов.

Наиболее крупными организаторами народной борьбы предстали здесь пугачёвские атаманы И. Ф. Арапов, крепостной крестьянин д. Арапово Оренбургского уезда, и Ф. И. Дербетев. Их отряды взаимодействовали с отрядами казачьего атамана Тоцкой крепости Н. Л. Чулошникова, государственного крестьянина депутата Уложенной комиссии от жителей Бугурусланской слободы Г. Давыдова, отставного солдата той же слободы И. Чернеева, татарского крестьянина д. Абдуллово Ставропольского уезда Абдрешита Аитова, атамана Кинельской слободы О. Г. Ломухина, отставного вахмистра из Сарбайской слободы А. Каюкова, экономических крестьян Ставропольского уезда Е. Л. Кузнецова, Ф. Иванова и др.¹⁵

Большинство трудового населения «почитало» Пугачёва «за государя». Как объяснял на допросе в Оренбургской секретной комиссии 22 июня 1774 г. отставной драгун Е. Ярыгин, сотник повстанцев, в истинность новоявленного императора верили «через издаваемые от него манифесты», размышляя, «что естли бы он не был прямо государем, так как бы он осмелился такая указы издавать?» И поэтому по зачитывании обращений «Петра III» жители слобод и деревень уезда заявляли: «государеву приказу противиться не будем»¹⁶.

Атаман И. Ф. Арапов, наделенный особыми полномочиями Пугачёва и Военной коллегии, прибыл на Самарскую дистанцию во второй половине ноября. Его задачей была организация бесперебойного снабжения Берды провиантом, фуражом, теплой одеждой, объединение повстанческих сил для захвата крепостей и городов, стоявших в стороне от восстания, и, ко-

нечно, набор «охотников» служить «Петру III» — Пугачёву¹⁷. Указом Военной коллегии Арапов получил право присваивать военные и гражданские чины, «кто тому достоин»¹⁸.

Ставкой Арапова стала Бузулукская крепость. Отсюда он поддерживал связь с Бердой и командирами отрядов, действовавших по линии крепостей и в Ставропольском уезде. Здесь концентрировались силы, готовые выступить «противу противнических партий в защищении верноподданных жительство»¹⁹. По всему уезду шла заготовка провианта и фуража для Главного повстанческого войска. Многие ставропольские помещики бежали с семьями во внутренние города страны. Их деревни подвергались грабёжам.

Новые повстанческие власти относились к поручению «государя» с большой ответственностью. Г. Давыдов, назначенный в Берде атаманом Бугурусланской слободы, организовал опись всех мельниц в округе и подсчёт «помещичьих хлебов на государя Петра Фёдоровича». Только с разрешения атамана брали хлеб крестьяне и башкиры. Из Бугурусланской слободы в Берду Давыдов отправил тысячу четвертей хлеба²⁰.

Часть отнятого у помещиков добра раздавалась их крепостным. Так, в д. Пополутово из хозяйского стада было выделено на каждое «тегло по пяти баранов и по одному телионку»²¹.

По показаниям 81 (из 103) помещика Ставропольского уезда, собранным в губернской канцелярии в январе 1775 г., повстанцы захватили их имущество, увезли хлеб, отогнали скота на 210 968 руб., остальные 22 владельца имений не смогли ещё к этому времени установить сумму ущерба²².

Значение Ставропольского уезда как продовольственной базы повстанческих отрядов, действовавших в уезде и под Оренбургом, учитывало/и командование правительственных войск, брошенных на подавление восстания. 31 января 1774 г. генерал-аншеф А. И. Бибииков приказал полковнику Г. И. Хорвату как можно скорее вытеснить повстанческие отряды из района Бугурусланской слободы «и тем отнять главнейшее их всей разбойнической толпы пропитание»²³.

Хотя из Берды шли строгие напоминания о том, что при заготовке провианта брать только «барской всякого рода хлеб» и не «чинить крестьянам никаких обид, в противном же случае, подвергнут себя его величества гнева»,²⁴ грабежу подвергались и хозяйства однодворцев, крестьян, отставных нижних чинов. Много жалоб было на калмыков. Ими занимался сам Пугачёв, который выдал Г. Давыдову «указ, чтоб никто не разорял, и кто ограблен и кем имянно, — прикажу тебе самому изследовать»²⁵.

Выполнение заданий «государя» совмещалось у калмыков с обычными грабежами. Скорее всего награбленное попадало в руки зайсангов и состоятельных калмыков. Как о хорошо известном ему экономическом неравенстве среди калмыков писал повстанческий атаман Яицкого войска Н. А. Каргин. Он советовал Ф. И. Дербетеву конфисковывать скот у богатых и передавать тем, «которым по своим недостаткам пить — ясть нечего». Каргин определял даже нормы изъятия: у тех, кто имел «десять скотин», взять «одну и неимущаго снабдить, а девять ему ж оставить». За взятых таким образом лошадей и скот, заверял Каргин, в «свое время... ис казны его величества удовольствием наградит будет»²⁶.

Повстанческие отряды Самаро-Волжского района то и дело выходили за пределы губернии. По сообщению генерал-майора Ф. Ю. Фреймана в Военную коллегию, в деревни Казанской провинции наезжали небольшие партии «наполовину безоружных» пугачёвцев, и «крестьяна не токмо им не противятся, но ещё сами помогают грабить помещичьи дворы». Отнятое у помещиков отправлялось в Ставропольский уезд²⁷.

На обширной территории повстанческого района действовало много небольших отрядов. Арапов, Дербетев и другие предводители повстанцев пытались объединить отряды для проведения крупных акций. Совместными военными операциями должно было стать взятие Самары и Ставрополя.

Вооружены были пугачёвцы по-разному: крестьяне слабо, но служилые располагали кое-каким арсеналом. Огнестрельное оружие имели 639 служащих оренбургских казаков, большинство из которых присоединилось к восставшим. У калмыков было 414 казенных ружей. В крепостях Самарской дистанции пугачёвцы конфисковали 83 казенных ружья. Из крепостей же, а позднее из Самары и Ставрополя они увезли 16 пушек²⁸.

23 декабря конный отряд Арапова из 300 казаков и татарских крестьян и 200 калмыков беспрепятственно вошел в пригородок Алексеевск, а через два дня захватил Самару. По словам Арапова, самарцы встретили повстанцев «со святыми образами» и «без всякаго бою и пролития крови его императорскому величеству покорились»²⁹. На сторону повстанцев перешел поручик И. Л. Щипачев, командир второй роты Ставропольского батальона, присланной для защиты города. Бургомистр И. И. Халевин засадил своих писарей за изготовление копий с манифеста Пугачёва. 45 «казаков» ездили с ними по деревням, принимая присягу и записывая на службу «Петру III»³⁰. Привлечению жителей в ряды повстанцев способствовала и бесплатная раздача соли. В Алексеевске население по-

лучило 171 пуд 5 фунтов соли, в Самаре — 276 пуд. 35 фунтов³¹.

К отрядам Арапова примкнули до 300 крестьян-поселенцев, находившихся в это время в Самаре, и «немалое число разного звания народа..., множество крестьян»³². Зная о приближении правительственных войск к Самаре, атаман пытался организовать оборону города. К Самаре шла 24-я легкая полевая команда майора К. И. Муфеля, насчитывавшая 1000 солдат и усиленная эскадронами бахмутских гусар и командой волжских казаков³³. 29 декабря в версте от Самары Арапов встретил карателей. Ожесточенное сражение на льду Волги закончилось поражением повстанцев. Они отступили к городу и открыли огонь из 8 пушек, но опять долго удерживать позиции не смогли. Потеряв свою артиллерию, много убитых и пленных, отошли за Алексеевск³⁴.

Арапову всё же удалось стянуть к Алексеевску значительные силы. Сюда подошли отряды Н. Л. Чулошникова и калмыцкого войскового надзирателя Л. Торгоутского и составили команду в 2000 чел. К тому же, несколько пушек вселяло в них веру в успех. 7 января в 8 верстах от пригородка Арапов внезапно атаковал команду Муфеля и присоединившуюся к ней 22-ю легкую полевую команду подполковника П. Б. Гринева. Бой длился около 10 часов. Повстанцы, судя по длительности этого жестокого сражения, проявили, должно быть, и отвагу, и стойкость. Все же регулярная армия взяла своё: пугачёвцы были рассеяны. Арапов ушел вверх по р. Кинель, к нему присоединилась часть калмыков во главе с матерью Ф. И. Дербетева Анной Васильевной³⁵.

В это трудное для повстанцев время из Берды в Ставропольский уезд был отправлен атаман Ф. И. Дербетев. Указом Военной коллегии от 9 января ему было приказано «собрать колмик и оруженных людей в Сарбай, и в Савруху, и в Оманакую, и в окольные жительства для искоренения московской армии»³⁶. В течение 10 дней Дербетев занимался формированием отряда, а затем двинулся к Ставрополю, уверенный в своей победе. Как административный центр уезда город был для всех трудовых людей края символом гнета и насилия. И Дербетев верил в их поддержку. Кроме того, он надеялся на пополнение сил своего отряда пушками и оружием.

20 января Дербетев овладел Ставрополем. Повстанцы взяли под стражу коменданта бригадира И. З. Фегезака, офицеров, гражданских чиновников; имущество богачей было разграблено. Фегезака и других особо ненавистных населению чиновников увезли к Пугачёву. Остальные были отпущены. Среди последних — воеводский товарищ титулярный советник

П. П. Мариамский, о котором Дербетев сказал, что от его «управления» калмыки «имели удовольствие». Дербетев уберег Мариамского от суда Пугачёва, предупредив воеводского товарища о том, что «государь Петр III», «будучи на всех чиновных огорчен, может и ... [Мариамского] с протчими казнить»³⁷.

Дербетев не задержался в Ставрополе. В тот же день, забрав пушки, продовольствие и фураж, он выступил к Красному Яру³⁸. Фактически это было отступление. Под напором авангардных команд правительственных войск отряд Дербетева отходил на юго-восток. Вместе с ним уходили все восставшие калмыки. В улусах оставались лишь старики, дети да небольшое число «верных» калмыков. Уход к повстанцам большинства ставропольских калмыков стал одной из самых убедительных форм протеста народных масс против невыносимых условий жизни³⁹.

Повстанцы не сумели соорганизоваться и дать отпор наступающим правительственным войскам. Разбросанные по огромному пространству отряды восставших, по существу, не имели единого руководства. Плана совместных боевых действий против карателей не было ни у Военной коллегии, ни у таких крупных предводителей народного движения в Самаро-Волжском районе, как Арапов и Дербетев. И сборные отряды восставших не могли выстоять под напором регулярных войск. Так, 23 января правительственной командой был разбит отряд атаманов татарина д. Абдуллово Ставропольского уезда Аита Размаметева и отставного солдата Бугурусланской слободы И. Чернеева, действовавших у Черемшанской крепости и в пограничных районах с Казанской губернией.

Хотя основные силы повстанцев ушли к Самарской дистанции, в различных районах уезда продолжали действовать отдельные отряды восставших.

В конце января Военная коллегия направила из Берды на помощь Арапову повстанческого полковника татарина Абдрешита Аитова, сына захваченного в плен атамана Аита Размаметева. Как рассказывал Абдрешит на допросе в Оренбургской секретной комиссии 23 июня 1774 г., по приезде в Бузулук он вручил указ Военной коллегии Арапову. «Арапов же, прочтя оной, поздравил его с полковником, а потом бывшую у отца его команду, всего человек ста с четыре ..., препоручил ему, которую он приняв, стоял в Бузулуке»⁴⁰. В это время, по данным военно-походной канцелярии генерал-майора П. М. Голицына, на границе с Казанской губернией у Черемшанской крепости стоял отряд, насчитывавший 1 тыс. человек. Столько же повстанцев при 7 орудиях действовало южнее Бугульмы в рай-

оне с. Спасского. У пригородка Сергиевска находился отряд в 700 чел., на р. Кинель — в 400⁴¹.

Но в феврале правительство сконцентрировало в районе Бугуруслана и Бугульмы, на Самарской дистанции значительное количество войск, предназначенных для разгрома пугачёвского войска под Оренбургом. В это время основные силы повстанцев под командованием И. Арапова, Ф. Дербетева, Абдрешита Аитова сосредоточились у Сорочинской крепости. 6 марта вместе с отрядом Е. И. Пугачёва они участвовали в бою с командой премьер-майора В. Елагина в 37 верстах от крепости, у д. Пронкино. Это было последнее крупное сражение пугачёвцев на территории Самаро-Волжского повстанческого района. 22 марта в битве под Татищевой крепостью погиб И. Ф. Арапов. В апреле были захвачены в плен Г. Давыдов и Абдрешит Аитов. Ф. И. Дербетев с отрядом калмыцкой конницы, преследуемый командами майора Муфеля, в апреле-мае находился в районе р. Чаган, затем вышел к Иргизу и Узеням, безуспешно пытаясь прорваться за Самарскую дистанцию. 23 мая во время сражения с карателями неподалеку от Сорочинской крепости Дербетев был смертельно ранен⁴².

Захват правительственными войсками Ставропольского уезда и Самарской дистанции, разгром главных сил Пугачёва под Татищевой крепостью и 1 апреля под Сакмарским городком привели к затуханию повстанческого движения в этом районе. Продолжали борьбу лишь отдельные, не связанные между собой отряды. Но сопротивлялись они упорно, сражались до последнего. Только летом удалось карателям разбить отряд О. Ломухина. Сам атаман был захвачен в плен и позднее казнен.

§ 6. БАШКИРСКИЕ ПОВСТАНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ В ПРИКАМЬЕ И НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Зачин, а далее размах народного движения в Пермской провинции были обусловлены действиями пугачёвских отрядов, направленных сюда бердским и чесноковским руководством из Башкортостана. Присоединение к восстанию Пермского края, через территорию которого шла Большая Сибирская дорога, открывало повстанцам путь на Казань и Екатеринбург.

Пугачёвские отряды вступили на территорию провинции, охваченной сильными волнениями, в начале декабря 1773 г. Наступление началось от Осы и Красноуфимска, расположенных на юго-западной и юго-восточной границе Пермского

края с Башкирией. Последующее продвижение повстанческих отрядов к Кунгуру и Соликамску свидетельствовало о продуманности наступления на Пермскую провинцию с обоих флангов¹.

24 декабря двухтысячный отряд пугачёвского эmissара полковника Караная Мратова и повстанческого старшины татарина д. Ижболдино Уфимской провинции Ермухаммета (Яркея) Кадырметева занял центр Сарапульской волости — село Сарапул. Местные жители «противности никакой тем башкирцам не чинили» и передали отряду две большие чугунные пушки, порох и ружья. Своей ставкой Каранай сделал большое село Касево. В январе в Сарапуле разместились и команда нагайбакских казаков с сотником П. Ивановым².

В Осинской дворцовой вол. действовал отряд под командой пугачёвского полковника башкира д. Емаково Ногайской дороги Абдея Абдуллова, направленного сюда из Берды. К нему присоединился отряд башкир Гайнинской волости Осинской дороги Уфимской провинции. Его возглавляли башкиры д. Усть-Тунтор Батыркай Иткинин и Сайфулла Сайдашев, д. Елпачиха Адыл Ашменев. Все трое уже побывали в Чесноковке, были удостоены И. Н. Зарубиным звания походных старшин³. 22—23 декабря объединенный отряд в тысячу человек вступил в административный центр волости пригородок Осу⁴.

В декабре в Пермскую провинцию из Берды был направлен пугачёвский полковник, мишарский сотник из д. Бузовьязы Ногайской дороги Канзафар Усаев. В это же время к выполнению задания Пугачёва приступил полковник Салават Юлаев, которому было предписано сформировать отряды из жителей Сибирской дороги и вести их на помощь восставшим Красноуфимско-Кунгурского района. В начале января 1774 г. его отряд из 800 чел. вступил в Красноуфимск, а затем двинулся к Кунгуру. 19 января под Кунгур прибыл посланный атаманом И. Н. Зарубиным повстанческий бригадир И. С. Кузнецов⁵.

Предводители народного движения отводили башкирским повстанческим отрядам роль агитаторов и одновременно военной силы, призванной защищать от карателей присоединившиеся к восстанию заводы и деревни.

По заданию Абдея Абдуллова и Сайфуллы Сайдашева в Осе изготовлялись копии указов «Петра III» — Пугачёва для рассылки по селениям. Такой же работой занималась военнополоходная канцелярия Салавата Юлаева и других командиров повстанческих отрядов⁶. Агитаторы «разглашали» крестьянам, что новоявленный «Петр III» «не мог претерпеть народного ра-

зорения и тягости и принужден себя объявить», и теперь «от государя будет им от государственных сборов облехчение и будет всем вольность»⁷. По заводам ездил русско-башкирский отряд под командой угольного мастера Рождественского завода В. Колесова и объяснял населению, что «император Петр III» требует «у всех господ пожитки обирать, а в дома крестьянские не вступать и вашего имения не брать»⁸.

Восстание стремительно разрасталось. В последней декаде декабря к повстанцам присоединилось 12 заводов Камского бассейна, а в начале января восстание активно поддержали мастеровые, работные люди, приписные крестьяне Ижевского, Воткинского и других заводов. Только с именами двух башкирских «казачьих командиров» Абдея Абдуллова и Батыркая Иткинина и их сподвижников из русских крестьян и башкир связано присоединение к восстанию Аннинского, Ашапского, Рождественского, Уинского, Шермяитского, Юго-Камского, Юговского заводов, установление повстанческой власти во многих приписных к заводам деревнях, а также в селах дворцовых крестьян и пахотных солдат Осинской волости и в самом пригородке Оса⁹. Как и в Уфимской провинции, на подавляющем большинстве заводов края с прибытием пугачёвских отрядов люди приносили присягу «Петру III» — Пугачёву, выбирали новую власть и, остановив производство, приступали к конфискации инструментов, пушек, оружия и боеприпасов, а также имущества заводской администрации и противников восстания.

Отряды, пришедшие из Башкирии, быстро росли за счёт работных людей горных заводов, русских и татарских государственных и дворцовых крестьян, пахотных солдат. В реляции Екатерине II от 17 января 1774 г. генерал-аншеф А. И. Бибииков откровенно писал: «Зараза бунта и изменничества час от часу умножалась ... Некоторые из злодейских посланцев со стороны уфимской, перешед реку Каму, разоряя многие селения и заводы, выбирая людей, перешли, наконец, и реку Вятку ...»¹⁰, последний крупный водный рубеж на подступах к Казани.

В крепостях, на заводах и в деревнях повстанцы создавали местные органы военного и гражданского управления. Их деятельность по организации гражданской жизни населения и формированию «казачьих» команд регламентировалась указами Пугачёва, Военной коллегии, И. Н. Зарубина, наставлениями и приказами предводителей башкирских повстанческих отрядов.

Сохранившиеся документальные свидетельства позволяют говорить о регулярных связях командиров повстанческих отря-

дов с Бердой и Чесноковкой. Так, из показаний Сайфуллы Сайдашева в Казанской секретной комиссии известно, что в декабре 1773 г. с каким-то поручением полковника Абдея Абдуллова он ездил в Берду. По представлению на него главного полковника Кинзи Арсланова Военная коллегия сделала Сайфуллу старшиной и выделила отряд в 200 чел., с которым Сайфулла вернулся в Осинскую волость. В марте 1774 г. он направлял оттуда своих посыльных к И. Н. Зарубину «за самонужнейшим государственным делом»¹¹. Салават Юлаев посылал в Берду деньги, конфискованные в Красноуфимске, производил набор «в казаки» для отправления в войско И. Н. Зарубина. Постоянную связь с Чесноковкой поддерживал И. С. Кузнецов¹².

Восстание в провинции развивалось в условиях преодоления национального и религиозного недоверия и противоречий. Удостоверившись в том, что пришедшие из Башкирии отряды не грабят население, а призывают его бороться против гнета и бесправия, крестьяне и работные люди поверили полковникам и старшинам «башкирской нации», присланным к ним «императором Петром III». От них они принимали наставления об управлении освобожденными от правительственных властей территориями¹³. 24 декабря Батыркой Иткинин вручил Осинской земской избе, признанной органом повстанческой власти в волости, своё наставление. Обращаясь к избранным членам земской избы, Батыркой предупреждал их, чтобы «никому напрасно обид и притеснения не чинить, опасаясь неизбежного его императорского величества гневу». Он обязывал земскую избу держать под контролем дорогу на Казань. В функции избы входила продажа казенных вина и соли, доход от которой был теперь собственностью «императора Петра III»¹⁴.

Осинская земская изба сыграла большую роль в развертывании восстания в юго-западной части Пермской провинции. По её «образу и подобию» органы новой власти создавались во многих других местах. В частности, характерно в рассматриваемом разрезе наставление того же Батыркой Иткинина от 1 января 1774 г. об управлении Юговским заводом. Он подписал его уже в качестве пугачёвского полковника. Авторитет и значимость его распоряжений тоже приобрели большой вес. Он проследил за выборами сотника и поручил тому — Г. Т. Ситникову — учредить земскую избу, располагающую всеми полномочиями по управлению заводом, установлению на нем справедливого правопорядка. Сделал он и некоторые хозяйственно-экономические распоряжения: доход с двух мельниц, по решению Батыркой, должен был идти «в сумму мирскую, ис того росходы иметь на мир»¹⁵. И, конечно, не мог-

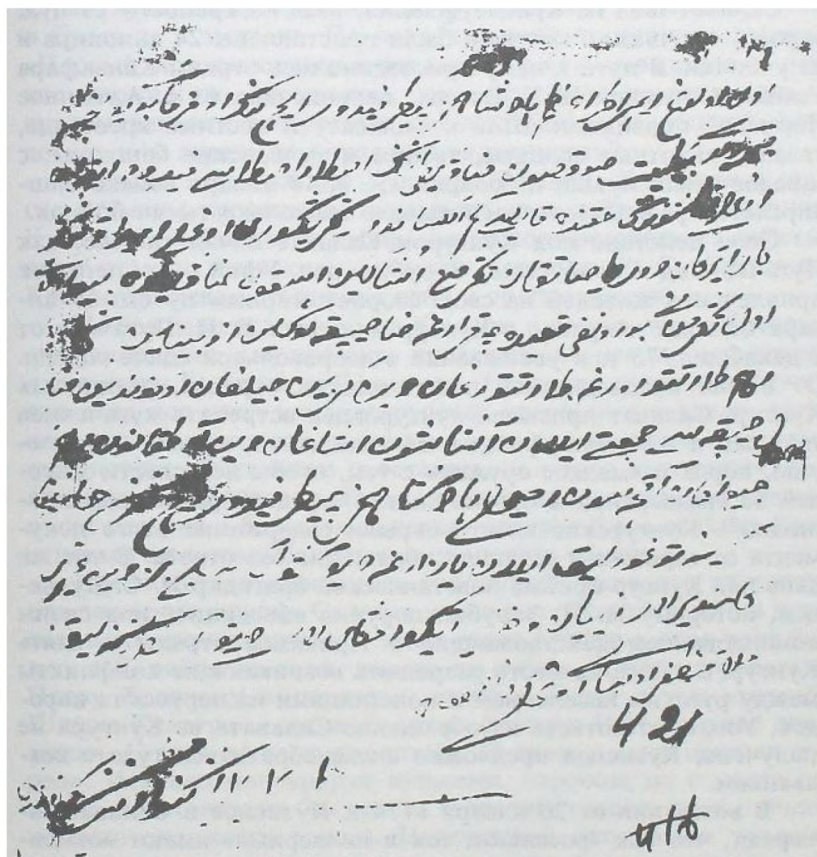
ли быть забыты нужды повстанческой армии: она требовала всё новых пополнений. Земские избы много сделали для формирования повстанческих отрядов, часть которых отправлялась к Осе и Кунгуру, приобретавшим стратегическое значение на карте Крестьянской войны, а другие оставались на местах для охраны заводов и деревень от карателей.

Но не на всех заводах развитие событий сопровождалось взаимопониманием командиров повстанческих отрядов и местного населения. «Самочинные» действия пугачёвских ратников, вплоть до конфискации кассы заводов (в том числе и «мирской заработки»), становились предметом разбирательства повстанческого руководства, самого «графа Чернышева» — Зарубина. Как это, например, случилось на Рождественском заводе. В декабре 1773 г. отряд, в который входили башкиры и «казаки» из работных людей завода, увез два сундука с «денежной казной серебряною и медною монетою» на сумму 2017 руб. 50 коп. Деньги же были предназначены «для раздачи мастеровым и работным людям за заводскую работу». В феврале 1774 г. разбирательством жалобы заводских работников занимался И. Н. Зарубин. Выяснилось, что полторы тысячи руб. повстанческие командиры доставили в Чесноковку, а «остальные разделили по себе». Зарубин повелел повстанческому атаману завода С. И. Волкову «517 руб. 50 коп. взыскать и за заработанную плату, в мир объявля, разделить по равному количеству»¹⁶.

Позже в рапортах заводских приказчиков в Пермское горное начальство много говорилось о разграблении и порче промышленных строений повстанческими отрядами из Башкирии. Что-то в этих подсчётах было верно. Но судьбы заводов, оказавшихся в кольце восстания, решались собственно заводским населением — работными людьми и приписными крестьянами. Их ненависть к заводу была так велика, что они сами и разоряли его, ломали печи, горны и др., растаскивали заводское имущество, жгли конторские книги и т. п. Слепой гнев заводского населения, не имевшего чётких «представлений о конкретных формах организации перехода к новой вольной жизни»¹⁷, вместе с его темнотой, невежеством выливались в акты жестокости и вандализма. Известны случаи (например на Суксунском заводе), когда заводские крестьяне уговаривали командиров повстанческих отрядов — Салавата Юлаева, Канзафара Усаева, И. С. Кузнецова — «все заводское строение и фабрики выжечь»¹⁸.

С новым 1774-м г. основные боевые силы восставших стали сосредоточиваться под Кунгуром. С 4 по 10 января административный центр провинции осаждали Батыркой Иткинин и

Канзафар Усаев. Их отряды, состоявшие из башкир, мишарей, работных людей, русских и татарских крестьян, пахотных солдат, насчитывали до двух тысяч человек. Из дневника событий, или, как он тогда назывался, «Журнала, каким образом сего 1774 года злодейская башкирская и других народов толпа делала на город Кунгур нападение и она с каким поражением отбита», составленного в Пермской провинциальной канцелярии, видно, что пугачёвцы трижды пытались ворваться в город, но пушечный обстрел со стен крепости всякий раз заставлял их отступить. Журнал зафиксировал стремление пугачёвцев поначалу мирными уговорами привлечь кунгурцев на свою сторону: 9 января отряд «из башкирцев и здешняго уезду

Повеление повстанческого полковника Канзафара Усаева старосте Суксунского завода. Январь 1774 г.

РГАДА. Ф. 6. Д. 416, ч. 2. Л. 421. На тюрки

из татар и русских крестьян из ближних подгородных деревень ..., в больших силах, ... подъехав к самому городу Кунгuru, чинили ко взятю города неоднократный приступ и притом кричали по-русски: «Что-де на что себя и нас мучите? Ибо-де мы хотим мирно с вами быти, только-де вышлите к нашему полковнику воеводу и других начальников, а город-де здайте!»¹⁹. Чиновники, к тому же, не без удивления отметили, что повстанцы дефилировали у стен города с барабанным боем и под знамёнами синего, красного, алого цветов.

19 января к Кунгuru подошла 4-тысячная «армия его императорского величества Петра III», возглавляемая И. С. Кузнецовым и Салаватом Юлаевым.

Салават шел из Красноуфимска, взяв из крепости 10 пуд. пороха, 4 пушки, к которым были приставлены 24 канонира и их ученики. В пути к нему присоединились отряды Канзафара Усаева и атамана И. Г. Васева, переписчика из с. Алтынное Пермской провинции. Шли к Салавату и местные крестьяне, казаки, пахотные солдаты, татары и тулвенские башкиры; с заводов везли пушки и боеприпасы. К 19 января войско башкирского предводителя насчитывало несколько тысяч бойцов.

Свои действия под Кунгуром Салават начал так же, как Пугачев под Оренбургом, Зарубин под Уфой,— с попыток привлечения жителей на свою сторону мирным путем. 19 января Салават отправил в Кунгур манифест Е. И. Пугачева от 2 декабря 1773 г. и увещевание о добровольной сдаче города. От имени предводителей повстанческих отрядов, осадивших Кунгур, Салават призывал кунгуровцев встретить пугачевцев так, как и в Красноуфимске, со знаменами, выдать артиллерию, порох и «мелкое оружие» с тем, чтобы не довести жителей до «раззорения и против сильно идущей армии кровопролития»²⁰. Кунгурские власти скрыли содержание этого документа от горожан и оставили обращение без ответа. В тот же день под Кунгур прибыл повстанческий бригадир И. С. Кузнецов, которому И. Н. Зарубин поручил объединить под своим командованием действовавшие в Прикамье отряды и взять Кунгур, а также на месте разрешать возникающие конфликты между русским населением и повстанцами из нерусских народов. Узнав, что ответа на обращение Салавата из Кунгура не получено, Кузнецов предложил снова обратиться туда с воззванием.

В воззвании от 20 января 1774 г. Кузнецов и Салават заверяли, что как «россияны, так и иноверныя» имеют «отменные мысли» и твердо будут исполнять приказ «государя ..., дабы при взятъе городов и приклонившихся к полной власти его величества от ыдущих армей никакого жителям притеснения

... не чинили». Кузнецов и Салават писали, что ведут решительную борьбу с «предобижениями» русских крестьян от своевольства «азиятских народов», о наказаниях за вероотступничество и неуважительное отношение к православной церкви. Для деморализации кунгурских властей и склонения их к капитуляции намеренно преувеличивались успехи и численность повстанческого войска. Одним из наиболее интересных положений в содержании воззвания является шестой пункт послания, обвинявший кунгурские власти в несоблюдении правил ведения переговоров. Считая себя равноправной стороной, предводители повстанцев с возмущением писали о нарушении неприкосновенности «посланцев» «армии всероссийского государства», которых кунгурские власти вероломно захватили в плен и бросили в тюрьму. По издревле существовавшим законам «Первый наш император и все монархи или, паче сказать, всякое державство посылают... друг ко другу посланников», — вразумляли они кунгурскую администрацию, и никакой «владелец или город» не вправе их задерживать²¹.

Ожидая капитуляции Кунгура, Салават, Кузнецов и другие атаманы продолжали пополнять свое войско. По заданию Кузнецова и Салавата набор «казатского российского войска» вели атаман юговских заводских крестьян Г. Т. Ситников, Красноуфимская станичная изба и другие власти.

Не дождавшись ответа из Кунгура и решив, что собранных сил достаточно для штурма, предводители повстанцев назначили атаку Кунгура на 23 января. Накануне этого дня Кузнецов взял под свою команду русских крестьян и казаков, всего около тысячи человек, несколько пушек и половину имеющегося пороха. Остальные повстанцы, не менее трех тысяч, были поручены Салавату. Такое разделение командных функций и сил говорит о большом доверии, которое было оказано Кузнецовым молодому башкирскому военачальнику.

Предводители повстанцев так твердо надеялись на успех, что накануне штурма Салават издал для общего сведения приказ, в котором говорилось: «егда город Кунгур в плен взят будет, тоб, войдя во оной, никого не рубить, а отрепортовать к Петру Третьему императору, ожидать будет о том указу»²². Штурм Кунгура — одна из ярких страниц Пугачевского движения. С утра до позднего вечера 23 января велся обстрел города. Искусно маневрируя пушками, перевоза их с места на место, повстанцы не без успеха старались создать впечатление полного окружения города. Пугачевской артиллерии удалось пробить ворота и городовую стену, ядра стали достигать нагорных улиц. Конница наступала на город, растянувшись на целую версту. Один из участников битвы Субхангул Килтяков

вспоминал, что башкиры «имели во все стороны во время приступа разъезды, не стоя нимало нигде на одном месте»²³. Конные отряды подъезжали к «крайним дворам городского жительствова и самой Кузнешной улице и по берегу, а притом с другого краю, от реки Сылвы к кожевенному купца Хлебникова двору делали зажигательство»²⁴. Кунгурские начальники, укрываясь за стенами крепости, не отваживались выслать команду на полевое сражение и сдерживали атаки повстанцев интенсивным пушечным и ружейным огнем. Когда кончились «все ядра, стреляли уже деревянными палками». Несмотря на проявленное в ходе штурма мужество, встретив упорное сопротивление оборонявшихся, повстанцы вынуждены были отойти на исходные позиции, расстреляв все свои немногочисленные снаряды и истратив весь порох. Точно объяснил причину военной неудачи чуваш из отряда Салавата Егор Ильин: из-за израсходования пушечных припасов город «взять не могли»²⁵.

24 января отряд Салавата снова пошел на приступ к Кунгуру, но все его атаки были отбиты. Во время перестрелки Салават был тяжело ранен. В последующие дни Салават и Кузнецов разрабатывали планы нового штурма города. Но прибытие в Кунгур крупной военной команды секунд-майора Д. О. Гагрина вынудило пугачевцев отложить операцию. К тому же Салават, сдав из-за серьезного ранения командование, вынужден был уехать из-под Кунгура. Кузнецов отправился за помощью в Чесноковку.

Повстанческими отрядам, отступившим от Кунгура, вскоре пришлось выдержать три сражения с командой Д. О. Гагрина — 30 января под с. Ордынским (Ильинским), 17 февраля у д. Иванково и Агафонково, 19 февраля у Красноуфимской крепости²⁶. Потерпев поражение, часть повстанцев вернулась в Башкирию, остальные — в свои деревни и заводские поселки, куда, преследуя их, направлялись местные карательные отряды.

В течение февраля — марта 1774 г. башкирские отряды совместно с группами местных крестьян защищали крупные населенные пункты от карательных команд коллежского асессора М. И. Башмакова, управителя Воткинского завода А. С. Клепикова и других. Ярким свидетельством совместных боевых действий башкир и русских является повстанческий документ — аттестат Адигуту Тимясеvu, выданный 17 марта 1774 г. Осинской земской избой. В нем говорилось, что Адигут с «башкирскою казачьею командою» и вместе с отрядами осинских крестьян неоднократно сражался с «наезжающими на город Осу и окольные жительствова» командами карателей, его во-

инские способности были высоко оценены всеми местными жителями, а земская изба удостоверяла, что Адигут «командиром быть достойным... признаваем»²⁷. Башкира д. Елпачиха Гайнинской волости муллу Адигута Тимясева Пугачевское движение застало в Екатеринбурге, где он занимался «торговым промыслом». В январе Адигут вернулся домой с копией манифеста императрицы, врученной ему там полковником В. Ф. Бибиковым. Но, по словам Адигута, немного было таких, которые бы поверили увещаниям властей. И хотя пугачевский полковник Абдей Абдуллов поначалу отнесся к Адигуту с известным недоверием, последний стал одним из крупных военачальников повстанцев, действовавших в Прикамье и северо-западной части Башкирии, вплоть до его захвата в плен в ноябре 1774 г.²⁸.

Напряженная обстановка в Прикамье, вызванная наступлением сил местных властей, требовала от Зарубина мобилизации для отпора карателям лучших командиров, хорошо проявивших себя организаторов народной борьбы. Многие факты говорят за то, что на смену Караню Мратову, ушедшему из Сарапульской вол. к Мензелинску, он послал атамана, дворцового крестьянина с. Красный Яр Дуванейской вол. Уфимской провинции П. Вязовова. Вязовов с ноября 1773 г. возглавлял восстание дворцовых крестьян Дуванейской и Каракулинской вол., а затем служил в Чесноковке. В феврале 1774 г. он стоял в Сарапульской вол. «с многочисленными башкирцами и русских силами»²⁹.

К этому времени Сарапул был захвачен карательной командой. 28 февраля атаман Вязовов обратился к его жителям с призывом вновь склониться «в подданство императору Петру Федоровичу»³⁰. На помощь атаману подошел отряд Салавата Юлаева и пугачевского атамана И. Г. Васева. 3 и 9 марта шли сражения у стен Сарапула. Приближение к волостному центру команды полковника А. Я. Обернибесова заставило повстанцев отступить. Но многие деревни волости до конца месяца оставались на стороне повстанцев. На Канбарском заводе стоял отряд в 400 чел., в с. Касево — до 700 чел., с. Сайгатка — «партия башкирцов 500 человек, кроме мастеровых, заводских и того села жителей, и при них одна пушка»³¹. Как можно судить по отдельным сведениям, повстанцы не отказывались от мысли двинуться к центру соляной промышленности Урала — Соликамску, а также — вновь атаковать Кунгур³².

Народное движение в Прикамье выдвинуло много замечательных предводителей повстанцев из жителей края. 28 декабря 1773 г. Батыркой Иткинин выдал крестьянину с. Ильинское Сивенской вол., приписанному к Воткинскому заводу,

А. Ф. Носкову билет, удостоверяющий его присягу Е. И. Пугачеву³³. В январе—марте атаман Носков стал одним из видных предводителей народной борьбы в Прикамье. Его отряд захватил Воткинский завод, а в феврале действовал на территории Осинской и Сарапульской волостей³⁴.

Подобный же билет Батыркай выдал 29 декабря работному Юговского завода Г. Т. Ситникову, сотнику, позднее атаману заводских повстанцев. В январе—феврале 1774 г. Ситников много сделал для снабжения отрядов Батыркай Иткинина, Канзафара Усаева, Салавата Юлаева оружием и продовольствием, а после их ухода из Прикамья продолжал руководить крупным отрядом повстанцев³⁵.

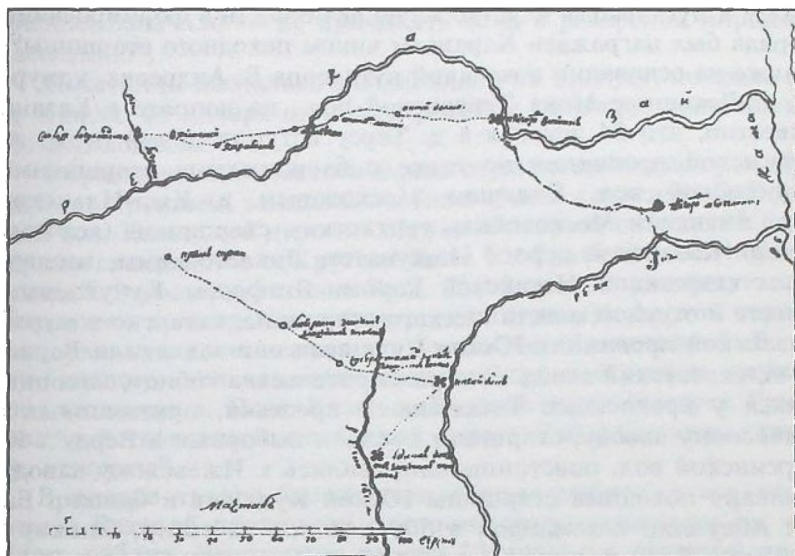
Предводителями повстанческого движения в Осинской вол. в январе—марте 1774 г. были дворцовый крестьянин, выбранный атаманом земской избы М. С. Треногин, пахотный солдат из Осы атаман С. Я. Кузнецов. Они, совместно с отрядами Сайфуллы Сайдашева и Адигута Тимясева, защищали Осинскую волость от карательных команд³⁶.

Ближайшим сподвижником Салавата Юлаева был атаман И. Г. Васев, который в январе привел под Кунгур большой отряд государственных крестьян и работных людей. В феврале он рассылал своих эмиссаров к башкирам Гайнинской вол. и крестьянам Осинской вол. с призывом «преуговлять силу к городу Кунгуру», а в марте уже сражался с карателями в Сарапульской вол.³⁷

Большое число местных карательных команд на территории Пермской провинции быстро гасило активность жителей отдельных сел, защищавших только свою округу. Разобщенность действий многих повстанческих отрядов, их слабая военная выучка и плохое вооружение не позволяли своевременно и успешно поддержать друг друга и примкнувшие к восстанию селения. Приближение к району восстания регулярных армейских команд и вызванный этим отход башкирских частей на родину привели к спаду народного движения.

Крупным районом народного движения стало Западное Прикамье.

Начавшиеся еще осенью 1773 г. крестьянские волнения в пограничных с Башкортостаном восточных районах Казанской губернии приобрели массовый характер, особенно после прибытия в декабре в Казанскую провинцию повстанческих отрядов из Башкортостана. Вместе с местными отрядами из служилых татар, работных людей, татарских, русских, марийских, удмуртских, мордовских государственных и помещичьих крестьян Арской и Зюрейской дорог они разъезжали по селениям и звали под знамена восстания. Приписных крестьян и работ-

План, показывающий продвижение к Казани отрядов, направленных из Бердского и Чесноковского повстанческих центров. (План составлен в походной канцелярии генерала Ларионова в феврале 1774 г.)

ных людей пугачевцы заверяли, что «Петр III» обещает «подушных денег чрез 7 лет не спрашивать и от заводов освободить»³⁸. А крестьян, заступавшихся за реквизируемое господское добро, убеждали: «Вить-де вы теперь все от государя пожалованы вольностью, и теперь вы сами себе господа»³⁹.

Казанский губернатор Я. Л. Брант в своем донесении Сенату от 8 января 1774 г. особо отмечал, что «обольщению» «чорного народа ... разными льготами и вольностью» способствовало то, что пришедшие в губернию башкирские повстанческие отряды местным крестьянам «никаких обид и озлоблений не делают»⁴⁰. Последнее подтверждается и повстанческими документами: в башкирских конных отрядах крестьяне видели защитников от нападений карательных команд. Поэтому, например, жители с. Мамадыш просили походного старшину Кузмета Ишменова прислать «на постой в их село ... команду из башкир, примерно сто человек»⁴¹.

По показаниям крепостного крестьянина д. Тубы Терсинской вол. Арской дороги Абзалила Сулейманова на допросе 19 мая 1774 г. в Казанской секретной комиссии, в декабре в их волость прибыл отряд из 800 чел., посланный из-под Мензелинска полковником Каранаем Мратовым для набора «в казаки» местного населения и сбора фуража. Абзалил присоеди-

нился к пугачевцам и за большую активность в формировании отряда был награжден Каранаям чином походного старшины⁴². Также на основании показаний пугачевца В. Андреева, удмурта д. Лекошмес Моня Терсинской вол., на допросе в Казани известно, что 24 декабря в д. Терсу вступил новый отряд из Уфимской провинции во главе с башкирскими старшинами Киргизской вол. Елдашем Москововым и Кыр-Иланской вол. Аптикеем Москововым, тептярским старшиной (ясачных татар) Казанской дороги Ишкуватом Давлетбаевым, мишарским старшиной Ногайской дороги Ягафером Кучукаевым. Вместе с отрядом повстанческого старшины, татарского мурзы Казанской провинции Юскея Кудашева они захватили Варзино-Алексеевский завод. Для разбирательства «обид», накопившихся у крепостных Тевкелева и крестьян, приписанных к Ижевскому заводу, старшины послали выборных в Берду⁴³. Из Терсинской вол. повстанцы направились к Ижевскому заводу. 1 января походные старшины Юскей Кудашев и башкир Бакей Абдуллин с командой в 500 человек из татар, башкир и удмуртов были радушно встречены на Ижевском заводе, а затем в деревнях Рождественской волости. Возросший за счет заводских крестьян повстанческий отряд собирался идти дальше к Воткинскому заводу, но с наступлением карателей был отозван на помощь к Кунгуру и Мензелинску⁴⁴.

Русско-башкиро-татарские отряды из жителей Уфимской и Казанской провинций под общим командованием Караная Мратова с декабря 1773 г. и до подхода правительственных войск в середине января 1774 г. держали в осаде Елабугу и Мензелинск, 28 декабря ими был «приклонен» Коринский медеплавильный завод, находившийся в 10 верстах от Елабуги. В ряды повстанцев влилось все годное к службе заводское население, состоявшее из крещеных башкир, татар и калмыков⁴⁵. По Елабужской и близлежащим волостям для набора «казачков» ездили повстанческие отряды из башкир и местных жителей. Сохранилось несколько приказов полковника Караная Мратова за январь 1774 г. повстанческим старшинам, служилым татарам Казанской провинции Шарифу Якубову и Кузметю Ишменову, повстанческому сотнику, экономическому крестьянину д. Чуламы Зюрейской дороги Н. Алексею, действовавшим в районе сел Мамадыш, Елабуга, Бетки. Каранай требовал подготовить отряды к штурму Елабуги, расправиться с упрямыми противниками восстания, но в том случае, если они «покорятся, то не трогать» ни их, ни их имущества. Обращает на себя внимание наставление Караная «армейским людям»: «в походах ходить по хорошим правилам», что, несо-

мненно, означало — не причинять обид и разорения мирному населению⁴⁶.

Повстанцы несколько раз нападали на Елабугу, но взять ее не смогли. 23 января они были разбиты командой полковника Ю. Б. Бибикова⁴⁷.

Формированием повстанческих отрядов на территории Западного Прикамья занимался и башкирский старшина Байлярской вол. Казанской дороги Тойгузи Мамыков, нашедший поддержку священника с. Круглое Поле Елабужской вол. И. Дмитриева⁴⁸. Эмиссары атамана В. И. Торнова вели успешную мобилизацию в татарских и удмуртских деревнях Арской дороги и направляли новых своих «казаков» под Мензелинск⁴⁹. В отряде видного военачальника, пугачевского полковника, служилого татарина д. Псак Казанской провинции Мясогута Гумерова, действовавшего по Арской дороге, были башкиры, татары, удмурты⁵⁰.

В январе татаро-башкирские отряды набирали «казаков» даже в Вятской провинции и «принуждали» крестьян «ис кос делать сабли». Уржумские власти 12 января с тревогой писали генерал-аншефу А. И. Бибикову о появлении башкирского повстанческого отряда в д. Верхняя Гоньба и просили команду для защиты Уржума⁵¹.

Повстанцами, собранными у Заинска, на границе между Казанской и Оренбургской губерниями, командовали походные старшины татарин д. Челны Казанской провинции Нагайбак Асанов и башкир д. Сарали Казанской дороги Уфимской провинции Султаналей Ахметов, направленный к Заинску атаманом В. И. Торновым. Двухтысячный отряд осадил в середине января пригородок Заинск. 15 января жители Заинска добровольно впустили повстанцев в крепость. Гарнизонная команда, как утверждал на допросе в Казани Султаналей Ахметов, сдалась в плен и была препровождена вместе с тремя ее офицерами в Нагайбак. Однако уже 17 января в ходе сражения с командой полковника Ю. Б. Бибикова сопротивление повстанцев было сломлено, и они вынуждены были оставить Заинск, отойти на восток⁵².

Командиры отдельных повстанческих отрядов при подготовке крупных боевых операций сколько-то пытались действовать согласованно. Например, пугачёвский полковник Мясогут Гумеров послал к Каранаяу Мратову полторатысячный отряд под Мензелинск и отряд из 250 человек под Елабугу. На помощь отрядам, осаждавшим Мензелинск, в январе 1774 г. прибыл и отряд Юскея Кудашева⁵³.

В январе, когда восстание в Западном Прикамье ещё шло по восходящей, повстанцам уже пришлось крепко обороняться

от наступавших правительственных армейских команд. Повстанческое движение несло здесь самые тяжелые потери. Пугачёвские отряды редели с каждым днем. А многие крестьяне, оставив свои отряды, разбежались по деревням. Но часть восставших организовано отступила в Уфимскую провинцию. Среди них — отряд полковника Мясогута Гумерова, ушедший к Уфе⁵⁴.

Отряды из Башкортостана, прибывшие в Красноуфимско-Кунгурский район, стали запалом восстания в западной и южной частях Екатеринбургского горного ведомства Сибирской губернии. Они входили в состав отряда замечательного деятеля Крестьянской войны отставного канонира, государственного крестьянина Пермской провинции И. Н. Белобородова. Тот был отправлен в начале января из-под Кунгура к Екатеринбургу. 6 января Белобородов вошел в Ачитскую крепость, которая уже была «приклонена императору Петру III» башкирами-пугачёвцами. В течение нескольких дней на сторону повстанцев перешли ещё три крепости — Бисертская, Кленовская и Грбовская, расположенные на Большой Московской дороге и прикрывавшие Екатеринбург с запада⁵⁵. 18—19 января Белобородов «склонил в злодейское послушание без всякой же от завоцких жителей обороны» Билимбаевский, Верхний и Нижний Шайтанские заводы⁵⁶. Всякая связь между администрациями Кунгура и Екатеринбурга была прервана. Во второй половине января — феврале повстанческая власть была установлена на Уткинском, Ревдинском, Сылвенском заводах. Численность отряда Белобородова возросла с 600 человек до 4—5 тысяч. В «государственном военном корпусе», как сам Белобородов называл свое войско, командиром отряда башкир и татар был повстанческий сотник башкир Егафар Азбаев⁵⁷.

Повстанческим отрядам удалось блокировать Екатеринбург. 25 января член Главного правления заводов полковник В. Ф. Бибииков с тревогой сообщал генералу И. А. Деколонгу о том, что пугачёвцы стоят в 40 верстах от города, а попытки втянуть в бой с ними собранный властями отряд из 500 мастеровых и крестьян, окончились безрезультатно. «Вместо поражения, — возмущался полковник, — открылся с обеих сторон почти дружеский разговор», а пушки стреляли «по пустому лесу». Поэтому «начальники» поспешили вернуть «ополчение» в город⁵⁸.

Как человек служилый, И. Н. Белобородов много работал над организацией своего «корпуса», уделял внимание укреплению в нем дисциплины, принципа единоначалия. В своем «объявлении» есаулу Красноуфимской станичной избы М. Д. Чигвинцеву он изложил обоснованные и оправданные

взгляды на роль повстанческого командира: при соблюдении принципа выборности командиров, на эту должность следовало подбирать человека «верного, смелого» и инициативного, «ибо армия всегда одним доброго распоряжения человеком против неприятеля ободрена»⁵⁹. А в наставлении сотникам, командовавшим русскими, башкирскими, татарскими и марийскими «казаками», Белобородов требовал «воинскую команду содержать во всякой строгости и вам [в] послушании». Нарушителей дисциплины и замеченных в мародерстве повстанцев он предлагал публично наказывать «без всякой пощады плетями: русских — при собрании русской и татарской команд, татар — потому ж, при собрании татарской и русской команд»⁶⁰.

Белобородов, определенно, задумывался о единстве действий повстанческой армии, о согласованности военных акций отдельных отрядов, выступлений различных сил народного движения. Он старался поддерживать связь с Бердским и Чесноковским повстанческими центрами, Красноуфимской станичной избой. В конце января отправил пространный рапорт в Берду о своих действиях на заводах Екатеринбургского ведомства и получил в ответ указ «Петра III»-Пугачёва о назначении его атаманом,⁶¹ а затем и — полковником. В Военную коллегию и другие органы восстания шли от него рапорты и извещения, и он получал встречные распоряжения и доклады, которые вместе и в целом отражали усилия предводителей движения ввести в стихию народной борьбы организующие и дисциплинирующие начала. По свидетельству пугачёвского атамана, отставного гвардии фурьера М. Т. Голева, И. Н. Зарубин посылал его с разными сообщениями к полковнику И. Н. Белобородову⁶². В Красноуфимске подробно знали об успехах походного атамана и полковника И. Н. Белобородова, в частности, об осаде им Екатеринбурга⁶³. Сохранившиеся документы позволяют предположить, что как раз по совету Белобородова Красноуфимской станичной избой был отстранен от командования повстанческими отрядами в районе Красноуфимска атаман станичной избы М. Е. Мальцев, уличенный в пьянстве, а руководство ими было передано повстанческому полковнику башкиру д. Казылбаево Дуванской вол. Сибирской дороги Ишменю Иткулову. Красноуфимскому есаулу Чигвинцеву и Ишменю Иткулову, собиравшим в феврале силы для нового похода на Кунгур, Белобородов послал 10 пушек с ядрами и картечью⁶⁴. Но направить туда часть своего «корпуса» он не смог, так как сам вынужден был обороняться от наступающих карательных команд.

Администрация Екатеринбургского ведомства приложила немало усилий для отпора повстанцам. Ей удалось настроить

против восставших часть заводского населения и сформировать из них команды в помощь правительственным частям. В середине февраля к ним прибыли регулярные войска из Кунгура и Тобольска. После ряда неудачных для повстанцев боев Белобородов с частью своих отрядов ушел в Исетскую провинцию⁶⁵. Причины поражения повстанцев и заметного спада народного движения на Среднем Урале заключались, прежде всего, в пестром социальном составе заводского населения, определившем неравномерное и непоследовательное его участие в восстании. Да и отдаленность региона от основных центров восстания сыграла роль. Народное движение охватило этот край в пределах времени с конца декабря 1773 г. до января 1774 г., когда уже местные власти успели укрепить заводы и города и добиться изоляции части населения от восстания.

§ 7. ВОЕННЫЕ НЕУДАЧИ ВОСТАВШИХ В МАРТЕ—АПРЕЛЕ 1774 г.

К концу 1773 г. восстанием была охвачена вся Оренбургская губерния, смежные районы Казанской и Сибирской губерний. В блокаде были крупные административные центры края Оренбург, Уфа, Челябинск, Ставрополь, Мензелинск. Повстанцы захватили Яицкий городок (кроме городского укрепления, где засел в осаду местный гарнизон), Самару, Гурьев городок. Их отряды появились под Казанью, Кунгуром, Екатеринбургом. Народное движение продолжало расти и набирать силу. Командующий карательными войсками генерал-аншеф А. И. Бибиков убеждал Екатерину II в том, что «к остановлению успехов злодейских и к удержанию» народных масс от поддержки восстания «не вижу я иных еще способов, как воинская сила»¹.

И в январе 1774 г. против повстанцев даже в условиях продолжавшейся войны с Турцией были направлены крупные воинские соединения. Через Волгу были переброшены 8 полных полков (2 карабинерных, 2 пехотных, 2 гусарских, гренадерский и казачий), 4 легкие полевые команды. Позднее к ним подошли 3 полка малороссийских и донских казаков. Кроме того, в состав армии А. И. Бибикова входили несколько дворянских ополчений, а также — местные гарнизонные команды и войска, присланные в Башкирию из Сибирской губернии под командованием генералов И. А. Деколонга и С. К. Станиславского².

В соответствии с распоряжениями А. И. Бибикова войска предприняли наступление в нескольких направлениях. Глав-

ные карательные силы под началом генерал-майоров П. М. Голицына, П. Д. Мансурова и Ф. Ю. Фреймана были направлены к Оренбургу. Корпус генерал-майора А. Л. Ларионова получил приказ двигаться к Уфе, а Деколонгу было рекомендовано в конце января «зделать движение к Оренбургу, показывая вид, что идете к Башкирии, дабы тем зделать диверсию» восставшим³.

В январе—феврале карательные войска, развернувшие наступление от Казани до Самары, нанесли ряд крупных ударов по повстанцам, вынудив их отступить на восток. На территории Самаро-Волжского повстанческого района — в Бугуруслане, Бугульме, на Самарской дистанции крепостей в марте 1774 г. было сконцентрировано до 8 тыс. солдат и офицеров. В то же время к Бугуруслану направлялись воинские части под командованием генерал-майора П. М. Голицына. Генерал П. Д. Мансуров двигался по Старо-Московской дороге вдоль Самарской дистанции.

На помощь пугачевским отрядам И. Ф. Арапова, Ф. И. Дербетева и Абдрешита Аитова, собравшимся у Бузулукской крепости, из Берды была послана команда во главе с яицким казаком С. Л. Речкиным. Их общие силы составили 2 тыс. человек при 15 пушках. 14 февраля после трехчасового сражения с командами П. Д. Мансурова повстанцы отступили к Сорочинской крепости. К тому же, в ходе боев с пугачевскими отрядами на территории Самаро-Волжского района правительственным войскам удалось отбить у них 34 пушки⁴.

В начале марта к Сорочинской крепости подошел отряд атамана А. А. Овчинникова, а затем прибыл с 1500 казаками и 10 орудиями сам Е. И. Пугачев. Узнав о приближении правительственных войск, 6 марта Пугачев выслал навстречу врагу к д. Пронкино (в 37 верстах от Сорочинской крепости) отряд из 2300 чел. под предводительством Арапова, Дербетева и Речкина. Вслед за ними двинулся и сам. Внезапное нападение позволило повстанцам захватить деревню и отбить у расположенного там майора Елагина две пушки. Но, оправившись от неожиданного удара, команда Елагина перешла в наступление и вынудила отступить пугачевцев самих⁵.

11 марта у Сорочинской крепости войска Голицына соединились с корпусом Мансурова. Пугачев решил дать бой правительственным войскам у Татищевой крепости, прикрывавшей дороги на Оренбург, Илецкий и Яицкий городки. Вокруг крепости пугачевцы соорудили снежный вал, на котором были расставлены пушки.

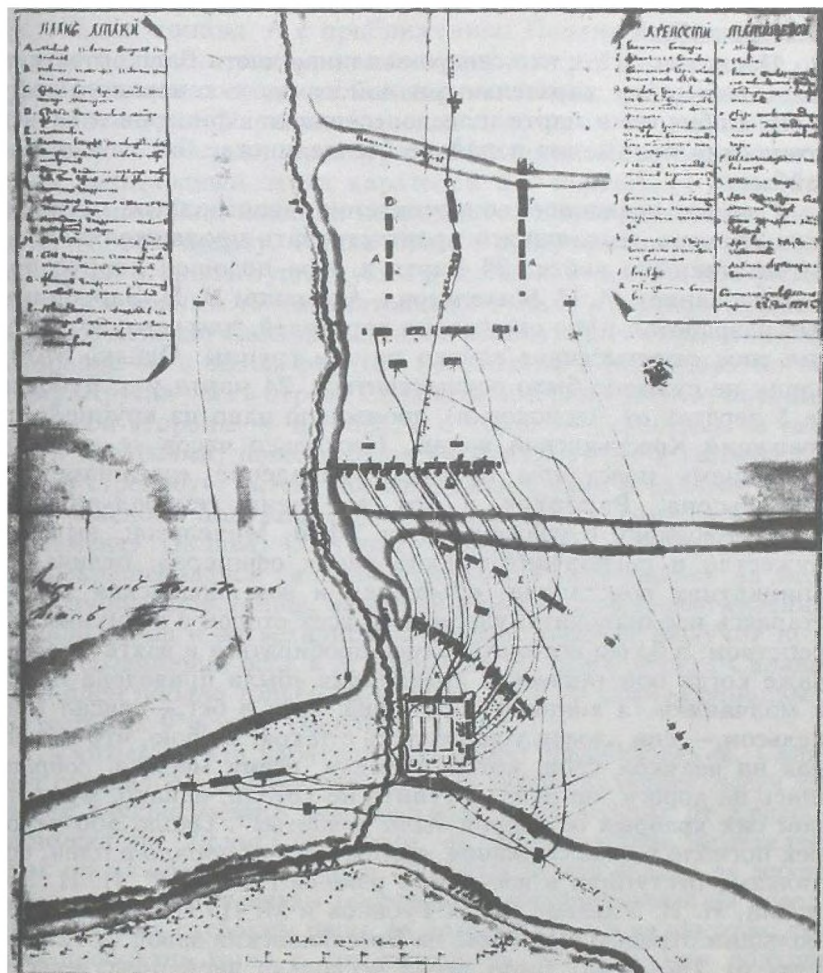
22 марта войска под командованием П. М. Голицына, насчитывавшие приблизительно 6500 человек при 22—25 орудиями

ях, встретились на поле боя у Татищевой крепости с Главным повстанческим войском. Пугачев, по различным данным, сосредоточил от 7 до 9 тысяч человек при 36 пушках. Четыре часа продолжалась артиллерийская перестрелка. Затем сражение развернулось у стен и в самой крепости. Генерал Голицын в своем рапорте А. И. Бибикову сообщал, что был поражен воинской инициативой и храбростью повстанцев: «дело столь важно было, что и не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле»⁶. А генерал Ф. Ю. Фрейман позднее в своих воспоминаниях писал о стойкости, с которой повстанцы отстаивали свои позиции: «Из крепости на нас двинулось много народу ... в одних рубахах, перевязав головы белыми платками, они защищались отчаянно длинными пиками, но вынуждены были уступить»⁷. Противостоять наступлению регулярных войск, руководимых опытными генералами и офицерами, повстанцы не могли. Шестичасовая кровопролитная битва закончилась тяжелым поражением пугачевцев. Около 4 тысяч повстанцев было захвачено в плен, две с половиной тысячи погибли в сражении. Инсургенты потеряли всю артиллерию. Пугачев вынужден был снять осаду Оренбурга и отступить к Сакмарскому городку. Но 1 апреля его пятитысячной армии вновь пришлось вступить в бой с частями преследующих ее правительственных войск. Повстанцы были разбиты и рассеяны. В плен попало 2813 человек, убитых было более 400 человек⁸. С остатками своих отрядов Пугачев ушел в горнозаводской район Южного Урала, за южную излучину реки Белой.

В сражениях под Татищевой крепостью и Сакмарским городком Пугачев потерял почти все свое многотысячное войско. Были захвачены в плен его ближайшие сподвижники М. Г. Шигаев, И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков, Т. И. Падуров, А. Т. Соколов-Хлопуша, погиб в бою И. Ф. Арапов.

Серьезные поражения понесли в марте и пугачевские отряды, действовавшие на территории Уфимского повстанческого района.

6 марта в Нагайбакскую крепость вступили войска генерал-майора А. Л. Ларионова, отправленные на помощь осажденной Уфе⁹. Через два дня произошло сражение с повстанцами, отступившими к д. Стерлитамаково. 12 марта Ларионову пришлось штурмовать сооруженный пугачевским полковником И. И. Ульяновым в Бакалах «ретранжамент из деревянного заплоту с башнями и снежным валом», где были расставлены три 4-фунтовые и пять небольших судовых пушек. Когда повстанцы расстреляли весь порох, Ульянов отдал приказ оставить Бакалы. Атакуемый со всех сторон отрядами Торнова, Кара-

План сражения у Татищевой крепости 22 марта 1774 г. (Составлен в походной канцелярии генерала П. М. Голицына)

ная Мратова, Ульянова, генерал Ларионов не решился двинуться вслед. А вернее, надо полагать, струсил: ведь его медлительность и стала причиной его отзыва и замены подполковником И. И. Михельсоном¹⁰.

18 марта Михельсон прибыл в Бакалы и в тот же день выступил к Уфе¹¹. Спустя четыре дня в Бакалы вступил отряд

полковника А. Ф. Обернибесова, а полковник Н. Н. Кожин занял Нагайбак¹².

Несмотря на то, что северо-западная часть Башкортостана была наводнена карательными войсками, к генерал-аншефу А. И. Бибикову в марте шли донесения от офицеров о «ненадежности» положения в районе Мензелинска, Бакалов и Нагайбака¹³.

Сломив отчаянное сопротивление авангардных пугачевских отрядов, пытавшихся препятствовать продвижению правительственных войск, 24 марта к Уфе подошел корпус под командованием И. И. Михельсона. Атаманом И. Н. Зарубиным был разработан план окружения карателей, для чего он разделил свое семитысячное войско на три группы. Однако этому плану не суждено было осуществиться. 24 марта у д. Зубовки (в 5 верстах от Чесноковки) произошло одно из крупнейших сражений Крестьянской войны. Несколько часов «с великим отчаянием» повстанцы отбивали нападение «деташамента» Михельсона. Рапортуя в тот же день генерал-аншефу А. И. Бибикову о сражении под Уфой, Михельсон, выделяя мужество и распорядительность своих офицеров, отличал и инициативу повстанцев: «Лыжники и вся злодейская толпа, стараясь нас окружить, ударили со всех сторон с великим свирепством, а более всего старались пробираться и взять тыл». И даже когда повстанческая артиллерия «была приведена почти к молчанию», а конница «обращена была в бег,— писал Михельсон,— сии злодеи усиливались с такою злобою, что невзирая на великой урон, которой имели, всеми мерами, собравшись на дорогу, ни шагу уступить не хотели, однако, мужеством сих храбрых офицеров были разбиты»¹⁴. Около 500 человек погибло в ходе сражения, свыше тысячи попало в плен, остальные отступили в восточные районы губернии¹⁵. И. Н. Зарубин, И. И. Ульянов, И. В. Губанов и М. П. Толкачев, с небольшим отрядом бежавшие на Богоявленский завод (в 12 верстах от Табынска), были через несколько дней предательски схвачены табынским казачьим капралом А. Кузнецовым и выданы Михельсону¹⁶.

В середине марта повстанцы Красноуфимско-Кунгурского района были оттеснены в Башкирию командой подполковника А. В. Папава. 14 марта в двух верстах от Красноуфимска произошло сражение карателей с отрядом Салавата Юлаева. 38-летний ветеран всех войн России, отсчитывая с Семилетней войны против Пруссии, был во всех отношениях сильным противником народных ополченцев.

А. В. Папав старался не отставать, не упускать из виду разбежавшиеся конные группы повстанцев. Но и Салават

Юлаев через своих разведчиков следил за продвижением карательных команд. А с приближением Папава к Красноуфимску 14 марта сам выступил навстречу врагу. Трехтысячный отряд Салавата состоял из башкир, мишарей, рабочих людей Саткинского и Саранинского заводов, русских, татарских и марийских крестьян, оренбургских казаков. Повстанцы атаковали авангардный отряд карателей в 3 верстах от крепости. Под их натиском конница неприятеля отступила, смешав шедшую за ней пехоту. Папав бросил в бой резервные части и приказал открыть пушечную и ружейную стрельбу. Его расчет оказался верным. У салаватовцев не было ни одной пушки и мало ружей. Но Салават пытался использовать свою конницу, направив ее в обход флангов неприятеля и для удара по его тылу. Другая часть отряда Салавата, выбрав удобную позицию с правой стороны — на горе, а с левой — укрываясь за овинами и сараями, повела «изретка ружейную, — а сильную из луков стрельбу». Затем они собрались вместе и единым фронтом, «заслоня положение Красноуфимска, подвигались на дещатамент» Папава. Отступить повстанцев заставила только непрекращающаяся сильная стрельба. Разделившись на мелкие группы, повстанцы, исчерпав возможности сопротивления, начали отход и разъехались по разным дорогам, получив приказ о соединении всех в д. Бугалыш. Из всего отряда Салавата в плен попало только 12 человек, да и то тяжело раненных, из которых 9 вскоре умерли¹⁷.

Учитывая, что каратели продолжают преследование, Салават готовился к новому бою. Собрав свыше полутора тысяч человек и укрепившись в д. Бугалыш, в 35 верстах от Красноуфимска по Уфимской дороге, он ждал подхода карателей. Как писал полковник Папав, 17 марта за три версты от деревни он заметил разъезды повстанцев, «поставленные на горах, отделяющих глубоким рвом, за которой, тож и за высотой тех гор пробратца было к ним невозможно». Поэтому при подходе карателей к деревне повстанцы уже были готовы к бою. Команда Папава шла к деревне в обход по глубокому снегу, так как повстанцы заблаговременно разломали мост через р. Бугалыш. У дороги в деревню были поставлены 30 возов сена, за которыми повстанцы «большими кучами таились, льясья себя наглым из-за онаго ... нападением». По пехоте противника они стреляли из основного своего оружия — луков. Глубокий снег (в пояс) мешал действиям их конницы. Исход боя, как и под Красноуфимском, был решен пушечной и ружейной стрельбой, открытой карателями. В этих сражениях каратели сделали 87 пушечных выстрелов, 2687 ружейных.

Подробное описание этих боев в обстоятельных рапортах Папава, свидетельства захваченных в плен повстанцев, переписка кунгурских властей с Сенатом позволяют выявить высокие военные способности Салавата. Они выражались в умении руководить большими группами повстанцев, верном использовании природных особенностей местности при выборе позиций для сражений, продуманной тактике оборонительного боя. В отряде Салавата была хорошо налаженная разведка и караульная служба. Его конница, меняя тактику по ходу боя, действовала как в рассыпном строю, так и в атаке лавой. Повстанцы умело действовали из-под укрытий (овины, постройки, возы сена и пр.). И хотя добиться успеха против хорошо вооруженных, прошедших воинскую выучку команд повстанцы не могли, но, измотав противника, отходили в относительном порядке, сберегая силы для новых боев¹⁸.

После сражения 17 марта Салават продолжал пополнение своего отряда, прибегая при этом и к устной агитации, и к мобилизации. Через несколько дней после сражения с Папавом он отдает приказ своему сотнику Илятбаю Илимбаеву о наборе повстанцев: «В силу его императорского величества государя Петра Фёдоровича указа от меня, полковника Салавата Юлаева, повелевается сотнику Илятбаю Илимбаеву, чтоб для усерднаго стояния командою своею и для сражения против воров и противяющихся государю, взяв ис каждого дому конных и пеших, выслать в государеву службу, не оставлявая годных в службу и не приемля от них отговорок. А естли кто будет чинить упрямство, то, поймав таковых, прислать к нам при репорте своем. А нижеписанным подкомандующим обывателям подтверждается, чтоб быть вам под всяким послушанием повеления оного сотника Илятбая Илимбаева и служить под опасением государева штрафа». И вскоре ему был представлен поименный список отряда, сформированного из 163 жителей деревень северо-западной части Башкирии: Юзей, Ремжа, Алюш, Бадраш, Кызыляр, Кисакаипово¹⁹.

Крупные сражения с карателями происходили весной 1774 г. и на территории Исетской провинции. В начале марта несколькими отрядами удалось объединиться для отпора корпусу Деколонга, выступившему из Шадринска. Повстанческое войско насчитывало до 7 тысяч человек с 31 пушкой. Но 9 марта в бою под Уксянской слободой повстанцы потерпели серьезное поражение и отступили к Челябинску²⁰. Командующий правительственными войсками А. И. Бибииков снова потребовал от Деколонга незамедлительно «обратить ... силы на Башкирь»²¹. В помощь ему была направлена команда майора Д. О. Гагина.

Продвигаясь по территории провинции, команда Гагриня трижды, 11, 20 и 21 марта, вступала в бои с повстанцами под Каслинским и Кыштымским заводами. Пугачёвские отряды, отчаянно сопротивляясь, отходили к Челябинску. Но с уходом Гагриня в тылу правительственных войск «в пределах Кыштымского и Каслинского заводов, по-прежнему, хозяйничали башкирцы»²².

Первый этап Крестьянской войны завершился рядом крупных военных неудач восставших. Но это не привело, как ожидали военачальники Екатерины II, к скорому подавлению восстания. В апреле 1774 г. народное движение на Урале вспыхнуло с новой силой.

§ 1. Начало Крестьянской войны. Бердский повстанческий центр

¹ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 6—11; Буганов В. И. Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева // Вестник АН СССР. 1974. № 9. С. 79.

² Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX вв. М., 1971. С. 83—102.

³ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 16.

⁴ Протокол показаний М. А. Кожевникова на допросе 16 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1940. Т. 9, кн. 2. С. 694.

⁵ Белявский М. Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1978. № 3. С. 18.

⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений (далее Документы ставки Е. И. Пугачева). М., 1975. С. 23, 371.

⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 131.

⁸ Цит. по: Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 185.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 421. Л. 2.

¹⁰ Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М., 1980. С. 23—25.

¹¹ Овчинников Р. В. Там же. С. 23—27.

¹² Рябинин А. Уральское казачье войско. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1866. Ч. 1. С. 52.

¹³ Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 27.

¹⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 24; Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 138.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9, кн. 2. С. 553, 585, 586, 602; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 83; Восстание Емельяна Пугачева. С. 136—140; Дубровин Н. Указ. соч. Т. 2. С. 20—25; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 108—113; Овчинни-

- ков Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 73—81; *Он же*. За пушкинской строкой. Челябинск, 1988. С. 40—41.
- ¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9, кн. 2. С. 552—553, 584—586.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 644; Восстание Емельяна Пугачева. С. 140.
- ¹⁹ Восстание Емельяна Пугачева. С. 141—142.
- ²⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 188.
- ²¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 23—25, 33, 41, 42; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 29—32, 168, 171—173, 183—185, 192—194, 198—199.
- ²² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 23—24.
- ²³ Восстание Емельяна Пугачева. С. 138, 153.
- ²⁴ Вопросы истории. 1973. № 8. С. 103.
- ²⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 111.
- ²⁶ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3383. Л. 58.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 271—277; Пугачевщина. Т. 2. С. 125; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 195.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 10, 23.
- ²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 25, 29, 30, 33; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 40—41, 45—49, 165, 174, 197, 207.
- ³⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 25; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 40—41.
- ³¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 7, 20, 23; Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 199, 205, 207.
- ³² РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 14, 16; Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 9, ч. 1. С. 206—355.
- ³³ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 20—21; Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 208; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 9, ч. 2. С. 504.
- ³⁴ Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 80—83; Вып. VII. С. 339—340; РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 21; Пугачевщина. Т. 2. С. 133.
- ³⁵ Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 84—85, 185.
- ³⁶ Вопросы истории. 1973. № 8. С. 110.
- ³⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 25—28; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 135—142.
- ³⁸ Восстание Емельяна Пугачева. С. 142.
- ³⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 133.
- ⁴⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 110, 113, 117, 123; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 13.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 12; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. С. 4, 10; Красный архив. 1935. № 1 (68). С. 168; *Гвоздиков И. М.* Салават Юлаев. С. 122—126.
- ⁴² РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 3, 16—17; РГАДА. Ф. 1100. Д. 5. Л. 68.
- ⁴³ *Кулбахтин Н. М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1984. С. 46—47.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 9, 20—21; Пугачевщина. Т. 3. С. 232.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 17.
- ⁴⁶ *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775). Элиста, 1971. С. 70—72.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 10; Пугачевский бунт. Хроника происшествий // Оренбургские губернские ведомости. № 26. 26 июня 1869. С. 141—146.

⁴⁷ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 117.

⁴⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 111.

⁴⁹ Там же. Т. 3. С. 207—214.

⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 111.

⁵¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 508, ч. 2. Л. 5.

⁵² Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 57—58, 93—94.

⁵³ РГАДА. Ф. 6. Д. 508, ч. 2. Л. 5.

⁵⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 388—389; Т. 3. С. 214.

⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 110, 389; Овчинников Р. В. Источники изучения социального состава повстанческих отрядов Е. И. Пугачева // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Уфа, 1977. С. 112—118.

⁵⁶ Пугачевщина. Т. 2. С. 389.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 418—422; Д. 1233. Л. 438; РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 35; Ф. 349. Д. 7183. Л. 187; Пугачевщина. Т. 2. С. 415—416.

⁵⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 188.

⁵⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 28—29, 33, 34, 39—41, 377—379, 384—385.

⁶⁰ Там же. С. 33.

⁶¹ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова). С. 253, 257, 266, 270, 271, 279, 283, 284, 303, 304, 310, 311, 313, 314.

⁶² Там же. С. 232, 238, 252, 263, 270, 271, 273, 274, 277, 298, 303, 304, 306, 307, 310, 312.

⁶³ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 13—23, 51—73.

⁶⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9, кн. 2. С. 562.

⁶⁵ Там же. Кн. 1. С. 253—314; Кн. 2. С. 571, 608.

⁶⁶ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 127—130.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 13—23, 64.

⁶⁸ Там же. Л. 73—74; Осада Оренбурга (Летопись Рычкова). С. 295—298; Исторический архив. 1960. № 1. С. 154—156.

⁶⁹ Гвоздикова И. М. Журнал оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 131—136.

⁷⁰ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1, ч. 1. Ст. 437—444; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 9.

⁷¹ Анучин Д. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара // Русский вестник. 1869. Т. 81. С. 387.

⁷² Дубровин Н. Указ. соч. С. 105—109; Пугачевщина. Т. 3. С. 209—210; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 171—180.

⁷³ Грот Я. К. Труды. СПб., 1901. Т. IV. С. 488—489.

⁷⁴ Восстание Емельяна Пугачева. С. 144—145.

⁷⁵ Neue Nordische Miscellaneen. Riga, 1794. № 7—8. S. 374—377.

⁷⁶ Пугачевский бунт. Хроника происшествий // Оренбургские губернские ведомости. № 26 июня 1869 г. Отд. 2. С. 141—146; Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 208—209; Красный архив. 1935. № 68. С. 165—167; Пугачевщина. Т. 2. С. 144.

⁷⁷ Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. С. 5—8, 22—30; Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. С. 86—96.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 3. Л. 133.

⁷⁹ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии (далее Крестьянская война). Уфа, 1975. С. 55.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 118; Пугачевский бунт. Хроника происшествий // Оренбургские губернские ведомости. № 27. 5 июля 1869. С. 149—150; *Попов С. А.* От Оренбурга до Орска // Под знаменами Пугачева. Челябинск, 1973. С. 190—191; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 197.

⁸¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 72—73.

⁸² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 53—78.

⁸³ Пугачевщина. Т. 2. С. 111.

⁸⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 55, 60, 61, 152, 208, 249—252, 362, 392; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири (далее Крестьянская война 1773—1775 гг.). С. 63—92; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 198.

§ 2. Нижнеяицкий повстанческий район

¹ *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966. С. 84. По другим данным, в военной команде Симонова было 738 чел.— *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. С. 44.

² *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 183—185.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 13. Л. 135—136.

⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 108—109, 125, 164—165, 390—391; Восстание Емельяна Пугачева. С. 146; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 185—187.

⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 108; 125; Восстание Емельяна Пугачева. С. 149.

⁶ *Чеботарев В. А.* Яицкий городок в XVIII в. // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 118—120.

⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 109, 164—165.

⁸ Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104—105.

⁹ *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 101—102.

¹⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 65, 103.

¹¹ *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 113.

¹² Пугачевщина. Т. 2. С. 165; Вопросы истории. 1966. № 4. С. 118; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 407.

¹³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 169—174.

¹⁴ *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 194, 200, 204—205.

¹⁵ Вопросы истории. 1966. № 4. С. 119.

¹⁶ Восстание Емельяна Пугачева. С. 151.

¹⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 109.

¹⁸ *Рябинин А.* Указ. соч. С. 56—57; *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. Т. 2. С. 270—274.

¹⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 110.

²⁰ Восстание Емельяна Пугачева. С. 153; *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. Т. 2. С. 267—285; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. С. 45—48.

- ²¹ Восстание Емельяна Пугачева. С. 151—152; *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 114—115.
- ²² Пугачевщина. Т. 2. С. 109—110.
- ²³ Там же. С. 114, 144.
- ²⁴ *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 46—49; *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 113.
- ²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 42.
- ²⁶ *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 204—205.
- ²⁷ *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг... С. 50.
- ²⁸ Вопросы истории. 1973. № 8. С. 106.
- ²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 105—106.
- ³⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 176.
- ³¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 104—107.
- ³² Пугачевщина. Т. 2. С. 220, 395, 446.
- ³³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 57; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 393—394; Пугачевщина. Т. 2. С. 225.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 173—174.
- ³⁵ Там же. Л. 58; *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 149.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 224.
- ³⁷ Там же. Д. 1237. Л. 409.
- ³⁸ Там же. Д. 1239. Л. 309.
- ³⁹ *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. С. 54.
- ⁴⁰ Там же. С. 54—55.

§ 3. Уфимский район народного движения. Чесноковский повстанческий центр

- ¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 25—28; 35—38; Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988. С. 42—45; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 80—82, 84—86.
- ² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 27.
- ³ Там же. С. 35—38.
- ⁴ Там же. С. 26—28, 38.
- ⁵ Очерки истории башкирского литературного языка. М., 1989; *Халикова Р. Х.* Язык башкирских шежере и актов документов XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 8—14. В силу делопроизводственной традиции тюркоязычные документы на арабской графике обозначались как татарские.
- ⁶ *Усманов М. А.* Предисловие к сб. док. «Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье». С. 13, 16.
- ⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 38.
- ⁸ Там же. С. 373—374, 379—385.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 196. Л. 317; Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. V. С. 533—588, 590, 592, 594, 596—597, 601—602. Количественные данные о ясачных крестьянах даны по сведениям на 1762 г.
- ¹⁰ Материалы по истории СССР. Вып. V. С. 573—580, 600—602.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 133, 134 об.
- ¹² Там же. Л. 101 об.; РГАДА. ф. 6. Д. 507, ч. 2. Л. 266.

- ¹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 443. Л. 5; ГАОО. Ф. 3. Д. 140. Л. 31.
- ¹⁴ *Плотников Г.* Далматовский монастырь в 1773 и 1774 гг. или в Пугачевский бунт // Чтения ОИДР. М., 1859. Кн. 1. С. 21.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 1, 2; Ф. 6. Д. 592. Л. 498—500; Д. 507, ч. 4. Л. 210—215; Д. 627, ч. 2. Л. 378—379; ч. 11. Л. 17; Крестьянская война. С. 51, 251, 375.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 239, 248; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 62; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 272—273.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 137.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30 об.— 34.
- ¹⁹ Там же. Д. 507, ч. 4. Л. 118—119.
- ²⁰ Там же. Д. 467, ч. 6. Л. 296—297.
- ²¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 98.
- ²² Там же. Ф. 20. Д. 1231. Л. 343.
- ²³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 429.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 22 об.
- ²⁵ Там же. Д. 627, ч. 10. Л. 250—251; ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 132—133; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁶ *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—336; см. раздел 1, гл. II данной работы.
- ²⁷ Вопросы истории. 1966. № 4. С. 117.
- ²⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 30—31, 34, 375, 379; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 175—179.
- ²⁹ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова). С. 247.
- ³⁰ *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 51, 175—179.
- ³¹ Крестьянская война. С. 38, 124; Пугачевщина. Т. 2. С. 268; РГАДА. Ф. 6. Д. 504, ч. 1. Л. 49—51; *Мартынов М. Н.* Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773—1775 гг. // Исторические записки. 1967. Т. 80. С. 287—304; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 241—243.
- ³² РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 4. Л. 30; ч. 6. Л. 34 об.— 35; ч. 7. Л. 23, 25—28, 78—93, 104—110, 116—117, 123—128; ч. 9. Л. 274—278; Д. 507, ч. 3. Л. 537—538; ч. 4. Л. 610—612. О Соколове-Хлопуше см.: *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С. 138—151.
- ³³ Красный архив. 1935. № 68. С. 165.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 2. Л. 276 об.—277; ч. 13. Л. 105 об.; Д. 507, ч. 5. Л. 147—148; Д. 627, ч. 10. Л. 378, 404; Крестьянская война. С. 61.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1339 б. Л. 109—263, 965—998; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 256—291; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 234—274, 328—336.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 259; Д. 1231. Л. 141.
- ³⁷ *Ушаков И. Ф.* Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне // История СССР. 1960. № 6. С. 131—135.
- ³⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 56, 58, 60, 63—65, 393—394.
- ³⁹ Там же. С. 27.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 2. Л. 146 об.
- ⁴¹ РГБ ОР. Ф. IV. Д. 668. Л. 134 об.
- ⁴² РГАДА. Ф. 6. Д. 508, ч. 2. Л. 6.
- ⁴³ Пугачевщина. Т. 2. С. 135; Т. 3. С. 214; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 480—493.

⁴⁴ Пруссак А. В. Заводы, работающие на Пугачева // Исторические записки. 1940. Т. 8. С. 174—207; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 492; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 328—337.

⁴⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 35, 379.

⁴⁶ Там же. С. 36—37, 380—383; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 82—84.

⁴⁷ Материалы. Т. IV, ч. 2. С. 12; см. раздел I, гл. I данной работы.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 185. Л. 165—182.

⁴⁹ Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 185.

⁵⁰ Асфандияров А. З. Чесноковский лагерь под Уфой — второй повстанческий центр Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 69.

⁵¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 60.

⁵² Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 100, 132, 137—139, 142—143.

⁵³ Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. С. 51—58, 76—78, 87.

⁵⁴ Усманов М. А. Указ. соч. С. 8, 10, 25—27.

⁵⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 110—190, 200—257.

⁵⁶ Там же. С. 114, 116, 125.

⁵⁷ Там же. С. 132, 254.

⁵⁸ Кулбахтин Н. М. Башкирский народ в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 56—58.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 504, ч. 1. Л. 168.

⁶⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 112.

⁶¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 7. Л. 335; Ф. 349. Д. 7410. Л. 10—11.

⁶² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 114, 118.

⁶³ Пугачевщина. Т. 2. С. 135.

⁶⁴ Подробнее о И. Н. Зарубине см.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Паняев В. М. Указ. соч. С. 47—73; Овчинников Р. В. Последние страницы биографии пугачевского атамана И. Н. Зарубина-Чики // Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 30—45.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 398—399; Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 321; Крестьянская война. С. 114.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 349. Д. 7410. Л. 12; Овчинников Р. В. Источники изучения социального состава отрядов Е. И. Пугачева // Народы в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 114.

⁶⁷ Крестьянская война. С. 113. Сохранились именные списки пленных повстанцев: РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 85—92; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 161—174.

⁶⁸ Журнал Уфимской комендантской канцелярии. С. 309—316.

⁶⁹ Асфандияров А. З. Чесноковский лагерь под Уфой — второй повстанческий центр Крестьянской войны 1773—1775 гг. С. 69.

⁷⁰ Журнал Уфимской комендантской канцелярии. С. 320—321.

⁷¹ Гвоздикова И. М. Несколько страниц из «Краткого описания губернского города Уфы» // Башкирский край. Вып. 1. С. 17, 25.

⁷² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 228—229; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 63, 142—143.

⁷³ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 125, 127, 129, 132—135, 153, 167, 179, 184, 216—217, 282, 305; РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30; Д. 467, ч. 3. Л. 27; Д. 506. Л. 508 об.— 509.

⁷⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 428.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30—31; Д. 467, ч. 10. Л. 309—311; Д. 592. Л. 139, 140, 463.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 71—72, 425, 493; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 605—608.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 514, 525, 533—535.

⁷⁸ Там же. Л. 612.

⁷⁹ Там же. Л. 533—534; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 338—339.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 116 об.— 117; Д. 512, ч. 1. Л. 94.

⁸¹ Там же. Д. 439. Л. 16—17.

⁸² Там же. Д. 507, ч. 7. Л. 330; Ф. 1274. Д. 195. Л. 308.

⁸³ Там же. Ф. 6. Д. 507, ч. 3. Л. 449.

⁸⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 133—136.

⁸⁵ Там же. С. 243—245.

⁸⁶ Там же. С. 12—13, 205—245.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 185. Л. 165—182.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 55.

⁹⁰ Там же. С. 136—137.

⁹¹ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 155—159.

§ 4. Исетский район восстания. Челябинский повстанческий центр

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 205; ГАОО. Ф. 3. Д. 143. Л. 25.

² Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 185; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 816. Л. 36—38.

³ РГАДА. Ф. 342. Д. 242. Л. 1, 7; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 330, 334.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 205; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 162.

⁵ Кондрашенков А. А. Крестьянская война 1773—1775 гг. в Зауралье // Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. С. 195.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 145, 170, 251—253, 255; Д. 1235. Л. 359, 544; Крестьянская война. С. 98—101, 364.

⁷ Крестьянская война. С. 98—99.

⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 3. Л. 181, 199.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 78—79.

¹⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 258.

¹¹ Крестьянская война. С. 99.

¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 76—78; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 10. Л. 191—192; Д. 504, ч. 2. Л. 284, 286—288; Д. 507, ч. 3. Л. 440—441; Д. 627, ч. 10. Л. 401 об.; Пугачевщина. Т. 1. С. 195.

¹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 5, 6, 378, 404—405; Пугачевщина. Т. 2. С. 323—325.

¹⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 3. Л. 336, 337.

¹⁵ *Середа* — 2-й Н. Исетская провинция во время Пугачевского бунта и генерал-поручик Деколонг // Справочная книжка Оренбургской губернии на

1870 г. Оренбург, 1870. С. 3—4; *Кондрашенков А. А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962. С. 122.

¹⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 270—273, 279—286, 429, 433—437; подробнее о И. Н. Грязнове и Г. Туманове см.: *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М.* Указ. соч. С. 112—137.

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 370; Д. 490, ч. 2. Л. 390—391; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 288.

¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 239, 250—251.

¹⁹ Там же. Л. 239, 370; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 280.

²⁰ Архив ПФИРИ РАН. К. 51. Оп. 1. Д. 33. Л. 22; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 280.

²¹ Восстание Емельяна Пугачева. С. 161; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 282, 437.

²² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 276—278, 283, 381, 396, 435, 436.

²³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 394—397; Д. 467, ч. 3. Л. 28—29; Д. 507, ч. 5. Л. 41—45; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 176, 220—225.

²⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 271—272, 433.

²⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 434.

²⁶ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 216—222; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 168—170.

²⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 239.

²⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 56.

²⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 370, 380 об.; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 270—272.

³⁰ *Сидоренко С. А.* Челябинск в Крестьянской войне 1773—1775 гг. // Из истории Южного Урала. Челябинск, 1975. Вып. 9. С. 3—9; РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 343.

³¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 2. Л. 126.

³² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 239—245.

³³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 370—371; Пугачевщина. Т. 2. С. 56.

³⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 504, ч. 3. Л. 188—189; РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 455.

³⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 628.

³⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 323—326, 374—375; Д. 1233, ч. 1. Л. 42—43.

³⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 2. Л. 390—391; Д. 627, ч. 10. Л. 250—251.

³⁸ Там же. Д. 504, ч. 3. Л. 179—180, 190—191.

³⁹ Там же. Д. 627, ч. 10. Л. 645.

⁴⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 414.

⁴¹ Там же. С. 434; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 279—286.

⁴² Пугачевщина. Т. 2. С. 414—415.

⁴³ *Кондрашенков А. А.* Крестьянская война 1773—1775 гг. в Зауралье. С. 205.

⁴⁴ Там же. С. 214—215.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 108; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 77; *Кондрашенков А. А.* Крестьянская война 1773—1775 гг. в Зауралье. С. 208—209.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 353—356; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 273—275.

⁴⁷ *Зырянов А.* Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестности // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 61—63, 75—76; *Плотников Г.* Далма-

товский монастырь в 1773 и 1774 гг. или в Пугачевский бунт // Чтения ОИДР. М., 1859. Кн. 1. С. 31—35, 45; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 277—278.

⁴⁸ Плотников Г. Указ. соч. С. 39—40.

⁴⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 278—279.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 236, 327—328.

⁵¹ Крестьянская война. С. 98—101.

⁵² РГАДА. Ф. 429. Д. 847. Л. 5—6; РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 364—365.

⁵³ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 275—276.

⁵⁴ Крестьянская война. С. 100.

⁵⁵ Там же. С. 101.

⁵⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 77.

⁵⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 208, 220, 433.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 3. Л. 78.

⁵⁹ Там же. Ф. 1274. Д. 179. Л. 274.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 394 об.—397; Д. 467, ч. 3. Л. 28—29; Пугачевщина. Т. 3. С. 33.

⁶¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 3. Л. 28 об.

⁶² Там же. Д. 627, ч. 11. Л. 108.

⁶³ Там же. Д. 467, ч. 3. Л. 29 об.

⁶⁴ Там же. Л. 19, 28, 29; Д. 627, ч. 11. Л. 118—121; Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 83—84, 90—91.

§ 5. Самаро-Волжский повстанческий район

¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 31—32, 376; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 53—54, 175, 179—180, 190—192, 196, 199—200.

² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 36—37, 82—83, 381—382.

³ Пугачевщина. Т. 3. С. 5—6, 10—12.

⁴ Там же. С. 5—9; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 31—32, 376.

⁵ РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 474—475.

⁶ Пугачевщина. Т. 2. С. 108, 133.

⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 5.

⁸ Восстание Емельяна Пугачева. С. 143.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 20—21.

¹⁰ Беликов Т. И. Указ. соч. С. 73—77.

¹¹ Там же.

¹² РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 8—9; Пугачевщина. Т. 3. С. 14.

¹³ Пугачевщина. Т. 3. С. 178, 359—362; Беликов Т. И. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973. С. 77—79.

¹⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 13. Л. 192—195; Ф. 1274. Д. 186. Л. 381; Пугачевщина. Т. 1. С. 119—120; Т. 2. С. 420; Т. 3. С. 14, 178—180; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 56, 304—310, 442—443, 457; Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева. Челябинск, 1973. С. 41—56.

¹⁶ Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют. С. 50.

- ¹⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 53—54; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 180—181.
- ¹⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 54.
- ¹⁹ Там же. С. 56.
- ²⁰ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. С. 79.
- ²¹ Пугачевщина. Т. 3. С. 12.
- ²² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 396—402.
- ²³ Там же. Л. 371; Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 14.
- ²⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 53.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 4; Пугачевщина. Т. 2. С. 420—421.
- ²⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 107—108.
- ²⁷ Пугачевщина. Т. 3. С. 13.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 100; РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 205; *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 64, 82; *Материалы по ... ОКВ.* Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 185.
- ²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 140.
- ³⁰ Там же. С. 141—144; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 408.
- ³¹ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. С. 95—96, 102—103.
- ³² Пугачевщина. Т. 3. С. 16.
- ³³ Там же; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 416.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 437—438; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 249—251; Пугачевщина. Т. 1. С. 168; Т. 3. С. 16—18.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 42—43; Д. 1235. Л. 205; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 144—145.
- ³⁶ Пугачевщина. Т. 1. С. 60—61.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 445—446.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 300; Д. 1235. Л. 243—244.
- ³⁹ *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 93—94.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 13. Л. 194.
- ⁴¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 13—14.
- ⁴² Восстание Емельяна Пугачева. С. 153; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 22—23; *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 106—114; *Овчинников Р. В.* Документы свидетельствуют. С. 41—54.

§ 6. Башкирские повстанческие отряды в Прикамье и на Среднем Урале

¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 321.

² Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974. С. 86—90, 132—134, 144—148.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 205, 208; ч. 5. Л. 34, 37, 38, 49, 51; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 38, 91, 200, 201, 383.

⁴ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 91.

⁵ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 158—164.

⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 158, 381—383.

⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 346; Восстание Емельяна Пугачева. С. 71.

⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 10.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 3. Л. 285 об., 290 об., 478—480; ч. 5. Л. 30—31, 34, 35, 37—41, 45, 47—53; Ф. 349. Д. 7215. Л. 2—3; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 135, 156—159, 160—163, 165, 170, 173, 190—194, 199—201, 257—259, 456; Восстание Емельяна Пугачева. С. 71—73; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 91, 92, 132, 137.

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 107—108.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 205—206; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 184.

¹² Крестьянская война. С. 318; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 6. Л. 156; Д. 439. Л. 18.

¹³ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 322, 325—329.

¹⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 156—157.

¹⁵ Там же. С. 193.

¹⁶ Там же. С. 160—163, 136—137, 258—259.

¹⁷ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 334—335.

¹⁸ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 142—143.

¹⁹ Материалы для истории Пугачевского бунта // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 4—19.

²⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 247—248.

²¹ Там же. С. 249—250, 430.

²² Крестьянская война. С. 92.

²³ Там же. С. 91.

²⁴ Материалы для истории Пугачевского бунта. С. 19—20.

²⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 323—324; Д. 439. Л. 13—20, 32—36; Д. 516, ч. 2. Л. 107—108; Пугачевщина. Т. 2. С. 346—348; Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 352—353.

²⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1053. Л. 3, 12—13.

²⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 184.

²⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 41—45; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 171, 172, 177, 182, 187—188.

²⁹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 150—152, 172, 177; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 422.

³⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 180.

³¹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 167—168; Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 145—146.

³² РГАДА. Ф. 6. Д. 504, ч. 2. Л. 442; Документы Государственного архива Пермской области // Томсинский С. М. Под предводительством Пугачева. Пермь, 1973. С. 39—60; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 179, 234—235, 289, 290.

³³ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 158.

³⁴ Там же. С. 129, 135, 167—169, 186, 413; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 101, 111, 118, 120, 124, 129, 131—134, 142, 144, 153, 157—161, 246, 247, 294.

³⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 190—200, 251, 423, 430, 452.

³⁶ Там же. С. 134, 135, 184, 182, 186, 187, 414.

³⁷ Там же. С. 179, 313, 325, 421, 422.

³⁸ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 112.

³⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 267.

⁴⁰ Там же. Д. 504, ч. 2. Л. 293.

⁴¹ Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. С. 93.

⁴² РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 2. Л. 49—51.

⁴³ Там же. Л. 39—40; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 106—107, 162—163.

⁴⁴ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 106—109, 113, 128, 245; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 159—160, 162, 173—174, 297; Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С. 113—117.

⁴⁵ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 96—97, 116—117, 257; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 297—299, 300—302; РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 418; Д. 592. Л. 605—608; РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 372.

⁴⁶ Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. С. 85, 86—88, 91, 397, 399.

⁴⁷ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 117.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 6. Л. 205—207; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 299—300, 304.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 506—507, 524.

⁵⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 427.

⁵¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 147—148.

⁵² РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 3. Л. 235—237; ч. 9. Л. 263—264; Д. 507, ч. 4. Л. 135—137; РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 45—46; Д. 1235. Л. 231—232.

⁵³ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 106—112; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 293, 295, 296.

⁵⁴ Крестьянская война. С. 132, 373.

⁵⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 326—327; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 237.

⁵⁶ Крестьянская война. С. 166, 221.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1339 а. Л. 43—48; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 288—292; Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 657, ч. 11. Л. 200.

⁵⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 289.

⁶⁰ Там же. С. 288.

⁶¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 328.

⁶² РГАДА. Ф. 6. Д. 512, ч. 1. Л. 93; Пугачевщина. Т. 2. С. 329—330.

⁶³ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 233—234, 289; Крестьянская война. С. 95.

⁶⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 218, 236, 289—290, 427, 439.

⁶⁵ Пугачевщина. Т. 2. С. 328—329; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 348—410; *Андрющенко А. И.* Указ. соч. С. 191—202, 320—321.

§ 7. Военные неудачи восставших в марте—апреле 1774 г.

¹ Материалы для истории Пугачевского бунта // *Грот Я. К.* Труды. СПб., 1901. Т. IV. С. 507.

² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. С. 180; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 95—96; *Дмитриев—Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 5—7.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 10. Л. 511.

⁴ *Анучин Д. А.* Действия Бибикова в Пугачевщину // *Русский вестник.* 1872. № 7. С. 33—35; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 14—15; *Овчинников Р. В.* Документы свидетельствуют. С. 53—54.

⁵ Восстание Е. Пугачева. С. 153; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 22—23.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 390.

⁷ *Neue Nordische Miscellaneen.* Riga, 1794. № 7—8. S. 390—391.

⁸ *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 297—303; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 23—27.

⁹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 49, 120—121, 225—226.

¹⁰ Там же. Л. 225—226, 229—231; РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 31—34; Д. 467, ч. 10. Л. 311—312; Д. 507, ч. 3. Л. 225—229; ч. 5. Л. 525—526.

¹¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 297—298.

¹² Там же. Л. 334, 395—396.

¹³ Там же. Л. 395—396.

¹⁴ Крестьянская война. С. 112—113.

¹⁵ Там же. С. 115—118.

¹⁶ *Овчинников Р. В.* Последние страницы биографии пугачевского атамана И. Н. Зарубина-Чики. С. 32.

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 85—86; Крестьянская война. С. 104—107.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 207; РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 329.

¹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 254—255.

²⁰ *Дмитриев—Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 79—80.

²¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 11. Л. 192.

²² *Самойлов А.* Следы Пугачевского бунта в Екатеринбургском уезде // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. 3. С. 42—43.

Глава II. Борьба народов Башкортостана на втором этапе Крестьянской войны (апрель - середина июля 1774 г.)

§ 1. КОМПЛЕКТОВАНИЕ ГЛАВНОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ВОЙСКА. НОВЫЙ ПОДЪЕМ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

Деятельность Е. И. Пугачева и Военной коллегии по комплектованию нового повстанческого войска весной 1774 г. Второй этап Крестьянской войны был ознаменован мощным подъемом повстанческого движения на Урале и в Прикамье. В апреле—июне 1774 г. центральная и юго-восточная часть Башкортостана стала основной ареной боевых действий Главного войска Пугачева и многочисленных отрядов его атаманов.

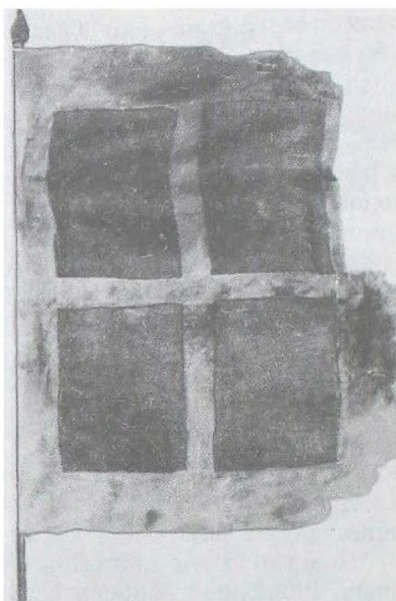
После сражения под Татищевой крепостью и Сакмарским городком Пугачев с остатками своего воинства направился в центральные районы Башкортостана. Возможность отступления туда была учтена заранее. Ближайшие сподвижники предводителя восстания — судья Военной коллегии М. Г. Шигаев, секретари коллегии М. Д. Горшков и Балтай Идеркеев, полковник Т. И. Падуров и даже рядовые повстанцы, например, служилый татарин Измаил Токтамышев, писарь атамана В. И. Торнова, рассказывали на допросах о намерении Е. И. Пугачева идти в Чесноковский лагерь к И. Н. Зарубину «весновать в Башкирии», а летом двинуться к Казани¹. Как вспоминал Шигаев, после поражения под Татищевой крепостью в битве 22 марта 1774 г. к Пугачеву в Бердскую слободу явился «башкирской главной атаман Кинжя ... со своими старшинами» и «через находящегося сначала при самозванце переводчика татарина яицкого ж казака Идорка, говорил: «Куда-де Вы, государь, нас теперь ведете, и что Вы намерены предпринять? Для чего-де Вы не спрашиваете от нас совету?» На

это Пугачев сказал: «Я-де намерен теперь итти в Каргалу или в Сакмарский городок, и пробить тут до весны, а как хорошее время наступит, то я намерен итти на Воскресенския Твердышева заводы». На что Кинжя говорил: «Естли-де Вы туда придете, так я Вам тамо чрез десять дней хотя 10000 своих башкирцов поставлю». А самозванец, благодаря его за сие, сказал: «Очень-де хорошо»².

Обстоятельства сложились так, что Пугачев был вынужден отказаться от похода к Уфе. Находясь в конце марта в Сакмарском городке, он получил известие о поражении повстанческого войска под Уфой, захвате карателейми в плен И. Н. Зарубина. Не теряя, однако, надежды на восстановление положения под Уфой, Пугачев принял решение отправить туда полковника Алибая Мурзагулова, поручив ему возглавить дело восстания в центре Башкирии. Пугачев приказал Алибаю, чтобы он «город Уфу атаковал и, как можно, старался б его взять, о чем ему и указ дал»³. А сам Пугачев взял курс на северо-восток Башкортостана, в Исетскую провинцию, к Челябинску, находившемуся тогда в руках восставших.

В апреле повстанцы шли через башкирские волости, останавливаясь на Вознесенском, Авзяно-Петровских, Белорецком заводах. Военная коллегия рассылала к башкирским и мишарским старшинам и по заводам указы о формировании новых отрядов для усиления боевой мощи Главного войска. Первыми были башкиры. Сообщая императрице о реакции народа на пугачевские обращения, командующий карательными войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов констатировал, что в апреле башкиры, «в разных местах собираясь, бегут толпами в Уральские горы, и знатною уже толпою присоединились к ... Пугачеву, составляя при нем кучу с лишком четыре тысячи»⁴.

Из приписных крестьян, мастеровых и вольнонаемных работников Вознесенского и Авзяно-Петровских заводов к 12 ап-

Знамя пугачевского отряда, изготовленное во время восстания

реля был сформирован Авзянский полк во главе с заводским крестьянином Д. М. Загуменновым, получившим чин полковника. На Белорецком заводе в состав Главного войска влилось 300 работных людей. После поражения в сражении с правительственными частями 9 апреля под Челябинском сюда же с отрядом из работных людей и крестьян Исетской провинции подошел атаман Г. Туманов⁵. 7 мая во главе «Сибирского военного корпуса», в состав которого входило до полутора тысяч заводских работных людей и государственных крестьян, к Пугачеву прибыл атаман И. Н. Белобородов⁶. В это же время к повстанческому войску присоединился и отряд А. А. Овчинникова, прорвавшийся в Башкирию от Яицкого городка через Самарскую дистанцию крепостей. Среди 400 бойцов его отряда наряду с яицкими казаками находились крестьяне некоторых южноуральских заводов. Одновременно к Магнитной крепости подошел отряд из 300 златоустовских работных людей⁷. В первых числах мая в составе Пугачевского войска было не менее двух с половиной тысяч заводских крестьян.

Повстанческое движение быстро разрасталось. Позднее, 7 июля, Рейнсдорп доносил Сенату: когда Пугачев «внутри вверенной мне губернии удалился, так возымел способ башкирской ... народ вящше поколебать, которой тотчас попустился в генеральной бунт»⁸. Местные власти и командиры карательных команд отмечали повсеместный подъем: государственные и помещичьи крестьяне разных национальностей также «генерально» шли к Пугачеву, которого «повсюду ждут и преклонностию к нему наполняются, жертвуя животом и имуществом своим», пополняя повстанческие силы⁹. Уфимская провинциальная канцелярия в рапорте от 19 апреля жаловалась губернатору, что посланных по деревням «для толкования манифестов» Екатерины II, призывавшей изловить Пугачева и отказаться от участия в восстании, «также и для наряду и высылки с провиантом и фуражем сюда и на Стерлитамацкую пристань к г. генерал-майору Фрейману нарочных били смертельно, а иных и вешали, ис коих некоторые, не исправя порученную им должность, назат возвратились»¹⁰.

Весенний разлив рек, препятствовавший продвижению повстанческих отрядов, направлявшихся к Пугачеву, заставили его задержаться на Белорецком заводе. На три недели, с 14 апреля по 2 мая, Белорецкий завод становится ставкой Пугачева и главным лагерем войска. Отсюда было направлено не менее 11 именных указов Е. И. Пугачева, несколько распоряжений Военной коллегии, требовавших вовлечения населения в восстание и мобилизации в повстанческие отряды. Для усиления своего управленческого аппарата новым секретарем

Военной коллегии Пугачев назначил хорунжего казаков Еткульской крепости И. Я. Шундеева, а знающего тюркские языки Г. Туманова — повытчиком, т. е. секретарем коллегии¹¹. Только И. Н. Белобородову в апреле — начале мая было послано 5 указов с требованием собрать «русской, башкирской и черемиской ... команды многотысячное число человек... для отправления в Главную армию»¹².

Военная коллегия стремилась поддерживать непрерывную связь с другими очагами восстания. Ставила перед командирами повстанческих отрядов разнообразные задачи боевого характера, постоянно требовала от них снабжения Главного войска оружием, боеприпасами, продовольствием. На Белорецкий завод стекалась также информация о продвижении карательных частей. Повстанческий полковник, старшина Усерганской вол. Муниак Сулейманов, этот «искусный», по отзыву оренбургского губернатора, вожак восставших, уведомлял Пугачева о дислокации и действиях правительственных команд на территории Ногайской дороги¹³. О продвижении корпуса генерала И. А. Деколонга Пугачев знал от своего полковника исетского казака В. Михайловских¹⁴. Ряд свидетельств говорит о том, что это Салават Юлаев и И. Н. Белобородов информировали Военную коллегия о спешившем к заводам Исетской провинции корпусе подполковника И. И. Михельсона¹⁵.

Поступающие отовсюду известия, естественно, помогали Пугачеву и Военной коллегии ориентироваться в создавшейся обстановке, а также немало способствовали становлению новой тактики по отношению к заводам. В условиях широкого наступления карательных войск заводы не могли уже служить, как прежде, опорными пунктами повстанческих отрядов. К весне 1774 г. пугачевцами были вывезены с заводов большая часть продовольственных запасов, деньги, оружие; а чтобы заводы не стали местом квартирования карателей, и те не вынуждали оставшихся на заводах крестьян служить проводниками, повстанческое руководство приняло решение об уничтожении заводов, эвакуации жителей¹⁶. Известно, что из Белорецка указы о сожжении заводов были направлены авзянопетровским крестьянам, старшинам Сибирской дороги Юлаю Азналину, Яхье Якшиеву и пугачевскому полковнику Салавату Юлаеву. Последним было велено «чинить раззорении состоящим на Сибирской дороге заводам и их сожигать»¹⁷. Исполнение подобных распоряжений ставки Пугачева возлагалось,

*Печать повстанческой
Военной коллегии*

как правило, на башкиро-казацкие команды. И заводские крестьяне не только не противились этим акциям, но в большинстве случаев сами выступали активными исполнителями приказов повстанческого командования.

Так, 9 мая, за день до вступления в Верхний Авзяно-Петровский завод команд генерала Ф. Ю. Фреймана, крепостные рабочие люди и приписные сожгли заводские строения. Сгорели домны, молотовые фабрики, плотина, хозяйственные постройки. В другой раз огню были преданы Нижний Авзяно-Петровский и Кухтурский заводы¹⁸. В уничтожении заводов рабочие люди, приписные крестьяне видели путь к своему освобождению от ненавистных им заводских работ. Начавшийся в мае погром заводов проводился целенаправленно, был сознательным действием предводителей восстания, всезначно направленным против господствующих классов, отнюдь не проявлением вражды башкир к заводскому трудовому населению, как это пытались доказать властям заводладельцы¹⁹.

Когда на Белорецкий завод дошли вести, что пугачевцы после ряда боев оставили 8 апреля 1774 г. Челябинск, Военная коллегия наметила план воссоединения сил в районе крепости Магнитной и продвижения Главного войска по линии крепостей. Пугачев рассчитывал получить там артиллерию и оружие, необходимые для предстоящих сражений.

Все это время екатерининское военное командование и гражданские власти не располагали точными сведениями о местопребывании Пугачева. Правительственные войска, вступившие в Башкирию, были расположены в центре и по границам края так, чтобы быстрее подавить здесь очаги восстания, не допустить его распространения на усмиренные уезды Казанской и Сибирской губерний.

Войска заняли посты по Самарской дистанции крепостей и Ново-Московской дороге, соединяющей Оренбург с Казанью. Границы Пермской провинции защищал полковник А. В. Папав, к Осе были направлены отряды, сформированные коллежским асессором М. И. Башмаковым, Екатеринбургское ведомство находилось под прикрытием батальона секунд-майора Д. О. Гагрина и местных воинских сил под командой полковника В. Ф. Бибикова. Части корпуса генерал-поручика И. А. Деколонга были размещены по крепостям и слободам Исетской провинции. На Оренбургской пограничной линии стояли войска генералов П. Д. Мансурова и С. К. Станиславского. В центре Башкортостана по р. Белой, от Бугульчана до Бирска, были выставлены сторожевые посты. Линия воинских застав шла от Уфы через Бакалы до Бугульмы. На Ногайскую дорогу были высланы команды коллежского советника

И. Л. Тимашева и подполковника С. Л. Наумова. Для преследования и разгрома Пугачева специально были назначены мобильные команды генерала Ф. Ю. Фреймана и подполковника И. И. Михельсона. Правительственные войска, разделенные на 23 отряда, «союзно» занимали посты на территории, охватывающей около полутора тысяч верст²⁰.

Как докладывал Екатерине II командующий войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов, для подавления повстанческого движения и преследования Пугачева все «возможное сделано»²¹. Однако ранняя весна, наступившая после необычайно снежной зимы, вызвала половодье и распутицу, сделавшие невозможным быстрое передвижение войск. Только 24 апреля выступил из Уфы к Саткинскому заводу Михельсон; Фрейман, пробыв месяц в Стерлитамаке и Табынске, лишь 3 мая направился к Верхнеяицкой крепости. Туда же 23 апреля двинулся из Оренбурга Тимашев, а отряд Станиславского подошел к Верхнеяицкой дистанции 18 мая.

Задержка в передвижении войск как нельзя лучше была на руку Пугачеву, занятому комплектованием нового войска. Тем же воспользовались и вожаки отдельных пугачевских отрядов, предпринявшие попытку объединить разрозненные силы.

Повстанческое движение на Сибирской дороге. Весной 1774 г. в Башкортостане на территории Уфимской и Исетской провинций складываются четыре центра повстанческого движения, деятельность которых в значительной мере была непосредственно связана с целями и задачами, стоявшими перед Пугачевым и Главным его войском.

Первый центр повстанческого движения охватывал территорию Сибирской дороги. В апреле восстание здесь возглавили Салават Юлаев и И. Н. Белобородов. Они держали в постоянной тревоге администрацию Кунгура и Екатеринбург, опасавшуюся наступления повстанцев на их ведомства, где местные крестьяне и работные люди были готовы к мятежу. Встретились полковники в конце марта в д. Казылбаево, неподалеку от Саткинского завода. Здесь, видимо, и было принято ими решение, пополнив свои отряды, направиться в Пермскую провинцию. С. Я. Кузнецов, пугачевский атаман пригородка Осы, писал 10 мая крестьянам-повстанцам Рождественского завода: от Салавата с Белобородовым есть письменное известие, что Пугачев, будто бы, «под город Кунгур идет с армиею в пятнадцати тысячах». В конце письма имеется приписка, сделанная, видимо, в связи с получением свежих новостей: «Белобородова-полковника батюшка наш требует указом в Чебаркуль з двумя тысящами. А достальную армию велено отдать Салавату; и тако будет у него армии одиннатцеть тысяч

*Пугачевский бригадир Салават Юлаев.
С картины народного художника СССР Е. С. Широкова*

под Кунгуром»²¹. Подполковник А. В. Папав, собиравший все слухи о Салавате Юлаеве, в рапорте генералу А. И. Бибикову от 8 апреля 1774 г. сообщал, что Салават и Белобородов идут к Красноуфимску, а в мае, снабжая информацией генерала Ф. Ф. Щербатова, уверял, что пятитысячный отряд под предводительством Салавата, Ивана Васева и татарина Имана Ислюкова ожидает подкрепления пятитысячным отрядом казаков и собирается потом напасть на Кунгур, а в Красноуфимске «тамошния казаки сами собою содержат караул, льстясь надеждою в подкреплении их башкирцом Салаватом». Белобородов говорил на допросе, что он тогда пошел было «с толпою под город Кунгур», но отменил этот поход после получения

приказа Пугачева о соединении с Главным войском. Однако из-за разлива рек к Пугачеву он попал только в начале мая²³.

В течение апреля Белобородов усиленно собирал свой «государственный Сибирский военный корпус». Сохранились его ордера полковнику Бахтияру Канкаеву, есаулу Егафару Азбаеву и сотнику К. Коновалову, которых он разослал по заводам и деревням Уфимской и прилегающих районов Пермской провинций для мобилизации жителей. Белобородов распорядился набранные команды привести туда, «где я буду обретатьца, без замедления», чтобы отправить их в «Главную армию»²⁴.

К началу мая под командованием Салавата Юлаева и И. Н. Белобородова было около пяти с половиною тысяч бойцов. С уходом Белобородова к Магнитной крепости Салават руководство восстанием в северных и северо-восточных районах Башкортостана взял на себя. Это потребовало от него самостоятельного решения многих военных задач.

Основной задачей, стоящей перед отрядами Салавата, было противодействие операциям Михельсона. Четырехтысячный отряд Салавата состоял из башкир, русских, мишарей, татар, чувашей, марийцев. Из-под Кунгура, обходя посты карательных войск, пробрался со своим отрядом атаман И. Васев. С этими силами Салават пошел навстречу своему, как оказалось, главному врагу подполковнику И. И. Михельсону и четырежды за неполный месяц — 6-го, 8-го, 17-го и 31-го мая вступил с ним в жестокое сражение.

Подполковник Петербургского карабинерного полка И. И. Михельсон был храбрый и опытный офицер. Участник Семилетней войны 1756—1763 гг., русско-турецкой войны в 1768—1770 гг., военных операций против польских конфедератов в 1770—1772 гг., он отличился во многих сражениях. Об его успехах в Польше А. В. Суворов, тогда еще генерал-майор, писал в автобиографии: «майор Михельсон более всех, по его искусству, отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу»²⁵. Подобную же славу, видно, хотел завоевать Михельсон и на полях восставшей

*Командир карательных отрядов
И. И. Михельсон*

Башкирии. Да орешек, как говорится, оказался покрепче: мужество и стойкость пугачевцев вызывали удивление и невольное уважение. Михельсон привык смотреть на отряды повстанцев, как, по собственному его выражению, на «кучи» и «толпы» необученных военному ремеслу отчаянных бунтовщиков, поспешно разбегавшихся при первых ударах двигавшихся в боевом порядке регулярных войск. Здесь же, на башкирском Урале, рапортовал он однажды командующему правительственными войсками, его солдаты встретили «такое сопротивление, какого не ожидали».

Разведав приближающуюся команду правительственных войск, Салават выслал навстречу ей небольшой конный отряд. Михельсон бросил против него всю свою конницу, состоявшую из гусар, казаков, команды «верных» башкир и мишарей. В 17 верстах от Симского завода произошел первый бой. Возможно, это была разведка боем с обеих сторон. Во всяком случае, Салават уклонился от решительного сражения и не вводил в дело всю конницу, приказав ей отойти к главному своему лагерю у деревни Ерал.

8 мая в поле у реки Устьканда (Скандии), в нескольких верстах от Симского завода, развернулся второй бой. Этот был пожестче: враги сходились вплотную. Как писал правительственный офицер своему командующему, пугачевцы, «не уважая нашу атаку, прямо пошли к нам навстречу, однако, помощью Божию, по немалом от них сопротивлении» были отброшены²⁶.

Михельсон весьма неохотно признавался, что ему пришлось иметь дело с неустрашимым повстанческим военачальником, отваживавшимся идти в открытое сражение и наступать на хорошо вооруженные и обученные армейские части. Отряды Салавата воевали сплоченно и отступали, терпя неизбежное для народных повстанцев поражение от регулярной армии, в относительном порядке, сохраняя боеспособность. Они оставляли поле боя, изрядно потрепав противника и доведя его до растерянности перед дальнейшим развитием событий, как это и случилось с корпусом Михельсона и самим командиром после майских сражений. «Я ныне остановился в поле на месте сражения. Куда должен буду итти,— еще сказать не могу»,— сообщал Михельсон Щербатову. А Салават пропустил его к Саткинскому заводу, сам же возвратился к Симскому.

В самом конце мая Салават, зная о путях продвижения правительственной команды, решает дать новый бой Михельсону. Место для схватки он выбрал выгодное — пристань на реке Ай, в 30 верстах от Симского завода. 30 мая туда подошел Михельсон. Повстанцы заранее уничтожили паромы и ук-

репились на противоположном берегу реки. Михельсон решил сразу переправиться через Ай. На следующий день отыскав брод, он начал переправу под прикрытием сильной оружейной стрельбы. Повстанцы «наиусильнейшим образом старались мне мешать ..., засели все по горам и ущелинам, с коих производили великую стрельбу», — доносил Михельсон Щербатову. В ходе развернувшегося на берегу боя они действовали смело и решительно, но не смогли помешать переправе. Но, возможно, и не желали. Ведь в сражении 31 мая принимал участие не весь отряд Салавата (чему очень удивился Михельсон: «вместо славленных двух тысяч более не было осмисот»), его основные силы стояли в ожидании Пугачева²⁷. 2 июня Салават привел к предводителю восстания три тысячи всадников.

Исполняя приказы Пугачева, Салават заботился о пополнении Главного повстанческого войска новыми силами. Воины Салавата контролировали значительные территории на севере и северо-востоке Башкирии. Они создали сеть караульных постов, чтобы следить за передвижением карательных команд. Под особым присмотром была Уфимская дорога, связывающая центр провинции с Екатеринбургом. Салавату Юлаеву приходилось решать и много других военно-организационных задач: координировать взаимодействие между отрядами, назначать командиров отрядов, бороться за дисциплину в войске и т. п. И он стремился сосредоточить в своих руках вопросы управления освобожденной Башкирией. Интересны в этом отношении показания едьякского казака Абиля Байдашева (И. Иванова) на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии. В конце апреля, — рассказывал Абель, — атаман едьякских казаков-повстанцев А. Шеметов отправил его к Салавату Юлаеву с жалобой на отстраненного атамана Старкова, требующего от казаков повиновения властям. Салават послал в Едьяк команду из 200 человек под предводительством Бахтияра Канкаева, Абдуллы Токтарова (Тахтарова), Адиля Бигашева. Наведя порядок в Едьяке (оштрафовали Старкова на 200 руб. и запретили ему атаманствовать в крепости) и присоединив к отряду едьякских казаков, направились к Бирску.

Видя в лице Салавата авторитетного представителя новой власти, к нему шли с жалобами на старую администрацию, везли на расправу захваченных в плен противников повстанческого управления, отступников и предателей.

Среди гражданских дел, рассмотренных Салаватом, достойно пристального внимания обращение жителя д. Кигазы Дуванской вол. Абиля Байдашева, поверстанного в казаки Едьякской крепости, насильно крещенного и переименованного в Ивана Иванова. Абель просил «письменное позволение, чтобы

ему жить по-прежнему в уезде, в деревне Кигазе, и содержать веру басурманскую». Салават выдал Абилю просимый документ — билет. В билете, подписанном Салаватом и Юлаем Азналиным, разрешалось Абилю «жить по-прежнему и службу служить государю Петру Федоровичу»²⁸.

Бесспорно, во второй период Крестьянской войны Салават стал одним из самых авторитетных вожakov повстанческого движения на Южном Урале.

Повстанческое движение на Ногайской дороге. Вторым крупным районом восстания стали башкирские волости Ногайской дороги и прилегавшие к ней районы Оренбургского уезда. Вести о продвижении Пугачева по деревням и заводам Уфимской провинции, распространение воззваний Пугачева способствовало тому, что Ногайская дорога в апреле 1774 г. всколыхнулась вся и явилась основным поставщиком боевых сил в новое повстанческое войско. К середине мая размах народного движения достиг таких размеров, что правительство исчисляло количество ушедших к Пугачеву явно завышенной цифрой — 40 тысяч человек, превышавшей реальную в несколько раз²⁹.

Оставшаяся часть повстанческих сил юга Башкирии объединяется в несколько крупных отрядов.

С конца апреля ударной силой повстанцев выступают здесь отряды полковника Караная Мратова. И он предпринимает попытки сплотить разрозненные отряды, по меньшей мере, соотнести и направить их деятельность. В мае под его началом действовали отряды таких крупных военачальников восставших, как Канзафар Усаев и Качкын Самаров. Привлекая в повстанческое войско население Ногайской дороги, Канзафар Усаев утверждал, например, что корпус Караная состоит из 9 тысяч человек, да у Качкына — 3 тысячи бойцов³⁰. Многочисленные источники подтверждают, что к июню повстанческие силы этого района восстания составляли несколько тысяч человек³¹. И действовали они весьма активно.

Примером решительности вожakov движения может служить воззвание Качкына Самарова: при появлении правительственных войск, наставлял он повстанцев, «против оных стоять, а когда силы достанут, — всех рубить, а не будут доставать, то хотя отаковать»³². Повстанческая борьба на юге Башкирии, как и в других регионах края, приобретает различные формы. Это — длительное преследование карательных отрядов — «деташаментов»; нападение на отдельные воинские части; отгон лошадей у команд правительственных войск и местных гарнизонов; блокада административных и торговых пунктов, крепостей и заводов; нарушение регулярной связи

Башкир, волжский казак и казах. Рис. начала XIX в.

между губернскими и провинциальными центрами, между командирами екатерининских воинских частей. Командиры карательных отрядов объясняли свои неудачи в преследовании Главного войска Пугачева постоянным присутствием, изнуряющими «уколами» неожиданно нападающих повстанцев. Каратели часто оставались без продовольствия и фуража, так как повсюду заставляли селения, покинутые жителями, присоединившимися к пугачевцам.

Генерал-поручик Щербатов в одном из донесений к Екатерине II сообщал, что башкиры «держат малыя команды окружать»³³. В середине мая Каранай Мратов у д. Каркяли напал на команду из 300 гусаров отряда подполковника И. К. Рылева, а Качкын Самаров блокировал Бугульчанскую пристань, где располагался пост секунд-майора В. Юшкова³⁴.

Власти с трудом удерживали ставропольских и оренбургских калмыков, пытавшихся пройти через Самарскую дистанцию и Ново-Московскую дорогу на соединение с войском Пугачева. Выдержав 4 сражения, в ходе которых погибло не-

сколько сотен человек, калмыки прорвались в Башкирию. Но 7—8 мая полковник П. А. Шепелев на р. Ток у д. Траи в ходе ожесточенных боев разбил двухтысячный отряд, в состав которого входили большей частью калмыки³⁵. Лишь несколько сотен калмыков пополнили пугачевские отряды, действовавшие на Ногайской дороге. В Кубелясской вол. стояло 100 кибиток, в Бурзьянской — 60, Балакатайской — 30³⁶.

По распоряжению генерала П. М. Голицына, находившегося в апреле в Оренбурге, подполковнику С. Л. Наумову и премьер-майору Г. И. Шевичу было строго приказано «закрыть» от повстанцев Оренбург и его окрестности. Команда Наумова, расположившаяся в д. Ташле (в сотне верст от Оренбурга), тотчас стала подвергаться непрерывным нападениям повстанцев. 25 мая тысячный отряд восставших, в состав которого входили башкиры, калмыки, русские крестьяне, отогнал всех лошадей деташамента Наумова, так что подполковник не смог даже организовать погоню. К тому же, к повстанцам перебежало много ташлинских крепостных крестьян со своими лошадьми. Наумов жаловался, что у него «не только под конницу, но и под артиллерию и провиант» нет лошадей, и он «никакого движения сделать» против пугачевцев не может, а ташлинцы «имели и сейчас имеют во всех злодействах единомышленное согласие ... з башкирцами»³⁷.

Вооруженные нападения повстанцев мешали продвижению команд Фреймана,³⁸ Тимашева и др. 10 мая на команду Тимашева у р. Таналык (в устье ее притока Бузавлык) напал отряд повстанцев под началом старшины Сабыра. 31 мая и 3 июня в вершинах р. Сакмары карателям пришлось вступить в бой со «злодейской толпой, в которой были башкирцы, ставропольские калмыки и заводские мужики ... в превеликом числе». Пушечным и ружейным огнем Тимашеву удалось «рассеять» пугачевцев, но преследовать их он не мог³⁹. Отмечая дерзость нападавших, Тимашев с гневным удивлением выделял беззаветную отвагу работных людей: «завоцких мужиков живых же поймать никоим образом невозможно, ибо до последнего издыхания дерутца»⁴⁰.

Во второй период Крестьянской войны повстанцы стремились вернуть утраченные с наступлением карательных войск позиции. Они вновь атаковали пригородки и крепости, многие из которых прежде побывали в их руках: Стерлитамак, Табынск, Бугульчан и др. Гарнизонные команды, обладая значительным преимуществом в артиллерии и огнестрельном оружии, предпочитали отбиваться артиллерийским огнем, не покидая стен крепостей. А пугачевцы не прибегали к поджогу городских строений, чтобы не подвергать опасности жителей,

не решавшихся открыто присоединиться к нападавшим. Иногда у стен крепостей шли ожесточенные бои, но чаще велась длительная перестрелка. Тут можно сослаться на действия повстанцев на Оренбургской пограничной линии. Пугачевцы блокировали крепости и форпосты Кизильской дистанции и, грозя их сжечь, потребовали «преклонения» гарнизонов «Петру III» — Пугачеву. Ильинской крепости, по сообщению коменданта Верхнеозерной дистанции А. А. Корфа, грозил отряд в 300 чел. из татар Красногорской и Ильинской крепостей, крестьян Кундровской слободы и бурзянских башкир⁴¹. Наиболее успешно действовал на линии отряд башкирского старшины Бурзянской волости Трухмен Янсеитова: 22 мая повстанцам удалось овладеть Уртазымской крепостью. Операция была рассчитана на внезапность: пугачевцы атаковали крепость ночью в сильный дождь, и гарнизонная команда не смогла использовать пушки⁴². Крепость была сожжена. Позднее такая же участь постигла Губерлинскую и Зилаирскую крепости⁴³.

Каранай Мратов стремился объединить усилия повстанцев юга Башкирии для овладения Уфой. Прямых указаний на то, что он получил такое задание от Пугачева, не обнаружено. Но, как отмечалось выше, в конце марта Пугачев отправил под Уфу полковника Алибая Мурзагулова с приказом вновь попытаться захватить центр провинции. Алибай изменил Пугачеву, явился с повинной к Михельсону и на некоторое время отошел от восстания⁴⁴. Узнав об этом, Пугачев надежды на овладение Уфой стал связывать с деятельностью верного ему полковника Караная Мратова. Во всяком случае, в разнообразных документах, поступавших в провинциальную канцелярию, сообщалось, что «главный ... возмутитель в сей стороне Башкирии» Каранай Мратов собирается идти на Уфу, куда к нему подойдут, надо полагать, отряды Качкына Самарова, Канзафара Усаева, а вслед за ними и Главное войско Пугачева⁴⁵. В начале июня отдельные команды повстанцев, действительно, подходили к Уфе на расстояние до 10—20 верст⁴⁶. А 27 июня в 18 верстах от города трехтысячный повстанческий отряд вступил в бой с командой полковника А. Я. Якубовича, но потерпел неудачу. На поле битвы полегло до двух тысяч пугачевцев⁴⁷.

Башкирские конные караулы извещали Пугачева о передвижениях карателей, и в то же время надолго пресекали связь командующего войсками генерала Ф. Ф. Щербатова, который находился в Оренбурге, с его войсками. Он жаловался, что по нескольку дней не получал донесений от них⁴⁸. Оценивая обстановку на юге Башкирии, Щербатов 11 июня писал оренбургскому губернатору, что «бунтующими башкирцами не

только пресечена коммуникация со всеми деташаменстами, по Белой реке расположенными, но и многия лутчия места и города подвергаются опасности»⁴⁹.

Повстанческое движение на Казанской и Осинской дорогах. В третьем центре народного движения — в западной и северо-западной частях Башкирии, на Казанской и Осинской дорогах усилия повстанцев были направлены на то, чтобы воспрепятствовать «союзным» действиям воинских команд, а также уничтожить такие крупные поселения, как Бирск, Ангазякский и Юландинский винокурные заводы, которые служили опорными пунктами для карателей.

В апреле полковнику Н. Н. Кожину (ставка которого была в Бугульме) поступали сообщения о том, что отряды повстанцев Казанской дороги направились на восток и собираются переправиться на правый берег Белой⁵⁰. Видимо, то были отряды, спешившие пополнить Главное войско Пугачева.

В середине апреля отряд секунд-майора С. Тютчева, посланный из Уфы к Бирску, разбил тысячный отряд повстанцев, предводительствуемых мишарским старшиной Сулейманом Кусекеевым⁵¹. Но после ухода Тютчева в Уфу между Бирском и Ангазяком собрались значительные отряды, находившиеся под командованием пугачевских полковников башкир Осинской дороги Араслана Рангулова и Аладина Фелякова, повстанческого старшины татарина д. Байки Сибирской дороги Буляка Якупова: они насчитывали до 3 тысяч чел.⁵²

В апреле и мае к генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову шла информация о появлении повстанческих отрядов в районе Бакалы — Нагайбак и о нападении повстанцев, действовавших на левобережье Белой, на команды секунд-майора О. И. Дуве и полковника А. Ф. Обернибесова⁵³.

Узнав, что приказчик Троицкого завода Заев развернул работу по подготовке завода к пуску, повстанческий отряд, насчитывавший свыше 300 чел. русских, калмыков и башкир, 26 апреля совершил набег на это предприятие. Заводское имущество и деньги были конфискованы, а приказчик и вахтер соляного магазина, ослушавшиеся указа «Петра III» — Пугачева, казнены⁵⁴.

В мае к властям поступали сведения, что в вершинах р. Танып собираются команды повстанцев Осинской дороги и «намерение их клонится к Уфе»⁵⁵.

Вожаки здешних отрядов поддерживали постоянную связь со ставкой Салавата Юлаева, и при наборе воинов в отряды объявляли, что призывают «на службу государю Петру Федоровичу людей в команду к старшине Салавату Юлаеву»⁵⁶. Тем самым они подчеркивали, что отряды, сформированные на

территории Казанской и Осинской дорог, являются частью корпуса Салавата Юлаева. По их просьбе Салават направил к Бирску подкрепление во главе с опытными командирами⁵⁷. Вместе с Арасланом Рангуловым действия повстанцев в этом районе руководили полковники Бахтияр Канкаев, ясачные татары Осинской дороги Абдулла Токтаров и Ермухаммет Кадырметев, мариец д. Бургашево Осинской дороги Изибай Акбаев, атаманы башкир д. Новое Кайпаново Сибирской дороги Аладин Бектуганов, отставной капрал морского флота Адиль Бигашев. В состав их отрядов входили не только башкиры, но и многонациональное крестьянство Казанской и Осинской дорог. Пермская провинциальная канцелярия и подполковник Папав в апреле и мае рапортовали командующему правительственными войсками о том, что кунгурские татары группами бегут в Уфимскую провинцию на соединение с повстанческими отрядами⁵⁸.

26 мая в двух верстах от Бирска команда секунд-майора О. И. Дуве была атакована трехтысячным отрядом пугачевцев. Рапортуя генералу Щербатову о ходе четырехчасового боя, Дуве писал: «Я должен признаться, что никогда не воображал, чтоб так злодеи жестоко могли обороняться, как они поступали»⁵⁹. И когда через несколько дней Дуве узнал, что пятитысячный пугачевский отряд приближается к Бирску, то отдал приказ об отступлении. 4 июня повстанцы ворвались в городскую крепость и сожгли ее⁶⁰. Вслед за Бирском был подожжен и Ангазякский завод, но хлебные амбары и производственные постройки были сохранены⁶¹.

Власти пытались оградить Казанскую губернию от соседствующих с ней районов активных повстанческих действий. На помощь гарнизонам Мензелинска и Осы казанский губернатор Я. Л. Брант направил дополнительные военные силы. В районе между Осой и Ашапским заводом по р. Тулве располагались посты подполковника А. В. Папава⁶².

В пограничных с Пермской провинцией районах пугачевцы вели бои против карательных команд коллежского асессора М. И. Башмакова, выжигавших башкирские деревни, и канцеляриста Сарапульской дворцовой управительской конторы И. Гурьева⁶³. Как рассказывали во время допросов повстанческие старшины башкиры Гайнинской вол. Адыл Ашменев и Сайфулла Сайдашев, их отряд по просьбе крестьян ездил в д. Неволино и Шундиху для защиты от команды Башмакова⁶⁴. 2 июня командиру карательного отряда ундер-шихтмейстеру Л. Ф. Яковлеву, расположившемуся в Осе, было доставлено письмо из «Гайнинской волости и от протчих башкирцов», со-

державшее требование немедленно покинуть Осу и прекратить карательные операции в башкирских деревнях⁶⁵.

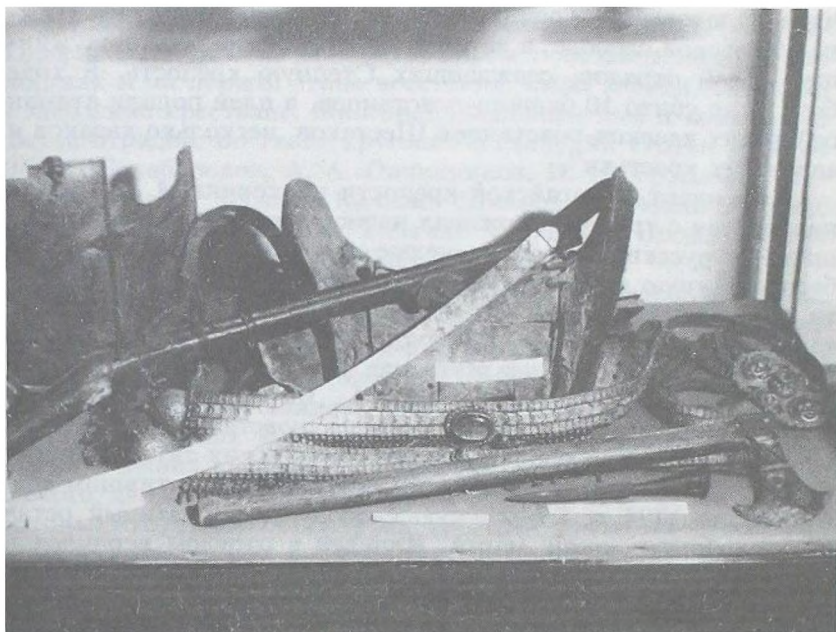
Не прекращались волнения и в соседних с Уфимской провинцией районах Бугульминского ведомства, что вынуждало полковника Н. Н. Кожина держать там свои войска⁶⁶. Полковник извещал генерал-поручика Щербатова о неповиновении крестьян деревень, прилегающих к Ново-Московской дороге, куда пугачевцы засылали своих агентов. Сообщал он командиру и о появлении отрядов повстанцев на р. Черемшан, под Бугурусланом⁶⁷. В начале июня его командой здесь был разбит отряд атамана А. Сомова⁶⁸.

Повстанческое движение в Исетской провинции. Четвертым крупным очагом восстания предстала Исетская провинция и прилегающая территория Оренбургской пограничной линии. В апреле активным действиям повстанцев мешала весенняя распутица и разливы рек. Но уже к концу месяца отряды из башкир, казаков, крестьян вновь осаждали крепости, большие села, где с подходом карателей восстанавливалась старая власть.

Повстанцы препятствовали действиям генерал-поручика И. А. Деколонга. Он вынужден был разбить свой корпус на несколько мобильных команд и посылал их то к Каслинскому заводу, где располагался отряд Базаргула Юнаева, то к району между Чебаркульской крепостью, Челябинском и Кыштымским заводом, контролируемому отрядом (из 1300 человек) под командованием пугачевских полковников исетского казака В. Михайловских и башкирского старшины Балакатайской вол. Сары Абдуллина, то в другие места. Часть корпуса Деколонг вынужден был держать в Далматовом монастыре, вокруг которого активно действовало несколько повстанческих отрядов⁶⁹.

Исетские добровольцы снабжали Пугачевское войско продовольствием и оружием, пополняли его конными отрядами. По указу Военной коллегии в апреле заготовкой провианта для направлявшегося к Челябинску повстанческого войска занимались жители Коельгской, Еткульской, Еманжелинской крепостей, Увельской слободы и прилегавших деревень. Продовольствие и фураж свозились в Чебаркульскую крепость⁷⁰.

Вести о следовании войска Пугачева в Исетскую провинцию способствовали новому подъему народного движения. Комендант Шадринска секунд-майор К. К. Кених, характеризуя настроение крестьянского населения провинции, сообщал, что «на живущих в слободах и деревнях крестьян никакой надежды иметь не можно, ибо оные по всему слуху и приметам ево [Пугачева] ждут»⁷¹. А комендант Троицкой дистанции брига-

Воинское снаряжение башкир и конское седло

дир А. А. Фейервар в апреле советовал генералу Деколонгу незамедлительно забрать всех исетских казаков в подчиненный ему корпус, «дабы ими возмутительные шайки не умножились»⁷².

Как и в первый период народного движения, в состав повстанческих отрядов здесь входили башкиры, мишари, казаки, работные люди, государственные крестьяне. Ими, по донесениям гражданских и военных властей, были «притеснены и ежедневно беспокоены» крепости и села, в которых размещались карательные команды. В начале мая под напором корпуса И. А. Деколонга пугачевцы вынуждены были оставить Чебаркульскую крепость. Преследующая их команда премьер-майора Ф. Т. Жолобова, имевшая на вооружении четыре пушки, 6 мая нанесла повстанцам поражение в бою под д. Травники. В. Михайловских, будучи тяжело ранен в бою, попал в плен и вскоре умер. На некоторое время центром сбора повстанческих сил Зауралья стала Коельгская крепость⁷³.

Повстанческие отряды блокировали крепости, редуты и форпосты Верхнеяицкой и Троицкой дистанций⁷⁴. Их коменданты А. А. Фейервар и Е. А. Ступишин предпринимали вылазки для преследования повстанцев. 7 мая команда подпоруч-

чика Белоусова из Троицкой крепости тайно подошла к Нижне-Увельской слободе, а затем к Санарской крепости, служившей базой отрядов, осаждавших Степную крепость. В ходе боев было убито 10 башкир-повстанцев, в плен попали атаман санарских казаков-повстанцев Шестаков, несколько казаков и заводских крестьян⁷⁵.

Комендант Карагайской крепости полковник И. М. Фок с начала мая с трудом сдерживал натиск отряда из башкир, мишарей и русских, которые «целые три дни по оной крепости беспрестанную пушечную стрельбу производили», и в крепости от ядерных ударов не осталось «почти ни одной целой батареи, а также и дворов, которые б не пробиты были»⁷⁶. Однако повстанцам до прихода Пугачева не удалось взять крепость.

Сибирского губернатора Д. И. Чичерина и генерала И. А. Деколонга беспокоили замыслы повстанческого есаула И. Иликаева (Алферова), старшины ичкинских татар провинции, который предводительствовал отрядом, захватившим еще в феврале 1774 г. Курганскую слободу. Вынужденный оставить слободу в конце марта, Иликаев с отрядом вернулся в Исетскую провинцию. На поиски отряда И. Иликаева по имевшимся у властей сведениям была отряжена специальная команда⁷⁷.

Угроза продвижения повстанцев из Исетской провинции в Екатеринбургское ведомство заставила полковника В. Ф. Бибикова просить военной помощи у генералов Щербатова и Деколонга. «Неспокойства башкирцев от Кыштыму до Коневской крепости и на Сергинских пристанях ..., на Назе-Петровском заводе», — писал он Деколонгу 29 апреля, — а также действия отрядов Салавата Юлаева и И. Белобородова у границ ведомства «заставляют сколько возможно умножить мои силы». Он просил возвратить команду Д. О. Гагрина из Челябинска в Екатеринбург⁷⁸.

В результате активной поддержки населения Пугачеву удалось за короткий срок сформировать новое повстанческое войско: в первых числах апреля он имел отряд из 500 чел., а к середине мая располагал 10—12-тысячным войском⁷⁹. По сведениям генерала Щербатова в составе пугачевского войска было до 6 тысяч башкир⁸⁰. Таким образом, деятельность по организации боевых сил, проводимая ставкой Пугачева и его сподвижниками, увенчалась крупным успехом. К концу весны 1774 г. число повстанцев в Главном войске вместе с воинами объединенных отрядов, действовавших в разных частях Башкортостана, достигло 25 тысяч человек. Эти цифры не включают повстанцев, входивших в небольшие местные отряды, учесть которые невозможно.

Отряды пугачевцев состояли из представителей разных народов и сословий, но основным ядром повстанческих боевых сил, как и на первом этапе восстания, были казаки, башкиры и заводские крестьяне. Многонациональным был и командный состав отрядов. Во главе крупных соединений стояли русские (И. Н. Белобородов, А. А. Овчинников, И. Н. Грязнов), башкиры (Салават Юлаев, Качкын Самаров, Каранай Мратов), мишари (Канзафар Усаев, Бахтияр Канкаев) и представители некоторых других народов Башкортостана.

Военная коллегия, крупные пугачевские военачальники, уже обладая кое-каким опытом, стремились внести элемент организованности в действия многочисленных отрядов, план — в разработку боевых операций. Известны попытки отдельных повстанческих вожakov согласовать выступления отрядов в разных районах Башкирии. В трудных условиях походной жизни Военная коллегия делала многое для подъема повстанческого движения в крае. Она вела переписку с атаманами крупных отрядов, собирала их на совет у Пугачева. Но повстанческому штабу было сложно в полной мере управлять действиями отрядов, особенно тех из них, которые были отдалены десятками и сотнями верст от ставки Пугачева. И, несмотря на все усилия повстанческого руководства, «единства командования и военных действий не достигалось»⁸¹.

Оппозиция башкирской и мишарской старшинской верхушки. Весной и в начале лета 1774 г. повстанческое движение в Башкирии развивалось в обстановке крайнего обострения отношений среди населения. Последнее было не чем иным, как точным отражением социального неравенства, социальной розни в башкирских, мишарских, татарских общинах. Постепенно оно приобретало характер гражданской войны между массой бунтующих рядовых общинников и старшинской верхушкой, активно участвующей в подавлении восстания.

Уже на первом этапе народного движения башкирские повстанцы согласно с указами Пугачева и наставлениями Кинзи Арсланова, требовавших всех «супротивников» восстания, правительственные команды, чиновников, дворян «истреблять вам, сколько вы можете»⁸², расправлялись не только с русскими чиновниками и помещиками, олицетворявшими гнет крепостнического государства, но и с башкирскими и татарскими богачами — «баями», непосредственно угнетавшими народ. В ходе восстания все более отчетливо выявлялись собственные цели участников — феодализирующей старшинской верхушки и рядовых общинников.

В обстановке военных неудач, преследовавших повстанцев, и в ответ на обещания Екатерины II «прощения вины и на-

граждения» башкирам за поимку Пугачева⁸³ в апреле 1774 г. 38 башкирских и 10 тептярских (татарских) старшин, ранее принимавших участие в восстании, принесли повинную властям⁸⁴. Немаловажным фактором, способствовавшим изменению политики старшины, стало реальное опасение за свое положение: командиры всех подразделений правительственных войск в Башкирии получили распоряжение генерал-поручика Ф. Ф. Щербатова «выбрать вместо неповинующихся старшин других усерднейших» и заверить тех, что они «от главного правительства» будут утверждены в старшинских правах⁸⁵. Пришедшие с повинной старшины вместе со старшинами, которые «к бунту совсем причастны не были», составили больше половины общего числа «иноверческих» старшин.

И они развивали бурную деятельность. Снаряжали и отсылали отряды в правительственные команды, формировали самостоятельно действовавшие карательные отряды, держали караулы на дорогах и у переправ, выделяли людей для подвоза провианта и фуража войсковым частям, гарнизонам городов и крепостей.

По приказу генерала Щербатова с апреля по всей Башкирии набирались команды для борьбы с восставшими. Формированием сводных башкиро-мишарских отрядов для «приумножения detachementов» регулярных войск занимались, например, башкирский старшина Муса Муслюмов и мишарский старшина Аблей Смаилов. В начале мая в корпусах Михельсона и Фреймана было до 600 башкир и мишарей. А всего старшинам удалось набрать в помощь карателям около 2,5 тысяч человек⁸⁶.

Некоторые из старшин предпринимали самостоятельные карательные операции. Команда башкирского старшины Кидряса Муллакаева, перебежчика, получившего было в первые месяцы восстания чин пугачевского полковника, разгромила повстанческий отряд В. И. Торнова, состоявший из башкир, русских и татарских крестьян. Пугачевский полковник татарин Мясогут Гумеров был предательски схвачен командой мишарского старшины Мендея Тупеева⁸⁷. На территории Казанской дороги усмиряли восставших команды старшины Кулыя Балтачева и крупных торговцев Башира Тупеева и Утегана Уразметева⁸⁸. На Ногайской дороге был создан карательный отряд под командованием походного старшины Суун-Кипчакской вол. Киикбая Емансарина. За Каранаем Мратовым охотился сводный отряд, сформированный шестью башкирскими старшинами⁸⁹.

Естественно, события толкали повстанческие отряды башкир, мишарей, татар на вооруженный отпор карательным

«иноверческим командам». Например, Качкын Самаров разбил отряд Киикбая Емансарина, а затем блокировал Суун-Кипчакскую вол., не давая возможности Киикбаю и его приверженцам соединиться с правительственными подразделениями⁹⁰.

Но чаще местные каратели трусливо нападали на небольшие группы повстанцев и отвозили захваченных в плен к царским офицерам. В плену, грозя пугачевцам «искоренением» семей, требовали клятвенного слова «покориться» властям. Всего на территории Башкирии (преимущественно на Ногайской и Казанской дорогах) самостоятельно действовало, по неполным данным, 10 башкиро-мишарских карательных отрядов. Некоторые из них, как, например, отряд Башира Тупеева, насчитывали до 300 человек.

Рядовые общинники становились в ряды карателей чаще всего по принуждению своих старшин или из-за страха перед расправой за участие в восстании на его первом этапе, или в надежде на получение «добычи» во время грабежа мятежных деревень. Например, старшина Салтанмрат Янышев в июне набирал в свой отряд непокорных общинников, «не приемля никаких ... отговорок», прибегая к насилию и казням⁹¹. Михельсон же периодически отсылал по домам «инородцев» из своего корпуса, чтобы те отвозили имущество, отгоняли к себе скот, награбленные у населения. Он знал, что делал: «Моя команда ныне ежедневно умножается», — докладывал Михельсон Щербатову⁹². И все-таки, несмотря на жестокости и коварство, власти не смогли получить достаточное количество башкирской конницы для борьбы с повстанцами. Рядовые общинники саботировали приказы старшин и отказывались служить в правительственных командах. К повстанцам переходили люди из команд Кулыя Балтачева, Каипа Зиямбетова, Салтанмрата Янышева, Кидряса Муллакаева и других карателей⁹³. Из отряда в 1300 чел., отправленного старшиной Емансары Епаровым (Ямансары Яппаровым) к Тимашеву, к последнему присоединилось всего 10 башкир⁹⁴.

Повстанцы беспощадно расправлялись с представителями старшинской верхушки, участвовавшими в карательных экспедициях по восставшим деревням, служившими секретными агентами-конфидентами местных властей, лазутчиками в командах регулярных войск. Особую ненависть у них вызывал Салтанмрат Янышев, возглавлявший башкиро-мишарскую команду корпуса Михельсона. То и дело по всей Башкирии распространялись радостные слухи, что он пойман пугачевцами, или — что «за Солтан-Муратом едит полковник Каранай, окружив ево для убитья с тысячью человеками»⁹⁵. Богатое хозяй-

ство жестокого мишарского старшины, включая мельницы и кожевенный завод, разорили сами же мишари-повстанцы⁹⁶.

Пугачевцы казнили изменившего восстанию башкирского старшину Илиша Назарова⁹⁷. Такая же участь постигла группу башкирских и мишарских сотников «за то, что они к верным командам присоединились»⁹⁸. За голову Кулья Балтачева Пугачев назначил сумму в 500 рублей⁹⁹. Опасаясь за свою жизнь, старшина Емансары Епаров заставлял охрану «денно и ночью» стоять «на карауле на Уральских горах»¹⁰⁰.

Повстанцы сжигали дома, разоряли хозяйства представителей верной властям старшинской верхушки. У Кулья Балтачева было захвачено имущества на 5302 руб.; у ясачного татарина д. Аширово Оренбургского уезда Утягана Уразметева отобрали скот, лошадей и товар на сумму в 6 тыс. руб.; сумма конфискованных повстанцами товаров челябинского купца Якупа Солтанаева исчислялась в 17 736 руб.; богатые мишари Исетской провинции лишились имущества на 21 680 руб¹⁰¹.

Из сказанного вовсе не следует, что башкирские повстанцы обратили пугачевские призывы о физическом уничтожении представителей господствующего класса и конфискации их имущества против всей старшинской верхушки местного общества. Преследованиям подвергались лишь те, кто открыто порвал с восстанием и оказывал помощь карателям.

Местные власти и воинские команды угрозами и расправой пытались привести край «к повиновению и спокойствию». Командующие правительственными войсками, коменданты крепостей, сам оренбургский губернатор и его воеводы вели активную противопугачевскую агитацию. Башкирию наводнили манифесты и указы Екатерины II, послания Синода, обращения — «публикации» И. А. Рейнсдорпа «ко всему башкирскому, мещерятскому и татарскому народам», увещевания военачальников к яицким и оренбургским казакам и другим категориям населения. Они требовали прекратить волнения, унять восстание: вспомнить о присяге императрице, «быть ей величеству в совершенном повиновении и жить по-прежнему добропорядочно и спокойно». Несмотря на содержание во всех документах то лукавых обещаний, то прямых угроз, призывы властей не имели успеха. Восставшие, по информации конфидента Уфимской провинциальной канцелярии мишарского старшины Мендея Тупеева, даже о манифестах самой императрицы «со всякою бранью отзывались»¹⁰².

А власти множили и разнообразили репрессии.

На площадях, в присутственных местах жгли манифесты «Петра III» — Пугачева, указы его Военной коллегии и командиров. Порой это напоминало суды католической инквизиции.

По сообщению Оренбургской секретной следственной комиссии, такая процедура в Оренбурге 27 мая 1774 г. предшествовала казни двух видных пугачевцев — атамана яицких казаков М. П. Толкачева и капрала оренбургских казаков И. Волкова¹⁰³.

Командиры воинских частей для нанесения ударов по повстанцам намеренно выбирали период полевых работ, когда люди разъезжались по своим деревням. Узнав, например, что старшина Сара Абдуллин, а также другие повстанческие старшины отпустили большую часть башкир, мишарей и русских крестьян на весенние полевые работы, а в их отряде у Кыштымского завода осталось около 300 человек, к тому же, вооруженных лишь луками да стрелами, полковник В. Ф. Бибииков послал команду секунд-майора Х. Фишера «на поражение их нечаянно»¹⁰⁴. В ходе карательных акций разорялись и сжигались деревни; войска брали в плен жен и детей пугачевцев; пленных пытали без суда и следствия. Комендант Верхнеяицкой крепости полковник Е. А. Ступишин подверг жестокому наказанию пугачевца, захваченного под Карагайской крепостью: с отрубленными пальцами, отрезанными ушами и носом башкира Зейфутдина Мусина водили по деревням для устрашения жителей¹⁰⁵.

Но репрессии против повстанцев не давали ожидаемых властями результатов, вызывали лишь гнев и ненависть народа.

§ 2. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПУГАЧЕВСКОГО ВОЙСКА И ЕГО ПОХОД К КАЗАНИ

Боевые действия Главного повстанческого войска в мае — начале июня 1774 г. Выступив 2 мая 1774 г. с Белорецкого завода, пробравшись по горным тропам, «через лес по указательству бывших в толпе башкирцов», войско Пугачева 5 мая подошло к Магнитной крепости¹. В тот же день они пошли на штурм крепости, но, понеся большие потери, отступили. Сам Пугачев был ранен картечью в руку. 6 мая пугачевцы снова приступили к крепости и, сломив сопротивление неприятеля, овладели ею. Комендант крепости капитан С. Тихановский был повешен. На сторону повстанцев перешли все исетские казаки и часть солдат местного гарнизона². Повстанцы располагали теперь артиллерией, захваченной в крепости, и пополнили свои боеприпасы порохом, привезенным с Каслинского завода командой башкирского старшины Базаргула Юнаева³.

Выйдя к Магнитной крепости, повстанческое войско вплотную приблизилось к территории кочевий казахов Среднего жуза. И Пугачев решил осуществить задуманный ранее план привлечения казахов в свое войско.

8 мая с указами к султану Аблаю и другим казахским феодалам было отправлено посольство, возглавленное башкирским походным старшиной Балакатайской вол. Шукуром Абзамовым (Абзановым) и его братом сотником Упаком. Не дождавшись возвращения посланцев, Пугачев отправил к султану Аблаю второе посольство во главе с башкирским старшиной Салзаутской вол. Баязитом Максютковым и правящим старшинскую должность в Терсяцкой вол. Махмутом Калмакаевым и потребовал, чтобы казахские старшины «собрали киргисцов немалое число и разоряли б линейныя крепости»⁴. Результаты не преминули сказаться: причины выступления казахов на стороне мятежных россиян правительство непосредственно связывало с пребыванием в казахских степях «самозванца Пугачева посланцов»⁵.

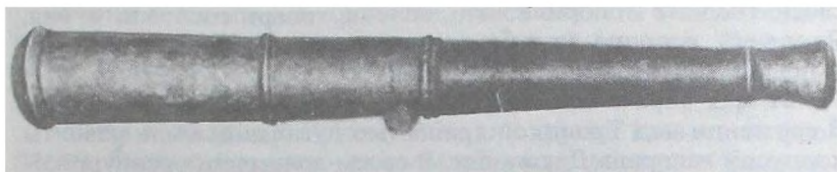
Тем временем, не оставляя, видимо, намерения захватить центр Исетской провинции — Челябинск, Пугачев, уклоняясь от встречи с правительственными командами, направился от Магнитной крепости на северо-восток. Он обошел Верхнеяицкую крепость, в которой были сконцентрированы крупные карательные силы, и двинулся к Карагайской крепости. Поход Главного повстанческого войска по крепостям Оренбургской линии продолжался до 20 мая. Петропавловская, Степная, Троицкая крепости, Подгорный и Санарский форпосты были захвачены, а затем уничтожены. Крепости, как и заводы, использовались правительственными войсками в качестве опорных пунктов для борьбы с восставшими, служили базами для снабжения их продовольствием и боеприпасами. Уничтожение крепостей весной 1774 г. диктовалось противоборством с карательными войсками, предпринявшими решительное наступление на основные очаги повстанческого движения. Жителей покоренных крепостей Пугачев забирал с собой, офицеров из местных гарнизонов казнил. Как рассказывал во время допроса башкир д. Курбаново Исетской провинции Ишмухаммет Ниясов, на Оренбургской линии, где находили «людей богатых, у тех брали деньги и прочее иждивение, и супротивляющихся грабили и кололи, а других брали с собой»⁶. Дворяне охотно выдавали пугачевцам своих господ, пытавшихся затаиться среди жителей крепостей. Так, в Магнитной крепости на суд Пугачева дворовая Авдотья Яковлева привела свою госпожу капитаншу В. Ф. Тихановскую, жену коменданта С. К. Тихановского. По словам Яковлевой, она «той

своей госпоже говорила, что не она теперь госпожа, а она, Яковлева, и полно-де тебе дочь мою, ущемя в колени, розгами сечь». Изуверка была повешена⁷.

21 мая карателям, наконец, удалось настигнуть Пугачева. В сражении под Троицкой крепостью пугачевцы были разбиты корпусом генерала Деколонга. В своем донесении оренбургскому губернатору Деколонг так описывал ход сражения: «И сколько сам ... [Пугачев] не усиливался свои отчаянные силы, разъезжая наподобие ветра, удерживать и утверждать, однак остался разсыпанным»⁸. Пугачев потерял около 4 тысяч человек убитыми, большой обоз и всю артиллерию, состоявшую из 28 орудий⁹.

Но отступление пугачевцев не было столь беспорядочным, как казалось генералу. По словам самих повстанцев, после сражения Пугачев «башкирским старшинам приказал же збиратца в скопы». И уже на следующий день к нему, отступившему к Нижне-Увельской слободе, «подоспели башкирцы и собралось много охотников, ушедших от баталии ..., всех стало до 2000»¹⁰. И когда на этот отряд 22 мая неожиданно вышел Михельсон, он не сразу понял, что навстречу ему шло войско Пугачева, за день до этого разбитое в сражении под Троицкой. Следовавшую в боевом порядке команду повстанцев подполковник принял за корпус Деколонга. Пугачевцы первыми атаковали врага, и Михельсону с трудом удалось перестроить свои батальоны. Главный удар Пугачев направил на неприятельскую артиллерию и конницу, состоявшую из преданных правительству башкир и мишарей. Смяв конницу, Пугачев уже «щитал себя победителем, бросился в разсыпку», но вступление в бой эскадрона изюмских гусар под командованием самого Михельсона, заставило пугачевцев отступить. В этом сражении — под д. Лягушино у Кундравинской слободы было убито до 600 и захвачено в плен около 400 повстанцев. Однако Михельсон понимал, что пока еще не разбил Пугачева, и в рапорте Щербатову об этом бое писал: «Я не иначе считаю, что злодей вновь станет стараться усиливаться по заводам и соединяться с бунтующими башкирами»¹¹.

Каратели на некоторое время потеряли след войска Пугачева. «Бег же сего изверга, — писал командующий сибирскому губернатору, — столь опрометчив, что с порядком службы нет способу ево преследовать»¹². Пугачев остановился в д. Байгазино на р. Миас, где его уже ждала «приготовленная толпа с 400 башкирцами». Но здесь он получил известие, что к Челябинску подошли дополнительные карательные силы, поэтому не решился идти прямо туда, а направился по деревням, пополняя свой отряд новыми добровольцами¹³. Башкиры инфор-

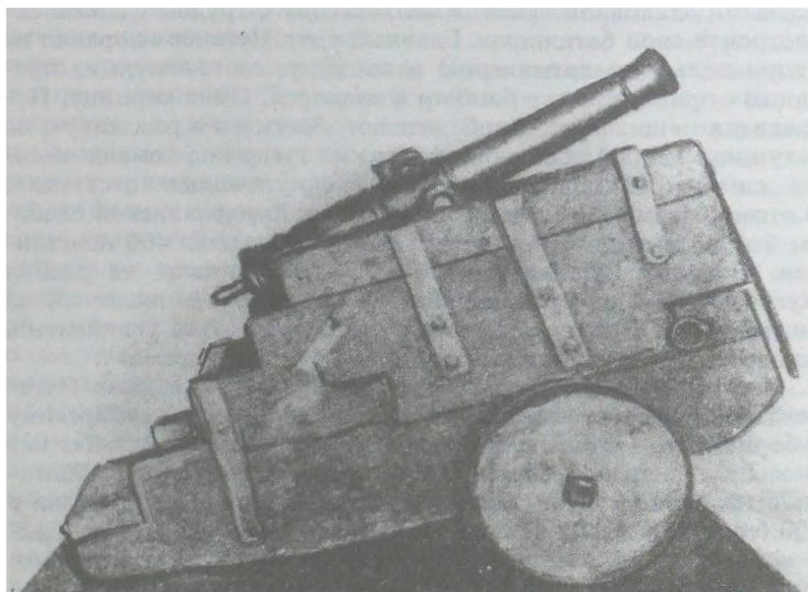

Пушка пугачевских отрядов

мировали Пугачева обо всех передвижениях воинских команд. Это позволило Пугачеву осуществить умный тактический ход: он пропустил карателей вперед, тем самым, из преследуемого стал сам преследователем¹⁴.

31 мая Пугачев вступил на Златоустовский завод, а через два дня — на Саткинский. Жители заводов были включены в состав войска, заводские строения сожжены. Пугачевская артиллерия пополнилась захваченными тут пушками и припасами к ним.

Вечером 2 июня у р. Ай неподалеку от д. Киги к Пугачеву присоединился отряд Салавата Юлаева. Пугачев так описал эту встречу: «Пришел он в башкирские селения, где нашол стоящих на конях башкирцов до трех тысяч человек. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават, подъехал

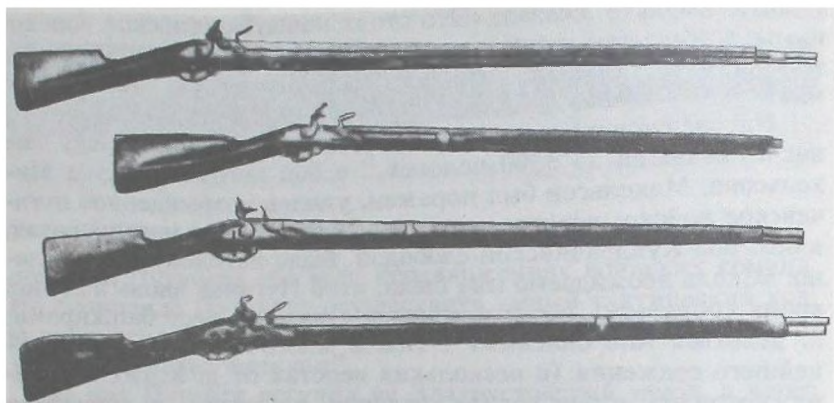
Пушка пугачевских отрядов

к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся ваше величество, а нас-де старшин здесь трое». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне!»¹⁵

На следующий же день Пугачев бросил свой отряд, уже насчитывавший до 3500 человек,¹⁶ в бой против корпуса Михельсона. Михельсон был поражен, увидев возрожденное пугачевское войско, которое, как казалось ему, две недели назад, в бою под Кундравинской слободой, было наголову разгромлено: «Сколь неожиданно мне было, чтоб Пугачев вновь получил время собраться ... и, усилившись с разных мест башкирами, ... делаться мне опасным»¹⁷. После многочасового напряженного сражения (в нескольких верстах от д. Киги), во время которого «происходила великая ружейная и пушечная пальба», войско Пугачева отступило¹⁸. Но два дня спустя у д. Месягутово оно вновь напало на Михельсона. Пугачевцы переправились через р. Ай и, затаившись в ущельях гор, устроили засаду. Затем башкиры, как докладывал по инстанциям подполковник, «выбежав со сторон, всеми своими силами, обще з... Пугачевым, меня атаковали», и «бой шел немалое время»¹⁹.

Сражения 3 и 5 июня представляют замечательные битвы пугачевцев по силе сопротивления регулярным армейским частям и тактике боя. Как показывал Пугачев на допросе в Тайной экспедиции Сената, в ходе этих сражений он «не мог ... сломить» Михельсона, но и последний «также его не разбил», и они «разошлись»²⁰. В донесении Щербатову от 8 июня Михельсон вынужден был, скрепя сердце, признать, что восстание в восточной Башкирии не подавлено, а Пугачев и Салават ушли от него²¹.

После боев с Михельсоном Пугачев щедро награждал воинскими званиями пришедших к нему со своими отрядами башкирских старшин, а также отличившихся в боях повстанцев. 5 июня Салавату Юлаеву и Канзафару Усаеву был присвоен чин бригадира (главного полковника), старшине Дуванской вол. Сибирской дороги Медету Миндиярову — полковника. Юлай Азналин был объявлен главным атаманом Сибирской дороги «для лутчего в народе разбирательства»²². Также, видимо, в июне указы «Петра III» о производстве в полковники получили старшины нескольких волостей Исетской провинции: старшина Мякотинской вол. Базаргул Юнаев, депутат Уложенной комиссии 1767 г., старшина Кара-Табынской вол. Юламан Кушаев, Балакатайской — Сара Абдуллин, Айлинской — Муртаза Юртаумов и Байгаза Козямышев, а также — старшина ясачных татар Мухаммет Саферов. По показаниям

Ружья XVII—XVIII вв.

башкирского сотника Исергана Илкыбаева и сотника аюкинских калмыков Мурзабая Кашкина в походной канцелярии генерала Деколонга, Базаргул Юнаев был возведен Пугачевым в чин фельдмаршала, Юламан Кушаев — генерала. В своих донесениях Фрейману И. Л. Тимашев тоже называл Юламана генералом. В июне, по рекомендации Салавата Юлаева, Пугачев наградил чином полковника повстанческого сотника ясачного татарина Осинской дороги Абдуллу Токтарова, участвовавшего в боях под Уфой, в захвате Нагайбака и Бирска²³.

На допросе в Яицкой секретной комиссии Пугачев показал, что после июньских боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели, где набрал «башкирцов тысяч десять и несколько завоцких крестьян, и пошел на Красноуфимскую крепость»²⁴. Предводители башкир-повстанцев и, в первую очередь, Салават Юлаев, поставляя многотысячные ополчения в Главное войско восставших, не допустили разгрома Пугачева. Командирам правительственных войск не оставалось ничего иного, как попытаться объяснить неудачи в преследовании Пугачева тем, что войска были вынуждены действовать во многих направлениях, подавлять многочисленные очаги народного сопротивления. Генерал Щербатов жаловался сибирскому губернатору, что «не только одне те места ... занимаютца» огнем войны, где сам Пугачев «присутственен», но и в отдаленных селениях. Это, по его словам, — «главное доказательство» того, что Пугачев сколько бы уже раз «сокрушен не был, но в самое короткое время набирает достаточные силы»²⁵.

Из Башкирии повстанческое войско двинулось к Казани. Но каратели никак сразу не могли определить маршрут следования Пугачева. Допрашивая пленных, они получали самые

различные сведения: то о намерении Пугачева взять Екатеринбург, то, «если ему не удастся чрез Каму в Волгу пройти, может быть в сторону к городу Архангельскому к морю пройти»²⁶.

10 июня Главное повстанческое войско заняло Красноуфимскую крепость; затем, переправившись через р. Уфу, вступило в пределы Казанской губернии. На следующий день под Ачитской крепостью оно встретило выступившую из Кунгура карательную команду подполковника А. В. Папава. Охватив команду с флангов, повстанцы открыли сильный огонь и вынудили карателей к отступлению, преследуя их в течение шести часов²⁷.

В записках статского советника А. В. Папава, сделанных им через двадцать с лишним лет, в 1797 г., изложены любопытные факты, относящиеся к событиям 11 июня 1774 г. Папаву запомнилось, как пугачевцы пытались склонить на сторону восстания его команду, а он изобретал способы «обуздать своеволие» своих подчиненных. «Уральские и красноуфимские казаки с башкирцами, многие в кольчугах,— вспоминал Папав,— все ближе подсакивали к фронту и кричали моей команде: «Выдайте нам только подполковника с офицерами, а вас всех батюшка прощает и жалует деньгами и от податей сделает свободными». Офицер реагировал на это с солдатским простодушием: отдал приказ «бить больше в барабаны, чтоб тем заглушить голоса казаков, доходимые до ушей рекрутов и прочих». Папав признавался, что «принужден был ежечасно всех нижних чинов, особливо рекрут увещевать». Он напоминал им о принесенной императрице присяге, заверял свою команду в несомненной победе в боях с повстанцами, «ибо у бунтовщиков одни только ружья и стрелы, а у нас есть исправныя четыре пушки и на каждого по сороку патронов на руках, да по стольку ж в ящиках». Папав запугивал солдат и новобранцев рассказами о том, что Пугачев, якобы, «всех, которые ему сдаются, а равно и тех, кои обманом его к нему из команды бегут, отдает, по любви своей к яицким казакам, в холопы для поселения на Яику, а оттуда казаки за малую вину продают киргизцам». Через много лет Папав нашел в себе мужество признаться, что окруженный пугачевцами и колеблющимися бойцами его команды, находился на грани самоубийства: решил «в случае от подчиненных мне насилия, лишить себя жизни из пистолета»²⁸.

Повстанческое движение в Башкирии в июне — середине июля 1774 г. Оставшиеся в Башкирии повстанческие отряды старались преградить путь карательным войскам, преследующим Пугачева. Генералу Щербатову пришлось бросить «все

Handwritten text in Cyrillic script, likely a letter or document from the 18th century. The text is written in a cursive style and is partially obscured by a large, dark, irregular mark at the top center. The visible text includes phrases such as "Письмо старшины Кыркули-Минской вол. Ногайской дороги Алибия Мурзагулова старшинам Казанской дороги..." and "26 июня 1774 г. РГАДА. Ф. 6. Д. 416, ч. 2. Л. 33. На тюрки". The bottom of the page shows the number "1774" and some faint markings.

Письмо старшины Кыркули-Минской вол. Ногайской дороги Алибия Мурзагулова старшинам Казанской дороги о якобы состоявшемся взятии Казани Е. И. Пугачевым и его намерении идти на Москву. 26 июня 1774 г. РГАДА. Ф. 6. Д. 416, ч. 2. Л. 33. На тюрки

войско на укрощение бунтующих башкирцев, дабы тем как наискорее уничтожить надежду самозванца на сей преданный ему народ»²⁹. Повстанцы Исетской провинции не раз нападали на команды майоров Д. О. Гагрина и Ф. Т. Жолобова, спешивших на защиту Екатеринбургского ведомства. Повсюду они наталкивались «на поставленной башкирской караул от злодея» Пугачева. Команде Жолобова пришлось вступить в сражения с пугачевскими отрядами между Чебаркулем и Челябинском, у Кыштымского завода. Команда премьер-майора Я. Ф. Декастро-Лацеродо в Уральских горах, у озера Буташ настигла отряд из тысячи башкир и мишарей. Повстанцы, захваченные врасплох, пытались оказать сопротивление, но потерпели поражение. Лишь после трех крупных сражений с пугачевцами сумел выбраться за пределы Башкирии Михельсон. Отвлекая на себя внимание карательных команд, повстанческие отряды всячески мешали продвижению правительственных войск, преследующих Пугачева. Они занимали переправы, сжигали мосты, паромы, лодки и другие переправочные средства³⁰.

Чтобы вызвать у повстанцев «смущение и робость», командующий войсками Щербатов направил к Уфе корпус под началом генерал-майора П. М. Голицына. Однако 5 июля в 25 верстах от Стерлитамакской пристани каратели были атакованы двухтысячным отрядом пугачевцев. После неудачно сложившегося боя повстанцы отступили и смогли оторваться от погони, переправившись через р. Белую. Предводительствовали отрядами, вступившими в бой с генералом Голицыным, башкирские старшины Ногайской дороги Алибай Мурзагулов, Кидряс Муллакаев, Каип Зиямбетев, Аслай Курмекеев, Ильчигул Тоймасов. В апреле 1774 г., в обстановке крупных военных неудач повстанцев, они повинились перед властями. Но в июне вновь перешли в лагерь восставших. На их позицию, как и на умонастроение большинства других представителей башкирской верхушки, несомненно, повлияла активизация повстанческого движения в крае, прохождение через территорию Башкортостана Главного повстанческого войска, успешные боевые действия соратников Пугачева — Салавата Юлаева, Качкына Самарова, Караная Мратова и других. Колеблющихся старшин и старшин откровенной правительственной ориентации к союзу с восставшими подвигнул и уход из Башкирии в погоню за Пугачевым наиболее удачливого командира екатерининских войск подполковника И. И. Михельсона, равно и переброска крупных армейских частей в Поволжье. Таким образом, в начале лета 1774 г. старшинская верхушка во второй раз становится временным попутчиком восстания³¹.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что своим авторитетом башкирские старшины, несомненно, способствовали росту и наполненности повстанческого движения. Буквально обрадовало пугачевцев возвращение в стан восстания влиятельного старшины повстанческого полковника Алибая Мурзагулова. «Высокопоставленному атаману Алибаю Мурзагулову сыну посылаются наши приветствия и молитвы», — писал ему 19 июля 1774 г. пугачевский полковник мулла Сляусин Кинзин, сын Кинзи Арсланова. Сляусин извещал Алибая Мурзагулова о схватках своего отряда с гусарской командой у Сакмарского городка, а также предлагал ему свою помощь: «Если же на той Вашей стороне будет беспокойно и неблагополучно, то пошлите сюда человека с Вашим письмом, — мы, быстро прибыв с одной-двумя тысячами человек, выручим Вас». Но суть письма заключалась в другом: Сляусин с удовлетворением сообщал о пресечении попыток старшины Емансары Епарова (Ямансары Яппарова) «со своими людьми в триста семей» присоединиться к регулярным войскам, стоявшим в Оренбурге: «Мы, тысяча человек из Усерганской, Бурзянской, Тамьянской, Чинким-Кипчакской волостей, отправившись за ними, взяв их в полон, привели обратно к себе»³². Речь шла о старшине Суун-Кипчакской вол. Емансары Епарове, который в начале июля выделил отряд для сопровождения корпуса генерал-майора П. М. Голицына из Оренбурга в Уфу. Сляусин Кинзин своей удачной операцией помешал скорому продвижению правительственных частей. Но те не знали о пленении Емансары Сляусином, — решили, что старшина сам ушел к повстанцам. Во всяком случае, командующий войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов с раздражением писал 25 июля оренбургскому губернатору: «Измена бунтовщика Ямансарая крайне меня огорчает. Кажется, нельзя было сомневаться о его признании, тем более, что оставил он сына с лучшими башкирцами у генерал-майора князя Голицына залогом своей верности»³³. Но командующий мог утешиться: пока его письмо шло в Оренбург, Емансары удалось освободиться из плена, и он, не заставляя себя просить, извещал губернатора о своей готовности служить правительству и вновь «увещевать» башкир-повстанцев³⁴.

Тем временем, спешившие в Поволжье вслед за Пугачевым войска только с 21 июня по 6 июля одиннадцать раз вынуждены были вступать в бои, навязанные им башкирскими повстанцами³⁵.

Оживлению народного движения в местах, отдаленных от районов действия Главного войска Пугачева, немало способствовала добрая молва об успехах повстанческих усилий. Неред-

ко слухи эти сознательно преувеличивались. Так, оренбургский казак А. Ключин (где-то в июне) рассказывал жителям крепостей Верхнеозерной дистанции явно вымышленные истории о том, что Пугачев «многосилен» и имеет до 300 пушек, и порох повстанцы сами изготавливают, поэтому гусары и гренадеры из регулярных войск «во многолюдстве бегают» от Пугачева³⁶.

Правительственные войска и местные карательные силы безуспешно пытались предотвратить массовое уничтожение южноуральских заводов повстанцами. Уходя из Башкирии, Пугачев подтвердил свое распоряжение о сожжении заводов, служивших опорой карательных команд. В первых числах июня он выяснял у Юлая Азналина: «все ль заводы по ево повелению ... истреблены?» — и, получив отрицательный ответ, приказал ко всем сохранившимся «заводам делать приступы»³⁷.

Многие заводы были сожжены или разрушены башкирскими повстанцами с добровольного согласия их работников и жителей. Командующий карательными войсками Ф. Ф. Щербатов в своей реляции от 25 июня сообщал Екатерине II о том, что башкиры идут «на истребление заводов по поводу заводских крестьян и в разных местах многие уже выжгли»³⁸.

Но исполнение приказов повстанческого руководства о ликвидации заводов не всегда проходило гладко. Нарастание стихийных акций, особенно — в выступлениях новобранцев восстания, накладывало свою печать на заветный облик борьбы за свободу и землю. Участились случаи грабежа не только заводского, но и личного имущества русского населения отрядами отдельных башкирских старшин. Они громили и поджигали заводские деревни только за то, что те были построены на башкирской земле. А подобные акции использовались заводской администрацией для разжигания национальной вражды, для организации сопротивления повстанцам: ведь для многих работников заводы и окружавшие их деревни были постоянным местом жительства и единственным средством существования. Все же, в своей сути уничтожение заводов в Крестьянской войне было самым резким и емким выражением стихийной борьбы против феодального гнета, одним из ее грозных символических явлений³⁹.

В течение мая-июня на территории губернии «до подошвы» сгорело 24 завода; «малое позжение» коснулось остальных 15 предприятий⁴⁰. Боеспособная часть заводских крестьянполнила ряды повстанческих вооруженных сил, приписные крестьяне разошлись по своим деревням, большинство рабочих людей с семьями ушли в горы или были отосланы в Пермскую провинцию.

Следя за продвижением Главного войска, отряды повстанцев Осинской и Казанской дорог сосредоточивались в низовьях р. Белой и на Средней Каме, чтоб обеспечить сколько возможно беспрепятственный проход Пугачеву. Они нападали на проходившие мимо правительственные воинские команды, охраняли от них речные перевозки; некоторые отряды шли навстречу Пугачеву. Наибольшую активность проявили отряды под командованием полковников Бахтияра Канкаева, Медета Миндиарова, походных старшин Адыла Ашменева, Сайфуллы Сайдашева, татарина Ермухаммета Кадырметева, повстанческих старшин башкир Адигута Тимясева и Аита Саитова, тептярских старшин (ясачных марийцев) Байки Тойкиева, Якея (Юкея) Егорова, Ахмера Агиева и др⁴¹.

Указ Пугачева от 13 июня предписывал Бахтияру Канкаеву и Ермухаммету Кадырметеву набирать «войска как русского, так и башкирского» для пополнения «Большой армии», для организации отпора карателям⁴². Бахтияр Канкаев вел мобилизацию в «казаки» по деревням северо-западной Башкирии и Пермской провинции. По показаниям повстанческого старшины башкира Уранской вол. Осинской дороги Аита Саитова, в середине июня отряды полковников Медета Миндиарова, Бахтияра Канкаева и Ермухаммета Кадырметева насчитывали вместе 3 тысячи чел. И они продолжали набирать бойцов: рассылали наставления «татарским письмом» и «требовали в службу людей»⁴³.

Другой из подобного ряда указов Пугачева был направлен 19 июня повстанческому старшине башкиру Гайнинской вол. Осинской дороги Адылу Ашменеву и сотнику повстанцев башкиру той же дороги Мукашу Сутееву, вожакам русско-башкирского отряда, освободившего от карателей д. Неволино близ Рождественского завода. Пугачев на этот раз требовал от своих эмиссаров привлечь к повстанческому движению трудовое население Прикамья: «всячески стараться вам, старшине и сотнику, набирать к имеющемуся у вас в команде войску и, по набрании достаточного числа, дожидаться вам со оною прибытия нашего величества с армией нашей в деревне Неволинной». Адыл получил и второе распоряжение «Петра III» — Пугачева, которое рекомендовало ему «умедлить» с походом «для взятия Рождественского завода до прибытия нашего»⁴⁴. Отряд Адыла Ашменева должен был, не отвлекаясь на что-либо другое, охранять стратегически важный объект — переправу через Каму, прикрывать от карательных команд повстанцев, осаждавших Осу.

Забегая вперед, надо сказать, что именно указ Адылу Ашменеву был составлен секретарем повстанческой Военной коллегии А. И. Дубровским, автором-составителем знаменитого манифеста «Петра III» — Пугачева от 31 июля 1774 г., объявившего об освобождении крестьян от крепостничества, предоставлении свободы и различных льгот всему трудовому народу России без всяких условий и обязательств⁴⁵. И написанный за неделю до манифеста указ Адылу Ашменеву выделяется своей антифеодальной направленностью. А в нем говорилось, что отныне дворяне лишаются прав на эксплуатацию крестьян: «... дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждой восчювствует прописанную вольность и свободу». Указ Адылу Ашменеву был призван оповестить и объяснить «верноподданным Петра III», какие будут произведены преобразования в стране после его воцарения. Указ прежде всего обещал, что государство не станет собирать подушные и другие подати с населения. Составители указа при этом наивно полагали, что хотя налогов не будет, «казна сама собою довольствоватца может»⁴⁶. Другой знаменательный момент документа (особенно важный в целях вовлечения народных масс в восстание) заявлял об отмене тячайшей повинности — рекрутчины. «Войско наше,— говорилось от имени «Петра III» — Пугачева,— из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет».

За несколько дней до взятия Осы у Уинского завода к Пугачеву явились депутат Уложенной комиссии 1767 г. старшина Гайнинской вол. Осинской дороги Токтамыш Ижбулатов и торговый башкир д. Елпачихи Гайнинской вол. Адигут Тимясев. Они подали письмо, в котором просили прощения за распространение среди населения увещеваний губернатора И. А. Рейнсдорпа и полковника В. Ф. Бибикова. Как рассказал во время допроса Адигут, Пугачев простил их, сказав: «Ну, когда вы посланы поневоле, и народ вас не послушал, так вы и не виноваты. Будьте теперь при мне и служите верно»⁴⁷.

Токтамыш Ижбулатов участвовал в походе «Большого войска» до Казани. Пугачев даже присвоил ему звание полковника⁴⁸.

В середине июня к Пугачеву пришел и привел целый отряд повстанцев другой депутат Уложенной комиссии 1767 г. (от ясачных крестьян Уфимской провинции) А. Г. Стариков⁴⁹. «Большое войско» росло и крепло.

21 июня Главное повстанческое войско овладело Осой.

События же здесь развивались так.

«Пред праздником Петра и Павла,— вспоминал на допросе в Казани осинский воевода поручик Ф. Д. Пироговский,—

Вид пригородка Осы с восточной стороны. С гравюры XVIII в.

приехав к пригороду Осе ... толпа тысяч до двенадцати башкирцов и русских под предводительством злодейских полковников Белобородова и Салавата Юлаева, обступили все жительство»⁵⁰. С 14 по 18 июня находившаяся в Осе команда, имевшая 17 пушек, отбивала атаки повстанцев. 18 июня в Осу вошло подкрепление — команда казанского гарнизона во главе с секунд-майором Ф. В. Скрипицыным и команды, присланные коллежским асессором М. И. Башмаковым. В тот же день повстанцы подошли к крепости и сожгли пригородное поселение — форштадт. Вскоре к Осе прибыли и основные силы повстанческого войска во главе с Пугачевым. Исчерпав все средства к мирному овладению крепостью, Пугачев перешел к боевым действиям. 18, 19 и 20 июня одна за другой следовали атаки и сражения у стен крепости. Повстанцы встретили здесь сильное сопротивление неприятеля, но, невзирая на летящий со стен град камней, скатываемые бревна и льющий горячий вар, повстанцы раз за разом приступали к стенам. Большинство башкир, за неимением железных лат, сражалось «в латах холщевых, в 30 или 22 рядов сшито холста, пересыпав пеплом»⁵¹.

Но еще более обстоятельно и с замечательно красочными подробностями описывал боевые действия под Осой сам Е. И. Пугачев на допросе в Яицкой секретной комиссии 16 сентября 1774 г. Хотя он, — рассказывал Пугачев, — «тогда не имел пушек, однакож у тех высланных [на сражение] три отбил». Но в крепости оставалось еще много пушек, и повстанцы несли большие потери из-за интенсивного артиллерийского обстрела со стен Осы. Тогда Пугачев «приказал навить сена пятьдесят возов» (сено для того, чтоб защищать людей от пушечных ядер), и 20 июня пошел на штурм городских укреплений. Наступление повстанцев напугало засевавший в Осе гарнизон. «А как близко подошли, — рассказывал Пугачев, — то ис крепости закричали, что воевать не хотят, а здадутся, только дайте-де до утра время. Что я и позволил. А на другой день выслали отставного солдата меня посмотреть: подлинно ли я государь, — которой вышел меня и смотрел, и, не сказав как я, так и он ничего, в город возвратился. А на другой день комендант со всею командою и со всеми обывателями ис крепости вышли и здали»⁵².

Пугачев был удовлетворен тем, что воинские команды и жители Осы впустили его. Поэтому, рассказывал на допросе в походной канцелярии генерала П. Д. Мансурова оренбургский казак М. Сергеев, прошедший с повстанческим войском из Исетской провинции до Царицына, Пугачев городовую крепость сжег, но «не чиня никакого людям тиранства, взяв во-

семь пушек, солдат и мужиков», ушел из Осы⁵³. Его путь лежал на Казань.

День спустя после событий под Осой «Большое войско» подошло к д. Неволино и начало переправляться через Каму. Переправу обеспечивал отряд Адыла Ашменева, который затем в составе Главного повстанческого войска участвовал в захвате Воткинского и Ижевского заводов, штурме Казани.

Большая часть повстанцев Башкирии из-под Осы вернулась в родные края. Как заявил на следствии Канзафар Усаев, его самого, Салавата Юлаева, Юлая Азналина и других «своих начальников, таковых же ... полковников» Пугачев отправил в Башкирию с указами для «возмущения спокойно живущих и набирания толп на разныя дороги»⁵⁴. Часть повстанцев из Башкирии некоторое время оставалась на территории Казанской губернии: проводила мобилизацию крестьян в Пугачевское войско, обеспечивала ему тылы. Самым активным был многочисленный отряд повстанческого полковника Бахтияра Канкаева⁵⁵.

В начале июля для набора «казаков» в Авзянской полк Главного войска повстанцев по прикамским селам и деревням, приписанным к Авзяно-Петровскому заводу, ездил полковник Д. М. Загуменнов, сам из приписных к этому заводу крестьян. Только из с. Котловки он взял 170 годных к службе крестьян⁵⁶.

С Пугачевым ушел большой башкирский отряд под командованием Юламана Кушаева. О численном составе отряда сведений не сохранилось. Документы говорят лишь о том, что в войске Пугачева под Казанью была «башкирская толпа».

Успешное продвижение Пугачева к Волге, провал попыток правительственных войск разгромить его вызвали серьезное беспокойство в Петербурге. Обвинив командующего войсками Ф. Ф. Щербатова в бездеятельности, Екатерина II 8 июля назначила на его место генерал-майора П. М. Голицына.

А тем временем, следуя через Воткинский и Ижевский заводы, село Мамадыш, уже двадцатитысячное Пугачевское войско подошло 11 июля к Казани. От имени «Петра III» — Пугачева в город было послано три манифеста, призывавшие власти и население сдать город без сопротивления и обещавшие трудовому народу свободу и различные льготы. Документ на тюрки был написан, видимо, главным полковником Кинзей Арслановым, переводчиком Идыркеем Баймековым и повстанческим полковником каргалинским татаринном Садыком Сеитовым, которые входили в «тайный совет» при Пугачеве, состоявший из 8 самых близких предводителю восстания людей. Члены совета, «почасту входя к Пугачеву,— рассказывали захваченные в плен повстанцы,— в полатку никого не

Артиллерия правительственных войск С гравюры XVIII в.

допуская, производят советы, а секретов их протчим слышать не можно»⁵⁷.

12 июля Главное войско Пугачева штурмом захватило Казань (кроме Кремля, в котором заперся местный гарнизон).

Известие о падении Казани, крупнейшего военно-административного центра в Среднем Поволжье, да и в России в целом, жестоко поразило Екатерину II. Она тотчас созвала императорский совет, на котором «объявила свое намерение оставить здешнюю столицу и ехать для спасения Москвы и внутренности империи»⁵⁸.

Но Пугачев недолго праздновал свою победу. Уже вечером 12 июля, затем — на следующий день и, наконец, 15 июля он вступил в долгое сражение с подоспевшим корпусом Михельсона. В последнем из этих боев Пугачев потерпел поражение.

В сражениях 12—15 июля под Казанью «башкирцы находились впереди» Пугачевского войска. Отважно воевали здесь и бойцы сформированных в Башкирии Авзянского, Исетского и других полков, набранных из работных людей и казаков⁵⁹. Рапортуя Щербатову о ходе боя, происходившего 15 июля, Михельсон отметил, что пугачевцы «наступали с такою сильною пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием,

чего только в лутчих войсках надеется можно». Потом в ход пошли копыя, луки и стрелы,— лишь военная выучка и опыт дали Михельсону победу: пугачевцы, «по сильном сопротивлении, обращены были в бегство». Повстанцы потеряли до двух тысяч убитыми; пять тысяч попали в плен⁶⁰. Среди убитых было много башкир. По свидетельству участника боев башкира Айлинской вол. Хамзы Боязитова, у стен Казани «башкирцы находились впереди пугачевской толпы, будучи чрезвычайно порублены»⁶¹. Корпус Михельсона тоже понес большой урон в сражениях и не смог сразу двинуться вслед за пугачевцами, направившимися к Волге.

С остатками войска Пугачев отступил к Кокшайску, 16—18 июля он переправился на правый берег Волги. Его отряд насчитывал около тысячи человек, среди которых было несколько сот башкир во главе с главным полковником Кинзей Арслановым. Остальные повстанцы, в том числе и башкиры, получили приказ «возратитца обратно в свои селения»⁶². Но тысяча воинов Пугачева в который раз стала разрастаться, пополняемая новым притоком сил восстания. Народное движение охватило Казанскую и Нижегородскую губернии, смежные с ними уезды Московской и Воронежской губерний; в начале августа повстанческая армия вступила в пределы Астраханской губернии.

С уходом Главного войска Пугачева народная борьба на Южном Урале не угасла. Оставался Салават Юлаев, который отныне и взял на себя предводительство восставшим Башкортостаном.

§ 1. Комплектование Главного повстанческого войска. Новый подъем народного движения в Башкирии

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 140. Л. 205; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 90—91; Д. 507, ч. 3. Л. 226—231.

² РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 91.

³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 173—174; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 66.

⁴ Крестьянская война. С. 151.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 2. Л. 265; ч. 4; Л. 41; Д. 507, ч. 4. Л. 455, 457, 468; Д. 627, ч. 9. Л. 116; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 41—42.

⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 262; Крестьянская война. С. 135, 137, 166; Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958. С. 38—44.

⁷ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 42; Пугачевщина. Т. 2. С. 349.

- ⁸ Крестьянская война. С. 204.
- ⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 7. Л. 350 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 191, 404.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 339—400.
- ¹¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 145; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 67—68; Крестьянская война. С. 125, 370; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 213—221.
- ¹² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 67—68, 290; РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 62.
- ¹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 465; Крестьянская война. С. 245.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 62—63, 174—175; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 268—287; *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М.* Указ. соч. С. 132—137.
- ¹⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 188; Пугачевщина. Т. 2. С. 329—330.
- ¹⁶ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 55—56.
- ¹⁷ Крестьянская война. С. 317—318. На Сибирской дороге (в Уфимской и Исетской провинциях) было 14 заводов.
- ¹⁸ Там же. С. 191; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 218—219.
- ¹⁹ Крестьянская война 1773—1775 годов в России. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 55—60.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 134, 461—466; Д. 1238. Л. 365; РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 452; Д. 186. Л. 275 об.; Д. 188, Л. 2—6, 24, 60; Крестьянская война. С. 142—143.
- ²¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 273—274; Ф. 1274. Д. 174. Л. 650—652; Д. 175. Л. 452; Крестьянская война. С. 134—136, 142.
- ²² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 188.
- ²³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 127; Д. 1239. Л. 55, 185; Пугачевщина. Т. 2. С. 329.
- ²⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 290—293.
- ²⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 153. Л. 270; *Суворов А. В.* Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 43.
- ²⁶ Крестьянская война. С. 140.
- ²⁷ Там же. С. 168—169.
- ²⁸ *Гвоздикова И. М.* Салават Юлаев. С. 151—164.
- ²⁹ Крестьянская война. С. 375.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 42.
- ³¹ Крестьянская война. С. 152, 156, 182; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 477; Ф. 1274. Д. 175. Л. 456; Д. 186. Л. 275 об.
- ³² Крестьянская война. С. 153.
- ³³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 462.
- ³⁴ Крестьянская война. С. 152, 156.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 58; РГВИА. Ф. 20. Д. 1238. Л. 418—419, 437—440; Пугачевщина. Т. 2. С. 287; Крестьянская война. С. 148—150, 179—180.
- ³⁶ Архив ПФИРИ. К. 51. Оп. 1. Д. 33. Л. 23; РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 12. Л. 236; Крестьянская война. С. 170.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 30—33, 57—58; Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 110.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 453 об., 455, 456; *Neue Nordische Miscellaneen.* 1794. N 7—8. S. 405.

- ³⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 265, 267, 275.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 279.
- ⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 362.
- ⁴² РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 318—319; Ф. 1100. Д. 8. Л. 166—167.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 288.
- ⁴⁴ В мае-сентябре Алибай Мурзагулов снова действовал в рядах восставших, а в октябре окончательно принес повинную генералу П. С. Потемкину — Крестьянская война. С. 124, 217, 396, 406.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 28, 42; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 477; Ф. 1100. Д. 8. Л. 47—50; Д. 9. Л. 554, 806—807.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 215.
- ⁴⁷ Там же. Л. 339, 376.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 462; РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 72 об.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 178.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 91.
- ⁵¹ Крестьянская война. С. 128, 134.
- ⁵² Там же. С. 160, 162, 180, 252.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 120; Д. 1239. Л. 9—10, 12—13, 260.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 273.
- ⁵⁵ Крестьянская война. С. 157.
- ⁵⁶ Там же. С. 306.
- ⁵⁷ Там же. С. 305—306, 315—316; РГАДА. Ф. 349. Д. 7248. Л. 27—30, 32—33.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 243; Д. 1238. Л. 638.
- ⁵⁹ Крестьянская война. С. 162.
- ⁶⁰ Там же. С. 182—184.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 53, 110.
- ⁶² РГАДА. Ф. 1274. Д. 186, Л. 170, 284; Крестьянская война. С. 250.
- ⁶³ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 233—235; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 8. Л. 168—170. Д. 504, ч. 3. Л. 397—398.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. С. 30—34.
- ⁶⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 188.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1238. Л. 403; Д. 1239. Л. 75.
- ⁶⁷ Там же. Д. 1239. Л. 377—380, 396.
- ⁶⁸ Там же. Л. 87—93.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 109, 152, 182, 183, 267, 333, 334; Ф. 1100. Д. 8. Л. 224; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 104, 286—288.
- ⁷⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 286—287.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 343.
- ⁷² Там же. Л. 51 об., 56.
- ⁷³ Там же. Л. 62, 63; Пугачевщина. Т. 2. С. 330.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 51—52, 54—56; Ф. 1100. Д. 8. Л. 224.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 109.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 5.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 265; Ф. 1100. Д. 9. Л. 109—110.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 21, 374.
- ⁷⁹ Архив ПФИРИ. Кол. 51. Оп. 1. Д. 33. Л. 22; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 323 об.—324; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 110; Крестьянская война. С. 181.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 72.

⁸¹ Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России периода феодализма // Коммунист. 1973. № 13. С. 86.

⁸² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 113.

⁸³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 208, 219, 230 об.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 435—437; Д. 592. Л. 129, 133, 181, 426, 427; Д. 593. Л. 161—163, 298; Ф. 1274. Д. 174. Л. 616—617; Крестьянская война. С. 122—124, 127, 128, 145, 146, 169, 170, 374, 375. В мае-июне 1774 г., в период нового подъема повстанческого движения, 11 старшин снова присоединились к повстанцам, но и в июле явились с повинной к властям.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 74 об.— 76.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 51, 265 об., 271; Д. 627, ч. 9. Л. 144—145а, 356—359; Ф. 1100. Д. 8. Л. 242; Д. 9. Л. 560; Д. 11. Л. 1—2; Ф. 1274. Д. 174. Л. 261; Д. 185. Л. 34—39; Д. 188. Л. 20, 29, 32 об.— 33, 151 об., 155 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 316—317, 352а; Крестьянская война. С. 371, 374.

⁸⁷ Крестьянская война. С. 127—128, 132, 220.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 516, ч. 1. Л. 37; Ф. 1274. Д. 175. Л. 395; ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 145—148.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 28, 30, 85; Д. 1240. Л. 352а; Крестьянская война. С. 138.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 91; Д. 9. Л. 385; ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 49.; Крестьянская война. С. 124, 138, 167, 181.

⁹¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 325.

⁹² РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 316—317.

⁹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 318, 505, 552—553; Д. 467, ч. 3. Л. 417; Крестьянская война. С. 169—170, 379.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 453.

⁹⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 314.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 3. Л. 6; Ф. 349. Д. 7248. Л. 33 об.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 148; Ф. 1274. Д. 174. Л. 618.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 349. Д. 7248. Л. 33 об.; Крестьянская война. С. 301.

⁹⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 146.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 546.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 395, 398; Д. 186. Л. 103 об.; ЦГИА РБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2. Л. 162—163; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 552—554.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 335—337.

¹⁰³ Крестьянская война. С. 120—121, 369; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 125—126.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 182.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 512, ч. 1. Л. 467 об.— 468 об.; Ф. 1274. Д. 186. Л. 275—280; Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т. 3. С. 26—28.

§ 2. Боевые действия Пугачевского войска и его поход к Казани

¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 2. Л. 181.

² Вопросы истории. 1966. № 6. С. 121.

³ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 288; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 316; ч. 6. Л. 169.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 203; Ф. 1100. Д. 9. Л. 472—474; Ф. 1274. Д. 174. Л. 661; Д. 182. Л. 231—233; Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 120—121.

⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 174. Л. 661. Подробнее о ходе и результатах переговоров с казахскими феодалами см.: *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 гг.). Алма-Ата, 1968.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 339—340.

⁷ РГАДА. Ф. 429. Д. 856. Л. 3.

⁸ ГПБ. ОР. Ф. IV. 668. Л. 83 об.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 5. Л. 109—110; Ф. 1274. Д. 179. Л. 535—536; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 108—111.

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 9. Л. 315—316; Пугачевщина. Т. 2. С. 208.

¹¹ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 146—147.

¹² РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 7. Л. 350 об.

¹³ Там же. Д. 467, ч. 2. Л. 279—281; Д. 627, ч. 9. Л. 333—334, 340.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 64; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 64.

¹⁵ Красный архив. 1935. № 2—3 (69—70). С. 211.

¹⁶ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 181.

¹⁷ Крестьянская война. С. 171—173.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 184—185.

²⁰ Красный архив. 1935. № 2—3 (69—70). С. 211—212.

²¹ Крестьянская война. С. 185.

²² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 43, 68, 69; Крестьянская война. С. 221, 317, 319.

²³ Крестьянская война. С. 315—316, 319, 389; РГАДА. Ф. 349. Д. 7248. Л. 32—33; Ф. 1274. Д. 175. Л. 462; Ф. 1100. Д. 12. Л. 132—133. По данным Р. В. Овчинникова, Е. И. Пугачев ввел воинские звания фельдмаршалов и генералов только в конце августа 1774 г. — *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 225.

²⁴ Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4, С. 120—121.

²⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 7. Л. 350 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 185. Л. 224.

²⁷ РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 293.

²⁸ Против Пугачева (Из записок современника) // Русская старина. 1904. Июнь. С. 651—653.

²⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 145 об.

³⁰ Там же. Д. 185. Л. 5—6; РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 491—494; Д. 1240. Л. 316—317, 335 а и б; Ф. 1100. Д. 9. Л. 469—471.

³¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 133—134, 164, 167; Ф. 1100. Д. 9. Л. 293, 499, 566—567; Крестьянская война. С. 205—207, 124, 396—397.

³² Возвзвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. С. 173.

³³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 637.

³⁴ Там же. Л. 862; Крестьянская война. С. 210—212, 397—398.

³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 256.

³⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 1. Л. 122.

- ³⁷ Крестьянская война. С. 317.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 20. Д. 1233, ч. 1. Л. 369 об.
- ³⁹ Подробнее об этом см.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 55—60, 68—71.
- ⁴⁰ *Кашиицев Д.* Указ. соч. С. 252—281; *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 328—336.
- ⁴¹ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 44, 71, 121, 124, 187, 188, 316—324; РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 186—187, 205—207, 435—437; ч. 5. Л. 30—34, 44, 139; Д. 467, ч. 8. Л. 252—253; Ф. 1100. Д. 8. Л. 335.
- ⁴² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 44, 315, 316.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 4. Л. 435—437.
- ⁴⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 44, 45.
- ⁴⁵ Там же. С. 48, 398.
- ⁴⁶ Там же. С. 45; *Овчинников Р. В.* Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому походному старшине Адылу Ашменеву // История СССР. 1972. № 2. С. 121—125.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 41—45.
- ⁴⁸ Там же; Крестьянская война. С. 222.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 6. Л. 335.
- ⁵⁰ Там же. Д. 440. Л. 19—20.
- ⁵¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 87—89.
- ⁵² Вопросы истории. 1966. № 4. С. 121.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 178. Л. 564—565.
- ⁵⁴ Крестьянская война. С. 222.
- ⁵⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 317—349; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 6. Л. 243—244; Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. С. 165—191.
- ⁵⁶ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 103—104; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 230—231.
- ⁵⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 208, 219; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 237—238.
- ⁵⁸ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 74.
- ⁵⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 340.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 363.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 10. Л. 56.
- ⁶² *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. С. 160; Пугачевщина. Т. 2. С. 275.

Глава III. Народное движение в Башкортостане во второй половине 1774 и в 1775 гг.

§ 1. ВОССТАНИЕ В БАШКИРИИ В ИЮЛЕ — СЕНТЯБРЕ 1774 г.

Переброска правительственных войск в Башкирию в августе — сентябре 1774 г. Третий этап Крестьянской войны характеризуется перенесением центра движения в губернии и уезды правобережной Волги. В течение второй половины июля и в начале августа 1774 г. Пугачеву удалось овладеть рядом городов Поволжья. Его войско вновь насчитывало десятки тысяч повстанцев. Восстание, разливаясь по поволжским губерниям, приближалось к центру страны, донельзя встревоженному событиями.

Очевидец событий академик Г. Ф. Миллер писал (3 июля 1775 г.) на страницах выходивших в Берлине «Еженедельных известий» А. Ф. Бюшинга: когда «мятежник Пугачев подошел к Казани, в Москве возникло возмущение, во время которого слепая чернь объявила разбойника своим спасителем»¹. Позднее в своей работе «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и о поднятом им восстании» Г. Ф. Миллер характеризовал положение в старой столице середины лета 1774 г.: «Вся московская чернь ждала прихода Пугачева и была готова при одном только приближении мятежников стать под его знамена»².

Действительно, еще перед штурмом Казани 12 июня Е. И. Пугачев созвал военный совет, на который были приглашены все его полковники и «тайные советники». После чего было объявлено, что он «по взятии Казани намерен пройти в Москву и тамо воцариться и овладеть всем российским государством»³.

Переpravившись через Волгу после сражений под Казанью, пугачевцы взяли Цивильск и Курмыш. Эти города открывали путь на Москву через Нижний Новгород. Но, получив известия о том, что подступы к Нижнему Новгороду были укреплены правительственными частями, Пугачев повернул к Саранску, откуда через Арзамас и Владимир тоже шла дорога на Москву. Однако и этот путь к старой столице был уже занят регулярными войсками. Взвесив возможности своего войска, состоявшего отныне в подавляющем большинстве из

Е. И. Пугачев. 1774 г.

плохо организованной крестьянской массы, Пугачев двинулся на юг к родному Дону, рассчитывая на помощь донского казачества.

Несмотря на крушение планов похода на Москву, это было прямо-таки триумфальное движение повстанческого войска. В течение одного месяца, с 17 июля по 17 августа, пугачевцы взяли 8 городов: Цивильск, Курмыш, Алатырь, Саранск, Пензу, Петровск, Саратов, Камышин (Дмитриевск), центр Волжского казачьего войска село Дубовку, а 20 августа были уже у Царицына. Мощный вал народной войны захватил правобережные провинции и уезды Казанской, Нижегородской, Астраханской губерний и смежные районы Московской и Воронежской губерний.

Исключительно велика в нарастании антикрепостнической борьбы была роль манифестов и указов, с которыми Пугачев обращался к населению, обещал людям вольности и благоденствие. Среди них особенно значительны манифесты от 28 и 31 июля 1774 г., достаточно четко формулирующие идейную платформу Пугачевского движения. Оба документа сходны по содержанию. «Во всенародное известие» манифесты объявляли освобождение крестьян от крепостной зависимости, «награждение» их «вольностью и свободою». Освобождали они крестьян и другой «народ» от повинностей, налагаемых «от дворян и градских мздоимцев — судей», от повинностей в пользу феодально-крепостнического государства — подушной и других податей, рекрутчины. Манифесты звали к полному искоренению крепостнических порядков в стране, чего, по мысли состав-

Генерал-аншеф П. И. Панин

вителей документа, можно было бы достичь только путем поголовной расправы с помещиками и чиновниками. Они призывали поступать с последними «равным образом так, как они ... чинили с вами, крестьянами». Лишь «по истреблении ... злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца может»⁴.

Манифест от 31 июля широко распространялся ставкой Е. И. Пугачева в поволжских губерниях. Как и рассчитывало повстанческое руководство, он поднял в ряды восстания тысячные крестьянские толпы:

Главное повстанческое войско насчитывало в какой-то день конца лета 1774 г. свыше 10 тысяч воинов. Как писал один из первых исследователей пугачевского манифеста от 31 июля В. И. Семевский, этот повстанческий документ представлял собой «настоящую жалованную грамоту всему крестьянскому люду, это хартия, на основании которой предстояло создать новое мужицкое царство»⁵.

Возникшая реальная угроза юго-восточным уездам Московской губернии и общий размах восстания заставили правительство принять экстренные меры для вооруженного подавления народного движения. 29 июля Екатерина II назначила новым, четвертым по счету, командующим карательными войсками генерал-аншефа П. И. Панина. В его распоряжение было отдано 16 кавалерийских и пехотных полков, 7 гусарских эскадронов, 4 легкие полевые команды, свыше 3500 донских и малороссийских казаков, а также весь состав гарнизонов Оренбургской, Казанской, Астраханской губерний и созданных там дворянских ополчений. Этой силой, которая, по мнению Екатерины II, «едва ли не страшна ... и соседям», т. е. соседним странам, правительство надеялось покончить с восстанием⁶. К тому же по распоряжению императрицы на помощь Панину 21 августа прибыл генерал-поручик А. В. Суворов, военачальник, увенчанный славой побед в войне с Турцией.

Из Башкортостана в погоню за Пугачевым ушла большая часть правительственных войск, но продолжавшаяся повстанческая борьба удерживала там значительные контингенты во-

инских сил. Военное командование и местные власти не без основания рассматривали Башкирию как место, куда Пугачев мог еще вернуться за поддержкой. О возможности такого «разворота» И. А. Рейнсдорп громко предупреждал командующих войсками Ф. Ф. Щербатова и П. И. Панина⁷. А коменданту Яицкого городка подполковнику И. Симонову оренбургский губернатор приказал, «чтоб он на поведение оставшихся в Яике и в протчих местах казаков прилежно смотрел, делая крайняя разведывания ... нет ли в них каких-либо вредных мыслей и согласия» с Пугачевым⁸. Рапорты командиров воинских частей П. И. Панину и А. В. Суворову также содержали опасения, что Пугачев с Волги возвратится на Яик и в Башкирию⁹. Начальник Казанской секретной комиссии генерал П. С. Потемкин даже приказал командирам карательных команд произвести разведку для выявления возможных связей башкир с Пугачевым¹⁰. Ф. Ю. Фрейман в своих воспоминаниях, подводя итоги карательной службы летом и осенью 1774 г., указывал, что главная цель его экспедиции в Башкирию состояла в том, «чтобы Пугачев не получил оттуда помощи»¹¹.

В центре губернии и вдоль ее границ были установлены воинские посты. По сведениям екатерининского командования на начало августа, в Оренбурге располагался деташамент полковника В. В. Долгорукова, который контролировал окрестности города и Ново-Московскую дорогу вплоть до Бугульмы. В последней стояла команда полковника Н. Н. Кожина. Центральные пункты этой коммуникации охранялись командой секунд-майора В. Юшкова. Между Оренбургом и Уфой располагались части полковника П. А. Шепелева, имевшие постоянные посты в Бугульчане, Табынске и Стерлитамаке. В помощь уфимскому гарнизону в город вступила команда подполковника И. К. Рылеева. Он же поддерживал связь с командами Шепелева, а также полковника А. Я. Якубовича, державшего под контролем район от Уфы к Бугульме и Мензелинску. Под началом Якубовича в Пермской провинции и Екатеринбургском ведомстве находились гарнизонные команды подполковника А. В. Папава, полковника В. Ф. Бибикова, майоров Ф. Т. Жолобова и Д. О. Гагриня. Жолобову было поручено держать связь с частями корпуса И. А. Деколонга, которые располагались в Исетской провинции; главные посты сибирского генерала находились в Челябинской, Уйской, Верхнеяицкой крепостях и Увельской слободе. Из Зауралья в центральную Башкирию был переброшен корпус Ф. Ю. Фреймана, который разместил свои части от Бугульчана на Белой и до верховий Ика. Нижнеяицкая и Самарская дистанции крепостей были «предпочтены к смотрению» генерал-майора П. Д. Мансурова¹². На-

*Генерал-аншеф, генерал-поручик,
генерал-майор полевой пехоты*

конец, в начале сентября в Исетскую провинцию вошли войска под командованием генерал-майора А. Д. Скалона, переброшенные с Сибирских линий крепостей. В письме Скалона И. А. Рейнсдорпу специально подчеркивалось, что «большая часть сибирских войск обращается ныне в пределах» Оренбургской губернии¹³.

Башкирия была туго спеленута карательными войсками. Но подавить восстание, как предполагалось, к осени 1774 г. им не удалось. Оно нарастало, вопреки всем ударам и угрозам, прямым и окольным, огневым и изустным. 23 июля 1774 г. императрица довела «во всенародное известие» манифест о заключении мира с Турцией, который позволил командующему карательными войсками генерал-аншефу П. И. Панину выступить с собственным объявлением. В нем он грозил: «Все наши войска, стоящая по границам Украйны и Польши, с поспешностию идут внутрь российских губерний на истребление злодейских бунтовщиков и на наказание всех тех жителей, которые не только дерзают к бунтовщику приобщаться, но ежели и помогают ему всякими способствованиями»¹⁴.

Повстанческое движение в Уфимской провинции и соседних районах Оренбургского уезда и Бугульминского ведомства. Новому подъему народного движения в Башкортостане дало сильный импульс возвращение из-под Осы и Казани башкирских повстанческих отрядов, входивших до того в Главное войско Пугачева. Наиболее интенсивно проходила борьба в июле—сентябре 1774 г., до переброски из Поволжья крупных войсковых частей.

1 августа генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов доносил императрице, что размах восстания в Башкирии «не уменьшается»¹⁵. Вводя П. И. Панина в курс событий, происходивших в крае, генералы П. М. Голицын и И. А. Деколонг писали, что «здешние дела в ... разстройке состоят»,¹⁶ и «башкирцы же от бунта своего не отстают»¹⁷.

Основными формами народной борьбы оставались бои с правительственными войсками и местными карательными ко-

мандами, перекрытие коммуникаций путем устройства застав и засек на главных дорогах, блокада крупных селений, заводов, крепостей.

Повстанческие отряды возглавляли те, кто, по наблюдениям властей, были «названы от ... Пугачева за их к нему принесенные услуги полковниками и свыше чинами». Среди них — башкиры Салават Юлаев, Юламан Кушаев, Базаргул Юнаев, мишар Канзафар Усаев, татарин Ермухаммет Кадырметев, чуваш Михаил Андреев, мариец Байкей Тойкиев.

Главные события повстанческого движения на территории Башкирии в июле–ноябре 1774 г. были связаны с именем Салавата Юлаева. Общая оценка его боевых дел принадлежит двум карателям различного ранга и социального положения, но одинаково хорошо информированным о событиях, происшедших в то время в крае.

Командующий правительственными войсками П. И. Панин характеризовал Салавата как «главного между башкирским народом теперь возмутителя», а один из самых рьяных участников подавления восстания старшина Кулый Балтачев заявил во время следствия по делу Салавата в Москве, что имя его, Салавата, по всей Башкирии «везде слышно было»¹⁸.

В июле и августе повстанческие отряды Салавата действовали «в самой Оренбурга близости», создавая угрозу административному центру губернии. Встревоженный этими угрозами, губернатор Рейнсдорп настойчиво требовал возвращения войск генерала Ф. Ю. Фреймана из Исетской провинции «для прикрытия же города Оренбурга с окольными местами»¹⁹.

В середине июля находившийся в Оренбурге полковник В. В. Долгоруков получил известие о двигавшемся по Уфимской дороге к д. Имангулово башкирском отряде повстанческого старшины Акбулата Ракаева. Посланная из Оренбурга команда премьер-майора Г. И. Шевича дважды, 18 и 30 июля, вступала в бой с повстанцами. Как и в других столкновениях, решающую роль в исходе схваток сыграла артиллерия. Интенсивный пушечный обстрел, открытый батареями карателей, вынудил повстанцев, оставя поле боя, отступить в горы. По данным различных источников, отряд Акбулата насчитывал от 2 до 3 тыс. человек²⁰.

Неподалеку от Оренбурга развернули свои действия отряды под предводительством Качкына Самарова и вернувшегося из-под Казани Кутлугильды Абдрахманова. Они нападали на воинские посты в с. Никольском, д. Биккулово и Имангулово, Бугульчанской пристани, отгоняли конские табуны. Судя по переписке верных властям старшин, в июле в отряде Качкына было до 600 башкир, а к ним подходили еще 400 калмыков и

200 яицких казаков²¹. Для мобилизации населения Ногайской дороги в повстанческие отряды Кутлугильда Абдрахманов распространял известие, что «Петр III» — Пугачев, находясь в Казани, вручил ему указ «быть ... над шестью башкирскими волостями походным старшиною и собрать коннова народа до 6 тысяч и иттить в поход»²².

Во второй половине июля значительные повстанческие силы стали сосредоточиваться вблизи Уфы. Отряды Салавата Юлаева, Канзафара Усаева, Караная Мратова и других пугачевских вожаков с разных сторон направились к городу, чтобы «зделать на Уфу нападение и разбивать везде воинские команды»²³. В начале августа повстанцы появились в 50—60 верстах от Уфы. Вожаки повстанцев, действовавшие в волостях Казанской дороги, проводили мобилизацию крестьян в отряды для похода на Уфу. Так, 5 августа в дворцовую деревню Бурново (в 82 верстах от Уфы) приезжали пугачевские агитаторы, которые говорили «жителям оной и протчим нагорной стороны Белой обывателям, чтоб они были в готовности» идти на Бирск, где расположился пост регулярных войск, а потом к Уфе²⁴. Под Стерлитамаком повстанческий отряд в 2500 чел. трижды вступал в бой с преграждавшим ему дорогу к Уфе полковником П. А. Шепелевым. Канзафар Усаев, производивший набор повстанцев в свой отряд, прилюдно обещал «поймать башкирского старшину Кидряса и ехать разбить Уфу»²⁵.

Но предводители повстанческого движения не смогли обеспечить единства действий всех отрядов, а наступление регулярных частей и местных карательных команд сорвало планы повстанцев по овладению Уфой. К тому же, в начале августа карательным отрядом старшины Кидряса Муллакаева был захвачен в плен сам Канзафар Усаев, один из видных вожаков восстания в Башкортостане.

Крупным районом повстанческой борьбы вновь становятся волости, расположенные по обширной дуге от северо-западной к северо-восточной Башкирии. Руководство восстанием в этом районе осуществляет Салават Юлаев, собравший многочисленный отряд и координировавший действия других повстанческих групп. Каратели направили против него значительные воинские силы. Повстанческие отряды, насчитывавшие по несколько тысяч человек, неоднократно вступали здесь в бои с командами полковника А. Я. Якубовича, майоров И. Штерича, Ф. Т. Жолобова, Д. О. Гагриня и других²⁶. Это, прежде всего, отряды атаманов Аладина Бектуганова, Аита Сайтова, Байкея Тойкиева, Ермухаммета Кадырметева, Абдулзялиля Урускулова, Араслана Рангулова, Абдулсалайма Рамзина. Они стойко сражались с регулярными войсками; отступая, сохраня-

ли боеспособность; разбитые и рассеяные, вновь собирали силы, проводили мобилизацию, готовили себе оружие и снаряжение. Башкир д. Иткино Уранской вол. Осинской дороги Иманкуль Сюркеев рассказывал впоследствии, как по заданию Аладина кузнец удмурт д. Исетево той же волости Юсуп Маметев делал копыя и латы для повстанцев, используя для этого привезенные с заводов сковороды, а также железные листы²⁷. Ко всему, здесь важно видеть стремление повстанческих командиров к согласованным действиям в борьбе с неприятелем. Как и ранее, в мае и июне, Салават Юлаев оказывал посильную военную помощь своим соратникам атаманам Аладину Бектуганову, Ермухаммету Кадырметеву, Байкею Тойкиеву и другим. В общем и целом, в конце июля—сентябре повстанческие отряды в междуречье Белой и Буя десятки раз вступали в бой с командами правительственных войск и местных карателей. Только с деташаментом премьер-майора И. Штерича, направленного в этот район полковником А. Я. Якубовичем, они сражались шесть раз. 30 августа у д. Музякино команду Штерича встретил объединенный двухтысячный отряд Аита Саитова, Байкея Тойкиева и Ермухаммета Кадырметева. 4 сентября Штеричу пришлось выдержать натиск отряда самого Салавата Юлаева, «славного наездника», по словам майора. Через два дня он вновь сражался с Ермухамметом Кадырметевым²⁸. В те же дни в низовьях Белой у Ангасякского завода повстанцы сражались с командой капитана С. Акшарумова, направленной сюда также полковником Якубовичем²⁹.

Определенно, к северу от Уфы, в волостях Осинской и Казанской дорог, в конце лета 1774 г. сложилась любопытная ситуация: каратели успешно наступали, но повстанцы продолжали держать под своим контролем многие населенные пункты, а главное, почти все дороги и переправы, препятствовали восстановлению в регионе прежних органов власти. Более того, они занимали новые села и города. Яркий пример — взятие Бирска. 4 сентября, воспользовавшись отъездом правящего воеводскую должность капитана И. А. Суровцева, в город вступил повстанческий отряд из сотни марийцев. Они распустили набранных капитаном рекрутов, конфисковали казну воеводской канцелярии и наказали «плохих» чиновников³⁰.

Таким образом, описанный очаг повстанческого движения в Башкортостане находился в кольце правительственных войск, но он то и дело разгорался, вызывая растерянность карателей.

Однако силы последних нарастали: летом 1774 г. несравнимо выросла активность добровольных карателей из числа местного населения. Если на втором этапе Крестьянской вой-

Офицер и рядовой кирасирского полка

сотников. В июле—августе 1774 г. башкирский старшина Кайтайской вол. Исетской провинции Терегул Казанбаев выполнял роль проводника войск коллежского советника И. Л. Тимашева, помогая громить застигнутые врасплох повстанческие отряды³¹. Лишь отдельные старшины, не решаясь открыто выступить против повстанцев, призывали придерживаться нейтральной позиции: «Между собою нам никакого смятения делать не надобно, а жить спокойно»³². Соратники бригадира Салавата Юлаева атаманы Адигут Тимясев и Аладин Бектуганов в течение августа четырежды направляли посыльных Шарыпу Киикову, Кулью Балтачеву, Сагиту Балтачеву с предложением мирных переговоров. «Все наши единоверцы сии ваши поступки не квалют»,³³ — писали пугачевцы от имени всего народа. Ответом были угрозы и новые карательные акции.

Выйдя к северным окраинам Оренбургской губернии, башкирские повстанческие отряды вновь соединились с отрядами русских атаманов из пограничных волостей Пермской провинции. По сведениям управителя Сарапульской дворцовой волости С. Баранова, в конце июля там действовало три отряда, насчитывавших до 1500 пугачевцев из русских, башкир и марийцев. Пользуясь отсутствием правительственных войск, они фактически держали власть в своих руках³⁴. В Осинской волости русско-башкирские отряды преграждали путь команде подполковника А. В. Папава и преследовали отдельные группы карателей³⁵.

В верховьях р. Буй у д. Сияк (Сикияз) 28 сентября канцеляристу И. Гурьеву с командой рекрутов Пермской провинции

ны эти отряды были немногочисленны и не решались выступать в бой без поддержки регулярных воинских команд, то после ухода из Башкирии Пугачевского войска они осмелели и стали проводить самостоятельные операции. На севере Башкирии повстанцев преследовал крупный отряд Кулья Балтачева, Шарыпа Киикова, Рахмангула Иртуганова, на юго-западе — отряд Кидряса Муллакаева и др. Почти все регулярные воинские подразделения имели при себе конные отряды верных властям башкирских, мишарских и татарских старшин и

Башкирский воин. Рис. начала XIX в.

с трудом удалось разбить крупный отряд пугачевцев. «Добычей» канцеляриста стала семья видного народного вожака Ермухаммета Кадырметева³⁶.

На границе с Пермской провинцией в районе Красноуфимской крепости стояли отряды старшины тептярей (ясачных маришцев) Сибирской дороги Каникея Яшпохтина и башкирского старшины Куцинской вол. этой же дороги Ильчигула Иткулова. Они готовились овладеть Красноуфимском, где стояли команды майоров Д. О. Гагрина и Ф. Г. Жолобова³⁷. 5 сентября пермские провинциальные власти получили сведения о том, что «за Уфою рекой башкирец Салаватко имеет в собрани башкирцов до тысячи, да пришедших к нему тулвенских татар две тысячи, и нападение-де хочет иметь на Ачитскую крепость, також и Кунгур, в разсуждение-де того, что команд во оных никаких нет»³⁸.

Повстанческое движение на севере Башкирии крайне тревожило уфимские провинциальные власти и, беспокоясь о безопасности Уфы, они настаивали на экспедиции в этот район подполковника И. К. Рылеева. Тот выступил сразу и тотчас попал под удар. 18 сентября в 90 верстах от Уфы, вблизи д. Тимошкино, авангардный отряд Салавата Юлаева внезапно напал на него. По донесениям Рылеева, «дерский ... прожект» восставших «столь был зделан с их злодейскими мыслями противу вверенных мне войск вреден, которых я от такого вереломнаго народу никогда не вображал, однако ныне видел в настоящем деле». Повстанческий удар привел карателей в смятение. Рылеев остановился, чтобы разведать, где находятся главные силы Салавата. И четыре дня спустя, 22 сентября, у д. Нуркино, сообщал подполковник в Уфу, он с «башкирцом Салаваткою имел прежестокое сражение, у котораго было злодейской толпы до трех тысяч человек»³⁹.

В состав сводного башкирского войска входили точно команда едякских казаков, возглавляемых атаманом Семеном Шеметовым, и полк башкир Кара-Табынской вол. Сибирской дороги во главе с пугачевским полковником Абдулзялилем Урускуловым. Вместе с тем, известно, что всего за полторы — две недели до описываемых событий Абдулзялиль сражался против карателей вместе с Арсланом Рангуловым, Буляком Якуповым, Абдулсалимом Рамзиным, которые могли находиться с ним и в войске Салавата Юлаева. Точно так же, в начале сентября в здешних местах двигался отряд Аладина Бектуганова, за которым, как и за Салаватом, охотились Кулый Балтачев, Ишмухаммет Сулейманов и другие «верные» старшины. Следовательно, Аладин опять же мог находиться рядом с Салаватом Юлаевым. Сражение 22 сентября было долгим и

трудным. Салаватовцы неоднократно атаковали неприятеля, но раз за разом интенсивный пушечный и ружейный огонь отбрасывал их на исходные позиции. Повстанцы понесли тяжелые потери — до 400 человек убитыми и вынуждены были отступить. Башкирские и мишарские старшины, сражавшиеся на стороне Рылеева, были награждены аттестатами, свидетельствовавшими о их «верной и усердной службе по истреблении состоявшей под предводительством ... Салаватки Юлаева» группы отрядов⁴⁰. Подполковник несколько преувеличивал свои и своих «верных» старшин заслуги: как сообщал И. А. Рейнсдорпу в рапорте от 2 октября уфимский комендант С. С. Мясоедов, дороги к северу от Уфы были по-прежнему блокированы мятежниками.

Салават отошел к Едьякской крепости, где тотчас набрал в свой отряд до трех тысяч воинов. Узнав о движении Рылеева к Едьякской крепости, он отдал приказ вывести оттуда денежную казну и соль. И хотя это распоряжение было исполнено: казаки погрузили все предписанное на лодки и спустили их по р. Уфе, — отставной атаман Старков выдал их Рылееву, захватившему Едьяк 25 сентября⁴¹.

Не затихало народное движение и в других частях Башкирии. На территории Ногайской дороги повстанческие отряды, насчитывавшие до 2,5 тыс. человек, осаждали Табынск и Стерлитамакскую пристань⁴².

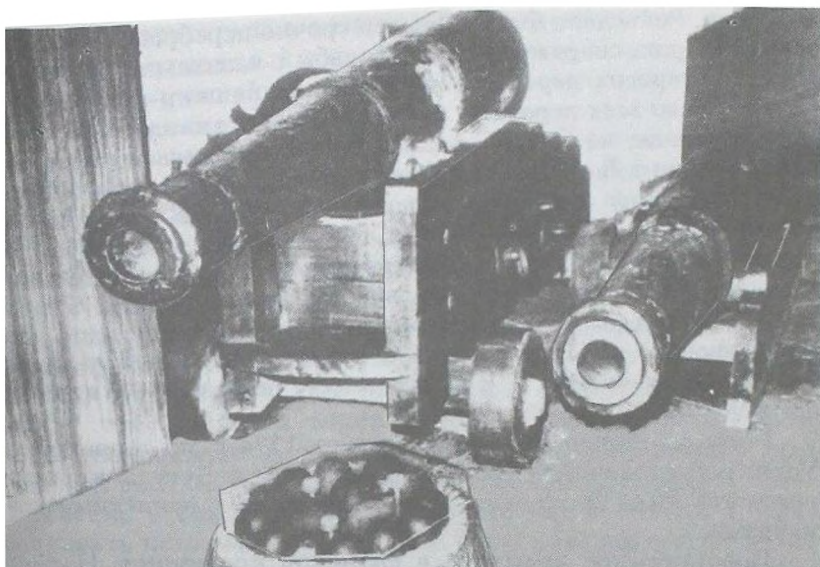
Как значится в аттестате полковника П. А. Шепелева, 18 августа за Белой он разбил башкирский отряд в одну тысячу человек, а 23 августа у р. Тор нанес поражение повстанческому отряду в 800 человек⁴³.

В конце сентября в деревнях и кочевьях демских башкир повстанческими вылазками против властей и карателей командовал старшина Алибай Мурзагулов⁴⁴.

Вожаки повстанческого движения на Ногайской дороге Качкын Самаров и Кутлугильда Абдрахманов пытались объединить разрозненные отряды. Они рассылали письма башкирским старшинам «о соединении» с их отрядами, чтобы вместе «итъти против войск ея императорского величества»⁴⁵.

Башкирские отряды неоднократно нападали на корпус генерала Ф. Ю. Фреймана, пробивавшийся из Верхнеяицкой крепости к Зилаирской. 1 сентября он вступил в Зилаир, сняв двухмесячную осаду крепости⁴⁶.

В западных районах губернии каратели также не могли «утихомирить» восставшее население. Между Переволоцкой и Сорочинской крепостями в июле — августе действовал отряд из 500 яицких казаков и башкир, располагавших несколькими пушками. Как рассказывал во время допроса беглый пахотный

Пушки XVIII в.

солдат И. Окунев, пугачевцы, захватив двигавшийся по Самарской дистанции продовольственный обоз, укоряли крестьян: «Зачем они везут хлеб к злодеям, а вы бы-де лутче служили нашему батюшке, которой-де [теперь] около Мурома, и будет в Москве». Яицкие казаки и башкиры уверяли крестьян, что «Петр III» — Пугачев «не оставит-де быть и в Оренбурге, кой-де ево рук не минет»⁴⁷.

В военное командование и местным властям поступали известия о появлении отдельных повстанческих отрядов на территории Ставропольского уезда и Бугульминского ведомства.

Знаменательный опыт совместной борьбы трудовых масс разных национальностей представляет боевое взаимодействие жителей татарских деревень, расположенных по Ново-Московской дороге, с башкирскими повстанцами. Совместными усилиями они прерывали движение между Оренбургом и Казанью, разрушали связь между карательными воинскими частями: убивали проезжавших офицеров, захватывали обозы с продовольствием и другие транспорты. Они фактически держали дорогу в блокаде. В июле против жителей придорожных деревень двинулись со стороны Оренбурга отряд секунд-майора В. Юшкова, а от Бугульмы — секунд-майора К. Меллина. Узнав о карательной операции, к дороге подошли башкирские повстанцы. 19 июля башкиро-татарский отряд напал на команду, расположившуюся в д. Юзеево. На помощь осажден-

ным И. А. Рейнсдорп был вынужден срочно перебросить гусарский эскадрон, снаряженный для борьбы с казаками⁴⁸. Жители других татарских деревень «привлекали» башкир-повстанцев «на сожжение всех деревень, дабы воинским командам никакова пристанища не было»⁴⁹, а сами присоединялись к повстанцам, уходили в Башкирию. Вышедшим в погоню за ними Юшкову и Меллину пришлось выдержать пять боев⁵⁰. Но «сколь ни ограждалась бы оная дорога воинскими командами», — признавались каратели, — «усмирить» жителей им не удавалось. Как заявляли губернские власти, даже осенью 1774 г., когда Пугачев был разбит, татары «изо многих деревень ... о проезжающих по дороге разнаго звания людех подавали ... башкирцам известии и, с ними вместе выезжая на дорогу, оных убивали и грабили»⁵¹.

Всего с середины июля по сентябрь 1774 г. на территории Уфимской провинции, Оренбургского уезда и Бугульминского ведомства было 26 крупных боев повстанцев с воинскими командами.

Повстанческое движение в Исетской провинции. Напряженное положение сохранялось и в Исетской провинции. Хотя, в отличие от Уфимской провинции, здесь оставались все войска, введенные из Сибирской губернии в конце 1773 года. Генерал И. А. Деколонг держал войска и на границе с Сибирской губернией, так как был уверен в том, что если население Исетской провинции и пограничного Ялutorовского дистрикта «не увидят угрозы» со стороны воинских частей, «тотчас новые беспокойства откроются, которая два раз уже открывались»⁵². Карателям удалось привести в повиновение почти все русское население провинции. Но повстанческие отряды, действовавшие в исетской Башкирии, не распались. Они лишь изменили тактику: от открытых выступлений перешли к ведению партизанской войны. Располагаясь в труднодоступных местах, они внезапно нападали на отдельные воинские команды и тем держали карателей в постоянном напряжении.

Специально для «поиска» повстанческих отрядов, равно и проведения карательных операций против местного населения, в Зауральскую Башкирию был направлен отряд И. Л. Тимашева. В июле — начале августа в трех боях ему удалось разбить крупные силы повстанцев; тем не менее, он в отчаянии доносил своему начальнику генералу Ф. Ю. Фрейману, что «справиться» с бунтовщиками «на таком великом разстоянии, хотя б корпус вашего превосходительства и в три больше был, совсем неможно»⁵³. Угрозами и силой оружия Тимашеву удалось привести в повиновение лишь небольшую часть башкирских и мишарских деревень⁵⁴. Продолжению этой «деятельно-

сти» воспрепятствовал возвратившийся от Пугачева «ево наперстник, называемый генералом Юламан»⁵⁵. Юламан Кушаев и его люди, участники казанских боев Главного повстанческого войска, не скрывали, что хотя они и потерпели под Казанью поражение, а Пугачев, оставив их, бежал за Волгу, они «несмотря на то в повиновение притыти не желают»⁵⁶.

Юламан Кушаев, Базаргул Юнаев, Сара Абдуллин взяли на себя задачу сплотить повстанческие силы в Исетской провинции. Усыпляя бдительность властей, они вели с Тимашевым и исетским воеводой подполковником И. Г. Лазаревым «пересылки», т. е. переговоры, заверяя, что башкиры «хотят повиноваться». В действительности, извещали канцелярию тайные осведомители, все это делалось «под видом, чтоб им между тем собраться многолюднее»⁵⁷. Оценку деятельности Юламана находим в рапортах Тимашева, сообщавшего, что Юламан свел на нет успехи карателей «по приведению в повиновение исецкой Башкирии ..., чего уже и многим трудом поправить невозможно»⁵⁸. В конце июля команда секунд-майора Д. О. Гагрина дважды вступала в бой с отрядом из нескольких сот башкир и татар у Каслинского завода. А в это время другой повстанческий отряд, насчитывавший до 700 чел. и вооруженный ружьями, вступил в Кыштымский завод. Посланная туда Гагриным команда в 450 чел. не смогла справиться с пугачевцами. И только подошедшие к заводу основные силы деташамента вынудили повстанцев отступить, «разсыпавшись в рознь в башкирския жительство»⁵⁹.

Повстанцы нападали на сибирские воинские части генерала А. Д. Скалона, направлявшиеся в августе от Кундравинской слободы по горным башкирским деревням к верховьям Миасса, а затем к Чебаркульской крепости. Генерал здесь развернулся и в боях у деревень Алибаево и Иремель нанес поражения отрядам, насчитывавшим несколько сот башкир, калмыков и мишарей⁶⁰.

Повстанцы вновь и вновь блокировали и штурмовали крепости. Необыкновенно активен был отряд башкирского старшины Кара-Табынской вол. тархана Расуля Итжимясова, воина и верховода, по отзывам карателей, из «первых в бунтовщичестве предводителя»⁶¹. Только интенсивным артиллерийским огнем гарнизону Уйской крепости и команде генерала А. Д. Скалона 21 августа удалось отбить приступ шестисотенного пугачевского отряда, в состав которого входили башкиры, русские и калмыки⁶².

Помощи у Скалона просил и едва дождался новый комендант Троицкой дистанции полковник И. М. Фок⁶³.

Повстанческое движение в Исетской провинции держало в постоянном напряжении и тревоге власти Екатеринбургского ведомства: партизанские наскоки пугачевцев происходили в любой день и час, возникали ниоткуда. Но и гарнизонные войска перенимали опыт партизанской войны.

Получив известие о разорении Уфалейского завода, полковник В. Ф. Бибииков в тот же день (17 июля) послал туда карательную команду. В конце лета — начале осени 1774 г. его отряды стояли на Сергинских заводах, прикрывая дорогу на Кыштымский завод. «В разсуждении подбегов» повстанцев к Ачитской и Красноуфимской крепостям и появлению одного из отрядов Салавата Юлаева за рекой Уфой у границ ведомства, Бибииков сообразил направить туда команды майоров Х. Фишера и Ф. Жолобова, поручика Кирхнера⁶⁴. Однако действиям карателей на севере Исетской провинции и в смежных районах Екатеринбургского ведомства мешали проливные дожди. Как записано в военно-походном журнале Бибиикова от 26 сентября, «бесперывный и неперестающей дождь, продолжавшейся несколько недель, зделал такия здесь грязи, что не было почти возможности выступить никуда»⁶⁵. Зато можно было сделать другое: для устрашения повстанцев, для наказания мятежников и их семей Бибииков отдал своим офицерам приказ «хлеб башкирской в бунтовщичьих местах снять и употреблять на продовольствие команды». А для карательных «поисков» в деревнях около Каменского завода и слежки за повстанцами смекалистый полковник отпустил мишарским старшинам по 15 фунтов пороха⁶⁶.

Отход от участия в восстании работных людей заводов. В третий период Крестьянской войны из рядов участников народного движения фактически выбыла значительная сила — заводские крестьяне. После поражения повстанческого войска под Казанью работные люди южноуральских заводов стали возвращаться в свои деревни. Военные и гражданские власти, заводская администрация приняли все меры, чтобы заводские крестьяне вновь «в злодейские толпы не предались». П. И. Панин и И. А. Рейнсдорп распорядились ввести на заводы «пристойныя команды» и позаботились «об обороне ... заводов ... войсками»⁶⁷.

В конце августа Ф. Ю. Фрейман направил отряд И. Л. Тимашева из 800 чел. «на покорение крестьян Преображенского завода». Силой оружия крестьяне были приведены «в повиновение»⁶⁸. Команда Фреймана «усмирила» и крестьян Кано-Никольского завода⁶⁹.

Осенью 1774 г. постоянные воинские посты были размещены на Авзяно-Петровском, Вознесенском, Ирлянском, Катав-

Ивановском и Преображенском заводах. В зависимости от ситуации карательные команды посылались для охраны многих других заводов⁷⁰.

Власть заводчиков восстанавливалась повсеместно. Правительство дало разрешение владельцам вернуть всех крестьян, даже тех, кто принимал участие в восстании и был приговорен к различным наказаниям. К концу ноября Я. Б. Твердышев собрал на свои 10 заводов до 8 тысяч заводских крестьян, бывших повстанцев. К лету 1775 г. основная часть крестьян южноуральских заводов была возвращена к месту их прежней работы⁷¹.

Размещение на заводах воинских команд, репрессии и запугивание со стороны властей, церкви и, разумеется, самих заводчиков стали причиной тому, что основная масса заводских крестьян, хотя и оставалась, по отзывам карателей, «духом бунта зараженной», отошла от восстания.

Отпадение заводских работников от восстания не могло оставить равнодушными пугачевцев. И вновь под возобновившейся производственной деятельностью заводами появились башкирские отряды, самые стойкие приверженцы вождя Крестьянской войны. Они атаковали Ангазякский, Архангельский, Кано-Никольский, Катав-Ивановский, Каслинский, Кыштымский, Саткинский заводы, вступили в непрекращающиеся бои с расположившимися там воинскими командами⁷². В обороне заводов участвовали теперь и заводские крестьяне, защищавшие их как место своего проживания и жизнеобеспечения.

С весны 1774 г. в центре внимания повстанцев оказался Катав-Ивановский завод, занимавший выгодное положение на дороге от Уфы к Челябинску и далее к Красноуфимску. Местные власти рассматривали его как преграду «ко удержанию башкирцов проходом в Сибирь, а из Сибири к Уфе»⁷³. С мая завод был блокирован отрядами под общим командованием атамана Юлая Азналина, но держался крепко: заводским приказчикам и священнику рассказами о «зверствах» башкир удалось запугать крестьян, поселить в них национальную вражду и организовать сопротивление пугачевцам. Повстанцы неоднократно посылали своих представителей «на переговоры», предлагали заводским крестьянам «жить союзно». 10 сентября на завод было переслано обращение, подписанное отцом и сыном, Юлаем Азналиным и Салаватом Юлаевым. Оно призывало русских крестьян «жить в мире», заверяло их в дружбе.

В письме буквально говорилось: «Когда ваши люди попадают к нам, мы их не убиваем, а отпускаем обратно невредимыми. А когда наш человек попадает к вам, то вы его держите в заключении, а иных якобы вы убиваете. Если бы у нас

был такой злой умысел, коли того пожелает бог, мы можем больше вашего поймать и значительно больше убивать. Но мы не трогаем ваших, ибо мы не питаем к вам зла». Салават и Юлай напоминали заводским крестьянам, что еще недавно они все вместе участвовали в народной борьбе, что они — «подданные его высочества Петра Федоровича»⁷⁴.

Письмо было послано на завод с одним из устькатовских крестьян, задержанным повстанцами специально для выполнения этого поручения. На допросе в заводской канцелярии этот крестьянин рассказывал, что Юлай и Салават расспрашивали «обо всех заводских обстоятельствах, то есть как укреплен кругом завода стена, и много ли пушек и пороху, и сколько находится в нем военной команды». Предводители повстанческого отряда просили передать заводской администрации, что поджечь завод им не трудно — «могут кругом всего завода стену завалить соломою и зажечь»⁷⁵. Но на такой жестокий акт они не хотели идти: в огне пожара погибли бы сотни запуганных и обманутых крестьян (на заводе их было 2110 чел.). Вопреки распространяемым властями слухам о «кровожадности» пугачевцев, повстанцы и здесь, и в других местах стремились брать города, крепости и заводы мирным путем, без кровопролития.

Заводчане не откликнулись на обращение пугачевцев. На Катав-Ивановский завод его владельца Я. Б. Твердышев и И. С. Мясников собрали множество крестьян некоторых других разоренных заводов: «сколько могло поместиться»⁷⁶. Большинство из них потеряли свои дома и пожитки, своих близких, выселенных повстанцами в Пермскую провинцию, и поэтому не решались поддержать башкир, выполнявших приказ «Петра III» — Пугачева жечь заводы. Доверие к башкирам-повстанцам было подорвано и тем, что старшинская верхушка в течение всего лета заставляла заводских крестьян, выведенных с разоренных заводов, работать в своих хозяйствах как крепостных.

Осада Катав-Ивановского завода длилась до ноября, но взять его повстанцам так и не удалось⁷⁷.

Крайне обеспокоенный размахом народного движения в Оренбургской губернии генерал-аншеф П. И. Панин в начале августа потребовал от И. А. Рейнсдорпа и Ф. Ю. Фреймана дважды в неделю рапортовать ему о положении дел в крае⁷⁸. Действительно, в июле — сентябре 1774 г. повстанческая борьба шла в крае активно, то и дело приобретая острые формы, хотя с перенесением действий Главного повстанческого войска в Поволжье она не направлялась из единого центра, а отход от борьбы государственных крестьян и работных заводских людей привел к ослаблению лагеря восстания.

Башкирский воин (эпизод из войны 1813 г.). Худ. Б. П. Виллевальд

С осени 1774 г. ударной частью повстанческих вооруженных сил стала башкирская конница. В состав этих отрядов входили также мишари, татары, марийцы, чувашаи, оренбургские и ставропольские калмыки. Сведения об участии в них русских крестьян и казаков крайне скудны, а вернее сказать, те, в самом деле, были приведены в повиновение. И не последнюю лепту в угрюмую покорность крестьян ненавистным властям внесли отряды башкирских старшин, изменивших восстанию и пустившихся с молчаливого согласия карателей грабить русские деревни. Но все же, отнюдь не национальная вражда между трудовыми массами русского и башкирского народов определяла нравственную атмосферу в крае, а мирные добрососедские отношения. Даже такой яркий шовинист и крепостник, как полковник Е. А. Ступишин, в своем рапорте генералу И. А. Деколону от 13 октября вынужден был засвидетельствовать дружелюбные контакты между башкирами и русскими: как башкиры «в наши, так и российской народ в их жительства безопасно ездят, и дни по четыре живут»⁷⁹. Это к концу Крестьянской войны в регионе.

Последнее сражение Главного повстанческого войска. Однако Пугачевское восстание близилось к своему трагическому финалу. Преследуемый правительственными войсками, Е. И. Пугачев был отеснен в низовья Волги.

Он еще надеялся и — надеялся на многое: прежде всего, взять Царицын и пройти на родной Дон. «По взятии ж Царицына полагаемо было итти на Дон, имея надежду приумножить казаками, чрез города вступить в Москву»⁸⁰, — показывал повстанческий есаул, каторжник из Илецкой защиты Ф. Мартынов на допросе в Царицынской комендантской канцелярии. Преследующий Пугачева полковник Михельсон (повышенный в чине за взятие Казани самой императрицей) также располагал точной информацией о намерениях вождя повстанцев: «... Есть и такие известия, что злодей имеет намерение пройти на Дон, збунтовать Кубански орды и, усилившись, итти к Москве»,⁸¹ — докладывал он командующему правительственной армией.

Но все решилось по-другому. 25 августа под крепостью Черный Яр, у Солениковой ватаги, в 95 верстах к юго-востоку от Царицына произошло последнее сражение Главного повстанческого войска с екатерининскими карательными войсками. Против 10-тысячной пугачевской армии выступил корпус И. И. Михельсона, насчитывавший до 5 тыс. чел. Каждая из сторон имела по 25 пушек. Правительственная команда первой открыла артиллерийский огонь, а затем пошла в атаку на позиции пугачевцев и, несмотря на мужественное сопротивление повстанцев, вынудила их отступить. Расстроенная рать Пугачева была разбита наголову. Она потеряла до 2 тыс. чел. убитыми, около 6 тыс. чел. оказалось в плену. В числе погибших был один из крупнейших организаторов народной борьбы генерал-фельдмаршал А. А. Овчинников. Среди захваченных в плен было много повстанцев из Башкирии, прошедших с Пугачевым весь его огненный путь.

Оправиться после катастрофы под Черным Яром повстанцы не могли. С двумя сотнями казаков Е. И. Пугачев бежал за Волгу. Надежный и верный Кинзя Арсланов звал его в родной Башкортостан. Но поддержки от стойких башкирских повстанцев, чего так опасались командиры правительственных войск, Пугачеву уже не суждено было получить. Он был арестован заговорщиками, доставлен ими в Яицкий городок и выдан властям.

§ 2. НАСТУПЛЕНИЕ КАРАТЕЛЬНЫХ СИЛ. ПОСЛЕДНИЕ ОЧАГИ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ В БАШКИРИИ

Наступление карательных сил. Получив известие о захвате в плен предводителя восстания, Екатерина II потребовала от командующего карательными войсками обратить все силы на подавление выступлений башкир, а также казахов¹.

В середине сентября генерал-аншеф П. И. Панин отдал приказ перебросить в Башкирию дополнительно крупные воинские подразделения. Прежде всего, туда была направлена дивизия под командованием П. М. Голицына. В ее состав входили 2 пехотных и 3 гусарских полка, 3 полевые роты, 7 гусарских эскадронов, казанские уланы и малороссийские казаки. Им в помощь с правого берега Волги была переброшена и вся артиллерия, расстрелявшая Главное повстанческое войско². Дивизия делилась на две бригады. Бригада генерал-майора П. Д. Мансурова размещалась по дуге от Яицкого городка до Оренбурга, затем по Ново-Московской дороге до Бугульмы и Кичуевского фельдшанца, а также на Вознесенском и Преображенском заводах. Бригада, возглавляемая Ф. Ю. Фрейманом, контролировала центральную и северо-восточную части Уфимской провинции (посты в Уфе, Табынске, на Авзяно-Петровском и Катавских заводах и по р. Ай) и прикрывала границы с Пермской провинцией (посты в Осе, Сарапуле, Кунгуре, Красноуфимске)³.

Ордером от 18 октября Панин запретил генералу И. А. Деколону выводить его корпус из Исетской провинции, возвращаться в Сибирь: потребовал для «утверждения» населения «в совершенном спокойствии» и «надежнейшего уральских башкирцов обуздания» расположить команды так, чтобы они соединялись с постами дивизии Голицына (от Красноуфимска через Екатеринбург по р. Исети на Челябинск и Верхнеуфимскую слободу и Уйскую крепость, от Челябинской к Верхнеяицкой крепости)⁴.

Вместе с местными гарнизонными командами карательные силы насчитывали несколько тысяч человек. Большую часть переброшенных в Башкирию войск составляла кавалерия: был учтен прежний опыт ведения боев с башкирской конницей. Кроме того, многие воинские подразделения имели при себе конные команды верных властям казачьих, башкирских, мишарских, татарских старшин и сотников. В составе бригады генерала Мансурова было несколько сот яицких казаков, 300 из которых возвратились из Поволжья, где участвовали в преследовании и разгроме повстанческого войска Е. И. Пугачева⁵. Казачьи, башкирские и мишарские конные команды были распределены по воинским частям и в бригаде генерала Фреймана. «Приободрились» самостоятельно действовавшие «инородческие» карательные отряды. На севере Башкирии повстанцев преследовали крупные отряды Кулья Балтачева, Шарыпа Кикова, Рахмангула Иртуганова, на западе — отряд Кидрыса Муллакаева и др.⁶. Продолжал исполнять свою низкую роль башкирский старшина Катайской волости Исетской провинции

Терегул Казанбаев, обласканный И. Л. Тимашевым⁷. Лишь отдельные старшины, не решаясь открыто выступить против повстанцев, пытались придерживаться нейтралитета. Но и те были вынуждены выразить свою приверженность властям⁸. В Казанской секретной комиссии старшины стали давать «подписки, что они впредь непоколебимы придут в должной верности»⁹. 10 ноября начальник комиссии генерал-майор П. С. Потемкин извещал императрицу: «Из башкирского народа с повинованием явилось ко мне до 200 старшин»¹⁰. Замешанные в восстании старшины любым способом, даже ценой предательства, участием в поимке повстанческих вожаков стремились загладить свою вину перед правительством. Например, бывший пугачевский атаман Алибай Мурзагулов сам явился в Казанскую секретную комиссию, в поученье был послан в Сибирск для «лицезрения» допрашиваемого там Е. И. Пугачева, а затем, присмиревший и удрученный, ездил по Башкирии, собирая у старшин и сотников подписки с обязательством явиться с повинной¹¹. Ко всему, из представителей старшинской верхушки губернатор И. А. Рейнсдорп и воеводы вербовали доносчиков-конфидентов «для разведания о состоянии иноверческих народов и их мыслях и намерениях»¹².

Повстанцы беспощадно расправлялись со старшинами, враждебными восстанию. Многие богатеи заплатились собственной жизнью или жизнью членов своего семейства; их имущество, лошади и скот конфисковывались, дома сжигались. Зато рвение представителей старшинской верхушки, их участие в карательных экспедициях против повстанцев были щедро вознаграждены правительством: 26 человек получили золотые и серебряные медали Сената, семеро — офицерские звания¹³, остальные удостоились похвальных аттестатов оренбургского губернатора и командиров воинских частей. Их награждали именным оружием, сукнами, деньгами¹⁴. Не обошли местных карателей и продвижением по службе. По рекомендации генерала П. М. Голицына башкирский сотник Абдулзялиль Султанов был определен старшиной Байлярской вол. Казанской дороги. Старшинский помощник Канлинской вол. Казанской дороги Ишали Якупов, по представлению Михельсона и рекомендации Уфимской провинциальной канцелярии за его «отличия» в борьбе с восстанием, также получил звание волостного старшины. По указу И. А. Рейнсдорпа за «верную» службу волостными старшинами стали башкиры Куват Хасанов, Кусяпай Аптряков, Ахмер Курмангулов, мишари Салимджевхер Тонкачев, Мустафа Байков, Амирхан Юсупов; другие получили должности походных старшин, сотников, есаулов¹⁵. В соответствии с полномочиями, предоставленными ге-

нерал-аншефом А. И. Бибиковым новому исетскому воеводе И. Г. Лазареву, последний утвердил в должности старшин шестерых мишарей (это Бакей Усеинов, Адильша Азаматов, Абдулкарим Муслюмов, Абдулсалам Бакыев, Абди Бектимиров) и двух башкир (Ялтырь Таймасов, Сактиян Байгазин). Его распоряжение гласило: «по поданным от господ генералитетов, штаб- и обер-офицеров аттестатам за оказанную ими в прошедшее замешательство верность, усердие и непоколебимость к е. и. в. и за бытие на многих сражениях»¹⁶.

Не были обойдены вниманием правительства и верные ему представители казачьей старшины. Яицкий старшина Мартемьян Бородин, участвовавший с казачьей командой в преследовании Пугачева летом 1774 г. в Поволжье, был произведен в армейские майоры. «За оказанные против неприятеля мужественные подвиги» войсковой старшина Н. Назаров по указу Военной коллегии был «определен к присутствию в войсковую канцелярию», старшины М. Михайлов, И. Акутин, С. Акутин получили армейского премьер-майора¹⁷.

«Ревностная и усердная служба, особливо во время замешательства» атамана Оренбургского казачьего войска В. И. Могутова и командира Оренбургского корпуса А. А. Углицкого была особо отмечена Военной коллегией. Могутова произвели в армейские полковники, наградили золотой медалью с портретом Екатерины II и тысячью рублями. Углицкий получил звание армейского премьер-майора. Армейскими офицерами стали 9 казачьих командиров: войсковой есаул М. Авдеев был произведен в капитаны, сотники В. Ханжин, Г. Федурин, Р. Чеботарев, атаманы И. А. Углицкий, И. Трифонов, есаул Ф. Смолин — в поручики, сотники И. Попов и С. Шубин — в подпоручики¹⁸.

Крестьянская война способствовала дифференциации среди служилого населения губернии.

Действия повстанцев осенью 1774 г. Наступление войск, предательство и прислужничество многих старшин и сотников, широкое оповещение населения о захвате в плен Е. И. Пугачева привели к спаду восстания в Башкирии. Если в июле-сентябре Салават Юлаев, Юламан Кушаев и другие народные вожаки еще пытались объединить разрозненные повстанческие отряды и держать под своим контролем обширные районы, то теперь на территории Башкирии сохранялись лишь отдельные очаги восстания. Но и они гасли один за другим. Отсутствие большой дееспособной армии и единого руководства повстанческим движением делало невозможным их длительное существование.

Но на северо-западе и северо-востоке Башкортостана продолжали действовать отряды Салавата Юлаева и его соратников. В волостях Осинской дороги стояли отряды Адыла Ашменева, Аладина Бектуганова, Сайфуллы Сайдашева и др.¹⁹. А. Г. Стариков, депутат Уложенной комиссии от ясачных крестьян Уфимской провинции, вернувшийся после сражений под Казанью домой в д. Гарей Осинской дороги, продолжал вести антиправительственную агитацию среди крестьян, зачитывая пугачевские указы. А в ноябре, по его собственным показаниям, он уже рассылал отряды по деревням для набора в «казаки»²⁰. В это же время подполковник А. В. Папав получил известие о появлении в деревнях по р. Танып отряда повстанческого полковника Батыркая Иткинина, который делает «в башкирцах возмущение приглашением к собранию». Папав направил против Батыркая карательный отряд Рахмангула Иртуганова²¹.

Бригадир Салават Юлаев в середине октября провел мобилизацию в деревнях, расположенных по р. Уфе. По сведениям, поступившим в канцелярию Пермской провинции, Салават вместе с Ильчигулом Иткуловым намеревались захватить Ачитскую, Кленовскую, Бисертскую крепости, чтобы «впредь от Екатеринбурга командам стоять было негде»²².

В октябре в Пермскую провинциальную канцелярию продолжали поступать донесения о том, что «живущие за рекой Уфою башкирцы, черемиса и вотяки находятся еще вне преклонения» и имеют «разъезды» между Красноуфимской и Ачитской крепостями, а красноуфимские казаки, «кои все были склонны к злодею [Пугачеву], живут по своей воле ... без всякого управления» и укрывают в своих домах беглых рекрут²³. А старшина Кущинской вол. Сибирской дороги пугачевский полковник Ильчигул Иткулов сам писал в октябре 1774 г. временному коменданту Красноуфимской крепости Я. Г. Савинову: «Нам склониться невозможно, потому что присягу за Петра Федоровича приняли», а если Савинов с командой выступит «за реку Уфу ... то будем противиться и с вами драться»²⁴.

До зимы не было восстановлено властями прежнее правление в Бирске, Елдяке, Красноуфимске, Осе, Нагайбаке. П. М. Голицын перебрасывал в Башкирию все новые части, по полному основанию считая, что «главная теперь нужда состоит в успокоении бунтующих башкирцов, пребывающих поблизости городов Осы, Кунгура и Красноуфимска»²⁵.

23 октября полковник В. Ф. Бибииков докладывал командующему войсками П. И. Панину о постоянных набегах повстанческих отрядов из Башкирии на территорию Екатеринбургско-

го ведомства. По его данным, повстанцы сосредоточивали силы в д. Арти, Язагулово, Касягаш. Они обходили расставленные Бибиковым пикеты, используя известные только им «пролазы, помощью которых проходят они мимо команд и паки убегают». «Преследовать же их, — сокрушался полковник, — и невозможно, и бесполезно, потому что проходы тесные и места их пребывания так, как и количество, — точно неизвестно»²⁶.

Обозначенная карта событий показывает, что и в третий период Крестьянской войны Салават Юлаев и его боевые товарищи, несмотря на ограниченность районов размещения повстанцев, держали под своим контролем значительную территорию родного Башкортостана, были фактически хозяевами на ней.

Неспокойно было и в других районах. В своих воспоминаниях генерал Ф. Ю. Фрейман не мог не отметить, что на территории Ногайской дороги еще и в октябре действовал отряд Качкына Самарова²⁷.

То же — и в Челябинске: генерал А. Д. Скалон рапортовал 9 октября П. И. Панину, что, хотя часть башкир и принесла повинную, «другия, и поныне бунтуя, злодеянии производят»²⁸. Для поднятия боевого духа повстанцев пугачевские генерал Юламан Кушаев и полковник Мухаммет Саферов «разглашали» среди жителей Исетской провинции, что «Петр III» — Пугачев вновь «появился в здешних окрестностях во многочисленном собрании»²⁹. Это, по мнению коменданта Верхнеяицкой дистанции Е. А. Ступишина, помешало привести в повиновение многих башкир, мишарей, татар, а также живших среди них 500 ставропольских калмыков³⁰.

С трудом шел рекрутский набор, объявленный государственной Военной коллегией 4 сентября 1774 г. По рапорту А. В. Суворова П. И. Панину от 16 января 1775 г., в Исетской провинции, вместо 532 чел. по наряду, было набрано только 228, в Уфимской из 191 чел. — 95, в Ставропольском уезде из 303 чел. — всего лишь 46 рекрутов. Как объяснял И. А. Рейнсдорп, мятежные крестьяне не вернулись в свои деревни; к тому же, «збирать да и для понуждения в поставке оных в уезде нарочных посылать еще опасно»³¹.

В общем и целом, в условиях гражданской войны правительство было поставлено перед фактом крайней ограниченности нового рекрутского набора.

Тем временем, территория активных действий повстанцев сужалась и дробилась. К зиме 1774 г. она ограничивалась лишь отдельными районами Сибирской дороги. И сюда, по распоряжению генерала Голицына, были направлены дополни-

тельные правительственные силы, занявшие посты в Красноуфимске, на Катав-Ивановском заводе, в полдюжине деревень по р. Ай с тем, чтобы сжать вполне сомкнувшуюся дугу окружения несломленных башкир и подавить восстание. В ноябре 1774 г. у Катав-Ивановского завода состоялось последнее крупное вооруженное столкновение повстанцев с екатерининскими войсками на территории Башкирии.

Последний бой Салавата. Сражение произошло 22 ноября, в снежный предзимний день. Точная дата баталии устанавливается по рапорту А. В. Суворова генерал-аншефу П. И. Панину от 28 ноября 1774 г. Суворов передавал начальству содержание доклада Ф. Ю. Фреймана генерал-майору П. М. Голицыну: против повстанцев на Катав-Ивановский завод, «где злодей Салаватка распространял свои разбои по сей месяц»³², шла команда подполковника И. К. Рылеева, подкрепленная конными отрядами «верных» башкирских и мишарских старшин. (Еще с октября, как докладывал тогда Голицын командующему, «с округа Табынского збираются старшины башкирские с некоторым числом своих команд», намереваясь взять в плен Салавата и его отца Юлая Азналина³³. Кроме давних врагов повстанцев, здесь находились старшины, отошедшие от восстания и «замаливавшие грехи» перед императрицей.) Наступавшие должны были, прежде всего, снять осаду завода, окруженного салаватовцами. Поэтому они были хорошо вооружены, имели орудия и двигались в строю, готовом в любой момент развернуться для атаки. Однако Салават Юлаев не стал ждать приближения карателей, — как вспоминал много лет спустя генерал Фрейман, он оставил завод и сам выступил навстречу противнику: «дерзко атаковал отряд, как только его заметил»³⁴.

Двухтысячное войско пугачевского бригадира представляло отныне весь восставший Башкортостан. К упомянутому рапорту А. В. Суворова о военной ситуации в зоне восстания на конец ноября 1774 г. был приложен тщательно составленный список предводителей башкирских отрядов, входивших в сводный отряд Салавата Юлаева. Со своим юным вождем последний бой карателям дали команды семи старшин Сибирской дороги — старшины Дуванской вол. Алагузя Бакынова и Миндияра Аркаева, старшины Тюбелясской вол. Субхангула Килтякова, Айлинской вол. Таиша Ченыкаева, старшины Сартской вол. Умютея Уразембетова, Тырнаклинской вол. Яуна Чувашева, старшины Кыр-Кудейской вол. Яхьи Якшиева. Большой отряд с Ногайской дороги привел старшина Катайской вол. Аккучюк Таиров. Во главе отрядов зауральских башкир стояли сотник Телевской вол. Аблязи Абдалов, помощ-

ник старшины Кара-Табынской вол. Шмекей Бябаев, рядовой башкир Кубелясской вол. Альмухамет, рядовой из команды тептярского старшины Исетской провинции Мухаммета Сафеева башкир Малюткул Картабызов³⁵.

Отряд Салавата был сравнительно хорошо вооружен; даже имел несколько пушек.

Атака повстанцев была, как описывал бой в своих воспоминаниях генерал Фрейман, стремительной и смелой. Однако и противник не мешкал: встретил натиск во всеоружии. Правительственный detaшамент успел развернуться и накрыл конницу повстанцев пушечным огнем. В один миг и очень сильно поредевшие ряды повстанцев уже не выдержали напора карательной команды, состоявшей из 600 солдат, 200 казаков и какого-то числа «верных» башкир и мишарей³⁶. Однако и в этом случае салаватовцы не бежали, — отступили, сохраняя боевой порядок: «при отходе, — вспоминал Фрейман, — мятежники прикрывались пушками, но были полностью разбиты»³⁷. Как значилось в рапорте Суворова, Салават с «сообщниками ушел в леса»³⁸.

И. К. Рылеев рьяно следовал распоряжениям начальства: «хотя к изловлению онаго вора из доброжелательных башкирцов от подполковника и посланы в немалом числе от Табынска, но и сам он з 22 числа выступил по р. Ай»³⁹.

Крестьянская война вступила в свою последнюю трагическую страду.

Подавление последних очагов сопротивления в Башкирии. Местные власти, да и государственные органы в целом, надеялись, что с фактическим поражением Е. И. Пугачева, разгромом сводного отряда Салавата Юлаева мятежники по всему краю тотчас вернуться в лоно закона и порядка. Но этого не произошло. Совсем наоборот, участники восстания явно или скрытно стремились избежать примирения: угрюмо ждали перемен. Их упорство являлось формой продолжающегося протеста против ненавистных порядков, становилось новым проявлением сопротивления властям и порядку, представленному последними. По сообщению исетского воеводы И. Г. Лазарева к началу октября удалось вернуть «в покорность» крестьян трех слобод и двух сел, сто дворов башкир и татар и одну мишарскую деревню, а остальные не спешили идти с повинной. В ведомости, присланной Уфимской провинциальной канцелярией в Оренбург в начале ноября 1774 г., отмечалось, что старшины Сибирской дороги «с командами их и поныне находятся» в неповиновении, и никто из них, за исключением «ясадного старшины Алексея Бекметева», не пришел в послушание, и что из селений Сибирской дороги, где действовал Са-

лават Юлаев, «по сие время» также никто не явился к властям⁴⁰. Многие повстанческие деревни оставались «в пуге», а их жители находились в горах.

Проявлением активного сопротивления властям был самовольный захват башкирами земель, прежде отнятых у них заводчиками. Полковник В. Ф. Бибииков 2 января 1775 г. информировал П. И. Панина, что башкиры «заселились вновь и весьма много около разоренного Уфалейского завода»⁴¹. В донесении заводовладельца И. С. Мясникова тому же П. И. Панину от 3 марта 1775 г. также говорилось, что башкиры на заводских землях «построили себе несколько деревень и ныне живут»⁴².

В зимние месяцы 1774—1775 гг. восстание на территории Башкирии почти полностью погасло. Продолжать открытую вооруженную борьбу в условиях мощного наступления карателей, двинувшихся на башкирский Урал, было невозможно. Салават и другие предводители повстанцев еще в октябре решили, видимо, пойти к зиме на роспуск отрядов. Повстанцы разъехались по своим деревням, но, как доносил перебежчик писарь Абдулла Курманаев, они «намерены к миру склониться, но только с обманом тем, чтоб им зиму таким образом препроводить, а будущим летом по-прежнему бунтовать»⁴³. Многие заранее договаривались о перекочевке в казахские степи в том случае, если власти прибегнут к репрессиям: «все жительствующие в горах зговорились, ежели их не будут наказывать за учиненное ими бунтовство», то они «хотят остатца в своих жилищах, а когда сему противное последует, то положили ути в киргисскую орду»⁴⁴. Некоторые старшины вели об этом разговор с посланцами из казахских жузов. Так, башкирский походный старшина Барын-Табынской вол. Исетской провинции Шукур Абзямов говорил казахам, что «ежели-де ему здесь будут показывать притеснения, то перекочевать совсем в их степь и житьельствовать с ними обще»⁴⁵. Салават также решил было «уйтить прямо лесом и горами в киргисцы, к нему все ево товарищи согласны были»⁴⁶, чтобы на будущий год вновь поднять свой народ на восстание. Зная о подобных настроениях среди башкир, губернатор старался укрепить войсками пограничную линию.

Военные, гражданские, церковные власти развернули усиленную антиповстанческую агитацию. В обычае непрекращающейся войны они и тут не выбирали средств. Обещание прощения, даже милостей чередовалось с угрозами, откровенными посулами жесточайших репрессий. Генерал-аншеф П. И. Панин требовал от башкир сложить оружие и угрожал, что в случае неповиновения «мужеск пол до самых младенцев

будет растерзан лютейшими смертями, жены, дети и земли их все без изъятия розданы в рабство и владение пребывавшим в верности е. и. в. российским подданным»⁴⁷.

Командующий карательной армией владел ситуацией и знал что делает. В реляции, отправленной 5 декабря 1774 г. Екатерине II, он писал: «О киргизах и башкирах при всем теперешнем от них успокоении, которому может быть сильнейшая причина наступившее зимнее время, конечно, до будущей весны ничего вероятного заключить». По его мнению, вспышку новых волнений можно будет пресечь силой оружия, сосредоточив в Башкирии значительное количество воинских команд⁴⁸. Опасаясь рецидивов восстания, правительство вынуждено было держать в Башкирии войска до конца 1775 г.

Одной из мер полного подавления восстания, приведения мятежного населения в повиновение был захват «начальников в злодеяние служащих у вора Пугачева и награжденных ... чинами»⁴⁹. Генерал-аншеф П. И. Панин с нетерпением ждал и с радостью откликнулся на вести «о поимке подчиненными нашими предводителей бунтовщичьих башкирцов»⁵⁰.

По особому заданию полковника П. А. Шепелева командой И. Л. Тимашева в конце октября был захвачен Каранай Мратов. Некоторое время он, как «важной колодник», содержался в Верхнеяицкой крепости. В начале ноября был отправлен в Казанскую секретную комиссию⁵¹, а затем к генерал-аншефу Панину в Симбирск. За проведение этой «карательной операции» каргалинский татарин Абеидулла Адамов получил в награду 100 руб.

К 22 ноября И. Л. Тимашеву удалось «забрать» Юламана Кушаева, Качкына Самарова, чуть позже — Юлая Азналина и еще нескольких пугачевских полковников. Но, как он сообщал в рапорте П. И. Панину, «повиновение их не самоохотное»⁵².

В это же время к полковнику Е. А. Ступишину привезли депутата Уложенной комиссии 1767 г. от новокрещенцев Уфимской и Исетской провинций И. Андреева (Бакая)⁵³.

18 декабря в Челябинск был доставлен схваченный по доносу отошедшего от восстания башкирского старшины Муртазы Юртаумова Базаргул Юнаев. Воевода И. Г. Лазарев сообщил Панину, что Базаргул «содержитца прикованной к стене под крепким караулом, на хлебе и воде»⁵⁴. К началу 1775 г. почти все бывшие командиры повстанческих отрядов были схвачены. Кто-то из них и добровольно явился к гражданским и военным властям с повинной.

Неисцелимую рану нанесли каратели повстанческому движению в Башкирии, схватив Салавата Юлаева.

Преследование вождя башкирских повстанцев, буквально неотступная охота за ним началась с конца лета 1774 г. Губернатор И. А. Рейнсдорп, получив достоверные известия о маршрутах продвижения пугачевского бригадира, обратился к военному командованию с просьбой ввести в край дополнительные войска и учредить посты между Уфой, Челябинском и Красноуфимском. Именно там, докладывал он, «находится известной Пугачеву сообщник Салават Юлаев»⁵⁵. В октябре в Башкирии было распространено «объявление» П. И. Панина с извещением о разгроме Главного повстанческого войска и пленении Е. И. Пугачева. Командующий правительственной армией требовал от мятежных башкир сложить оружие и «в знак своего истинного покаяния и подданнического повиновения»⁵⁶ выдать властям Салавата Юлаева. А начальник секретных комиссий П. С. Потемкин даже обратился к Салавату с доверительным письмом, в котором предлагал ему добровольно сдаться: «Покайся, познай вину свою и приди с повиновением»⁵⁷.

Но Салавата можно было победить только в открытом бою. Это и случилось 22 ноября под Катав-Ивановским заводом. Оторвавшись от преследователей, Салават укрылся в лесу близ глухой деревушки Миндишево (Мигдишкино). Здесь его настиг передовой отряд подполковника Н. Я. Аршеневского под командованием поручика В. Лесковского и с приданными ему конными группами мишарского старшины Муксина Абдусалямова и сотника Зямгура Абдусалямова. Последние и схватили Салавата 25 ноября 1774 г.⁵⁸ Через много лет, в 1791 г., а затем и в 1793-м, обосновывая свои права на офицерский чин, Муксин Абдусалямов в прошении, поданном Екатерине II, писал, что это он «главнаго злодейскаго наперсника — башкирца Салаватку Юлаева, поймав, представил» властям, а его брат сотник Зямгур столь же категорично заявлял, что он был «при поимке злодейскаго сообщника башкирца ... Салаватки Юлаева, которой мною и пойман»⁵⁹.

Верная властям старшинская верхушка не переставала и в дальнейшем преследовать наиболее активных пугачевцев, оставшихся на свободе. Так, летом 1775 г. в Сенат поступил рапорт мишарских старшин Салтанмрата Янышева, Мендея Тупеева, Аблея Смаилова, где они «обличали» депутата Уложенной комиссии 1767 г. от мишарей Уфимской провинции Абдулзялиля Максютотова, который, по их словам, «не устыдился пристать в сонмище» пугачевцев. Указом Сената от 3 сентября Абдулзялиль был исключен из депутатов, и губернатору И. А. Рейнсдорпу было поручено отобрать у него депутатский знак и выслать в Сенат⁶⁰. Между прочим, Абдулзялиль принад-

лежал к той части старшинской верхушки, которая в зависимости от ситуации в народном движении занимала разные позиции, подчас противоположные. Хотя Абдулзялиль имел аттестат майора С. Тютчева о его «усердии» в бою у д. Тимкино Казанской дороги в апреле 1774 г.,⁶¹ такому карателю, как Салтанмрат, было, видимо, больше известно о повстанческой деятельности мишарского депутата.

Несмотря на успехи правительственных и добровольных карателей в подавлении восстания в Башкирии, на деле никто не верил в полное «усмирение» края. Оно и не было достигнуто. Губернские власти и командиры карательных войск получали достоверную информацию и сталкивались непосредственно со вспышками народного возмущения. «Верные люди» правительства в волостях, всякого рода конфиденты, лазутчики, соглядатаи и пр. непрерывно доносили о брожении в народе⁶².

В декабре 1774 г. И. А. Рейнсдорп пишет П. И. Панину, что башкиры «не совсем еще благонадежны» и «намерения» их «ныне в неизвестности»⁶³. Непокоен был и И. А. Деколонг, наставлявший А. Д. Скалона, чтобы тот «тишиною не уверялся, а имел бы со всяким вниманием и примечанием осторожность»⁶⁴. Да и сам командующий екатерининскими войсками не сомневался в опасности наступившего «молчания», как не колебался в выборе средств предупреждения нового взрыва народного гнева: он продолжал собирать в Башкирию значительное количество воинских команд⁶⁵.

Одновременно П. И. Панин принял решение о создании в губернии нового учреждения — Оренбургской иновещеских и пограничных дел экспедиции. Экспедиция, членами которой генерал-аншеф назначил губернатора И. А. Рейнсдорпа и статского советника П. И. Рычкова, была наделена разнообразными и существенными административными и судебными функциями. Уже с начала 1775 г. она повела следственно-судебное разбирательство по делам бывших пугачевцев, стала рассматривать проступки людей, подозреваемых в неповиновении властям, принимала деятельное участие в разборе башкиро-казахских пограничных конфликтов, а также — с помощью внутригубернской агентурной сети следила за настроением населения⁶⁶.

А обстановка в Башкортостане все еще была напряженной. На всем протяжении зимы 1774—1775 гг. к губернатору поступают сведения о «сборищах» башкир.

Какие-то передвижения конных групп наблюдаются на дороге от Оренбурга к Уфе⁶⁷.

Приходит жалоба на старшину Карагай-Кипчакской вол. Ногайской дороги Тюзбека Якупова, который «в повиновение притти удержался» и не исполнял старшинские обязанности⁶⁸.

Старшина Салзаутской вол. Исетской провинции Баязит Максютов и сотник Терсятской вол. Махмут Калмакаев, как сообщала Исетская провинциальная канцелярия генерал-поручику А. В. Суворову 22 января 1775 г., также «остались в упорстве»⁶⁹. Только 10 апреля Суворов смог информировать П. И. Панина, что Баязит и Махмут были схвачены и доставлены к подполковнику Н. Я. Аршеневскому⁷⁰.

Губернатор и воеводы с особым пристрастием следили за поведением бывших «чиновных» пугачевцев. Так, в мае 1775 г. их рассыльные — конфиденты сообщали в Уфимскую провинциальную канцелярию, что сотник Каранай Мратов с жителями д. Курмеево выезжали за р. Сакмару, и Каранай пока не вернулся «в прежнее жительство». Это вызвало «некоторое сумнение» губернских властей в отношении лояльности Караная⁷¹. Генерал Фрейман, считавший Караная «из первейших злодеев», предлагал губернской канцелярии «забрать» Караная в Оренбург⁷².

В апреле 1775 г. заводчик И. С. Мясников обращался (повторно) к самому генерал-аншефу П. И. Панину с просьбой о размещении на всех его заводах военных команд «для приведения крестьян в надлежащее послушание» и охраны заводов от башкирских отрядов⁷³.

И в те же дни Ф. Ю. Фрейман просил А. В. Суворова усилить посты по р. Ай, где «примечено», что жители отдельных деревень «упражняются в делании стрел и поправлении оружия»⁷⁴ и кто-то перехватывает провиантские обозы, направляющиеся к Катав-Ивановскому заводу⁷⁵.

Просьба Фреймана была связана с прибытием Суворова в Оренбургскую губернию. Генерал-поручик, до этого наблюдавший за событиями в крае из ставки командования правительственной армии в Симбирске, по приказу П. И. Панина с 13 по 28 мая 1775 г. ознакомился с военной обстановкой на месте: вначале он посетил Оренбург; 19 мая прибыл в Уфу. Панин требовал от Суворова исполнения верховного решения о введении в Башкирию в мае—июне дополнительных воинских сил и передислокации войск для учреждения «смычных постов» с тем, чтобы не допустить массового выступления башкир и привести, наконец, заводских крестьян в «надлежащее послушание»⁷⁶. Кроме того, по разряду особых поручений Суворову было вменено в обязанность оградить губернию от нападения казахов⁷⁷.

Естественно, особенно заботила Панина Башкирия. А для беспокойства у него были веские причины. С начала года по всей Волге и в Оренбуржье распространялись вести о последователе Пугачева казаке И. П. Заметаеве, объявившемся со своим отрядом в низовьях Волги и на побережье Каспийского моря. Призывы Заметаева (в народе он был известен под именами Заметайлы, Метелки, Метлы) к новому восстанию тотчас нашли отклик среди казаков, башкир, заводских крестьян Оренбургской губернии. Как раз накануне приезда Суворова в Оренбург губернатор приговорил к жесточайшему наказанию кнутом и высылке из пределов края казака Нижнеозерной крепости Ф. Фролова, уверявшего, что у Гурьева стоят повстанцы, «а при них — начальник, называется Метла, который-де идет на здешние крепости, то для него-де и в поход наряжены»⁷⁸ оренбургские и уральские казаки. И Суворов сообщал П. И. Панину из Уфы: «Недавно башкирец Бахтирейка возвещал заводским приход Метелки — Железного лба с-под Гурьева. И склонил несколько туда к утечке, кои здесь переловлены»⁷⁹. Среди захваченных были слесарь Авзяно-Петровского завода И. Шебалин и шестеро заводских крестьян. Вместе с ними в Уфимской тюрьме содержались четверо башкир, «которые проговаривали также, что ожидают они того Метлу, и хотят с ним [вместе] башкирцы воевать»⁸⁰. В розыске находились еще 23 башкира, собиравшиеся бежать к Заметаеву⁸¹.

Для предотвращения «нового восколебания народа» в губернии и побегов к Заметаеву А. В. Суворов распорядился разместить дополнительные контингенты войск на Нижнеуральской дистанции.

Не только реальные, действительно, опасные для государства события удерживали карательные войска в Башкирии. У страха глаза велики: армию держали еще и слухи о мнимой опасности. Весь мятежный Урал был полон толков о близкой страде нового восстания. Вернее сказать, о продолжении Пугачевского движения. Ведь главными распространителями слухов были бывшие участники Крестьянской войны, те, кто не мог примириться с поражением, с крушением своих надежд на свободу.

В апреле 1775 г. в Тырнаклинский вол. Сибирской дороги подполковник Н. Я. Аршеневский схватил башкир Имангула Утяшева и Абзая Баймухаметева, уверявших жителей волости, «что Пугачева сила есть близ Чернова Яру, и над нею начальник сам Пугачев, и что будто он не казнен, а ушел и жив, идет сюда к ним, в Башкирию». Им верили, потому что знали, что Имангул был с Пугачевым до последнего сражения под Черным Яром. Имангул, поднимая дух у своих прежних бое-

вых товарищей, заверял их, что точно знает, где стоит войско Пугачева: «я те все места знаю, где сила стоит и провести могу»⁸².

К лету 1775 г. относятся дошедшие даже до Петербурга слухи о каких-то переговорах башкир с казахами, которые уверяли, что Пугачев якобы снова прибыл под Оренбург⁸³. По заданию Рейнсдорпа, уфимский воевода отправил по волостям сыщиков-конфидентов, чтобы выяснить истинную подоплеку связи башкир с казахами⁸⁴.

К Фрейману был доставлен мишар Ташбулат Муртазин, который, по заявлению старшины Валиши Шарыпова, «не отставая от злого умыслу, ... Пугачева утверждает подлинным государем»⁸⁵.

В 1775 г. на Кыштымском заводе жители утверждали, что, если «какая ... будет завороха, то все бежать в ту толпу желают, ... а Петр Федорович, Бог-де знает, где он, — не знать, куда ушел или девался»⁸⁶.

В июле 1775 г. были отправлены в Оренбург жители д. Кунаево Казанской дороги мишарский сотник Рахимкул Шарыпов и татары Замнигабдин Рысметов, Загавер Кучумов, Вялиш Зайтиев, схваченные за их «разглашения»: «будто бы бывшей в Берде самозванец и ныне есть и находится на Уральском устье с Большим войском и идет еще под Оренбург»⁸⁷.

Тогда же в Исетской провинциальной канцелярии было заведено дело о «дерзостях» крестьянина д. Бисерово Ф. Сухачева, который во время перевозки с поля необмолоченного хлеба называл Е. И. Пугачева «нашим батюшкой Петром Федоровичем» и желал ему здравствовать «многие лета». А крестьяне д. Косулино распространяли слухи, что около Челябинска мятежники вновь готовятся к выступлению против властей⁸⁸.

В начале 1776 г. губернская канцелярия завела секретное дело «О разглашении непристойных и ко вреду общественному касающихся слов старшиною Ряскуль тархан Иджимясовым». В Кара-Табынской, Салзаутской и других волостях Исетской провинции Ряскуль говорил «к народному соблазну склонящихся» слова: «Пугачев жив и ушел в 12-ти тысячах в Крым», а ему, Рясую, Пугачев дал, якобы, приказ связаться с казахами «и ожидать его, Пугачева, по выступлении травы с войсками в сорока тысячах»⁸⁹.

Летом 1776 г. губернатор узнал об обмене «новостями» между башкирами Суун-Кипчакской вол. Ногайской дороги и крестьянами Преображенского и Воскресенского заводов. Башкиры сообщали: «У нас-де слышно, что Пугачев жив». А заводские крестьяне дополняли в ответ, что Пугачев, якобы, с

войском из яицких казаков идет к Оренбургу «для восстановления подобно бывшему бунта». Перепуганный заводчик Я. Б. Твердышев, забрав все серебро, уже, якобы, бежал в Симбирск⁹⁰.

О бегстве своих хозяев рассказывали и жители Преображенского звода⁹¹.

Народ Башкирии не хотел верить ни в поражение восстания, ни в гибель его вождя. Казалось, силы его неистощимы, — и ему нужны только уран (клич), только имя, чтобы вновь попытаться счастья в борьбе за свою свободу. Свои надежды на возобновление борьбы он связывал подчас с совершенно мифическими фигурами. Например, летом 1775 г. П. И. Панин получил неожиданное сообщение: «Башкирцы говорят: хотя одного Пугачева и искоренили, только еще у него два брата живых ... И рано Демидов заводы строит»⁹². И уж совсем долго не гасла вера в возвращение правой вольницы, когда она была связана с реальными людьми, такими, как, к примеру, Кинзя Арсланов.

Среди сподвижников Пугачева, находившихся рядом с ним и после разгрома Главного повстанческого войска под Черным Яром, Кинзя Арсланов был единственным человеком, который оставался верен вождю восстания до последнего часа. Три недели он был рядом с Пугачевым, но, когда того заговорщики из казачьей старшины отдали властям, Кинзя Арсланов исчез, как в воду канул. Впоследствии ни казакам, ни карательным командам не удалось его разыскать. А в Башкирии еще долго ходили слухи, что Кинзя вернулся и собирает — нет, уже собрал! — большие отряды, которые стоят «в вершинах рек Белой, Сакмары, Ашкадара и Демы»⁹³.

Учитывая тревожную обстановку в Башкортостане, правительство не спешило с выводом из края регулярных войск.

§ 3. РАСПРАВА ВЛАСТЕЙ С ПОВСТАНЦАМИ. ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ УБЫТКИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

Правительственные регулярные и иррегулярные воинские части, учреждения политического и уголовного сыска и суда, а также дворянские ополченцы, всякого рода «волонтеры» на местах — весь карательный механизм феодального государства сверху донизу, финансы страны, церковь были мобилизованы на разгром народного движения, на расправу с повстанцами.

Основание, или подоплека была одна: империя дрогнула от страха. В царствование Екатерины II, в «золотой екатеринин век» народ России окончательно подпал под власть крепостного права, всеохватного социального и национального угнетения. Крестьянская война, также вовлекшая в свой огонь практически все слои населения огромного региона страны, была для него фантастической попыткой одним смертельно опасным деянием уничтожить феодальную кабалу. Феодальное государство ответило на удар ударом, утроенным в своей силе паническим ужасом. В первые месяцы войны оно, казалось, не видело размаха и разрушительной мощи восстания, не придавало значения опасности. Поэтому и реакция его была не адекватной, — замедленной и ослабленной. Но с середины лета 1774 г. невиданный шквал репрессий обрушился на весь район действий пугачевцев, накрыл враз Оренбургскую, Казанскую, Нижегородскую и некоторые другие губернии. Он был непосредственно связан с назначением (29 июля 1774 г.) генерал-аншефа П. И. Панина главнокомандующим правительственными войсками, «определенного и уполномоченного от ея императорского величества к пресечению мятежа»¹.

Облеченный диктаторскими полномочиями, Панин начал тотальную антинародную войну, чтобы «искоренить не только возженные в четырех губерниях бунты и измены, но и довести народ до изловления его для законного наказания»². Не считаясь с существованием секретных комиссий, Панин вел сам или поручал губернаторам допрос видных повстанцев. Царицынскому коменданту И. Е. Цыплетеву, который производил дознания над пугачевцами, взятыми в плен под Черным Яром, Панин предписывал: «Всеми разными устрашениями извольте принудить сих пленных объявить между собой: 1) всех, таких, которые с самого начатия самозванца были при нем; 2) тех, которые наперсниками у него состояли; 3) которые имели какие начальственные чины и должности, а не рядовыми только были; 4) кто между ими продавшиеся из военнослужителей и других чиновников ея величества службы; 5) кто из дворян; 6) кто из беглых дворовых господских людей; 7) кто, наконец, из пахарей ...». Затем — всех, «кто ближе к самому злодею по своему званию или доле в своих злодеяниях был», — казнить; рядовых (общее число которых составляло в его застенках до 6000 человек) — «пересечь жестоко плетми», а у негодных к военной службе «урезать по нескольку у одного уха, ... утвердить целованием креста и евангелия в возвращении себя в должную верность»; дворовых людей после физического наказания «определить на каторжную работу в зачет рекрут»³. По сведениям, сохранившимся в делах в воен-

но-походной канцелярии генерал-аншефа, им были казнены или физически наказаны 8329 повстанцев⁴. Однако же, несмотря на всю жестокость приговоров, судебнo-следственные процессы не были единственными и даже главными карательными мерами Панина. Генерал предпочитал расправляться с народом по артикулу военно-полевого суда. По его приказу во всех городах, крепостях и селах, «которые дерзали ... возмущением бунтовать и выходить из должного подданического повиновения», были поставлены виселицы и сооружения для колесования⁵. 16 октября 1774 г. это предписание Панина было получено Рейнсдорпом⁶, а в ноябре — декабре в Оренбург уже были доставлены из Уфимской провинциальной канцелярии, Бугульминской земской конторы, Ставропольской канцелярии списки 150 с лишним населенных пунктов, где были установлены виселицы, снаряды для колесования и так называемые глаголи⁷. Командирам воинских частей, буквально наводнивших осенью 1774 г. Оренбургскую губернию, был отдан приказ выявлять «зачинщиков» и тут же четвертовать; а из числа тех, которые их укрывали, следовало выбирать людей для казни по жребию.

25 января 1775 г. Панин докладывал Екатерине: «Все без изъятия главные предводители бунтовщицких шаек, как российские, так и башкирские большею частью, да и сам самозванец доставлены живыми к монаршему правосудию, а затем оставшиеся из них восприяли или казнь, или пали под правосудным военным мечем ... на местах злодеяния их»⁸.

Суд и расправу над захваченными пугачевцами вершили также Тайная экспедиция Сената — главный орган политического сыска феодально-абсолютистского государства; затем губернаторы и воеводы объятых восстанием районов империи; наконец, специально учрежденные Екатериной II с целью «произведения разбирательства» над захваченными пугачевцами Казанская, Оренбургская и Яицкая секретные следственные комиссии. Следователи и судьи отнюдь не занимались выяснением целей Крестьянской войны, причин участия в ней широких народных масс, их обвинениями в адрес помещиков и чиновников. Они рассматривали грандиозное выступление народа против социальной несправедливости, бесправия и угнетения как государственную измену, тягчайшее преступление против законов, квалифицировали повстанцев и их вожakov как разбойников, уголовных преступников. Допросы «с пристрастием», физические истязания, запугивание предстоящим наказанием также были повседневностью «работы» правительственных комиссий, поощрялись и самой императрицей, и правительствующим Сенатом. Около 12,5 тыс. повстанцев про-

шли через Тайную экспедицию Сената, Казанскую и Оренбургскую секретные комиссии⁹. Тысячи повстанцев были казнены, умерли в тюрьмах во время расследований от истязаний, болезней, голода, сосланы на каторгу, на поселения, забраны в солдаты.

Исполнение приговора над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С 16 сентября 1774 г. до начала 1775 г. шел судебный процесс над Е. И. Пугачевым. Его по нескольку раз «с пристрастием» допрашивали

в Яицком городке в Яицкой секретной комиссии, затем в следственной комиссии генерал-аншефа П. И. Панина в Симбирске и, наконец, в Москве в Тайной экспедиции Сената. Расследованию дела предводителя Крестьянской войны власти «придавали первостепенное значение, надеясь извлечь из него политический урок на будущее, принять меры к предотвращению подобных народных выступлений»¹⁰. Сценарий судебного процесса над Е. И. Пугачевым и его ближайшими сподвижниками, состоявшегося в Москве в конце декабря 1774 — начале января 1775 г., был разработан самой императрицей и генерал-прокурором Сената князем А. А. Волконским.

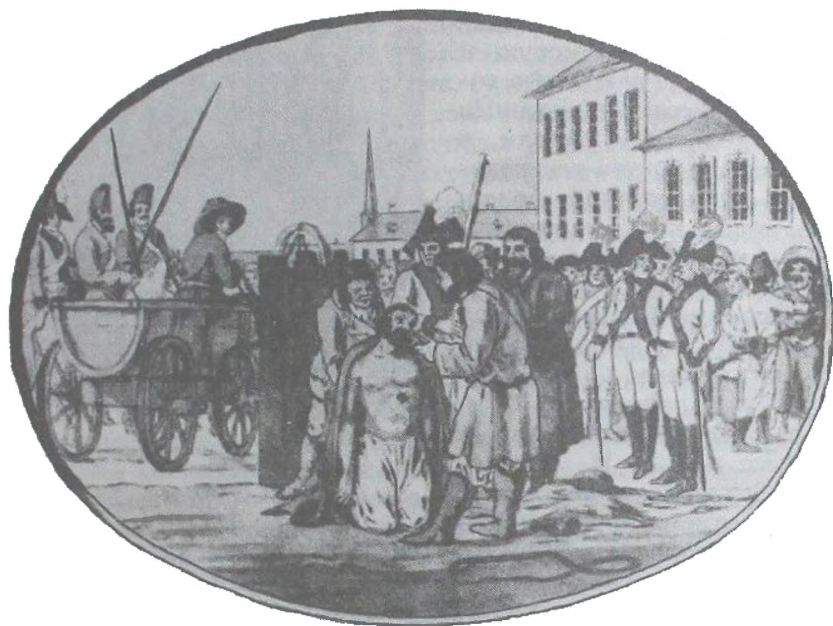
В состав екатерининского суда, определенный манифестом императрицы и указом Сената, вошли 38 представителей светской, церковной и военной власти, высшие сановники империи. Приговор был вынесен 9 января 1775 г.: «смертную казнь в Москве учинить на Болоте сего января 10 дня» Е. И. Пугачеву, судье Военной коллегии повстанцев М. Г. Шигаеву, полковникам повстанческой армии Т. И. Падурову, А. П. Перфильеву, В. И. Торнову.

После казни этих виднейших предводителей народной борьбы здесь же, на Болотной площади, была произведена экзекуция еще 22-х осужденных пугачевцев¹¹.

Через две недели, 24 января в Уфе был обезглавлен И. Н. Зарубин. Вот как описывал казнь повстанческого графа Чернышева один из ее свидетелей: «по полуночи в 9 часов, по должном принятии покаяния, взят ис-под стражи и веден с военною командою за Белую реку, где построен был обширной

Е. И. Пугачев, заключенный в железную клетку, перевозится под стражей. С гравюры XVIII в.

Публичная казнь: клеймение и вырывание ноздрей. С акварели XVIII в.

эшафот, наполненной внутри соломой и смолой. По прибытии главнокомандующего [Фреймана] поставлен на том эшафоте [Зарубин] и читана была сентенция, как она была пространная, то от двух секретарей, Ивана Черкашенинова и протоколита Михаила Протопопова. И, по окончании, сей осужденной положен был на эшафот, и отрублена палачем голова и, по показании оной пред народом, возложена на столб и на железной шпиль. А эшафот и с трупом сожжен и пепл развеян по воздуху»¹².

В конце ноября 1774 г. в походной канцелярии подполковника Н. Я. Аршеневского начался следственно-судебный процесс над бригадиром Салаватом Юлаевым и его отцом полковником Юлаем Азналиным. Он был продолжен в Тайной экспедиции Сената в Москве и Уфимской провинциальной канцелярии, завершился в июле 1775 г. вынесением приговора оренбургским губернатором И. А. Рейнсдорпом. Ссылке на пожизненную каторгу в Балтийский порт (Рогервик) предшествовала акция физического наказания, длившаяся два месяца. Салавата Юлаева и Юлая Азналина провозили сотни верст для публичного наказания в местах, где от них «самыя злейшия

варварствы и убивствы происходили», чтобы самим видом претерпеваемых повстанцами страданий запугать народ: по мнению властей, страх был самым действенным средством предупреждения новых восстаний. Двадцать пять лет провел Салават Юлаев в каторжном каземате Балтийского порта, где он и скончался 26 сентября 1800 г.¹³

На пожизненную каторгу в Балтийский порт были отправлены также думный дьяк Военной коллегии И. Я. Почиталин, секретарь коллегии М. Д. Горшков, пугачевский бригадир Канзафар Усаев, полковники Юлай Азналин, И. И. Ульянов¹⁴.

Разорение башкирского народа. Верховные власти были особо озабочены тем, как покрепче наказать башкир за их всеобщее и активное участие в Крестьянской войне. Екатерина II возмущалась «неверностью башкирцев, кои ничем на свете не отягощены были», а пошли бунтовать¹⁵. Изысканием способов расправы над башкирским народом занялся сам генерал-аншеф П. И. Панин.

По мнению генерала П. М. Голицына, следовало взять в рекруты 6 тысяч башкир, что окажется «чувствительнее для них всякой казни»¹⁶. Одновременно Голицын предложил укрепить войсками Оренбургскую линию крепостей, чтобы башкиры не могли скрыться «в Бухарской стороне»¹⁷.

Однако оренбургский губернатор опасался, что жестокое наказание башкир заставит их бежать в казахские степи и «далее в кара-калпацкие места». Поэтому, исходя из правительственной политики «поднимать один иноверной народ против другого», Рейнсдорп предложил Панину сформировать из башкир 15-тысячное войско и «заставить их принести службу е. и. в. укрощением киргис-кайсака». Притом, башкирам позволялось бы брать «в добычу ... имение и скот» казахов. После такой бойни, по размышлению губернатора, можно было бы приступить к «заслуженному наказанию» башкир, так как искать спасения в казахских жузах «им будет опасно»¹⁸.

Генерал Ф. Ю. Фрейман, считавший себя «знатоком» Башкирии, советовал воинскому командованию разместить в крае на несколько лет 7 корпусов, разделенных на 20 отрядов и рассредоточенных по всей Башкирии. Он предлагал также построить новую крепость в «опасном месте» — горах Ирэндых и даже возвести новую линию крепостей от Илецкого городка до Троицкой крепости¹⁹.

Панин остановился на проверенном «при прежних бунтах» способе наказания башкирского народа: «собираанием с него лошадей для службы войску»²⁰. Затребовав от Рейнсдорпа донесение с разъяснением порядка взимания лошадей, он обратился к Екатерине II с предложением укомплектовать войска

башкирскими лошадьми²¹. 19 февраля 1775 г. последовал именной указ императрицы Панину о сборе с башкир 4000 лошадей « в наказание за их преступление», т. е. за участие в Крестьянской войне²². За два месяца до этого генерал Фрейман получил распоряжение Панина всех башкир, возвращающихся в повиновение, «изустно увещевать» и отпускать по домам, но «знаки кары» (виселицы — глаголи) поставить во всех деревнях «в память злодейского их преступления»²³. Правительство отказалось от повторения зверской бойни в Башкирии, устроенной после восстания 1735—1740 гг. Башкирские команды, входившие в состав иррегулярных войск страны, были нужны царизму для осуществления его внешнеполитических планов в Казахстане и Средней Азии, для охраны западных и восточных границ империи, конвойной службы внутри страны.

Зная о крайнем разорении башкирского хозяйства, гибели и падеже лошадей, Панин не настаивал на реквизиции лошадей, а рекомендовал Рейнсдорпу брать с башкир деньгами: выбрав самую высокую цену того времени, он приказал брать по 25 руб. за каждую лошадь. Приступая к сбору, губернатор распорядился об освобождении от уплаты штрафа тех башкир, которые были в «непоколебимой верности» и служили в карательных войсках. Получилось так, что башкиры-пугачевцы, вместо 5 руб. со двора, должны были платить по 5 руб. 90 коп. 18 августа 1776 г. губернатор сообщил в Сенат, что в Башкирии «по неимению годных лошадей собрано 84559 руб. 50 коп., да в натуре 12 лошадей», но оставшуюся сумму за 595 лошадей из-за «разорения и бедности» башкир «собрать невозможно»²⁴.

По распоряжению Панина на башкир и крестьян ложилась перевозка продовольствия и фуража, закупаемого в соседних губерниях для правительственных войск и гарнизонов крепостей, как «заслуженное ими наказание требует»²⁵.

Наиболее ретивые каратели отбирали у башкир даже остатки хлеба. И. Л. Тимашев сообщал из Исетской провинции 19 декабря 1774 г., что он «разложил на здешних башкирцов (в заглаждение их пред е. и. в. проступка) ... с каждого двора собственного их хлеба по 3 четверти, не требуя ис казны денег ни за хлеб, ни за провоз»²⁶.

С башкир зауральских волостей собирали с каждого человека по 7 руб. 68 коп. на наем людей и подвод для перевозки провианта. Безвыходным положением башкир, не имевших таких сумм, бессовестно пользовалась старшинская верхушка. Так, сотник Балакатайской волости Исетской провинции Юлдаш Кинжин, ссужая в 1775 г. безденежных башкир, принуждал их покупать мед у его отца. Через год башкиры должны были платить за мед в три раза больше, не считая процентов

со взятой в долг суммы. У тех, кто не мог расплатиться, Юлдаш отбирал лошадей и коров²⁷.

Сводных и полных сведений о людских потерях и материальных утратах башкир в Крестьянской войне и от расправ карателей с повстанцами в архивных документах не обнаружено. Известно, что они были велики. А еще известно, что оренбургский губернатор не только не сократил количество башкир и мишарей, отправляемых на службу по Оренбургской пограничной линии, но увеличил их число с 2155 человек в 1770 г. до 2500 в 1775—1776 гг.²⁸.

Расправа над яйцами казаками. Уже на втором этапе

Крестьянской войны большинство яйцких, а также оренбургских казаков, зачинщиков пугачевщины, было отлучено от восстания. Территория Яицкого казачьего войска подверглась полной оккупации войсками генерала П. Д. Мансурова еще в конце апреля 1774 г., и в крае был установлен жесточайший режим репрессий. Вскоре часть регулярных войск ушла в Поволжье в погоню за Пугачевым; власть на Яике оказалась в руках коменданта полковника И. Д. Симонова, который буквально объявил войну казакам, замешанным в народном движении. Он месяцами держал людей в отвратительных застенках; истязал допрашиваемых до смерти; разорял и жег казачьи дома. В обстановке террора и убийств казаки принесли повинную Оренбургской секретной комиссии, прибывшей в августе в Яицкий городок. На казачьем кругу было зачитано обращение генерала П. С. Потемкина, призвавшего казаков к покаянию. Начальник секретных следственных комиссий обещал исходатайствовать у императрицы помилование казакам. В знак поручительства, по распоряжению Оренбургской секретной комиссии, голодающим казачьим семьям была выдана тысяча четвертей муки²⁹.

Не меньше, чем карательные акции правительства, на отторжение яйцкого и оренбургского казачества от восстания повлияла опасная обстановка, сложившаяся на пограничной линии. Пользуясь сумятицей, вызванной военными действиями

Генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин, шеф казачьих войск страны

на территории губернии, и ослаблением охраны по линии крепостей, казахская феодальная знать и родовая старшина спровоцировали свое население на грабеж пограничных русских и башкирских селений, колоний немецких поселенцев на Волге. Корусти феодальных вождей немало способствовала распространенная в казахских родах пограничная барымта. Древний обычай, сложившийся в условиях межплеменных раздоров, был перенесен на межнациональные отношения и поощрялся властью имущими, даже по обе стороны границы. Если рядовых казахов прежде всего вела жажда добычи: они рассматривали барымту как одну из форм хозяйственного достатка, — то и национальная вражда, разжигаемая царизмом, также была одной из причин нападения казахских отрядов на крепости, слободы, деревни и хутора. Набеги казахов заставили яицких казаков бросить все наличные силы на защиту своих семей и домов.

С августа 1774 г., писал И. А. Рейнсдорп генералу П. М. Голицыну, казахи «по Яику реке видимы бывают везде на сю сторону перелезающия и обратно с захваченными людьми и со скотом возвращающияся». По ведомости губернской канцелярии в летние месяцы 1774 г. казахами были уведены в плен 197 мужчин и женщин, отогнано 2428 лошадей. К декабрю число захваченных в плен казаков, башкир, русских крестьян превысило 3 тыс. человек³⁰. Губернские власти предприняли целый ряд оперативных мер, направленных на защиту пограничных селений и их населения от казахских отрядов. По распоряжению губернатора казачьи сторожевые команды были назначены на все пограничные крепости от Гурьева городка до Звериноголовской крепости. По рекомендации А. В. Суворова Рейнсдорп объявил решение о дополнительном призыве на Оренбургскую пограничную линию 2500 башкир и мишарей, 500 оренбургских казаков. Сам Суворов разослал приказ командирам регулярных войск об укреплении армейских постов в крепостях Оренбургской линии.

В этих условиях яицкие казаки как бы оказались между двумя огнями. И события вели к полному уничтожению этой части славного казачьего сословия России. К счастью, до такой беды дело не дошло. Однако Яицкое казачье войско, служившее одним из центров притяжения антифеодальных сил, явившееся запалом Крестьянской войны, было наказано империей резким сокращением прежних прав и привилегий. Более того, по именному указу Екатерины II, данному правительствующему Сенату 15 января 1775 г., повелено было «для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастнаго происшествия» Яицкое казачье войско переименовать в

Уральское, реку Яик — в Урал, Яицкий городок — Уральск³¹. Яицкие казаки, по словам историка Уральского казачьего войска А. Левшина, «утратили древнее имя свое и последнюю слабую тень демократического внутреннего правления»³².

По существу реорганизации, общинная самостоятельность казачьего войска фактически перестала существовать: круги были отменены, назначение войскового атамана предоставлено исключительно высочайшей воле, состав войсковой канцелярии обязательно согласовывался с оренбургским губернатором. У войска была отобрана вся артиллерия; в его столице размещался крупный гарнизон регулярных войск³³; войсковое управление сосредоточивалось в руках атамана и войсковой канцелярии, которые должны были руководствоваться общероссийским законодательством и подчиняться губернским и центральным властям. По предложению шефа казачьих войск страны генерал-аншефа Г. А. Потемкина, Екатерина II утвердила войсковым атаманом преданного старшину премьер-майора М. Бородина.

Но на полное истребление Яицкого казачьего войска, как это было сделано с Запорожским и Волжским войсками, правительство не пошло. Яицкие казаки, земли которых на значительном расстоянии граничили с казахскими жузами, были главной военной силой, несшей охрану границы. Казачья конница нужна была правительству и для внутренней, и для заграничной службы. 14 марта 1775 г. Тайная экспедиция Сената вынесла определение по делу 219 уральских (яицких) казаков, обвиняемых в пособничестве Пугачеву. Учитывая добровольную явку с повинной, судьи освободили их «от смертной казни, а равно и от всякого наказания»³⁴. Из 216 уральских казаков, судившихся в Оренбурге, 33 умерли в тюрьме до вынесения решения, 18 были определены в солдатскую службу или сосланы на поселение, 165 прощены с возвращением в войско³⁵.

Яицкое казачье войско понесло значительные людские и материальные потери. По рапорту коменданта Уральского городка И. Д. Симонова генерал-аншефу П. И. Панину от 18 января 1775 г. во время восстания яицких казаков в 1772 г. и Крестьянской войны погибло, умерло, захвачено в плен казахами более 800 чел.³⁶ К тому же, казаки лишились почти половины конского поголовья. С целью быстрейшего восстановления хозяйства, пострадавшего в ходе восстания и от нападения казахов, правительство и Военная коллегия пошли на некоторое послабление в уплате налогов и отправлении других повинностей. В 1776 г. Сенат принял решение соляную недо-

имку Уральского войска за 1773—1775 гг. «расположить ко взысканию в 10 лет, на каждый год по равной части»³⁷.

Утраты Оренбургского казачьего войска. Как и другие категории населения губернии, Оренбургское казачье войско понесло в Крестьянской войне большие потери. По документам, поступившим в канцелярию генерал-аншефа Г. А. Потемкина в 1775 г., из населения войска «разными случаями в военный мятеж выбыло» 1287 чел. Почти наполовину сократилось количество лошадей³⁸.

Тем временем начальство проявило здесь настоящее отеческое попечение. Оно сделало много для восстановления хозяйства казаков и, тем самым, их боеспособности. Как сообщал П. И. Панин Г. А. Потемкину, он согласился выдать казакам Оренбургского корпуса (1094 чел.) 25 тыс. руб. на приобретение всего необходимого для службы и 18962 руб. в возмещение сгоревших домов, сожженных в начале восстания по распоряжению оренбургского генералитета в форштадте Оренбурга. Остальным же казакам, жившим в крепостях по пограничной линии и внутри губернии (4231 чел.), было обещано в течение двух лет выдавать провиант и жалованье, которое раньше они получали только во время линейной службы «при отдалении от домов»³⁹.

Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, в чьем непосредственном подчинении находилось Оренбургское казачье войско, и войсковой атаман В. И. Могутов явно старались предать забвению «пугачевское прошлое» оренбургских казаков. В своих сообщениях вице-президенту Военной коллегии генерал-аншефу Г. А. Потемкину и генерал-аншефу П. И. Панину они объясняли их участие в Крестьянской войне принуждением со стороны пугачевцев: казаки, дескать, попадали в плен и были вынуждены служить самозванцу. (К слову сказать, суждения Могутова впоследствии перекочевали в труды историков Оренбургского казачьего войска, утверждавших вслед за атаманом: «Оренбургские казаки были верны правительству по долгу присяги и попадали в скопища мятежников пленными при взятии крепостей натиском толпы. Самое ничтожное число оренбургских и исетских казаков, сбитое с толку примером Падурова, приняло сторону мятежников»⁴⁰).

Петербург верил этим домыслам постольку поскольку. На основании манифеста Екатерины II от 17 марта 1775 г. казаков, добровольно явившихся из бегов в свои крепости, вновь по присяге принимали на службу. Лишь невернувшиеся считались уволенными от казачьей службы. Отсутствие в архивах переписей оренбургских казаков за 1772 и 1775—1776 гг. лишает возможности установить, сколько казаков оказались уво-

ленными. Известно, что «чиновных» пугачевцев, т. е. повстанческих вожаков из казаков, как и из башкир, власти держали под надзором. Среди таких был, например, казачий писарь Бузулукской крепости И. Я. Пустаханов, служивший повыхтиком (столоначальником) повстанческой Военной коллегии. Лишь в 1780 г. он получил чин хорунжего⁴¹.

Беды калмыков. Участь калмыков, принявших участие в Крестьянской войне на стороне Е. И. Пугачева, была исключительно тяжела. В течение трех месяцев с июня по август 1774 г. около четырех тысяч захваченных в плен и добровольно явившихся с повинной ставропольских и оренбургских калмыков держали в сборных пунктах — в Яицком городке, Бузулукской и Сорочинской крепостях, а затем под Оренбургом. До окончания следствия в результате голода и болезней здесь умерло несколько сот человек. Часть калмыков была направлена на службу в воинские подразделения, остальные отпущены по домам. По распоряжению Ставропольской комендантской канцелярии у калмыков было отобрано 11255 голов скота и лошадей, которые розданы затем помещикам⁴². Это окончательно подорвало материальное положение ставропольских калмыков.

30 марта 1775 г. И. А. Рейнсдорп сообщал П. И. Панину, что Ставропольское калмыцкое войско, отправлявшее в прежние годы на Оренбургскую линию по тысяче человек, теперь не в состоянии нести пограничную службу из-за бедности калмыков, «кои не только лошадей не имеют, но и пропитания из казны не получают»⁴³.

Разорение крестьян. Разгром крестьянской армии на полях сражений нисколько не утолил жажды мести у екатерининских карателей. Наоборот, они искали и находили все более изощренные и жестокие средства наказания крестьян, вчерашних повстанцев.

Перво-наперво, офицеры правительственных войск и местные воеводы стали набирать государственных крестьян в наказание за участие в пугачевском движении в карательные команды. Их же без всякой меры и нормы заставляли подвозить провиант и фураж к местам дислокации воинских команд и в пограничные крепости⁴⁴.

Самый сильный удар по хозяйству и достатку крестьянства нанесли налоги. В 1775 г. с крестьян взыскали налоги за два предыдущих года войны. К тому же, Сенат потребовал брать подушную подать и за все «убылые души», наказав губернским властям «никакого послабления в сборе податей не чинить». От уплаты за выбывших крестьян освобождались только те деревни, где убыло свыше $\frac{1}{3}$ населения. 26 февра-

По Указу Ея Императорскаго Величества Генералъ-Поручикъ Оренбургской Губернаторъ и Капитанъ Рейнгардъ, сажавъ солдата присланинаго къ нему отъ находящагося въ Монашій иркутскій монастырь убитаго злодѣя Команданта Бресадли дефейершлага укрѣпленнаго Полковника Ивана Фона, поимъ отъ становившагося Осмою левою полковою командою Александръ Бартольдъ къ нему Фону подавшему объявляетъ что дѣлушкой у него Бартольдъ оной же команды мущинникъ Иванъ Степановъ объявлялъ ему Бартольду когда де въ Монашій иркутскій монастырь его разбитіи оной бѣдѣи главныи въ ея Задѣвній полкъ находились на иркутскѣ, тогда де на попросъ злодѣевъ о соизволеніи Бресадлиши дефейершлаговой къ ивановъ она гордыи дѣловыи сподѣи, люди котораго дѣловыи оной Бресадлиши гелетовъ Александръ Засильевъ неостыжательныи и безпашныи образомъ доизвождалъ что станой Задѣвній по всей иркутскости не было: что де оны Фоны видя употребилъ способы къ сынанію спехомъ и того еще дѣловыи ибъ етому доизвожательства, и по тѣмъ дѣломъ ея стараніи нашавъ, что дѣловыи гелетной Бресадлиши люди Фонка Анна Яковлева да жена означеннаго Васильева Матвѣя Евстаева доблѣтельно и безъ паче ико приговариваіа показави, когда де ще дѣловыи люди собрании обратныи въ домъ свой, тогда упоминаемой Александръ Васильевъ называвъ оной Яковлевой и женьгъ своей Евстаева что по двятіи извѣстныи и соудрѣственныи злодѣевыи и общесъ полая извѣстительствемъ Прехотельи Монашій иркутскости глѣбъ рашини ибъ ииъ на дворъ Задѣвній указавши на тогору способъ Задѣвнійи называвъ а потомъ тѣмъ оудъ къ нему Исаіа Зубова гелетовъ Михаилъ Ивановичъ ииъ прогнати развощорами назывававъ,

Приговор оренбургскаго губернатора от 8 октября 1774 г. о четвертовании в Троицкой крепости пугачевца дворового человека А. Васильева
 ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 20.

ля 1778 г. И. А. Рейнсдорп представил в Сенат список селений, в которых крестьяне из-за «разорения и бедности ... за те убылые души податей платить находятся совсем не в состоянии». В этих селениях числилась 10861 ревизская душа, а не вернулось к 1778 г. 3109 душ м. п.⁴⁵.

Правительство и Берг-коллегия, заинтересованные в быстрейшем возобновлении работы заводов, дали разрешение возвращать на предприятия всех мастеровых и работных людей, даже тех, кто за активное участие в народном движении находился под следствием или был уже приговорен к различным наказаниям. Государственных крестьян, приписанных к заводам, также пригоняли в их деревни с обязательством отбывать заводскую повинность. При этом передача крестьян на каторжные заводские работы выдавалась во всеуслышание за акт милосердия по отношению к ним, «бунтовщикам и разбойникам»⁴⁶.

В ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг. население Башкортостана в целом понесло большие людские и материальные утраты.

Невосполнимы были человеческие жертвы. Из ведомости губернской канцелярии, приложенной к рапорту И. А. Рейнсдорпа в Сенат от 16 июня 1776 г., видно, что «во время бывшего неурядства» из 157 497 душ м. п. податного населения, числившихся в крае по III ревизии, погибло или находилось «в беггах» 4739. Из них в Оренбургском уезде — 2655 душ м. п., Исетской провинции — 1023, Уфимской провинции — 651, Ставропольском уезде — 226, Бугульминском ведомстве — 184. Среди выбывших большинство — 2962 — составляли владельческие крестьяне; государственных крестьян не вернулось в родные места 1248 душ м. п., тептярей — 360⁴⁷.

Сводных материалов об «убылом» служилом населении губернии не обнаружено. Кроме приведенных выше данных о людских потерях Яицкого и Оренбургского казачьих войск, можно назвать лишь отдельные короткие сведения, сохранившиеся в переписке губернатора и губернской канцелярии.

К рапорту И. А. Рейнсдорпа П. И. Панину от 3 апреля 1775 г. приложен именной список 990 человек, захваченных в плен пугачевцами. Часть из них была казнена восставшими, остальные погибли во время сражений. В списке указаны фамилии 303 отставных солдат и драгун, живших в крепостях Оренбургской линии, 153 оренбургских и 23 яицких казаков, 128 государственных крестьян, бывших в казачьей службе, 133 солдат из местных гарнизонов⁴⁸. По данным, собранным местными властями к началу 1775 г., в Оренбургском уезде повстанцами были убиты 6 штаб-офицеров, 22 обер-офицера, 12

священников и церковных служащих; в Уфимской и Исетской провинциях — 2 штаб-офицера, 8 — обер-офицеров, 8 священников⁴⁹. Среди офицеров были и отставные. Вдов офицеров и помещиков, судя по спискам «дворян и чиновных людей, претерпевших от толпы ... Пугачева раззорение» от февраля 1775 г., повстанцы забирали в свои отряды. Против фамилий вдов в списках, в большинстве случаев, указано: «хотя в злодейскую толпу захвачена и была, но никакого злодеяния не учинено»⁵⁰. Жен офицеров и помещиков казнили лишь по прямому обвинению их дворовых людей и крепостных крестьян. Такого целенаправленного, жестокого истребления дворянских семей, какое наблюдалось в военном режиме повстанцев с выходом Пугачевского войска в поволжские губернии, в Башкортостане не было.

Материальные утраты, понесенные населением губернии во время военных действий, размеры конфискации имущества помещиков и заводчиков восставшими и обычных грабежей точному учету не поддаются. Даже 295 дворян, «претерпевших раззорение», не смогли определить стоимости своего имущества. По неполным данным, вещи, скот, лошади, отобранные у них, и сгоревшие дома стоили 535 120 руб.⁵¹.

Но вот владельцы всех 39 заводов, возведенных в губернии, объявили, что убытки от разрушения производственных и подсобных зданий, конфискации повстанцами инструментов и металла составили 998 818 руб. Кроме того, как говорилось выше, повстанцы взяли на заводах 144 929 руб. деньгами и еще разного продовольствия, скота, фуража на 81 406 руб. Работные люди, мастеровые, другие категории заводского населения понесли ущерб, материально выраженный суммой в 904 640 руб. В итоге убытки на заводах составили 2 128 793 руб., возместить которые они не могли очень долго⁵². В конце 1775 г. начали работать наименее пострадавшие Катав-Ивановский и Усть-Катавский заводы. Большинство заводов смогло наладить производство лишь через 2—3 года⁵³.

По ведомости Главного правления Оренбургских соляных дел за 1775 г. во время восстания были расхищены более 196 тыс. пуд. соли и деньги от продажи соли на сумму в 98 038 руб. На восстановление сожженных соляных пристаней потребовалось 15 тыс. руб.⁵⁴

Не поддается подсчету ущерб от сожженных дотла восьми крепостей: Губерлинская, Ильинская, Карагайская, Рассыпная, Сорочинская, Петропавловская, Степная, Уртазымская, Чебаркульская — и двух пригородков: Бирск и Оса. Наполовину сгорела Татищева крепость⁵⁵. Нет полных сведений и об ущербе, нанесенном имуществу большинства служилого и по-

датного населения губернии. По предварительным данным, сообщенным И. А. Рейнсдорпом П. И. Панину 25 февраля 1775 г., убытки разных категорий населения составили 1 635 128 руб. (из них 650 тыс. руб. приходятся на Златоустовский и Саткинский заводы купца Л. Лугинина)⁵⁶. Потери казаков Яицкого городка оценивались в 135 834 руб., купцов и торговых татар — 114 625 руб., мишарских старшин и мишарей Исетской провинции — 21 680 руб. О неполноте собранных к этому времени данных говорит такой пример. В названном списке от 25 февраля указано, что у оренбургских казаков пропало имущества, лошадей, скота на сумму 121 257 руб.; в докладе П. И. Панина Г. А. Потемкину от 18 июля 1775 г. сообщается, что оренбургские казаки линейных и внутренних крепостей «объявили разорения на 235 100 руб.», по Оренбургскому корпусу — на 107 819 руб.⁵⁷.

В сохранившихся документах эпохи сведений об утратах, какие понесли башкиры, калмыки, мишари, служилые татары, государственные крестьяне, не обнаружено. Маловероятно, что им вели какой-либо счет.

§ 1. Восстание в Башкирии в июле — сентябре 1774 г.

¹ Цит. по: *Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // *История СССР.* 1985. № 4. С. 165.

² *Magazin für die neue Historie und Geographie.* Halle, 1784. № 18, S. 49.

³ Пугачевщина. Т. 2. С. 333.

⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 46 — 48; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 131 — 135.

⁵ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. С. 330.

⁶ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 85 — 86.

⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 271 — 272; *Крестьянская война.* С. 219.

⁸ *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773 — 1775 гг. С. 188.

⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 406; РГАДА. Ф. 6. Д. 490. Л. 78 — 79.

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 273.

¹¹ *Neue Nordische Miscellaneen.* 1794. № 7 — 8. S. 407.

¹² РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 7. Л. 424 — 425; Ф. 1274. Д. 175. Л. 329 — 332; Д. 186. Л. 175 — 176; РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 387; Пугачевщина. Т. 3. С. 287 — 288, 295.

¹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 12. Л. 12; Ф. 1100. Д. 12. Л. 62 — 63.

¹⁴ Пугачевщина. Т. 3. С. 277 — 278.

¹⁵ Там же. С. 273.

¹⁶ *Крестьянская война.* С. 223.

¹⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 416.

¹⁸ *Крестьянская война.* С. 242, 307.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 271 — 272.

²⁰ Там же. Д. 191. Л. 314; *Крестьянская война.* С. 210 — 212, 218.

- ²¹ Крестьянская война. С. 214, 399; РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 1. Л. 251; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 335.
- ²² РГАДА. Ф. 1274. Д. 202. Л. 175.
- ²³ Крестьянская война. С. 214 — 216, 221 — 222, 226; РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 2. Л. 311 — 312, 316 — 317; ч. 4. Л. 207; Ф. 1274, Д. 186. Л. 302.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 302.
- ²⁵ Там же. Д. 187. Л. 260; Крестьянская война. С. 225, 401, 402.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 6, Д. 490, ч. 1. Л. 250; Д. 507, ч. 5. Л. 199 об.; Д. 593. Л. 113 — 114; Ф. 1274. Д. 182. Л. 280; РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 101. Л. 66.
- ²⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 353; РГАДА. Ф. 6, Д. 507, ч. 5. Л. 133, 137 — 139, 199 об.; Д. 593. Л. 113 — 114.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 280; Д. 191. Л. 425; Материалы для истории Пугачевского бунта // *Грот Я. К. Труды*. Т. IV. С. 640 — 641.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 1. Л. 250.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 124.
- ³¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 221 — 223, 268.
- ³² Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 122.
- ³³ Там же. С. 124 — 125.
- ³⁴ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974. С. 231, 234 — 237.
- ³⁵ Крестьянская война в России в 1773 — 1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 292 — 294.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 185. Л. 238.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 401 — 402.
- ³⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 267.
- ³⁹ Крестьянская война. С. 231.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 155. Л. 67 — 68; РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 98, 134.
- ⁴¹ Крестьянская война, С. 236, 237; РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 268 — 269.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 303; Д. 187, Л. 260.
- ⁴³ Там же. Д. 191. Л. 403.
- ⁴⁴ Там же. Д. 181. Л. 94.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 302.
- ⁴⁶ Там же. Д. 174. Л. 635 — 638; Д. 186. Л. 293 — 294; Ф. 1100. Д. 10. Л. 49—51; Пугачевщина. Т. 2. С. 336 — 339.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 309.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 475; Ф. 1274. Д. 188. Л. 216.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 188, Л. 171.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 143. Л. 259; РГАДА. Ф. 1274. Д. 188. Л. 180 об. — 181.
- ⁵¹ Пугачевщина. Т. 3. С. 362.
- ⁵² РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 1. Л. 200; Ф. 1274. Д. 175. Л. 332.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 218.
- ⁵⁴ Там же. Л. 221 — 223, 268; Ф. 1274. Д. 175. Л. 457 — 458.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 219; Ф. 1274. Д. 175. Л. 462.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 119а.
- ⁵⁷ Там же; ГАОО. Ф. 3. Д. 141. Л. 131 об. — 133.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 462.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 11. Л. 237 — 240.
- ⁶⁰ Там же. Ч. 12. Л. 44; Ф. 1100. Д. 12. Л. 62 — 63.

- ⁶¹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 379.
- ⁶² Там же. Л. 375; Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 376; Ф. 1274. Д. 179. Л. 285 — 286.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 63; Ф. 6. Д. 627, ч. 7. Л. 377.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 199. Л. 139 — 140, 154 — 159, 162.
- ⁶⁵ Там же. Л. 161.
- ⁶⁶ Там же С. 150, 154 — 155.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 385; Ф. 1274. Д. 179. Л. 127.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 294.
- ⁶⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 337.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 127; Д. 190. Л. 226, 268, 270; Ф. 6. Д. 627, ч. 11. Л. 237, 240; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 163 — 164.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 45; *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.; Л., 1939. С. 154 — 155.
- ⁷² РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 2. Л. 169; Д. 627, ч. 8. Л. 119а; ч. 11. Л. 237, 240.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 115.
- ⁷⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 256 — 257.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 201 — 202.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 271. Д. 13396. Л. 340.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 199. Л. 268.
- ⁷⁸ Там же. Д. 200. Л. 13.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 132.
- ⁸⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 207.
- ⁸¹ Там же. Т. 3. С. 79.

§ 2. Наступление карательных сил. Последние очаги народного движения в Башкирии

- ¹ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 154.
- ² *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 161 — 164.
- ³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 174. Л. 260.
- ⁴ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 407; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 161 — 164.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 200. Л. 220.
- ⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 2. Л. 256; Д. 593. Л. 15 — 16, 184; Ф. 1100. Д. 12. Л. 203; Ф. 1274. Д. 174. Л. 244; Д. 175. Л. 395, 398; Д. 179. Л. 380, 727; Крестьянская война. С. 226 — 229, 263, 269, 401, 402.
- ⁷ РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 8. Л. 221 — 223, 268.
- ⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 122.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 355; Д. 182. Л. 205.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 512, ч. 2. Л. 185.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 157; Д. 507, ч. 6. Л. 509; ч. 9. Л. 79 — 80; Д. 512, ч. 2. Л. 185.
- ¹² ГАОО. Ф. 3. Д. 155. Л. 30.
- ¹³ РГАДА. Ф. 6. Д. 152, ч. 3. Л. 156, 159, 217.
- ¹⁴ *Гвоздиков И. М.* Салават Юлаев. С. 28, 42, 150 — 151.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 6. Д. 516, ч. 3. Л. 217; Д. 592, Л. 194, 349; ГАОО, Ф. 3. Д. 140. Л. 23, 31 — 33; Д. 141. Л. 185 — 186, 190 — 191; Д. 148. Л. 21, 39,

92 — 93; Д. 155. Л. 57, 59, 67 — 68, 71; Д. 171. Л. 9, 16; *Гвоздикова И. М.* Документы свидетельствуют//Поиски и находки. Уфа, 1984. С. 112 — 124.

¹⁶ РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

¹⁷ Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 122 — 123; Вып. VII. С. 235.

¹⁸ Там же. Вып. III. С. 32, 95 — 96, 121 — 122, 235; Вып. VII. С. 258, 263, 269, 274, 321, 340. 355.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 139 — 140; Ф. 1100. Д. 12. Л. 203; Крестьянская война. С. 269.

²⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 507, ч. 5. Л. 76 об. — 77; ч. 6. Л. 335 — 336.

²¹ *Андрущенко А. Я.* Указ. соч. С. 297 — 298.

²² РГАДА. Ф. 6. Д. 627, ч. 12. Л. 49.

²³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 139 — 140.

²⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. С. 242.

²⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 218.

²⁶ Там же. Л. 179, 183.

²⁷ *Neue Nordische Miscellaneen.* 1794. № 7 — 8. S. 405 — 406.

²⁸ Пугачевщина. Т. 2. С. 272.

²⁹ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 132 — 133.

³⁰ Там же.

³¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 252 — 253; Д. 182. Л. 130.

³² РГАДА. Ф. 1274. Д. 198. Л. 96.

³³ Там же. Д. 179. Л. 380.

³⁴ *Neue Nordische Miscellaneen.* 1794. № 7 — 8. S. 407.

³⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 198. Л. 97.

³⁶ *Neue Nordische Miscellaneen.* 1794. № 7 — 8. S. 407.

³⁷ Там же.

³⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 198. Л. 96 — 97.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Крестьянская война. С. 257.

⁴¹ Пугачевщина. Т. 3. С. 417.

⁴² РГАДА. Ф. 1274. Д. 199. Л. 268.

⁴³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 379 — 380.

⁴⁴ Там же. Ф. 6. Д. 467, ч. 8. Л. 70.

⁴⁵ Там же. Д. 627, ч. 12. Л. 172.

⁴⁶ Крестьянская война. С. 320.

⁴⁷ Там же. С. 242.

⁴⁸ Бумаги графа П. И. Панина О Пугачевском бунте//Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 193.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 427.

⁵⁰ Там же. Д. 190. Л. 200.

⁵¹ Там же. Л. 198; Ф. 1100. Д. 11. Л. 140.

⁵² Там же. Ф. 6. Д. 627, ч. 12. Л. 188 — 189, 191; Ф. 1274. Д. 196. Л. 129 — 130.

⁵³ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 426.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 190. Л. 417.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 328; Д. 12. Л. 407.

⁵⁶ Крестьянская война. С. 242.

⁵⁷ Там же. С. 248.

⁵⁸ *Гвоздикова И. М.* Новые документы об аресте Салавата Юлаева//История СССР. 1978. № 5. С. 141 — 146.

- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 284. Л. 101, 102, 110; Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 148. Л. 297 — 298.
- ⁶⁰ ГАОО. Ф. 3. Д. 145. Л. 178.
- ⁶¹ Крестьянская война. С. 134 — 135.
- ⁶² РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 379 — 380.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 6. Д. 460, ч. 2. Л. 232.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 238 — 239.
- ⁶⁵ Сборник РИО. 1871. Т. 6. С. 193.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 2. Л. 275, 282; Ф. 1274. Д. 200. Л. 533 — 534.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 44 — 45.
- ⁶⁸ Там же. Д. 151. Л. 48 — 49.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 370.
- ⁷⁰ Там же. Д. 202. Л. 328.
- ⁷¹ Там же. Д. 203. Л. 143; ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 44 — 45.
- ⁷² РГАДА. Ф. 1274. Д. 202. Л. 175.
- ⁷³ Там же. Д. 199. Л. 324.
- ⁷⁴ Там же. Д. 202. Л. 294.
- ⁷⁵ Там же. Д. 191. Л. 338.
- ⁷⁶ Там же. Д. 199. Л. 323 — 324, 327.
- ⁷⁷ *Гвоздикова И. М. А. В. Суворов в Уфе // Живая память. Краеведческий сборник. Уфа, 1997. С. 36 — 45.*
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 201. Л. 217.
- ⁷⁹ Там же. Д. 191. Л. 244.
- ⁸⁰ Там же. Д. 201. Л. 35.
- ⁸¹ Там же. Д. 191. Л. 338.
- ⁸² Там же. Л. 95 — 96; ГАОО. Ф. 3. Д. 148. Л. 75.
- ⁸³ ГАОО. Ф. 3. Д. 145. Л. 183 — 184.
- ⁸⁴ Там же. Д. 151. Л. 21 — 22.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 357.
- ⁸⁶ Пугачевщина. Т. 3. С. 411.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 203. Л. 273.
- ⁸⁸ Пугачевщина. Т. 3. С. 411; История Урала. Т. 1. С. 395.
- ⁸⁹ ГАОО. Ф. 3. Д. 159. Л. 5, 6, 10.
- ⁹⁰ Там же. Д. 155. Л. 54; Д. 162. Л. 2 — 9.
- ⁹¹ ГАОО. Ф. 3. Д. 155. Л. 35 — 38; Д. 160. Л. 2 — 20; РГАДА. Ф. 6. Д. 467, ч. 6. Л. 6 — 13.
- ⁹² Пугачевщина. Т. 3. С. 411.
- ⁹³ Крестьянская война в России в 1773 — 1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 290.

§ 3. Расправа властей с повстанцами. Людские потери и материальные убытки населения в период народного движения

¹ *Анучин Д. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины // Русский вестник. 1869, Т. 81. С. 385.*

² Там же. С. 147.

³ *Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т. 3. С. 294 — 295.*

⁴ *Овчинников Р. В. Источники изучения социального состава повстанческих отрядов Е. И. Пугачева. С. 123.*

- ⁵ Анушин Д. Указ. соч. С. 401 — 402.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 90 — 91.
- ⁷ Пугачевщина. Т. 3. С. 359 — 361.
- ⁸ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 199.
- ⁹ Крестьянская война в России в 1773 — 1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 433 — 434.
- ¹⁰ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 230.
- ¹¹ Там же. С. 176 — 186.
- ¹² Российский государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 450. Д. 708. Л. 21 — 22.
- ¹³ Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. С. 30 — 65.
- ¹⁴ Крестьянская война. С. 299 — 341, 414, 428 — 430.
- ¹⁵ Сборник РИО. Т. 6. С. 154.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 151 об.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 188.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 2. Л. 272 — 274.
- ¹⁹ Там же. Л. 266 — 267.
- ²⁰ Сборник РИО. Т. 6. С. 195 — 196.
- ²¹ РГАДА. Ф. 6. Д. 490, ч. 2. Л. 231 — 234.
- ²² Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 207.
- ²³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 200. Л. 400.
- ²⁴ Там же. Д. 196. Л. 354; Ф. 6. Д. 504, ч. 6. Л. 303.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 35, 277; Ф. 1274. Д. 182. Л. 53; Пугачевщина. Т. 3. С. 337 — 338.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 53.
- ²⁷ Материалы. Т. V. С. 544.
- ²⁸ Там же. Т. IV, ч. 2. С. 512 — 513; Материалы по ... ОКВ. Вып. VII. С. 263 — 264.
- ²⁹ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 41.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 291; Ф. 6. Д. 490, ч. 2. Л. 237; Пугачевщина. Т. 2. С. 266; Бекмаханова Н. Е. Легенда о невидимке. Алма-Ата, 1968. С. 114 — 115, 147.
- ³¹ ПСЗ I. Т. XX, № 14235; РГАДА. Ф. 1274. Д. 194. Л. 244.
- ³² Левшин А. И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 31 — 32.
- ³³ Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. 1. С. 59 — 60.
- ³⁴ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 129.
- ³⁵ Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. 1. С. 59 — 60.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 195. Л. 165.
- ³⁷ ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 794. Л. 104.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 52, ч. 1. Л. 67 — 68, 72.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 200. Л. 625 — 627.
- ⁴⁰ Материалы по ... ОКВ. Вып. III. С. 77 — 78, 238.
- ⁴¹ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. С. 46 — 47.
- ⁴² Беликов Т. И. Указ. соч. С. 121 — 124.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 191. Л. 3 — 4.
- ⁴⁴ Там же. Д. 194. Л. 89; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 264.

- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1530, ч. 1. Л. 211 — 218.
- ⁴⁶ Крестьянская война в России в 1773 — 1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 274 — 275.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1560, ч. 1. Л. 170.
- ⁴⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1274. Д. 185. Л. 271 — 298.
- ⁴⁹ Подсчитано по: Там же. Л. 109 — 115, 132 — 141, 143 — 145, 165 — 182; Д. 186. Л. 386 — 395.
- ⁵⁰ Там же. Д. 186. Л. 386 — 388, 390 — 391.
- ⁵¹ Там же. Л. 380 — 402.
- ⁵² Подсчитано по: Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 328 — 335.
- ⁵³ *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.; Л., 1939. С. 154.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 186. Л. 108 — 109.
- ⁵⁵ Там же. Л. 106, 288.
- ⁵⁶ Там же. Л. 104.
- ⁵⁷ Там же. Д. 200. Л. 627 — 629; Д. 186. Л. 103 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В третьей четверти XVIII в. на территории Башкортостана процессы развития феодального строя на его поздней стадии шли в том же русле, что и по всей России, однако сплошь и рядом приобретали особенные формы. В короткий срок здесь произошли серьезные социально-экономические сдвиги, обусловленные значительным приростом населения, промышленным строительством, расширением сельскохозяйственных угодий, развитием торговли.

Интенсивная правительственная, заводская и стихийная крестьянская колонизация края вызвала значительный рост населения, широкий приток переселенцев из всех сословий общества, приносивших на новые места те же порядки, тот же способ жизненной инициативы, что и повсюду в империи, разве только в более остром выражении. По темпам прироста населения Оренбургская губерния в 1740—1760-х гг. занимала второе место в стране. Численность населения превышала 600 тыс. человек обоего пола. 200 тыс. чел. составляли коренное население края — башкиры. За ними по численности шли русские, татары, мишари, калмыки, марийцы, мордва, чуваша, украинцы и др. народы.

В 1750-е — начале 1770-х гг. в Башкортостане было построено 35 из 39 действующих в этот период металлургических мануфактур, в результате чего здесь сложился один из самых мощных в стране промышленных комплексов. Это сразу значительно повысило экономический потенциал края.

Результатом развития сельского хозяйства было расширение пашни, освоение паровой системы земледелия. Значительных успехов в земледелии добилось башкирское хозяйство. На территории губернии определились районы сельскохозяйственного производства, ориентированные на снабжение продовольствием и животноводческим сырьем населения заводов, городов и крепостей.

Наглядно проявилось усиление связей внутригубернской торговли с ремесленным производством, крестьянским хозяй-

ством. Особенно большой размах получила торгово-промысловая деятельность башкир, яицких и оренбургских казаков. Вовлечение края в орбиту единого всероссийского рынка обеспечивалось функционированием значительных Оренбургской, Троицкой и Яицкой ярмарок. Через гостиные и меновые дворы Оренбурга и Троицкой крепости шла торговля России с Казахстаном и Средней Азией. Наряду с приезжими купцами здесь продавали свои товары оптом и в розницу местные купцы и сеитовские торговые татары.

Одновременно на территории края росло количество поселений неземледельческого типа — крепости и заводы. Некоторые из них впоследствии получили статусы городов.

В результате этих достижений Башкирия превратилась в крупный район промышленного и сельскохозяйственного производства и торговли. Положительным явлением был процесс активного хозяйственного и культурного взаимодействия башкир и пришлого населения края. Именно благодаря их упорному творческому труду шло повышение уровня производительных сил, обеспечивавшее общее поступательное развитие экономики. Но господствующая в России феодально-крепостническая система оказывала тормозящее воздействие на социально-экономическое развитие, препятствовала росту элементов нового капиталистического уклада.

В стране продолжалось насаждение крепостничества на новые (окраинные) территории. Одним из показателей этого процесса в Башкортостане является увеличение здесь помещичьих владений. За четверть века удвоилось количество помещиков, а их крепостных крестьян стало больше в четыре раза. Вместе с тем, распространение крепостничества в крае порождало новые особенные формы феодальной зависимости трудящихся. Переселение владельческих крестьян из других регионов на южноуральские заводы и передача государством заводчикам так называемых «вечноотданных» крестьян стало одним из характерных проявлений этого процесса. На выстроенных в 50—60-х гг. заводах было поселено около 18 тыс. душ. м. п. Большинство заводских работников по своему правовому статусу приближались к крепостным или точно были крепостными. Этот гнет вместе с ними несли и государственные крестьяне: одной из тяжелейших повинностей государственных крестьян Оренбургской и соседних Казанской и Сибирской губерний в третьей четверти XVIII в. стала приписка к южноуральским заводам. Именно дешевизна крепостного труда и земли, за бесценок купленной или взятой в оброк заводчиками у башкир, хищническое использование промышленниками

природных богатств стали основой процветания металлургических мануфактур.

Изменения коснулись и сословной структуры населения Башкортостана. Становится вполне отчетливым деление основной массы населения на две крупные группы. Большая из них относилась к главному классу — сословию феодального общества — крестьянству, другая — военно-служилому сословию.

Русское крестьянство, несмотря на существование многих его категорий, различавшихся правовым положением, все более и туже стягивалось в целостный социальный организм.

Как единый класс оно противостояло господствующему классу феодальных земельных собственников, и это единство наглядно и мощно проявится в период Крестьянской войны 1773—1775 гг.

В то же время выявляется несоответствие отдельных социальных групп крестьянства их сословной принадлежности. Широкое заводское строительство способствовало формированию за счет разных категорий крестьян нового социального слоя трудящихся — мастеровых и работных людей. Особенности их положения и образа жизни были связаны с мануфактурным производством. Мастеровые и работные люди, в своем большинстве жившие за счет работы на заводах, несли черты будущего пролетариата.

Процессы социальной диффузии в крае своеобразно отразились на тептярях, особой категории государственных крестьян, сложившейся в основном из переселившихся в Башкирию ясачных крестьян Поволжья. Формирование тептярского сословия активизируется, и тептяри по своему социальному положению эволюционируют от разряда государственных крестьян к служилому сословию.

Особенностью социальной структуры населения Башкортостана было наличие большого количества служилого населения. Это было связано с многовековой историей заселения края (башкиры, яицкие казаки) и колонизационной политикой царского правительства, резко усилившейся с 30-х гг. XVIII в. В рассматриваемый период определяется политика феодально-крепостнического государства в отношении социальной принадлежности башкир, которых включают в служилое сословие, и формируется Оренбургское казачье войско.

С присоединением Башкирии к Русскому государству важнейшей обязанностью башкир была военная служба. Однако до середины XVIII в. башкирская конница не входила в постоянный состав вооруженных сил страны, хотя принимала участие во многих войнах и дальних походах. Изменения в служ-

бе башкир связаны с созданием Оренбургской пограничной линии. В 1742 г. правительство особым указом поручило им охрану юго-восточных границ страны на Оренбургской линии крепостей, а с 1760 г. — Сибирской линии крепостей, расположенной далеко за пределами Башкортостана. Новым было и законодательное закрепление за башкирами несения внутренней караульной службы. Как прежде, башкиры обязаны были участвовать в войнах России. По указам Военной коллегии, башкирская конница была задействована в военных операциях в Семилетней войне (1756—1763 гг.), против польских конфедератов в 1772—1773 гг., по перехвату калмыков, в 1772 г. пытавшихся откочевать из России в Китай.

Башкирские отряды несли службу вместе с оренбургскими и яицкими казаками в составе иррегулярных войск страны и были организованы по образцу казачьих. Воинская служба башкир становится обязательной. Старшины и провинциальные канцелярии следили за отправлением команд на пограничные линии. Как и для казаков, устанавливался строгий порядок явки на службу с двумя конями, оружием, запасом продовольствия.

Важным условием казачьей службы являлась выплата жалованья. В соответствии с указом Сената от 4 июля 1760 г. башкиры, командируемые на Сибирскую линию и в дальние походы, стали получать регулярное денежное жалованье, провиант и фураж. Размер жалованья был тот же, что у донских казаков. (Позднее, на основании указа Екатерины II от 29 января 1791 г., ежемесячный оклад стали получать и башкиры, несшие службу на Оренбургской линии.) Пользовались башкиры и другими привилегиями.

Тем временем правительство, предоставляя башкирам права и привилегии казачьего сословия, бесцеремонно изымало в пользу казны земли, находившиеся в вотчинном владении народа. Применяя правовое и грубое силовое принуждение, феодалное государство ограничивало свободы и привилегии башкир во всех сферах социальной, экономической и духовной жизни. Тем не менее, самым значительным событием в социальной жизни Башкортостана был переход башкир в служилое сословие.

Постоянной составной частью иррегулярных войск страны стало Оренбургское казачье войско, сформированное правительственными властями в 40—50-е гг. XVIII в. Созданное «сверху», в административном порядке Оренбургское казачье войско отличалось по своему статусу от Яицкого и других давно существовавших войск. Штат 1755 г. и другие законодательные документы предусматривали определенную автоно-

мию войска, права и привилегии казаков. Но в то же время в них закреплялось подчинение казачьих команд оренбургскому генералитету и офицерам регулярных войск, размещенных по крепостям, и передача судопроизводства по гражданским делам в ведение губернской администрации. Войско было лишено многих институтов казачьей демократии и прежде всего войскового казачьего круга. Такое ущемленное правовое положение было обусловлено главной целью царизма в отношении войска — превратить его в послушную военную силу для проведения своей политики на юго-востоке страны, связанной с русской колонизацией Башкортостана, а также внешнеполитическими целями в отношении Казахстана и Средней Азии. В состав Оренбургского казачьего войска вошли ставропольские крещеные калмыки, составившие особый корпус. К разрядам служилого населения были отнесены также мишари.

Несмотря на определенные различия в положении отдельных групп служилого сословия, их объединяли главные права и повинности. Прежде всего, это личная свобода, владение землями, обязанность охранять границы страны и защищать ее от внешних врагов, а также несение полицейско-конвойной службы.

Категории всего трудового населения края, различавшиеся между собой по месту в общественном производстве, образом жизни, правовым положением, объединяло общее состояние эксплуатируемой массы. Польза казны, Дворца, помещиков, заводчиков была принципом первостепенной важности и достигалась путем увеличения объема повинностей и обязанностей, ограничения и ущемления прав и свобод крестьян и служилого населения, применения средств всяческого принуждения.

Усиление тяжести повинностей в третьей четверти XVIII в. (несение пограничной службы в новых районах — на Сибирской линии и на Кавказе, участие в Семилетней войне 1756—1763 гг., в военных действиях против польских конфедератов; резкое увеличение объемов подводной и почтовой повинностей в связи с развитием внутригубернских и транзитных транспортных связей; увеличение государственных податей; приписка государственных крестьян к мануфактурам; принудительная покупка казенной соли по фиксированной цене и др.); крепостнические методы эксплуатации заводского населения и помещичьих крестьян; насилие и вымогательство со стороны административно-управленческого аппарата феодального государства, помещиков, заводчиков, феодализирующейся казачьей, башкирской и мишарской старшины; ограничение личных и имущественных прав трудового народа, вмешатель-

ство властей в его духовную жизнь, общественную организацию и быт, — все это вело к ухудшению экономического и социально-политического положения всех категорий трудового населения края. На понижение жизненного уровня народных масс особенно сильно повлияла затянувшаяся первая русско-турецкая война 1768—1774 гг.

Вовлечение населения в качестве наемной силы в горнодобывающую и металлургическую промышленность, рыночные связи, различного рода предпринимательство, — давали ему определенные денежные средства, но почти все они уходили на выполнение натуральных и денежных повинностей. Наиболее заметным результатом этого процесса было усиление социальной дифференциации среди казаков, башкир, мишарей, укрепление власти их старшинской верхушки.

Следует отметить, что в своей социальной политике верховные власти выделяли служилое сословие. Они законодательно ограничивали проникновение в него крепостнических отношений. Казачья, башкирская, мишарская, калмыцкая конница была значительной военной силой, к тому же требующей намного меньше средств, чем содержание регулярных воинских частей. Поэтому правительство было озабочено сохранением определенного уровня материального благосостояния этой категории населения. Поддерживая старшинскую верхушку, как надежную опору в проведении своей политики, власти запрещали ей закабалять своих подчиненных. Но экономически и властно окрепшая старшина уже активно требовала предоставления ей офицерских чинов, дававших дворянские привилегии, в том числе право на владение крепостными душами. С развитием феодальных отношений в крае понятие «старшина» приобретает особый социальный смысл, хотя общие интересы продолжают объединять ее с рядовыми общинниками в одно целостное сословие.

Отношения между феодальным государством, господствующим классом, с одной стороны, и трудовыми массами, с другой, строившиеся на сословно-феодальной бесправии, эксплуатации последних, требования от них «должного повиновения и беспрекословного послушания», вели к социальному антагонизму, вызывали ожесточение классово-борьбы. Социальный протест народов Башкортостана в середине XVIII в. и в годы, непосредственно предшествующие Пугачевскому движению, проявлялся в различных формах. Широко была распространена подача челобитий местным и верховным властям. Особой формой протеста явилось составление наказов различных сословных групп населения в Уложенную комиссию 1767 г. Упорную и длительную борьбу против феодального и нацио-

нального гнета, административного произвола властей и религиозных притеснений вели башкиры. Особенным размахом отличались восстания 1735—1740 и 1755 годов. Хотя с 1756 г. и до осени 1773 г. башкиры не поднимались на открытое выступление, власти внимательно следили за их настроением. О мятежном духе башкирского народа так отзывался один из крупных царских военачальников генерал-аншеф П. И. Панин: «Сей народ многими временами довольно испытанной в их колеблемости и из того произшедших многих же бунтах»¹.

Крупными волнениями были охвачены несколько тысяч заводских, монастырских крестьян и казаков. Особенной остротой и стойкостью характеризовались выступления крестьян, приписанных к Авзяно-Петровским, Каслинскому, Кыштымским и другим заводам. Они требовали ограничения феодальной системы эксплуатации (отрабатывать на заводах только один подушный оклад, работать посменно, с учетом времени перехода от мест жительства к месту работы и др.), а также уравнивать оплату их труда с оплатой труда вольнонаемных. Протест временного заводского населения и части поддержавших их работных людей выразился в коллективном отказе от выполнения вспомогательных и основных работ и даже остановке заводов. Волнения на заводах были одной из причин, заставивших правительство вносить изменения в приписную систему.

Восстание крестьян Далматова монастыря в 1762—1764 гг. за освобождение от власти духовных феодалов также внесло свой вклад в принятие Екатериной II решения о передаче монастырских и церковных крепостных в ведение Коллегии экономии и превращении их в категорию экономических крестьян.

В январе 1772 г. трудовая часть яицких казаков, определяемая властями, как «непослушная, мятежная» сторона, подняла вооруженное восстание, направленное на защиту старинных, демократических в своей основе, привилегий казачества, в том числе за восстановление войскового круга как высшего органа самоуправления. Казаки не желали мириться и с злоупотреблениями феодализирующей старшинской верхушки. В результате организованных действий восставших в течение пяти месяцев они удерживали власть на Яике.

Борьба угнетенных масс Башкортостана создавала напряженную обстановку в крае. В целом, народное движение здесь отличалось разрозненностью действий. Различные группы населения самостоятельно отстаивали свои права. Но в ходе борьбы появились зачатки социальной солидарности между трудовыми слоями разных социальных групп и национальнос-

тей, что свидетельствовало о росте самосознания народных масс, постепенно приходивших к убеждению о необходимости совместного выступления против угнетателей. Наиболее ярко это проявилось в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

Крестьянская война 1773—1775 гг. была самым мощным антифеодальным движением угнетенных масс России. От всех других форм народных выступлений XVII — XVIII вв. она отличалась своим размахом, ожесточенностью классовой борьбы, широким охватом антифеодальных сил, возросшим уровнем сознательности и организованности движения, глубиной выдвигаемых требований. В манифестах и указах Пугачева речь шла не о борьбе за отдельные уступки со стороны дворянско-помещичьего государства, а о ликвидации крепостнических отношений, уничтожении дворянства, устранении старой администрации, передаче земли народу, тем самым объективно декларировалось покушение на основы господствующего строя — феодальную собственность на землю и личную зависимость крестьян, хотя социально-экономические условия для ликвидации феодализма в это время еще не созрели².

Подавляющее большинство населения Башкортостана приняло участие в Крестьянской войне. И это стало лучшим показателем общности коренных интересов народных масс.

Объединению разных категорий государственных крестьян и военно-служилого населения края способствовало то, что своего главного врага они видели в государственно-бюрократической системе, проводящей политику в интересах господствующего класса. Именно феодально-крепостническое государство было для них носителем феодального гнета. Государственных крестьян и служилое население поддержали владельческие крестьяне (помещичьи, дворцовые, заводские работные люди), в наибольшей степени ощущавшие гнет крепостничества и абсолютизма.

Идеал трудовых масс — вольный человек на вольной земле — отстаивали в одном ряду русские, башкиры, татары, калмыки, мишари, марийцы, мордва, удмурты, чувашаи и другие народы. Боевое содружество трудовых масс края в совместном выступлении против феодально-крепостнического гнета, национального неравенства можно рассматривать как важнейшую особенность Крестьянской войны. В сложном переплетении социальных, национальных, религиозных факторов народной борьбы ведущим был социальный момент, в основе которого лежало осознание восставшими классовой несправедливости политики феодально-крепостнического государства, всего привилегированного класса — дворянства.

Стержнем повстанческих сил было служилое сословие: 5 тысяч служащих и отставных яицких казаков, 5—6 тысяч служащих и отставных оренбургских казаков, 5 тысяч мишарей и служилых татар, 2 тысячи ставропольских калмыков и самое большое число воинов — около 50 тысяч башкир. Всего служилое население выставило конницу приблизительно из 67—68 тысяч человек.

Государственные (в т. ч. и тептяри), дворцовые, помещицы крестьяне, заводские работные люди, составлявшие большую часть населения края, не только посылали взрослых мужчин в повстанческую пехоту, что могло составить от 60 до 80 тысяч человек, но и обеспечивали пугачевские отряды продовольствием и фуражом. Эти количественные данные вполне согласуются с утвердившимся в исторической науке определением массового вооруженного выступления под предводительством Е. И. Пугачева как крестьянской войны. Действительно, с первых месяцев Пугачевского движения, развернувшегося на территории Башкирии, оно было крестьянским, но с большим военным потенциалом, придаваемым ему участием служилого населения. Перекинувшись на территорию Сибирской, Казанской, других поволжских губерний, народное движение затронуло там огромные массы крестьянского населения страны, и крестьяне стали уже основной и активной действующей силой восстания. Да и в манифестах и указах предводителя восстания Е. И. Пугачева, указах повстанческой Военной коллегии отныне не акцентировалось особое внимание на нуждах казачества и других групп служилого сословия. Документы отражали нужды и чаяния всего эксплуатируемого народа, главным образом крестьянские.

Многонациональное трудовое население Башкортостана поддержало Е. И. Пугачева, выдававшего себя за спасенного будто бы от смерти императора Петра III и от его имени обещающего своим «подданным» вольную жизнь в обществе, где не будет феодально-крепостнических порядков, тяжких податей и повинностей. Народные массы не представляли себе другой формы власти кроме монархии. Но они надеялись, что жизнь станет лучше, если царя, помещиков, офицеров, чиновников сменит их царь-батюшка, добрый и справедливый ко всем крестьянам, казакам, работным людям.

По сравнению с предыдущими крестьянскими войнами в России пугачевцы добились значительных успехов в формировании вооруженных сил, создании повстанческих органов власти и управления. Деятельность Военной коллегии, предводителей крупных центров восстания, органов местного гражданского управления и самоуправления вносили заметные начала

в военную и административную организацию народного движения. Пугачев и Военная коллегия решали разнообразные вопросы по управлению занятыми повстанцами районами и поддержанию боеспособности Главного повстанческого войска, старались устанавливать военную связь и направлять действия других боевых подразделений. Одновременно, предводители крупных центров восстания вместе со своими сподвижниками — народными военачальниками: бригадирами, полковниками, есаулами, — стремились к единству действий многочисленных повстанческих отрядов, требовали дисциплины, боролись с дезертирством и мародерством. И повстанческие войска не раз в ожесточенных сражениях добивались успехов и торжествовали победу над карателями. В ходе боевых действий совершенствовалось военное искусство повстанцев. Однако достичь единства командования и военных действий восставшим не удавалось. На огромной территории, объятай народным движением, отдельные очаги восстания и повстанческие отряды не всегда были связаны друг с другом и с главными центрами восстания. Повстанцам же противостояли организованные, опытные в военном деле, хорошо вооруженные регулярные правительственные войска.

Повстанческие органы власти и управления — Военная коллегия, походные канцелярии в отрядах пугачевских атаманов, станичные и земские избы в деревнях, крепостях, на заводах за свой недолгий срок существования пытались установить новый режим власти, новый порядок в захваченных восставшими районах. Если центральные повстанческие учреждения создавались по образцу правительственных (заимствовались придворные и военные чины, бюрократическая система делопроизводства), то местные учреждения строились на принципах казачьего самоуправления и издавна существовавшего у черносошного крестьянства и в посадах земского самоуправления. В этом сказались утопические представления восставших о совместимости демократического самоуправления с монархическими формами государственного устройства³. Но сам факт появления подобных повстанческих учреждений, тех зачатков государственности, которые несли восставшие, свидетельствовал о том, что они ставили перед собой определенные цели. Используя старые формы государственной и местной административной власти, повстанцы насыщали их новым содержанием.

Повстанческому руководству до известной степени удавалось вносить порядок в стихийное выступление народных масс, направлять поток народного гнева в определенные организационные формы. Эти тенденции особенно наглядно проявились

на территории Башкортостана, где с ноября 1773 г. по июнь 1774 г. работала (с разной степенью эффективности) Военная коллегия повстанцев. Здесь на первом этапе народного движения помощь многочисленным повстанческим отрядам и новым органам местной власти оказывали канцелярии атаманов Чесноковского, Челябинского и Яицкого повстанческих центров, походные канцелярии полковника Салавата Юлаева, атамана И. Н. Белобородова и других крупных повстанческих военачальников. На последнем этапе Крестьянской войны, после разгрома всех повстанческих центров и ухода Главного повстанческого войска с Южного Урала, руководство народным движением осуществляла походная канцелярия Салавата Юлаева. Насколько это было возможным, она пыталась держать под своим контролем районы, освобожденные от правительственных властей. Все это, несомненно, способствовало тому, что народное движение на территории Башкирии не разрослось в «бессмысленный бунт» с разбоями и грабежами. Хотя в целом преодолеть стихийность народного движения повстанческим органам власти и управления было не под силу.

Особенностью Крестьянской войны 1773—1775 гг. было то, что одной из главных движущих сил народного движения стали башкиры. Выступления этой многочисленной группы повстанцев отличались организованностью, напористостью, продолжительностью. Вместе с яицкими и оренбургскими казаками башкиры составляли наиболее боеспособную и постоянную часть Главного повстанческого войска и крупных его отрядов. Башкирский народ сыграл важную роль в распространении восстания, в агитационно-мобилизационной работе по сплочению антифеодальных сил. Действия башкирских повстанческих отрядов не только в Оренбургской губернии, но и в Казанской и Сибирской губерниях следует рассматривать как свидетельство наметившегося преодоления одного из источников слабости народных движений — их локальности. Впервые в истории своей антифеодальной борьбы башкиры отстаивали права и свободу в одном ряду с русским и другими народами России.

Крестьянская война имела большое значение и в развертывании социальной борьбы среди башкир. С ростом имущественного и социального неравенства в башкирском обществе, углублением расслоения его на старшинскую верхушку и рядовых общинников росли рознь, сопротивление трудовых масс засилью старшины. А в дни Пугачевского восстания протест трудовых масс башкирского народа был направлен как против феодально-крепостнических порядков в стране, ущемления компетенции самоуправления, религиозного неравенства, так

и против всяческих притеснений со стороны феодализирующей старшинской верхушки, предавшей народные интересы и активно участвовавшей в карательных акциях против повстанцев. Башкирский народ дал много способных и беззаветно преданных народу повстанческих вожakov. Более 40 башкир были удостоены «Петром III» — Пугачевым звание бригадиров и полковников. Юламан Кушаев заслужил чин генерала, а Базаргул Юнаев — генерал-фельдмаршала. Имена выдающихся полководцев народной войны бригадира Салавата Юлаева, «тайного советника» «императора Петра Федоровича» — Пугачева бригадира Кинзи Арсланова занимают видное место в летописи истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. и свято хранятся в памяти народов нашей страны.

Важной чертой Пугачевского движения было участие в народной борьбе работных людей и приписных к заводам крестьян. Именно они придавали выступлениям повстанцев особо упорный и стойкий характер. На службу восстанию были поставлены людские и материальные ресурсы многих южноуральских заводов.

Крестьянскую войну 1773—1775 гг., как разновидность гражданской войны, характеризует особая острота классового антагонизма. С одной стороны, она продемонстрировала решимость угнетенных народных масс бороться за социальную справедливость, свое человеческое достоинство и попытку повстанцев наладить свою жизнь на новых принципах. С другой стороны, повстанцы не видели иного пути освобождения от феодально-крепостнического гнета, кроме физического истребления дворян, помещиков, чиновников. Казни противящихся восставшим, разбой, грабежи и другие безнравственные поступки сопутствовали стихийному выступлению народных масс.

Крестьянская война была тяжким испытанием, настоящей трагедией для народа. В ходе военных столкновений, карательных операций правительственных войск, от расправы над захваченными в плен пугачевцами, а также физической расправы последних с представителями господствующего класса, погибло много людей, большой урон был нанесен экономике огромного региона страны.

Несмотря на размах народной борьбы, самоотверженность и героизм восставших, Крестьянская война потерпела поражение. Это было обусловлено общим стихийным характером, разобщенностью действий восставших и другими органическими слабостями, характерными народным выступлениям феодального периода. Против пугачевцев правительство использовало огромную государственную машину с ее мощной армией и широко разветвленным административным аппаратом.

На подавление народного движения были брошены многочисленные войска. Постоянно функционировавшие учреждения суда и расправы, специально созданные императрицей карательные учреждения — секретные комиссии в Казани, Оренбурге, Яицком городке, а также военная администрация жестоко наказывали и запугивали захваченных в плен пугачевцев. Военные команды предпринимали карательные акции против жителей деревень, отправивших воинов в народную армию. Одновременно верховные власти, губернаторы, командующие регулярными войсками вели широкую антиповстанческую агитацию. Их увещевания были наполнены угрозами в адрес непокорившихся властям и обещаниями помилования императрицы всем раскаявшимся в сообщничестве с Пугачевым. Все это вело к постепенному угасанию народного движения. Разорение хозяйства, голод в деревне также повлияли на прекращение восстания.

Пугачевское движение было последней в истории России крестьянской войной. Объективных и субъективных причин этому было много. Важнейшие среди них — укрепление военно-политического аппарата самодержавия, усиление колониальной политики феодально-крепостнического государства в отношении окраинных, полунезависимых от центра регионов страны, в том числе Башкортостане. Под давящей силой учреждений абсолютистской власти исчезали районы, которые могли бы стать очагами массового открытого вооруженного выступления. Серьезным препятствием в сплочении антифеодальных сил были перемены в положении служилого сословия, игравшего огромную роль в качестве зачинщика и военной силы Крестьянской войны. После подавления Пугачевского восстания политика правительства была направлена на превращение казаков, башкир, калмыков, мишарей, других служилых людей в полупривилегированное сословие, одной из обязанностей которого были полицейские функции по расправе с антифеодальными выступлениями трудовых масс. Эти причины имели определенное значение. Но главное было в том, что народное движение перешло на новую, более высокую ступень. Оно стало повсеместным, продолжалось в различных формах и с большим размахом, что и заставило правительство в конечном итоге вплотную заняться «крестьянским вопросом»⁴.

Несмотря на поражение, Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева имела известное воздействие на ход исторического развития страны. Она была вехой на путях борьбы с отжившим свой век феодальным строем, свидетельством неприемлемости его системы для народа. Объективное содержание этого народного движения «указывало на то, что,

дальнейшее развитие общества в прежних рамках становится все более противоречащим прогрессу страны⁵. Нанося удары феодально-крепостнической системе, крестьянские войны ослабляли и расшатывали ее и, ускоряя исторический процесс, в перспективе приближали отмену крепостных порядков⁶. Последовавшие вслед за разгромом пугачевского восстания меры по укреплению феодально-крепостнической системы, усиление позиций дворянства были не следствием народного сопротивления, а непосредственной реакцией на его поражение. В то же время, учитывая назревшие потребности экономического развития страны, правительство пошло на ряд частных уступок, пролагающих дорогу буржуазным отношениям⁷.

Массовое крестьянское движение, развернувшееся в конце XVIII — первой половине XIX вв., которое своими корнями уходило во времена последней крестьянской войны, и панический страх господствующего класса перед новой «пугачевщиной» явились одним из существенных стимулов отмены правительством крепостного права в России.

¹ РГАДА. Ф. 1274, Д. 199. Л. 327.

² Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII — XVIII вв. (К теории проблемы)//Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 7 — 8, 18; Он же. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (Проблемы и характер)//Героические страницы истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976. С. 5, 18, 22.

³ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII — XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. М., 1974. С. 267 — 268.

⁴ Крестьянская война в России в 1773 — 1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 468 — 470.

⁵ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1993. Т. 3. С. 660.

⁶ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII — XVIII вв. (К теории проблемы). С. 18 — 20.

⁷ Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России//Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. С. 45 — 47.

ИМЕННОЙ СПИСОК ПОВСТАНЧЕСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Документы повстанческих властей и учреждений, протоколы следственных показаний пугачевцев, переписка центральной и местной администрации, донесения и распоряжения командующих карательными войсками и рапорты командиров отдельных корпусов позволяют выявить наиболее активных участников народного движения, много сделавших для организации повстанческих сил. Они были удостоены чинов полковников, бригадиров, генералов, войсковых атаманов, а также походных атаманов и атаманов отдельных крепостей. Предлагаемый список, в который включены только жители Оренбургской губернии, не может претендовать на полноту, т. к. большинство повстанческих документов не сохранилось.

І. СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Яицкие казаки

ПОЛКОВНИКИ, ГЕНЕРАЛЫ

1. Антипов Я. С., казак Яицкого городка
2. Зарубин И. Н., казак Яицкого городка
3. Лысов Д. С., казак Яицкого городка
4. Овчинников А. А., казак Яицкого городка, войсковой атаман, генерал-фельдмаршал
5. Перфильев А. П., казачий сотник из Яицкого городка, член «тайного совета» при Пугачеве, генерал-аншеф
6. Пустобаев П. А., казак Яицкого городка
7. Сухарев М., казак Яицкого городка
8. Творогов И. А., казак Илецкого городка, генерал-поручик
9. Толкачев М. П., казак Яицкого городка
10. Ульянов И. И., казак Яицкого городка

11. Федулев И. П., казак Яицкого городка
12. Чумаков Ф. Ф., казак Яицкого городка, член «тайного совета» при Пугачеве, генерал-фельдцейхмейстер
13. Шibaев И., есаул казаков Илецкого городка
14. Шигаев М. Г., казак Яицкого городка

АТАМАНЫ

1. Дехтярев К. И., казак Яицкого городка
2. Каргин Н. А., казак Яицкого городка
3. Краснов И., казак Илецкого городка
4. Митрофанов В., казак Яицкого городка
5. Струняшев Е., казак Гурьева городка
6. Шапошников, казак Кулагиной кр.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ И ЕЕ АППАРАТ

1. Балтай Идеркеев, казак Яицкого городка, секретарь Е. И. Пугачева
2. Витошнов А. И., старшина яицких казаков, главный судья Военной коллегии
3. Власов Е., казак Яицкого городка, писарь Военной коллегии
4. Герасимов И., казак Яицкого городка, повытчик Военной коллегии
5. Горшков М. Д., казак Илецкого городка, секретарь Военной коллегии
6. Почиталин И. Я., казак Яицкого городка, секретарь и думный дьяк Военной коллегии
7. Супонин С., казак Яицкого городка, повытчик Военной коллегии
8. Творогов И. А., казак Илецкого городка, судья Военной коллегии
9. Шигаев М. Г., казак Яицкого городка, судья Военной коллегии

Оренбургские казаки

ПОЛКОВНИКИ, БРИГАДИРЫ

1. Билдин П., капрал исетских казаков
2. Губанов И. В., пятидесятник казаков г. Уфы
3. Кузнецов И. С., казак Табынской кр., бригадир

4. Михайловских В., исетский казак
5. Падуров Т. И., сотник Оренбургского казачьего корпуса, депутат Уложенной комиссии 1767 г.

АТАМАНЫ

1. Пестерев П., казак Челябинской кр.
2. Попов М. И., пономарь
3. Ражев М., казак Табынской кр.
4. Рогожников Н., казак Борской кр.
5. Сазонов О., исетский казак
6. Фалков Т., капрал казаков Чебаркульской кр.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ И ЕЕ АППАРАТ

1. Пустаханов И. Ф., казачий писарь Бузулукской кр., повытчик Военной коллегии
2. Шундеев И., хорунжий казаков Еткульской кр., секретарь Военной коллегии

Башкиры

ПОЛКОВНИКИ, БРИГАДИРЫ, ГЕНЕРАЛЫ

1. Абдей Абдулло, башкир д. Емаково Ногайской дороги
2. Абдулзялиль Урускулов, башкир Кара-Таныпской вол. Сибирской дороги
3. Абзан Баймов Кедряев, тархан, старшина Кубелясской вол. Исетской провинции, повстанческий судья всей Башкирии
4. Адыл Ашменев, башкир д. Елпачихи Гайнинской вол. Осинской дороги
5. Аладин Феляков, башкир Ирехтинской вол. Осинской дороги
6. Алибай Мурзагулов, старшина Кыркули-Минской вол. Ногайской дороги
7. Амин Ибраев, башкир Телевской вол. Исетской провинции
8. Араслан Рангулов, башкирский сотник д. Кынгазы Осинской дороги
9. Байгаза Козьямышев, старшина Айлинской вол. Исетской провинции
10. Базаргул Юнаев, старшина Мякотинской вол. Сибирской дороги Исетской провинции, депутат Уложенной комиссии 1767 г., генерал-фельдмаршал
11. Батыркай Иткинин, башкир д. Усть-Тунтор Гайнинской вол. Осинской дороги

12. Джиян (Иван) Коштанов, башкир д. Кызыльярово (Кызыл Яр) Гайнинской вол. Осинской дороги
13. Емансары Епаров, старшина Суун-Кипчакской вол. Ногайской дороги
14. Ильчигул Иткулов, старшина Кущинской вол. Сибирской дороги
15. Ишкара Арасланов, тархан, отставной старшина Сарали-Минской вол. Казанской дороги
16. Ишмень Иткулов, башкир д. Кызылбаево Дуванской вол. Сибирской дороги
17. Каип Зиямбетев, старшина Кара-Табынской вол. Ногайской дороги
18. Канзей Абдулов, башкир Гайнинской вол. Осинской дороги
19. Каранай Мратов (Муратов), башкирский сотник Бурзянской вол. Ногайской дороги
20. Качкын Самаров, походный старшина Тамьянской вол. Ногайской дороги
21. Кидряс Муллакаев, старшина Кара-Табынской вол. Ногайской дороги
22. Кинзя Арсланов, старшина Бушмас-Кипчакской вол. Ногайской дороги, главный полковник, член «тайного совета» при Пугачеве
23. Мавлют (Малфут) Аитов, башкир Уфимской провинции
24. Мансур Таймасов, тархан, правящий старшинскую должность в Кара-Табынской вол. Исетской провинции
25. Медет Миндиаров, сын старшины Дуванской вол. Сибирской дороги
26. Мрат Абдалов, башкир Бурзянской вол. Ногайской дороги
27. Мратша Сыртланов, башкир Кыр-Иланской вол. Казанской дороги
28. Муйняк Сулейманов, отставной старшина Усерганской вол. Ногайской дороги
29. Муксин Мадияров, башкир д. Мясегутово Казанской дороги
30. Муртаза Юртаумов, старшина Айлинской вол. Исетской провинции
31. Сайфулла Сайдашев, башкир д. Елпачихи Гайнинской вол. Осинской дороги
32. Салават Юлаев, сын старшины Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дороги, бригадир
33. Сара Абдуллин, старшина Балакатайской вол. Исетской провинции
34. Суяргул Яманаев, башкир Исетской провинции
35. Такшап (Тышкан) Дербьшев, башкир Салзатской вол. Исетской провинции

36. Токтамыш Ижбулатов, старшина Гайнинской вол. Осинской дороги, депутат Уложенной комиссии 1767 г.
37. Трухмень Янсеитов, старшина Бурзянской вол. Ногайской дороги
38. Удюгут (Адигут) Тимясев, башкир д. Елпачихи Гайнинской вол. Осинской дороги
39. Уметей Уразембетев, старшина Сартской вол. Сибирской дороги
40. Утяв Яраткулов, сотник Айлинской вол. Исетской провинции
41. Чагър Иляйманов, башкир Исетской провинции
42. Юлай Азналин, старшина Шайтан-Кудейской вол. Сибирской дороги, главный атаман повстанцев
43. Юламан Кушаев, походный старшина Кара-Табынской вол. Исетской провинции, генерал
44. Якуп Тлеумбетев, мулла Уфимской провинции

Мишари

ГЛАВНЫЕ ПОЛКОВНИКИ (БРИГАДИРЫ)

1. Бахтияр Канкаев, мишар д. Ака (Ока) Сибирской дороги Уфимской провинции
2. Канзафар Усаев, мишарский сотник из д. Бузовьязы Ногайской дороги Уфимской провинции

Калмыки

1. Дербетев Ф. И., войсковой квартирмейстер Калмыцкого корпуса, повстанческий полковник

II. Крестьяне

Государственные крестьяне (приписные к заводам, чернососшные, однодворцы, пахотные и отставные солдаты)

Русские

ПОЛКОВНИКИ

1. Андреев, кр-н Ставропольского уезда
2. Загуменнов Д. М., прип. кр-н Авзяно-Петровского завода

3. Кузьмин П., рудничный приказчик Воскресенского завода.
4. Соколов-Хлопуша А. Т., ссыльный крестьянин Тверского уезда

АТАМАНЫ

1. Давыдов Г., однодворец Бугурусланской сл., депутат Уложенной комиссии 1767 г.
2. Калганов М., кр-н Маслянской сл. Исетской провинции
3. Костромин И., работный Саткинского завода
4. Кузнецов Е. Л., кр-н Ставропольского уезда
5. Ломухин О. Т., кр-н Кинельской сл. Ставропольского уезда
6. Сомов А. И., отставной сержант из Ставропольского уезда
7. Телегин С. И., конторщик Воскресенского завода
8. Тулупов Я., однодворец Бугурусланской сл.
9. Ерусланов А. Д., кр-н Воскресенского завода

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ И ЕЕ АППАРАТ

1. Седачев А., конторщик Вознесенского завода, повытчик Военной коллегии
2. Степанов Г., заводской кр-н, повытчик Военной коллегии
3. Туманов Г., заводской кр-н Воскресенского завода, повытчик Военной коллегии

Татары (государственные крестьяне, тептяри, торговые татары)

ПОЛКОВНИКИ

1. Абдрешит Аитов, ясач. татарин д. Абдуллово Ставропольского уезда
2. Абдулла Токтаров, ясач. татарин Осинской дороги Уфимской провинции
3. Абдулкарим Рахманкулов, мулла с Казанской дороги
4. Ермухаммет (Яркей) Кадырметев, ясач. татарин д. Ижболдино Осинской дороги
5. Муса Улеев, торговый татарин Сеитовой (Каргалинской) сл. Оренбургского уезда
6. Мухаммет Саферов, старшина ясачных татар (тептярей) Исетской провинции
7. Минлигул Кутлуметев, ясач. татарин Казанской дороги
8. Абдулла Мустаев, татарин
9. Салей Кутумаков, татарин

10. **Садык Сеитов**, торговый татарин Сеитовой сл., член «тайного совета» при Пугачеве

Мари

ПОЛКОВНИК

1. **Изибай Акбаев**, кр-н д. Бургашево Осинской вол. Уфимской провинции

Новокрещенные

ПОЛКОВНИК

1. **Торнов В. И.**, перс из с. Лебяжье Ставропольского уезда
2. **Бородин-Шара А. А.**, калмык, крепостной яицкого казачьего атамана

АТАМАН

1. **Дмитриев М.**, перс из Ставропольского уезда

Дворцовые крестьяне

АТАМАН

1. **Вязовов П.**, кр-н Каракулинской дворцовой вол. Уфимской провинции

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3	
I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.		
Глава I. Население и хозяйство в третьей четверти XVIII в.		
§ 1. Административно-территориальное устройство края. Население	24	
§ 2. Организация власти и управления	41	
§ 3. Характеристика важнейших отраслей хозяйства	53	
Глава II. Социальные отношения		
§ 1. Положение государственных, дворцовых, помещичьих крестьян и заводского населения	113	
§ 2. Положение служилого населения, дворянства, купечества	145	
§ 3. Социальный облик старшины служилого населения	185	
Глава III. Характер и формы социальной борьбы трудового населения накануне Крестьянской войны 1773 — 1775 гг.		230
II. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА В БАШКОРТОСТАНЕ		
Глава I. Повстанческое движение на первом этапе Крестьянской войны (сентябрь 1773 — март 1774 г.)		
§ 1. Начало Крестьянской войны. Бердский повстанческий центр	268	
§ 2. Нижнеяицкий повстанческий район	294	
§ 3. Уфимский район народного движения. Чесноковский пов- станческий центр	302	
§ 4. Исетский район восстания. Челябинский повстанческий центр	327	
§ 5. Самаро-Волжский повстанческий район	338	

§ 6. Башкирские повстанческие отряды в Прикамье и на Среднем Урале	346
§ 7. Военные неудачи восставших в марте — апреле 1774 г.	362

Глава II. Борьба народов Башкортостана на втором этапе Крестьянской войны (апрель — середина июля 1774 г.)

§ 1. Комплектование Главного повстанческого войска. Новый подъем народного движения	384
§ 2. Боевые действия Пугачевского войска и его поход к Казани	407

Глава III. Народное движение в Башкортостане во второй половине 1774 и в 1775 г.

§ 1. Восстание в Башкирии в июле — сентябре 1774 г.	430
§ 2. Наступление карательных сил. Последние очаги народного движения в Башкирии	450
§ 3. Расправа властей с повстанцами. Людские потери и материальные убытки населения в период народного движения.	466

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	488
ПРИЛОЖЕНИЕ	502

Гвоздикова И. М.

Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.— Уфа: Китап, 1998.— 512 с.: ил.

Монография посвящена истории Башкортостана третьей четверти XVIII в., периоду, отмеченному значительными успехами в экономике, усилением законодательной и практической деятельности властей по укреплению позиций феодально-крепостнического государства в крае, обострением социальных противоречий, приведших к Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ГВОЗДИКОВА Инга Михайловна

**БАШКОРТОСТАН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА**

Зав. редакцией З. К. Ханова

Редактор Л. О. Хаирова

Оформление художника И. С. Файрушина

Художественный редактор М. Ш. Бишеев

Технический редактор В. Р. Абдрахманова

Корректоры А. В. Ниязова,

О. И. Каюмова

Изд. лиц. № 168 от 10.04.96. Сдано в набор 05.12.97. Подписано к печати 18.08.98.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Бумага офсетная № 1. Гарнитура Тип. Таймс. Печать офсет-
ная. Условн. печ. л. 26,88. Уел. кр.-отт. 26,88. Учетн.-издат. л. 30,29. Тираж 4000 экз.
Заказ № 535.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

